Волшебник на войне

Волшебник в мире

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Волшебник-бродяга

Кристофер Сташеф

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

CHRISTOPHER

STASHEFF

A Wizard in War

A Wizard in Peace

КРИСТОФЕР

СТАШЕФ

Волшебник на войне

Волшебник в мире

ЦИКЛ «ВОЛШЕБНИК-БРОДЯГА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
С11

Серия основана в 1999 году

Christopher Stasheff
A WIZARD IN WAR
1994
A WIZARD IN PEACE
1996

Перевод с английского Н.К. Кудряшова («Волшебник на войне»), Н.А. Сосновской («Волшебник в мире»)

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинкин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Spectrum и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 09.04.02. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 10 000 экз. Заказ № 302.

Сташеф К.
С11 Волшебник на войне. Волшебник в мире: Из цикла «Волшебник-бродяга»: Фантаст. романы / К. Сташеф; Пер. с англ. Н.К. Кудряшова, Н.А. Сосновской. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 590, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-014033-9

Сын легендарного «чародея поневоле» Магнус — это, что называется, оригинальное слово в искусстве Высокой магии!

Есть, знаете, масса чародеев, бродящих из мира в мир во исполнение своей высокой миссии... а вот как насчет волшебника, что бродяжничает В ПОИСКАХ этой самой миссии — а найти ее ну никак не может?..

Есть, знаете, просто куча магов, готовых сей секунд пустить свое искусство в ход во имя благого дела... а вот как насчет волшебника, что во имя благого дела чародействовать КАК РАЗ НЕ НАМЕРЕН?..

Это — блистательный сериал Кристофера Сташефа.

Самая забавная смесь фэнтези и фантастики, невероятных приключений и искрометного, озорного юмора, какую только можно вообразить.

Вы смеялись над славными деяниями «чародея поневоле»? Тогда не пропустите сногсшибательную сагу о странствиях ВОЛШЕБНИКА-БРОДЯГИ!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

Valhalla Club
HALAV

© Christopher Stasheff, 1994, 1996
© Перевод. Н.К. Кудряшов, 2002
© Перевод. Н.А. Сосновская, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Волшебник на войне

1

Когда Дицея услышала наконец приближение рыцаря, было слишком поздно. Обидно: ведь тот смеялся и шутил со своей дружиной, а когда она в страхе отвернулась лицом к стене, он ее уже заметил.

— *Хой-ла!* — вскричал он. — Поди-ка сюда, красотка!

Она перепуганно отпрянула в сторону.

— Приведи ее, Барл, — приказал тот одному из своих. Солдат, ухмыляясь, шагнул к ней, широко раскинув руки. Дицея с жалобным криком вжалась в стену, закрыв лицо руками.

И тут Колл, ее брат, не выдержал. Бросившись между Дицеей и солдатом, он с размаху двинул того кулаком в зубы. Солдат едва успел удивленно крякнуть — где это, в конце концов, слыхано, чтобы сервы давали отпор господину! — и с закатившимися глазами осел на землю.

Рыцарь разом побагровел от ярости.

— Убить его! — Кому, как не ему, было знать, что сервам не позволено огрызаться...

Сразу четверо солдат бросились на Колла. Его охватил ужас: он понимал, что единственный его шанс на спасение — это убить их первым. Он прыгнул навстречу тому, что оказался ближе, и замахнулся кулаком, якобы целя в лицо. Солдат был уже наготове и прикрылся от удара, но Колл сделал ему подсечку и одновременно, ухватившись за копье, сильно дернул. Солдат повалился, оставив оружие у него в руках, и Колл

тут же замахнулся им на остальных. Те отпрянули, ибо понимали, что может натворить зазубренное острие и как мало защищают от него их кожаные доспехи. Они оправились почти сразу же, со злобным криком наваливаясь на него снова, но и этой заминки хватило, чтобы Колл, пригнувшись, добил упавшего солдата.

Рыцарь взвыл от ярости, и его люди бросились в атаку. Колл прыгнул навстречу, отбил удар солдата справа и тут же двинул его в пах тупым концом копья так, словно это была длинная дубина. Вообще-то сервам не дозволено драться даже оглоблями, но — ясное дело — Колл с дружками баловались этим тайком. Разделавшись с правым, он повернулся к среднему. Взмах копьем, солдат парировал удар, отбив копье вниз, — и тут Колл в нарушение всех правил двинул ему в зубы кулаком.

При виде уже третьего упавшего солдата рыцарь взревел еще громче и пришпорил своего коня. Колл едва успел отскочить в сторону — не слишком удачно, ибо в результате оказался спиной к остальным солдатам.

— Сзади! — крикнула Дицея, и Колл успел повернуться вовремя, чтобы отразить их атаку. Он успел вонзить копье в одного из нападающих, когда рыцарь повернулся и с искаженным от ненависти лицом направил коня прямо на него.

— Беги! — взвизгнула сестра. — Ну же, Колл, беги!

Каждая клеточка его тела требовала, чтобы он остался и дрался, но рыцарь уже замахивался на него мечом, так что рассудок перевесил бушевавший в нем гнев. Он уклонился от удара в самое последнее мгновение и бросился в просвет между крестьянскими хибарами. Рыцарь повернул коня в погоню, и глазевшие на поединок сервы бросились врассыпную из-под копыт. Виляя как загнанный заяц, Колл пронесся между домишками и вылетел на узкую полоску земли, отделявшую деревню от леса. Грохот копыт неумолимо приближался, и ему казалось уже, что он ощущает на спине горячее дыхание ска-

куна. Он ворвался в лес, опередив коня на каких-то десять футов, и устремился в спасительный зеленый полумрак. По крайней мере на какое-то время лес обещал ему безопасность. Надолго ли — другой вопрос.

Где-то за спиной рыцарь, выругавшись, натянул поводья, останавливая коня.

— Давай, дурак, беги на здоровье! — рявкнул он вдогонку. — Из тебя выйдет знатная дичь для князя и его рыцарей — никакому оленю не сравниться! Вот уже мы тебя выследим да заколем, как свинью... ты меня слышишь, а, свинья?

Колл бежал, петляя между деревьями, на бегу кляня себя за глупость. Он убил двух солдат, так что охотиться на него будут всерьез, без дураков. Все рыцари на много миль вокруг не пожалеют сил, чтобы выследить и примерно наказать дерзкого серва, что посмел ударить господского солдата. Он не совладал со своим характером, он не удержался от попытки защитить младшую сестренку; он, считай, уже покойник или в лучшем случае беглый преступник — это если ему удастся перехитрить рыцарей и их ищеек. И чего он этим добился? Рыцарь все одно получит Дицею, только теперь он, поди, грубо изнасилует ее в отместку за брата, тогда как могло бы обойтись почти без насилия... у знати это считается едва ли не галантным обхождением. А уж за жизнь Колла, если кому удастся его поймать, и гроша ломаного не дашь.

Колл решил не давать им и этого.

Дирк Дюлейн с отвращением покосился на обзорный экран.

— Вот так ты и решаешь, народам каких планет помогать? По случайному выбору?

— Ну, не по «случайному». — Магнус д'Арман оторвался от штурманского дисплея и повернулся к другу. — Я исключаю все планеты, на которых существуют и соблюдаются твердые нормы прав человека.

— Ну, здорово! Значит, ты ограничиваешь число кандидатур теми, кто нуждается в помощи, да? А потом? Что потом-то? Берешь ту, что к тебе ближе? Почему тогда просто не бросить кости... или, скажем, не писать названия планет на мишени для дартса?

— А что бы ты посоветовал?

— Я? Ну, не знаю... Может, по степени остроты проблемы?

— Что ж, мысль интересная. — Магнус задумчиво почесал подбородок, уставившись куда-то в пространство. — По каким только критериям ее оценивать, эту остроту? По степени беспардонности властей?

— А почему бы и нет? А ее как рассчитывать?

— Хороший вопрос... Ну, ясное дело, в истории одни правительства вели себя беспардоннее других. Предоставленная самой себе аристократия всегда эксплуатирует личность сильнее, чем при монархии. Король все-таки удерживает своих нобле́й в каких-то рамках — по крайней мере человек, пострадавший от своего сеньора, может апеллировать к королевскому правосудию. Римские диктатуры, конечно, являлись потенциально тяжким бременем для подчиненных, однако на деле дружки патриции тоже сдерживали диктатора, особенно в Сенате. Ну и, конечно же, тираны античной Греции...

— Верю! Верю! Убедил! — Дирк поднял руки вверх. — Этак мы можем весь день спорить и не договориться! Любую форму правления можно сбалансировать местными факторами.

— Ну я же не говорил, что все это выходит просто так, само собой, — возмутился Магнус. — Впрочем, любой принцип хорош, только бы он помог нам выбрать тех, кому наша помощь важнее всего.

— Все верно. Вот только пока мы будем вычислять такую планету, на ней могут погибнуть тысячи невинных. Я же вижу, что ты делаешь, — уж лучше спасти хоть нескольких сейчас, чем никого позже. Пусть при этом мы спасем и не самых нуждающихся.

— Самых нуждающихся? Ба, да так и нужно! — Магнус даже в ладоши захлопал от удовольствия. — Коэффициент людского отчаяния! Его-то уж подсчитать не так трудно. Эй, Херкимер, покажи-ка нам несколько примеров отчаяния.

Часом спустя Дирк, дрожа и заметно побледнев, отложил свой блокнот с карандашом.

— Все, сдаюсь. Если бы моей планете пришлось ждать, пока ты дойдешь до конца этого своего списка человеческих горестей, ты бы не взялся за нее на протяжении поколений пяти — это как минимум.

— Э нет, в твоей идее что-то есть, — не сдавался Магнус, хотя вид и у него был не самый бодрый. — Должен же иметься какой-то способ определять, какие из этих бедолаг еще несчастнее остальных!

— Право, не вижу, чем одни господские притеснения у последней дюжины примеров отличаются от других, — возразил Дирк. — Все эти бедняки живут, как скот, в хижинах, построенных из жалких остатков урожая, все они мерзнут зимой, страдают от зноя летом, а голодают весь год напролет. Они мрут от цинги и бери-бери, не говоря уже о дюжине других заболеваний, связанных с нехваткой витаминов, а мозги их развиты лишь наполовину из-за недоедания в детстве. Их господа заставляют их работать палкой и кнутом, насилуют тех немногих красоток, которые у них рождаются, и карают малейшее сопротивление смертью, столь жестокой, что я не называю ее варварской единственно из нежелания обидеть варваров. Так займись же первой попавшейся из них, Магнус, прошу тебя! Нужно же нам вырвать этих бедолаг из этого кошмара, а то я до конца своих дней спать спокойно не смогу!

— Что ж, я согласен. — Магнус даже вспотел от волнения. — И все-таки ты здорово придумал с коэффициентом отчаяния. Уж дюжину-то самых тяжелых случаев мы с тобой точно нашли.

— Что верно, то верно. По крайней мере мои соотечественники не голодают, одеваются не в самую рвань, а господа выбирают только самых хорошеньких девиц, да и не насилуют их, а соблазняют с подобающей куртуазностью. Ну, конечно, унижают нас на каждом шагу и вообще держат за полудурков, но все-таки мы живем не в такой нищете, как эти! Стыдно признаться, мы сами не сознаем, как нам повезло!

— Нет, — покачал головой Магнус. — Вы просто не сознаете, как не повезло другим или как могло не повезти вам самим. Что ж, для начала займемся той планетой, которая не вылезает из войн. Правда, сейчас там как раз затишье, так что знати нечем заняться, кроме как еще усерднее мешать своих сервов с грязью. Как ты посмотришь на то, чтобы устроить на планете Мальтруа небольшую революцию?

— *Небольшую?* Нет уж, давай лучше побольше! Самую большую, на какую у нас хватит сил!

— Э нет. Такая приведет разве что к смене господ, — уверенно заявил Магнус. — Не говоря уж о том, что смена господ будет сопровождаться такой кровавой баней — мало не покажется. Нет, маленькая революция может прямо сейчас заметно улучшить жизненные условия, а с каждым новым поколением они будут делаться еще лучше. Херкимер, проложика нам курс на Мальтруа.

Дирк, нахмурившись, опустился в свое кресло.

— Не понимаю, как это маленькая революция может привести к большим изменениям?

Магнус пустился в объяснения, Дирк продолжал задавать вопросы, так что их разговор становился все оживленнее. Впрочем, Магнусу удалось более или менее завершить его ко времени, когда их корабль через пять дней вышел на орбиту Мальтруа.

Гвардейцы выстроились вокруг королевского герольда плотным каре и проводили его в залу, где восседал в своем кресле резного дуба сам эрл Инсол. Что ж, намек был — яснее

некуда: ежели слова гонца оскорбят благородного эрла, почетный эскорт мгновенно превратится в конвоиров... если не палачей. Дабы скрыть раздражение, королевскому гонцу пришлось изобразить на лице учтивую улыбку. Не осмелится же этот дерзкий аристократ противиться его величеству!

Правда не осмелится?

Как бы то ни было, он расправил плечи. Двое гвардейцев шагнули в стороны, оставив его лицом к лицу с эрлом. Кланяться он подчеркнуто не стал.

— Добрый день, милорд.

Инсол нахмурился: герольд много себе позволял, заговорив первым. Не иначе этот болван воображает себя воплощением пославшего его короля... ну уж по меньшей мере ровней ему, эрлу.

— Ну и что там говорит король? — спросил он, так же подчеркнуто обойдясь без церемонных приветствий, взаимных представлений и всякой подобной чепухи. Герольд подавил острое желание нахмуриться в ответ на такую бесцеремонность. Ужели их светлости неизвестно, что он оскорбляет этим не только герольда, но и того, кто его послал?

— Его величество послал меня поговорить с вами о некоем Багателе, милорд, торговце тканями и одеждой.

Глаза эрла вспыхнули: это имя было ему знакомо.

— Трус из простолюдинов? Ну и что там с ним?

— Этот Багатель обратился к нашему благородному королю, повелителю Аггранда, с челобитной. Он утверждает, будто его товар украли, а его самого избили, и что это сделали лично вы, милорд эрл. Его величество вызывает вас к своему двору, дабы услышать из ваших уст, правда или нет, что вы нарушили установленный королем порядок, обойдясь столь грубо с одним из подданных его величества.

С минуту эрл сидел молча.

— Вызывает? — спросил он наконец. — Уж не хочешь ли ты сказать, что этот сопляк *вызывает* эрла на двадцать лет старше его самого?

Герольд покраснел: ему и самому едва исполнилось двадцать.

— Он король!

— Ну да, и дерзкий выскочка при этом, — откликнулся эрл. Голос его сделался вдруг вкрадчиво-бархатистым. — Он что, не мог пригласить меня как дворянин дворянина? Или дождаться моего визита?

— Он не обязан! Он король, и все его подданные должны повиноваться ему! — Впрочем, происходящее нравилось герольду все меньше.

— Что ж, настало время этому наглому недорослику усвоить, что у власти его имеется предел! — рявкнул эрл. — Эй, стража! Отведите эту нахальную балаболку на конюшню, да сорвите с него эти золотые одежды!

Оказавшись в грубых лапах гвардейцев, герольд смертельно побледнел.

— Как смеете вы дерзить своему господину и повелителю?

— Легко, — ухмыльнулся эрл, и лицо его приобрело выражение голодного волка. — Только не начинайте порку до моего прихода, ладно?

Впрочем, он пришел довольно скоро и, ухмыляясь, смотрел на то, как гвардейцы кулаками перебрасывают герольда от одного к другому, словно мячик. Он смотрел, как палач порет юнца, как его слуги натянули на того драные крестьянские портки, вывели во двор и усадили, голого по пояс, на спину ослу. Дождавшись, пока его привяжут к ослиной спине как следует, эрл подошел к нему и крепко взял его за подбородок.

— Передай своему господину, что он много себе позволяет. Передай ему, он не вправе вызывать своих дворян, но должен приглашать их со всей подобающей учтивостью. Скажи ему, пусть следит за своими манерами, пока его нобли не обрушились на него, как обрушились некогда на его деда, — загнали его кнутом в собственное поместье, чтобы сидел и не высовывался!

Сказавши это, он отпустил герольда и с размаху вытянул осла плетью по ляжкам. Скотина взревела от боли и понеслась прочь со двора, не оставив несчастному герольду ничего, кроме как из последних сил цепляться за его гриву. Верховые со смехом поскакали следом, хлеща осла всякий раз, как тот сворачивал с дороги, ведущей к королевскому дворцу.

— Король не спустит такого оскорбления, милорд, — негромко заметил старший из рыцарей, глядя вслед ослу и его избитой, окровавленной ноше.

— Конечно, не спустит, — согласился эрл. — Он пойдет на нас войной — вот тогда мы его и высечем как сидорову козу. — Он пожал плечами. — Рано или поздно его пришлось бы проучить, сэр Дурман. И по мне так лучше не откладывать с этим: чем дальше от коронации, тем больше он о себе возомнит. — Он в последний раз посмотрел вслед скрывающемуся за поворотом ослу и повернулся к рыцарю. — Разошли весть об этом происшествии всем графам и эрлам королевства — пусть готовятся к войне.

Пока Коллу удавалось убегать от гончих, но колени его медленно, но верно слабели, да и все тело сковывало усталостью. Всю ночь он пробирался по лесу, пытаясь сбить с толку погоню, и все же ближе к полудню, когда даже древесные кроны почти не защищали от палящих солнечных лучей, гончим удалось напасть на его след. Они еще не нагнали его, но это было лишь вопросом времени. Их лай становился громче с каждой минутой.

В последней отчаянной попытке оторваться от погони Колл прыгнул в ручей. Вода в нем была, как и положено по весне, ледяной, и он понимал, что не сможет долго брести по ней: ноги онемеют. И все же он продолжал упрямо двигаться вниз по течению, ругаясь, дрожа от холода, оглядываясь в поисках хоть какого пути к спасению...

И тут он увидел его: из воды торчал здоровенный камень, прямо над которым свешивался сосновый сук! Скользя и плю-

хаясь обратно в воду, Колл пытался забраться на камень, и это ему наконец удалось. Он распрямился на нем во весь рост и, дрожа от холода, усталости и напряжения, вытянул копье вверх и зацепился поперечиной острия за развилку сука. Что ж, если выдержит поперечина, и сук, и его руки...

Ничего не выйдет. Он слишком изможден погоней; у него едва хватало сил, чтобы не выпускать копье из рук. Подтянуться и влезть на сук он не сможет никак.

И тут собачий лай раздался вдруг совсем близко. Он даже мог разобрать, что кричали загонщики:

— Ату, Бьюти! Ату, Мервель!

— Переведите половину гончих на тот берег! — Это кричал уже сам рыцарь. — Ищите с обеих сторон, пока не найдете место, где он вышел из воды!

Черт, как близко! Отчаяние придало силы его усталым рукам. Перехватываясь руками все выше и выше, Колл карабкался вверх по древку копья до тех пор, пока не зацепился пальцами за шершавую кору и проворно, белкой, не вскарабкался на сук. Цепляясь одной рукой за мелкие ветки, он другой поднял копье и затаился. Дыхание его постепенно успокаивалось, но страх все не унимался: свора приближалась, приближалась...

И пронеслась по самому берегу — меньше чем в пяти ярдах от того места, где он лежал, схоронясь в хвое! Колл до боли стискивал ветки и копье, молясь, чтобы ветер не донес его запах до собак. Должно быть, святые все-таки услышали его, ибо гончие миновали сосну и с лаем понеслись дальше, подгоняемые окриками псарей и загонщиков.

А потом они скрылись из виду.

Еще некоторое время Колл цеплялся за ветки, задыхаясь и сдерживая всхлипы, ибо понимал, что, стоит ему позволить вырваться хоть одному, и он уже не остановится, а любой звук до сих пор мог выдать его. К тому же свора в любую минуту могла вернуться.

И она вернулась. Снова он цеплялся изо всех сил, стараясь дышать как можно тише, надеясь на невозможное: чтобы они опять пробежали мимо.

Они пробежали мимо. Он шепотом сотворил молитву доброму и всепрощающему Богу и лишился чувств.

Глубокой ночью одинокая звезда отцепилась от небосклона и, обращаясь по спирали, устремилась к земле. По мере ее приближения стоявший на земле наблюдатель мог бы заметить, как из заурядной звезды она превращается в большой золотой диск.

Но, разумеется, никаких наблюдателей в тот поздний час на земле не случилось, если не считать небольшого табуна одичавших лошадей, спящих на краю болотистой пустоши. Собственно, именно отсутствие свидетелей и было причиной, по которой корабль приземлялся посередине этой пустоши. Второй причиной стали лошади.

Сегмент обшивки корабля выдвинулся и лег одним концом на землю, образовав трап для Дирка и Магнуса.

— Ладно, — вздохнул Дирк, надеясь, что ничем не выдает своего волнения. — Как мы это проделаем?

— Ты хочешь сказать, тебе никогда прежде не приходилось ловить лошадей?

— Только приученных. — Дирк помахал в воздухе веревкой, которую держал в руках, и скептически покосился на нее. — А что мы будем делать с дикими?

— Убедим их в том, что мы их друзья и они просто счастливы будут везти нас туда, куда нам нужно. Это как раз легкая часть задачи.

— *Легкая* часть? — ахнул Дирк. — Что же тогда считается *сложной*?

— Добиться шанса быть представленными. — Магнус повозился со своей веревкой, делая из нее подобие аркана. — Сейчас покажу, как это делается. — Он зашагал к лошадям, и

Дирк, несмотря на продолжавшие терзать его сомнения, двинулся за ним.

Подойдя к лошадям ярдов на пятьдесят, Магнус замедлил шаг. Дальше он двигался почти крадучись — медленно и бесшумно.

Ночной ветерок сменил направление, и жеребец-часовой поднял голову, встревоженно раздувая ноздри, и посмотрел прямо на Магнуса.

Магнус замер, глядя на него.

На глазах у Дирка жеребец успокоился и опустил голову — Магнус, телепат и большой дока по использованию почти всех видов психической энергии, известных мужчинам (и вдобавок изрядной доли известных женщинам), мысленно связался с жеребцом, успокаивая его. Больше того: тот опустил голову и уснул.

— А теперь, — чуть слышно прошептал Магнус, — мы выберем себе тех, что нам нравятся, и накинем им на шею лассо.

— Ты хочешь сказать, *ты* накинешь, — поправил его Дирк.

Часовые у моста заметили возвращавшегося герольда еще за милю — точнее, заметили ослика, тащившего кого-то на спине. Подозрения вызвал не сам осел, а сопровождавшие его двое всадников, почти сразу же развернувшихся и уехавших в направлении, откуда появились. Часовые доложили об этом начальнику караула, и тот выслал двух верховых проверить, что же такое тащит осел. Когда они поняли, в чем дело, один из них остался на месте в попытках оживить герольда, а второй поскакал обратно с новостями.

Молодой король сам спустился к воротам встретить герольда. Черные брови гневно сдвинулись при виде синяков, ссадин и кровавых следов от плети у того на спине. Собрав остаток сил, герольд поднял голову и встретился с ним взглядом.

— Ваше... величество... — с трудом прохрипел он. — Эрл Инсол сказал... что вы... вы не должны выходить... за пределы своей власти...

— У королевской власти нет предела! — Его величество наотмашь хлестнул герольда по избитому лицу; голова у того мотнулась, и он свалился бы с осла, не будь накрепко привязан к его спине. Король брезгливо отвернулся. — Отнесите его в постель и проследите, чтобы его лечили.

Герольд жалобно прохрипел что-то.

— Ваше величество, — вмешался начальник стражи. — Вы не желаете узнать остальную часть послания?

— Я и так ее знаю. По его виду, — фыркнул король. — Эрл Инсол не явится ко мне — что ж, я сам явлюсь к нему со своей армией! Разошлите курьеров ко всем рыцарям моих земель: пусть незамедлительно прибудут ко двору, каждый с сотней дружинников!

— Как угодно вашему величеству. — Лицо начальника стражи оставалось бесстрастным, ничем не выдавая сомнений. — Прикажете вызвать также ваших дворян?

— Дворян? Болван, да мои дворяне скорее выступят против меня! Кто как не дворяне унизили моего деда, и именно дворян надлежит проучить как следует — пусть знают мою власть! Не для того ли мой отец все годы своего правления наращивал число рыцарей у себя на службе? Вот и настал час использовать их! И эрл Инсол станет первым! Зови моих рыцарей и их дружинников, и мы покажем ему, что есть предел и *его* власти!

Колл скорчился меж камней, наблюдая за одиноким монахом — тот верхом на осле приближался к его холму. Колл следил за ним голодным взглядом — на голодный желудок. О, ел он в последнее время лучше, чем за всю свою жизнь серва, гораздо лучше, — но он с радостью променял бы все свежее мясо на постную кашу, но в хорошей компании.

Ну что ж, это ему пока было заказано, но в очень скором будущем кое-какая пожива ему все-таки светила. Черт, может, даже две! Это казалось невероятным, но за месяц, что он скрывался в этих диких местах, он узнал, что жизнь порой подбрасывает и не такие сюрпризы. Миновала уже неделя с тех пор, как по этой тропе проходил кто-то, заслуживающий ограбления, а отобранная у того еда кончилась еще два дня назад, и за эти два дня он не ел ничего, кроме мелких грызунов, что рыли норы у подножия холма, да еще ястреба, который на них охотился, но сам стал добычей. Зато теперь, словно по прихоти судьбы, по тропе приближались сразу трое — двое с востока и еще один с запада! Дорога огибала холм, так что они еще не видели друг друга. Колл решил, что успеет ограбить монаха прежде, чем покажутся рыцари, — хотя ему наверняка придется спускаться с холма тайной тропой с другой его стороны, ибо рыцари неминуемо пустятся в погоню за ним, как только ограбленный фриар нажалуется им. Хорошо еще, они оба были не в броне, однако по их одежде и выправке Колл безошибочно распознал в них рыцарей или по крайней мере ривов. Не то чтобы он их боялся, но удача всегда может отвернуться в самый неподходящий момент. С одним бы он справился без особого труда — за последний месяц он здорово поднаторел в спешивании конных рыцарей. Но связываться с двумя разом было бы рискованно.

Что ж, решено! Ограбить монаха и живо сматываться. Проворно, не уступая в ловкости местным хомячкам, Колл спустился с холма. Теперь он уже хорошо знал дорогу, помнил наперечет все камни, за которые можно было хвататься и за которые не стоило. У подножия холма он схоронился за двумя лежавшими друг на друге валунами — собственно, холм был скорее не холмом, а поросшей лесом, выветренной скалой — и принялся ждать.

Монах неспешно приближался на своем ослике, распевая во все горло балладу довольно фривольного содержания. Колл

выпрыгнул на дорогу, угрожающе выставив перед собой копье. Осел попятился, а монах торопливо потянулся к своему кошельку.

— Не бей меня, дикарь, не надо! Я отдам тебе весь свой кошель, всю медь, что там, даже одну или две серебряные монеты!

— На кой ляд мне твои деньги? — фыркнул Колл. — Где мне их тратить? Нет, толстяк, мне нужна твоя седельная сума! Хлеб, и сыр, и вино, и все, что у тебя там есть такого, чтобы набить пузо!

— Пузо? О, для пуза твоего у меня найдется кое-что получше — здесь, под рясой! — Монах повозился рукой у себя под рясой и вдруг, распахнув ее, выхватил спрятанный меч, под коричневой тканью зловеще блеснула кольчуга, а на месте откинутого клобука показался стальной шлем. — Отведай-ка моей стали, разбойник! — вскричал он. — Эгей, люди! А ну взять его!

Они посыпались разом со всех сторон — дюжина солдат в кожаных доспехах и стальных касках. Должно быть, они сидели, схоронившись за камнями, с самой ночи, мигом сообразил Колл, бросаясь назад. Рыцарь прислал их сюда ночью, а сам приехал с рассветом, чтобы Колл не успел обнаружить засаду.

Однако члены их затекли от долгого сидения за камнями, а Колл был легок и быстр. Они ринулись за ним вверх по склону, спотыкаясь, поскальзываясь и ругаясь. Колл навалился всем весом на один из неустойчивых валунов, и рыцарь даже закричал от досады, когда каменная махина сдвинулась с места и, набирая скорость, покатилась вниз, прямо на него. Ему пришлось на время забыть про Колла и отъехать на своем осле в сторону. Но солдаты, увы, увернулись без особого труда и навалились на него.

С замиранием сердца Колл понял, что ему пришел конец, — странное дело, он испытал даже изрядное облегчение от того, что это означало одновременно конец его одиноким скитаниям, и свире-

пую радость от того, что это давало ему шанс поквитаться напоследок с рыцарем и его холопами. Он вознес к небу последнюю короткую молитву, моля о прощении за смерть людей, которых убьет в безнадежной попытке спасти собственную жизнь, потом раскрутил над головой свою пращу и метнул камень. Булыжник размером с гусиное яйцо угодил ближнему к нему солдату прямо в лоб, и тот опрокинулся навзничь. Колл бросил бесполезную пращу и, отбив удар следующего солдата, сам полоснул его острием копья по руке. Тот взвыл и покатился вниз по склону, однако это высвободило больше места для остальных восьми, и они навалились на Колла кричащей толпой. Он размахивал своим копьем, отбивая чужие удары и сам нанося их, пока его не выбили из его рук. А потом четыре крепкие руки схватили его сзади за локти и плечи, сверкающий меч замахнулся, целя ему в живот...

Громкий крик почти оглушил его, солдаты брызнули в стороны, чьи-то косматые лошаденки потрепали их напоследок зубами и копытами — и Колл вдруг остался стоять один-одинешенек. Половина солдат валялась на земле, а другая поспешно отступала, теснимая двумя верховыми.

— Стой здесь, — бросил ему тот, что был ниже ростом, и Колл даже не поверил своим ушам. — И подними свое копье. С нами троими им не справиться.

Тот, что повыше — да нет, не просто повыше, а настоящий великан! — тем временем остановился перед взбешенным от такого бесцеремонного вмешательства рыцарем в монашеской рясе.

— Кто вы такие, что осмеливаетесь отбивать у нас этого разбойника?

— Сами разбойники... хотя и одетые получше. — Здоровяк спешился. — Я, конечно, разбойник, но был некогда рыцарем, так что сражаться со мной тебе не зазорно. Впрочем, делать это верхом на лошади против твоего осла было бы нечестно, да и просто недостойно, так что мы сразимся пешими, верно?

Все еще наряженный монахом рыцарь смерил взглядом его рост — добрых семь футов, да и плечи шириной с хороший жернов — и отступил на несколько шагов.

— Но ты гораздо больше меня!

— Верно, но ты в броне, а я нет. — Здоровяк поднял шпагу. — *En garde!*

2

Рыцарь злобно выругался и пришпорил своего осла. Его солдаты отозвались нестройным боевым кличем и устремились на спутника великана.

Колл тоже чертыхнулся и прыгнул, прикрывая незнакомца со спины. Некоторое время он орудовал копьем как шестом, отбивая один удар за другим. Ослик, однако, оказался разумнее своего седока: он покосился на возвышавшегося перед ним человека-стену с мечом и сел, не тронувшись с места. Рыцарь выругался еще злобнее и наполовину свалился, наполовину спешился со своей скотины. Великан рассмеялся и, шагнув вперед, сделал выпад мечом. Он замахивался явно вполсилы, но и этого хватило, чтобы заставить рыцаря обороняться своим мечом. После этого оба взялись за дело уже серьезнее.

Колл отразил еще два удара — не слишком, впрочем, удачно: один из них оцарапал ему руку. Он не обратил на это никакого внимания, ибо мало заботился о том, какой именно удар убьет его: он знал, что погиб, с того самого мгновения, как мнимый монах выхватил меч. На какие-то полсекунды его противники ослабили натиск, и он с размаху ударил тупым концом своего копья. Древко угодило левому нападавшему в живот; тот, охнув, согнулся и упал — и его место сразу же занял другой. Колл едва успел отбить удар справа, и тут же ему пришлось отражать атаку слева, потом прямо перед со-

бой... Враг не давал ему передышки. Он отпрянул вправо, врезал древком по плечу солдата, начинавшего замахиваться для нового удара. Вскрикнув от боли, солдат выронил свое копье, а Колл уже припал на колено, поднырнув под удар справа. Острие вражеского копья оцарапало ему щеку, но он, сморгнув навернувшиеся от боли слезы, ударил копьем снизу вверх того, что надвигался на него спереди. Копье погрузилось в податливую плоть; одновременно он толкнул солдата плечом, швырнув на копье того, что стоял за ним.

Теперь у Колла оставалось только двое противников. Один напал на него сбоку, больно огрев его по плечам. Колл врезал ему древком ниже пояса и тут же взмахнул острием копья как мечом, резанув по руке солдата, нападавшего на него справа. Тот завопил и, зажимая рану, отшатнулся назад, споткнулся об одного из своих товарищей и упал.

А потом все вдруг стихло, только двое рыцарей остались перед Коллом. Незнакомец пониже стоял в окружении трех валяющихся на земле тел. С рукава его капала кровь, лицо было оцарапано, но это не помешало ему одарить Колла веселой, уверенной улыбкой. Колл невольно улыбнулся в ответ. Оба повернулись смотреть поединок, готовые в любой момент броситься на помощь.

Помощи, впрочем, не требовалось: великан наверняка одержал бы уже безоговорочную победу, когда бы его противник не носил доспехов. Даже так кровь уже просачивалась сквозь звенья кольчуги. Правда, камзол великана тоже покрылся кровавыми пятнами, но не следует забывать, что он бился всего лишь шпагой и кинжалом, тогда как рыцарь орудовал двуручным мечом.

— Таким только дубы валить! — буркнул великан, отпрыгивая от особенно яростного удара. Не встретив сопротивления, меч обрушился на землю, рыцарь пошатнулся, теряя равновесие, и тут его соперник подтолкнул его! Рыцарь с криком и лязгом упал, но быстро перекатился на спину, наугад

отмахнувшись мечом. Великан парировал удар, сменив ему направление. Меч вонзился в землю, и великан наступил на него тяжелым башмаком. Рыцарь выругался, попытался высвободить оружие — и тут же застыл, ибо острие шпаги, не дрожа, уставилось в прорезь его забрала.

— Сдавайся, — негромко произнес рослый незнакомец. — Сдавайся, или я ударю.

Рыцарь снова выругался.

— Ну, бей же, трус! — выкрикнул он.

Незнакомец грозно нахмурился, но кончик его шпаги не шелохнулся.

— Дирк, — сказал он, не оборачиваясь. — Обдерешь этого лобстера для меня, ладно?

— Давай, — бросил Коллу тот, кого звали Дирком, склонился над рыцарем и принялся расшнуровывать его доспехи. Тот ругался как сапожник, но пошевелиться не осмеливался, ибо шпага продолжала целиться ему в глаза. Колл ухмыльнулся и подошел помочь Дирку.

Они отшвырнули броню в сторону, открыв взгляду мускулистое тело в пропотевшей и окровавленной нательной рубахе.

— Теперь шлем, — скомандовал здоровяк и отодвинул конец шпаги на пару дюймов, позволяя Дирку стащить с поверженного неприятеля шлем. Рыцарь оказался светловолосым, с жестким лицом, шрамом на верхней губе и убийственным взглядом ледяных серых глаз.

— Назад, — скомандовал верзила.

— Как скажешь, Гар. — Дирк сделал шаг назад.

Гар тоже отошел.

— Вставай, — сказал он, обращаясь к рыцарю. — Встань и возьми свой меч. — Он отвел шпагу в сторону.

Не веря своим ушам, рыцарь уставился на него. Потом, злобно рассмеявшись, вскочил на ноги, схватил свой меч и сделал выпад.

Гар отклонился назад, и клинок просвистел в каком-то дюйме от его груди. Прежде чем рыцарь успел опомниться, Гар прыгнул вперед, перехватил того за запястье одной рукой, а за локоть — другой. Рыцарь вскрикнул от боли и неожиданности; Гар вывернул ему руку, и меч выпал из онемевших пальцев, вслед за чем верзила отпустил рыцаря и отступил назад.

— Сын заразной шлюхи! — выкрикнул тот, растирая руку и испепеляя Гара свирепым взглядом.

— Рад познакомиться. — Гар церемонно поклонился. — Что же до меня, я сын дворянина.

Лицо рыцаря побагровело от оскорбления — его же собственного, но обернувшегося против него самого. Он выкрикнул что-то нечленораздельное, бросился с голыми руками на Гара, но вдруг, передумав, развернулся и напал на Дирка.

Колл стоял, как окаменев, потом, опомнившись, крикнул, предупреждая того об опасности. Но Дирк уже выбросил вперед руки, перехватил того на полпути, а потом с размаху ударил кулаком в зубы. Рыцарь резко остановился, пошатнулся, упал и остался лежать.

— Извини, — перевел дух Гар.

Дирк пожал плечами.

— Всякое бывает. Только на будущее брось свои каскадерские штучки и просто дерись, ладно?

— Приму к сведению, — кивнул Гар и повернулся к Коллу. — Надеюсь, ты стоил этих хлопот, незнакомец.

— Не говоря уже о нескольких ранах — правда, несерьезных, — добавил Дирк, тоже поворачиваясь к нему. — Ну, конечно, тебе тоже досталось. Так кто ты такой?

Колл ошеломленно смотрел на него — до него только что дошло, что спасли его два совершенно незнакомых ему человека.

— Всего лишь Колл, — ответил он. — Всего лишь беглый серв и убийца. — Он отсалютовал своим копьем. — Я благодарен вам за вашу помощь, но... но зачем?

Гар не обратил на копье ни малейшего внимания.

— Нам не нравится, когда на одного наваливается целая толпа.

— Совсем не нравится, — подтвердил Дирк. — Ну, конечно, нам нужен провожатый. Видишь ли, мы люди городские, вот и решили, что мы избежим многих неприятностей, будь с нами кто-то, хорошо знакомый с этими краями.

— Ну... Я могу запросто водить вас по здешним местам в округе миль десяти, — со вздохом признался Колл. — Это-то я за месяц жизни в бегах неплохо изучил. А вот дальше — дальше я знаю не больше вашего. И если дворяне прознают, что вы укрываете беглого преступника, это может стоить вам головы!

— Пусть сначала до нас доберутся, — пожал плечами Дирк. — И потом, откуда нам знать, что ты преступник? Ты просто встретился нам на пути — откуда нам знать?

Гар достал из седельного мешка штаны и куртку.

— Скажи на милость, разве опознает кто-нибудь в человеке, одетом в такую одежду, беглого преступника?

Колл изумленно выпучил глаза.

— Это мне?

— Ну, конечно, тебе придется прежде умыться как следует. — Дирк достал из своего мешка какую-то бутылку и направился к Коллу, на ходу смачивая жидкостью из нее тряпку. — И потом, надо посмотреть эти твои порезы. Потерпи, это будет щипать.

Колл подозрительно покосился на тряпку, но послушно остался на месте. Дирк протер ему плечо, и Колл охнул от боли. Все же ему удалось, стиснув зубы, удержаться от крика.

— Вы и правда решили взять меня в слуги? — спросил он по возможности спокойно.

— Точнее будет сказать «нанять», — ободряюще поправил его Гар. — Может, ты и не слишком хорошо знаешь края чуть подальше от этих мест, но ты наверняка разбираешься,

кто здесь чей господин и кто кого терпеть не может, — и, сдается мне, разбираешься ты также и в том, кто на кого нападет первым.

Дирк отступил от Колла, закупоривая свою бутыль — не пробкой, но какой-то странной черной крышкой. Колл перевел дух: щипало уже не так сильно.

— Кто на кого нападет? — Он передернул плечами. — Да любой из этих господ. Только не друг на друга, а на нового короля. С самой его коронации они забыли все свои распри, только бы проучить его и посадить на место.

Гар удивленно вскинул брови.

— А я-то думал, ваши нобли только и делают, что сражаются друг с другом.

— Ну, обычно так оно и есть, — согласился Колл. — Можно сказать, у нас сейчас блаженная передышка. Ну, конечно, граф Кнабе до сих пор бьется с герцогом Гасконским, а князь Владимир продолжает отбивать пограничные набеги маркиза Де ла Порта, — но эти семейства дрались еще с незапамятных времен.

— Значит, они не сделают передышки ради такой мелочи, как коронация, а? — поинтересовался Гар.

— Конечно, нет, — возмутился Дирк. — Что такое коронация по сравнению со старой, доброй враждой? — Он повернулся к Коллу. — Выходит, все ждут, пока один из дворян нападет на молодого короля, так?

Колл пожал плечами.

— Если, конечно, тот сам не нападет на одного из них первым.

— И тогда они навалятся на него всем скопом?

— Могут, конечно, — задумчиво сказал Колл. — Но могут и выждать, пока он не ослабнет. А если победит его величество, кто-нибудь из других найдет повод напасть на него, пока соседи побежденного будут делить его земли.

— Разумеется. А почему бы не подождать, пока не ослабеют оба? — предложил Дирк.

— Не вижу смысла. — Похоже, Колл не распознал сарказма в голосе Дирка. — У нас в деревне, например, кто-то из старших ставит на одного, а кто-то — на другого. Но, конечно, кое-кто считает, что дворяне нападут на короля, не дожидаясь удобного предлога.

— Ну и страна, — заметил Дирк, обращаясь к Гару. — Каждый крестьянин может запросто читать лекции по курсу политической интриги.

Гар пожал плечами.

— Что ж, мы узнали достаточно, чтобы выжить... по крайней мере на первое время. — Он снова повернулся к Коллу. — Ладно, пока мы с Дирком не начнем разбираться в этом по-настоящему, мы были бы рады захватить тебя с собой. В качестве учителя.

Колл недоверчиво рассмеялся.

— Учителя? Найдите мне серва, которого учили бы читать и писать!

— После революции найдем. — Лицо Дирка посуровело.

Колл нахмурился.

— Что это такое — революция?

— Это когда кормят не только господ, но и крестьян, — объяснил Дирк. — Нет, мне кажется, ты обладаешь всеми необходимыми нам качествами. Да, кстати, как тебя зовут?

— Колл, — удивленно отозвался разбойник. — Но, уверяю вас, я ничего не знаю!

— А мы уверяем тебя, ты знаешь все, что мы хотели бы знать, — возразил Гар. — И потом, у нас нет никаких сомнений в том, на чьей ты стороне.

— Да, в этом вы можете быть уверены. — Колл старался сохранять на лице каменное выражение, но все же не удержался: — Но почему все же вы доверяете мне? Я же разбойник! Убийца!

— Скажи, а у тебя имелся другой выбор? — спросил Гар.

— Я мог позволить рыцарю взять мою сестру, — угрюмо сказал Колл, и горечь с новой силой накатила на него. — Он, поди, все равно своего добился.

Гар с Дирком переглянулись, и Дирк кивнул:

— Да, мы тебе доверяем. Как теперь насчет того, чтобы умыться?..

Дирк и правда помог Коллу вымыться — дал ему кусок самого настоящего мыла, потом какую-то маслянистую жижу, чтобы промыть волосы, и, наконец, какую-то коричневую жидкость, чтобы прополоскать их. Гар дал ему кусок мягкой, ворсистой ткани, чтобы вытереться. Натягивая порты — да какие там порты: настоящие штаны! — Колл не выдержал.

— Что, если меня в таком виде увидят наши, деревенские? Или кто из господских?

— Они тебя не узнают, — заверил его Дирк. — Разве что вот эти шрамы на лице были у тебя и до того, как ты бежал из дома?

— Ну, нет... — Об этом Колл как-то не подумал.

— И потом, все они помнят, что у Колла были волосы соломенного цвета. — Гар снова порылся в мешке и извлек на свет божий круглый кусок полированного металла. — Посмотри-ка!

Колл заглянул в кружок и увидел в нем чье-то лицо. Он даже вздрогнул от неожиданности: это лицо почти ничем не напоминало то, которое смотрело на него из тихого лесного озерца всего месяц назад! Оно заострилось, украсилось шрамами — и в довершение всего волосы, обрамлявшие его, были каштанового цвета! С широко открытыми глазами он повернулся к Гару.

— Что же это за волшебство такое?

— Краска для волос, — невозмутимо пояснил Гар. — Правда, это смотрится немного странно со светлой бородой.

Что ж, придется обучить тебя кое-какому новому искусству, Колл.

Серв удивленно уставился на него.

— Искусству? *Меня?*

— Называется «бритье». — Дирк раскрыл прятавшееся в деревянной рукоятке странное прямоугольное лезвие. — Это делается бритвой, вот такой. А теперь не дергайся, это не больно.

Это оказалось и правда не слишком больно, особенно по сравнению с раной от копья — хотя и так Колл огорченно поморщился, услышав, что ему придется проделывать это каждый божий день. Черт, зато он сделался гладколицым, что твой рыцарь! Ну, по крайней мере сквайр...

— Да, вы верно сказали! Теперь меня даже соседи не узнают!

— Не сомневаюсь, так оно и будет, — согласился Дирк. — Впрочем, береженого бог бережет. Где лежит твоя родная деревня, Колл?

Колл ткнул пальцем на запад.

— Там, на землях эрла Инсола.

— Раз так, двинемся на восток. — Дирк вскочил в седло. — Что там, на востоке?

— Собственные королевские владения, — ответил Колл.

Дирк с Гаром снова переглянулись.

— Что ж, — произнес верзила, тоже садясь на своего коня. — Раз так, все равно, кто на кого нападает — мы все равно увидим весь спектакль. Не знаешь, Колл, они берут на службу солдат?

— Наемников? Еще как берут. Правда, еще больше таких шатается по дорогам. — Колл нахмурился. — Если они не находят себе работы, они становятся разбойниками — куда там мне до их жестокости! Во всяком случае, если правда то, что поют о них менестрели.

Дирк кивнул:

— Вот такую работу мы и ищем. Ты еще можешь отказаться, Колл. Ты вовсе не обязан ехать с нами.

Колл оглянулся на свой холм и подумал о рыцаре и его людях — те, поди, как раз приходили в себя, чтобы обнаружить, что среди них есть и убитые.

— Спасибо вам покорное за возможность выбора, господа хорошие, но коли подумать, так я все одно поеду с вами.

Куртка и штаны были сделаны из хорошего, крепкого сукна — лучше любого, что приходилось носить Коллу.

Ближе к вечеру они миновали ничейные земли и ехали теперь по возделанным полям — вернее, по полям, которые некогда возделывали. Теперь их усеяли сломанные копья, разбитые повозки, меж которых белели обглоданные кости волов и лошадей, а там и здесь — и человечьи, на которых трепетали на ветру изорванные остатки одежды. То тут, то там в траве поблескивали наконечники копий или сломанные мечи. Все остальное железо давным-давно растащили старьевщики.

Полоса обломков тянулась вдоль линии, на которой встретились и сразились две армии — линии, разделившей поле вместо втоптанных в землю изгородей. Впрочем, крестьяне снова вспахивали поле битвы, так что жизнь, выходило, брала верх над смертью.

— Битва-то была нешуточная, — заметил Гар, задумчиво оглядывая поле сражения. — Кто с кем бился?

Да, эти двое наверняка откуда-то из дальних стран.

— Князь Экхайн с эрлом Инсолом, — объяснил Колл. — Неудобья, по которым мы проходили, принадлежат князю, а вон та речка отделяет их от плодородных земель эрла Инсола... точнее, от земель, которые *были* плодородными.

— Выходит, князь... — как там его, Экхайн? — пытался захватить их, а эрл Инсол отбил свои земли, — перевел Гар. — А скажи, Экхайн называл какой-нибудь предлог к нападению?

— Предлог? — удивленно уставился на него Колл. — С какой стати ему искать предлог?

— И правда, с какой стати? — кивнул Гар.

— Но хоть какое-то обоснование!.. — не унимался Дирк.

Колл пожал плечами.

— Какие обоснования могут быть на войне?

— Вон тот пахарь. — Гар мотнул головой в сторону ближнего поля, где седой как лунь человек налегал на соху. Перед волочившей ее клячей бежал мальчишка, то и дело с криком дергавший ее за узду, чтобы та вела прямую борозду. — Не слишком ли он стар для такого занятия?

— Ну да... А что, у него есть другой выбор? — отозвался Колл. — Вся молодежь, да и их отцы бьются на войне. Кому еще остается пахать, кроме дедов?

— Будем надеяться, — вздохнул Гар, — что война скоро закончится.

— Какая разница? — снова передернул плечами Колл. — Кончится эта — начнется другая, и нескольких месяцев не пройдет.

Гар удивленно уставился на него.

— Это что, *всегда* так?

— По меньшей мере сколько я себя помню, — ответил Колл. — Да и отец мой тоже. — Он понемногу начал склоняться к мысли, что эти двое — не просто иноземцы. Должно быть, они еще и недоумки, коль не понимают таких простых вещей. Чтобы войны кончились? Как это войны могут взять и кончиться?

Ну, если они и не недоумки, то недалеко от этого ушли. На мгновение Колла охватило неожиданное возбуждение. Может, и правда есть такие места, где войн больше нету? Где целое королевство... ну, пусть хотя бы княжество, отдохнет от войн лет этак десять или двадцать? Есть ведь на свете феи и эльфы — это всем известно, пусть никто из знакомых и не видел их своими глазами. Но страна без войны? Невероятно!

Дирк тоже вгляделся в пахаря, седые космы которого разлетались на ветру.

— Сколько ему, этому деду? Лет шестьдесят? Или всего пятьдесят?

— Пятьдесят? — не веря своим ушам, переспросил Колл. — Да до такого возраста и в мирное-то время редко кто из сервов доживает! Нет, сэр, этому человеку не больше тридцати пяти... ну, в крайнем случае сорока!

Дирк удивленно закрыл рот, и Колл заметил, что эта новость изрядно потрясла его.

— В такой стране и я бы состарился очень рано, — мягко заметил Гар.

Дирк с усилием сглотнул и кивнул.

Незнакомцы озадачивали Колла все сильнее. Нет, они наверняка рехнулись! Где это, скажите на милость, видели такую страну, чтобы люди доживали в ней до шестидесяти? Какой-нибудь лорд — тот, может, и проживет столько, но уж никак не серв. В тридцать пять выглядеть молодым? Нет, такого не бывает!

Похоже, такая же мысль пришла в голову и Гару, ибо тот повернулся к Коллу.

— Я было решил, что тебе около тридцати, Колл. А сколько тебе лет на самом деле?

— Тридцати? — Колл всерьез подумал, не обидеться ли ему — Мне исполнилось двадцать, сэр!

— Ну да, конечно. — Гар еще раз внимательно вгляделся в его лицо, кивнул и отвернулся. — Мне кажется, мы с тобой попали, Дирк, как раз туда, куда нужно.

— Не то слово, — согласился Дирк, трогая коня дальше. Коллу ничего не оставалось, как последовать за ним.

За поворотом дороги он увидел женщину, сидевшую на обочине. С обеих сторон к ней жались двое оборванных детишек. При виде их Колла вдруг охватило раздражение. Скоро ли эрл Инсол выступит против короля? Скоро ли солдаты

доберутся до матери и сестры? Рыцарь ведь наверняка уже натешился Дицеей и отправил ее домой... При одной мысли об этом кровь вскипела в его жилах, но тут его отвлекли слова Дирка, вполголоса переговаривавшегося с Гаром:

— Как по-твоему, сколько лет этой женщине?

— Я бы дал ей пятьдесят, — отозвался Гар. — Но, судя по тому, что говорит Колл, ей вряд ли больше тридцати.

Колл пригляделся к женщине и кивнул.

— А это у нее мальчики или девочки? — все тем же полушепотом поинтересовался Гар. — Или и тот и другая?

— Трудно сказать на вид, — отвечал Дирк. — Но я бы сказал, что обоим лет по пять.

— Такие тощие... — вздохнул Гар.

Колл посмотрел на детей, и все в нем сжалось от жалости. Эти дети не знали ничего, кроме военного времени, никого, кроме проходящих через их деревню солдат, — и ни одного дня в жизни не были сыты. «Интересно, — подумал он, — жив ли еще их отец — и если жив, в какой армии сейчас бьется?»

Заслышав стук копыт, женщина подняла на них мутный взгляд и с неожиданной живостью вскочила и протянула к ним руки.

— Подайте, господа добрые! Пенни деткам, краюху хлеба... хоть корочку!

— И только? — возмущенно вскричал Дирк и потащил из седельного мешка каравай хлеба.

— Не слишком много, — дотронулся до его плеча Гар. — Они ведь голодали...

Колл нахмурился. Разве не лучше дать голодающим как можно больше — сколько смогут унести? Впрочем, еда-то господская; если им жаль делиться, им виднее.

Дирк согласно кивнул, отломал от каравая большой кусок и протянул женщине. Она с жадностью схватила его и собиралась было разломить для детей, но Дирк мотнул головой.

— Нет. Остальным дам по стольку же.

Женщина пораженно застыла, уставившись на него.

Дирк отломал другой такой же кусок и еще один и раздал их детям.

— Вот, ешьте.

Все трое впились зубами в хлеб, а он вопросительно повернулся к Гару. Тот кивнул, и Дирк спешился.

— Немного бульона будет очень кстати. — Он достал из мешка котелок, какую-то железную штуковину и маленькую коробочку. Отойдя на обочину, он разложил эту штуку, и она превратилась в железное кольцо на четырех коротких ножках. Он поставил ее на землю, развел под ней костер и поставил на него котелок, налив в него воды из бурдюка. Потом достал из коробочки какой-то темный кубик и бросил в воду. Женщина с любопытством и жадностью следила за ним. Когда вода в котелке начала закипать, из него потянуло вкусным мясным запахом.

— Подожди немного, — сказал ей Дирк. — Это должно вскипеть, потом остыть немного. Но будет вкусно.

Детишки тоже придвинулись поближе, продолжая хорониться за спиной матери, но глядя на котелок голодными глазами.

— Что твои дети, мальчики или девочки? — с мягкой улыбкой поинтересовался Дирк. Женщина тревожно застыла, прижимая к себе детей.

— Мальчики, сэр, одни мальчики!

Колл так и не понял, почему ее реакция так удивила Дирка. Должен же он понимать, что всех девочек с малых лет от греха надо прятать от господских солдат.

— Славные мальчуганы — одному десять, а старшему двенадцать, — заверила Дирка их мать. На этот раз Колл понял удивление рыцаря: он слышал его предположение насчет их возраста.

Мать и дети уселись на обочине и принялись за еду, когда со стороны дороги послышался стук конских копыт и звяканье упряжи.

— К нам гости, — негромко сообщил Гар, и Дирк, убиравший в мешок свои кухонные снасти, обернулся и увидел приближающегося к ним по дороге рыцаря с дюжиной солдат. Дирк торопливо сунул железки в мешок и вскочил в седло.

— Отведи их в лес, Колл, — негромко, но настойчиво произнес Гар.

— Пошли отсюда, быстро! — махнул Колл женщине с детьми. Они повернулись, не выпуская из рук кружек, и бросились бежать в кусты. Когда дорога скрылась за пологом листвы, Колл позволил им остановиться.

— Доедайте, давайте сюда кружки и сматывайтесь отсюда как можно тише и быстрее.

Женщина испуганно кивнула. Дети допили остаток бульона, мать отобрала у них кружки и вернула Коллу. Он кивнул ей, не поворачиваясь, так что не видел, как те растворились в лесу. Его гораздо больше интересовало происходящее на дороге. Там рыцарь подъехал к его новым господам и сделал своим людям знак окружить их.

— Я вербую вас на службу его величества! — без лишних церемоний объявил тот Гару и Дирку.

Что-то болезненно сжалось в Колле с этими словами, словно у него отнимали зародившуюся было надежду. И тут же на место этому ощущению пришел страх.

— Мы не вербуемся, — громко и отчетливо произнес Дирк.

3

— Ах вот ты как, мужлан? — вскричал рыцарь. — Тогда получай! — И опустил пику.

— Эта говядина моя, — шепнул Гар Дирку. — А ты прикрой мою спину от этого сброда.

Дирк молча кивнул и развернул коня.

Рыцарь испустил боевой клич и пришпорил коня. Здоровенный битюг тронулся с места, переходя с шага сначала на кентер, а потом и на относительно быстрый галоп. Пешие солдаты одобрительно закричали и следом за своим господином устремились в атаку.

Дирк врезался в самую их гущу и взмахнул мечом. Стальной клинок описал в воздухе дугу и словно косой срезал задранные на бегу вверх копья, укоротив их на добрую четверть!

Гар неподвижно сидел в седле, поджидая рыцаря. Тот несся к нему, нацелив острие пики точно в грудь Гару.

— Сдавайся, болван! — кричал рыцарь. — Сдавайся или беги!

— Мне почти кажется, что ты не любишь убивать людей, — невозмутимо откликнулся Гар и вдруг дернул коня вбок, ухватился за древко пики и резко дернул. По всем правилам Гару полагалось бы вылететь из седла, но он почему-то удержался, а вот рыцаря развернуло вправо, и он продолжал цепляться за копье упрямым бульдогом, пока ему едва не свернуло спину. Только тогда он, взвыв от боли, выпустил копье и начал разворачивать разогнавшегося коня. Гар подождал, пока он развернется, и вдруг тронул коня ему навстречу.

Рыцарь вскричал от ярости и пришпорил своего битюга. Разогнав его, он выхватил двуручный меч и взмахнул им, целясь Гару в голову. Великан поднырнул под удар и обеими руками крепко охватил рыцаря. С лязгом и грохотом оба вылетели из седел и грянулись оземь.

Тем временем пешие дружинники стояли, оцепенев от изумления. Но смотрели они не на падение своего господина, но на свои обезглавленные копья. Потом с почти суеверным ужасом уставились на Дирка.

Да и сам Колл был поражен ненамного меньше. Из какой стали сделан меч его господина?

Наконец один из солдат набрался храбрости и с криком бросился на Дирка, размахивая обрубком своего копья, как бейсбольной битой. Дирк ухмыльнулся, подпустил его ближе и, дернув коня в сторону, в самое последнее мгновение укоротил древко еще на фут.

Впрочем, этот смельчак, похоже, все же воодушевил своими действиями товарищей — те сообразили, что от всех разом Дирку не увернуться, и с криком устремились на всадника.

Однако Дирк уже сменил оружие: сунув меч в ножны, он раскручивал над головой какую-то веревку. Увидев его без клинка, солдаты определенно сочли его легкой добычей, поскольку загалдели еще веселее.

Дирк проскакал в десятке футов перед ними; лассо его раскрутилось и захлестнулось на плечах солдата, бежавшего в середине цепи. Дирк дернул веревку, затягивая петлю, и веревка свалила того прямо на соседнего солдата, а тот, в свою очередь, полетел на следующего. А Дирк тем временем уже обскакал атакующих кругом, и прежде, чем те успели опомниться и возмущенно закричать, все оказались туго связаны наподобие снопа колосьев, колотя друг друга по головам обрубками копий. Веревка натянулась, дернулась, и конь Дирка встал на дыбы.

Гар помог рыцарю подняться, потом поднял его меч и подал рукоятью вперед.

— Болван! — вскричал рыцарь и высоко поднял клинок, замахиваясь. Гар отступил на шаг и выхватил собственную шпагу.

И тут Колл увидел, как единственный оставшийся несвязанным солдат — тот, первый смельчак — поднимается из травы, держа в руках рыцарскую пику. Замахиваясь ею как копьем, он молча бросился на Дирка со спины.

— Сзади! — завопил Колл и бросился наперехват атакующему. Дирк успел обернуться, увидел устремленную на него пику и уклонился в сторону. Острие зацепило его за одежду,

но он уже перехватил древко и дернул его на себя. Солдат пошатнулся, потерял равновесие, и подоспевший к ним Колл стукнул его древком своего копья по голове.

— Славный удар! — с ухмылкой заметил Дирк. Сноп солдат отозвался возмущенными воплями — не слишком, правда, громкими, ибо даже вздохнуть они могли лишь с трудом. Одному из них удалось сорвать с пояса нож и он попытался разрезать веревку, однако не смог даже поднять руки, и нож выскользнул из непослушных пальцев. Все, что ему оставалось, — это от души выругаться.

Колл повернулся к Гару. Тот пританцовывал по дороге, уворачиваясь от ударов рыцаря, уже взмокшего в своих доспехах и сопевшего едва ли не громче своего битюга. Колл слышал его хриплое дыхание даже сквозь узкие прорези забрала. Гар тоже запыхался, но дышал без усилия; он даже ухмылялся! В нескольких местах рыцарский меч оцарапал и его, окровавив одежду, и все же он ухмылялся...

Рыцарь ринулся вперед и обрушил меч с силой и точностью портового грузчика, толкающего здоровенную бочку пива. Гар отступил вбок и взмахнул кинжалом. Рыцарь вскрикнул, отшатнулся, оступился, взмахнул руками и все же удержался на ногах — однако кираса его едва не слетела с груди, ибо кожаные тесемки с левой стороны оказались перерезаны! Гар сделал еще один выпад, с другой стороны, и тут же отскочил назад, уворачиваясь от нового удара меча. Теперь кираса и вовсе свалилась с плеч, оставив торс рыцаря незащищенным, но колотя ему по ногам. Рыцарь вскрикнул еще громче и бросился на Гара, нанося еще более сокрушительный удар. Великан издевательски хохотнул, отступил в сторону и добавил своей шпагой ускорения мечу, так что тот воткнулся в землю и застрял. Короткий удар шпагой — и острие ее обагрилось кровью, а на мокрой от пота нательной рубахе рыцаря начало расползаться красное пятно. Тот смотрел на него, словно не веря своим глазам.

— Кость не задета, — заметил Гар. — Если, конечно, ты не худее, чем мне казалось.

Рыцарь с рычанием бросился на него. Верзила сделал шаг в сторону; рыцарь пролетел мимо, споткнулся и упал. Гар наклонился, взял его за плечо и перевернул лицом вверх. Ему даже не понадобилось поднимать свою шпагу: рыцарь поднял руки вверх.

— Сдаюсь! Сдаюсь!

— Ну что ж, тогда между нами мир, — медленно произнес Гар, но шпагу не убрал. Правда, он все-таки нагнулся и подал руку рыцарю, помогая ему подняться.

— Если ты так бьешься без брони, — удивленно заметил рыцарь, — каков был бы ты в бою, будь у тебя настоящие доспехи?

— Куда хуже, — заверил его Гар. — Они бы только сковывали мне движения. Должен признаться, однако, что в настоящем бою от кольчуги бы не отказался.

Колл слушал все это с горечью. Для рыцарей в этих железных скорлупах все это, поди, вроде игры. А если игра пошла не так, всегда можно сдаться. Серву, скрывающемуся от господского гнева, такое заказано. Да что там, даже серву, загремевшему в армию. У того два пути — биться до конца или умереть.

— Бросьте оружие, — приказал рыцарь своим дружинникам, — ибо мы бьемся с рыцарями, а не какими-нибудь купцами или мужланами!

Те побросали остатки своих копий; впрочем, они все равно ничего не смогли бы ими поделать.

— Ступайте, подберите свои железяки, — бросил им Дирк, отпуская веревку, и те, с трудом распутавшись, принялись ползать в траве в поисках наконечников своих копий и ножей. Рыцарь же повернулся к Гару.

— Я Гильдебранд де Бурс, — представился он. — С кем я имел честь биться?

— Гар Пайк. — Великан отвесил легкий поклон. — Для меня тоже большая честь скрестить мечи со столь отважным рыцарем, как вы, сэр Гильдебранд.

Сэр Гильдебранд поклонился в ответ, явно не обращая внимания на какое-то больно уж шутовское имя, которое назвал ему Гар. Этого, впрочем, нельзя было сказать о Колле, который отчаянно старался совладать с душившим его смехом. Гар Пайк — надо же! «Пайк» — «щука»? Хороша рыбка, ничего не скажешь!

— Теперь ты знаешь, кто мы, — продолжал тем временем Гар. — Это что, только потому, что я умею драться?

— И поэтому тоже, — согласился сэр Гильдебранд. — Но и по твоему благородству: ты мог бы зарубить меня, ударив чуть сильнее, но не стал этого делать, а потом принял у меня почетную сдачу, даже на ноги помог подняться.

«Ну да, — подумал Колл, — благороден и милосерден. Еще бы — со своими-то, с рыцарями!»

— Я воистину рад встрече с человеком, чье благородство способно распознать во мне того, кто я есть. — Гар вежливо склонил голову. — Однако правда и то, что, хоть я и рыцарь, но господин мой сложил голову в битве, так что нет у меня теперь ни земли, ни дома. Только шпага да голова кормят меня, вот я и предлагаю свои услуги тому господину, кто в них нуждается.

— И твой друг тоже? — Сэр Гильдебранд посмотрел на Дирка, и тот кивнул. — Ну, если вы и правда вольные рыцари, я, конечно, не могу призвать вас на королевскую службу... но могу предложить вам его шиллинги — и возможность заслужить его расположение.

— Какое приятное предложение, право! — Гар расплылся в широкой улыбке. Он покосился на Дирка, который снова кивнул, потом повернулся обратно к сэру Гильдебранду. — Мы почтем за честь принять его! Скажи, с кем нам предстоит биться?

— С эрлом Инсолом, — отвечал рыцарь, — ибо он нанес нашему королю дерзкое и непростительное оскорбление.

При этих словах Колл ощутил внутри неприятную пустоту. Он живо представил себе свою деревню, разрушенную и дымящуюся, свой дом, втоптанный в золу и грязь, красную от крови соседей, — и Дицею, бьющуюся в грубых солдатских лапах, его щербатую ухмылку, когда он похваляется своим трофеем перед дружками... Верно, Колл не испытывал особой радости от того, что судьбу его, не спросив, решали теперь двое этих странных рыцарей. И все же если служить — так уж лучше в армии, что нападет на эрла Инсола. Может, если он ворвется в деревню в числе первых солдат, ему даже удастся спасти мать и сестру и предупредить соседей.

Сэр Гильдебранд вывел их к реке. Пройдя несколько миль на юг по берегу, они вышли на широкую дорогу, упиравшуюся в реку. Брод охранялся гвардейцами в синих мундирах с вышитыми на них серебряными львами.

— Что это за мундиры? — спросил Дирк у Колла. — Чей это герб — лев?

— Королевский. — Колл не без опаски косился на гвардейцев — до сих пор ему еще не приходилось видеть королевского войска. — Синий — это цвет королевского дома.

— Выходит, ты скрывался в лесах, можно сказать, на самой границе владений эрла Инсола? — Дирк покосился на другой берег. Всего в сорока футах от них, у противоположного выезда из брода, стояли часовые в красном. — А это тогда чей цвет?

Колл судорожно сглотнул.

— Эрла Инсола. Моего прежнего господина.

— Я так понял, эта река проходит по границам королевских владений, так? — спросил Гар. Колл кивнул.

Люди Инсола стояли спиной к воде и королевским гвардейцам, но один из них повернулся и крикнул через реку:

— Который час?

Королевский гвардеец посмотрел на солнце.

— Еще полудня нету, — крикнул он в ответ. — Поголодаем еще немного, а?

— Ну, этак еще и крючок можно успеть закинуть, — буркнул человек Инсола.

— Похоже, солдаты, во всяком случае, ничего друг против друга не имеют, — заметил Дирк.

Следом за сэром Гильдебрандом они свернули на восток. Хорошо укатанная дорога вела меж полей созревающей пшеницы. Колл не мог отделаться от мысли о том, что очень скоро эти колосья втопчут в грязь вместе с лежащими в них телами солдат. Столько труда впустую! Столько жизней! Столько голода...

Они дважды останавливались на ночлег. Гар с Дирком завязывали разговоры с солдатами, которых, похоже, самих удивляло то, с какой легкостью они сошлись с людьми, которых совсем недавно пытались похитить. Впрочем, сэр Гильдебранд часами разговаривал с рыцарями в пути, так что они могли утешать себя тем, что всего лишь следуют его примеру. Колл все больше сидел, смотрел и слушал. Довольно скоро он сообразил, что не только он молчит: Дирк с Гаром тоже не слишком-то много рассказывали о себе — не более, чем нужно, чтобы задать новый вопрос и разговорить солдат. Колл решил, что потому всем и нравится так беседовать с ними: они очень хорошо умели слушать.

Ну, конечно же, знай сэр Гильдебранд и его люди, почему эти двое незнакомцев уделяют столько внимания их словам, они могли бы получать от этих бесед меньше удовольствия. А по замечаниям, что делали Дирк и Гар, Колл видел, как быстро они узнают все об этой новой для них стране. Они узнали столько, что Колл заподозрил даже, уж не знали ли они вначале еще меньше, чем ему казалось. Однако чужого акцента в их голосах почти не слышалось.

Ближе к полудню третьего дня их путешествия Колл увидел торчавшие из-за гребня холма высокие крепостные башни. У него даже перехватило дух при пугающей мысли о том, что он и правда видит королевскую цитадель. На всякий случай он все же повернулся к ближнему солдату.

— Это и есть королевский дом?

— Королевский дом? — ухмыльнулся тот. — Ну, можно сказать и так, хоть ежели это и дом, то я точно великан Транеколь!

Колл тоже улыбнулся в ответ.

— Ну, он все-таки побольше моей хибары, а?

— И то верно, побольше будет, — согласился солдат.

Впрочем, по мере того как они поднимались на холм, башни казались все ниже, зато из-за них показался сам королевский замок. Вот его башни уж точно поднимались до самого неба, стена протянулась на добрую милю, а ров был, собственно, уже не ров, а самое что ни на есть озеро.

— Что ж, впечатляет, — вполголоса заметил Гар.

— Он впечатлил бы тебя еще сильнее, сэр Гар, попытайся ты взять его штурмом, — заверил его сэр Гильдебранд. — Ров глубок и полон воды, ибо питается из подземных источников, так что смерть от жажды обороняющимся не грозит, да и от голода тоже, ибо кладовые всегда полны. Мост поднимается в нескольких местах, а сквозь те амбразуры можно поливать кипятком всякого, кто попытается подойти к стенам со штурмовыми лестницами.

— Он вроде как на острове стоит, а не окружен выкопанным рвом, — неуверенно предположил Колл.

— Это и есть остров, — заверил его солдат. — И во дворах там можно было бы хоть пшеницу растить на всю армию, когда бы их не использовали для нашей муштры.

— Стена-то длиной в целых семь сотен ярдов, — подхватил другой солдат. — И уж я-то это наверняка знаю, потому как ногами своими все это вымерял, парень, ее охраняя.

Если Колл и сомневался еще в правдивости этих цифр, то сомнения эти таяли по мере приближения к замку. Когда они подошли к башенке стражи, защищавшей мост со стороны суши, замок, казалось, заслонил половину небосклона. Часовые окликнули их, но, завидев цвета сэра Гильдебранда, освободили проход. Они миновали короткий, но темный туннель, в сводах которого тут и там виднелись отверстия, сквозь которые непрошеных гостей поливали бы кипящим маслом, и выехали на мост. Теперь уже в мире, казалось, не осталось ничего, кроме каменной громады замка. У внутренних ворот их снова остановили, но, узнав сэра Гильдебранда, пригласили внутрь. Они проехали еще один прохладный туннель, на этот раз длиннее, и зажмурились от яркого солнечного света.

Колл с трудом верил своим глазам: он никогда не думал, что рукотворные стены могут окружать так много места. У дальней, восточной, стены упражнялись с пиками верховые рыцари. В мастерских, разбросанных вдоль всей стены, стучали молоты и дымили горны. Отряд пеших солдат усердно размахивал алебардами; тут же сервы грузили на телеги какие-то бочки и ящики. Даже на расстоянии Колл ощущал царившее тут возбуждение: армия готовилась к войне.

Подбежавшие слуги помогли сэру Гильдебранду спешиться. Он бросил поводья одному из них и повернулся к Дирку с Гаром.

— Идемте же! Вам надо познакомиться с вашим новым сеньором.

Оба спешились, но Колл остался сидеть в седле как приклеенный. Это не укрылось от взгляда сэра Гильдебранда.

— Пошли, парень! Или ты хочешь, чтобы твои господа шли без оруженосца?

Дирк только посмотрел на Колла — вроде бы как приглашая, но так, что не ослушаешься. Серв вздохнул, соскользнул с седла на землю и следом за своими друзьями господами поплелся вверх по узким каменным ступенькам. Крутая спи-

ральная лестница уперлась в высокую, распахнутую настежь дверь.

У входа их встретил лакей в богато расшитой ливрее.

— Добро пожаловать, сэр Гильдебранд. Мы уже доложили о вашем возвращении его величеству, и он ждет вас в своих покоях.

Колла удивило то, что Дирка и Гара, похоже, вовсе *не удивил* такой прием. Значит, страна, откуда они родом, все-таки не слишком отличалась от этой. Сам-то он, конечно, с детства знал, что стражам положено докладывать обо всех появившихся в замке, а герольд по роду службы обязан знать всех дворян и рыцарей если не в лицо, то хотя бы по цветам и гербу.

— Позвольте узнать имена ваших спутников, — обратился герольд к сэру Гильдебранду.

— Разумеется, — отвечал тот. — Со мною рыцари из дальней страны, приплывшие из-за моря для того, чтобы сражаться за его величество, — сэр Гар Пайк и сэр Дирк Дюлейн. Их сопровождает сквайр, некто Колл.

— Добро пожаловать, джентльмены. — Герольд почтительно поклонился Дирку и Гару, потом снова повернулся к сэру Гильдебранду.

— Не соблаговолите ли вы проследовать за мной? Я объявлю ваш приход.

Сэр Гильдебранд небрежно кивнул:

— Веди.

Рыцари пошли за герольдом, и Коллу ничего не оставалось, как последовать за ними, хотя голова у него шла кругом от неожиданности. *Сквайр!* Ему не послышалось? Наверное, все-таки послышалось, ведь ни Гар, ни Дирк не говорили о нем ничего подобного! С другой стороны, если герольду так уж хотелось ошибиться, кто он такой, чтобы поправлять его? Тем более если он, Колл, серв, а никакой не сквайр?

Они миновали несколько залов, в каждом из которых запросто бы поместился крестьянский дом, и остановились перед

высокой резной дверью из темного дерева, у которой стояли на часах гвардейцы с алебардами.

— Сэр Гильдебранд, — произнес герольд, — а с ним двое иноземных рыцарей и сквайр.

Стоявший слева от дверей гвардеец кивнул:

— Вас ждут.

Второй гвардеец распахнул дверь, и герольд первым ступил внутрь.

— Сэр Гильдебранд де Бурс, — объявил он, — рыцари сэр Гар Пайк и сэр Дирк Дюлейн, а также их сквайр Колл.

— Пусть покажутся, — послышался из-за двери сочный баритон.

Герольд отступил в сторону и кивком пригласил сэра Гильдебранда заходить. Гар с Дирком вошли следом; Колл замыкал процессию.

— Ваше величество! — поклонился сэр Гильдебранд. — Позвольте представить вам сэра Гара Пайка и сэра Дирка Дюлейна, недавно прибывших в наше славное королевство Аггранд из далекой заморской страны.

Дирк и Гар шагнули вперед и поклонились. Колл тоже поклонился, но вперед не выступал и вообще старался держаться как можно дальше. Он даже жалел, что не может спрятаться за ковер или портьеру; на короля он, правда, смотрел не отрываясь.

Тот не производил какого-то особенного впечатления: ростом не выше Колла, да и старше ненамного. Он стоял за столом, заваленным свитками, — точнее, не стоял, а ходил, почти бегал, то и дело останавливаясь, чтобы злобно покоситься на разложенную на столе карту. Волосы он имел черные как вороново крыло, коротко подстриженную бороду — того же, разумеется, цвета. Он был одет в короткий камзол из красного бархата поверх красного же, расшитого золотом жилета и ярко-алых штанов. Каждый раз, когда он бросал взгляд на карту,

лицо его с надменным патрицианским носом и пухлыми губами краснело от гнева. На голове его красовалась корона — почти обычная шапочка из отороченного горностаем алого бархата, но опоясанная цепочкой драгоценных камней.

— Из далекой страны, говорите? — переспросил король. — И как эта ваша страна называется?

— Меланж, — отвечал Дирк. — У нас случилась война, и дворянин, в дружине которого мы состояли, погиб. Вот мы и решили попутешествовать в поисках удачи. В смысле, заработать ее своими шпагами.

Король улыбнулся.

— Возможно, вы вернее заработали бы ее своими мозгами.

— А что, ваши придворные в этом не сильны? — парировал Дирк.

Король рассмеялся; смех у него был резкий, напряженный.

— Верно сказано, сэр Дирк. Впрочем, и спроса на это прежде особого не было. А ты, сэр Гар?

— Боюсь, по части легкого сердца и живого языка мне далеко до сэра Дирка, — негромко отвечал великан. — Мне почти нечего поставить в заслугу себе, кроме моей шпаги.

Колл почему-то заподозрил, что это утверждение далеко от правды, что и подтвердил немедленно Дирк.

— Его шпаги и его таланта выстраивать битву, милорд. Есть люди, знающие, где похоронены тела, но сэр Гар, похоже, обладает особым умением находить живых. И, обратите внимание, нужных живых.

Король снова засмеялся, на этот раз немного свободнее.

— Что ж, раз так, подвергнем тебя испытанию, сэр Гар. Поди-ка посмотри на эту карту и скажи мне, где нападет эрл Инсол и как мне отразить его нападение?

Гар обошел стол, остановился рядом с ним и, задумчиво прикусив губу, уставился на карту.

4

— Это, — Гар ткнул пальцем в карту, — та река, вдоль которой мы шли сюда?

— Вы... вы шли от поместья сэра Гильдебранда, а оно на севере. Да, это она. — Короля, похоже, удивила та легкость, с какой Гар нашел место, где дорога пересекала реку.

— Вы ведь наверняка хорошо укрепите оборону брода, — предположил Гар. — И, насколько я понимаю, эрл поступит точно так же. Нет, он даже не попытается форсировать реку здесь, хотя у него и достаточно солдат, чтобы заставить вас думать, что он это сделает. Он пошлет свое войско через реку, но по меньшей мере в четверти мили от этого места.

Король удивленно уставился на карту и нахмурился.

— Как? — спросил он.

— На лодках, — коротко ответил Гар.

— И лошадей тоже? Но это же займет слишком много времени!

Гар кивнул:

— Даже так. На лодках он переправит всего дюжину рыцарей. Остальными будут пешие солдаты, но самые опытные. Лучшие из тех, что у него есть. Они смогут доставить достаточно неприятностей силам, в десять раз превосходящим их численностью, и отвлекут ваше войско от брода. Вот тут его люди переправятся уже через брод, — но и здесь не главные его силы, а ровно столько, сколько нужно, чтобы сковать вашу армию. И пока они будут отвлекать вас, остальные его солдаты переправятся через реку здесь и здесь. — Он ткнул в карту обоими указательными пальцами широко разведенных рук. — Вот через эти два брода. На сколько отстоят они от главной дороги к вашему замку? Мили на четыре?

— Чуть больше. — Король пристально смотрел на Гара.

— Достаточно близко, чтобы объявиться здесь прежде, чем у главного брода все будет кончено. И Инсол форсирует

оба брода, так что его колонны раковой клешней стиснут ваше войско с двух сторон.

— Ты рассчитал все точно так же, как я. — Король продолжал смотреть на Гара в упор. — Разумеется, я спрячу свое войско в лесу у бродов, чтобы напасть на них, когда они будут выходить из воды. А что мне еще делать?

— Как что? Перенести битву на берег Инсола, конечно! — Гар даже удивился. — Ваша армия ведь будет уже готова? Будет или нет?

— Разумеется, будет, тем более что рыцарям из близлежащих имений даже проще собраться там, а не здесь. — Король повернулся к сэру Гильдебранду. — Ты, сэр Гильдебранд, возглавишь войско, обороняющее главный брод. Держи там половину своих сил; остальных пошлешь обратно, к северному броду.

— Как будет угодно вашему величеству. — Сэр Гильдебранд с каменным лицом склонил голову. Король повернулся обратно к Гару.

— Итак, моя армия одновременно атакует противника с севера и юга. Мы форсируем реку и нападаем на спрятанные в лесу войска Инсола. А что им делать потом?

Я полагаю, нам лучше застать их врасплох, спящими. Ваши люди должны переправиться под покровом ночи. Я бы предложил вам послать вперед своих лучших солдат, одетых в черное и перемещающихся как можно бесшумнее. Они снимут часовых Инсола, чтобы вы могли внезапно навалиться всей силой на их лагеря. Когда все их солдаты и рыцари будут убиты или взяты в плен, ваше войско должно выждать до рассвета, а потом стремительно двинуться к его замку. Если повезет, вы успеете застать его врасплох, пока он не поднял мост.

— Именно так, как я и планировал! — Король радостно захлопал в ладоши. — Браво, сэр Гильдебранд, ты привел мне на редкость проницательного рекрута! Скажи, а дерется он так же хорошо, как планирует битву?

— О, драться он, несомненно, умеет, — мрачно кивнул рыцарь.

— Но способен ли ты заглянуть дальше? Что делать после этой битвы? — спросил король у Гара.

— Ваше величество имеет в виду стратегические задачи? Ну, у меня имеются некоторые познания в этой области, но мне необходимо знать больше. Я слишком плохо знаком с вашей страной, с вашими баронами — и еще меньше с целями, которые вы, ваше величество, преследуете. Намерены ли вы лишь проучить одного дерзкого эрла?

— Это как получится, — хмуро признался король. — Если поражения Инсола будет достаточно, чтобы остальные образумились и прислали мне все подати, что задолжали, и солдат в мое личное войско, — что ж, очень славно, на этом и успокоимся. Но если нет, мне придется проучить их всех по очереди.

— И все-таки, с какой целью? — не сдавался Гар. — Ради золота и мощной армии? Или чтобы положить предел жестокому обхождению их со своими сервами, чтобы сделать их инструментами вашего правосудия, а не исполнителями собственных капризов?

— Ради золота, конечно, и ради мощи, которая заставит их делать то, что я прикажу! С какой это стати мне заботиться о том, как они блюдут наше правосудие или как они пасут своих сервов? Этот скот ведь хорош только для того, чтобы возделывать землю да собирать дрова, не более!

Коллу пришлось приложить все свои силы, чтобы не выдать клокотавшей в нем ярости.

— Но этот «скот» ведь живые люди, — мягко произнес Гар, — и именно из них берутся солдаты для вашей армии, а также матери, рожающие новых солдат.

— Ясное дело, с ними надо обращаться с умом, как и с любой другой скотиной! Уж не думаешь ли ты, что я понятия не имею о том, как вести хозяйство?

— Разумеется, нет, ваше величество, — заверил его Гар. — Однако для того, чтобы рассчитывать вашу стратегию, мне необходимо знать, много ли сервов вы намерены оставить в живых по окончании войны.

— Как можно больше, конечно! Что толку в землях, которые некому возделывать?

— Выходит, вы желаете, чтобы ваши бароны прекратили биться друг с другом, впустую переводя свою людскую силу? — с невинным видом поинтересовался Гар.

— Впустую? Что за вздор ты говоришь? — Король сделал решительный жест рукой. — Какое мне дело до того, сколько скота они забьют при своих разборках? Пусть сражаются хоть весь год напролет, ослабляя друг друга, — так они только скорее покорятся моим армиям, когда я пожелаю прижать их к ногтю!

— Значит, непрерывные войны, опустошающие эту страну, и есть *ваша* стратегия? — заключил Гар.

Король поднял на него удивленный взгляд, потом медленно улыбнулся.

— Воистину тебе не откажешь в проницательности. — Он повернулся к сэру Гильдебранду. — Этот человек — настоящее сокровище, сэр Гильдебранд, и более чем годится для командования войском! Проследи, чтобы он возглавил атаку у северного брода, и чтобы сэр Дирк был с ним!

— Ясное дело, если ты возглавишь атаку, тебя почти гарантированно убьют в бою, — возмущался Дирк. — Особенно если твои солдаты подготовлены не лучше вон тех. — Он махнул рукой в сторону двух отрядов пехоты, которые вяло махали деревянными алебардами, промахиваясь почти каждый раз.

— Разумеется, — согласился Гар. — Меньше всего королю нужен талантливый рыцарь, командующий дружиной дисциплинированных и закаленных в бою солдат. Этот король, возможно, и изверг, но уж никак не дурак

Колл потрясенно уставился на него. Похолодев от страха, он огляделся по сторонам, не услышал ли кто этих крамольных слов. Однако Гар с Дирком выбрали неплохое место для разговора по душам: они якобы осматривали замок и солдат, так что стояли посередине просторного двора, где их никто не слышал — если не считать, конечно, самого Колла, а он вполне разделял их мнение о короле. Надо же, каков болван — он надеялся увидеть мудрого и сострадательного молодого монарха, полного идей и снедаемого желанием положить конец избиению сервов в дурацких военных забавах их господ. Вместо этого он обнаружил напыщенного типа, намеренно поощряющего эти войны, которому не нужно ничего, кроме золота и власти. Колла прямо-таки распирало от ярости.

— Он умен, — заметил Дирк.

— О да, он умен, — согласился Гар. — Будь он глупее, он был бы не так опасен. Умен и проницателен.

Дирк кивнул:

— Из тех людей, которые считают, что мораль всегда можно обойти.

— Нет, он даже не задумывается о том, где добро, а где зло. В конце концов, он знает, что он король.

— Значит, зло для него все, что ему противостоит? — спросил Дирк.

— Только в его собственных глазах.

— Ясно, — без особого энтузиазма вздохнул Дирк. — Он сам себе мораль.

— Говоря другими словами, он эгоистичный, эгоцентричный изверг, — сухо подытожил Гар.

Колл не знал точного значения этих слов, но почему-то не сомневался, что согласен с ними. Подобно Дирку с Гаром, он нашел своего короля на редкость непривлекательным.

Похоже, это не укрылось от внимания Дирка.

— Мне кажется, тебе он тоже не слишком понравился, а, Колл? — спросил он.

Серв пожал плечами.

— Вы-то всегда можете просто уехать из этой страны, если вам не понравился ее король, сэр.

— Дирк, — поправил его рыцарь.

— Дирк, — согласился Колл, делая попытку улыбнуться. — Вы можете уехать. Мне приходится жить с этим королем.

— Да. — Глаза Дирка недобро сузились, а голос сделался еще тише. — Вопрос только, обязательно ли делать это дальше?

Колл удивленно зажмурился, пытаясь понять, что имеет в виду рыцарь. Когда смысл слов дошел наконец до него, это поразило его не хуже молнии — так, что он пошатнулся. Идея того, что люди могут избавиться от плохого короля, показалась ему оглушительной... хуже, чем оглушительной.

— Спокойно. — Крепкая рука Гара поддержала его, а не то он, чего доброго, мог бы и упасть. — Ты ведь и так уже порвал с законом.

Колл непонимающе уставился на него. А потом до него дошло, и он вдруг ощутил прилив сил, а рот скривился в волчьей ухмылке. Он ведь и так, считай, мертвец, если закон до него доберется, — так что уж не станет мертвее, если выступит против короля, верно?

— Впрочем, он ведь еще совсем молод, — напомнил Гар. — Может, нам еще и удастся сделать из этого твоего короля что-нибудь более или менее приличное.

Колл уставился на него еще удивленнее. Как можно перевоспитать короля?

— Скажи, — спросил Дирк, — он похож на всех тех, кто правит вами? Или среди господ встречаются и другие?

Этот вопрос застал Колла врасплох.

— Ну, кроме эрла Инсола, я и не знаю никого.

— Но не мог же ты не слышать об остальных.

Колл пожал плечами.

— По слухам, что доходят до нашей деревни, все они одинаковы — не по тем песням, что менестрели поют на лю-

дях, но по тому, что те рассказывают за запертыми дверями, когда всем пора на боковую. Все господа хотят богатства — а кто его не хочет? — и все хотят власти. А иначе какие они были бы господа?

— Что ж, не лишено смысла, — согласился Дирк. — Вопрос только, хотят ли они чего-то еще *кроме* богатства и власти?

— Разумеется, — ответил за Колла Гар, недобро улыбнувшись. — Еще как хотят. Хотят вещей, которые богатство помогает купить, а власть — отобрать: дорогих яств, редких вин, красивых женщин себе в постель...

Колла снова охватила злость.

— Ну да, такие они и есть, все до единого! Говорил мне, правда, дед, что эрл Инсол по молодости был вполне ничего, лучше иных других — да только год или другой власти все меняют. Покуда отец его был жив, наши невзгоды молодого эрла, можно сказать, сердили. Дед говорил, он подкармливал нас по возможности, да и солдат заставлял обращаться с нами по-человечески. Поговаривали, это все потому, что он влюбился в одну из крестьянских девок, но брать ее не осмеливался — очень уж она хороша собой была, так, что его папаша мог пожелать ее себе. Ну, так оно и вышло: старый эрл взял ее, а молодой лорд постыдился брать ее после. Он и тогда еще помогал нашему брату едой да лекарствами всякими, но что-то в нем уже сломалось.

— И что случилось, когда отца его похоронили и он вступил в права господина? — поинтересовался Дирк.

Колл снова пожал плечами.

— Он запретил порки и барщину уменьшил изрядно — так продолжалось год или два. А потом граф Сипар — его сосед с севера — выступил против него, и ему пришлось отрывать мужиков от сохи на войну.

— Но ведь он победил?

— Он не проиграл, — вздохнул Колл. — Он сохранил свои земли. Он удерживал границу, но и на земли Сипара не

пошел. А у себя дома сделался понемногу таким же, как его покойный папаша. Мало-помалу и порки снова начались, и пахать на его землях пришлось даже больше, чем при папаше. И с тех пор лучше не стало, только хуже.

— А *его* сын? — спросил Дирк.

— Который из них? — с горечью отозвался Колл. — Он их наплодил не меньше дюжины, все от крестьянских девок... но ни одного от той, говорят, которую любил в молодости.

— Так он что, не женат?

— Женат, как же не женат, да только всего два года. И долго же нам пришлось горбатиться, чтоб заработать ему на свадьбу! Жена его наконец-то на сносях, так что, глядишь, и родится еще сын.

— А его супруга? — спросил Гар. — Она приходила к вам врачевать больных? Или просила мужа облегчить вашу участь?

— Облегчить! — возмущенно фыркнул Колл. — Она потребовала лишний день барщины каждые две недели, чтоб пристроить к замку новую башню! Одним словом, господа рыцари, — Колл сокрушенно тряхнул головой, — многие из них добры, покуда молоды, но власть, она всех их меняет. Всех без исключения. Что-то я не слышал о таких, чтобы употребляли эту власть во благо нашему брату. Их таких, поди, и нету вовсе.

Дирк мрачно посмотрел на Гара.

— Да, здесь хуже, чем дома!

У них имелось в распоряжении всего две недели на то, чтобы превратить имевшиеся в королевском распоряжении войска в единую армию. Его величество использовал Гара и Дирка в качестве курьеров, разъезжавших от одного рыцаря к другому, передавая тем королевские приказы и возвращаясь с информацией. Через день Гару сделалось совершенно ясно, что король ожидает от него координации действий всех дружин, попытки

заставить их всех действовать хоть немного сообща. Тогда он оставил Дирку задачу гладить рыцарей по головке и доносить до тех приказы, не слишком оскорбляя при этом их самолюбие, тогда как сам он занялся другим — утешением короля, ненавязчиво давая ему советы по тактике. Колл ездил то с одним, то с другим, поражаясь обилию подбрасываемых обоими неожиданностей, а еще более — тому, что сумел выполнить все, что они ему поручали.

При всем этом он все же ухитрялся выкраивать пару часов в день, чтобы поупражняться с королевскими копейщиками. Правда, и тут он обнаружил, что ему с друзьями удалось изобрести больше приемов пользования этим оружием, чем учили эти вроде бы профессионалы. В общем, как-то незаметно все кончилось тем, что те, сами этого не замечая, начали учиться у него.

— Глупо? Виноват. Я почему-то не думал, что бить неприятеля в живот древком копья — это глупо. Мы у себя в Меланже все время так делаем. Как у меня это выходит? Ну, это просто: после обычного удара острием древко обратным ходом опускается — вот так...

Как-то их упражнения увидел Гар, и они приятно удивили его.

— Отлично, Колл. Нет, правда здорово! Похоже, с тобой нам повезло даже больше, чем мы полагали, — верно, Дирк?

— Ну, на талант у меня всегда глаз наметан, — ухмыльнулся Дирк и состроил такую рожу, что Колл едва не покатился со смеху. Ба, да он ведь почти забыл, что можно еще и смеяться!

А потом они выступили в поход, и всем сделалось уже не до смеха.

Король лично возглавил переправу через главный брод. В предрассветные сумерки он и еще дюжина рыцарей, перебравшись через реку, обрушились на вражеский лагерь. Войско

Инсола только-только просыпалось; солдаты, зевая, выбирались из палаток и разводили костры. Королевский отряд пронесся через лагерь, топча всех без разбору. Рыцари Инсола выскакивали из шатров с мечами наголо, успев накинуть только кольчуги. Повинуясь их крикам, солдаты попытались организовать хоть какое-то подобие обороны, выставив навстречу атакующим свои копья. Однако королевское войско сломило сопротивление, и скоро поле боя распалось на отдельные ожесточенные схватки. Воздух наполнился криками умирающих с обеих сторон: солдаты эрла дрались с ожесточением обреченных. Однако их было слишком мало, да и спохватились они слишком поздно. Бившиеся верхом королевские рыцари повыбивали мечи из рук пеших рыцарей Инсола, хотя нескольких из них все-таки достали клинками в щели доспехов, и они корчились на земле, кто с отсеченной кистью, кто с кровью, хлещущей из перерубленного горла. Войско эрла дрогнуло, пустилось в бегство, и меньше, чем через час, королевские солдаты уже подсчитывали пленных.

— Блестящий ход, ваше величество, — заявил королю Гар. Слышавший эти слова Колл подумал, что кому-кому, а Гару уж наверняка известно, что на самом-то деле план принадлежит ему.

— Спасибо, сэр Гар. — Разрумянившийся от удовольствия король улыбался до ушей: как-никак он выиграл свое первое сражение. — Надеюсь, сэру Гильдебранду и сэру Гротгару повезло не меньше нашего.

— Я не сомневаюсь в этом, ваше величество, — заверил его Гар. Колл даже удивился той уверенности, с которой великан произнес эти слова.

Однако и впрямь, не успели они пройти и мили по дороге, ведущей к замку эрла Инсола, а пленных еще не погнали в королевские темницы, как прискакали курьеры с донесениями об одержанной победе. Король прямо-таки бурлил от радости.

— Триумф! Полный триумф!

— Воистину так, — согласился Гар. — Однако когда мы обрушимся на эрла Инсола у стен его замка, надеюсь, ваше величество будут более внимательно относиться к собственной безопасности — и менее расточительно швыряться собственными людьми.

Улыбка разом исчезла с королевского лица.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Нам нужно найти какую-нибудь возвышенность, — невозмутимо отвечал Гар, — с которой вы могли бы обозревать поле боя и управлять сражением. Я понимаю, вам, ваше величество, трудно отказаться от соблазна лично возглавлять атаку, однако наши шансы выиграть битву возрастут, если наш главный тактик будет видеть действия противника и отражать их в ходе боя, а не просто надеяться на то, что все пойдет, как планировалось.

Король начал энергично кивать еще до того, как Гар договорил.

— Да. Конечно. Воистину блестящая мысль, сэр Гар. Боюсь, правда, вам придется оставаться со мной, дабы охранять меня.

Коллу показалось, что в голосе короля прозвучали нотки облегчения, и уж совсем не поверил он Гару, когда тот послушно склонил голову:

— Я, конечно, поступлю так, как угодно вашему величеству. — В конце концов, Гар не произнес вслух, кто же именно здесь стратег.

В результате этого разговора, когда они встретились с армией эрла Инсола, король больше не скакал на острие атаки. Вместо этого он сидел на верхушке холма в окружении телохранителей и, прислушиваясь к советам сидевшего по правую руку от него Гара, командовал сражением. Поначалу это вызвало ропот неудовольствия, к которому примешивался страх: сильно ли уверен король в победе, если ему не терпится находиться подальше от собственного войска? Однако Дирк пере-

езжал от рыцаря к рыцарю, вполголоса объясняя каждому, насколько такое местоположение короля повышает их шансы на победу в битве, и те кивали, соглашаясь так, словно сами давно уже считали именно так же. Войска же, заметив единодушие своих господ в этом вопросе, немного успокоились и ободрились.

Эрл, ведущий основные силы своей армии на соединение с высланным к броду авангардом, наткнулся на бежавших солдат и собрал их. Королевские шпионы в стане неприятеля донесли, что нобль был потрясен и разъярен тем, что король напал первым, захватив в плен половину его авангарда.

— Это не обязательно к добру, — объяснял Коллу Дирк. — Теперь он знает, что ему предстоит настоящее сражение, и потом, он жаждет мести.

Окружавшие их солдаты были довольны, однако Колл ощущал в животе предательский холодок. Бой обещал выдаться более жестоким, чем прошлый. Гораздо более жестоким.

Так и вышло. Из донесений о бое у брода эрл узнал о королевской тактике и воспользовался ею, атаковав с первыми лучами солнца. Несмотря на то что королевское войско было готово к бою и ждало его атаки, на острие его удара оно дрогнуло и начало отступать. Рыцари эрла дрались с утроенной силой, своим примером увлекая вперед свою пехоту. Сам эрл прокладывал себе дорогу мечом, вызывая трусливого короля выйти и сразиться с ним. Пехота только и могла, что пытаться парировать его удары да убираться в сторону от него и его закованного в броню коня, ибо сразиться с ним мог только другой нобль, не уступающий Инсолу в благородстве происхождения. Любого рыцаря, дерзнувшего помериться с ним силой, ждала бы неминуемая смерть на виселице.

Колл наблюдал за всем этим, прячась в кустарнике на склоне холма вместе с остальными солдатами резерва. Короля он тоже слышал, ибо тот стоял совсем недалеко от них.

— Он оскорбляет меня, он ставит под сомнение мою честь! — кипятился король, обращаясь к Гару. — Только не говори мне снова про солдат — он их придерживает на флангах, — которым приказано убить моего коня и спешить меня...

— Нет, почему же, эрл с радостью сам повесит их после боя, как того требуют правила чести, — напомнил ему Гар.

— Так пусть умрут, но в бою, от копий моих гвардейцев! Тут уж жизнь или смерть — я обязан сразиться с ним, иначе никто и никогда не станет больше под мои знамена!

— Смотрите! — показал ему Гар. — Эрл так глубоко врубился в наш центр, что наши фланги уже за его спиной! Да, ваше величество, вот теперь скачите ему навстречу, ибо мы их уже окружили!

Король выхватил меч и с криком поскакал вниз по склону. Его люди восторженно завопили в ответ и посыпались следом. Колл бежал в самой гуще.

Они врезались в армию эрла, как молот в труху. Рыцари, командовавшие флангами королевской армии, увидели их атаку и рассчитали свои контратаки так удачно, что эрл разом оказался окруженным со всех сторон. Даже те, кто только что вроде бы отступал перед ним, вдруг встали намертво и даже начинали теснить его! И, хуже всего, этот мальчишка-идиот в сверкающих доспехах прорубался к нему сквозь толпу крестьянских увальней, выкрикивая его, Инсола, имя! И он ничего не мог поделать, ибо честь требовала, чтобы он прекратил рубить в капусту сервов и встретился с этим выскочкой в поединке.

— Даг! Ворган! — крикнул он двум ближайшим к нему рыцарям. — Оттесните этот сброд. Я сейчас разберусь с этим кухонным мальчишкой! — Он повернул коня, перехватил поудобнее пику и увидел, как перед ним словно по волшебству открылось пустое пространство, в дальнем конце которого,

опустив пику, скакал на него молодой король. Инсол закричал и пришпорил коня.

Король тоже.

Они сшиблись со страшным грохотом. Инсол почувствовал, как пика вылетела у него из руки, и пошатнулся в седле. Холм, земля, небо, пыль, солдаты — все закрутилось вокруг него. Постепенно это вращение остановилось; он понял, что это сервы разворачивают его коня. Он встряхнулся и повернулся в седле как раз вовремя, чтобы увидеть, как молодой король тоже разворачивается ему навстречу, отшвыривает в сторону сломанную пику и выхватывает меч.

На помощь Инсолу пришла злость. Он выхватил свой меч и, выкрикнув злобное оскорбление, снова вонзил шпоры в бок коня. Они встретились в центре вытоптанной, покрытой кровавыми пятнами поляны и обменялись первыми ударами.

Но пока король занимал эрла Инсола, Гар выкрикнул приказы остальным королевским рыцарям, и те двинули свои дружины вперед, рассекая армию Инсола на части. Каждая из этих частей дралась насмерть с упорством загнанных в угол, и битва распалась на полдюжины ожесточенных схваток. Постепенно клубки сражающихся распадались, и люди Инсола бежали в сторону холмов, где у них оставалась хоть какая-то надежда. Королевское войско с торжествующими криками устремилось в погоню, однако сервы эрла знали эту местность не в пример лучше, к тому же королевским солдатам пришлось атаковать снизу вверх. Они снова сшиблись в бою, и многие пали на этих склонах.

Колл не стал ждать победы той или другой стороны. Как мог быстро, он выбрался из схватки и бегом бросился домой. Его отчаянно тревожило то, что бой кипел в опасной близости от его деревни и что бегущие солдаты Инсола могут попытаться укрыться в домах.

5

Колл выбрался из клубка дерущихся людей, скользнул в полумрак леса и во всю мочь бросился бежать по знакомым с детства тропинкам. Он мог бы бежать и быстрее, но остерегался: недавние грозы могли обнажить корни или завалить тропу упавшими сучьями, а ему нужно было поспеть в деревню быстро, но целым и невредимым, готовым к бою. По крайней мере сражающиеся держались открытых мест, хотя он понимал, что те, кому удастся вырваться из сражения, знают этот лес не хуже его. Мальчишками они не слишком соблюдали границы владений и запросто бегали в гости в соседские деревни. Значит, многие королевские сервы тоже неплохо знали эти тропы.

Он ворвался в деревню и застал ее замершей, холодной и опустевшей. Ни детской возни на улицах, ни женщин на завалинках... Все до одной двери были наглухо заперты, все окна задвинуты ставнями.

Впрочем, это ни на мгновение не ввело Колла в заблуждение. Всего год назад он сам заколачивал свой дом и прятался, когда звучал сигнал тревоги: крестьяне давно не ожидали ничего хорошего от проходящих через деревню солдат, своих или чужих. Единственное, чего он не знал — это того, спрятались ли все на этот раз в лесу или как тогда, по домам. Он добежал до родной избушки и замолотил кулаком в дверь.

— Мама! Открой! Это я, Колл!

В ответ не раздалось ни звука. Он заставил себя поверить в то, что так и должно быть: с какой это стати матери верить его словам? Он продолжал стучать, выкрикивая свое имя...

Уж не чьи-то ли шаги послышались ему за дверью? Возможно, но еще отчетливее доносились до него крики и лязг стали с дороги. Колл оглянулся и увидел, как в деревню вваливается толпа солдат эрла, тотчас разбежавшихся в тщетной надежде укрыться по домам. По пятам за ними ворвались

королевские солдаты — они вышибали двери и выволакивали из лачуг визжавших женщин и детей, а также успевших спрятаться вражеских солдат.

Колл понимал, что произойдет с этими женщинами, когда королевские солдаты удостоверятся в своей победе. Король был хитер и злопамятен: в атаку на эту деревню он послал людей с севера своих владений, а не местных парней, хорошо знавших эту деревню и ее жителей. Поэтому он встал на изготовку перед дверью.

— Здесь никого! — выкрикнул он подбежавшим королевским солдатам. — Эта изба пуста! Ищите в следующей!

Те кивнули и поспешили дальше, однако из-за угла лачуги тотчас же вынырнули трое солдат в цветах эрла.

— Пуста, говоришь? А ну пусти!

— Прочь с дороги, королевский, пока жив!

И, не дожидаясь ответа, в грудь ему устремилась алебарда.

Он отбил ее своим копьем, привычным уже движением двинул второго тупым концом под дых, лягнул первого нападавшего в колено и все же недостаточно быстро уклонился от копья третьего — острие оцарапало ему плечо. Однако копье вонзилось в дверной косяк и застряло там, замедлив движения атакующего настолько, что до того дошло, с кем он бьется.

— *Колл?!*

— А кто еще, Ванд? И если мамин дом пуст, я сам всю солому с крыши прожую! Ступай, ищи другое место, где спрятаться!

— Но что это ты делаешь в...

— Да ступай же! Ты что, не слышишь! Беги, спасайся!

— Ладно, — буркнул Ванд, судорожно сглотнув. — После расскажешь. — Он повернулся и бросился бежать, петляя между лачугами.

За спиной Колла скрипнула дверь, и голос матери, дрожащий от волнения, окликнул его по имени:

— Колл?

— Да, мама. — Колл рискнул быстро оглянуться. — Ты в порядке?

— Пока да. — Она всхлипнула.

— А Дицея?

— Я в порядке, Колл, — донесся до него голос сестры, и в полумраке за спиной матери что-то шевельнулось.

— Тогда оставайтесь внутри и хорошенько заприте дверь. Я удержу королевских солдат!

— Но ты теперь и сам королевский солдат? Так?

Трое людей в мундирах эрла вывернулись из-за ближней лачуги и бросились в его сторону. Самого его они пока не видели.

— Расскажу позже! Да заприте же дверь — этих просто так, словами, не остановишь!

— Храни тебя Господь, сынок! — всхлипнула мать, и дверь захлопнулась.

Тут люди эрла увидели королевского солдата, одиноко стоявшего у запертой двери. Лица их вспыхнули жаждой мести; они торжествующе завопили и бросились на Колла.

Все трое были ему незнакомы — южане скорее всего. Колл отпрыгнул влево, отбив первый удар и позволив другому врезаться в дверь.

— За короля! — вскричал он и с размаху врезал ближнему солдату древком копья по кадыку, а второму — тупым концом по лбу, тому, который все еще пытался вырвать застрявшее в двери копье. Однако третий успел перепрыгнуть через обоих своих товарищей, и Колл едва успел отпрянуть от готового проткнуть ему живот острия. Копье лишь оцарапало ему ребра, но солдатский кулак врезал ему по зубам. Колл ударился затылком о стену, и весь мир вокруг него взорвался ослепительными огнями. Он пошатнулся, наугад взмахнул копьем, потом еще раз. Когда взгляд его прояснился немного, вражеский солдат все еще стоял перед ним, примериваясь для

решающего удара. Где-то за спиной у того вывалился из-за угла рыцарь с дюжиной копейщиков; все в мундирах эрла.

— Убийца! — взревел рыцарь. — Прикончить его!

Колл пал духом, ибо узнал этот голос и герб на щите. Это был тот самый рыцарь, который домогался Дицеи и людей которого Колл убил!

Однако он продолжал размахивать своим копьем, нанося удары и отбивая чужие, и ему удалось уложить троих, прежде чем кто-то из остальных оглушил его. Он отчаянно цеплялся за сознание, борясь с шумом в ушах, пытаясь сосредоточиться на грубых руках, заламывавших ему локти за спину, наклонявших его вперед. Боль помогла ему не лишиться чувств, и понемногу в глазах прояснилось, а звон в ушах сделался тише. Он дернулся назад и вверх, почувствовал, как что-то или кто-то за его спиной врезался в стену и вскрикнул. Впрочем, все это уже не имело значения, ибо — чудо из чудес! — рядом с ним возник сэр Гар, усердно молотивший мечом по доспехам своего противника рыцаря. Колл сразу понял, что это сэр Гар, по его щиту — из гладкого матового металла, с изображением конской морды в центре. За ним виднелся сэр Дирк, со спины своего коня разивший солдат эрла своей шпагой.

Солдаты отпрянули от него и выставили вперед копья, защищаясь от лошадей. Вместо того чтобы атаковать их, сэр Дирк развернул коня и направил его прямо на Колла! Солдат у него за спиной взвыл и на карачках отполз в сторону, подальше от смертоносных копыт. При этом он, разумеется, отпустил Колла; тот тоже попытался отскочить в сторону, оступился, конь навис над ним...

В самое последнее мгновение сэр Дирк натянул поводья, и конь его, возмущенно заржав, взвился на дыбы. Копыта приземлились в нескольких дюймах от Колла, и Дирк протянул ему руку.

— Садись в седло, живо!

Мгновение Колл обалдело смотрел на него, потом вскочил, схватился за протянутую руку и взгромоздился на лошадь у него за спиной. Оглянувшись, он как раз успел увидеть, как меч сэра Гара, отбив удар неприятеля, вонзился тому аккурат в щель между кирасой и наплечником. Рыцарь вскрикнул и с грохотом повалился с коня.

Колл, не веря своим глазам, смотрел на то, как Гар поворачивает коня к ним. Лицо его под полями стального шлема было угрюмым.

Наконец Колл вновь обрел дар речи.

— Ты зарубил рыцаря!

— Нет, — бросил Гар. — Оклемается.

— Но он же рыцарь!

— Мы тоже, — напомнил ему Дирк.

— О... — спохватился Колл, ощущая себя совершенно сбитым с толку. — Ну да, вы ведь и правда рыцари, верно?

— И в конце концов, — заметил Гар, — он враг.

Дверь приотворилась, и в щель выглянули две пары перепуганных глаз. При виде Гара те, что помоложе, изумленно округлились.

Дирк тронул коня и подъехал к Гару.

— Кто там у тебя?

Колл удивленно оглянулся, увидел открытую дверь и смотревшие из-за нее глаза; при виде Дирка глаза сестры сделались еще больше.

— Это моя семья, сэры, — пояснил он своим господам. — Вернее, то, что от нее осталось: мать и сестра, больше никого.

— Что ж, больше, чем у многих. — По лицу Дирка пробежала тень. — Но тебе нельзя оставаться здесь, чтобы охранять их, Колл, а из этого следует, что оставаться нельзя и им.

При этих словах душа Колла ушла в пятки: рыцарь был совершенно прав. Стоит ему остаться здесь по окончании битвы — и кто-нибудь уж наверняка донесет о нем как о беглом серве и разбойнике. Его закуют в колодки, а потом повесят.

Но если он уедет, мать и сестра запросто могут еще стать добычей королевских солдат.

За него эту проблему решила мать.

— Он дело говорит, Колл. Мы, еще только заслышав битву, пожитки собрали, да только вот уйти не успели. Идем, Дици! Попрощайся с родным домом, детка: навряд ли от него что-то останется, даже если мы когда сюда воротимся...

Дицея выскользнула из двери. В глазах ее стояли слезы, когда она в последний раз оглянулась на избушку. А потом она отвернулась от нее и с восторгом уставилась на двух верховых рыцарей. Колл вгляделся в ее лицо, и словно гора свалилась у него с плеч, ибо тот живой интерес, с которым смотрела она на незнакомых мужчин, задорный огонек в ее глазах лучше всяких слов сказали ему о том, что после бегства Колла рыцарь к ней не возвращался. Или возвращался, но ее не нашел. Скорее всего он был слишком увлечен охотой, а она не столько значила для него, чтобы возвращаться.

— Откуда это у тебя такие друзья, Колл? — выдохнула Дицея.

— По чистой случайности, — буркнул он. — Они спасли меня от засады прежде, чем я попытался их ограбить.

Дирк рассмеялся, а Гар улыбнулся.

— Твой брат весьма полезен нам, красотка, ибо мы родом из заморских стран и мало знаем о ваших землях. По меньшей мере он просветил нас обоих настолько, что это помогло нам найти себе работу.

— Рыцарями в королевском войске?

— Ими самыми, — заверил ее Гар. — Так что ни одна душа не удивится, если мы исчезнем ненадолго в разгар битвы. — Он повернулся к Коллу. — Где мы их спрячем?

— В лесу, конечно. — Колл подивился очевидной глупости вопроса. Даже самый последний идиот знает, что у беглеца от господских законов только два места, где он может укрыть-

ся от своего бывшего хозяина, — лес или холмы, и лес был ближе. Гораздо ближе.

Или на этой их далекой родине беглецу вообще негде скрыться? Или незачем скрываться?

Эта мысль показалась ему слишком невероятной, до головокружения, так, что он отмахнулся от нее. Он нагнулся было взять у матери тяжелый мешок с пожитками, но Гар остановил его:

— Нет. Руки могут понадобиться тебе свободными. Для боя.

— Я тебя, Колл, цельных девять месяцев таскала. Уж какой-нибудь час сдюжу и мешок.

— Что-то ты не слишком рвался помогать, когда я таскала здоровенные корзины мокрого белья, а тут из-за мешка столько шуму! — подхватила Дицея.

— Ладно, ладно, тащите сами этот чертов мешок, — буркнул Колл, хотя в глубине души даже обрадовался такому выходу. Гар был прав: теперь уже со всех сторон слышались звон оружия, крики бойцов и вопли сервов, оказавшихся между сражающимися сторонами. Он пошел первым, заслоняя собой мать и сестру. Рыцари ехали верхом, высоко подняв щиты, с мечами наголо.

Они миновали крайнюю лачугу, и тут же водоворот битвы налетел на них. Колл развернулся лицом к опасности и орудовал своим копьем, только изредка оглядываясь, чтобы не оторваться от остальных. Он увидел, как Гар с Дирком прокладывают дорогу мечами, а потом перед ним вдруг вырос солдат эрла с выпученными глазами и широко раскрытым ртом; крик его потонул в шуме сражения. Неприятель, как топором, замахнулся на Колла алебардой — древко ее было обломано больше чем наполовину. Колл выставил перед собой щит, и та с треском вонзилась в его деревянную обшивку. И тут в выпученных глазах солдата вдруг мелькнуло изумление — тот явно узнал его. Колл тоже вспомнил, кто это: Нуд, отец одного из его друзей-сверстников. Однако продолжавшаяся битва тут же

раскидала их, и Колл продолжал прокладывать дорогу сквозь знакомых и незнакомых солдат эрла с гнетущим чувством того, что эрл очень скоро узнает: один из королевских солдат — его беглый серв.

Бой все не стихал, однако они медленно, но верно приближались по полю к спасительной опушке. Наконец Колл и его женщины с облегчением нырнули в лесной полумрак. Дирк и Гар замыкали шествие.

— Не останавливайтесь! — крикнул им великан. — Постарайтесь забраться в лес поглубже, ибо бой может докатиться и до леса, а даже если и нет, то уж отступающие солдаты — наверняка!

— Они... Они меня узнали! — тревожно кинулся к Гару Колл. — Солдаты эрла, мои деревенские соседи! Они расскажут эрлу!

— Мне кажется, у Инсола сейчас выше головы хлопот поважнее одного беглого серва, — заметил Дирк.

Гар кивнул:

— Даже если у него найдется время выслушать, никто не станет говорить ему, ибо те, кто тебя видел, скорее всего подумали, что это им померещилось.

— Но они меня узнали! Я по их глазам точно видел!

— Люди в бою много всякого видят, — заверил его Дирк. — И далеко не все то, что есть на самом деле.

Колл немного успокоился.

— Вы правда так думаете?

— О да, — с непререкаемой уверенностью заявил Гар. — Можешь в этом не сомневаться, Колл. Все, кто видел тебя, решат, что это им померещилось. Не сомневайся.

Позади послышались крик и лязг, и рыцари повернули им навстречу.

— Бегите! — крикнул Дирк. Колл не стал спрашивать почему, но повернулся и бросился в глубь чащи, увлекая за собой мать и сестру.

Час спустя мать споткнулась о корень. Колл подхватил ее под руку, она повернулась к нему, и он увидел, что она совершенно выбилась из сил.

— Мы зашли достаточно глубоко, — сказал он ей, почти силой отбирая у нее тяжелый мешок. — Давайте-ка поищем убежища.

Они нашли его довольно скоро: старое дерево упало на другое, помоложе, застряв между стволом и суком. Высохшие ветви спускались до самой земли, и Колл, протиснувшись между ними, сумел выломать несколько сучьев внутри, так что в результате вышло что-то вроде шалаша. Он вытащил из шалаша отломанные сучья и запустил внутрь мать с Дицеей. Мать сразу же растянулась на ложе из опавшей листвы и блаженно закрыла глаза. Дицея достала из мешка свою коробочку с трутом и кресалом, потом с опаской покосилась на сухой ствол над головой и листву под ногами.

— Здесь ведь нельзя разжигать огонь, нет?

— Нет, для этого придется выйти наружу — но мне кажется, нам пока вообще лучше обойтись без огня, — отвечал Колл. — Гару и Дирку, похоже, законы войны известны не хуже, чем любому другому, и если они сказали, что бегущие солдаты наводнят лес, значит, так оно и будет. Они будут голодны, будут рыскать в поисках еды и крова, и я не сомневаюсь, что они сколотятся в шайки, с которыми не очень-то поспоришь.

Дицея пожала плечами.

— Ну что ж, мы можем перекусить и всухомятку.

Колл вдруг понял, что голоден, смертельно голоден.

— Ага, Дицея, это ты здорово придумала! Хотя бы хлебушка — уже хорошо!

Она порылась в мешке, достала оттуда каравай хлеба, сунула его Коллу, потом достала небольшой бурдюк, развязала одну ножку и протянула ему. Колл набил рот хлебом и запил его жидкостью из бурдюка.

— *Эль!* Да храни тебя Господь, Дицея!

— Какой-то внутренний голос сказал мне, что его стоит захватить с собой, — с улыбкой отозвалась она. — И теперь я вижу почему: воду-то придется искать.

Колл кивнул, аккуратно держа бурдюк развязанной ножкой вверх.

— Что ж, по нескольку глотков — так, чтобы хлеб прошел, — и хватит пока.

— Хотя бы так, — согласилась Дицея. Она отобрала хлеб у Колла, отломила треть и вернула ему, потом повернулась к матери.

— Мама, ты проснулась?

— Ох, лучше б этого не делала, — простонала мать, но заставила себя сесть и взяла кусок хлеба. — Все верно говоришь, детка. Надо ублажить живот, покуда есть такая возможность.

Они пообедали, прикончив весь каравай, но выпив только четверть бурдюка.

— Поспите, пока можно, — сказал им Колл после обеда.

— Тебе тоже надо отдохнуть, сынок! — возразила мать.

Колл кивнул:

— Подежурю часа четыре, потом разбужу Дицею; она посторожит и разбудит меня в случае чего. Но первым нужно дежурить мне, ибо потом могу и не выдержать без сна.

— Ты ожидаешь беду? — спросила Дицея, округлив глаза.

— Тех бежавших солдат, о которых говорили Гар и Дирк, — объяснил Колл. — Может, нам и повезет: без огня мы можем просто сидеть тихо — глядишь, те и пройдут мимо. Но я хочу не спать, когда они появятся.

Однако вышло так, что ближе к вечеру, уже в сумерках, на них наткнулись вовсе не беглые солдаты. Чьи-то сильные руки раздвинули вдруг ветви их шалаша, и на Колла уставилось покрытое шрамами бородатое лицо.

— Выходи!

Колл разглядел кожаную куртку, немытое лицо; за спиной незнакомца маячило еще с дюжину мужчин, вооруженных луками и палицами. С замиранием сердца он понял, что это лесные разбойники.

— А ну заставь! — огрызнулся он.

— Ну, как знаешь. — Разбойник обвел их убежище взглядом, кивнул и снова в упор посмотрел на Колла. Затрещали ветви, и за спиной Колла послышался крик — кто-то ворвался в шалаш с другой стороны. Мать с Дицеей завизжали, и Колл стремительно обернулся. Тяжелый удар обрушился ему на затылок, в глазах вспыхнули разноцветные огни, а потом весь мир погрузился в темноту.

Из этой темноты его вырвал злобный визг Дицеи. Он сделал попытку встать на ноги — не слишком удачную, ибо что-то дернуло его заведенные назад руки вниз, отозвавшись в плечах острой болью, и он упал назад, наткнувшись спиной на что-то жесткое и неровное. Голова раскалывалась от боли, а свет казался слишком ярким, хотя вряд ли он пролежал без сознания слишком долго. Постепенно зрение его прояснилось. Он увидел, что их вытащили из шалаша. Двое разбойников держали его мать, которая продолжала биться в их руках. Двое других держали Дицею, пытаясь связать ей руки — точнее, им приходилось то и дело уворачиваться от ее лягающихся ног, однако третий подбирался к ней сзади с веревкой в руках.

— У-у, гад! — взвизгнула Дицея и попыталась повернуться, чтобы лягнуть и его, однако тот со смехом отскочил.

— Гад и грязный трус! — выкрикнул Колл и снова попытался броситься на помощь Дицее, но что-то снова с силой дернуло его назад и вниз, и он понял, что запястья его привязаны к древесному стволу. Еще он понял, что привязали его в сидячем положении, ибо он смотрел на разбойников снизу вверх. Он подобрал ноги под себя и начал осторожно подниматься, поворачиваясь из стороны в сторону, чтобы веревка не цеплялась за шершавую кору.

Самый рослый разбойник — тот, что приказывал ему выходить из шалаша, — протянул свою здоровенную лапищу и толкнул его обратно.

— Я понимаю, как тебе несладко, парень, но нам тут, в лесах, нужны женщины, так что мы не можем позволить себе отпускать их — тем более таких хорошеньких. Она, может, и твоя подружка, но...

— Она моя сестра! А эта женщина — моя мать!

— Сестра! А это ее мать смотрит? — Разбойник, нахмурившись, посмотрел на женщин, и Колл догадался, что тот не такой уж и злодей, просто жизнь поставила его в такое отчаянное положение. Как бы то ни было, лицо его снова застыло, и он повернулся обратно к Коллу. — Сестра или нет, она нам нужна. У тебя нет выбора, парень, — беглому солдату негде укрыться, кроме как в лесах, и никто не...

С яростным рычанием Колл бросился на него. К его удивлению, веревка лопнула, освобождая руки. Разбойник изумленно застыл, и Колл сбил его с ног одним ударом, подхватил выпавшее у того из рук копье и бросился на тех, что удерживали Дицею. Один из них, вскрикнув, отпустил ее и отшатнулся, выхватывая свой кинжал; Дицея повернулась и отвесила второму такую пощечину, что по лесу пошло гулять эхо. Тот отскочил, оглушенно тряся головой, и Дицея нырнула в первое подвернувшееся укрытие — то есть в шалаш.

Колл повернулся и замахнулся древком копья на разбойника, удерживавшего мать. Тот отпустил ее, но двигался слишком неповоротливо, так что копье стукнуло его по башке. Второй тоже отпустил ее и потянулся к своему кинжалу — и тут Колл схватил мать за руку и вслед за Дицеей толкнул ее в шалаш.

— Но что нам здесь делать? — всхлипнула она.

— Пусть попробуют сунуться, — бросил Колл, заслоняя собой вход.

— На этот раз мы будем начеку, — заявила у него за спиной Дицея. — Ну-ка, мама, найди камень!

Колл покосился на свисавшие с его рук обрывки веревки: ему что-то не слишком верилось, что он смог разорвать ее сам. И конечно, концы были не разлохмачены, а чисто срезаны. Вот только кто мог разрезать ее?

Разбойники перекрикивались снаружи, и он слышал лязг стали. Они что, и правда готовы убить его, чтобы заполучить Дицею?

Да, ответил он сам себе, запросто. Он по себе знал, как снедает жажда женщины того, кто скрывается в этой глуши, а уж Дицея с ее красотой и без того свела бы с ума почти любого. Колл понимал, что ради удовлетворения своей похоти эти люди пойдут на все. Он взял копье на изготовку.

— Уж не думаешь ли ты, малый, удержать нас этой своей палкой? — издевательски выкрикнул разбойник.

— То-то ты не слишком-то рвешься войти, — отвечал на это Колл.

— Там, за твоей спиной, полдюжины людей! Давай лучше выходи по-хорошему, пока они не навалились на тебя сзади!

За спиной Колла послышался шорох листьев, и голос Дицеи возбужденно прошептал ему на ухо:

— Он врет!

Разбойник испепелил его свирепым взглядом, но отступать на глазах у своих людей не мог никак, так что кивнул им и с устрашающим воплем ринулся на Колла.

Колл выставил копье вперед и упер тупой конец его в землю. Разбойник успел уклониться от острия, оттолкнул древко вбок и обеими руками схватил Колла за шею. Колл опрокинулся на спину, но успел выставить перед собой колено, так что разбойник, наваливаясь, угодил на него самым неподходящим местом. Он охнул и выкатил глаза, но почти не ослабил хватки на горле, так что Колл даже не мог вздохнуть. Он перекатился на бок, пытаясь стряхнуть вцепившегося в него клещом разбойника, — и тут Дицея огрела того по черепу камнем.

Колл откатился в сторону, жадно глотая воздух. Он так и не обрел дара речи, чтобы поблагодарить сестру, когда в про-

ход, ухмыляясь, полезли сразу двое разбойников с копьями. Колл успел откатиться в сторону, увернувшись от их ударов, и, вскочив, с размаху двинул одного по зубам. Второй ринулся к Дицее...

...и замер так резко, что врезался мордой в листву. Что-то с силой рвануло его назад. Первый разбойник вскрикнул и замахнулся на что-то у себя под ногами. Колл выхватил кинжал, приставил к его горлу, и тот тоже застыл, с ужасом глядя на него снизу вверх.

Второй тем временем продолжал барахтаться и кричать на того, кто тянул его из шалаша. Последовала короткая возня, увесистый шлепок, и он обмякшим мешком плюхнулся обратно в шалаш. Вслед за этим дернулся назад и первый бандит, да так резко, что Колл едва успел убрать нож, чтобы не порезать того зря. Тот не переставая визжал, пока его тянули из шалаша ногами вперед, а Колл обалдело смотрел ему вслед. Дицея подползла к нему, и оба осторожно выглянули наружу. Они увидели, как разбойник, извернувшись, ухитрился-таки сесть и замахнуться, увидели, как Дирк, уклонившись от удара, сам отвешивает ему хорошую плюху. Разбойник отшатнулся назад, и тут Дицея огрела его своим камнем. Он тихо повалился наземь, а Дирк, удивленно задрав брови, заглянул в шалаш.

— Может, поучим ее обращаться с палицей, а, Колл?

— Сзади! — успел крикнуть серв, и Дирк, повернувшись, увидел обрушивающуюся на него палицу.

6

Дирк перекатился вбок, и палица врезалась в землю в том месте, где только что находилась его голова. Он сделал выпад, и разбойник, взвыв, выронил палицу и схватился левой рукой за правую у локтя; из-под пальцев сочилась кровь. Дирк пере-

катился дальше, на колени, и стукнул его по голове рукоятью меча. Разбойник кулем повалился на опавшую листву, и Дирк повернулся встретить следующего врага.

Врагов, однако, не оказалось. В некотором отдалении Гар, крича и улюлюкая, как стадо гнал перед собой небольшую толпу разбойников. Он скакал от одного конца цепочки пленных к другому, разворачивал коня и скакал обратно — как раз вовремя, чтобы огреть того, кто пытался проскользнуть мимо него к Коллу и его семье. Гар даже не пользовался для этого мечом — он гнал их простой трехфутовой палкой! Колл удивленно уставился на это зрелище, пока до него не дошло, что великан просто развлекается. Черт, от Гара он такого не ожидал.

— Трус! — прохрипел рослый главарь разбойников. — Свинья грязная! Еще бы тебе не загнать нас всех, как скотину — верхом на своем битюге, в кольчуге и с мечом на поясе! Нет чтобы слезть да сразиться со мной как мужчина с мужчиной! Что, слабо?

Гар с возбужденно сияющими глазами остановил коня.

— Ох, нет! — простонал Дирк. — Вот уж не думал, что у него хватит глупости пойти на это! — Он бросился к своему коню и поспешно взгромоздился в седло.

Гар и правда спрыгнул уже с коня и расшнуровывал кирасу.

— Надеюсь, малыш, дерешься ты не хуже, чем болтаешь языком! Я уже много лет не встречал достойного соперника!

«Малыш» был на деле рослее любого другого разбойника — больше шести футов росту и кряжистый, как дуб. Однако и так он оказался ниже Гара едва не на голову, и хотя рыцарь казался не столь мускулистым, Колл вполне мог себе представить, как тот силен на самом деле. Разбойник удивленно посмотрел на спешившегося Гара, потом ухмыльнулся щербатым ртом.

— Не встречал, говоришь? Тогда, скажу тебе, давненько ты не брал в руки меча.

— Возьми да проверь! — предложил Гар.

Рослый разбойник увидел, что Гар все еще возится с завязками; воспользовавшись моментом, он с криком бросился в атаку, замахиваясь мечом. Гар сделал шаг ему навстречу, поднырнул под меч, перехватил руку и сделал подножку.

— Плоховато стараешься, — заметил он вслед полетевшему наземь сопернику.

Разбойник поднялся на ноги.

— Так бы и повесил всех рыцарей за их подлые штучки!

— А ты попробуй, — посоветовал Гар, отшвыривая в сторону кирасу. — Возьми да попробуй.

Разбойник взревел и снова бросился на него, раскинув руки. Гар сорвал с головы шлем и швырнул его тому в лицо.

— Если ты не против, я продолжу снимать броню.

Рослый разбойник отшатнулся от удара, и двое его людей подхватили его под руки. Он с рычанием отшвырнул их и бросился поднимать свой меч. Гар тем временем стянул через голову кольчугу и перебросил ее через седло.

— Я предпочитаю знать, с кем бьюсь. У тебя имя-то есть?

Главарь разбойников побагровел.

— Да, у меня есть имя, и я им горжусь! Меня зовут Банхейль, так и запомни! И никаких там «сэров», ясно? Я сказал: как мужчина с мужчиной!

— Отлично. Меня зовут Гар. — Банхейль довольно хмыкнул, и великан ухмыльнулся. — Все верно, всего один слог — как в именах у сервов. У тебя в имени два слога — считай, тебя особо почитали. Я не против.

Судя по выражению лица, Банхейль не очень-то разбирался в том, что такое слоги и сколько их у него, но уж издевательский тон он распознал безошибочно.

— Вот и посмотрим, кто из нас бьется, как крестьянин, — буркнул он, — а кто — как рыцарь! — С этими словами он бросился вперед, описывая двуручным мечом восьмерку перед собой.

Впрочем, Гар не мешал ему, а только отступал, улыбаясь так, будто это его забавляло. Это выводило Банхейля из себя, и взмахи меча делались все шире и отчаяннее.

— Стой, обезьяна прыгучая! — взревел он. — Стой и сражайся!

— Ну, раз ты так хочешь... — согласился Гар и сделал неуловимое движение мечом. Клинок Банхейля сшибся с ним, блеснул в воздухе и вонзился в землю. Тот выругался, потянул его на себя — и застыл, ощутив жгучий укус в шею. Его сообщники сердито закричали, когда он неуверенно поднял руку, потом посмотрел на нее — пальцы испачкались кровью, равно как и кончик клинка Гара.

— Считай, у тебя уже перерезано горло, — негромко сообщил Гар. — Впрочем, как настоящий герой, дерись дальше, пока я не поражу тебя в сердце.

— Поразишь, как же! — взревел Банхейль и со всех сил замахнулся мечом, целя Гару в голову.

Конечно же, головы на пути клинка не оказалось. Гар легко отпрыгнул в сторону, потом обратно, перехватив запястье Банхейля в момент, когда меч снова вонзился в землю. Тот попытался выдернуть его, но Гар удержал его руку, шагнув вплотную к нему, и заглянул Банхейлю сверху вниз прямо в лицо.

— А мне-то казалось, ты должен уметь наносить удар с умом, а не словно дрова рубишь. Клинком надо колоть — вот так! — Он отшатнулся на шаг, и Банхейль ощутил новый укол, на этот раз в щеку.

— Вторая кровь, — негромко заметил Гар. — Давай, Банхейль, коли!

— Как скажешь, учитель! — огрызнулся Банхейль и двумя руками устремил клинок прямо в грудь Гару.

Гар парировал удар; меч просвистел совсем рядом, порвав даже нательную рубаху. На светлой ткани начало расплываться маленькое красное пятно, и разбойники одобрительно взревели.

— Вот, — улыбнулся Гар. — Теперь видишь, насколько это толковее? Но техника у тебя хромает; смотри, как надо! — Его меч снова метнулся вперед, метя в бедро, потом в сердце. Банхейль в ужасе размахивал мечом, но меч противника исчез, даже не столкнувшись с его обороной, — и тут же метнулся вперед в третий раз, оцарапав другую щеку. Разбойники возмущенно взревели, и Колл приготовился броситься на защиту друга, если те навалятся на него всей толпой, — не защити он Гара, кто тогда защитит самого Колла и его семью? Те и правда двинулись было к фехтовальщикам, но Дирк тронул коня вперед, перегородив им дорогу, и они застыли, с опаской глядя на него. Сам Дирк тоже ухмылялся, но шпагу держал наголо.

Банхейль сделался осторожнее. Он кружил вокруг Гара, покачивая мечом, выискивая бреши в обороне. Гар поворачивался за ним, так и продолжая ухмыляться, потом как бы вынужденно опустил меч.

— Ха! — торжествующе выкрикнул Банхейль и сделал выпад. Однако меч Гара уже снова смотрел вверх, и к своему ужасу Банхейль увидел, что падает грудью прямо на острие. Он сделал попытку увернуться, застыть в падении — и тут клинок Гара вращательным движением поддел его меч и отшвырнул в сторону. Гар шагнул вперед, нанес удар рукоятью меча, и Банхейль, потеряв равновесие, рухнул на землю. Он дернулся встать — и уставился на зависшее у самых его глаз острие меча.

— Мне тут говорили, — дружелюбно заметил Гар, — что в таком положении у тебя только два выбора: быстро сдаться или еще быстрее умереть. Так что выберешь ты?

Разбойники с криками бросились вперед — и тут же конь Дирка устремился им навстречу, а острие его меча описало круг прямо у них перед носом. Послышался хруст — это клинок отсек наконечники пары копий, и толпа подалась обратно.

— Сдаюсь, — прохрипел Банхейль.

— Ну что ж, дай-ка подумать, — вздохнул Гар. — Стоит ли мне оставлять тебя в живых? Принять твою сдачу? Мне кажется, за то, что я, можно сказать, не даю воли своим рукам, положена плата. Скажем, ночлег и добрый обед. С жареным мясом.

Банхейль злобно смотрел на него, но гораздо отчетливее видел острие его меча, поэтому ему против воли пришлось, давясь каждым словом, отвечать.

— Конечно. Добро пожаловать в гости. Мы с радостью поселим вас в лучшей, гостевой, избе и отрежем самое лучшее.

— Мясо, надеюсь? Что ж, спасибо! Мы принимаем твое приглашение. — Гар убрал меч и протянул руку. Банхейль принял ее и поднялся на ноги. — Полагаю, тебе не нужно говорить, что случится, если ты по глупости решишь предать нас, — с легкой улыбкой добавил Гар.

Банхейль посмотрел ему в глаза и пожал плечами.

— Предать гостей? У нас даже в мыслях такого не может быть!

— Еще как может! — усмехнулся Дирк.

Банхейль покраснел.

— Ну, ничего такого мы бы никогда не сделали. Ваши жизни для нас священны, сэры рыцари, как и жизни тех, кого вы защищаете, как это ни странно.

— Ничего странного, — снова улыбнулся Гар. — Колл — наш сквайр, а эти женщины — его мать и сестра.

— Да, мы уже имели удовольствие познакомиться, — сухо заметил Банхейль. — Что ж, тогда идем. — Он повернулся, бросил своим людям приказ, и все двинулись напрямик через лес.

— Будьте добры, не так быстро, — произнес Гар негромко, но твердо. — И я был бы вам благодарен, если бы выбрали тропу, более подходящую для лошадей.

Разбойники остановились, и Банхейль хмуро посмотрел на него.

— Ладно, тогда сюда!

— Поторапливайтесь, — тихо посоветовал Гар Коллу и женщинам.

Колл помог сестре и матери выбраться из шалаша, и они зашагали за бандитами. Он поднял взгляд на Гара.

— Меньше всего нам хотелось бы оказаться в лагере лесных разбойников.

— Вам нечего бояться, пока мы с вами, — заверил его Гар.

— Гар победил Банхейля в честном бою, — пояснил Дирк. — В результате вожак разбойников упал в глазах своей шайки, а это значит, они могут обернуться против него. Ему нужна поддержка, а проще всего искать ее у Гара.

Колл с опаской покосился на него.

— А сложнее?

— Напасть на нас, — просто ответил Гар. — Например, зарезать спящими. Но он знает, что при этом его могут убить, и его люди тоже.

Дирк кивнул:

— Мы не такие дураки, чтобы ложиться спать, не выставив часового, и он знает это.

— Откуда?

— Если к шайке Банхейля еще не примкнул кто-то из бывших солдат Инсола, — отвечал Гар, — они очень скоро это сделают. И они наверняка принесут с собой слухи о двух незнакомых рыцарях, возглавлявших королевское войско.

Колл встревоженно поднял взгляд.

— Так эрл Инсол проиграл?

— Ну конечно, — заверил его Гар. — А король одержал легкую победу.

— Если не считать десятков убитых солдат, — хмуро добавил Дирк, — и почти такого же числа затоптанных сервов.

Гар устало пожал плечами.

— Скажите на милость, как эти аристократы считали убитых, если они не в броне?

Колл ясно представил себе деревенских соседей, лежащих убитыми и истекающих кровью. Горькая скорбь сменилась медленной злостью, которая снова начала разгораться в нем.

— Ничего, — тихо утешал его Гар. — Может, нам все-таки удастся найти способ положить конец этим бессмысленным войнам и убийствам.

— Радуйся хоть тому, что на этот раз все твои остались живы, — так же тихо добавил Дирк.

Колл кивнул, и понемногу скорбь и злость в его душе нашли какое-то подобие равновесия. Он и правда не видел среди убитых никого из своих знакомых.

— Но разве король не рассердится, когда вы не вернетесь?

— Его величество, может, и пожалеет о том, что потерял двух столь полезных ему рыцарей, — согласился Гар. — Однако в битве всегда кто-то пропадает, особенно те, кто отказался от обычной брони. Когда мы вернемся, он даже обрадуется тому, что нам удалось бежать из плена, или выбраться из болот, или чего еще в этом роде — в общем, он не будет слишком уж допытываться, почему нас не было так долго.

— В том, что ты полезен, имеются свои преимущества, — добавил Дирк.

Лагерь разбойников изрядно удивил их. На деле он оказался настоящей деревней, спрятанной в лесной глуши, окруженной крепкой бревенчатой стеной. Мужчины занимались обычной мужской работой: ковали наконечники для стрел, свежевали дичь, латали крыши, упражнялись в стрельбе из лука. Там и здесь носились в каких-то шумных играх детишки и даже хлопотали у костров женщины.

— Ага! — вскричала мать. — Настоящая стряпня! — Она утащила Дицею к ближайшему костру и спросила что-то у склонившейся над ним женщины. Кухарка удивленно покосилась на нее, но на вопрос ответила, а через несколько минут все трое уже оживленно болтали и смеялись.

Банхейль зачарованно покачал головой.

— Ох уж эти женщины! Впервые видят друг друга, а через пять минут уже закадычные подружки!

— Моя мать умеет завязывать дружбу, — пояснил ему Колл.

— У вас ведь есть женщины, — заметил Гар, оглядываясь по сторонам. — Зачем же вам еще?

— Как зачем? Все хотят женщину, а имеет только каждый пятый, — коротко ответил Банхейль. — Из-за этого то и дело вспыхивают ссоры. Порой мне даже хочется, чтобы к нам явился священник и устроил несколько свадеб — пусть мои люди знают, чьих женщин нельзя трогать!

— Твои люди? — удивленно повернулся к нему Гар. — Так это ты, выходит, главарь всего этого пестрого сборища?

— Ну, я, — отвечал Банхейль не без гордости.

— Надо же, какая удача, — безмятежно заметил Гар. — Значит, мне не придется драться дважды.

— И ты бы осмелился? — недоверчиво спросил Банхейль. — У меня тут людей вчетверо больше, чем сопровождали меня сейчас.

— Те, что были с тобой, не очень-то помогли тебе, — напомнил ему Гар.

Банхейль свирепо покосился на него, но что-то отвлекло его; возможно, негромкий лязг меча, которым Дирк поболтал невзначай в ножнах.

— Где эта гостевая изба, о которой ты нам говорил? — спросил Дирк.

— Пойдемте, я вам покажу, — буркнул Банхейль. — Столь почетные гости заслуживают того, чтобы капитан лично проводил их!

Он проводил их до избы, которая почти не отличалась от остальных. Дирк нырнул в дверь, пока Гар осматривал ее снаружи.

— Похоже, ее не мешало бы перекрыть заново, нет?

— Вам не возбраняется перекрывать ее, как вашей душе угодно, — буркнул Банхейль. — Но вам нет нужды тревожиться за крышу, ибо дождя вроде не ожидается.

— Верно, но мы можем задержаться на несколько дней. — Гар выдержал паузу, дождавшись недовольной мины Банхейля, потом повернулся к выходившему из дверей Дирку. — Ну и как там?

— Не мешает подмести, — сообщил Дирк. — И нам может понадобиться выгрести золу из печи на случай, если мы задержимся здесь до холодов.

— Но ведь сейчас лето! — возмутился Банхейль.

— Я предпочитаю заглядывать вперед, — пояснил Гар. — Кажется, кто-то говорил про обед?

— Сами готовьте! — взорвался Банхейль, повернулся и зашагал прочь.

Гар с улыбкой смотрел ему вслед.

— Как ты думаешь, скоро ли он соберет своих людей для того, чтобы напасть на нас?

— Завтра ночью, — уверенно отозвался Дирк. — Я полагаю, он не будет трогать нас сегодня в надежде, что завтра мы сами отчалим.

— Может, это было бы и неплохой мыслью. — Колл тревожно оглядывался по сторонам, то и дело возвращаясь взглядом к сестре и матери.

— Не могу сказать, чтобы это было совсем уж лишено здравого смысла, — согласился Гар. — Но нам нужно дать разбежавшимся солдатам время вернуться по домам, чтобы не мешались под ногами.

— С другой стороны, — напомнил ему Дирк, — нам не стоит задерживаться здесь слишком уж надолго, пока король не подумал, что мы что-то замышляем.

— Не вижу, почему бы не подкинуть ему повод для размышлений, — возразил Гар. — И потом, мы в конце концов можем решить вовсе к нему не возвращаться.

— Но не собираетесь же вы навсегда остаться в этом воровском гнезде! — возмутился Колл.

— Нет, — признался Гар. — Однако имеются и другие возможности... Ба, да я вижу, здешние разбойничьи женщины отличаются по меньшей мере щедростью.

Колл повернулся и увидел, что мать и Дицея возвращаются, нагруженные провиантом. Дицея несла маленький чайник.

— Какие они тут гостеприимные! — воскликнула мать. — Мне нужно прямо сейчас опробовать пару рецептов! И Пинелла была так добра, что одолжила нам запасной котелок!

Колл только и разинул рот, а Гар восхищенно покачал головой.

— Из вас вышел бы потрясающий фуражир, хозяюшка.

На мгновение по лицу ее пробежала тень.

— Не зовите меня «хозяюшкой», сэр, — никто не звал меня так с тех пор, как муж мой погиб, за герцога воюя, упокой Господи его душу. Зовите меня «мамаша» или, там, «вдова». — Тут лицо ее просветлело. — Хотя нет, зовите лучше «стряпухой»! Идем, Дицея, я видела каменный очаг! Разводи огонь да ставь треногу!

— Это и я могу сделать. — Колл собрал сухой травы и щепок и принялся орудовать кресалом.

Мать смотрела на него с гордостью.

— Он у меня славный мальчик, сэр. Силы, конечно, больше, чем ума, да и характер не сахар, и все-таки мальчик хороший.

— Мы тоже таким его знаем, — согласился Гар. — Вы быстро завязываете дружбу, матушка.

— Но они ведь так добры, сэр! Даже, скажу вам, соскучились по обществу женщины постарше! Видите ли, их ведь оторвали от матерей родных, да и от дома родного, вот оно что — так мне Пинелла сказала.

— Нет, правда? — с живым интересом — так, во всяком случае, показалось Коллу — спросил Гар. — А я-то думал, они здесь тоже беглые.

— Ну и то правда, есть и такие, сэр. Кто в лес бежал, чтоб не попасть в кровать какому рыцарю грубому... да только все одно, не к рыцарю, так к разбойнику попали. — Мать слегка пригорюнилась. — Которые бежали, потому как их в воровстве обвинили, — а тут уж лучше в лес к зверям диким, чем руки лишиться. Вот только не знаю, думали ли они о тех зверях, что на двух ногах? Ну и, ясное дело, есть и просто дурехи, что гуляли по лесу одни, вот их и украли в подруги разбойничьи, хотели они того или нет.

— И правда дуры. — Вид у Дицеи был сердитый.

— Я-то думал, всем известно, что в лесу живут разбойники, — заявил Дирк, и Гар искоса бросил на него удивленный взгляд.

— Всем-то оно всем, сэр, известно, — вздохнула мать, — да только девки по молодости не думают, что могут быть не мягче иного рыцаря... или там солдата. И потом, мужики есть мужики, что с ними нашей сестре поделать?

— Попытаться их приручить, конечно, — невозмутимо предложил Гар, и мать удивленно посмотрела на него.

— А то они этого не делают, сэр. И то правда, я не припомню, чтоб мужики в этом признались! Но и тут некоторые нашли себе мужика по душе, живут с ним, рожают ему детей — одно слово, жены, только что невенчаные! Жаль только, священника тут у них нет, вот другие и зарятся на них.

— А если он плохой муж, у нее возникает соблазн сменить его, — сухо заметил Дирк. — Вот тут-то самые драки и начинаются.

— Правда ваша, сэр, да только драк все больше из-за тех, кому мужика себе подобрать подходящего не посчастливилось.

— Дайте-ка я угадаю, — предложил Дирк. — Верно ведь, в такой гражданский брак посчастливилось вступить тем, кто получше собой?

Мать нахмурилась.

— Гражданский, говорите? Странное слово, хоть я не сомневаюсь, оно подошло бы — когда бы законы были одни для всех сервов, а не как господам в голову придет. Нет, тут вы не угадали. Те, кто при мужьях, — не самые из них хорошенькие. Ну, есть и такие, конечно, иначе с чего бы им от господ бежать, да только разве мужик на красоту смотрит, когда женщин недостача?

Дирк кивнул:

— То есть красота не помешает, но и без нее можно. Тогда что же отличает тех, кто замужем?

Мать пожала плечами.

— Ну, те, к которым мужики привязываются. Сдается мне, такие постарше будут.

— То есть те, кому за двадцать, — вздохнул Дирк. — Знаешь, Гар, все это мне кажется очень знакомым.

— Знакомым? — нахмурилась мать, переводя взгляд с одного рыцаря на другого. — Это как?

— Похоже на те разбойничьи шайки, которые он знал у себя на родине, я полагаю, — отозвался Гар. — И я тоже.

— У этих господ родина осталась далеко-далеко, мама, — пояснил Колл.

— Очень далеко, — сухо согласился Дирк. — Была там одна шайка — мы там немало времени провели. Так в ней главарем была женщина.

— Женщина? — изумилась мать. — Главарь разбойничьей шайки? Как это она сумела себе мужиков подчинить?

— Силой воли, — ответил Гар. — В сочетании с неизменной справедливостью, точностью суждений и очень ясным умом.

— И даже если так, что-то не верится мне, чтобы женщина да мужиками правила!

— Она и действительно чрезвычайно выдающаяся женщина, — согласился Гар. — И выделялась бы в любом обществе.

— Уж не очаровывала ли она мужчин своей красотой? — поинтересовалась Дицея.

— Нет, ибо красотой не обладала вовсе, — отвечал на этот раз Дирк. — Внешности она была совершенно заурядной, вот только толста. Ее называли «Лапин», что означает «кролик», ибо она обучила своих людей бежать и прятаться от господских солдат всякий раз, как у них не было шансов на победу.

— Ничего себе, мудрый совет, — буркнул Колл.

— Ты так не считаешь? Так вот, ее шайка выживала и росла, тогда как всех остальных понемногу перебили. И через несколько лет она, можно сказать, владела всеми тамошними лесами.

— Что-то я не вижу подобной мудрости в Банхейле. — Колл нахмурился, глядя в окно на главаря разбойников. Тот отвесил одному из своих людей плюху, потом выкрикнул какой-то приказ.

— Чего нет, того нет, — согласился Гар. — Не сомневаюсь, он продержится только до появления кого-то поумнее. Однако он хороший боец и умеет устраивать засады — вы это на своей шкуре хорошо проверили. Поэтому его шайка просуществовала достаточно долго, чтобы кое-кто из его людей женился и обзавелся детьми.

Колл, нахмурившись, прикусил губу.

— Выходит, пока он побеждает и сохраняет их живыми, они будут его слушать?

Дирк кивнул:

— Мне кажется, это главное испытание для каждого разбойничьего вожака — просто выжить.

— Верно, — согласился Гар. — Собственно, вся разбойничья жизнь — сплошное выживание. С другой стороны, если жестокие господа заводят несправедливые законы, а наказания таковы, что человек предпочитает бежать и голодать, чем покориться, в лесу неизбежно заведутся разбойники.

— Да, если только леса достаточно велики, чтобы полиция их не контролировала, — возразил Дирк.

Гар кивнул:

— Или если горы достаточно велики и непроходимы, чтобы перебить вторгшуюся в них армию по одному, так и не дав ей завязать настоящей битвы. Сойдут и ледники, и пустыни — любая местность, на которой знакомый с ней человек имеет преимущество перед любым солдатом. Осмелюсь предположить, появление разбойничьих шаек в несправедливом обществе неизбежно.

— И при наличии вождей вроде Лапин, поступивших так, как поступила она, исход тоже неизбежен, — серьезно добавил Дирк.

— А что такого сделала эта Лапин? — невинно спросила мать.

Дирк покосился на Гара. Несколько секунд тот стоял неподвижно, потом нехотя кивнул. Дирк вздохнул и повернулся обратно к матери.

— Лапин повернула своих разбойников против господ, — ответил он. — И одновременно с ней дюжина других банд тоже подняла мятеж.

Дицея ахнула; Колл вытаращил глаза, ощущая, как волосы у него становятся дыбом. Мать едва голоса не лишилась.

— Она очень мучительно умирала? — чуть слышно спросила она наконец.

— Вовсе нет, — отвечал Дирк. — Собственно, она жива и здорова до сих пор и очень неплохо ведет дела. Она теперь глава всех мятежников, и они теперь правят всей плане... я хотел сказать, всем королевством.

— Но как же господа? — округлив глаза, спросила Дицея.

— Те, что получше, живы, — вздохнул Дирк. — Остальных перебили.

Все это звучало так дико, так невероятно, что у Колла голова шла кругом. Сервы, сбросившие своих господ? Нет, такого не бывает! Действительно, не бывает!

А если все-таки...

— Вот это герои! — восхищенно вздохнула мать, и таким же вздохом отозвалась Дицея.

— Скажите, сэр, — вымолвила она. — Это что, было во времена легенд?

— Ну, не совсем, — ответил Дирк, неуютно поерзав на месте. — Это произошло шесть месяцев назад. Но, уверяю вас, это было очень далеко! Очень, очень далеко! И потом, бунтовщикам помогали. Один волшебник.

— Два волшебника, — поправил его Гар. — Один из которых и правда был легендой.

Дирк смерил его мрачным взглядом.

— Зато второй — живее некуда.

— Ну, разве не так? — Гар посмотрел на Дирка в упор.

— Уж не думаешь ли ты то, что мне кажется? — глухо буркнул Дирк.

— Еще как думаю, — мягко ответил Гар.

7

Гар занялся Банхейлем в тот же вечер, за ужином. Разбойники зажарили оленя, и вся деревня расселась на площади, пируя олениной, корешками, орехами и ягодами, которые собрали женщины.

— У вас все трапезы такие? — поинтересовался Гар. — Я имею в виду не оленя, а что все едят вместе?

— Ужины — да, — буркнул Банхейль. — А в другое время каждый ест кто как может. Тем, что с женщинами, легче, чем остальным.

— Верно, женщины делают жизнь лучше, — согласился Гар. — Если они заботятся не только о том, чтобы греть постель мужчине. Честно говоря, я удивлен тому, что ваша

шайка устроила жизнь так неплохо, что может позволить себе даже женщин.

Банхейль отозвался на этот несколько прямолинейный комплимент обычным своим бурчанием, но немного оттаял.

— В этих лесах мы самая большая шайка, сэр рыцарь, и мы хорошо спрятались и нас охраняют часовые. Да, мои люди могут предложить женщине безопасность и какие-то виды на неплохое будущее.

— Верно, до тех пор, пока в лесу хватает дичи, — задумчиво согласился Гар. — И пока другие шайки не объединились против вас.

Банхейль удивленно поднял на него взгляд.

— С чего бы это им вдруг?

— Чтобы не опасаться вашего на них нападения, — невозмутимо ответил Гар. — Ты ведь за этим укрепляешь свою шайку, разве не так?

Банхейль отвернулся и хмуро уставился в огонь.

— Пожалуй, что так — раз ты сам об этом заговорил. Тут ведь как — держаться вместе, а не то смерть.

Гар кивнул:

— Примерно так. В конце концов, какой самый надежный способ не допустить, чтобы на тебя напали?

— Напасть первому, — буркнул Банхейль. — По мне, так яснее ясного. А что, не так?

— И мнительно, — тихо пробормотал Дирк, однако Гар беззаботно продолжал разговор:

— Очень даже ясно. Мне кажется, кстати, что именно так пришли к власти самые первые господа.

— Господа? Нападали первыми? Держались вместе? — Банхейль удивленно поднял взгляд, потом задумчиво отвернулся и медленно кивнул. — Ну... да, может статься, что и так. А я-то всегда думал, что они с самого что ни есть начала уродились господами.

— Это они так хотят, чтобы ты в это верил, — с циничной улыбкой заверил его Дирк.

Гар кивнул:

— Каждый благородный дом начинался с человека, который не был рожден для власти, но взял ее силой.

— Ну вам, господам, виднее, — недоверчиво буркнул Банхейль.

— Но не слишком, ты это хочешь сказать? — ехидно улыбнулся Гар. — Если мы правильно поняли, нам стоит захватить власть для себя, да?

— Ну конечно, мы и правда могли именно этим заниматься, — поправил его Дирк. — Только ты видишь нас в самом начале этого дела.

— Ага, и для этого вам нужна небольшая армия, а? Навроде шайки лесных разбойников? Уж не вздумалось ли вам, что я собрал себе армию только для того, чтобы вы пришли и забрали ее для своих целей? — насупился Банхейль.

Гар одобрительно кивнул:

— Ты ведь нас понимаешь, не так ли?

Да, сообразил Колл, Банхейль их понимает, только медленно, с каждым их новым намеком, шаг за шагом.

— Мне нет нужды в пахотах да пастбищах, — фыркнул Банхейль. — Мне и леса хватит.

— Верно, только сколько леса? — вкрадчиво спросил Гар.

Послышались крики. Кто-то забил в барабан, а одна из женщин помоложе начала притаптывать в ритм его бою. Молодой парень выступил в круг и присоединился к ней, потом другой, двое разбойников постарше взяли один свирель, другой самодельную скрипку.

— Довольно разговоров о господах да армиях, — решительно заявил Банхейль и возбужденно отвернулся посмотреть на танцующих. — Жизнь дана для удовольствий.

— Верно, — согласился Гар. — Только порой приходится биться не на жизнь, а на смерть, чтобы было чему радоваться.

— Или работать, или землю возделывать, — добавил Дирк.

Колл даже испытал благодарное чувство к обоим: все эти разговоры об армиях и борьбе не очень-то ему нравились. И потом, разве не говорили сами Гар с Дирком, что хотят положить этому конец?

Похоже, они и правда на время забыли обо всех этих страстях. Гар хлопал в ладоши в такт музыке, а Дирк так и вовсе присоединился к танцующим. Дицея с озорным блеском в глазах тоже пошла танцевать, и остаток вечера прошел в веселье. Ну и — для Колла, конечно — в огорчении, ибо он-то понимал, что его сестренке не светит ничего, кроме разочарования. Дирк мало походил на человека, готового осесть для семейной жизни, да и Гар, если уж на то пошло, походил на такого еще меньше. А в его случае это было очень даже существенно, ибо кто-кто, а Колл-то видел, как поглядывает она на рослого рыцаря. И потом, была в Гаре какая-то отчужденность, которая шла вразрез с дружелюбием, а порой и теплотой его слов — словно он стоял и смотрел на жизнь со стороны, сам в ней не участвуя. Вздор, конечно: ведь видел же Колл собственными глазами, в скольких схватках участвовал Гар... или разве не он, Гар, повел Дирка на выручку Коллу? Или взять хоть последнюю битву, которой командовал Гар? Да и правда вздор... только ощущение от этого не пропадало.

Банхейль сам завел об этом разговор за завтраком — или скорее за тем, что у них сошло за завтрак: ржаным хлебом, сыром и теплым пивом.

— Послушайте, — решительно заявил он. — Я хочу сказать, биться с господами дело пропащее. Уж я-то знаю: тому скоро два года, как я собрал с полсотни человек, что спали и видели, как бы господам отомстить, и мы вышли из лесу, чтоб деревню захватить. Так ихний лорд вывел супротив нас своих рыцарей и пехоту да перебил половину моих людей. Второй половине посчастливилось смыться, да только прошло два года

да четыре победы над шайками поменьше, чтоб они снова в меня поверили.

Коллу все это решительно не нравилось. Пытаться захватить деревню? Выходит, этот Банхейль ничуть не лучше самих господ... «Вернее, — подумал он и сам ужаснулся своей мысли, — это господа ничуть не лучше Банхейля. И разве не это говорил Гар давешним вечером?»

Да нет, он имел в виду куда больше — судя по тому, как одобрительно он кивал в ответ на слова Банхейля и внимательно слушал его рассказ.

— Значит, у тебя достало храбрости попытаться! Но что могут полсотни лучников и копейщиков против рыцарей в броне и солдат с алебардами? Сколько их там было? Сотня вас? Две сотни?

— Раза в два больше нас, никак не меньше, — буркнул Банхейль. — Да какая разница сколько? У лорда, стоит ему только кликнуть, всегда будет больше солдат, чем у меня моих мужичков. И они у него вымуштрованные — все до одного.

— Так вымуштруй своих людей, — возразил Гар. — Я и так вижу, что лучники они у тебя хоть куда. Сколько шаек в этих лесах? Дюжина? Пара десятков?

— Только две или три навроде нашей, — отвечал Банхейль. — Достаточно больших, чтоб строить избы да детей заводить. Но есть еще шестнадцать других, о которых я слышал, хоть по большей части в них по полудюжине людей и они едва перебиваются в лесу.

— Значит, всего человек двести, — подытожил Гар. — А в этой твоей стране таких лесов, как твой, дюжина...

— Двенадцать? — пораженно глянул на него Банхейль.

— Точнее, четырнадцать, — поправил его Дирк.

Колл изумленно уставился на них. Откуда этим двоим, родом из дальних стран, знать такие вещи, которых не знает даже он, Колл, выросший в этих краях? Да еще говорить об этом с такой уверенностью?

— И если в каждом из этих лесов народу примерно столько же, сколько здесь, — продолжал тем временем Гар, — вместе выйдет тысячи две с половиной, если не больше. Не так уж и много, но хватит для того, чтобы выиграть несколько сражений — если драться по-разбойничьи, не по-солдатски.

— По-разбойничьи? — нахмурился Банхейль. — Это как?

— Солдаты бьются, выстроившись в чистом поле, а потом идут друг на друга. Разбойники налетают, выскочив из-за дерева, наносят удар или пускают стрелу, потом отскакивают обратно.

— А, так? — удивленно произнес Банхейль. — Ну да, верно. Ну и как спрячешься за деревом — в чистом поле-то?

— Найдешь то, что под руку подвернется — канаву, сарай, куст. Можно даже с собой зелени принести. Но скажи, зачем тебе биться в чистом поле?

— Потому что солдаты-то там!

Гар покачал головой:

— Ну и пусть стоят себе там на здоровье, пока вы поджидаете их в деревьях. Если подождать достаточно долго, они или уйдут, или пойдут на вас.

— Ну, подумать, так и пойдут, почему бы и нет, — удивленно согласился Банхейль. — Да только что в этом проку, если мне нужно, скажем, отбить деревню у лорда ихнего?

— Очень просто. Ты посылаешь деревенских в лес, а своих людей прячешь между домами... или еще проще: прячься в лесу сам и изруби солдат в капусту, когда они явятся за тобой. А уже *потом* и деревню возьмешь.

Банхейль расхохотался, хлопая себя по ляжкам.

— Да у тебя на все готов ответ, верно? Но вот скажи: как может разбойник одолеть солдата один на один, а? Солдата-то учили биться!

— А я тебе уже отвечал. — Гар широко развел руки. — Возьми да научи своих людей.

— Легко сказать, — нахмурился Банхейль. — Как это сделать?

— Давай покажу. — Гар легко поднялся и вышел на середину деревенской площади. — Приведи мне дюжину своих.

Банхейль улыбнулся во весь рот — ни дать ни взять, вылитый волк!

— Ваун! Брок! Лод! Энг! Приведите каждый по трое людей и ступайте вон туда, к сэру Гару.

Колл смотрел на то, как люди выстраиваются в два ряда лицом друг к другу, а Гар дает им указания. Понимает ли великан, что делает, какую свору гончих спускает со сворки? Колл ни на мгновение не сомневался в том, что Банхейль захватит столько земель эрла Инсола, сколько сможет. И, если подумать хорошенько, Колл еще не решил, чья власть ему предпочтительнее: эрла Инсола или Банхейля.

Лорд Банхейль? При этой мысли он вздрогнул и принялся смотреть за уроком Гара еще с меньшей радостью. Тот учил разбойников орудовать дубинами, как копьями, — и Колл не сомневался, что очень скоро эти увальни научатся драться не хуже любого солдата, знающего копье лишь как колющее оружие. И если Гар обучит их еще и мечом орудовать, как надо, может, и правда это разношерстное воинство беглых сервов сможет бросить вызов господской армии и победить?

Да, если только армия будет не слишком велика. Однако у господ куда больше солдат, чем разбойников в лесах, даже если бандитов и можно заставить подчиниться одному вождю. Колл немного успокоился. Военное обучение этих разбойников, может, и доставит местным лордам хлопот, но вряд ли сбросит их.

Тогда зачем Гар их учит?

Только тут Колл заметил, что не он один следит за уроком. Вокруг собирались другие разбойники, с живым интересом наблюдавшие за своими приятелями...

...и с ними Дицея.

Она сидела неподалеку от Колла и смотрела на происходящее сияющими от восторга глазами — да нет, вдруг сообразил

Колл: она смотрела на Гара! Он вгляделся в ее лицо, в ее сияющую улыбку, и сердце его болезненно сжалось. Он пытался утешить себя мыслью о том, что, если ее мысли смущают и Гар, и Дирк разом, она не может привязаться к одному из них настолько, чтобы страдать... но мысль эта мало его утешала. Он очень любил сестру, но ни на мгновение не сомневался в том, что она вполне способна влюбиться в двух мужчин сразу — ну, не столько в самих мужчин, сколько в возможность сделаться настоящей леди.

Если так, она обречена на разочарование. Колл с замиранием сердца смотрел на сестру и надеялся, что она все-таки научится владеть своими чувствами так, как эти лесные разбойники учились сейчас владеть своими телами.

Колл понимал, что Гар неизбежно позовет его показать, как он обращается с копьем — и, конечно, припашет его к обучению этих увальней бою без оружия, когда ноги действуют не хуже, если не лучше кулаков, а ребро ладони рубит, что твой топор. Вообще-то Колл научился у Дирка легко переходить с кулачного боя на борьбу, так что достаточно превосходил разбойников умением, чтобы учить их. Всего через два дня Дирк поражался тому, насколько изменилось отношение к нему. Женщины, конечно, с самого начала приняли мать и Дицею в свой круг, но теперь и мужчины начали относиться к Коллу вполне приятельски, болтая с ним и приглашая пострелять вместе с ними из лука. Его навыки по этой части тоже произвели на них впечатление — короче, к исходу второго дня они шутили и трепались с ним как с закадычным другом.

При этом они даже не пытались скрыть тех похотливых взглядов, что бросали на Дицею, — и Колл слишком хорошо знал свою сестру, чтобы пытаться удержать ее от заигрывания с каждым встречным мужчиной. Для нее это было столь же естественно, как дышать; он даже не был уверен в том, что она сама осознает, что делает. Однако эти изголодавшиеся увальн-

ни-то этого не знали, так что Колл готовился к неизбежным стычкам.

Впрочем, прежде чем до этого дошло, Колл обнаружил, что уходит от разбойников.

— Что ж, — объявил Гар утром третьего дня. — Они уже знают достаточно, чтобы тренироваться дальше самостоятельно и чтобы объединяться с другими шайками.

— Скажи лучше, подчинить их, — поправил его Дирк.

Гар только пожал плечами.

— Шайка Банхейля и так уже обладает достаточной репутацией, чтобы притягивать к себе новых рекрутов, особенно с наступлением зимы. Следующий же обоз, который Инсол пошлет через этот лес, никогда не доберется до места назначения, и репутация Банхейля возрастет еще сильнее. Другие шайки, может, и не сольются с этой, но будут поступать так, как он велит.

— А это правда хорошо? — спросил Колл.

— Достаточно хорошо для наших целей, — ответил Гар, но объяснять почему не стал. — А теперь нам пора двигаться дальше и поведать миру о том, что господ можно победить.

— Но разве это не ложь? — возмутился Колл.

— О нет, — мягко возразил Дирк. — Поверь мне, это вовсе не ложь.

— Но ведь во всей стране не наберется столько разбойников, чтобы биться со всеми солдатами!

— Почему же, наберется — если учесть, что большинство солдат большую часть времени заняты дракой друг с другом, — убеждал его Дирк. — И потом, кто говорил, что биться могут только разбойники?

— А кто тогда еще? — спросил Колл в совершеннейшем замешательстве.

— Пойдем и посмотрим, хочешь? — тихо произнес Гар. — Или ты предпочитаешь остаться здесь, с разбойниками?

— Только не принимай это так, будто ты *должен* идти, — поспешно добавил Дирк. — Нет, я серьезно: мы предпочли бы

взять вас с собой, но мы поймем вас, и если вы решите остаться. В конце концов, здесь безопаснее, чем на дороге в чистом поле.

Колл согласился бы с этим, когда бы дюжий разбойник — из тех, что бреются раз в неделю, а моются раз в месяц — не задержался поглазеть на Дицею, когда та хлопотала у очага. А поскольку она делала это на глазах у Гара и Дирка, то выглядела и вовсе неотразимо.

— Я бы остался, — медленно произнес он, — но мои мать и сестра могут не захотеть этого, а я не могу бросать их еще раз.

— Конечно, нет, — согласился Гар и повернулся к женщинам. — Как, пойдете с нами, милая матушка?

— Э, да что я? — вздохнула мать. — Ясное дело, славно было бы пожить здесь, в лесу, и я сама ничего бы такого не боялась — но вот Дицея...

— Даже не думайте оставлять меня здесь! — возмутилась Дицея. — Здесь у них нет ни одного мужика, чтоб не раздевал меня взглядом, а вы уйдете, не пройдет и минуты, как они и рукам волю дадут! — Она искоса глянула на рыцарей.

Колл тоже покосился на них и увидел, что Гар рассудительно кивает.

— Нет, — сказал Дирк. — Вам и правда лучше идти с нами.

— Мы действительно будем рады вашему обществу, — добавил Гар. — Советам Колла цены нет, а присутствие женщин всегда скрасит дорогу.

Дицея покраснела и потупилась, и даже мать зарделась от удовольствия. Колл даже обеспокоился, не примет ли его сестра то, что рослый рыцарь почитал простой галантностью, за флирт.

Так и вышло, что в тот же полдень они распрощались с Банхейлем и его братией. Вожака их отъезд изрядно удивил, и он пытался уговорить их остаться.

— Вы желанные гости и останетесь желанными! — Он тоже косил глазом на Дицею, и Колл готов был убить старого

козла: у того дома были женщина и трое отпрысков! — Вам нечего бояться с нашей стороны, сэр Гар...

— Я знаю! — Гар хлопнул Банхейля по плечу. — За эти два дня я начал всецело доверять тебе, Банхейль.

Из чего следовало, что он вообще не слишком-то доверял Банхейлю, решил Колл. С другой стороны, сам он вполне доверял Банхейлю в одном — в том, что тот, несомненно, попытался бы затащить Дицею в постель, стоило бы ее брату и двум рыцарям скрыться из виду. Хотя, если подумать, почему же в одном? В том, что тот сунет Гару нож в спину, как только Гар сделается ему не нужен; в том, что тот предаст рыцарей при первом удобном случае; в том, что тот использовал бы присутствие рыцарей для того, чтобы установить свою власть над этим лесом, а потом и над остальным миром...

— Есть ведь еще и другие леса, которые нам нужно навестить, чтобы рассказать другим шайкам про ваши намерения, — объяснил Гар.

Банхейль тревожно нахмурился: он-то, конечно, намеревался стать вожаком разбойников, чтобы править всеми лесами. Впрочем, эти слова Гара немного успокоили его.

— Нам нужно поискать других людей, желающих прекратить господские притеснения, — добавил Дирк. — Не можем же мы уступать врагу числом — вот мы и поднимем народ.

Вид у Банхейля был не самый одобрительный, но больше возражать он все же не стал.

— Что ж, коли переубедить вас я не могу, желаю вам удачи. Винал! Орам! Ступайте проводите наших гостей из леса самыми тайными нашими тропами!

И они покинули разбойничий поселок с прощальными подарками Банхейля: еще одним жеребцом для Колла и двумя осликами для женщин.

И, конечно, вместе с его провожатыми. Колл ехал, не выпуская копья из рук, да и Гар с Дирком, как он заметил, держали руки на рукоятях своих мечей. Как бы то ни было,

они без приключений добрались до лесной опушки, где Винал и Орам почтительно коснулись пальцами лбов.

— Дальше, сэры рыцари, ничего, окромя пастбищ да пашен, — сказал Винал.

— И пожелаем вам вослед Банхейлю удачи, — добавил Орам. — Да не забывайте, если что у вас пойдет не так, вы тут завсегда желанные гости.

Колл всей душой надеялся, что до этого не дойдет.

И до этого не дошло — по крайней мере в тот же день. Когда день сменился сумерками, они набрели на компанию каких-то оборванцев, сидевших у костра. За ними виднелись две запряженные волами телеги. Они с опаской подняли взгляд на подъехавших к костру Гара и Дирка, но кто-то из их женщин разглядел за спиной у рыцарей двух крестьянок, и это их немного успокоило. Старший из незнакомцев, здоровяк с окладистой седой бородой, встал, вышел к ним навстречу и, сняв шапку, поклонился.

— Добрый вечер, дорогие сэры! Может ли труппа бедных шарлатанов помочь вам в чем-либо?

— Шарлатанов? — Гар с Дирком удивленно переглянулись, потом с улыбкой повернулись к незнакомцу.

— Так вы актеры? — спросил Дирк.

— Имеем честь ими быть, сэр.

— Вы разыгрываете пьесы? — уточнил Гар.

— Ну, в меру сил и способностей, — скромно ответил тот.

— Тогда нам хотелось бы составить вам компанию до вашего следующего представления, дабы посмотреть его, — заявил Гар. — Это вас не обеспокоит?

— Нет-нет, ни капельки! — заверил его мужчина в состоянии, близком к панике. Остальные актеры неуверенно заерзали, пытаясь скрыть охватившую их тревогу.

— О, еще как беспокоит, — с улыбкой возразил Дирк. — Раз так, мы разобьем лагерь рядом с вашим, но отдельно, и последуем за вами завтра утром. — Он повернул коня и поехал

от костра, и Колл повернул следом, — но тут взгляд его упал на молодую женщину, рыжеволосую, с глазами, как спелые вишни. Его внимание не укрылось от нее, и она, забыв про опасения, медленно, оценивающе улыбнулась ему.

Дицея нахмурилась и тронула своего ослика вперед.

— Тогда давайте быстрее искать место для ночлега, пока еще не совсем стемнело.

— Да, конечно, — опомнился Колл. — Увидимся завтра, господа актеры.

— Доброй ночи и вам, сэры рыцари, — с явным облегчением сказал седобородый, и их отряд двинулся дальше, — но Колл еще дважды оглядывался, и сердце его каждый раз замирало, когда он видел, что рыжая красотка все еще, не отрываясь, смотрит на него.

Гар отвел их в сторону от дороги на небольшое вытоптанное место. Земля здесь была плотно утрамбована бессчетным количеством ног и копыт, а два круга из почерневших от копоти камней служили свидетельством множества разведенных здесь костров.

— Что ж, это, похоже, виртуальная дорожная станция, — непонятно выразился Гар. — Дирк, ты не забыл брезент?

— Брезент? Разумеется. — Дирк спешился и достал из седельного мешка увесистый сверток плотной ткани. Точно такой же достал и Гар. Они разбили лагерь, и мать сразу же принялась творить чудеса с вяленым мясом, какими-то надерганными ею корешками и котелком воды. Едва поставив котелок на огонь, она сокрушенно всплеснула руками.

— А чабрец! Чабреца-то здесь не найдешь. Пойду-ка я прогуляюсь к актерам этим — может, у них найдется немножко.

— Не ходила бы ты одна, мама, — поспешно сказал Колл. — Я схожу с тобой. — Он поднялся с места; сердце его забилось чаще при мысли о рыжих волосах и больших глазах. Уходя следом за матерью, он расслышал разговор за спиной.

— Да и с чего бы это почтенной вдове так беспокоиться? — вслух рассуждал Гар. — Уж наверняка какой-то корешок не так уж для нее важен.

Дицея повернулась к нему, и улыбка ее, поначалу натянутая, сделалась живее.

— На деле-то она вовсе не за чабрецом пошла, сэр, — поболтать с теми странниками.

— Ну да, конечно, — кивнул Гар. — Я думаю, общество других женщин должно ободрить ее. А вы уверены, что не хотите сходить с ней?

Дицея подняла на него взгляд, и ресницы ее затрепетали.

— С вашего позволения, сэр, я скорее осталась бы с вами и сэром Дирком.

Колл нахмурился. Как-то он недоглядел, не проявил должной бдительности, какую обычно проявлял в том, что касалось Дицеи. Он вздохнул и тайно порадовался тому, что не остается наблюдать за тем, как его сестрица флиртует с безразличным великаном.

8

Мать с Коллом вернулись меньше чем через час. Мать так и сияла от удовольствия, а у Колла только чуть кривились в легкой улыбке губы, да в глазах горел странный огонек, но и этого хватило, чтобы Дицея нахмурилась. Только что он пятнадцать минут говорил с самым прелестным созданием, которое встречал за всю свою жизнь, и теперь его кровь бурлила, как молодое вино.

— Ох и радушный народ эти актеры! — Мать держала в руках целую охапку зелени. — Сухой чабрец, и розмарин, и шалфей!

— И добрая беседа в придачу? — с улыбкой спросил Гар.

— Целая куча новостей. — Мать присела у котелка и покрошила в варево немного чабреца. — Вот так, еще полчасика, и ваша сушеная снедь превратится в славное жаркое. Добрая беседа, говорите? Еще бы! Они уже все слышали про битву, как король пошел на эрла Инсола и победил — и даже не так уж и много народа положил, хотя с обеих сторон все-таки хватает пропавших.

— Пропали или убиты — какая разница? — с горечью буркнул Колл.

— Да нет же, сынок! «Потеряны» — значит никто просто не знает, где они! Ну, это как если трупов не нашли, но и живых тоже!

— Бежали? — с надеждой в голосе спросил Колл.

— Не сомневаюсь, — ответил Гар. — Помнишь, я все опасался солдат, которые могут укрываться в лесу? Сдается мне, Банхейль найдет много новых рекрутов в свою шайку. Только, боюсь, женщин среди них будет маловато.

— Ох, уж эти-то тоже найдутся, — вздохнула мать, помрачнев. — Нашу-то деревню не одну солдатня потоптала, сэр, правду вам говорю! Даже эти бродяги и то слыхали про четыре деревни порушенные, а весь народ из них в бегах.

— Ну, прятаться можно не только в лесу, — нахмурился Гар.

— Ясное дело, можно, так что многие уже вернулись по домам — ежели деревни их не пожгли. А еще больше вернутся в замок эрла — больше-то им идти некуда.

— Но кости многих других еще найдут по кустам и оврагам, куда они отползли умирать, — снова помрачнел Колл.

— Боюсь, что так, — вздохнула мать. — Так всегда было, да и будет всегда, а нам — нам остается только рожать мужчин, чтоб этот мир не повымер с концами.

— Может, он того и заслуживает!

— Нет, Колл, ты не прав, — мягко возразил Гар. — Кто начал эту войну?

— А кто их всегда начинает? — вскинулся Колл. — Господа!

Гар кивнул:

— Выходит, если убрать господ, может, войны и прекратятся. По крайней мере на время.

Мать с Дицеей в ужасе выпучили глаза на такую чудовищную крамолу, но Колл всего лишь горько усмехнулся.

— Вот, значит, что проповедовал ты Банхейлю, верно? Но что бы ты там ему ни говорил, он не услышал ничего насчет того, чтобы перебить всех господ. Все, что он услышал, — это только возможность самому заделаться господином! Вот и все, что изменится, если ты перебьешь их всех, сэр рыцарь: на их место встанут новые, еще хуже прежних! Им придется быть хуже — иначе как они смогут перебить старых?

Дирк покачал головой:

— Есть способ не допустить появления новых господ, Колл. Люди могут держаться заодно и сбрасывать всякого, кто попытается помыкать ими.

Колл изумленно уставился на него, но почти сразу пришел в себя.

— Держаться вместе? Как? Под руководством вождя! А что, скажите, удержит вождя от того, чтобы стать господином?

— Народ, — ответил Гар. — Если он вооружен, если умеет сражаться и если у него есть закон, гласящий, что вожди ничего не могут делать без его согласия.

Колл посмотрел на него как на полоумного.

— Закон? Но ведь закон издают господа!

— Вовсе не обязательно, — покачал головой Дирк. — Люди могут собираться и сообща решать, какие законы они хотят принять, а потом сбрасывать тех вождей, которые пытаются эти законы нарушить.

— Закон сильнее господина? — не выдержал Колл. — Ты с ума сошел!

— Нет, Колл. И сэр Гар тоже. — Дицея положила руку на локоть брату, хотя горящий взгляд ее адресовался одному Дирку. — Если они говорят, что такое возможно, значит, так это и есть.

Колл покосился на нее, увидел, что мужчины восхищают ее больше любых законов, и понял, что дальше спорить бесполезно.

— Думайте как знаете, — с горечью буркнул он.

— Но попробовать-то стоит, — произнесла вдруг мать. — Согласись, сынок: попробовать стоит. И если уж на то пошло, если мужчины позволят решать женщинам, войн не будет и в помине.

Ну, как женщины дерутся, Коллу видеть доводилось, — хоть они и занимаются этим не так часто, как мужчины. С другой стороны, он не мог не признать, что войн женщины и правда объявили куда меньше, чем мужчины.

Гар медленно кивнул:

— Я слыхал о подобном устройстве: совет мужчин и совет женщин — и предпринимать что-то можно, только когда оба договорятся.

— А почему просто не пустить женщин в тот же совет? — Идея, похоже, очень воодушевила Дицею — так воодушевила, что она не смогла удержаться от замечания, хоть и говорила так тихо, словно боялась, что ее услышат.

Гар серьезно кивнул и повернулся к ней.

— Такое тоже пробовали. — Он пожал плечами. — Все люди устраивают советы так, как считают нужным и удобным для себя.

Колл даже задохнулся.

— Ты хочешь сказать, всеми людьми управляют эти советы?

— Скажем точнее, система советов, — медленно ответил Гар. — И я слышал, что некоторые люди прекрасно живут вообще без управления, хотя сам таких никогда не видел.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что разбойниками правит совет, а не Банхейль?

— Разбойники и есть сами себе совет, — объяснил Дирк. — Их не так уж много, поэтому каждый может высказаться — что они и делают. Банхейль, кстати, все время говорит то с одним, то с двумя, то с тремя или пятью — убеждает, советуется, уговаривает. Просто командовать ими он может только в бою — тут уже советоваться некогда. Им-то нет нужды созывать совет: они и так встречаются за ужином каждый вечер. И тем не менее это и есть их совет.

Колл уставился на него, но видел совсем другое: он вспомнил, как проводил свой день Банхейль. Дирк был прав — тот постоянно общался с кем-то.

— А у этих шарлатанов — тоже, что ли, совет?

Дирк пожал плечами.

— Посмотрим. Впрочем, кем бы они ни оказались, для пятерых людей в бегах это отличное прикрытие.

— Прикрытие? — переспросила Дицея, нахмурившись. — Как это они нас прикроют?

— Прикрытие, Дицея, и самое лучшее, — поддержал Дирка Гар. — Если мы нарядимся бродягами и будем странствовать с ними, никто не будет искать нас в их компании.

Дицея тоже разинула рот.

— Рыцари вырядятся бродягами?

— А чем это хуже, чем прятаться среди разбойников? — возразил Дирк.

— Если мне будет грозить опасность, я готов нарядиться и в кого похуже, — заверил ее Гар.

— Но король же победил! — воскликнул Колл.

— Конечно, но многие солдаты эрла, а также некоторые его рыцари бежали и сейчас рыщут по всей округе, — объяснил Гар. — Нам нужно передвигаться с оглядкой, чтобы вернуться к королю — очень осторожно и не спеша.

Колл согласно кивнул. Гар явно не хотел возвращаться к королю — по крайней мере прямо сейчас. Почему? Впрочем, какая разница? Важно, что Гар с Дирком решили немного

побродяжничать. И уж если они будут делать это в обществе рыжеволосого чуда, Колл не имел ничего против.

— Шарлатаны обрадуются вооруженной охране, — продолжал Гар. — Если мы спрячем щиты, никто не узнает в нас рыцарей — ну, если нос к носу не столкнутся, да и то если только встречали нас раньше.

Дирк кивнул:

— В конце концов, доспехи на нас такие же, как на любом пехотинце.

Дицея сидела, разинув рот. Вид у нее был потрясенный, хотя она очень старалась этого не показывать. Колл только ухмыльнулся и кивнул: все эти уловки определенно начинали ему нравиться.

— А мне копье прятать?

— Нет, мы назовемся вольными наемниками, вот мы и наняли тебя для грязной работы, — улыбнулся Дирк. — Самая лучшая ложь — та, что похожа на правду, верно? Ты только спрячь свой королевский мундир.

Колл потянул камзол через голову и сложил его.

— Готово.

Однако мать казалась встревоженной.

— А что, коли королевские рыцари вас узнают?

— Тогда мы скажем им, что путешествуем тайно, дабы больше узнать о королевских недругах и их слабых местах, — не задумываясь, ответил Дирк.

«Все верно, — подумал Колл. — Ложь, похожая на правду».

— Даже жаль порой, что мы победили, — вздохнул Гар. — Мы бы не боялись тогда, что нас обвинят в дезертирстве.

— Да ты не слишком переживай на этот счет, — с ухмылкой поправил его Дирк. — В конце концов, мы отчалили в такой спешке, что не получили полагавшейся нам платы.

Похоже, это их ни капельки не беспокоило.

* * *

Седобородый все еще продолжал нервничать, когда они все вместе двинулись дальше, однако отсутствие на рыцарях доспехов, похоже, все же успокоило его немного, так что он даже выдавил из себя улыбку.

— Доброе утро, сэры рыцари! Пожалуй, нам пора познакомиться: меня зовут Андров. Мы рады вашему обществу.

— Мы тоже рады знакомству с вами, мастер Андров, — вежливо склонил голову Гар. — Меня зовут сэр Гар Пайк... это сэр Дирк Дюлейн... Колл... Дицея... и их матушка, с которой, полагаю, вы уже познакомились.

Андров улыбнулся матери, и его беспокойство разом исчезло.

— Совершенно верно, и, должен сказать, спутник из нее замечательный.

«А стряпуха еще замечательнее», — подумал про себя Колл. Он-то уже понял, что вся эта шарлатанская компания согласилась путешествовать в их обществе только из-за матери — правда, и выбора-то у них особенного не было.

Мать обогрела его улыбкой.

— Вы ужасно добры, Андров.

— Кстати, — добавил Гар, — на это время, мне кажется, мы вполне могли бы обойтись без титулов. Я для вас просто «Гар», а мой спутник — «Дирк».

— Выходит, вы не хотите, чтобы в вас узнавали рыцарей? — удивился Андров и тут же замотал головой. — Конечно, конечно, это не моего ума дело! Добро пожаловать, сэры, и, раз уж на пути нашем лежат леса, кишащие бандитами, обществу троих вооруженных мужчин мы всегда рады. — Он покосился на Колла. — Вы ведь вооружены, не так ли?

Колл ухмыльнулся и махнул рукой в сторону первой повозки.

— Пока вы тут говорили, я спрятал все там.

Андров удивленно обернулся и увидел едва заметно торчавшее из-под поклажи древко копья.

— Ваши руки быстрее моих глаз, Колл, — улыбнулся он. — Скажите, а вы не подумывали о ремесле фокусника?

Гар с Дирком рассмеялись, но Колл воспринял это совершенно серьезно.

— А почему бы и нет? В жизни любое умение не помешает!

— Ради такого признания любой профессор съел бы свою шапочку! — вздохнул Гар, и все удивленно покосились на него.

— Но что делать профессору в такой глуши, вдалеке от университета? — удивился Андров; впрочем, тут он обошел Колла, который вообще не знал, кто такой профессор.

— Искать студентов вроде Колла, — отвечал Дирк.

Андров с улыбкой пожал плечами и вернулся к делу.

— Раз уж мы начали знакомиться, позвольте представить вам моих спутников. — Он повернулся к своим друзьям, начав с тех, что уже водрузились на повозках. — Константин... Чарльз... Фредерик... Кьяра...

Кьяра достаточно галантно поклонилась Гару, однако взгляд ее то и дело возвращался к лицу Колла, заметно теплея при этом. Колл ощутил себя этаким полем, полным всходов, и весь сиял, улыбаясь ей в ответ.

Завидев это, Дицея нахмурилась.

— А скажите, мастер Андров, что это за славный такой юноша правит второй повозкой? — спросила она нарочито громко.

— А, это Энрико, — отвечал Андров. Парень склонил голову, а потом одарил Дицею долгим, ласкающим взглядом. Она ослепительно улыбнулась ему в ответ — даже немного слишком ослепительно, поскольку Дирк вроде бы этого не видел. Тот только серьезно кивнул по очереди Энрико и всем остальным.

Ощущавший себя хранителем сестры Колл немного обозлился, но тут же почти пожалел ее, ибо та повернулась и принялась оживленно болтать с Гаром. Колл вопросительно

покосился на мать, но та только пожала плечами и покачала головой.

Так они и тронулись в путь — мужчины по очереди то шли пешком, то правили повозками, два рыцаря ехали рядом, беседуя с теми, кто сидел на поклаже. Даже, казалось бы, привыкший к ним Колл все равно удивлялся тому, как быстро Гар с Дирком разговорили актеров, так что через пару часов все уже болтали, как закадычные друзья.

Около полудня они въехали в город — скопление избушек и редких деревянных зданий, у некоторых из которых имелся даже второй этаж. Имелась здесь также каменная церковь чуть повыше остальных построек, рядом с которой располагалась конюшня. Андров обошел ее кругом — как-никак это был второй по размеру дом в городе.

Колл оглядывался по сторонам, разинув рот, да и мать с Дицеей — тоже.

— Никогда не видела столько домов сразу! — призналась Дицея перехваченным от волнения голосом.

Кьяра весело рассмеялась в ответ.

— Ты еще насмотришься городов вроде этого, да и побольше, если постранствуешь с нами подольше.

Дицея надула было губы в ответ на тактичное напоминание о том, что она всего-то деревенская простушка, но тут они оказались на рыночной площади. При виде торговых рядов, увешанных разноцветной одеждой, глаза ее снова расширились, и она рванулась было к ним, но мать успела поймать ее за руку.

— Позже, милая, — и только после того, как мы заработаем пару медяков... если получится, конечно.

Они обогнули самое крупное здание, и Колл увидел, что оно на самом деле самое обычное, только длинное, огораживающее с трех сторон скотный двор. Через обычные дощатые ворота они попали на просторную площадь, отгороженную с двух сторон от внешнего мира боковыми крыльями здания. У

одной боковой стены располагался загон для рогатого скота, у противоположного — для свиней. По двору расхаживали и ковырялись в пыли куры, а посередине его стояло несколько повозок, колеса которых были подперты на всякий случай колодками. Выпряженные из них лошади и ослики стояли у коновязи под соломенной крышей в дальнем конце двора. Между животными суетились конюхи и где-то здесь же, судя по аппетитным запахам жареной свинины и свежего хлеба, располагалась кухня.

Дородный мужчина в фартуке вышел им навстречу с радушной улыбкой, которая несколько померкла, когда он разглядел своих новых гостей. Все же он обратился к ним вполне вежливо:

— Добрый день, странники. Что вам угодно?

— Место для представления, господин. — Андров почтительно сорвал шапку. — Я имею удовольствие общаться с владельцем этого заведения?

— Имеете. — Владелец внимательнее вгляделся в улыбающихся актеров и сложенный поверх деревянных сундуков на первой повозке ярко раскрашенный холст. — Вы, часом, не актеры ли?

— Совершенно верно, сэр, и привезли с собой множество прекраснейших спектаклей! Жалостную историю Пирама и Фисбы для влюбленных, битвы Генриха Пятого для воинственных, а злоключения Мнимого больного для тех, кто любит посмеяться! Возможно, вам доставит удовольствие, если мы исполним их у вас во дворе?

— Занятно видеть, — шепнул Гару Дирк, — то, что сохранилось в местной культуре от первых колонистов. — Гар кивнул, хотя Колл снова не понял, о чем это они.

— Доставит, доставит! — Владелец кивнул и протянул руку. — Меня зовут Эотин. Сколько будете брать за вход на ваши представления?

— Всего шиллинг, сэр.

— Что ж, это как обычно. — Владелец понимающе кивнул. — Как делить будем, поровну?

— Из каждых двух шиллингов один мне, один вам, — уточнил Андров. — Еда дважды в день и комнаты труппе.

Эотин мотнул головой:

— Комнаты только ведущим актерам. Остальные могут спать и под телегами — наверняка в дороге не привыкать.

— Раз так, значит, так, — вздохнул Андров. — Так мы можем устроить представление сегодня?

Лицо Эотина выразило крайнюю степень изумления.

— Что, так скоро?

Андров ухмыльнулся, а несколько его актеров рассмеялись.

— Дайте нам хлеба и пива да несколько часов времени — и мы будем готовы выступать. Где нам устроить сцену?

— Здесь, конечно, напротив ворот, — ткнул пальцем владелец. — Верно, за несколько часов вы едва успеете оповестить народ да разместиться в комнатах, — но слухи разлетаются бойчее пчел. Да, небольшое представление нынче же вечером было бы неплохо.

— Мы займемся тотчас же, — пообещал Андров. — Если вы только пришлете хлеб с пивом, о которых говорили...

— Да, конечно! — Эотин кивнул и направился в сторону кухни. Андров же повернулся к возчикам. — Бартоломью! Честер! Подайте телеги туда, куда он указал!

У стремени Дирка возник конюх.

— Твоего коня ставить на конюшню, игрок?

— Что? А, да, конечно! — Дирк спешился, отвязал седельные мешки и, пока конюх уводил его коня, помог матери Колла спешиться с ослика. Колл помог Дицее (к немалому ее раздражению), и прислуга увела ослов. Две большие телеги откатили назад, к стене постоялого двора, подогнав их задом друг к другу. Остальным актеры сунули под колеса поленья, забив их для надежности обухами топоров, потом полезли на-

верх и принялись разгружать свою поклажу, передавая сундуки и узлы тем, кто остался на земле. За считанные минуты обе телеги оказались пусты. После этого те, кто находился на телегах, сняли боковые и задние борта — оказывается, они не были приколочены, а только вставлялись в пазы — и поставили их вертикально у самых стен, закрепив подкосами. На получившиеся в результате столбы начали вешать что-то вроде занавески.

— Слыхал когда-нибудь про профессиональные союзы? — вполголоса спросил у Гара Дирк.

— Приходилось, — так же тихо отвечал Гар.

— А этим парням — явно нет.

Колл задумался о том, что они имели в виду. До сих пор ему приходилось слышать слово «союз» только от сельского священника — когда тот называл брак «священным союзом». Может, Дирк с Гаром хотели сказать, что все эти актеры повязаны узами какой-то разновидности брака? А если так, можно ли считать такой «союз» хоть немного святым?

Тем временем актеры повесили перед первой занавеской вторую. Когда они покончили с этим, один из них потянул за веревку, и занавеси раздвинулись. Колл удивленно уставился на это, а Дицея захлопала в ладоши от восторга.

— Вот здорово!

Тот, что тянул за веревку, дернул ее еще раз и довольно кивнул, когда занавески снова задернулись.

— Сцена готова. Как там с уборными?

— Уже готовы, — откликнулся Виктор с земли.

Дицея нахмурилась.

— Какие еще уборные?

— Место, где актеры меняют костюмы, — объяснил Андров. — Хотите посмотреть?

— Ну конечно! — вскричала Дицея, и Андров повел их за телеги. Виктор как раз прилаживал к передней части одной из телег лесенку; вторая — с противоположной стороны — уже

стояла на месте, и Альма стояла наверху, подвешивая еще одну занавеску, поменьше, на деревянную раму. Виктор отступил на шаг, пропуская наверх Элайну, та подобрала второй конец этой занавески и принялась привязывать ее с этой стороны.

— Выходить на сцену или уходить с нее актерам придется по лестницам, — объяснял Андров, — а в уборные они попадают через щели в занавесе-заднике. — Он провел их внутрь, и они оказались в помещении примерно двенадцать на восемь футов. Вдоль боковых сторон уже были прилажены перекладины-вешалки, на которые Элспет и Дрю развешивали наряды.

Дицея смотрела на все это, восторженно вытаращив глаза, но мать неодобрительно поцокала языком:

— Да этак любой со второго этажа может выглянуть наружу и увидеть, как женщины раздеваются!

— Вряд ли они увидят много, — со смехом заверила ее Дрю. — Сценические костюмы мы почти всегда носим поверх рубахи, так что меняем только верхнюю одежду.

Виктор тоже рассмеялся. Пока они разговаривали, он успел выкопать посреди помещения яму и теперь, отложив лопату, принял у Константина столб дюймов пять толщиной и поставил его в эту яму.

— Мы, любезная, все это сейчас крышей накроем, так что не бойтесь: даже птичка сверху не увидит ничего.

— И потом, — добавил Андров, — если зрители увидят, как мы переодеваемся, это испортит спектакль.

— Какие чудные платья! — Дицея с сияющими от восторга глазами протянула руку, чтобы пощупать переливающийся бархат.

— Ох, вот этого не надо, лапочка! — Андров задержал ее руку. — Это платье принадлежит самой Катарине, не труппе.

Услышав свое имя, Катарина оглянулась. Возраста она была среднего — примерно как мать Колла.

— У тебя чистые руки, милочка?

Дицея покосилась на свои руки и кивнула:

— Чистые, госпожа.

— Так трогай, не бойся. Славная ткань, не так ли? Его мне дала горничная графини — ее госпожа все равно выбрасывала его, а сама она такое дорогое носить, конечно, не могла.

— А актрисы могут? — ахнула Дицея.

— Да, но только когда мы разыгрываем пьесу.

— Тогда я должна стать актрисой! — воскликнула Дицея.

Актеры рассмеялись, и она, покраснев, осеклась. Однако Андров только серьезно кивнул.

— Слыхал я и похуже поводы для желания выйти на подмостки. Но ремесло наше связано с тяжелым трудом, лапуля, — и тебе предстоит очень многому научиться, если ты этого действительно хочешь.

— Хочу! — вскричала Дицея. — А уж тяжелого труда мне не избежать, чем бы я ни занялась!

— Но у тебя, возможно, нет дара перевоплощения, — предупредил ее Андров.

— И тебя может утомить слишком уж назойливое внимание ноблей и всяких там мелких дворян, — напомнила ей Дуз, мрачно покосившись при этом на Магду, которая отвечала ей таким же взглядом. — Ведь некоторые считают актрис, понимаешь ли, дешевыми игрушками.

— Лорды и рыцари считают всех женщин такими, что бы мы ни делали! — сердито передернула плечиками Дицея.

— Дицея! — ахнула мать.

— А что тут скрывать, мама? — заломила бровь Дицея. — Только вмешательство Колла помогло мне убежать в тот раз, когда я не успела вовремя изобразить из себя дурочку и дурнушку.

Кьяра удивленно повернулась к ней.

— Ты что, правда умеешь делать себя такой непривлекательной, чтобы рыцари проезжали мимо, не обратив на тебя внимания?

— А разве не каждой крестьянской девушке приходится этому учиться? — ответила Дицея вопросом на вопрос.

— Ну, не знаю. — Кьяра повернулась к Андрову. — Может, она все-таки не без способностей.

Дицея зажмурилась, потом расцвела счастливой улыбкой и повернулась к Гару.

— А какую роль будете исполнять вы, сэр рыцарь?

— Да, действительно, какую? — одарила его томным, искушающим взглядом Дуэ.

— Защитника невинности, — с улыбкой отвечал Гар.

Все рассмеялись, но Андров ограничился улыбкой и кивком.

— Это может пригодиться, юный сэр, очень пригодиться. Ну, не обязательно только невинности, но защитник? О да, с этим вы справились бы очень неплохо — при желании, конечно!

Продолжая улыбаться, Гар повернулся к нему:

— Что именно вы имели в виду, мастер Андров?

9

Представление началось сразу после полудня. Хозяин, Эотин, послал своих конюших на рынок пустить молву, и публика начала стекаться, когда солнце еще только подползало к зениту. Младшие актеры Андрова, совсем еще мальчишки, стояли у ворот, собирая медяки со зрителей. Раз или два мимо них пытались прошмыгнуть задаром, и всякий раз дорогу нарушителю заступал Гар.

— Мне показалось, ты забыл заплатить мальчику, приятель!

— Какого... Ох да! Сейчас! — И нарушитель, недовольно ворча, возвращался заплатить за вход.

Андров стоял тут же, рядом, одобрительно кивая.

— Отлично, друг мой, просто замечательно. Обыкновенно мальчикам помогает кто-нибудь из актеров, но у вас выходит несравненно лучше.

Гар пожал плечами.

— Иногда непривлекательная внешность полезнее.

— Непривлекательная? Это у вас-то? — иронично покосился на него Андров. — Кое-кто из наших молодых женщин считает иначе. Кстати, друг мой Гар, вы сделаете мне большое одолжение, если не будете обращать на их расположение особого внимания.

— Поступать иначе было бы неблагородно по отношению к другу, — улыбнулся Гар. — Уверяю вас, каков бы ни был обычай, я отношусь к людям с подобающим уважением.

Когда двор заполнился, Андров в сопровождении мальчиков и Гара пробрался вдоль стены к артистической уборной. Там царила паника.

— Мастер Андров! — бросилась к ним Элспет. — Джонатан заболел!

— Правда заболел, — подтвердила мать. — Лоб горячий, да в животе корчи. Скушал чего не того, точно говорю.

— Но он поправится? — с тревогой спросил Андров.

— Думаю, поправится, но за ним нужен уход. И уж покуда поправится, дня три пройдет, если не больше. Может, даже неделя.

— Ну, хоть это хорошо. — Старший актер немного успокоился, но тут же снова застыл. — А кто будет играть рыцаря?

— Ну, Аксель может... — предложила Элспет.

— На него же броня не налезет! Она вообще не налезет ни на кого, кроме Джонатана! — От огорчения мастер Андров даже дернул себя за бороду. — Дайте подумать... Что нам остается?

— А вам действительно необходим рыцарь? — поинтересовался Гар.

— А как же нам без рыцаря? Кто еще поведет крестьян на великана?

— Вот Аксель и поведет, — улыбнулся Гар.

— Вздор какой! Чтобы простой крестьянин повел остальных против чудовища? Да разве кто-нибудь поверит в такое? Публика нас просто освищет!

— Вовсе нет, — заверил его Гар. — В такое очень даже *можно* поверить. Попробуйте. В худшем случае публика будет настолько потрясена, что не скажет вообще ничего.

— Ба, да это новинка, это оживит пьесу! — Глаза у Акселя восторженно вспыхнули. — Позвольте мне попробовать, мастер Андров!

— У нас ведь нет другого выбора, так? — вздохнул Андров. — Ладно, ребята, — крестьян на великана поведет Аксель. А теперь одеваться и на сцену, живо! Пока толпа не растерзала нас от нетерпения!

Спустя всего несколько минут мальчики в ярких ливреях — явно доставшихся им от герольдов какого-то герцога — выступили с барабаном и трубой на сцену и громко, хотя и чуть фальшивя, исполнили вступление. Толпа зрителей немного притихла, и на их место вышел Андров со вступительным словом.

— Добро пожаловать, добрые зрители! Смотрите и наслаждайтесь! Для вас мы исполним на этой сцене сказку про Гаргантюа!

По толпе зрителей пробежал возбужденный шепот. Колл хорошо расслышал его, ибо находился в самой гуще этой толпы: в его задачи входило присматривать за зрителями на предмет тухлых фруктов, излишне восторженных почитателей хорошеньких актрис, не говоря уже о тех, кто перебрал пива. Увы, и фруктов, и пива в толпе было предостаточно: служанки с постоялого двора сновали среди зрителей, предлагая тем подкрепиться, — и с одного взгляда на корзины с фруктами Коллу стало ясно, что Эотин воспользовался возможностью избавиться от залежалого товара.

Впрочем, следить за толпой Коллу сделалось гораздо труднее, когда Кьяра и Дюз в самых красивых нарядах выпорхнули на сцену и принялись обсуждать ужасного великана, приближавшегося к их деревне. Движения их были столь изящны, а подолы обрезаны так высоко, что Колл с большим трудом заставлял себя оторвать взгляд от хорошеньких актрис и следить за зрителями. Тем не менее ему это удавалось, но он все же поднял взгляд на сцену, когда на нее вышел Андров и прогнал девушек: великан подошел уже совсем близко. Они подчинились, но стоило ему уйти, как они вернулись, хихикая и предвкушая, как они спрячутся и увидят великана.

Тут появился и сам Гаргантюа, и весь зал дружно ахнул от страха. Даже Колл не удержался от потрясенного вздоха при виде его огромного роста, горы мускулов и устрашающей маски. Конечно же, он сразу вспомнил, что «Гаргантюа» — всего лишь его господин, Гар, и он успокоился, но не совсем, ибо ему все равно не помнилось, чтобы Гар был *таким* огромным.

Ну, роста ему и правда немного добавили. Он обул башмаки с подошвами толщиной добрых три дюйма, да и маска возвышалась над головой еще на фут. Он подошел к Кьяре и осторожно погладил ее по волосам. Мгновение она стояла, дрожа, потом взвизгнула и бросилась прочь — вернее, попыталась броситься, но Гаргантюа схватил ее за руку. Она дернулась и безвольной куклой осела на пол. Дуз упала на колени и закрыла лицо руками.

— Она мертва! Ты, гадкое чудовище, — ты убил ее! — вскричала она и с плачем убежала со сцены. Оставшись один, Гар осторожно, едва не сломав ногу на этих толстенных подошвах, опустился на колени, снова дотронулся до волос Кьяры, потом приподнял ей голову, руку... Колл сообразил, что великан снова пытается заставить красавицу танцевать с ним. Когда тот понял, что это невозможно, плечи его обвисли, и все его тело превратилось в олицетворение безутешного горя. Зал замер, завороженный нежностью души незадачливого чудовища, и до него донесся сдавленный всхлип.

Потом Гаргантюа встал, порылся в сумке у себя на поясе и вытащил из нее мышь. Кое-кто из женщин негромко взвизгнул, а мужчины неодобрительно фыркнули, пока до них не дошло, что это всего лишь кукла. Маленький зверек вертелся у великана на ладони, а тот осторожно гладил его пальцем. Плечи его распрямились, и лицо просветлело. Утешившись, он сунул мышку обратно в сумку и, тяжело топая, ушел со сцены.

Так все и продолжалось: Гаргантюа все пытался быть дружелюбным и даже нежным, но, не осознавая своей силы, только губил все вокруг. И после каждого несчастья он находил утешение, играя со своей мышкой, — даже после того, как целых трое мужчин сообща пытались побить его цепами. Но в конце концов он сдавил мышку слишком сильно, и пушистый комочек безжизненно обвис у него в пальцах. Тогда он испустил вопль безутешного горя, рухнул на колени, а когда встал обратно, вся фигура его изображала гнев и ненависть. Как раз тогда Аксель созвал остальных крестьян, убедил их в том, что им нужно самим спасать свои жизни, и повел их, вооруженных мечами, косами, вилами и всем прочим, попавшимся под руку, на великана.

Великан же повернулся, чтобы встретить их толпу. Он отшвыривал нападавших одного за другим, пока они не навалились на него все разом. Зрители совершенно обезумели, свистя и крича, — кто поддерживал крестьян, кто Гаргантюа. В конце концов груда копошащихся тел распалась, мужчины поднялись на ноги и утащили неподвижное тело великана со сцены.

На смену им вышел Андров. Он поблагодарил зрителей за внимание, посоветовал им не слишком доверять незнакомцам и попросил их отблагодарить актеров своими аплодисментами. Публика живо отозвалась на эту просьбу, и вся труппа вышла на сцену поклониться. Гар так и не снял еще маску и башмаки.

— Завтра, в час пополудни, — объявил Андров, когда аплодисменты начали стихать, — мы представим вашему вниманию историю Мнимого больного! Всего хорошего, дру-

зья! — Он помахал зрителям на прощание и последним покинул сцену.

Аплодисменты стихли окончательно, и зрители потянулись со двора, возбужденно обсуждая увиденное, а также свои ожидания на завтрашний спектакль. Колл с трудом протискивался в противоположном направлении, спеша в артистическую уборную посмотреть, не лежит ли Гар пластом от усталости.

Тот вовсе не лежал; напротив, он улыбался, держа маску в руках, и принимал поздравления от остальных актеров.

— Вы были великолепны, сэр Гар! — воскликнула с сияющими глазами Дуз. — Я никогда еще не видела такого трогательного великана!

Гар благодарно рассмеялся.

— Да, но если бы вы увидели мое лицо, уверяю вас, оно и вполовину бы вас так не впечатлило!

— О, я не сомневаюсь, что вы не правы! — вмешалась Элспет, тоже державшаяся ближе к нему. — Каждое ваше движение, каждый вздох выражали целый океан переживаний!

— Что ж, спасибо! — Гар склонил голову, но маски из рук не выпускал. — Правда, будь у моей роли хоть одно слово, я уверен, что загубил бы весь спектакль.

— А вот и нет! — Дицея тоже протолкалась к нему — так близко, как она ни за что бы не осмелилась, не поступай актрисы так же. — Вы были лучше всех!

— Нет, право же, очень неплохо. — Андров шуганул девиц прочь и похлопал Гара по плечу. — И потом, что за гениальная находка: чтобы крестьян повел Аксель! Слышали, как встречала его публика? Откуда вы знали, что так и выйдет?

— Ну, если честно, наверняка я этого не знал, — отвечал Гар. — Но жизнь научила меня тому, что каждому приятно видеть героем почти такого же, как он сам.

Андров медленно кивнул, и в глазах его вспыхнул огонек любопытства.

— Вы уверены, что никогда не играли в пьесах?

— На сцене — никогда. — Гар продолжал улыбаться. — И умоляю вас, не заставляйте меня делать это еще раз — по крайней мере в тех ролях, у которых есть реплики.

— А ну, принесите этому человеку кружку пива! — крикнул Андров и подтолкнул Гара к его одежде. — Ступайте, переоденьтесь, и мы расскажем вам о следующей работе, которую мы для вас задумали. Нет, не тревожьтесь, не на сцене: в «Мнимом больном» нет роли великана.

— Уж надеюсь! — рассмеялся Гар, и оба, переодеваясь и беседуя на ходу, ушли в гостиницу.

Разочарованная Дицея повернулась к Дирку и попытала свои чары на нем.

— А вы, сэр, тоже будете актером?

— Только в подходящей пьесе, — с улыбкой отозвался Дирк. — И за подходящую плату.

— О! И что же это за плата, сэр? — одарила она его сладкой улыбкой и придвинулась чуть ближе.

Дирк разом посерьезнел.

— Мир и конец всех этих войн, которыми тешатся нобли. Конечно, хорошо бы к этому добавить и свободу, но нельзя же браться за все разом.

Дицея изумленно уставилась на него: задачка и впрямь казалась невероятной. Впрочем, она быстро пришла в себя и состроила разочарованную физиономию.

— Вы умеете так быстро делаться скучным, сэр Дирк!

— Разумеется, — согласилась Кьяра, подходя к Коллу. — А вы, сэр, вы не против играть, даже если ваш господин не в настроении?

Дицея недовольно покосилась на нее, но Колл, не обращая на это внимания, ответил ей долгим взглядом и ласковой улыбкой. Глаза их встретились, и ему показалось, будто ему передается от нее какая-то неведомая сила.

— А какую игру вы имели в виду?

— В уток и селезней, — отвечала Кьяра.

— В куплеты, — перебила ее Дицея, и все трое пустились в словесное состязание, полное скрытых и не очень скрытых намеков, причем Колл то и дело ловил себя на мысли: участник ли он этого состязания или всего лишь арбитр.

На следующий день Элспет и Дуз поссорились из-за того, кому показывать Гару его обязанности, когда он не занят на сцене. Будучи дипломатом, он решил, что ему необходимо знать обе точки зрения, и отправился во двор под руку с обеими. Кьяра уклонилась от участия в этом состязании, но не преминула устроить такой же урок Коллу. Разумеется, Гар превосходно обошелся бы без получасовой прогулки с объяснением того, что ему делать с лошадьми знатных зрителей, равно как и Коллу не обязательно было целый час объяснять, как стучать камнем по железному листу, изображая гром. Надо признать, Колл показал себя старательным учеником и сам просил куда более детальных объяснений, чем требовалось. Впрочем, от него не укрылось, что Дицея тоже время от времени подлезает к Дирку с далеко не обязательными вопросами, так что они были квиты.

В конце концов Кьяра отвела его за занавес, в артистическую уборную. На деле она представляла собой большой шатер, одну стену которого заменяла сцена, а другую — стена гостиницы.

— А здесь мы отдыхаем, — пояснила она.

— От чего же? — поинтересовался Колл.

Кьяра с улыбкой повернулась к нему и грациозно прислонилась к стене гостиницы.

— Ну как же, от долгих упражнений.

— Раз так, я, поди, утомил вас долгой прогулкой, а еще больше расспросами своими. — Сердце у Колла забилось быстро-быстро; он надеялся только, что ее призывный взгляд ему не мерещится. Он сделал шаг к ней, и улыбка ее сделалась еще шире, а глаза томно прищурились.

— Ну, не так уж это было и утомительно, — сказала она тихо, и голос ее сделался чуть хрипловатым. — Может, вы заставите мои губы поупражняться еще?

Колл шагнул еще ближе. Лица их оказались совсем рядом друг с другом; тела их почти соприкасались. Они улыбались, глядя друг другу в глаза, и ему показалось, будто все тело его напряглось от ее близости.

— Ты слишком далеко, — чуть слышно шепнула она.

Он поцеловал ее, потом еще раз, дольше, — а потом еще и еще, с каждым разом все дольше и глубже.

С этого времени Колл и Кьяра старались на людях держаться подальше друг от друга; вот только и наедине им доводилось оставаться не слишком уж часто.

Сестра его тем временем тоже не сидела сложа руки. Очень скоро она взяла в привычку при каждом удобном случае подсаживаться к Дирку, задавая ему самые разные вопросы. В конце концов она нащупала-таки волновавшую его тему, так что теперь выслушивала лекцию о войне и власти. Увы, при этом она забывала порой про свою улыбку, а несколько раз даже, не удержавшись, зевнула.

Впрочем, Дирк не успел достаточно углубиться в предмет обсуждения. Запив наскоро пивом хлеб и сыр, актеры поднялись на сцену и принялись репетировать. Они прокрутили весь спектакль невероятно быстро; Колл даже усомнился невольно в том, что зрители не потребуют денег обратно за такое недолгое зрелище. Похоже, такая мысль пришла в голову и Дирку, ибо тот повернулся к Кьяре.

— Всего час?

— Нет, они проходили только самые сложные места, — объяснила она и бросила на Колла взгляд, по которому он понял, что самой ей репетиции нравятся. — При публике это будет продолжаться часа два с половиной.

— Несколько часов удовольствия стоят таких усилий, — пробормотал Колл, глядя ей в глаза, потом тряхнул головой. — А

много ли зарабатывает на этом владелец постоялого двора, если он с такой радостью согласился на ваши выступления здесь? Вы ему платите?

Она кивнула:

— Одно пенни из каждых двух. Но еще больше денег он зарабатывает на господах и рыцарях, которые снимают у него комнаты окнами во двор — обычно комнаты с окнами в город стоят дороже, но не теперь. — Она махнула рукой, показывая на окна второго этажа и тянущийся перед ними балкон. — Ну и, конечно, еду и вино он им сейчас тоже втридорога продает.

— Замечательный способ провести время, — заметил Колл, сопроводив эти слова выразительным взглядом.

— Я не прочь попробовать как-нибудь, — согласилась она, затрепетав ресницами.

— Даже если представление окажется скучным?

— Наши представления никогда не бывают скучными, — заверила она его. — Но даже если так и случится, рыцарь с дамой всегда могут просто удалиться в комнату и задернуть занавеску.

— А разве вы можете освободиться от спектакля? — поинтересовался Колл, придвигаясь к ней ближе.

— Идут! Идут! — ворвался к ним Андров. — И знать, и городские подмастерья! Все по местам!

Спустя несколько минут городская знать уже рассаживалась по лавкам перед сценой, оставив своих лошадей на попечение Гара и пары актеров помоложе. Впрочем, стоило кому-нибудь попытаться прошмыгнуть мимо собиравших плату мальчишек, не заплатив, как Гар поднимался во весь свой рост. Одного вида его вполне хватало, чтобы зритель вдруг вспомнил, где у него деньги.

Очень скоро у входа выстроилась целая очередь городских богатеев, толкавшихся локтями и оживленно болтавших. Оживление еще более возросло, когда вдоль очереди прошлись мальчишки из гостиничной прислуги, разливавшие вино из мехов

каждому, у кого нашлось для этого пенни. Впрочем, нашлась и пара таких, кого ожидание раздражало, и они недовольно ворчали по этому поводу.

— Радуйтесь, друзья, — сказал им Гар, — что вам приходится ждать всего лишь начала представления, а не новой битвы.

Колл не поверил своим ушам. Стоявшие рядом тоже удивленно притихли. Ворчун повернулся к Гару.

— Ох, этого-то мы всегда ждем! Но там хоть не нужно стоять, толкаясь, или платить за вход!

— Вы очень даже платите — еще как платите, — возразил Гар. — Кровью и разрушениями. Вам нужно одно: такой сценарий войны, при котором убивают только зло.

Это заявление было встречено потрясенной тишиной, которая, однако, сменилась громким смехом. Даже ворчун не удержался от ухмылки.

— Отменно сказано, сударь актер! Вот только где это вы найдете такой сценарий, а?

— В отваге обычных людей, — отвечал Гар. — Вы видели вчерашнее представление?

— С великаном Гаргантюа? А как же! Смелая сказка, надо сказать!

— Действительно смелая, — согласился Гар. — Так вот, где были рыцарь или лорд, когда объявился великан?

Народ снова притих, соображая. Кое-кто начал неуверенно оглядываться по сторонам.

— И то правда. — На этот раз заговорил не ворчун, но купец с сединой на висках. — Рыцаря и вовсе не было, верно ведь?

— По пьесе он требовался, но игравший его актер заболел, — сказал Гар. — И что, вам его не хватало?

Глаза у купца так и вспыхнули.

— Ни капельки!

— И мне тоже, — нахмурившись, признался один из ворчунов.

Колл как-то не решил, хочется ли ему слушать дальше.

— Вот так вот в пьесах всегда, — продолжал Гар. — Когда вы видите рыцарей и лордов — это всегда к войне.

— Только ли в пьесах? — спросил другой, по виду из подмастерьев; вид у него сделался сердитый.

Впрочем, очередь двинулась вперед, так что отвечать Гару уже не пришлось. Вместо этого он не без интереса повернулся к следующей кучке ворчунов, которые жаловались на то, что им плохо видно.

— Зато господам хорошо, — заметил Гар.

Колл сунул поводья, которые держал в руках, конюшенному мальчишке, а сам пошел во двор посмотреть, как там дела у Дирка. Он надеялся, что с Гаром не случится ничего плохого, но слова великана разбудили в нем разом злость и надежду. Он решил, что на сегодня с него работы хватит.

Он нашел Дирка очень быстро — и тут же пожалел об этом. Тот беседовал с компанией наемных работников и подмастерьев.

— В каждой ячейке всего три человека, — говорил он. — Все верно, человека: женщины могут передавать вести не хуже мужчин. Однако каждый знает кого-нибудь из другой ячейки, и все внутри ячейки, конечно же, знают друг друга.

— Выходит, никто не знает больше четырех людей? — спросил один из работников.

Дирк кивнул:

— Верно. Троих из своей ячейки и еще одного из другой.

— Значит, если надо пустить какую весть, достаточно сказать ее всего одной ячейке. — Работник просиял от удовольствия. — Каждый из троих передает ее кому-то из другой ячейки, так что об этом известно уже четырем ячейкам! А потом каждый из трех новых ячеек передает другим — и тогда новость знают уже... сколько это... четырнадцать ячеек!

— И так далее, и так далее — так что всего за день или чуть больше об этом знают уже все, — кивнул Дирк. — Таким образом, тот, кто планирует операцию, уверен в том...

Колл поспешил прочь, так и не узнав о том, что такое эта «операция». Он почти дрожал от волнения, а ведь ему предстояло вытерпеть еще все представление. Неужели Гар с Дирком и правда затеяли это? Сбросить господ, положить конец войнам? Или по крайней мере укоротить знать, чтобы и она подчинялась хоть каким-то законам?

— Обыкновенно публика ведет себя куда развязнее.

— А? — Колл поднял взгляд и обнаружил, что ноги принесли его к мастеру Андрову. Старший актер махнул рукой в сторону собравшейся публики.

— Никогда еще не видел, чтобы публика только смеялась, болтала... ну, разве что, изредка огрызок яблока на сцену кинут! Обыкновенно в зале всегда кто-то ссорится, кто-то дерется, женщины визжат, если к ним пристают с непочтительными предложениями. — Он восхищенно тряхнул седой головой. — Твои господа воистину обладают волшебным даром успокаивать толпу, дружище Колл.

— И то верно, волшебным, — согласился Колл. Правда, сам он не был слишком уверен в том, что это можно было назвать словом «успокаивать». Ну, на время представления, может, и так, но его не оставляло ощущение того, что впоследствии это спокойствие может аукнуться очень даже громко.

По окончании представления Гар с Дирком устроились недалеко от сцены — не слишком близко, чтобы слышать разговор Андрова с хозяином постоялого двора, деливших выручку за сегодняшнее представление, но так, чтобы оставаться на виду у Эотина на случай, если тому вдруг вздумается изменить условия соглашения. Колл стоял рядом с ними, исходя досадой. Надо же, как раз когда он мог задать им с дюжину вопросов по поводу сегодняшних разговоров, когда он готов был выполнить любое их приказание, даже если от него потребовалось бы набить морду и заковать в цепи самого эрла Инсола, — как раз теперь рыцари не желали говорить ни о чем, кроме представления и исполнителей!

— Им не откажешь в энтузиазме, — настаивал Дирк.

— О да, чего-чего, а энтузиазма у них в избытке! — согласился Гар. — Конечно, подача образа, скажем так, несколько прямолинейна, а характеры словно плотником вырублены — зато исполняют все это они с душой.

Дирк пожал плечами.

— Им необходимо, чтобы голоса их были слышны у дальней стены, а жесты — ясны людям, находящимся в сотне футов и на два этажа выше их. Еще бы им не склоняться к гротеску!

— Ну да, нюансы характера... — начал Гар.

— Останутся незамеченными всеми, кто не сидит в первом ряду. Но, конечно, им могло бы помочь, если бы они придерживались изначального сценария...

Гар пожал плечами и негромко усмехнулся.

— Если бы они придерживались изначального сценария, все было бы совсем по-другому.

— Еще бы, — улыбнулся Дирк. — Но, поскольку сценария у них нет, а единственный повод играть — это возможность заработать несколько пенни, тебе придется судить их не по яркости воплощения сценического образа, а по тому, умеют ли они устроить развлекательное зрелище.

— Что сами они, разумеется, будут отрицать, — вздохнул Гар. — Неужели Оливье, Ивенс или Гилгуд выросли из такого вот примитива?

— Ты забыл Шекспира и Мольера.

— Нет, это *они* забыли. Ты же видишь, как это все произошло: книги с пьесами утеряны, сервам запретили учиться читать, но артисты передавали тексты устно, от поколения к поколению. Сами строки давно забыты, но сюжет они еще помнят — поэтому их потомки выходят на подмостки и говорят роли, как сложится.

— Интересно еще, как это первые колонисты вообще позволили некоторым сервам играть на сцене? — заметил Дирк.

Гар пожал плечами.

— А чем еще заняться вечерами?

В том, что касалось последнего вопроса, Колл мог бы предложить несколько возможных ответов, и уж любой из них был, пожалуй, разумнее того, о чем говорили рыцари. Судя по всему, Дирку тоже пришло в голову нечто подобное, поскольку он одарил Гара медленной улыбкой.

— Я вижу, что ты имеешь в виду, — произнес он. — Время от времени для разнообразия можно и спектакль посмотреть, верно?

— Очень даже можно, — кивнул Гар. — Но только от большого безделья. Все-таки эти одичавшие аристократы не из тех, кто слишком уж заботится о процветании искусств.

— Да уж, нравы у них проще и прямее, — согласился Дирк.

— И к тому же они вряд ли слишком церемонятся с теми актерами, которым не удалось их развлечь. Я мало в этом сомневаюсь, — угрюмо добавил Гар. — Нет, с учетом всех обстоятельств эта труппа справляется со своим ремеслом очень даже неплохо.

— Верно, — кивнул Дирк. — И вряд ли нам стоило ожидать чего-то большего. Вряд ли они стали даже пытаться. В конце концов, они, возможно, даже не знают о том, что театр может быть и другим.

— Зато они живы, — добавил Гар. — Живы и свободны от доли крепостных... правда, не думаю, чтобы этот вопрос кто-нибудь поднимал.

— Да идем же, девка! Не прикидывайся слишком уж добродетельной!

Все трое разом обернулись на этот голос, обещающий неприятности.

Четверо мужчин со смехом окружили Кьяру, и хотя старший из них произнес эти слова шутливым тоном, лицо его оставалось при этом вполне серьезным.

— Мне кажется, наше общество там не помешает, — заметил Дирк, кивнув в сторону этой компании.

— Ага, — откликнулся Колл уже на ходу, сжимая кулаки.

— Дайте знать, если вам понадобится подкрепление, — бросил им вслед Гар, прислонился, скрестив руки на груди, к столбу и приготовился наблюдать.

— Уберите руки, сэр! — Кьяра тоже вроде бы шутливо оттолкнула мужчину. — Уж не думаете ли вы, что если я играю на сцене, то у меня и скромности нет? Постыдились бы!

— Стыдиться? — расхохотался другой мужчина. — Да любому дураку известно, что актрисам и слово-то такое неизвестно. — И он потянулся к ее подолу.

Кьяра все так же шутливо шлепнула его по руке.

— Уж мы-то знаем, что это такое, не то что иные рыцари! Король тоже носит корону с бриллиантами, но это ведь не значит, что если ты смотришь на них, то можешь трогать руками, ведь нет? — Она отступила на шаг и натолкнулась спиной на третьего юнца, который тут же бесцеремонно охватил ее руками.

— Мы с тобой не о королевских бриллиантах толкуем, красотка, а о твоих прелестях. — Он сжал ее сильнее, и Кьяра, вскрикнув, попыталась высвободиться. Тот только хохотнул.

Дальше Колл терпеть уже не мог. Закон, по которому серв не имеет права поднять руку на господина, разом вылетел у него из головы; он помнил только, что Кьяру пытаются силой склонить к утехам богатеев. Он подбежал к грубияну и замахнулся.

10

— Нет! — вскричала Кьяра, увидев его занесенный кулак.

И тут руку его перехватила чья-то другая, стиснувшая ее стальной хваткой. Другой рукой Дирк схватил грубияна за

запястье и дернул на себя. Знатный юнец чертыхнулся и выдернул руку, отпустив при этом Кьяру; впрочем, этого он даже не заметил, ибо свирепо смотрел на Дирка.

— Эй, парень, ты еще кто такой?

— Джентльмен, имеющий больше оснований развлекать эту юную даму. — Дирк придвинулся к нему нос к носу, хотя для этого ему пришлось немного наклонить голову. — Или вы хотите это оспорить?

Юнец опустил взгляд, увидел, что рука Дирка покоится на эфесе шпаги, и ухмыльнулся, сделавшись при этом немного похожим на волка.

— Э, да ты у нас упрямец! Да знаешь ли ты, с кем говоришь?

— Какая разница? — невозмутимо отвечал Дирк. — Трупам имена ни к чему.

Улыбка недоросля сделалась чуть натянутой.

— И все же имена у них есть, и их родня не жалует тех, кто их убил.

Дирк пожал плечами.

— Ну и получите множество трупов, состоящих в родстве. Это вас больше устраивает?

Недоросль злобно зарычал, оттолкнул Дирка и сам отпрыгнул назад, выхватывая шпагу. Впрочем, когда он изготовился к выпаду, Дирк уже стоял наготове. Приятели смутьяна сделали шаг вперед, однако тут кто-то поблизости выразительно прокашлялся. Все четверо разом обернулись, и пыла у них заметно убавилось, ибо в нескольких ярдах от них стоял Гар, положив руку на эфес своей шпаги — едва ли не на фут длиннее, чем у любого из них, — и глядя на них сверху вниз. Он даже не двинулся с места, а лицо его не выражало ничего, кроме живого интереса, но группа поддержки поняла намек и благоразумно попятилась.

— Хозяин вряд ли захочет, чтобы кровь проливали в его дворе, — заметил Гар. — Так что вы уж там побыстрее, ладно?

— Еще посмотрим, чья кровь прольется! — огрызнулся юный джентльмен громко, однако без избыточного чувства. Он бросился вперед и сделал выпад.

Дирк без труда парировал удар, а потом кончик его шпаги описал в воздухе изящную восьмерку. Его противник сделал новый выпад, и шпага Дирка со звоном отбила ее вниз с такой силой, что та отлетела в сторону. Ее обладатель вскрикнул от боли и замахал в воздухе поврежденной рукой. Пока он был целиком поглощен этим занятием, Дирк сделал шаг вперед и выдернул у него из левой руки кинжал. Юнец поднял на него взгляд, и глаза его вдруг расширились: до него дошло, что жизнь его оказалась полностью в руках Дирка. Лицо его побелело.

Дирк сунул шпагу в ножны и взял его раненую руку.

— Ну-ка, посмотрим... — Юнец попытался было выдернуть руку и тут же вскрикнул — скорее от страха, нежели от боли, ибо левая рука Дирка стиснула его локоть стальной хваткой, тогда как правая продолжала осторожно ощупывать его рану. Юнец зажмурился и стиснул зубы. Дирк отпустил его руку и сделал шаг назад. — Кости целы; впрочем, я мало в этом сомневался. Разве что сосуд задет. Перевяжите потуже и оставьте в покое на день. И еще не помешает немного бренди — я имею в виду внутрь. Только не слишком увлекайтесь.

Юнец изумленно выпучил на него глаза: подобной заботы от соперника он никак не ожидал.

— Эй, вы, отведите его домой, — обратился Дирк к его дружкам и повернулся к Кьяре, которая наблюдала за всем этим из надежного кольца рук Колла. — Кстати, Андров говорит, у вас еще уйма работы к завтрашнему представлению.

— Да! Разумеется. Спасибо. — Кьяра благодарно улыбнулась ему и поспешила за сцену. Колл последовал за ней.

Дирк посмотрел им вслед, потом повернулся к Гару.

— Это для тебя достаточно быстро?

— Ну, сойдет, — кивнул тот. — Не то чтобы слишком уж изящно, надо сказать, но от этого не менее эффективно.

Дирк пожал плечами.

— Вечно ты чем-нибудь, да недоволен.

Колл пробыл в артистической уборной всего пару секунд и тут же вышел посмотреть, как там Дирк с Гаром. Те не спеша шли в его сторону, а поодаль недоросли, испуганно косясь на них, выводили со двора своего дружка. Колл мог их понять. Он отступил в сторону, пропуская своих господ внутрь.

Они прошли за занавеску, а там уже стояла, подбоченясь и подозрительно оглядываясь по сторонам, Кьяра.

— Мне послышалось, кто-то сказал, что я нужна здесь Андрову!

— Сейчас? Ему? Пожалуй, нет, — рассудительно сказал Дирк.

— Мне нужна, — сказал Колл.

Она бросилась в его объятия и спрятала лицо у него на груди.

— Дурачок ты мой милый! Я так боялась, что ты ударишь этого нахала и что тебя уведет дюжина солдат! — Она подняла взгляд на Дирка. — Спасибо вам, спасибо большое, мастер Дирк, что вы спасли его для меня!

— Все, что угодно, для леди, — галантно поклонился Дирк. — Ведь вы настоящая леди, если не по рождению, то уж по поведению точно.

Кьяра одарила его ослепительной улыбкой, каковая, однако, смягчилась и сделалась нежнее, когда она повернулась обратно к Коллу.

— Эй, я полагаю, мастер Андров хотел видеть именно *тебя*, — с улыбкой сказал Дирку Гар.

— Правда? — отвечал его спутник. — Что-то у меня со слухом в последние дни. Что ж, раз так, не будем заставлять его ждать. — И он, не оглядываясь, увел Гара из уборной.

— Все-таки моим хозяевам не откажешь в догадливости, — сказал Колл, чтобы не стоять в неловком молчании.

— В смысле того, ты хочешь сказать, что они поняли, что ты имел в виду, говоря, что я нужна тебе? — Кьяра чуть отодвинула голову и, прищурясь, посмотрела на него. — Ну что ж, ты меня получил. И что ты хочешь со мной делать?

Вместо ответа Колл наклонил голову и поцеловал ее. Он думал, что сделает это быстро и почтительно, но рука Кьяры надавила ему на затылок, а кончик языка пробежался по его губам, так что поцелуй вышел значительно более долгим, чем предполагалось. Когда губы их наконец оторвались друг от друга, ему пришлось подержаться за нее, чтобы не упасть, пока голова его не перестала идти кругом.

Кьяра мягко рассмеялась и чуть отодвинулась от него.

— А что еще тебе хотелось бы со мной делать?

— Много всякого. — На мгновение голова Колла снова пошла кругом при мысли о том, чем бы они могли заняться, и это его даже напугало, так что он просто ответил улыбкой на улыбку. — Но не обязательно здесь. Эти молодые грубияны уже ушли, так что нам нет нужды прятаться. Пошли в дом. Остальные, поди, уже сели обедать — за счет хозяина двора.

— Руку не предложишь? — улыбнулась Кьяра.

Вместо ответа Колл протянул руку. Она взяла его под локоть, и они, смеясь, вышли из-за кулис.

Весь обед Колл сидел рядом с ней и заметил, что Кьяра и словом не обмолвилась ни насчет приставшего к ней молодого дворянина, ни о том, как разделался с ним Дирк; к самому же Коллу она, однако, была внимательнее обыкновенного. Дицея недовольно косилась в их сторону, потом переключилась на Гара. Тот беседовал с нею по обыкновению серьезно и вежливо, и ему даже удалось каким-то непостижимым образом вовлечь ее в разговор с тремя другими актрисами, что сидели рядом. Когда прислуга принесла пудинг, до Колла дошло, что сам Гар едва произнес несколько слов, зато остальные четверо углубились в оживленное обсуждение того, какие огорчения приносит общение с мужчинами. Гар невозмутимо выслушивал

весь этот вздор, но Колл не выдержал и с пылающими от смущения ушами отвернулся от этой компании.

— Скажите, мастер Андров, — спросил на следующее утро Гар у старого актера, — а что, молодые зрители всегда пристают к актрисам?

— Всегда, — со вздохом кивнул Андров. — Хотя Магда и Дрю, похоже, не имеют против такого приставания ничего, только бы ухажер был неплох собой. А вот за остальными глаз да глаз. Они-то научились отваживать вежливо юнцов, да только не со всеми это выходит, вот их и приходится отваживать другими способами.

В общем, по окончании представления Колл старался не отходить от Кьяры, да и Дир постоянно находился где-нибудь неподалеку, так что молодым лоботрясам приходилось крутиться вокруг всех троих. Тем не менее какой-то молодой рыцарь все же ухватил Колла за локоть.

— Отойди-ка, парень! Дай и другим шанс!

— Вы отвлекаете актрису от дел, — напомнил ему Колл.

— Еще бы не отвлекать! — Юнец опустил руку на рукоять меча. — И я не желаю, чтобы мне мешали в этом!

Однако Колл стоял как скала, а Дирк тоже повернулся к смутьяну, положив руку на эфес шпаги. Двое дружков рыцаря сделали шаг к Кьяре.

— Ой! — ахнула она, когда рука одного коснулась ее талии. — Сэр! — вскричала она еще более возмущенно, когда другой дотронулся до ее груди.

Дирк, грозно сверкая глазами, резко обернулся к ним, а рыцарь за его спиной потащил меч из ножен.

— Нет, — в отчаянии вскричала Кьяра. — Не надо! Я...

— Ни за что! — зарычал Колл.

— А ну пусти! — вскипел юный рыцарь.

Все обернулись на их голоса. Впрочем, Дирк оглянулся лишь на мгновение — удостовериться, что дебошир так и не

выхватил свой меч, ибо на руке его сомкнулась другая, раза в два больше.

— Потише, сэр, потише, — успокоительным тоном произнес Гар. — Что это за джентльмен, если он позволяет себе навязывать внимание женщине, которая этого не желает?

— Не желает? Да еще как желает! С чего иначе она очаровывала только что всю публику?

— А с чего, скажите на милость, точно тем же занимались на сцене мужчины? — возразил Гар. — Или вы считаете, что они рассчитывали завоевать этим благосклонность зрительниц?

— Ну, нет, конечно! Мужчины — совсем другое дело!

— Увы, эта девушка и все ее подруги делали это по той же самой причине, что и мужчины, — рассудительно объяснил Гар. — Они разыграли представление для вашего удовольствия, а денег с этого имеют только то, что собрали у входа.

Парень свирепо уставился на него.

— Уж не хочешь ли ты сказать мне, что никто из этих женщин не продает своей благосклонности?

— Я сам этого ни разу не видел. — Гар умолчал о том, что знаком с труппой всего несколько дней. — Спросите лучше себя, сколько женщин из народа ложатся в постель к мужчинам, за которыми не замужем?

— Ну... они вроде не прочь, когда я их прошу об этом.

— Не прочь? — с сомнением в голосе переспросил Гар. — Или боятся отказать?

Рыцарь гордо выпрямился и расправил плечи.

— Посмотри на меня, парень! Какая женщина не пожелает лечь со мной?

— Любая, кроме тех, что в вас влюблены, — невозмутимо отвечал Гар. — А если вы тешите себя мыслью, что они с радостью ложатся спать с незнакомым им мужчиной, значит, вы просто обманываете себя. Любая из тех, кто так вольно обращается со своим телом, делает это от страха, или от голода, или от того и другого сразу.

Юнец смерил его высокомерным взглядом.

— Может, ты еще скажешь, что я не хорош собой как мужчина? Или что у меня некрасивое лицо?

— Не знаю, — признался Гар. — Я не женщина. Однако я знаю, что, каким бы ни был мужчина привлекательным, за женщиной надо ухаживать несколько дней — или недель, или месяцев, если уж на то пошло, — прежде чем она согласится разделить с ним ложе.

Юнец нахмурился и внимательнее всмотрелся в его лицо.

— Ты не похож на простолюдина. Кто ты?

Гар ехидно улыбнулся и отвечал тоном, прямо-таки заставлявшим усомниться в правдивости произносимых им слов:

— Ну, ну. Разве может лорд или хотя бы рыцарь разъезжать с труппой бродячих актеров? — Он пристально посмотрел тому в глаза.

Тот выдержал его взгляд, хотя и без излишней уверенности.

— Нет, — ответил он наконец. — Конечно, нет.

Колл услышал ответ, но услышал и тон, которым тот был произнесен. Ясное дело, Гар подтвердил догадку молодого нобля, и тот принял это как тайну, которую надлежит сохранить между ими двоими.

— Я Дандре, наследник герцога Монплезира, — представился рыцарь совершенно другим, полным почтительности голосом. — А вы, сэр?

— Гар, — отвечал великан. — Просто Гар. Как вы относитесь к своим сервам, милорд, — ведь наверняка как к людям, которых надо защищать... или, скажем, как к добру, которое нужно беречь для собственного удовольствия и развлечений?

— Разумеется, людей надо защищать! — возмутился юный лорд Дандре. — Понятно, что они должны заниматься своей работой, но долг их господина защищать и заботиться о них.

Гар кивнул:

— А что с сервами, которые вам не принадлежат?

— Ну... к ним надо относиться с тем же почтением, с каким относишься к любой другой чужой собственности... — Он неуверенно покосился на Кьяру, которая продолжала прижиматься к Коллу. — Вы... вы хотите сказать, я нарушил собственный кодекс?

— Нарушили, хотя, подозреваю, сами вы об этом даже не думали. Вы решили, что раз эта красавица актриса, то она с радостью примет ухаживания любого господина, — но если бы она была крепостной в ваших владениях, вы ведь не поступили бы так, нет?

— Ну уж не знаю... — задумчиво отвечал лорд Дандре. — Хотя среди крепостных девиц полно таких, какие не прочь отвечать на ухаживания лорда. Однако я никогда не преследовал тех, ктэ давал мне ясно понять, что им мое внимание не по душе. — Лицо его прояснилось, он повернулся к Кьяре и поклонился, галантно сорвав шляпу. — Прошу прощения, красавица. Я обознался.

— Конечно, милорд, — удивленно округлив глаза, отвечала Кьяра. — Спасибо. — Она удивленно покосилась на Гара, совершившего такое волшебство. Надо сказать, спутники молодого лорда смотрели на него с точно таким же изумлением, хотя и они призадумались над его словами.

— Вы все рыцари, — продолжал Гар. — Какую клятву вы приносите, когда посвящаетесь в орден?

Лорд Дандре нахмурился.

— Ну, защищать Церковь и биться за правое дело, хоть нужда в этом, почитай, и не возникает в наши дни.

— А защищать слабых?

— Да, особенно честь леди... — Дандре вдруг осекся и снова посмотрел на Кьяру. — Но она же простая женщина, а не леди!

— Выходит, вам положено защищать только дам благородного происхождения?

Лорд Дандре в смятении посмотрел на Кьяру, а его приятели принялись хмуро перешептываться.

— Возможно, вы считали, что женщины из народа могут сами за себя постоять, — предположил Гар. — Но подумайте сами: вам ведь положено защищать и бедных, и тем сильнее, чем они слабее. А разве женщины-простолюдинки не слабы? И уж этих-то актеров, уверяю вас, иначе чем беднотой не назовешь.

Дружки притихли и понуро уставились на Гара.

— То есть вы хотите сказать, я должен защищать решительно всех женщин, — тихо пробормотал лорд Дандре, — а не только леди?

Гар кивнул:

— Если не потому, что они леди, то потому, что они бедны.

— И, выходит, я обязан защищать слабую — то есть ее — от сильного... то есть *меня*. — Лорд Дандре натянуто улыбнулся; видно было, что это признание далось ему с большим трудом.

— Вы сами произнесли это, милорд. О, мне приходилось видеть, как солдаты силой тащили брыкающихся девиц своему господину только потому, что им не повезло родиться хорошенькими и крепостными. Справедливости ради надо сказать, молодых мужчин нашего — *вашего* — класса учат, что всем женщинам-сервам не терпится прыгнуть к ним в постель, хотя бы ради денег, которые им пошлют, если они понесут ребенка. Однако это самое что ни есть заблуждение; это ложь, которая передается от отца к сыну, тогда как ни тому ни другому не приходит в голову спросить об этом самих женщин.

— Ну да, конечно, — сердито воскликнул юный лорд. — Откуда тогда нам знать правду? Но если то, о чем вы говорите, правда, мои намерения могли привести почти что к изнасилованию!

— Не «почти что», а к самому настоящему, — серьезно поправил его Гар. — И это, милорд, абсолютно вне зависимо-

сти от того, к какому классу принадлежит женщина. Даже если «нет» означает, что женщина просто не уверена в том, что готова ответить «да», даже если она почти хочет сама ответить «да», «нет» все равно означает «нет», и ничего больше.

Ну да, «почти хочет» — это еще недостаточно. Женщина должна желать этого страстно, иначе получается, что я совершаю насилие над тем, кто слабее меня. — Лицо лорда Дандре раскраснелось от праведного гнева. — Чума на тех, кто заставил меня верить в иное! Спасибо вам, друг мой, за то, что вы открыли мне глаза! Я тоже открою истину тем, кто заговорит об этом!

— Это не единственная неправда о сервах, в которую верят их господа, — заверил его Гар. — Скажите, милорд, у многих ли известных вам лордов сервы живут хорошо и сытно?

— Ну, для сервов вроде неплохо, — удивленно отвечал лорд Дандре.

— Правда, милорд?

Лорд Дандре снова нахмурился.

— Должно быть, вы считаете иначе, если спрашиваете меня об этом с такой уверенностью. Так позвольте заверить вас, мой друг, что с этого самого дня я повнимательнее приглядываюсь к беднякам вокруг меня.

— Благодарю вас, милорд. — Гар отвесил ему легкий поклон. — Мне кажется, вас изрядно удивит то, что вы увидите.

— Удивит или нет, я все равно премного вам благодарен! И если я найду бедноту в таком жалком положении, как вы говорите, я подниму все молодое дворянство на их защиту!

Гар опустил взгляд на землю, побарабанил пальцами по губам и посмотрел на него с несколько натянутой улыбкой.

— Мне радостно слышать эти ваши слова, милорд, — но позвольте предостеречь вас: не слишком увлекайтесь разговорами на эту тему. Я был бы весьма рад, если бы вы проявляли повышенную осторожность при выборе собеседников.

Дандре нахмурился.

— Но разве это так опасно?

— Опасно, и весьма. Подумайте сами, милорд: утверждая, что господа обязаны облегчить страдания бедноты, вы тем самым ограничиваете власть каждого лорда поступать в своих владениях так, как ему заблагорассудится. И боюсь, найдутся и такие, которым вряд ли придется по душе любое ограничение их власти, вне зависимости от того, кто его установит.

С минуту, если не больше, лорд Дандре молча смотрел ему в лицо, потом резко кивнул.

— Мудрое предостережение. И снова спасибо вам. — Он повернулся к Кьяре и снова сорвал шляпу. — Еще раз прошу прощения, красавица! — Он нахлобучил шляпу на место и вернулся к друзьям. — Идемте же! Посмотрим, как живет бедный люд, и проверим, насколько верно то, что поведал нам этот незнакомец!

Они быстрым шагом вышли со двора, и Гар повернулся к Кьяре, продолжавшей всхлипывать на плече у Колла. Так и не смахнув слез, она подняла глаза на Дирка и Гара.

— Спасибо вам, защитники мои! Случись это еще раз, я бы этого не перенесла!

— Еще раз? — встрепенулся Колл, но все же у него хватило ума не задавать лишних вопросов, а только обнимать ее, уткнувшись щекой в ее волосы в ожидании, пока она не перестанет всхлипывать. Постепенно напряжение отпустило и его.

Когда Кьяра успокоилась немного, она повернула заплаканное лицо к Гару.

— Я не знаю, как благодарить вас, сэр Гар, за то, что вы спасли нас от кровопролития.

— Не знаю насчет кровопролития, — буркнул Колл, — но от небольшого кровопускания кое-кому я бы не отказался.

— О, я знаю, храбрый ты мой! — Она положила руку ему на грудь и заглянула в глаза. — Я так перепугалась, что

ты полезешь в драку защищать меня, а попадешь прямо на меч этого нобля!

У Колла все сжалось внутри, но он выдавил из себя улыбку и нежно погладил ее по щеке.

— Ну уж не думаю, чтобы я остался единственной жертвой.

— Даже хуже! Они бы навалились на тебя всей толпой и избили бы до полусмерти! А когда бы ты очнулся в цепях, тебя бы еще пытали, прежде чем повесить! Ох, потерять тебя — этого бы я не перенесла! Прошу тебя, милый, пожалуйста, пожалуйста, храбрый мой, — взмолилась она. — Если что, сердись лучше на меня, а не на того, чья единственная вина в том, что он заблуждается! Ты же слышал, что он говорил своим друзьям! Он просто не понимал, что делает!

Колл с хрипом выдохнул:

— Ты, должно быть, очень милосердна, если прощаешь так легко!

— Надо отдать ему должное, — вмешался Гар, — молодой лорд все-таки не лишен порядочности; ему только нужно было объяснить, в чем заключается его истинный долг.

— И вы сделали это так умело и с таким тактом! — Кьяра благодарно посмотрела на Гара. — И еще раз спасибо вам за то, что удержали их словами, а не ударами!

— Всегда с радостью, — серьезно отвечал Гар. — Однако это накладывает кое-какие обязательства и на вас, красавица... впрочем, я не сомневаюсь, что вы исполняете их и так: никогда не говорить «нет», если вы не имеете этого в виду, или по крайней мере не уверены, что хотите сказать «да».

Она даже задохнулась, изумленно посмотрев на него.

— У меня такого и в мыслях не было!

— А я и не говорил, что было, — заверил ее Гар. — Однако на свете достаточно женщин, не желающих принимать такую ответственность. Ну, разумеется, их нельзя считать взрослыми женщинами, верно?

Кьяра нахмурилась.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Все в порядке, — сказал Дирк. — Он и сам не понимает.

— Лорд Дандре, право же, очень славный молодой человек, хоть он и заблуждается, — заметил Гар. — Если он передаст то, что понял, другим молодым господам, как знать, может, войны и закончатся — из простого следования долгу. — Он посмотрел на Колла. — Как думаешь, такое возможно?

Колл откликнулся кислой улыбкой.

— Хотелось бы в такое верить, мастер Гар, да только молодые господа с добрым сердцем и раньше встречались, и не раз.

Гар нахмурился.

— И что с ними случилось?

— Их отцы померли, — просто ответил Колл, — и они сами стали господами. Я уж говорил вам, как оно бывает. — Он пожал плечами. — Господин господином и останется, мастер Гар. Как говорится, яблочко от яблони... Может, это короны да драгоценности так на мозги ихние действуют.

— Может быть, — хмуро согласился Гар. — Или власть.

Колл снова пожал плечами.

— Корона или власть — все одно, разве с этим что поделаешь?

— Можно оставить им короны, — предположил Гар, — но отнять власть.

Колл уставился на него, и при одной мысли о таком его пробрал озноб. Что же за человек такой его господин, если он так легко говорит об обуздании господ?

Они дали еще одно представление на следующий день, однако народу во двор набилось уже меньше, чем накануне, а хозяин постоялого двора сказал Андрову, что несколько выходящих окнами во двор комнат остались незанятыми. Андров понимал намеки с полуслова, так что поблагодарил его и велел

своим людям собирать манатки. Они разобрали сцену, погрузили телеги, провели напоследок ночь в мягких постелях, позавтракали домашней стряпней и с первыми лучами солнца тронулись дальше. Стоило им выехать из города, как Костя с Честером спрыгнули с телег и скрылись в придорожных кустах. Колла разбирало любопытство, но задавать вопросы он благоразумно не решался.

Спустя полчаса он все же не выдержал.

— Послушай, — обратился он к Кьяре. — Нам стоит сказать Андрову, что двое его актеров пропали.

— Он знает, — успокоила его Кьяра.

— Ну да, то-то вы так хорошо знаете все делишки друг друга, — не без яда заметила Дицея.

— Еще бы, — с улыбкой согласилась Кьяра. — Можно сказать, мы как одна большая семья.

— То-то я гляжу, как братишки ладят с сестричками, — хмуро кивнула Дицея.

Кьяра весело рассмеялась.

— Или не ладят, ты это хочешь сказать? Ну, верно, и у нас случаются распри, и все равно мы, словно дети, что ссорятся из-за родительской любви.

— Или словно сестры из-за одного поклонника, — вступил в разговор Гар. Обе девицы недовольно покосились на него, но он и глазом не моргнул. — Вы, конечно, слышали эту балладу?

Этот вопрос застал их врасплох, и обе удивленно уставились на него.

— Какую балладу?

— Историю двух сестер, — сказал Гар и пропел им печальную балладу о деве, которая столкнула свою младшую сестру в реку, чтобы самой завоевать любовь ее поклонника. Обе, как завороженные, слушали историю о том, как мельник пытался спасти утопленницу и похоронил ее, когда та умерла, но ее ребро проросло из могилы деревцем, а менестрель сделал

из этого деревца арфу, и когда он играл на этой арфе во дворце ее отца, та пропела историю о предательстве старшей сестры.

Стоило Гару допеть до конца, как из придорожной рощицы показались Костя и Честер — в одной руке каждый держал по жирному курчонку, сжимая другой рукой клюв, чтобы те не кудахтали. Им тут же протянули руки с телег, и они вскарабкались на них и схоронились среди поклажи.

Колл наблюдал за всем этим в некотором смятении, а Дирк — так и вовсе с неодобрением.

— Чего это вы двое учудили? — грозно спросил он.

— Это прямо-таки преступление позволять заблудившимся курам разгуливать по лесу, где их могут поймать лисы, — отозвался голос откуда-то из глубины телеги.

— Ну да, конечно, лисы, — с улыбкой произнес Гар. — А вы уверены, что эти куры и правда заблудились?

— Совершенно уверены, — заверил его другой голос. — Мы лично проследили за этим.

— То есть вы не в силах были смотреть на то, как эти куры вышли прогуляться за стены родного курятника, да?

— Кто поймет этих кур, как не тот, кто любит вольные странствия? — отвечал Костин голос.

— Ну вольные — так вольные, — вздохнул Андров и тряхнул вожжами, подгоняя вола. — А ну, пошел! Шевелись, шевелись, лентяй!

11

Выслушав новости, граф Трангрей взорвался.

— Дерзкий мальчишка! Он слишком много себе позволяет, этот жалкий королишка! Надо же: напасть на дворянина старше себя!

Лазутчик, доставивший ему эту весть, благоразумно промолчал. Трепеща, он сделал попытку пригнуться в надежде, что господский гнев просвистит мимо, и потихоньку двинулся к двери.

— А ты как посмел явиться с такими возмутительными новостями? — Граф шагнул к нему и закатил ему увесистую плюху. Тот отлетел к стене, но его поймал один из часовых. — Заплатите ему, и пусть отправляется обратно узнать больше, — рявкнул граф. Его сенешаль кивнул и вывел лазутчика из палат.

— Возмутительно уже то, что он посмел напасть, но несравненно хуже то, что он победил! — кипятился Трангрей, меряя палату шагами. — Его дед тоже пытался сделать это, когда только сел на трон. Черт, да каждый монарх после коронации первым делом пытается сделать это! Похоже, корона все равно что зараза какая-то: заставляет их верить в то, что они могут править нами только потому, что носят на голове эту золотую штуковину! Глупость какая! Впрочем, мой отец побил его деда так, что тот всю свою жизнь правил разве что своими землями, и я проучу его внука точно так же!

— Разумеется, ваша светлость, — согласился кастелян. — Однако не забывайте, что теперь этот заносчивый наглец погонит впереди своего войска половину солдат эрла Инсола.

— Ну и что? У меня все равно больше! Любой из нас, из десятка графов, прекрасно понимает, насколько важно проучить нового монарха, дабы тот знал свое место! Пошли герольдов к остальным девяти, сэр Лохран, и передай им новости, а потом скажи им: «Трангрей считает, что нам надо объединиться и проучить этого петушка как можно быстрее, пока ему не втемяшилось в голову попытаться подчинить нас по одному!»

Актеры уже спали, а костер почти прогорел. Гар и Дирк переговаривались вполголоса, но Колл все же слышал, о чем они говорили, и той чуши, которую они несли, было вполне достаточно, чтобы лишить его сна. Тем не менее он все же

честно пытался заснуть: зажмурился и попробовал не обращать внимания на их слова — чего ему не удалось.

— Разъезды с этой труппой — идеальный способ организации подполья, — говорил Гар. — Но вот как нам наладить связь между отдельными ячейками?

— Неплохая проблема, — согласился Дирк. — Одно дело город: ячейки там так близко друг к другу, что наладить контакт не составляет труда. Даже в лесах все проще — там ведь нет королевских соглядатаев, способных проследить, как Банхейль посылает гонцов в мелкие шайки. А вот что делать с деревнями, отделенными друг от друга двадцатью милями чистого поля, кишащего при этом господскими солдатами?

— Мы могли бы раздать рации, используя Херкимера как коммутатор, — предложил Гар.

— Не слишком ли это очевидно? — возразил Дирк. — Сомневаюсь, что лорды не заметят культурной агрессии такого масштаба.

Гар кивнул:

— И, что еще важнее, это заметит и полиция Доминиона. Если, конечно, у них имеются сейчас агенты, курирующие эту планету.

— С этой братией никогда не знаешь наверняка, — вздохнул Дирк. — Может, есть, а может, нет. Надо отдать им должное: маскируются они безупречно.

— Но и мы ведь не лыком шиты.

— Нам просто повезло, что их не было под ногами, когда ты проворачивал эту маленькую революцию на Меланже.

— Ничего себе, «маленькую», — обиженно возразил Гар. — И потом, полиция Доминиона ничего бы с ней не поделала, даже если бы они обнаружили это. В конце концов, ее осуществили люди, родившиеся на этой планете!

— Да, если не считать одной очень небольшой партии, совершенно случайно оказавшейся в самом центре событий.

Гар пожал плечами.

— Даже так я всего лишь исполнял роль, которую твой мертвый гений заготовил для меня пятьсот лет назад. Я, можно сказать, был лишь орудием. Спусковым крючком.

— Верно, — задумчиво согласился Дирк. — И поскольку тамошние господа сохранили и радиопередатчики, и прочие высокотехнологичные штучки, о нарушении сложившейся культуры можно было не беспокоиться.

— Да, — вздохнул Гар. — Здесь совсем другая ситуация.

— Совсем другая, — поморщился Дирк. — Они даже не помнят, что такое «электрон».

— Если мы научим их пользоваться рациями, — кивнул Гар, — те, кто поумнее, могут задуматься о том, как они устроены, а через поколение начнут представлять себе ответ.

— А через три у них уже будут электростанции, радио, трехмерное телевидение и микроволновая связь — все, заметь, встроенное в средневековую культуру...

— ...и тогда монархия превратится в классическую тоталитарную диктатуру, — договорил за него Гар, — в которой подавление масс достигнет такого уровня, что по сравнению с ним то рабство, с которым мы пытаемся бороться, покажется детской игрой!

— Ну, может, и нет. — Глаза Дирка озорно блеснули. — Если они не помнят технологий сложнее кувалды, все, что мы можем им принести, они расценят как волшебство. Подумай сам: какая же средневековая культура без волшебства?

— Не лишено логики, — вздохнул Гар. — И если технологическое волшебство сработает, что нам мешает обратиться к Чародею?

— Ну конечно! — Дирк хлопнул себя по лбу. — А я и забыл, что у тебя в башке больше, чем кажется на первый взгляд! Давай, зови его!

Больше, чем кажется? Колл поднял голову и всмотрелся в фигуру великана. Куда уж больше?

— Надо еще хорошенько обдумать это. — Гар поднялся на ноги. — Ты ведь знаешь, Дирк, я неохотно иду на такие вещи.

— Да, это я понял. — Дирк тоже встал. — Это тебя нервирует немного, верно?

— Что есть, то есть, — признался Гар. — Но с этим я как-нибудь справлюсь. А вот что меня действительно тревожит — так это то, что я использую незаслуженное преимущество.

— Незаслуженное? — удивленно уставился на него Дирк. — Тут у тебя рыцари в полных боевых доспехах рубят безоружных мирных людей и посылают солдат жечь их деревни, а ты переживаешь из-за незаслуженного преимущества?

— Вот именно. Потому я и пользовался этим всего несколько раз, — тяжело вздохнул Гар. — И, возможно, воспользуюсь снова. Но здесь я надеялся обойтись без этого.

— Сам подумай, как иначе двум нездешним парням провернуть смену общественного устройства?

— Возможно, никак, — согласился Гар. — Однако причиной этому, возможно, просто нехватка опыта. Я не могу отделаться от ощущения, что всего этого можно добиться только лишь грамотной стратегией.

— Ну да, конечно! Ты будешь сидеть и разрабатывать ее, а тем временем солдаты-сервы будут гибнуть в очередной стычке их господ, которую те затеяли со скуки. И у тебя еще хватает наглости говорить насчет того, что положение обязывает...

— Тоже верно, — согласился Гар; вид при этом у него был такой, словно его ударили в больное место. — Ладно, утро вечера мудренее.

— Неплохая мысль. — Дирк повернулся к своему одеялу. — Я сам не прочь соснуть. И в конце концов, нам нужно связаться с несколькими шайками разбойников, прежде чем мы начнем делать что-то.

— Ладно, спать так спать, — сказал Гар.

Оба больше не разговаривали, но Колл провалялся без сна еще час, если не больше, такое возбуждение бурлило в его крови. Черт, они ведь не просто задумали поприжать господ — нет, они уже проделывали такое! Он не имел ни малейшего представления о том, где находится этот самый Меланж, но если они говорили об этом совершенно серьезно, полагая при этом, что их никто не слышит... черт, это слишком походило на правду! И для этого у них имелось какое-то подходящее волшебство! Какой-то волшебник, которого можно призвать! Уж не тот ли «Херкимер», о котором они говорили? И возьмут ли они его, Колла, помогать им в этом волшебстве?

Колл редко прибегал к молитвам, но этой ночью молился — по меньшей мере это помогло ему наконец заснуть.

— Пшел прочь, парень! — Часовой замахнулся было на нищего скрюченного старика, но тот вдруг распрямился, и глаза его гневно вспыхнули. Он заговорил с таким властным видом, будто привык к беспрекословному подчинению.

— Передай герцогу, что я здесь.

Часовой поколебался немного, не опуская занесенной руки: судя по тону и произношению незнакомца, тот был по меньшей мере дворянином. С другой стороны, как знать, не самозванец ли он? Часовой пристальнее вгляделся в лицо стоявшего перед ним человека и застыл, ибо, несмотря на седые волосы и бороду, оно показалось ему смутно знакомым.

— Как... О ком мне доложить его светлости?

— Не твое дело, мужлан! Дай знать своему господину да проводи меня в зал аудиенций!

Часовой был опытным солдатом, и этот опыт говорил ему, что любую возникающую проблему всегда спокойнее переложить на плечи вышестоящего начальства. Поэтому он сдался и повел оборванца к начальнику стражи.

Герцог Трангрейский пришел в ярость от того, что его приглашали идти к какому-то незнакомцу, но начальник стра-

жи выказал такую неожиданную убежденность в важности этого нищего старика, что герцог спустился-таки в зал аудиенций.

— Ты этого просил? — грозно спросил он у незнакомца.

Старый оборванец повернулся к герцогу, сделал шаг к нему — так чтобы гвардеец-часовой и начальник стражи оказались у него за спиной — и снял фальшивую бороду. С минуту герцог молча смотрел на него, потом повернулся к начальнику стражи.

— Оставьте нас, — приказал он.

Начальник хорошо знал своего господина, чтобы спорить или задавать вопросы. Он вытолкал своего гвардейца за дверь и вышел следом, оставив этих двоих наедине.

— Значит, слухи о твоем пленении лживы! — воскликнул герцог.

— Как видишь, милорд герцог. — Эрл Инсол поклонился. — Но я не скоро забуду того унижения, которому этот щенок в короне подверг меня, вынудив бежать. Могу я надеяться на твое гостеприимство?

— Я с радостью окажу тебе его! Идем, мы проследим, дабы ты оделся сообразно своему положению! — Тайным ходом герцог провел гостя в свои покои, где дал ему халат, и кликнул сервов, дабы те принесли горячей воды. Когда эрл искупался, герцог прислал ему платье со своего плеча. Через час умытый, побритый и снова переодетый в богатую одежду эрл разделил с хозяином замка его трапезу.

Однако не успели они приступить к ней, как вошел слуга.

— Ваша светлость, вы просили незамедлительно сообщить вам о прибытии гонца.

— Надеюсь, с добрыми вестями, — буркнул герцог. — Проводите его сюда.

Слуга поклонился и вышел. Герцог повернулся к Инсолу.

— Четверо из моих отважных друзей герцогов прислали мне отказ: мол, королевские владения не граничат с их собственными, так что они не видят смысла выступать против

него... но, конечно, они желают мне успеха и всячески поддерживают... морально.

— Жалкие трусы, — презрительно скривил губы Инсол. — Если бы не ты, король передавил бы их одного за другим.

— Конечно, и еще они надеются, что драка с ним обескровит меня, — отвечал Трангрей. — А дождавшись этого, они навалятся на меня толпой, дабы отобрать то, что осталось! Поэтому я не буду биться с королем в одиночку. Но если я не найду себе хоть несколько союзников среди лордов, готовых сражаться рядом со мной, я не смогу биться вообще!

Слуга ввел в покои гонца, все еще покрытого дорожной пылью.

— Милорд герцог, — низко поклонился тот.

— Не тяни, выкладывай! — буркнул герцог. — К кому тебя посылали и каков его ответ?

— К герцогу Гринлахскому, милорд. — Гонец достал из сумки перевязанный лентой свиток. — Он пришел в ярость, услышав то, что велела передать ваша светлость, и просил на словах поведать, что со всей возможной поспешностью выступает с десятью рыцарями и тысячей пеших солдат!

— Вот оно, начало! — просиял Трангрей. — Славное начало! Ступай, утоли голод и жажду. — Гонец поклонился и вышел, а герцог сломал печать на письме Гринлаха. — Смотри, милорд эрл: вот оно, начало конца нашего юного короля!

К концу недели вернулись все посланные гонцы. Еще четверо герцогов прислали обещания своей поддержки словом и делом. Собственно, они заверили Трангрея в том, что войска их уже будут в пути, когда он получит эти письма, и испрашивали его о намерениях и планах войны.

— Они выбрали тебя вождем, милорд герцог, — промолвил эрл Инсол, глядя вслед разъезжающимся с приказаниями гонцам.

— Еще бы! — Глаза Трангрея сияли от гордости. — Идем же, милорд! Нам надо готовить и собственное войско к

выступлению, ибо я повелел своим друзьям герцогам начать наступление с твоих владений. Там мы и встретимся, дабы поставить на место зарвавшегося тирана. Так вперед же, на замок Инсол!

— Благодарю тебя, милорд. — Эрл поклонился. — Похоже, я вернусь домой раньше, чем думал.

Труппа переезжала из города в город, и в каждом из них, маленьком или большом, Гару и Дирку удавалось завязать разговор с сервами, и купцами, и молодыми ноблями — все о каких-то «ячейках», и о тяжкой доле крестьян, и о произволе, чинимом их господами. Начиная со второго города это все сильнее лишало Колла покоя: стоило бы любому из господских людей услышать их, и всю компанию мигом заковали бы в цепи, если не хуже.

Странное дело, но до этого пока не доходило. Если верить Дирку, они уезжали из очередного города прежде, чем их крамольные речи начинали волновать власти. Однако каждый раз, въезжая в новый город, Колл сидел как на иголках, а вздыхал свободно только тогда, когда их телеги выезжали из городских ворот, — и так до следующего города, где страх охватывал его с новой силой.

Он никак не мог взять в толк, почему мастер Андров не выгонял рыцарей из своей труппы. Впрочем, надо признать, одной мысли о том, чтобы вышвырнуть Гара откуда-либо, хватило бы, чтобы кровь застыла в жилах того, кому это поручили. Однако Колл-то знал: великан столь учтив, что уйдет без лишних уговоров, стоит его попросить — так почему же мастер Андров не просил его об этом? Может, потому, что «Гаргантюа» давал самые лучшие сборы, а дворы, в которых они выступали, бывали набиты в дни этих представлений сильнее обычного? Ну, конечно, от него самого, Дирка и Гара тоже была польза: они помогали грузить и разгружать телеги, устраивать сцену и разбирать ее; они даже выходили на сцену с

деревянными копьями и мечами, изображая солдат или гонцов. Коллу даже досталось несколько реплик вроде: «Миледи, ваш супруг идет» или «Помогите, помогите!» Но не мог же Андров не знать, чем занимаются Дирк с Гаром, какие опасные речи ведут! Или он не видел в этом ничего страшного?

Разумеется, видел, ибо чем дольше они оставались с труппой, тем тише он становился. Однако уйти так и не предлагал. Возможно, потому, что знатные юнцы прекращали приставать к актрисам, стоило Гару остановиться рядом? Или потому, что Дирк обладал особой способностью успокаивать шумных зрителей, недовольных происходящим на сцене?

Но уж наверняка он терпел их не из-за того, что сам Колл почти постоянно находился рядом с Кьярой, и тем более не из-за того, что Дицея шипела и дулась всякий раз, как кто-нибудь из актрис подходил поболтать к Дирку или Гару, — это при том, что сама она беззастенчиво флиртовала со всеми мужчинами труппы без исключения. Кое-кто из горожан пытался приударить и за ней, но Колл был начеку, и копье в его руке было отнюдь не бутафорским. Оставаясь с ним наедине, она бранилась по этому поводу, так что в следующий раз, когда толпа местных недорослей обступила ее с двусмысленными шуточками, это продолжалось до тех пор, пока к ним не подошел Гар. Разумеется, Дицея не упустила шанса расписать Гару, как она благодарна ему за спасение. Сам Гар невозмутимо кивнул в ответ на ее благодарность, убедился в том, что с ней все в порядке, и вернулся на сцену, оставив ее шипеть громче обыкновенного.

В результате помимо непрестанного ожидания солдат, явившихся заковывать их в цепи, Коллу пришлось также переживать за готовую взорваться сестру, которая шипела как змея и на актрис, и на бессердечных Дирка с Гаром. Хорошо еще, мать была такой превосходной поварихой и так ловко управлялась с иглой, что сдружилась со всеми без исключения членами маленькой труппы, и ради нее все готовы были примириться

даже с несносным поведением Дицеи. Колл даже заподозрил, что мать делает все это намеренно.

В общем, Колл не слишком удивился, когда один из крестьян, слушавших Гара с Дирком, некоторое время краснел от праведного негодования и наконец взорвался.

— Да вы проповедуете крамолу! Эй, стража! Арестуйте их всех!

Дюжина закутанных в плащи мужчин сорвали их, и под плащами обнаружились солдатские мундиры. Выхватив мечи, бросились они на безоружных актеров и с руганью согнали их в кучу посреди двора.

Дирк потащил было из ножен свою шпагу, но Гар удержал его руку, и та так и осталась в ножнах.

— Не стоит. Так они могут наказать не только нас, но и остальных. — Дирк опустил руки и ограничился гневным взглядом на соглядатая, который ощерил зубы в ухмылке.

— Вот так, загоняйте их, как скот! Ну что, болтун, думал, можешь оскорблять герцога, и тебе это сойдет с рук?

— Я никого не оскорблял! — взмолился Андров. — Я вообще не знаю, о чем это вы!

— О чем? Да о том, что говорили тут эти двое — дескать, лорды должны выслушивать хныканье своих сервов, а солдаты чтоб пальцем не трогали непокорных рабов! Только не говори мне, будто ничего этого не слышал!

— Абсолютно ничего! — вскричал Андров. — Уж не думаете ли вы, что я оставил бы их в своей труппе, знай я об этом?

— Мы очень осторожны, — заверил Гар соглядатая. — Согласись: ты бы ведь не заподозрил нас ни в чем, если бы не ошивался по городу в поисках вражеских лазутчиков, верно?

Соглядатай снова покраснел.

— Но я ведь услышал вас, вот и вернулся, чтоб арестовать! Тайное всегда становится явным, или вы этого не слыхали? — Он махнул своим людям. — А ну, ребята, бери их всех!

Солдаты угрожающе придвинулись к актерам, и тут Кьяра повернулась к Коллу.

— Подлый предатель, змей подколодный! Мы тебя приняли, пригрели на груди, а ты в ответ нас всех под угрозу подставил, растлевая честный народ! Слов нет! Думаешь, мы тебе игрушки для забавы, пешки в игре? Как ты мог, Колл? Нет, как ты мог?

Колл побледнел, но не отвечал, только расправил плечи.

— Ага, молчишь? Нечего сказать, так? Ты подставил нас всех, а теперь тебе нечего нам сказать? Теперь, когда мы все пойдем в тюрьму к герцогу, а все из-за тебя! Да из-за твоих речей нас всех повесить могут!

— Но ты же ни в чем не виновата! — не выдержал Колл. — Никто из вас не виноват! Мы держали все это в тайне от вас, вы и знать-то ничего не знали! Я и в голову не брал, что вас могут арестовать вместе нами!

— Для актеришки у тебя воображения маловато, — присмотрелся к Коллу соглядатай.

Колл резко повернулся к нему.

— Никакой я тебе не актер, черт подери!

— Это правда, — вмешался Гар. — Мы все трое — не актеры.

— Я наемник, солдат, — заявил Дирк. — Скажи, ты видел, чтобы мы играли на сцене? Нет! Ну, мы носили копья на сцене, но больше держали господских лошадей, утихомиривали зрителей — зарабатывали на пропитание! Нет, ты скажи: ты слышал, чтобы мы произнесли со сцены больше четырех слов?

— Ну, тут ты, может, и правду говоришь, — нехотя согласился соглядатай и повернулся к Кьяре. — Считай, ты меня убедила, красотка. Это все они, поганцы, происки чинили, но никто из ваших.

Кьяра изумленно уставилась на него, потом повернулась к Коллу и смертельно побледнела.

— Я ни о чем не просил, кроме справедливости, — сказал он ей. — Ты же невинна, за что ж тебя наказывать? — Он опустил голос до шепота. — Ты все сделала как надо.

Она беззвучно всхлипнула и отвернулась, закрыв лицо руками. Мать обняла ее, Кьяра спрятала лицо у нее на груди и разрыдалась.

— Как трогательно, — заметил соглядатай с гадкой ухмылкой. — Но, боюсь, нам некогда любоваться этой милой сценкой. А ну, руки за спину! Эй, сержант! Свяжи-ка им запястья! И вот этому тоже. — Он ткнул пальцем в Колла. — Он тоже один из них. Я видел, он все время ошивался возле того, длинного! — Он повернулся к Андрову. — Он ведь из них, верно?

Андров покосился на свою трупу, явно прикидывая, кого он может спасти, а кого — нет.

— Ну, да, — прохрипел он.

— А ну пошел, мужлан! — Соглядатай схватил Колла за плечо и толкнул к солдату, который придержал его, пока другой связывал ему руки за спиной. — Можешь гнить в тюряге, пока герцог не поправится и не будет готов тебя повесить! Веди их, ребята!

Соглядатай обнаглел до такой степени, что даже толкнул Гара в спину. Впрочем, здоровяк безропотно шагнул за солдатами; кисти его рук уже покраснели, так туго стянула веревка его запястья. Дирк с Коллом заковыляли следом. Странное дело, но сердце Колла пело от победы — неполной, но победы. Мать с Дицеей остались с актерами, и соглядатай даже не заподозрил, что они имеют отношение к нему, Дирку или Гару! Благословен будь Андров: он ведь не выдал их ни единым словом. Что ж, хоть мать с сестрой в безопасности. И Кьяра...

12

Тюремщик отодвинул тяжелый засов, отворил дубовую дверь, и солдаты втолкнули их в темницу. Все трое покатились, не удержавшись на ногах.

— Проповедуйте свою смуту здесь! — бросил им вслед соглядатай и издевательски расхохотался, но захлопнувшаяся дверь заглушила его смех.

Колл инстинктивно отпрянул от холодной грязи под руками и поднялся — сначала на колени, потом на ноги, — задыхаясь от вони. Он старался дышать ртом, но и это почти не помогало. Он и не подозревал, что вонь может быть *такой!* В темнице воняло человеческими испражнениями, немытыми телами и еще неизвестно какой гадостью. Даже воздух казался липким — это, возможно, потому, что довольно большое помещение освещалось единственным зарешеченным оконцем в противоположной от двери стене. В тени у стен угадывались человеческие фигуры; еще несколько узников бесцельно слонялись по полутемной камере. Впрочем, при появлении новичков они сменили направление и шаркающей походкой, но угрожающе, приблизились к ним.

Колл нервно сглотнул и придвинулся ближе к Дирку, которому только теперь удалось подняться на ноги.

— Чего будем делать?

— Не знаю, — признался рыцарь. — Что делать, Гар?

— То, что посоветовал нам тот ублюдок, — невозмутимо отвечал Гар. — Проповедовать крамолу.

— Не уверен, что это самая восприимчивая паства в мире, — заметил Дирк. — Что-то они не слишком похожи на тех, кто любит проповеди.

— Напротив. — Гар наконец тоже поднялся на ноги. — Судя по их виду, им как раз придется по душе то, что я собираюсь им сказать. Эй, ты! — Он шагнул навстречу самому рослому из надвигавшихся на них узников. — Ты вроде смышленый парень!

— Достаточно смышленый, чтобы поставить тебя на место, — буркнул тот. Он был на голову ниже Гара, но шире в плечах. По массивности он напоминал дубовую тюремную дверь. — Звать меня Старшой, и как я скажу, так оно здесь и будет.

— Скажи точнее — «было», — посоветовал ему Гар. — А то, что было, — забудь и выбрось в окно. — Он покосился на источник света. — Ну да, окно у вас тут есть. Короче, теперь здесь заправляю *я*.

Старшой не сказал больше ничего — он просто замахнулся тяжелым кулачищем, целясь Гару под дых. Удар его был стремителен, но Гар опередил его — как, Колл разглядеть не успел. Он блокировал кулак Старшого обеими руками и ударил сам, угодив тому по уху. Голова Старшого дернулась вбок, а Гар уже наносил новый удар, и еще один, и еще — в живот, в зубы, снова в живот... Старшой сложился вдвое, но все же успел загородиться от очередного удара и даже сам заехал Гару по лицу. Впрочем, голова его почти сразу же дернулась назад, и он пошатнулся, с трудом удержав равновесие. Гар не оставлял его в покое, колотя его до тех пор, пока тот не подныряул под его кулаки и не провел два точных удара в живот и в челюсть Гару. Новый удар уложил бы Гара, если бы тот, в свою очередь, не бросился вперед, перехватив узника одной рукой за плечо, а другой — за куртку. Бросок через бедро — и тот полетел на пол.

Гар удержал его за руку, и тот приземлился на бок. Старшой взревел от ярости, вскочил на ноги, но Гар не стал дожидаться, пока тот восстановит равновесие, отбил его неверный удар и с силой врезал под дых. Старшой согнулся — и тут же выпрямился от мощного апперкота. Взгляд Старшого остекленел, он пошатнулся и осел на пол.

Тяжело дыша, с начинавшими уже наливаться кровью ссадинами на лице, Гар повернулся к остальным узникам. Он улыбнулся, хотя улыбку его вряд ли можно было назвать приятной.

— Я сказал, здесь теперь заправляю *я*. Кто-нибудь не согласен с этим?

Узники неуверенно пошептались.

— Ну? — рявкнул Гар.

Они повернулись к нему.

— Нет, милорд, — пробормотал один, и остальные согласно закивали. — Ты теперь Старшой.

Гар медленно кивнул, перестав наконец улыбаться, и ткнул лежавшего на полу противника носком башмака.

— Если я теперь Старшой, кто тогда он?

— Просто Лиам-кузнец, милорд, — отвечал другой узник с каменным выражением лица.

— А вот и нет. Он мой сержант. А это, — Гар кивнул в сторону Дирка, — мой лейтенант, и если кто из вас поморщится на его слова, он уделает любого почти так же быстро, как это сделал бы я.

Дирк шагнул к нему, позволив себе улыбнуться.

— Кто-нибудь в этом сомневается? — Голос Гара прозвучал резко, как удар кнута.

— Н-нет, милорд, — пробормотал другой узник, отступая на шаг.

Гар медленно кивнул.

— Откуда вы догадались, что я из господ? — задал он новый вопрос.

— Ну, по твоей речи да по всем повадкам! — пробормотал тот, и остальные поддакнули.

— Но вы, должно быть, знали, что я не настоящий господин, — продолжал Гар. — Иначе не было бы этого вздора насчет вызова со стороны вашего вожака. Вы бы просто навалились на меня все разом.

Узники встревоженно переглянулись. Они явно даже не думали об этом.

— Ну, или вы хотите сказать, что не посмели бы? — усмехнулся Гар.

— Э... Гар, — взял его за локоть Дирк. — Может, мы выберемся отсюда и без их помощи?

— А зачем? — безмятежно отозвался Гар и снова повернулся к узникам. — Почешите в затылке и подумайте хорошенько. Если вы ударите господина, кто вас за это накажет?

— Ну, солдаты, — ответил один с видом, будто ему не верится в то, что кто-то может не знать ответа на столь очевидный вопрос.

— И что солдаты с вами сделают?

— Бросят в тюрьму и будут гноить там, покуда не решат повесить!

— Но вы-то уже в тюрьме, — заметил Гар.

Узники удивленно переглянулись и призадумались. Один или два повернулись к Гару получше рассмотреть его. Колл почти слышал скрип их мозгов.

Гар, судя по всему, тоже.

— Ну, конечно, не так уж много найдется господ ростом с меня, да еще с друзьями, умеющими хорошо драться.

Разумеется, все взгляды тут же обратились к Дирку. Продолжая улыбаться, он шагнул вперед — и вдруг стремительным движением ухватил стоявшего ближе других к нему узника за локоть и ворот, и тот с воплем полетел в гущу остальных. Те тоже повалились, оглашая гулкую темницу криками. Дирк довольно шагнул назад, глядя, как они выбираются из кучи-малы и поднимаются на ноги.

— Господа умеют драться лучше сервов, — заметил он, когда шуму поубавилось.

Колл втайне порадовался, что они давали ему уроки.

— Вопрос только в том, — снова заговорил Гар, — что вам всем терять.

— А как же — наши жизни! — отозвался один из узников так, будто говорил со слабоумным.

— Правда? Значит, вы надеетесь выбраться отсюда?

Они изумленно уставились на него, потом сердито заропотали. Гар довольно кивнул:

— Когда вам нечего терять, почему бы не нанести ответный удар? Все, что они могут сделать, — это убить вас!

— Ага, и послать нас в ад, — горько буркнул один из узников.

— Что лучше — попасть в ад за убийство лорда, готового втоптать в грязь своих людей просто так, потехи ради? — возразил Гар. — Или попасть в рай, попытавшись спасти его сервов от их жалкой участи?

В темнице воцарилась изумленная тишина.

— Ты вывалил на них слишком много новых идей для одного раза, — вполголоса заметил ему Дирк. — Так ты их можешь отпугнуть.

Гар кивнул.

— Что ж, тогда перейдем сразу к выводам. — Он снова возвысил голос. — Вы можете биться за свободу, свою и таких же, как вы! Если я теперь ваш Старшой, вот вам мой первый закон: я научу вас драться и научу тому, когда и с кем драться!

Они молча смотрели на него, слишком потрясенные, чтобы спорить.

Бывший Старшой застонал и пошевелился.

Гар опустился рядом с ним на колени, охватил его рукой за плечи и помог сесть.

— Знаю, тебе больно, но это пройдет. Эй, вы! Дайте ему воды! — Он опустил взгляд на кузнеца. — Удар у тебя не слабый, дружище.

Тот поднял взгляд, удивленный и этими словами, и голосом, которым они были произнесены.

— Ты и сам не хиляк, — буркнул он. — Знаешь несколько приемов, верно?

— Знаю, и тебя им научу.

Лиам подозрительно сощурился.

— Это зачем? Я же тогда тебя побью!

— Нет, не побьешь. — Улыбка Гара не обещала ничего доброго. — Я все равно буду знать их больше. Говоря точнее, я могу научить тебя полусотне приемов и все равно буду знать больше.

— Уж лучше поверь ему, — посоветовал Дирк голосом, из которого следовало, что он-то проверил это на своей шкуре.

Лиам внимательно посмотрел на Гара и кивнул.

— Тогда уж лучше хоть полусотне научусь. — Он замолчал, ибо другой узник сунул ему в руку плошку воды. Он опростал ее одним глотком, потом смерил того долгим, внимательным взглядом, вздохнул, вернул плошку и снова повернулся к Гару.

— Выходит, ты у нас теперь Старшой, а?

Мгновение Гар с застывшим лицом смотрел на него, и до Колла вдруг дошло, что того поразила сообразительность Лиама.

— Верно, — сказал наконец Гар. — Дирк — вот этот — мой лейтенант, но ты мой сержант.

Кузнец хмуро кивнул и повернулся к Дирку.

— А ты меня побьешь?

Дирк отозвался уверенной улыбкой, но тут вмешался Гар.

— Даже если он не сможет, это сделаю я. Довольно с тебя пока и сержанта, дружище.

— Славный совет, — согласился тот. — Меня звать Лиам.

— Рад познакомиться, Лиам. — Гар пожал тому руку, потом поднялся на ноги и помог встать Лиаму.

Свежеиспеченный сержант улыбнулся новому Старшому.

— А ты ничего. Ну и каков первый приказ?

— Для начала вопрос. У вас здесь есть палки?

— Что? Чтобы было, чем сторожей мутузить? Да разве они посмеют?

Гар кивнул, словно ожидал такого ответа.

— Раз так, выстрой своих людей в два ряда. Дирк, можешь взять Колла и начать занятия с этими людьми?

— Почему нет? — Дирк кивнул Коллу и не спеша направился к двум рядам узников, выстроившихся по окрику Лиама. — Возьми вот этого. — Дирк показал на здоровяка на голову выше Колла. — Покажи ему бросок через бедро.

Колл окинул здоровяка взглядом и мысленно поежился — тот был тяжелее его на стоун, если не на два. Однако сразить-

ся на глазах у Дирка ему вовсе не хотелось, так что он подошел к этой ухмыляющейся дылде, резко выбросил руки вперед, повернулся и швырнул его на пол точно так же, как Гар Лиама. В ответ на удивленный вскрик жертвы сержант ухмыльнулся.

Дирк кивнул:

— Хорошо, можешь вернуться в строй. Теперь проделаем это немного медленнее. Повернись ко мне лицом, Колл. — Он повторил все движения замедленно, на ходу объясняя их зрителям.

Гар следил за уроком, время от времени кивая в знак одобрения. Пока они занимались, он прошелся по темнице, обследуя ее. Когда урок закончился, и узники, поругиваясь и утирая пот, разошлись по местам, он позволил всем отдохнуть и попить воды, но потом заставил всех чистить помещение. Битыми черепками они сгребли всю грязную солому в один угол, который Гар назвал «туалетом» и строго-настрого запретил всем отправлять естественные надобности в других местах. Потом он заставил вымыть пол тряпками. Хорошо еще, воды было предостаточно; она стекала из трубы в углу — возможно, из крепостного рва. Обнаружилась также охапка более или менее чистой соломы, которую Лиам использовал в качестве своего ложа. Гар поделил ее на всех, чтобы никому не пришлось спать на холодном каменном полу. Ко времени, когда тюремщики сунули в щель под дверью ужин, каменная темница приобрела неожиданно уютный вид.

Лиам откусил кусок от краюхи хлеба и огляделся по сторонам.

— Э, да ты прям-таки чудеса сотворил... Старшой. — Он произнес это слово с усилием, но все же произнес. — Я-то думал, такое невозможно.

— Спасибо, — серьезно произнес Гар. — По крайней мере мы можем упражняться без риска угодить в дерьмо. Когда принесут свежую солому?

Лиам пожал плечами.

— Может, завтра, а может, через год.

— Тогда придется быть осторожнее с бросками. Постараемся оттянуть их насколько возможно.

Лиам даже зажмурился.

— Что-то ты не слишком колебался, швыряя меня. Да и этот твой Колл тоже швырнул Боэма — будь здоров!

— Верно, но мы умеем делать это так, чтобы вы приземлялись как можно мягче. Вы все тоже научитесь этому, но я бы не хотел переломать вам кости в процессе обучения.

— Кого у вас зовут «Старшими»? — спросил Дирк у Колла.

Колл очнулся от сладостных мечтаний о Кьяре — о ее сияющих глазах, соблазнительных губах...

— Старшой? — удивленно переспросил он. — Так зовут стариков.

— Деревенских старейшин, например?

Колл нахмурился.

— Да нет, любого старика.

— Значит, это все равно что «дед», — заключил Дирк. — Приятно узнать, что ваша культура все-таки почитает мудрость, приходящую с возрастом.

Колл удивленно уставился на него, вновь застигнутый врасплох таким суждением.

— А разве есть люди, не уважающие этого?.. — Он вдруг запнулся. — А что такое «культура»?

— Совокупность идей, которыми живет какая-либо группа людей, а также то, как эти идеи проявляются в их повседневной жизни, в их поступках и изделиях, — объяснил Дирк. — В вашей культуре много хорошего, Колл.

— Но и плохого тоже? — нахмурился бывший серв.

Дирк кивнул:

— Ну, например, тяга к авторитарности. Ваши люди так привыкли исполнять приказы, что им никогда не приходит в голову думать самим. Что делают, скажем, лесные разбойники, когда оказываются на воле? Что бы сделали эти узники?

Нашли бы того, кто командовал ими! Лиам не виноват в том, что сделался здешним Старшим — они сами хотели, чтобы он стал им!

— Эй, постой! — нахмурился Боэм. — Мы не шибко любим, чтобы нами правили!

— Вы-то не любите, — согласился Дирк, — но и как жить без этого тоже не знаете. — И он принялся объяснять основы общественного устройства.

Узники слушали его как завороженные, широко раскрыв глаза. Время от времени они прерывали объяснение несогласными возгласами, но Дирк объяснял подробнее и каждый раз убеждал их в своей правоте.

Когда погас последний луч солнечного света и все устроились на своих подстилках из соломы, Гар повернул голову к Дирку.

— Из тебя вышел бы отличный профессор.

— Спасибо, — отозвался Дирк. — Правда, сомневаюсь, чтобы какой-либо колледж согласился зачесть мне в педагогический стаж пребывание в здешнем заведении.

На следующий день Гар удивил всех присутствующих комплексом гимнастики, потом передал их Дирку, который преподал им основы умения падать — пока только с колен, ибо он опасался каменного пола. Когда каждый получил свою дозу синяков, он разрешил всем встать и показал основные оборонительные позиции, потом самые простые удары. Дождавшись, пока все вспотеют и начнут задыхаться, он объявил перерыв.

— Когда в этой дыре дают завтрак? — поинтересовался он.

— Завтрак здесь. — Лиам махнул рукой в сторону рукомойника. — А что до еды, так они кормят нас в середине дня, а потом еще раз — когда повара выносят с кухни объедки. Если они остаются.

— Вчерашний ужин, да? — хмуро кивнул Дирк. — Ну, что ж, занятия заставят нас забыть на время про голод. Отдохните немного, парни, а потом послушайте Гара.

Гар прочитал им свою обычную лекцию про систему ячеек, потом устроил еще один урок по самообороне без оружия. Колл удивлялся тому, что охрана не пытается помешать им; впрочем, те наверняка привыкли к крикам и возне в темнице, так что даже не заглядывали. А может, им просто было все равно.

Однако Дирк увидел человека, одиноко сидевшего в углу с понуро опущенной головой. Он подошел поговорить с этим узником, и Колл решил послушать.

— Ты пропускаешь все удовольствие, — говорил Дирк.

— Какие уж удовольствия в этой жизни? — буркнул узник. — Уйди и не мешай мне помирать.

— Умирать? — Дирк опустился рядом с ним на колени. — Здесь же даже палок нету, не то что ножей! Как же ты хочешь свести счеты с жизнью?

— Голодом! — огрызнулся тот. — И никто меня не остановит... да что там, они только помогают мне, забирая всю жратву себе.

— Ну да, и когда ты изголодаешься настолько, что не сможешь постоять за себя, тебя запросто прихлопнут как муху, — неодобрительно сказал Дирк. — А кто-нибудь еще пытался проделать такое?

Узник пожал плечами.

— Да едва не каждый месяц. И всегда наверняка.

— Что ж, можно поверить, — с горечью сказал Дирк. — Но что такого плохого в этой жизни?

— Господа! — взорвался узник. — Они забирают наш хлеб, наших женщин, они загоняют нас в норы, как зверей! Какая уж тут жизнь? — Он наконец поднял на Дирка воспаленный, полный ненависти взгляд. — И ты тоже один из них!

— Да, но я борюсь с ними, — возразил Дирк. — Потому меня и сунули сюда — как предателя. Однако подумай-ка: если уж ты правда так хочешь умереть, зачем отдавать жизнь впустую?

Узник нахмурился.

— Что ты хочешь сказать?

— Почему бы тебе не прихватить с собой лорда? — предложил Дирк. — Или хотя бы рыцаря? С теми приемами, которым мы тебя научим, ты можешь свести счеты даже с двумя или тремя, прежде чем тебя убьют.

Узник удивленно уставился на него.

— Ты это правду говоришь?

— Я видел, как такое проделывали, — кивнул Дирк.

Мужчина рывком поднялся — и едва не упал: он уже сильно ослаб от голода. Дирк подхватил его, и тот повис у него на руках, жадно глотая ртом воздух.

— Научи меня! И правда лучше уж так!

Им пришлось накормить его, чтобы у него хватило сил хотя бы слушать урок, но уж слушал он Гара с жадностью. Это навело Дирка на новую мысль. Он принялся заговаривать с остальными поодиночке, отбирая тех, кто потерял в жизни столько, что уже не боялся смерти. Он убеждал их не спешить со смертью, пока они не захватят с собой на тот свет нескольких рыцарей, а потом научил их петь, делать фокусы, ходить колесом.

— Вы будете переходить неторными дорогами от деревни к деревне и передавать от ячейки к ячейке всякие глупые стишки и песенки. Вам самим они не скажут ничего, но ячейки поймут скрытое в них послание. А новые песни со скрытыми в них сообщениями я передам вам через других менестрелей.

— Но когда мы убьем господ? — прошипел один из будущих фокусников.

— Когда яйца проклюнутся, — загадочно отвечал Дирк.

— Черт, мне и в голову не приходило обучать менестрелей, — признался Гар, когда Дирк познакомил его со своей идеей. — И посылать зашифрованные сообщения с балладами. Ты просто гений, Дирк!

— Ну спасибо, — отозвался Дирк; впрочем, похвала явно пришлась ему по душе. — Это, конечно, не самый быстрый способ связи, но все же лучше, чем ничего.

— Гораздо лучше, — согласился Гар. — Собственно, мне кажется, баллады будут путешествовать быстрее, чем человек. А когда настанет время подниматься, мы можем использовать Херкимера для перемещения от одного места к другому — вместе с балладами, разумеется. Или даже сбрасывать их менестрелям с воздуха.

Пленники внимательно слушали Гара, обучавшего их условным паролям.

— Если вы встретите человека, который, на ваш взгляд, может быть членом другой ячейки, скажите: «Джонни-мельник мелет просо», — такой у вас теперь будет пароль. И если он ответит: «Всем король дает по носу», — значит он и правда один из нас, и вы можете передать ему послание. Но если он не ответит...

— Да он на тебя как на сумасшедшего посмотрит! — перебил его Лиам.

Гар кивнул:

— Другим паролем будет: «А кто мелет не спеша», — а отзывом: «У тех мука и хороша». А теперь как вам передать им, например, что тринадцать ячеек уже готовы действовать, но...

— А они правда готовы? — не выдержал Боэм с округлившимися от восторга глазами.

— Шестнадцать, — поправил Гара Дирк. — Он их даже не пересчитывал — это моя забота.

Узники уважительно переглянулись и немного взбодрились духом.

— Но всегда существует возможность, — продолжал Гар, — что рядом случится шпион, который подслушает ваш разговор. Вы, конечно, не хотите, чтобы он понял его, вот вы и скажете: «Матушка-Гусыня высиживает шестнадцать яиц».

— Выходит, каждая ячейка будет вроде как «яйцо»? — спросил Лиам.

— Верно, а «Матушка-Гусыня» — это наше восстание. Если кто-нибудь скажет вам, что «яйца проклюнутся в следу-

ющий пятидень в четырнадцать сотен», это будет означать, что ячейки ударят по намеченным им целям в следующий четверг. «Однодень» у нас воскресенье, от него и считаем, — а «четырнадцать сотен» означает два часа пополудни.

— Ну да, два пополудни! — с энтузиазмом кивнул Боэм. — Значит, восемь утра будет восемь сотен, а полдень — двенадцать сотен.

Гар кивнул, но тут же к нему пристал с вопросом третий узник.

— А это скоро будет? Я имею в виду, яйца проклюнутся?

— Не так скоро, как мне хотелось бы, — ответил ему Гар, — но скорее, чем вам кажется. А теперь марш упражняться.

Ближе к вечеру стражники подкинули в камеру относительно свежей соломы. Гар попросил Колла связать из части этой соломы какое-то подобие учебных палиц, так что теперь Колл учил узников и обращаться с ними.

Они пробыли в тюрьме две недели. А потом Гар сказал Лиаму, что пора уходить.

— И как ты это собрался делать? — фыркнул Лиам.

Как выяснилось, очень просто. Гар достал спрятанный в складках плаща тяжелый нож. Лиам изумленно уставился на него.

— Как ты исхитрился пронести *это* мимо стражников?

— Их гораздо больше интересовали мои шпага и кинжал, — объяснил Гар. — Как стемнеет, поднимите меня к окну.

Однако еще до наступления темноты они с Дирком обошли всех, сообщая каждому названия их ячеек, — были там совы бурые и совы крапчатые, ласточки домовые и ласточки-береговушки, белки серые и белки рыжие — и так далее, и тому подобное. Колл даже подивился тому, как это Дирк запоминает все и не боится запутаться в зверях и птицах.

А потом стемнело, и пять человек стали к стене, на их плечи взгромоздилось еще четверо, а на самом верху стоял

Гар, ковыряя известковый раствор между камнями вокруг окна. Лиам начал было ворчать насчет бесцельно потерянного времени, но тут на него посыпалась струйка сухой извести, и он замолчал. Потребовался час времени и четыре смены людей, но в конце концов Гар спустил им вниз оконную решетку, а за ней несколько камней длиной фута в два и примерно с фут толщиной. Он все передавал и передавал их: шесть, двенадцать, восемнадцать... А потом Гар наконец спрыгнул на пол, и последняя смена со стонами принялась растирать затекшие плечи и спины.

Лиам с минуту молча смотрел на зиявшую над его головой дыру в стене.

— Кто бы мог подумать, что известь так легко раскрошится?

— Никто, — заверил его Гар. — Но никто ведь и не пробовал.

— Выходит, ты мог вытащить нас отсюда в ту же ночь, как вы попали сюда!

— Мог, — согласился Гар. — Но тогда вас всех поубивали бы или переловили опять. А теперь у большинства, если не у всех, есть шанс вырваться на свободу. — Он повернулся, и голос его сделался резким. — Выбравшись на улицу, крадитесь вокруг замка на другую его сторону и переплывайте ров. Я посмотрел: луна молодая, так что света будет немного. Те, кто умеет плавать, потащат тех, кто не умеет. Оказавшись на том берегу, поднимайтесь наверх перебежками, от куста к кусту или камню. Никакого шума, ясно? Ни звука! И никаких попыток отомстить господам или их солдатам — потерпите до времени, когда яйца проклюнутся! Отойдя отсюда миль на пять, расходитесь по намеченным вам ячейкам: кто-то в леса, кто-то в города. Передайте вести тамошним ячейкам и принимайтесь создавать новые. Если вас поймают и отправят в другую тюрьму, создавайте ячейки и в ней. Все поняли? — Он выждал паузу. — Отлично. Тогда пора трогаться.

13

Побег прошел как по маслу; возможно, потому, что план был предельно прост. Даже самые робкие из узников так отчаянно жаждали свободы, что, стиснув зубы, удержались от крика, когда их друзья вплавь перетаскивали их через ров. Если кто-то из часовых и заметил неясные фигуры, перебегающие из тени в тень, он не придал им никакого значения: он остерегался лишь тех, кто пытался пробраться в замок, а не выбраться из него. Беглецы собрались в тени деревьев и разошлись в разные стороны, не задержавшись даже, чтобы попрощаться или поздравить друг друга с обретением свободы. Все понимали, что это всего лишь начало и что до настоящей свободы им еще очень далеко.

Колл, Дирк и Гар канавами и кустами выбрались из города и оказались в сельской местности, там они вышли на дорогу и зашагали, особенно не таясь: они провели в тюрьме всего две недели, так что одеты были лучше остальных узников. Впрочем, они все же держали ухо востро, остерегаясь стука копыт или лязга оружия. Разумеется, они ничего такого так и не услышали, ибо других желающих разгуливать по дороге во мраке ночи не нашлось.

— Что-то вид у тебя тревожный, Колл, — мягко заметил Гар. — Разве ты не рад снова оказаться на свободе?

— Еще как рад! — отозвался Колл. — Но... разве вас не тревожит, мастер Гар, что вы, быть может, выпустили в мир убийц и воров?

— Ни капельки, — заверил его Гар. — Я не пожалел времени, чтобы поговорить с каждым из них, а с теми, с кем не успел, переговорил Дирк. Верно, среди них трое убийц, но те, кого они убили, пытались убить их — или похитить их жен или дочерей.

— Солдаты? — переспросил Колл, ощущая, как кровь снова вскипает в его жилах.

— В двух случаях. Остальные? Ну, по большей части они воры. Украли несколько караваев хлеба или баранью ногу, чтобы прокормить свои семьи. Есть еще такие, кто просто грубо отозвался солдату или рыцарю, и их бросили в тюрьму всего за это — избив сначала, разумеется. С дюжину браконьерствовали — опять-таки от крайнего голода. Нет, я ничуть не раскаиваюсь в том, что выпустил их на волю. Единственные, кому они будут делать зло, — это лорды, рыцари и солдаты.

Пошатнувшаяся было вера Колла в своих господ снова окрепла.

— У тебя тоже будет шанс расплатиться за все, — заверил его Дирк. — И, кстати, не забывай: Кьяра пока что тоже где-то здесь, в этих краях.

Душа Колла запела при одной этой мысли, но надежда почти сразу же сменилась беспросветным отчаянием.

— Она считает, что я ее предал, — буркнул он. — Она теперь меня ненавидит.

— Скажи, что ты мог делать, кроме как исполнять наши приказы? — мягко возразил Гар. — Мы ей все объясним. Она поймет.

Коллу оставалось надеяться только, что Гар прав, — хоть он и сомневался в том, что вообще встретит когда-нибудь Кьяру. И при мысли об этом на душе его сделалось еще тяжелее.

В предрассветных сумерках они умылись и наскоро выстирали одежду в небольшом ручейке, потом как могли насытились орехами и ягодами и улеглись спать в кустах до вечера. Так они жили всю следующую неделю: ночные переходы и дневной сон в пещерах или зарослях; один оставался бодрствовать на часах. Дважды они наталкивались на своих бывших сокамерников и обменивались новостями. Всей их компании удалось поддерживать связь, ибо даже за эти несколько дней люди постоянно переходили от одной ячейки к другой. Ни

одного из них пока не поймали, и все нашли себе надежное убежище. Некоторые влились в разбойничьи шайки. Колл даже поразился тому, как быстро им все это удалось.

По солнцу и луне Колл понял, что дорога их постепенно забирает вбок, в направлении королевских владений. В конце концов он не выдержал и прямо спросил об этом у Гара.

— Мы что, к королю возвращаемся?

Гар кивнул:

— Мы скажем ему, что в бою нас отрезало от нашего войска и что мы пытались вернуться так, чтобы не попасть при этом в руки противнику. В общем-то это почти правда.

— Но ведь прошло два месяца?

— Ровно столько это и заняло бы, поверь, — успокоил его Гар, и вид у него был при этом такой уверенный, что Колл сдался и не стал изводить его дальнейшими расспросами.

Гар рассудил, что они отошли от герцогского замка на достаточное расстояние, чтобы не бояться случайных встреч с теми, кто их мог опознать, так что они вернулись к дневному образу жизни и даже заходили в деревни обменяться новостями. К тому же Гар купил лошадей, и теперь они передвигались быстрее. Спустя несколько дней они начали натыкаться на следы проходившего войска: примятые посевы, избитых крестьян, которым нечем было с ними поделиться, ибо все забрали солдаты, а там и здесь даже сожженные фермы. В общем, они не особенно удивились, когда, въехав в очередную рощу, услышали за поворотом дороги визг, сердитый крик и грубый хохот.

Колл пришпорил коня и поскакал вперед. Дирк догнал его.

— Только убедись сначала, что дерешься за тех, кого надо.

— Если это солдаты, — на скаку откликнулся Колл, — я не ошибусь!

Они миновали поворот и увидели знакомую актерскую телегу. Один из волов лежал убитый в колее, а солдаты со

смехом тащили от телеги визжавших и вырывавшихся Кьяру и других актрис. Андров и двое других актеров постарше неподвижно лежали на земле.

Колл взревел от ярости и поскакал прямо на солдата, тащившего за талию Кьяру. Копье угодило солдату в ягодицу — тот взвыл и выпустил Кьяру, чтобы зажать рукой рану. Тут он увидел, что Колл снова замахивается копьем, и, забыв про боль, выхватил длинный кинжал.

Кьяра подняла с земли палку и с размаху заехала ему по физиономии.

Солдат снова взвыл и выронил нож. Колл перехватил копье и двинул его древком по лбу. Солдат мешком повалился на землю. Колл спрыгнул на землю и остановился перед Кьярой, держа копье наготове, чтобы отразить любую новую атаку. Другой солдат с яростным воплем ринулся на него, размахивая алебардой. Колл выставил копье перед собой, отбивая удар, и лягнул того ногой в живот. Солдат согнулся, выронив рапиру, которая, падая, оцарапала Коллу левую руку. Колл вскрикнул и ударил солдата древком по лицу — тот повалился на землю и остался лежать, не шевелясь. Колл еще раз глянул на него — убедиться, что солдат больше не представляет угрозы, и принялся ждать нового нападения.

Однако на поле боя оставалось на ногах всего три человека, если не считать их с Кьярой: Дирк, который стоял, тяжело дыша, над четырьмя поверженными телами; Гар со шпагой и кинжалом наготове — и рыцарь, поднимавшийся с земли, цепляясь за стремя своей лошади. Восстановив равновесие, тот сделал шаг в сторону от лошади и выхватил меч. Пика его лежала, разрубленная пополам, на земле.

— Я сэр Лагеб Оксльский, — выкрикнул рыцарь из-под забрала. — А ты кто таков, чтобы я снизошел до того, чтобы скрестить с тобой мечи?

— Неплохой повод... — шепнул Дирк, но Гар мотнул головой.

— Меня зовут сэр Гар Пайк, — громко и отчетливо произнес он.

— Дезертир! — взревел рыцарь и замахнулся мечом.

Гар сделал короткое движение шпагой — и меч вонзился глубоко в землю. Когда сэр Лагеб выдернул его, клинок шпаги Гара описал в воздухе восьмерку, взметнувшись вверх и ударив по рыцарскому шлему с такой силой, что тот загудел как колокол. Сэр Лагеб пошатнулся и упал. Гар опустился рядом с ним на колено, разрезал ремешки и, сорвав с рыцаря шлем, для надежности огрел того рукоятью кинжала по голове. Сэр Лагеб обмяк.

— Да, — задумчиво заметил Гар. — Лицо действительно знакомое.

— Его немного утешит, когда мы скажем ему, что всего только возвращались назад, пусть и подзадержались немного, — заверил его Дирк. — Э... Колл?

— С вашего позволения, потом, мастер Дирк. — Колл прижимал плачущую Кьяру к груди.

Дирк улыбнулся и повернулся к Гару, который тем временем уже склонился над мастером Андровом и брызгал ему в лицо водой. Дирк направился было помочь одному из других стариков, но тут в объятия к нему бросилась ревущая Дицея.

— Все кончено, — утешал ее Дирк. — Все хорошо.

— Но они забрали Энрико! — всхлипнула Дицея.

Дирк застыл.

— Энрико? — Он переглянулся с Гаром, который уже помогал мастеру Андрову подняться на ноги.

— Не торопитесь, — посоветовал великан. — Вот, выпейте, а потом расскажите мне, что случилось с Энрико — и, теперь я вижу, со всей вашей остальной молодежью.

— Не говоря уже о второй вашей телеге, — добавил Дирк.

— А чего тут спрашивать? — с горечью произнес Андров. — Солдаты!

Гар кивнул:

— Король силой забрал ваших молодых мужчин в свою армию?

— Нет, герцог Трангрейский! Он повел свое войско к границе владений эрла Инсола и теперь собирает всех встречных мужчин, чтобы бросить их на копья его величества!

Дицея тоненько взвыла.

— Битву еще можно предотвратить, — предложил Дирк.

— Такого еще никому не удавалось, — мрачно возразил Андров.

— А что телега?

— По крайней мере они выкинули наши сундуки и пожитки, прежде чем забрать ее и запряженных в нее волов. Как видите, они и одного из этих волов тоже забрали, да еще сказали нам, что обошлись с нами милосердно, оставив нам так много! Мы торопились искать защиты у короля, и видите, что из этого вышло: его же солдаты забили нашего последнего вола себе на пропитание, а актрис хотели забрать себе на утехи!

— Чего им не удалось, спасибо этим славным людям! — С телеги, охая, сползла мать и бросилась обнять сына. — Откуда вы узнали, что нам нужна ваша помощь?

Дирк удивленно поднял на нее взгляд, потом повернулся к Гару.

— Хороший вопрос. Откуда мы узнали?

— Просто повезло, — заверил его Гар.

— Только ли повезло?

— Ну, может, еще одна птичка напела.

— Ну да, птичка у тебя в мозгу!

Колл подивился бы этому странному разговору, но он был слишком занят двумя самыми дорогими для него в мире женщинами.

Кьяре удалось наконец чуть отстраниться от Колла и смахнуть с глаз последние слезы.

— Я так перепугалась! Ох, хвала небесам, ты поспел вовремя, Колл!

— И правда, хвала небесам, — с жаром согласился он. — Ох, как я за тебя переживал, Кьяра!

— Переживал? — уставилась на него Кьяра. — После того как я накричала на тебя? Неужели ты после этого обо мне вообще думал?

Колл крепко сжал ее руку и заглянул ей глубоко в глаза.

— А разве мог я не думать о тебе?

Кьяра не сводила с него взгляда, но потом потупилась и покраснела.

— Я... что за дура я была! Я ругала себя все это время еще сильнее, чем тебя тогда! Ох, Колл, ты меня простишь?

— Я думаю, он уже простил, — улыбнулась мать и поспешила от них утешать других женщин.

— Тебя не в чем винить, — серьезно сказал Колл. — Я ужасно тебя подвел. Мы навлекли опасность на вас всех, а ведь я мог хотя бы предупредить тебя.

— Не мог, иначе ты подвел бы своих хозяев. — Кьяра снова заглянула ему в глаза. — Я поняла это позже. Но не сразу: тогда-то мне казалось, ты просто обманул меня. А ты взял и спас меня, да еще когда врагов было втрое больше вас! Ох, Колл, я и на хозяев твоих не могу сердиться, а уж на тебя и подавно!

— Нет, мне все равно нужно было сказать тебе тогда. — Колл снова обнял ее и прижал к себе, наслаждаясь ароматом ее волос. — Нужно было объяснить.

Дирк оторвался от сложной задачи утешения Дицеи, ибо один из солдат пошевелился. Он опустился рядом с ним на колено, держа кинжал наготове, но солдат только болезненно поморщился.

— Молю тебя, сэр рыцарь, — взмолился он. — Хватит и одного удара!

— Не буду, если ты сам не заставишь! — угрожающе заметил Дирк.

— Ни за что, — заверил его лежащий. Он ощупал шишку на голове и охнул: — И кулак же у тебя! Тяжелый, что твой жернов.

Дирк напряженно застыл, хотя готов был продолжать бой.

— Как жернов, что муку мелет?

— Нет, — поморщившись, мотнул головой солдат. — Ты врагов быстро перемалываешь. А жернов мелет не спеша.

— У тех мука и хороша! — с облегчением вздохнул Дирк. Он еще раз внимательно посмотрел на лежавшего, потом убрал кинжал в ножны и обернулся к Гару.

— Гар? Поди-ка сюда...

Солдаты подобрали своего не подававшего признаков жизни рыцаря и возвращались в замок следом за его лошадью. Шестеро из них несли мясо убитого вола. По настоянию Дирка они даже расплатились за него, позаимствовав для этой цели деньги из рыцарского кошелька. Гар с Дирком обсуждали свои маленькие чудеса. Колл слышал их разговор, и смысл его дошел до него позже, потому что тогда и он, и птичье пение, и бормотание собиравших свои пожитки актеров сливались для него в волшебную музыку.

— Помнишь солдат, с которыми мы разговаривали после представления? — спрашивал Дирк.

— В каком городе? — откликнулся Гар. Дирк пожал плечами.

— Какая разница? В любом. Точнее, в каждом из них. Похоже, они слушали внимательнее, чем нам казалось. Они вернулись по своим казармам и организовали там ячейки!

— Но как им удалось наладить контакты с другими ячейками за пределами казарм?

— Полагаю, они просто повторяли пароль до тех пор, пока не получали от кого-то отзыва. Если честно, меня не столько заботит, как или когда, сколько то, созданы ли ячейки и в армии неприятеля.

— Он утверждает, что в королевской армии их полным-полно, — задумчиво произнес Гар. — И что как минимум половина армии герцога Трангрейского с нетерпением ждет восстания.

— Так насколько крупное восстание мы затеяли, Гар?

— Как потребуется. — Гар пожал плечами. — Графство, или два... или три, или десять... плюс, конечно, королевская вотчина...

— Ты хочешь сказать, вся страна.

— Да, и будем надеяться, оно распространится с Аггранда на другие страны. В конце концов, мы действуем всего в одном королевстве, и не в самом большом. Впрочем, семена всегда невелики, а всходы...

— Сэр Гар?

Они повернулись и увидели подходившего к ним мастера Андрова.

— Да, мастер Андров. — Гар распрямился, возвышаясь над старшим актером подобно скале. — Примите мои глубочайшие извинения за то, что мы невольно впутали вас в наши заговоры. Мне стоило сообразить, что это может навлечь на вас неприятности.

— Вы за все расплатились с лихвой. — Андров махнул рукой в сторону телеги. — Вы спасли все, что оставили нам те, первые солдаты.

— Это меньшее, что я мог для вас сделать, — вздохнул Гар. — Но что вы хотели нам сообщить?

— Только то, что мы готовы двинуться дальше, так что хотели поблагодарить вас за помощь. — Андров протянул руку. Гар пожал ее.

— Но они забрали всех ваших волов! Как вы потащите телегу?

— Ну, есть еще кое-какая сила в наших старых костях, — улыбнулся Андров. — И уж думаю, дюжина актеров как-нибудь сможет то, что удавалось одному волу.

— Вздор! — решительно отмел это предположение Гар. — В конце концов, у нас ведь есть лошади. Мы запряжем их в телегу и потащим ее.

На лице Андрова отобразилась крайняя тревога.

— Нет, нет, сэр, умоляю вас, не надо!

— Еще как надо. Надо же нам расплачиваться за прежние просчеты! Давай, Дирк! Веди свою лошадь. — И Гар зашагал отвязывать свою лошадь от дерева и вести ее к телеге.

— Нет, нет, сэр Гар, право же! — Андров почти бегом бросился за ним, размахивая руками. — Мы справимся, сэр, уверяю вас, справимся!

— С большим трудом, может, и справитесь. — Гар остановился и с улыбкой повернулся к нему. — Вы ведь боитесь, что мы снова используем вашу труппу как прикрытие для своего заговора, верно?

— Ну... мы не можем просить вас отказываться от столь важного для вас дела... — неуверенно пробормотал Андров.

— Еще как можете, и не просто можете, но даже должны! Но не тревожьтесь, мастер Андров: один соглядатай поймал нас, так что теперь за вами везде будут присматривать уже несколько. Я не буду обещать вам не говорить ни с кем о восстании, но обещаю вам, я буду вести себя гораздо осторожнее. И потом, время разговоров, можно сказать, прошло, так что почти настало время действовать! — Он повернулся расседлать своего коня, оставив мастера Андрова еще более обеспокоенным, чем прежде.

Однако он, разумеется, не мог запретить двум рыцарям сопровождать свою труппу, если они сами на этом настаивали. Они впрягли своих лошадей в телегу и вывели ее на дорогу. Гар с Дирком шагали рядом, положив руки на эфесы шпаг и подозрительно поглядывая на все кусты, лачуги и овины, какими бы безобидными те ни казались.

Что же до Колла, то он тоже шагал рядом с телегой, но видел одну Кьяру, которая улыбалась ему со своего места на

верху поклажи. Несколько раз он споткнулся и едва не упал, но смотреть под ноги у него все равно не получалось.

— Колл! — сердито прошипела ему Дицея. — Не выставляй себя дураком на глазах у всей труппы! — Однако он только мотнул головой и продолжал улыбаться, сам удивляясь тому, что счастлив одной возможности идти рядом с телегой, смотреть на любимую женщину и иногда дотрагиваться до ее руки.

Из-за нападения королевских солдат они задержались с выходом, так что ночь застала их в чистом поле. Они скатили телегу с дороги и разбили лагерь. Мужчины раскатали свои одеяла у кустов. Женщины спали под телегой на случай дождя — и те, кто постарше, благоразумно уложили Кьяру в самой середине.

Они проснулись с первыми лучами солнца и как раз ставили котелок на огонь, когда до них донесся рокот барабана и зов трубы, а чуть позже — крики и лязг оружия. Все повернулись посмотреть — все, кроме Дирка, Гара и Андрова.

— В телегу, быстро! — крикнул старший актер, и загнал всех по местам. Кто-то ворчал, что не успел позавтракать, на что он посоветовал радоваться тому, что покуда жив. Гар затоптал костер и бегом бросился помогать Дирку запрягать лошадей.

Телега со скрипом выползла на дорогу. Дирк тряхнул вожжами, и лошади припустили рысью.

— Только умоляю, не надо быстрее, — крикнул ему Андров, — пока они не раскидали нас всех с телеги!

Дирк кивнул, стиснув зубы, и потянул вожжи. Крики и лязг слышались уже у самой дороги, и они увидели солдат в незнакомых мундирах, бежавших к ним. Точнее, солдаты бежали в гущу боя, а им просто не посчастливилось оказаться у тех на пути.

— Чьи это цвета? — крикнул Дирк.

— Герцога Трангрейского! — откликнулся Колл.

— Какой-то он у вас нетерпеливый, — заметил Гар. — Он что, не мог дождаться прибытия других герцогов?

— Может, это просто разведка боем, чтобы понять, насколько силен король? — предположил Дирк.

— Тем более дурак!

Колл удивился той уверенности, с какой Гар предположил это, и еще больше тому, что Дирк согласно кивнул.

А потом из кустов с левой стороны от дороги вылетела стрела и вонзилась в бок лошади Дирка. Несчастная скотина взвизгнула, попятилась, ноги ее подогнулись, и она упала замертво. Другая тоже остановилась, едва не перевернув телегу. Коллу даже пришлось налечь всем весом на борт телеги, чтобы этого не произошло. Женщины визжали, изо всех сил цепляясь за поклажу, чтобы не упасть. С противоположной стороны дороги вылетело копье, угодившее в грудь лошади Гара. Бедная коняга упала, не успев даже заржать.

Дирк выругался и наклонился вперед перерезать постромки. Гар помог ему своим кинжалом.

— Убью гадов! — кипел Дирк. — Руки и ноги поотрываю! Бедная скотина! Она-то что им плохого сделала?

— Оказалась не вовремя на пути, — буркнул Гар. — И мы тоже. А ну живее! Впрягайся! Пока они не выбрались на дорогу!

Оба вцепились в оглоблю и всем весом налегли на нее. Колл бросился вперед помочь им; мастер Андров и двое других стариков — тоже, хотя и не так быстро. Медленно-медленно колеса заскрипели, и телега тронулась с места. По счастью мертвые лошади оказались внутри колеи, так что их не пришлось объезжать.

Колл даже удивился тому, как плавно катится тяжелая телега. Казалось, она с каждым шагом становится легче. Очень скоро они начали задыхаться, но тащили ее уже бегом.

— Дальше справимся, — крикнул Гар. — Все старше тридцати — отцепляйтесь и поспевайте рядом!

Старики не возражали. Дальше Гар, Дирк и Колл тащили телегу втроем. Они одолели сотню ярдов, когда на дорогу

вывалились солдаты с копьями и алебардами, а между ними скакали рыцари, без разбору рубившие всех своими мечами.

Дюжина солдат выбежала на дорогу перед актерами, угрожающе нацелившись в них копьями. За ними виднелся конный рыцарь.

— Стой! — рявкнул он, и тут увидел Гара. — Это дезертир! — взревел он. — Тот, о ком вам всем говорили! И эти актеришки, что его пригрели! А ну, руби их всех!

14

— Да ты спятил! — взорвался Гар. — Это же мирные люди, а битва вон там! Пропусти их!

— Их, может, и пропущу, но не тебя! — Рыцарь пришпорил коня и поскакал прямо на Гара. Колл в отчаянии схватил свое копье. Гар увернулся, и рыцарь едва не врезался в телегу, пытаясь повернуть разогнавшегося коня. Колл замахнулся копьем. Удар древком пришелся рыцарю как раз под забрало, и тот пошатнулся в седле. Гар в прыжке обхватил его руками за талию и сдернул на землю. Рыцарь с металлическим лязгом обрушился на землю.

Андров побелел как полотно.

— Ты конченый человек, Колл!

— Я уже пять месяцев как конченый, — огрызнулся Колл. — И с тех пор немало всякого успел. — Сам он, правда, ощутил в животе сосущую пустоту. Всякий серв, поднявший руку на рыцаря, мог считать себя покойником.

Солдаты тоже прекрасно понимали это; они яростно взревели и бросились в атаку.

Дирк заступил им дорогу. Копье одного он перехватил шпагой, другого — кинжалом. Оба нападавших потеряли равновесие, он толкнул их, и оба покатились под ноги тем, кто

бежал следом. Подоспевший Гар обезоружил еще двоих, но третий нацелился своим копьем прямо ему в лицо. Гар успел увернуться, но солдат с разбегу врезался в него, сбив с ног. Целясь в лежащего, он замахнулся копьем и вложил в удар всю свою силу. Гар откатился в сторону, вскочил на ноги и сам замахнулся на солдата, все еще пытавшегося выдернуть копье из земли. У того хватило ума отпустить копье, пригнуться и двинуть Гара кулаком в зубы. Гар отшатнулся, и тут другой солдат огрел его древком копья. Гар упал, и солдат дважды с размаху ударил его ногой.

Колл закричал, пригнулся и бросился к ним.

Он поймал солдата за плечо, как раз когда тому удалось-таки выдернуть копье. Гар успел подняться вовремя, чтобы схватить второго солдата и швырнуть его навстречу двум оставшимся солдатам, которые бежали, выставив перед собой копья.

«Оставшимся» — это потому, что, пока Гар с Коллом приняли на себя удары четверых, Дирку удалось вывести из строя остальных. Некоторые лежали, держась за голову и скуля; другие просто лежали и молчали. Гар, прихрамывая, подошел к Дирку и перевел дух.

— Неплохая работа.

— Плохая работа! — буркнул Дирк. — Один из них уже не пошевелится!

— Уж лучше он, чем мы, — вздохнул Гар. — И потом, сами они не особенно церемонились с нами.

Лицо Дирка немного оттаяло, и Гар, повернувшись, хлопнул Колла по плечу.

— Спасибо тебе, Колл, — дважды спасибо. Когда бы не ты, этот рыцарь вполне мог продырявить меня и его солдат — тоже. — Он склонился над рыцарем, потом опустился на колено и поднял тому забрало. Веки рыцаря дрогнули, и он мутным взглядом уставился в лицо Гару. Взгляд, правда, быстро прояснился и наполнился ужасом.

— Скажи королю, что ты был повержен сэром Гаром Пайком, — сказал ему Гар, — чей сквайр спас его от твоего трусливого нападения. Нет, никаких извинений — если ты знал меня настолько, чтобы назвать дезертиром, значит, ты знал, кто я. Теперь же благодаря храбрости моего человека я могу ступать дальше, пытаясь вернуться к моему королю.

— Я... я не знал... — пробормотал рыцарь.

— Знал, и очень хорошо, и твое стремление убить меня еще заставляет задуматься, на чьей стороне ты действительно сражаешься. Все же я умолчу в разговоре с королем о твоей, так сказать, «ошибке», если ты также будешь молчать. У меня и без того много неотложных дел — победа над заговором лордов, например. Я оставляю тебе жизнь — но заберу твоего коня, ибо моего ты убил.

В глазах рыцаря вспыхнула ярость, но он был не в том положении, чтобы спорить.

— Это меньшее, что я могу сделать, дабы загладить свою ошибку, — хрипло произнес он.

— Благодарю тебя, — хмуро отвечал Гар. — Мы вернем тебе коня, как только найдем нашего короля. А до тех пор прощай. Колл, обопри-ка его о дерево.

Дирку тоже пришлось помочь, но вдвоем им все же удалось подтащить рыцаря к стволу дерева, о который тот смог опереться. Когда они покончили с этим, Гар уже привязал рыцарского коня к оглобле. Телега со скрипом двинулась дальше, оставив позади все пытавшегося подняться на ноги рыцаря.

Совместными усилиями рыцарскому коню, Дирку, Гару и Коллу удалось-таки затащить телегу под нависающий выступ скалы. Гар выпряг несчастную скотину и отправил пастись, утешая ее при этом за нанесенный ее достоинству ущерб, а Элспет с кожаным ведерком спустилась к ручью набрать воды.

Дирк вытер вспотевший лоб.

— А знаете, мне все кажется, что нам было бы гораздо легче передвигаться, бросив телегу.

— Верно, — устало прохрипел Андров. — Но сцена и реквизиты — это наш хлеб, сэр Дирк. Без них мы разве что пантомимой несколько монет заработаем... а может, и этого не сможем.

Дирк кивнул:

— Ладно. Пожалуй, дотащим как-нибудь. И потом, мы всегда можем спрятаться под нее, если битва снова застанет нас врасплох.

Именно это и произошло всего час спустя — ну, если не битва, то ее последствия.

Вдруг со склона на них градом посыпались солдаты. Некоторые все еще держали в руках свои копья и алебарды, но большая часть просто бежала, побросав оружие и не разбирая дороги. Они сталкивались с актерами, кричали что-то в ужасе и бежали дальше.

— Назад! Как можно глубже под выступ! — крикнул Гар. Элспет взяла коня под уздцы и отвела его в укрытие, спрятавшись за него сама. Гар отшвыривал бегущих солдат в сторону, давая Дирку и Коллу возможность закатить телегу под выступ скалы, пока она не уперлась в камень. Они развернули ее вдоль склона, чтобы падающие солдаты не сломали оглоблю, потом заняли места вокруг нее, готовые защищаться. Впрочем, им пришлось только отталкивать время от времени сбившихся с пути солдат.

— Чего они так испугались? — крикнул Колл Гару.

— Их сторона потерпела поражение, — отвечал Гар. — Теперь они спасаются бегством.

— Значит, победил король, — заметил Колл. — Ибо эти одеты в цвета герцога Трангрейского!

— Говорил же я, ему стоило хотя бы дождаться остальных герцогов, — с улыбкой заявил Дирк.

— Потерпевшие меня мало беспокоят, — признался Гар. — Я боюсь победителей.

— Угу. — Улыбка сбежала с лица Дирка. Он стоял, опустив шпагу и кинжал, но готовый к бою. — Победителей

больше всего интересуют трофеи — и, поскольку города поблизости нет, мы самая удобная мишень.

Они продолжали отгонять бегущих солдат до тех пор, пока цвет мундиров не поменялся. Королевские солдаты спрыгивали со скального выступа в погоне за отступающим противником. Разумеется, они увидели актеров и остановились, ухмыляясь.

— Добыча! Вы ведь не настолько глупы, чтобы пытаться защитить ее от нас?

— Я настолько, — угрюмо бросил Гар. — Мы рыцари, а это наш сквайр.

— Эй, да у них там бабы! — вскричал один из мародеров. Он бросился было к телеге, но замер, ибо острие шпаги Дирка оказалось в дюйме от его живота. — Ну, ну! Отойдите и пустите нас к ним по-хорошему, если не хотите, чтобы мы похоронили вас заживо под телами!

— Кое-кто из вас при этом погибнет, — предупредил его Гар. — Хочешь быть первым?

Солдат свирепо покосился на него, но промолчал. Гар ждал. Однако за спиной первого солдата собиралось все больше его дружков.

— Что там, Дул?

— Этот дылда говорит, они рыцари, да только на вид этого не скажешь — и у них там бабы, а он не хочет к ним пущать.

— Бабы?

— Бей их!

— Урой гадов!

Королевские солдаты разом завопили и бросились вперед.

Колл поймал копье своим, выставленным поперек, отшвырнул его вверх, а древком двинул солдата по зубам. Тот упал, но на месте его тут же возникли двое других. Колл отмахивался, колол, бил наотмашь. Чужие копья царапали и резали ему руки, но все, о чем он думал, — как бы не пропустить их к

Кьяре. Рядом с ним бились Дирк с Гаром, и груда королевских солдат у их ног неуклонно росла. Потом древко неприятельского копья ударило Колла по зубам, и он стукнулся затылком о борт телеги. Сквозь багровую пелену до него доносились крики, злобное рычание Гара и тяжелые удары. Потом взгляд его прояснился, но мир вокруг него шел кругом. Понемногу он успокоился, и Колл разглядел с дюжину лежащих на земле солдат, Гара и Дирка — задыхающихся и окровавленных, ибо оба не избежали неглубоких порезов. Но главное, королевские солдаты неуверенно топтались на некотором отдалении, не решаясь напасть снова.

— Эй, что у вас тут? — крикнул выехавший из-за скалы рыцарь.

— Они говорят, будто они рыцари, — отозвался один из солдат.

Забрало повернулось в сторону Гара.

— *Чьи* рыцари?

— Королевские, — выдохнул Гар. — Я сэр Гар Пайк, а это сэр Дирк Дюлейн.

Все застыли.

Рыцарь со скрежетом откинул забрало.

— В каком это аду вас черти носили все это время?

— Не в аду, но едва не по всей стране, — отвечал Гар, так и не отдышавшись. — Нас отрезали от королевского войска, когда мы преследовали бегущее войско эрла, и мы оказались глубоко в тылу врага. Некоторое время мы скрывались в лесах, и с тех пор пытались пробраться обратно к его величеству.

— А вот и нет! — Один из солдат пробился вперед и уставил в Гара трясущийся палец. — Вот он спешил сэра Брикбальда и бросил его умирать! И нас, остальных, тоже там бросил!

— Ах да, — процедил Гар сквозь зубы. — Кажется, я припоминаю этого солдатика. Очень храбр, когда бьется дюжиной против троих.

Солдат побагровел.

— Сэр Брикбальд назвал его дезертиром, да он и есть дезертир!

Колл замахнулся на него своим копьем, но Гар поймал его за руку и удержал.

— И этот тоже! — Солдатик на всякий случай отодвинулся на пару шагов, не переставая тыкать пальцем в Колла. — Все трое! Самые что ни на есть натуральные дезертиры! А эти актеры их укрывали!

— Мне трудно поверить в то, что рыцарь, столь приближенный к королю, можно сказать, его советчик, мог дезертировать, — медленно произнес рыцарь. — Однако если сэр Брикбальд выдвинул такое обвинение, мы должны изучить его со всей надлежащей серьезностью.

— С серьезностью, — презрительно сплюнул Гар. — Он всего лишь повторил вздорный слух, переданный ему кем-то из солдат. Наверняка тот солдат сам бежал с поля боя!

— А вот и нет! — с жаром вскричал солдат-обвинитель.

Гар повернулся к нему и изобразил на лице радостное узнавание.

— Пожалуй, это лицо мне знакомо...

— Довольно! — вскричал рыцарь. — Сэр Гар и сэр Дирк, если вы и правда невиновны — в чем я лично почти не сомневаюсь — я первым попрошу у вас прощения. Однако до тех пор мы должны доставить вас пред очи его королевского величества, он пусть и решает.

— Отлично! — Гар опустил шпагу и кинжал и выпрямился. — Именно туда я сам и собирался!

Ну, сам-то Колл понимал, что Гар собирался на деле вовсе не туда и Дирк тоже — но кто еще знал об этом? Уж наверняка не актеры. Да, пара дюжин бывших узников, шесть десятков лесных разбойников и целая куча молодых аристократов, солдат, купцов и прочего народу, приходившего посмотреть представления. Впрочем, он сомневался, что кто-то додумается спросить их об этом.

— Однако мы не можем бросить здесь этих славных актеров, оказавших нам свое гостеприимство в час невзгод, — заявил рыцарю Гар. — Им придется ехать с нами, под моей защитой.

— Если вы так говорите, значит, так оно и будет, — согласился рыцарь. — И разумеется, никто не посмеет отобрать у вас и сэра Дирка ваши шпаги. Впрочем, они вам не понадобятся. — Последние слова он произнес стальным тоном, сопроводив их угрожающим взглядом в сторону своих солдат. Те поворчали, но копья покорно опустили.

Так они и тронулись дальше. Крайне довольный таким оборотом дела мастер Андров держал вожжами. На этот раз Колл тоже ехал в телеге, утешая плачущую Кьяру. Дицея покосилась на них, и на мгновение на лице ее прочиталась неприкрытая зависть, а потом она отвернулась, какая-то погасшая и опустошенная. Коллу сделалось жаль сестренку. Было ли это все только потому, что между ними с Кьярой было то, чего так не хватало ей? Или за этим крылось что-то еще? Он решил на первом же привале спросить об этом у матери.

Гар с Дирком ехали перед телегой, поэтому Колл не слышал их разговора.

— Я видел, как он начал сомневаться, стоило тебе заговорить, а решение его полностью совпало с тем, что тебе было нужно, — тихо говорил Дирк. — Ты ведь убедил его не только словами, верно?

— Ну же, Дирк! — улыбнулся Гар. — Неужели ты думаешь, что я пошел бы на такое? Уж наверняка разумного объяснения достаточно, чтобы убедить любого!

— Что ты нашел разумного? — буркнул Дирк. — Да нет, молчи — ты, того и гляди, и на мне свои пси-штучки попробуешь.

Они добрались до города, волшебным образом не тронутого войной. Возможно, этим он был обязан своим расположением в дальнем конце владений эрла Инсола — а возможно, высоким, крепким стенам и массивным дубовым воротам. Од-

нако в ту минуту ворота оказались открыты, и рыцарь остановил свой небольшой отряд.

— Вы, актерская братия, будете здесь в безопасности и даже сможете заработать немного золота.

Гар кивнул:

— Раз так, придется нам их здесь оставить.

Колл встревоженно вскинул взгляд и спрыгнул с телеги, но Гар уже пожимал руку мастеру Андрову.

— Спасибо вам за доброту и гостеприимство, сэр. Желаю вам удачи и хороших сборов. Если удастся, мы пригласим вас выступить перед королем, когда победим.

— Оптимист! — буркнул Дирк.

Гар повернулся к Коллу.

— Давай, прощайся, да побыстрее, ибо нам нужно спешить.

— Снова прощаться? — вспыхнула Кьяра. — Ах ты, изменщик коварный! Да у тебя есть вообще совесть?

— Любовь моя, но у меня же и выбора-то нету! — возразил Колл.

— Абсолютно никакого, — подтвердил рыцарь, и в голосе его снова зазвенела сталь. — Он идет на суд к королю.

— На суд! Ну да, и если даже его величество сочтет тебя невиновным, увижу ли я тебя еще хоть раз? Никогда! Получил, что хотел, — и пошел искать дальше, да?

— Но я вернусь...

— Ага, когда тебе наскучит какая-нибудь другая красотка! Вот тогда ты и вернешься ко мне за утешением! Но только не торопитесь возвращаться, сэр, ибо меня уж не будет! Дезертиром тебя назвали — и верно назвали, только ты изменил не королю, ты изменил мне! — И она, зарыдав, отвернулась от него.

Колл уставился ей в затылок, окаменев от неожиданности, но мать ласково потрепала его по плечу.

— Это ее горе говорит, сынок, а не рассудок. Она ж горюет, теряя тебя, горюет, потому как теперь вместе с твоей сестрой будет ждать, мучаясь неизвестностью.

— С сестрой? — изумленно уставился на нее Колл. — Она-то кого ждет? — Он тут же прикусил язык и покосился на Дирка с Гаром.

— Нет, не их, — покачала головой мать. — Покуда вас не было, она влюбилась в молодого Энрико — ну, в того, что так хорошо куплеты поет.

Колл поморгал и вдруг даже обрадовался — и за сестру, и за то, что они-то теперь друг друга поймут.

— Ну да, его же в солдаты взяли!

— Вот-вот, взяли, так что пущай уж твои друзья побыстрее кончают эту войну, ты уж их попроси хорошенько! Покуда Энрико не убили. — Она погладила его по волосам. — А теперь ступай с богом, сынок. Уж мы без тебя позаботимся о Кьяре, будь спокоен.

— А я пригляжу за Энрико, если найду его! Спасибо, мама, — да храни тебя Господь!

Большой зал эрла Инсола оказался не таким впечатляющим, как королевский, да и сам король производил не меньшее впечатление, чем прежде, но и не большее. Колл решил, что этот юнец немногому научился за время кампании. Потом до него дошло, что он ощущает себя старше короля и смотрит на его величество как на дурака какого. Надо же, чудеса!

— Сэр Гар. — Король старательно говорил с предельной сухостью. — Давненько мы не виделись.

— Даже слишком давно, сир. — Гар поклонился. — Битва оторвала нас от вашей армии. Мы увлеклись преследованием солдат эрла и заблудились у него в тылу. Мы не знали, что сам он после битвы пропал, поэтому скрывались в лесах, и с той поры пробирались обратно к вам.

— Подобная преданность заслуживает похвалы, — заметил его величество, ничем не выразив, однако, своей признательности, равно как и того, верит он Гару или нет. Похоже, ему вообще не хотелось углубляться в расследование. Гар тут же воспользовался этим.

— Мне радостно видеть, с какой легкостью удалось втянуть герцога Трангрейского в бой. Значит, план сработал?

Только теперь до Колла дошло, что еще до нападения эрла Инсола Гар оставил королю наставления насчет отражения нового нападения другого лорда.

— Безупречно! Лучше не вышло бы, если бы ты даже читал его мысли. — Однако король нахмурился. — Откуда ты знал, что он нападет на меня?

— Я не знал, — невозмутимо признался Гар. — Но я не сомневался в том, что лорды не оставят эту угрозу своей власти без ответа. Те, что живут дальше от вас, могли еще, но только не те, кто граничит с вами, — из страха, что вы обратите против них свой закон.

Глаза короля торжествующе вспыхнули.

— Они рассудили верно!

— Разумеется, — согласился Гар. — Имелась, конечно, возможность того, что они сговорятся, — но даже так первый прибывший к вашим новым границам наверняка не удержался бы от соблазна проверить вашу силу частью своей армии.

— Ну да, потому-то ты и посоветовал мне ответить на это большей частью своей! Но разве ты не знал, что это будет Трангрей?

— Не знал, — ответил Гар. — Я знал только, что это будет герцог, который призовет на помощь остальных равных себе, ибо вы уже доказали, что одного способны разгромить. И еще я знал, что это будет один из ваших ближних соседей. Не знал только, что это будет именно Трангрей.

— Ты рассчитал достаточно верно! — Король начал выказывать некоторый энтузиазм. — И что, ты ничего больше для меня не узнал, пока пропадал?

Несколько недель, проведенных с актерами, научили Гара безошибочно распознавать намек.

— Я узнал, что Трангрей послал ко всем остальным герцогам приглашение вступить с ним в союз против вашего вели-

чества и что четверо ответили ему согласием; более того, до меня дошли слухи, что они уже выступили. Но ваши разведчики наверняка донесли уже это до вас.

— Они донесли мне, что четверо герцогов выступили против меня, — отвечал король, — но они не говорили мне, что это Трангрей позвал их в альянс! Откуда вы это узнали, сэр Гар?

Гар пожал плечами.

— У слуха много языков, ваше величество.

— Да, и ты, похоже, говоришь на всех них! Но скажи мне теперь, сэр Гар: как мы сможем разогнать этих наглых герцогов обратно по домам, а? Ибо наверняка их силы превосходят мою армию раз в десять!

— В семь, ваше величество, если слухи говорят правду, — заверил его Гар. — Впрочем, я обнаружил, что слухи имеют склонность преувеличивать тем сильнее, чем дольше они гуляют по стране. Возможно, враг всего в пять раз сильнее нас, — но для пользы дела не помешает исходить из того, что он сильнее всемеро. — Он огляделся по сторонам. — Говорить вам более этого мне не хотелось бы, ваше величество, не имея возможности свериться с картами, а также не ознакомившись с донесениями ваших разведчиков.

Возможно, король и не был гением, но проницательности ему было не занимать; он понял намек с полуслова. Среди дюжины солдат и гвардейцев, а также дюжины придворных вполне мог таиться шпион герцога. Он кивнул.

— Так поднимемся же ко мне в покои! Господа рыцари, вы свободны. Идем, сэр Гар. — Он повернулся к дверям.

Гар последовал за ним — в сопровождении Колла и Дирка, конечно. За ними маячили фигуры королевских телохранителей. Выходя, Гар обернулся и благодарно помахал рыцарю, доставившему их во дворец. Тот с улыбкой махнул ему в ответ.

По спиральной лестнице поднялись они в бывшие покои эрла Инсола, ныне занятые королем. Разумеется, герб эрла со

стены сорвали, заменив его королевским. Высокие окна выходили во двор замка, освещая стол с развернутой на нем картой всего королевства. Его величество обошел стол и ткнул в карту пальцем, потом вдруг заметил Колла.

— Что здесь делает этот мужлан?

— Это мой сержант, — объяснил Гар, — и он служит мне сквайром. Он должен знать все, что известно мне, иначе он не сможет исполнять свои обязанности надлежащим образом. Ему можно доверять не в меньшей степени, чем сэру Дирку.

Дирк согласно кивнул головой. Однако от Колла не укрылось, что Гар не сказал ни слова о том, насколько можно доверять Дирку. Бывший серв постепенно обучался придворным тонкостям.

15

Военный совет у короля затягивался, и Колл погрузился в собственные мысли — о Кьяре, конечно. Это он сделал зря: при одной мысли о ней сердце его заныло от тоски и горя. Ведь она разгневалась на него, он потерял ее навсегда! Ну, конечно, может, права мать, и Кьяра сердилась только сгоряча, а потом поймет, что он все еще предан ей и что придет так скоро, как сможет...

— Колл.

Он очнулся от своего забытья, зажмурился и сосредоточил взгляд на лице Дирка.

— Ступай отсюда, — приказал ему рыцарь. — Нам здесь от тебя никакого проку, а тебе от этого и того меньше. Походи-ка среди солдат, не узнаешь ли каких... *новостей*.

Мгновение Колл тупо смотрел на него, силясь понять, что тот хотел сказать этим ударением на последнем слове. Потом

до него дошло: Дирк хотел, чтобы он выяснил, нет ли здесь, в замке, ячеек! Колл кивнул.

— Как скажете, мастер Дирк. — Он повернулся, и часовой, нахмурившись, отворил ему дверь.

Что ж, теперь у него имелась цель, помогавшая ему не тосковать, хотя ему пришлось сильно постараться, чтобы хотя бы на время не думать о Кьяре. Он дважды справлялся у слуг о дороге, но в конце концов вышел во двор.

Двор гудел как потревоженный улей. Со стороны расположенных у восточной стены кузниц доносился металлический звон — там дюжина кузнецов ковала клинки и наконечники копий; к дверям кладовой то и дело подкатывали телеги с провиантом, распахнутые двери кухни извергали дым и ароматы жареного мяса. По двору сновали во всех направлениях слуги и посыльные, посередине двора упражнялись в стрельбе из лука и метании копий отряды солдат, тогда как другие, столпившись вокруг, ожидали своей очереди.

Туда-то и лежал путь Колла. Удачно избежав столкновения с дюжиной бегущих по делам слуг и выпрыгнув из-под колес примерно такого же количества громыхающих телег, он наконец добрался до солдат. Некоторое время он не делал ничего, только переходил от группы к группе, прислушиваясь к обычной солдатской болтовне. Потом он начал вступать в разговор: всегда можно пожаловаться на жратву, погоду или дурных офицеров. Он перекинулся словами с дюжиной солдат, прежде набрел на одного сержанта и высказал предположения насчет того, чем занимались их повара до вступления в армию.

— Был у нас один, так тот, должно быть, из каменщиков, — поведал он своему слушателю. — По крайней мере хлеб у него был все равно что твой кирпич.

Солдат кивнул:

— Это дело нехитрое. Вот у нас был один, так тот наверняка из угольщиков, судя по тому, что он с мясом делал.

Колл рассмеялся.

— Ясное дело, наш сказал, мол, не его это вина. Говорит, из той муки, что им выдали, никто мягкого хлеба не выпечет. Говорит, мололи наспех — нет чтобы молоть не спеша.

Что-то такое послышалось ему в смехе сержанта — или это Коллу только показалось? Сержант беззаботно повернулся посмотреть на своих друзей — те уже занимали места для упражнений.

— Идем, Гэлвин! — позвал его другой сержант.

— Минутку, — отозвался Гэлвин. Его приятель пожал плечами и принялся махать деревянной алебардой. — У нас в деревне говорили, молоть наспех — последнее дело, так своей муки еще дольше ждать.

Сердце Колла, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Ну да, прав тот, кто мелет не спеша.

— У того и мука хороша, — кивнул сержант. Они осторожно переглянулись, потом повернулись к упражняющимся солдатам и пару минут смотрели на них молча.

— И что ты мне скажешь? — спросил наконец Гэлвин.

— Пока ничего, — ответил Колл. — Только спрошу. Много ли ячеек в королевской армии?

— Почти половина войска. — Гэлвин отвечал, почти не задумываясь.

— Вам удалось связаться с армиями герцогов?

Солдат кивнул:

— Сегодня приезжал один крестьянин овощи продавать. Он говорит, с нами почти все люди Трангрея и по меньшей мере треть войска остальных герцогов.

Мгновение Колл потрясенно молчал. Ну, конечно, они строили свое подполье уже четыре месяца, и все равно, оно росло с поразительной скоростью.

— Спасибо, — сказал он. — Я еще наведаюсь посмотреть на ваши занятия.

— Тебе лучше участвовать самому, иначе рыцари могут заподозрить неладное, — посоветовал ему сержант.

— Хорошая мысль. Что ж, попробуем.

Гэлвин кивнул и шагнул к своим солдатам. Колл позаимствовал у другого солдата копье с тупым деревянным наконечником и пошел за ним.

Черт, и славно же было биться с другим, не боясь убить или оказаться убитым! Колл научился нескольким новым приемам и сам научил сержанта своим, потом благодарно хлопнул его по плечу, поблагодарил других солдат за то, что разрешили упражняться с ними, и вернулся наверх как раз тогда, когда Дирк и Гар с бесстрастными лицами выходили из королевской опочивальни.

Эти лица насторожили Колла.

— Как совет, прошел успешно?

— Весьма успешно, — заверил его Гар. — Но мне нужно проверить нашу оборону. Пойдем, пройдемся немного.

Колл все понял и зашагал рядом с Гаром. Единственным местом, где можно было не опасаться, что их подслушают, оставался для них двор замка.

Гар направился к дальней стене, но остановился шагах в пятидесяти от нее.

— Что ты узнал?

— Почти половина королевской армии с нами, — ответил ему Колл. — И большая часть армии герцога Трангрейского. В армиях остальных герцогов около трети людей готовы действовать по нашему сигналу.

— Неужели столько? — удивленно повернулся к нему Дирк. — Всего за четыре месяца?

— Мы выбрали верных людей, — довольно кивнул Гар. — И сдается мне, мы попали сюда как раз тогда, когда много, очень много людей готовы цепляться за все, что обещает хоть какую-то надежду.

— О да, — заверил его Колл. — Когда твои отец да дед лежат в сырой земле, павши на войне, а сам ты, почитай, всю жизнь голодал? Да мой народ уцепится за любую надежду, что

вы им предложите. Вот только людей у герцогов все равно больше, чем у нас.

— Верно, — кивнул Дирк. — Треть от каждой армии — много, но все равно недостаточно.

— Придется рискнуть. — Голос Гара снова окреп. — Ты ведь знаешь, что им нужно, Дирк: положить половину своих армий, только чтобы загнать короля обратно в свой замок и запереть там наглухо.

Дирк угрюмо кивнул:

— А король с радостью позволит им перебить большую часть его солдат, только бы убить еще больше их сервов.

Колл в ужасе уставился на них.

— Кто же победит?

— Трудно сказать, — ответил ему Гар. — Да и какая разница? В одном мы можем не сомневаться: проиграют солдаты. Придется обойтись и третью от их армий. Мы просто не можем ждать дальше, иначе оставшихся в живых не хватит даже на то, чтобы мертвых похоронить. Мне даже жаль, что я помог королю выиграть первую битву. Если бы они уже побили его, им не было бы причины затевать такую бойню!

— Да, но тогда не было бы и управы на герцогов, равно как и способа остановить все их междоусобицы, — напомнил ему Дирк.

— Да, — горячо подхватил Колл. — Если бы нас всех не поубивали завтра, мы бы погибли через год или через два! Любой шанс и то лучше, чем сидеть, сложа руки, мастер Гар!

— Раз так, придется попытаться, — хмуро кивнул рослый рыцарь. — Членам ячеек придется для начала глушить своих же солдат, пока те спят, а потом связывать их. Даже так стычек с герцогскими телохранителями не избежать, а уж самих лордов придется брать измором. Иначе их из цитаделей не выковырять.

— Нет, — возразил Колл. — Кто прислуживает лордам? Сервы. Они-то знают все входы и выходы замка. Будьте спокой-

ны, мастер Гар, — солдаты будут знать, что кто-нибудь оставит им незапертый ход, прежде чем телохранители опомнятся.

— Значит, так тому и быть, — сказал Гар. — Оглушить солдат, оставшихся верными герцогам, потом пленить самих ноблей — только не убивать их, иначе надежд на мир не будет никаких! Поставить во главе армии старшего по возрасту сержанта, за ним — следующего по возрасту, и так дальше, сверху донизу. Ступай, переговори со своими новыми знакомыми, Колл, и передай им сам, а они пусть передадут дальше: яйца проклюнутся на заре втородня!

— Но ведь осталось всего пять дней! — возразил Дирк. — Они могут не успеть передать эту весть за такой короткий срок!

— Придется. Разведчики говорят, остальные четверо герцогов подойдут к границе в понедельник вечером или во вторник утром. Значит, битва начнется в среду. Нам нельзя дать им соединиться прежде, чем восстанут сервы. Готовы мы или нет, яйца должны проклюнуться!

Но Дирк упрямо покачал головой:

— Даже по сети ячеек сигнал не может распространиться *так* быстро. Посмотри в лицо реальности, Гар, — придется тебе все-таки прибегнуть к помощи Чародея.

— Боюсь, я с самого начала знал, что без этого не обойтись, — вздохнул Гар. — Что ж, если это все, что ему придется делать, я еще буду рад.

Колла, слышавшего эти слова, прошиб суеверный пот. Неужели они говорили это серьезно? Правда ли они знакомы с волшебником? И правда ли он согласится помочь? Нет. Этого не может быть!

Но той же ночью, стоило ему опустить голову на свой тюфяк, как во мраке над ним возникло лицо — лицо старика, окруженное седой шевелюрой, переходившей в окладистую седую бороду.

— *Я Волшебник, Чародей Войны!* — пророкотал у Колла в голове мощный бас.

Колл застыл, в страхе вглядываясь в темноту.

— *Не бойся: в войне этой я на твоей стороне! Я не причиню тебе вреда!*

— Но ты уверен, что мы не проиграем? — шепотом спросил Колл.

— *Этого я обещать не могу, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Однако сражаться придется все равно вам самим, сервам. А что сделаю я — что я делаю сейчас: передаю день и час, когда должны проклюнуться яйца.*

— Правда можешь? — зачарованно прошептал Колл. — Каждому члену каждой ячейки?

— *Этого не могу даже я. Но я могу передать это вожаку в каждой вотчине, и я могу передавать срочные сообщения от одного человека другому. Ты тот, кого я выбрал вожаком в королевской вотчине.*

Колл даже поежился от свалившейся на него ответственности.

— Нет! Я ведь всего лишь серв — тот, кто исполняет чужие приказы!

— *Некоторым сервам придется стать командирами, иначе вы всегда будете лишь пешками ваших господ. Ты — тот серв, кого сэр Дирк и сэр Гар выбрали для того, чтобы научить стратегии и тактике этой Войны против войн, а значит, это ты будешь пастырем всех ячеек королевской вотчины, и ты сделаешь так, чтобы они действовали сообща. В этом я могу быть тебе лишь советчиком, ибо только человек, родившийся в Аггранде, может руководить битвой, иначе ваш народ навсегда останется лишь сервами, исполняющими чужие приказы, и будет ждать спасителя, что придет и избавит их от их жалкой участи.*

— Но я же не гожусь для этого! Я неуч, я мужлан!

— *Вы все такие, Колл. Или ты хочешь, чтобы я поговорил вместо тебя с сержантом?*

— Да! Э... — Колл вдруг вспомнил, что он сам тоже сержант. — Ясно. Если я хочу чин, я должен завоевать его сам, верно?

— *Верно, только это не все, чего ты хочешь.*

— Ну да, и если я хочу освободиться, я должен завоевать свободу сам?

— *И себе, и своему народу,* — подтвердил волшебник. — *Если это сделает за тебя другой, другой может и отобрать.*

— Иначе говоря, если меня освободит кто-то другой, я никогда не буду свободен по-настоящему. — Сердце у Колла сжалось при этой мысли. — Ну что ж, я передам сигнал. «Яйца проклюнутся на заре втородня».

В ночной тиши дюжина солдат эрла Грипарда поднялась со своих тюфяков и, бесшумно ступая босиком, по очереди огрела своих спящих товарищей по голове, а потом связала бесчувственных солдат крепкими веревками. То же самое происходило в других палатках; затем они вышли, обувшись, но все равно передвигаясь почти бесшумно, и окружили шатер эрла. Морщинистый сержант и пять солдат прошли к закрывавшему вход пологу. Часовые нахмурились, но, узнав своих, опустили оружие.

— Чего у вас там? — спросил один.

— Вы уж извините, братцы, — вздохнул сержант, и его люди, шагнув вперед, оглушили своих бывших однополчан.

Первые лучи восходящего солнца осветили боковой полог шатра, и эрл проснулся. Позевывая, он накинул халат, подошел к выходу полюбоваться утром — и увидел две трети своей армии, связанной по рукам и ногам, а оставшуюся треть сторожившей их.

— Что тут происходит? — рявкнул он. — Эй, сержант! Развяжи этих людей!

Сержант почтительно поклонился.

— Прощения прошу, милорд, но это никак невозможно!

Эрл, оцепенев, уставился на него. Потом лицо его перекосилось от ярости, и он повернулся к дежурившим у его шатра часовым.

— Взять этого наглеца!

— С вашего позволения, милорд. — Часовой, стоявший слева от входа в шатер, поклонился. — Но осмелюсь сообщить, я исполняю приказы только моего сержанта.

Эрл снова уставился на него. Все это начинало походить на дурной сон. Опомнившись, он вскинул голову.

— Сэр Годфри! Сэр Артур! — взревел он. — Покажите этим дерзким мужланам, где их место!

— Ваши рыцари, милорд, тоже лежат связанные и под охраной, — сообщил ему сержант. — Так что кличьте, не кличьте, они все одно не смогут явиться на ваш зов.

Эрл повернулся к сержанту.

— Что здесь все-таки происходит?

— Только то, милорд, что мы согласны повиноваться вам во всем, — отвечал сержант, — да только биться на этой вашей войне все равно не будем.

В отстоящем на две сотни миль от этого места замке, на самой границе Аггранда, тоже лежали связанные, как рождественские индейки, две трети армии. Первые солдаты только-только начали приходить в себя, морщась от головной боли, когда у подножия крепостной стены отворилась небольшая дверь, в которую, тихо ступая, вошел небольшой отряд солдат. На кухне было темно, ибо за окнами еще только-только начало светать. Тем не менее на столе стояла зажженная лампа. Подошвы башмаков стучали по каменному полу громче, чем по траве. Они старались красться вверх по лестнице как можно тише, но стража у дверей герцогской спальни услышала их шаги и выставила вперед копья.

— Стой! Кто идет?

Темные фигуры молча бросились на них с лестницы. Старший гвардеец успел выкрикнуть: «Убийцы!», — уже отражая

удар за ударом, пока стальное острие, пронзив ему грудь, не вонзилось в дверной косяк. Оба часовых погибли, но из боковой двери высыпала остальная часть караула. Бой вышел жарким и беспощадным. Хотя телохранителей было всего полтора десятка, они отогнали нападавших обратно на лестницу и начали теснить вниз.

Тут дверь герцогской опочивальни отворилась, и на площадку вышел герцог в ночном халате.

— Зарубить их! Всех предателей и изменников до единого!

За его спиной бесшумно возникли темные фигуры: дворецкий, двое лакеев и с полдюжины кухонных мальчишек. Крепкие руки ухватили герцога за локти, и к горлу прижался тяжелый кухонный нож.

— Эй, стража, бросай оружие! — рявкнул дворецкий. — Если не хотите, чтобы ваш герцог умер как собака!

Гвардейцы замерли.

— Бросьте оружие! — сдавленным голосом приказал герцог.

Охрана неохотно опустила копья. Солдаты муравьями высыпали с лестницы обратно на площадку, на ходу готовя веревки — связывать караульных. Тем временем дворецкий и его люди утащили герцога обратно в спальню и почтительно, но держа на виду обнаженные клинки, усадили в кресло у кровати. Его супруга, натягивая к подбородку одеяло, испуганно выглянула из-за изголовья.

— Не беспокойтесь, миледи, — утешил ее дворецкий. — Вам не причинят никакого вреда — если вы, конечно, не будете вылезать из кровати.

У эрла Помероя шпионы оказались получше, чем у остальных. В ночной тиши верные ему солдаты окружили заговорщиков и закололи спящими. Потом они выволокли их из казарм и свалили у подножия стены, у самого входа на лестницу, ведущую в покои эрла. Тот уже стоял на нижней ступени, уперев руки в бока и злобно посмеиваясь. Он спустился с лестницы, попинал мертвые тела ногами, выкрикивая самые

грязные оскорбления из своего богатого словарного запаса, после чего вернулся в свою опочивальню и уснул безмятежным сном, равно как и верные ему солдаты.

Когда они проснулись, весь замок кишел лесными разбойниками, а те из солдат, кто остался жив, были привязаны к своим нарам.

Сам герцог Трангрейский, разумеется, проснулся, окруженный нацеленными на него копьями.

— Милорд, — почтительно, но твердо обратился к нему седой как лунь сержант. — Мы просим вас обдумать наши требования.

Герцог побагровел от ярости. Он кричал, он угрожал, он ругался, но копья даже не шелохнулись, и в сложившейся ситуации ему трудно было ответить отказом.

Однако менее половины все же не лучшее соотношение сил, так что во многих казармах с полдюжины солдат, проснувшись, увидели, как заговорщики связывают их товарищей. Они повскакивали, похватали оружие и с криком бросились в бой. Лязг оружия раздавался почти в каждой казарме, схватки выплескивались на улицу или в замковые дворы. В двух наиболее удаленных от столицы графствах бунтовщиков одолели и порубили на месте, — но во всех остальных, когда бои стихли, с десяток сержантов, задыхаясь, утирая кровь и пот, являлись пред очи своего лорда, чтобы услышать одну и ту же команду: «Зарубите их всех!»

— Боюсь, что не могу исполнить этого вашего приказания, милорд, — отвечал старший сержант. — Мы повинуемся вам во всем, что законно, но не желаем больше убивать своих братьев.

И каждый лорд бледнел, когда до него доходило, что верные ему люди проиграли, а те солдаты, что явились к нему, — это торжествующие мятежники.

Король проснулся от лязга оружия и увидел, что во дворе сражаются друг с другом его же собственные солдаты. Над

схваткой возвышался огромный рыцарь в полных боевых доспехах, и он сшибал с седла всех рыцарей, осмелившихся вмешаться в бой; спину ему прикрывала другая фигура в доспехах, меньшего роста.

— Безумие! — буркнул король и потребовал собственные доспехи. Одевшись для боя и взгромоздившись на коня, он выехал во двор, где обнаружил, что бой, собственно, кончился, если не считать горстки рыцарей, окруженных лесом пик и алебард. Все словно застыло: ни рыцари, ни солдаты не шевелились.

Массивная, закованная в броню фигура подъехала к королю, хрипло дыша. Рыцарь поднял забрало и поклонился.

— Ваше величество, — произнес сэр Гар. — Я принес вам весть о том, что армии всех троих герцогов обезврежены и не будут сражаться.

Сердце короля возликовало: по крайней мере в его армии верх одержали верные ему люди!

— Так воспользуйтесь этой возможностью! — вскричал он. — Нападите на них по очереди и приведите их мне закованными в цепи!

— Прошу прощения, ваше величество, — отвечал великан, — но я не буду сражаться в этой войне, как не будут делать этого и те ваши солдаты, что еще держат оружие.

Король онемел: до него вдруг дошло, что и в его армии победили все же мятежники — и что возглавлял их не кто иной, как сэр Гар Пайк!

— Ко мне! — вскричал он в ярости, обретя наконец дар речи. — Ко мне, верные мои люди! — Его телохранители сплотились вокруг своего монарха и следом за ним ринулись в бой, оттеснив сэра Гара и врубившись в лес пик. Ему удалось прорваться к своим рыцарям, и те с торжествующим кличем устремились в атаку. Мечом и палицей прорубали они дорогу сквозь толпу этих жалких сервов, разя их сверху вниз, не заботясь, кого они рубят — правого или виноватого. В горячке боя они не

замечали, что один рыцарь за другим падал с коня, до тех пор, пока вокруг короля словно по волшебству не образовалась пустота, а напротив него не возник снова огромный рыцарь в броне. Другой рыцарь, подняв меч и щит, скакал в направлении немногих оставшихся в седле королевских рыцарей.

Рыцари изготовились к бою и с боевым кличем поскакали ему навстречу. Однако копья и дубины выбили половину их из седел, а рыцарь — разумеется, это был сэр Дирк — встретил их наготове, и от ударов его ряды рыцарей поредели еще сильнее. Последние двое вдруг сообразили, что происходит, и разом обрушились на Дирка. Он поднырнул под удар одного, поразив того мощным ударом в кирасу, потом повернулся ко второму — как раз когда того, огрев дубиной по голове, стянули с седла, и тот с лязгом грянулся оземь.

— Таковы твои понятия чести, сэр Гар? — спросил король перехваченным от ярости голосом.

— Ваше величество, — серьезно отвечал великан голосом, глухо доносившимся из-под забрала. — Ваши подданные просят вас выслушать их петицию.

Король выкрикнул что-то нечленораздельное и вонзил шпоры в бок своему коню. Он замахнулся мечом, но сэр Гар принял удар на свой щит, а потом еще один, и еще, и еще, даже не нанося ответных ударов, — и так до тех пор, пока король, задыхаясь, не опустил меч.

— Ты не рыцарь! — прохрипел он. — Ты изменник и позор рыцарского сословия!

— Войны не будет, — спокойно отвечал сэр Гар.

— Кто ты таков, чтобы говорить мне, нападать мне или нет на моих герцогов? — взревел король. — Ты чужеземец, неудачник — ты даже не сумел найти господина, согласного принять тебя в свою дружину! Наемник! Продажная шкура! Кем ты себя возомнил?

— Я сэр Магнус д'Арман, — отвечала безликая, закованная в сталь фигура. — Я принадлежу к роду графов д'Арман

с Максимы и сын лорда Родни Гэллоугласса с Грамерая, посвященного в рыцарский сан лично королем.

Король окаменел в седле.

— Дворянин? — прошипел он чужим голосом. — Сын лорда и его законный наследник? И ты выступил против своего же класса?

— Честь обязывает, — отвечал Гар. — А ваши эрлы и герцоги забыли обязательства, которые накладывает на них их титул. Нам следует напомнить им об этом — вам и мне.

— Да как ты смеешь? — прошептал король. — «Вам и мне»? Как ты смеешь? — Он вдруг осекся, соображая. — О каких это обязательствах ты говоришь? Ты хочешь напомнить моим герцогам об их обязательствах перед их королем?

— Да, ваше величество. Перед их королем, но также и перед их сервами.

— Обязательства перед сервами? И у тебя хватает наглости...

— Хватает, ваше величество, и у их советов тоже. Кстати, кто является вашим наследником?

Последний вопрос заставил короля похолодеть.

Гар терпеливо ждал.

— Верный долгу монарх, — произнес наконец его величество, — всегда должен прислушиваться к гласу своего народа. Я возвращаюсь в замок, сэр Гар. Можешь встретиться со мной в зале аудиенций через полчаса, и захвати тех людей, о которых ты говорил.

Гар склонил голову.

— Как угодно вашему величеству.

Солдаты расступились, освободив ему проход к дверям. Король повернул коня и уехал со всем достоинством, на которое был способен в нынешнем расположении духа.

Вернувшись в дом, он развил, однако, лихорадочную деятельность, раздавая приказы направо и налево.

— Лучники — на балкон для музыкантов! Пехота — переоденьтесь в лакейские ливреи! Рыцари...

Он осекся, сообразив вдруг, что рыцарей у него как раз и не осталось. Хуже того, те немногие солдаты, что оставались еще подле него, выслушивали его приказы с серьезным видом, но не делали ровным счетом ничего.

Потом сержант дал знак, и двое солдат выступили вперед и поклонились.

— Помогите его величеству снять доспехи, — произнес сержант. — Ваше величество, сэр Гар прислал нас, дабы мы проводили вас на трон со всеми почестями, на какие мы способны.

Король изверг замысловатое ругательство, от которого солдаты покраснели, а сержант одобрительно ухмыльнулся. Все же они продолжали почтительно ждать, не трогаясь с места. Кончилось тем, что король пошел с ними. Когда они уже готовились вступать в тронную залу, к Гару и Дирку протолкался запыленный солдат.

— Господа рыцари! Верные герцогу Гринлахскому люди одолели повстанцев! Он выступил, чтобы освободить короля, и все солдаты, избежавшие нашего плена, собираются под его знамена!

— Гринлах в сотне миль отсюда! — удивленно заметил Колл. — Новости распространяются со скоростью молнии!

— С нашей-то сетью ячеек? Да, слово путешествует быстрее человека. И все же пять часов — это потрясающе. — Гар нахмурился. — Сотня миль, говоришь? А армия на марше одолевает двадцать миль в день — даже скорее дюжину. Что ж, у нас по меньшей мере пять дней. — Он повернулся к Дирку. — Пошли, изложим наши положения его величеству! Нам надо проявить всю возможную настойчивость.

— А мне-то казалось, ты велел мне оставить клещи для пыток в подземелье...

— Ну, не *такую* же! — Гар повернулся к гонцу. — Много погибших?

— Меньше, чем было бы, если бы битва все-таки началась, господин, — отвечал тот.

Несколько мгновений Гар молча смотрел на него.

— Да, — произнес он наконец. — Ведь только это и важно, верно?

Он сделал шаг вперед и взялся за ручку ведущей в тронный зал двери.

— Попробуем убедить его величество в положительных сторонах происходящего.

16

— Ваши нобли стоят у ваших дверей с белым флагом, — сообщил Гар королю.

Король подозрительно прищурился.

— Ты не поднимался в башню. Откуда это тебе известно?

— Просто я организовал тайное общество в вашей армии и герцогских армиях, — объяснил Гар.

— Говоря точнее, по всему вашему королевству, — поправил его Дирк. Король смерил его взглядом, по которому того мгновенно вздернули бы на дыбу и от души прошлись бы по всему телу каленым железом — если бы королю, конечно, удалось найти хоть кого-нибудь, готового исполнить его приказания.

— Некоторых вы уже знаете, — продолжал Гар, — ибо это те солдаты, которые еще не связаны, но до сих пор вооружены. Тем не менее вам нельзя знать, кто ими руководит. Это тоже тайна, и знаю ее пока лишь я один.

— Тайна! — взревел король. — Вздор! *Ты* их вожак, и это ясно и очевидно даже дураку! Если я убью тебя, вашему мятежу конец! — И он, выхватив меч, сделал выпад.

Дюжина людей вскрикнула и вскочила на ноги, чтобы схватить его, но Гар без труда парировал удар своим клинком, выбив меч из его руки.

— Даже если вам и удалось бы убить меня, ваше величество, бразды правления примет другой вождь, — а если вы убьете и его, на его место встанет третий. Об этом не знает никто, кроме него самого, ибо солдатам известно только, что приказы им передаются, но неизвестно, кто их отдает.

— Тебя послушать, так вожаков перебить невозможно, — перевел король.

Гар кивнул:

— Вы поняли совершенно верно, ваше величество. Как невозможно убить наше восстание. В нем участвуют слишком много людей, но слишком мало их известны вам или кому-либо еще.

Странное дело, но король не взорвался еще раз; он только кивнул с холодным, оценивающим видом.

— Оригинально. Я посвящу себя поискам способа расстроить ваши планы.

— Вам это не удастся, ваше величество, — заверил его Гар. — Впрочем, в настоящий момент ваши товарищи по несчастью приближаются к вашим воротам — и мне кажется, вы найдете больше общего с вашими лордами, чем полагали прежде. Вы примете их?

— Чья идея эти ваши переговоры? — спросил король.

— Моя, — подтвердил его подозрения Гар. — По правде говоря, их светлостям оставили очень небольшой выбор.

— Раз так, я приму их, — объявил король.

Гар поклонился.

— В таком случае вы позволите отворить ваши ворота и проводить их в ваши покои?

— Чего вы меня спрашиваете? — с горечью буркнул король. — Разве не вы здесь хозяин?

— Отнюдь, — уверенно возразил ему Гар. — Ни я, ни солдатские советы не будут пытаться говорить вам, что вам делать. Мы будем только говорить вам, чего мы *не будем* делать.

— Ну и, соответственно, чего не могу делать я, — сухо добавил король.

Гар снова поклонился.

— Однако никто, кроме вас, не может говорить, что *будете* делать вы.

— Ну, раз так, отворяйте ворота и ведите их сюда, — сказал король. — Возможно, нам с ордами все-таки удастся измыслить какой-нибудь способ расстроить ваши планы.

Гар поклонился и передал приказ.

Герцоги въехали в ворота все вместе, в ряд. Перед ними ехал сержант с белым флагом в руках. Они спешились и подошли к резным креслам, вынесенным для них на самую середину двора.

Их собственные солдаты встали за их спиной полукругом в три ряда. Перед ними в кресле с высокой спинкой и резьбой побогаче, чем у них, сидел король.

Герцоги поклонились, как того требовал протокол.

— Ваше величество!

— Милорды, — отозвался король и махнул рукой в сторону Гара. — Вот этот оборванный наемник, осмеливающийся называть себя сыном лорда, является причиной всех наших неприятностей. Прежде чем я обращусь к вам, пусть он объяснит все сам.

— Спасибо, ваше величество. — Гар шагнул вперед и остановился у трона, лицом к герцогам. — Милорды, ваши армии недвусмысленно объяснили вам, что вам не удастся развязать эту войну, ибо они отказываются биться за вас.

— Да, грязный предатель! — не выдержал Трангрей.

Гар не обратил внимания на оскорбление.

— Тем не менее раз простые солдаты могут удержать могущественных герцогов от войны, уж, наверное, все лорды сообща могут удержать короля от поступков, которые они считают несправедливыми.

Король застыл, а лорды изумленно выпучили глаза. Потом у них разом сделался задумчивый вид, а король свирепо прищурился, глядя на Гара. И снова великан не обратил на это ровно никакого внимания.

— Вам всего-то нужно не подчиниться его закону и объявить ему, что вы не подчиняетесь потому, что это несправедливо.

— Позволь, позволь, — перебил его герцог Трангрейский. — Если я правильно понял, ты утверждаешь, что это *мы* можем говорить королю, какие законы принимать, а какие отвергать?

— Вы можете.

— Но он ведь пошлет на нас свои армии, — возразил герцог Экюд, хитро сощурившись. — Уж не хочешь ли ты сказать, что его армиям никогда не одолеть нас, если мы будем действовать сообща?

— Ему никогда не набрать столько рыцарей и солдат, — подтвердил Гар.

— Но что, если солдаты сочтут, что его закон справедлив? — возразил герцог Экюд. — Что, если они откажутся биться?

— Вот именно, — кивнул Гар с видом учителя, довольного сообразительностью ученика. — Отныне и навеки вам не удастся править без согласия тех, кем вы правите.

Лорды разразились возмущенными возгласами. Гар подождал, пока они стихнут. Первым, однако, не выдержал король.

— Милорды! — возгласил он голосом, мощью не уступавшим доброму боевому рогу.

Герцоги притихли, явно не ожидая столь властного голоса от подобного молокососа.

— Совершенно очевидно, что этот чертов чужеземец обвел нас всех вокруг пальца, — продолжал его величество, кипя праведным гневом. — Что же это выходит, сэр Гар? Я должен испрашивать позволения моих лордов по поводу любой мелочи, которую хочу повелеть?

Герцоги повернулись к Гару, и в глазах их вспыхнул новый интерес.

— Отнюдь, ваше величество, — возразил Гар. — Лишь по поводу законов, которые вы принимаете, а также любого *крупного* шага, который вы намерены предпринять. В вашей власти, однако, принимать законы и править делами в вашей собственной вотчине, как было всегда.

Король явно призадумался.

— Выходит, все остается как было за исключением того, что милорды могут помешать мне принимать законы или указы, которые придутся им не по нраву?

— И это не рискуя жизнями наших рыцарей или их солдат? — в свою очередь спросил Трангрей.

Гар кивнул:

— Собственно, было бы разумно вам всем договориться об определенном месяце, в который вы могли бы встречаться в поле где-нибудь близ столицы, дабы герцоги и эрлы могли обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес, а король мог посоветоваться с вами насчет мер, каковые он считает нужными для процветания королевства.

Король недобро покосился на Гара, но тот и бровью не повел.

— Подобные встречи дают вам, ваше величество, возможность объяснить лордам вашу политику и убедить их поддержать предпринимаемые вами шаги.

— Убедить! — раздраженно фыркнул король.

— Убеждение стоит дешевле, чем содержание армии, — подчеркнул Гар. — Вы могли бы также выделить определенный месяц для консультаций с солдатскими и сельскими советами со всего вашего королевства — этакий совет советов. Можно назвать это парламентом.

Взгляд короля вспыхнул, а герцоги с живейшим интересом подались вперед.

— Имейте в виду, что говорить на этом совете будут вовсе не главари, — поведал им всем Гар. — Это будут, скажем так,

представители — люди, обладающие полномочиями выступать от имени своего совета, но не имеющие в нем руководящих ролей. Настоящие руководители будут посылать глашатаев говорить от их имени — или посланников, если вам так привычнее.

Герцоги с разочарованным видом уселись обратно, а огонь в королевском взгляде сменился откровенной досадой, но Гара это словно и не волновало.

— Глашатаи не будут обладать полномочиями вести торг, — невозмутимо продолжал он. — Скажем так: они смогут говорить «нет», но не смогут говорить «да».

— Тогда что за смысл говорить с ними? — раздраженно спросил король.

— Очень просто. Если вам не удастся убедить лордов, вам, возможно, удастся убедить парламент, — а они могут запретить какие-либо шаги лордов или поговорить со своими герцогами в поддержку ваших планов.

Герцоги возмущенно загалдели, но королевский взгляд снова вспыхнул. Когда ропот стих, его величество кивнул.

— Значит, они могут запретить мои законы, но их собственные крестьянские советы смогут запретить *их* законы — или даже настоять на том, чтобы они приняли мои идеи.

— Не настаивать, — быстро поправил его Гар. — Не более чем лорды могут настаивать на том, чтобы вы приняли их курс действий.

Лорды переглянулись: они не думали о таком, но теперь такая мысль явно пришла им в голову.

— Советы могут обращаться к своим лордам с петициями поступать так, как предлагает ваше величество, — продолжал Гар.

— Разумно, сэр Гар, разумно. — Король откинулся на спинку трона. — Я начинаю видеть в вашем предложении некоторые достоинства.

— Тогда пускай герцоги напишут хартию, прояснив в ней свои права и ваши обязанности по отношению к ним, — пред-

ложил Гар. — Тогда вы все подпишете ее, и она станет законом, обязательным для всего королевства.

— Да, конечно! — одобрительно вскричали герцоги. — Блестящая идея! Ну наконец-то верная мысль!

Король нахмурился, ибо явно не питал склонности к письменным соглашениям — однако при таком единодушии герцогов у него оставалось мало выбора.

— Очень хорошо, — ворчливо согласился он. — Пусть принесут мне завтра набросок этой своей хартии, дабы мы могли поторговаться над ее условиями.

Так и вышло, что на заре следующего же дня они принесли ее — собственно, еще накануне Гар снабдил их экземпляром подобного соглашения из другого мира под названием «Великая Хартия». Они внесли в нее изрядное количество поправок, но все же выложили свои предложения королю уже с восходом солнца. Они спорили над ними битую неделю — сначала по сути (которая преимущественно гарантировала права и свободы герцогов, обязывая их лишь биться за короля и подчиняться его законам — в случае, если их одобрил парламент), а потом по отдельным словам вплоть до последней точки. И все же через девять дней после начала работы король, его эрлы и герцоги все же подписали свою собственную Великую Хартию. Солдаты едва не обезумели от радости, да и лорды тоже. Король ворчал, но новые для него понятия о необходимости народной поддержки все же заставили его приказать своим поварам изжарить на вертелах целые бычьи и кабаньи туши, а дворецким выкатить из погребов изрядное количество бочек пива. Солдаты, горожане и сельский люд — все собрались на эту шумную вечеринку. Впрочем, Гар, Дирк и Колл лично проследили, чтобы один солдат из каждых десяти оставался трезв и начеку и чтобы королевская гвардия пила не меньше герцогских солдат. В результате ни одна сторона не напала на другую, и поутру, когда герцогское войско оправилось от похмелья, оно собралось и выступило в обратный путь.

Герцоги вернулись в родные владения в превосходном расположении духа, сознавая, что проучили выскочку-короля — не потеряв при этом ни единого солдата! Они поднялись на высокие башни своих замков и, наслаждаясь ощущением собственной власти, озирали родные владения.

Спустившись же с башен в покои, они обнаружили там представителей деревенских советов, ожидавших их со своими собственными хартиями.

Разумеется, они подписали их. Правда, прошел не один день торгов, споров, угроз и взаимных уступок, но в конце концов каждый из них подписал свою хартию с простолюдинами. В принципе по-другому и быть не могло, ибо за спиной посланников селян стояли солдатские представители, а за ними стояли сами солдаты.

Когда хартии были подписаны, а законы утверждены, из лесов начали выходить разбойники, согласившиеся на предложенные им условия амнистии.

Сам Колл, впрочем, не вернулся в родную деревню. Он даже не остался в замке эрла Инсола. В сопровождении Дирка и Гара он вернулся в гостиницу, где остановились актеры и Кьяра.

Они появились у дверей почти одновременно с ковылявшим на костыле Энрико, Дицея вылетела на улицу и с радостным криком влетела в объятия юного актера. Бедолага даже пошатнулся, пытаясь не выпустить из руки костыль, обнимая одновременно Дицею. Колл бросился вперед поддержать парня, потом с ухмылкой отступил на шаг — и тут увидел спешащую к нему с раскинутыми руками Кьяру, по лицу которой струились слезы.

Когда они нацеловались, она заглянула ему в лицо.

— Никогда больше не бросай меня! — потребовала она. — Никогда-никогда, ладно?

— Никогда, — заверил ее Колл, с улыбкой глядя ей в глаза. — А как думаешь, из меня может все-таки выйти актер?

Кьяра изумленно посмотрела на него, словно смысл его слов дошел до нее не сразу.

— А я-то думала, я сделаюсь твоей женой-крестьянкой, — шепнула она.

Колл покачал головой:

— Может, лесная певчая птичка и не помрет в клетке, да только песенка у нее и вполовину такой красивой не будет. Нет, это я пойду за тобой повсюду, милая.

Дирк одобрительно посмотрел, как они снова обнялись, оставив на время разговоры, — впрочем, губы их были заняты и без этого.

— А знаешь, — заметил он, поворачиваясь к Гару, — это, возможно, неплохое прикрытие для вождя тайного правительства.

— Идеальное прикрытие, — согласился Гар. — Он может разъезжать по всей стране, и никто не удивится этому — да и кто заподозрит в нищем актере короля бедноты?

— Да и поразить движущуюся цель всегда труднее, — добавил Дирк. — Теперь все, что нам осталось, — это уговорить его.

Разумеется, это оказалось самым трудным делом.

— Лорды раздавят все советы, если кто-то не будет постоянно поддерживать их работу, — настаивал Дирк. — Кому-то придется нести всю ответственность за них, Колл, — то есть кому-то придется стать их главарем.

— Система сможет жить и действовать, если на вершине пирамиды ячеек будет кто-то, отдающий распоряжения и следящий за ними, — объяснял Гар. — Теперь, когда сервы узнали, что и они могут объединиться и отвечать угрозой на угрозу, они этого уже не забудут.

— Только это не значит, что плавание будет тихим и безоблачным, — предостерегал Дирк. — Сами лорды не отдадут и мизинца своей власти добровольно. Некоторые могут пытаться отыграться на отдельных сервах или даже небольших

группах. Советы должны будут добиваться справедливости на основе своих хартий — и иногда поддерживать свои требования силой.

— Кому-то придется отдавать приказы и следить за тем, чтобы крестьяне умели пользоваться дубинами, копьями и луками, и не просто умели, а постоянно совершенствовали свое умение.

Колл нахмурился, но последний довод поколебал его непреклонность.

— Ну, это-то я понимаю.

— Лорды могут засылать в деревни своих шпионов и подкупать деревенских, чтобы узнать, кто входит в ячейки, — развил свой успех Гар. — А узнав, могут подослать солдат, чтобы те перерезали их как-нибудь ночью.

— Вы хотите сказать, нам нужно постоянно держать в лесах армии разбойников, дабы те могли отразить такие нападения? — хмуро спросил Колл. Дирк изумленно уставился на него.

— Ба, вот это мысль! Я об этом даже не думал. Нет, ты определенно обладаешь талантами, необходимыми для такой работы, Колл.

— Нет, только не я! — испуганно вскричал серв.

— А кто еще? — спросил Гар. — Лорды могут даже попытаться сообща напасть на сервов, чтобы вынудить советы действовать, выявить их и перехватать. Ты должен быть готов призвать всех к отпору. И не забывай держать серьезные резервы на случай такого оборота событий.

— Вот видишь, кто-то должен руководить всем этим, — настаивал Дирк.

— Но что, если лорды победят?

— Вот и сделай так, чтобы этого не случилось, — просто ответил Дирк. Однако Гар понимающе кивнул.

— Это вполне реальная опасность, Колл. История Земли, откуда пришли первые местные поселенцы, говорит о кресть-

янских бунтах каждую сотню лет, если не чаще, и всякий раз господа грубой силой подавляли их. Завоевать свободу и успокоиться невозможно. За нее приходится бороться с каждым новым поколением.

— Цена свободы — постоянная бдительность, — кивнул Дирк. — Поэтому кому-то всегда придется стоять на страже, всегда высматривать угрозу и подавлять ее — или по крайней мере быть готовым к бою, когда она придет.

— Ты, конечно, переживай, — посоветовал Гар, — но все-таки не слишком переживай. Ни одно из этих средневековых крестьянских восстаний не было организовано и вполовину так хорошо, как ваше. Однако у рыцарей есть одно серьезное преимущество.

Дирк кивнул:

— Лошади, броня, оружие — и в придачу постоянные упражнения. Они профессионалы, которых с детства готовили к войне.

— Поэтому тебе придется проследить, чтобы крестьяне тоже готовились к ней с рождения, — поддержал его Гар.

— Но откуда нам знать, что рыцари не победят?

— Неоткуда. — Голос Дирка окреп. — Ты никогда не можешь быть в этом уверен, — но твоя тайная сеть дает тебе хорошие шансы на победу снова и снова. И так до тех пор, пока новое поколение господ не примет ваши советы как неотъемлемую часть мира, в котором они живут.

— Только эту сеть необходимо все время укреплять мудрым руководством, — добавил Гар. — А это значит, что управлять ею должен тот, кто хорошо знает ее устройство и как им пользоваться.

— Да откуда крестьянину знать это?

— *Ты* знаешь, — возразил Дирк. — Мы с самого ее создания шаг за шагом объясняли тебе все это. Говоря проще, Колл, ты единственный человек в Аггранде, который способен заставить ее работать.

— Но я не хочу! — возмутился Колл. — Все, чего я хочу, — это жениться на Кьяре и провести свою жизнь с ней и нашими детьми!

Дирк повернулся к Гару:

— Вот это самый лучший босс — тот, который не хочет этой работы, но любит трудиться.

— Это не я!

— Только не пытайся убедить нас в этом, — с хмурой улыбкой сказал Гар. — Ты ведь бросился в эту работу со всей душой и отдавался ей с охотой, пока не решил, что она закончена.

— Только она не закончена, — мягко продолжал Дирк. — И не закончится никогда. Поэтому если ты хочешь, чтобы Кьяре и вашим детям не угрожали господские посягательства, тебе придется поддерживать работу организации.

Колл уставился на него, но промолчал, ибо понимал, что тот прав.

— Кстати, она еще не обещала выйти за тебя? — осторожно спросил Дирк.

— Я... я еще не спрашивал, — с усилием выдавил из себя Колл. — В смысле, как положено, выйдет ли за меня.

— Так поди да спроси, ладно? И если она ответит «да», скажи ей, чем ты будешь заниматься и почему тебе нужно это делать. И если уж она и *после этого* согласится выйти за тебя замуж, ты можешь не сомневаться в том, что она тебя любит.

Колл так и сделал — в тот же день, только в обратном порядке.

17

Кьяра увидела, что Колл идет к ней по сцене, и с радостным криком бросилась к нему, но застыла, увидев хмурое выражение его лица. Она опомнилась и, подбежав к нему, прижалась лицом к его груди.

— Колл! Что печалит тебя?

— Можешь прогуляться со мной? — спросил Колл. — Мне много чего нужно тебе сказать.

— Конечно... — Ей предстояло еще хлопотать по хозяйству, готовить ужин, да и порепетировать не мешало бы, но неотложные дела Кьяра распознавала с первого взгляда и не сомневалась, что друзья ее поймут.

Они вышли с постоялого двора на деревенскую площадь. Колл молчал, пока они не сели на старый пень под раскидистым дубом.

— Они хотят, чтобы я руководил всеми советами сервов, — прямо сказал Колл.

Кьяра потрясенно смотрела на него — словно в первый раз. В его лице ощущалась сила, которой она прежде не замечала, и какая-то новая мудрость. Глаза ее наполнились слезами, ибо она вдруг поняла, что он хочет ей сказать: что простой бродячей актрисе никогда не стать достойной парой тайному правителю простонародья. Но она сразу решила, что не будет пытаться удерживать его, — она-то понимала, что исковерканная судьба порождает озлобленного человека. Призвав на помощь все свое актерское искусство, она изобразила на лице ясную улыбку.

— О Колл, как замечательно!

И все же он уловил дрожь в ее голосе и тревожно повернулся к ней.

— Если ты не хочешь, я откажусь! Еще не поздно, — а жизнь с тобой значит для меня неизмеримо больше, чем любое положение, пусть даже самое высокое!

Она снова потрясенно посмотрела на него, потом прижалась к нему всем телом и запрокинула голову, чтобы его губы нашли ее. Когда они наконец, едва не задохнувшись, отстранились на дюйм друг от друга, она едва набралась духу задать ему главный вопрос.

— Но можешь ли ты быть правителем сервов и оставаться моим мужем?

— Могу, — серьезно ответил он, глядя ей в глаза. — Могу, но это может быть очень опасно. Шпионы могут обнаружить меня, и тогда нас всех предадут пытке. Хуже того, они могут пытать тебя, чтобы заставить меня повиноваться. Я не могу рисковать твоей жизнью.

Дрожащей рукой коснулась она его лица и улыбнулась ему сквозь слезы.

— Глупенький! Разве ты не видишь, что я скорее готова рисковать жизнью, чем потерять тебя? И потом, мы — актерская братия — уж мы-то умеем хранить секреты и от солдат, и от горожан, и от кого угодно! Нет, Колл, ты можешь быть правителем сервов и моим мужем — если ты хочешь этого.

— Я не хочу быть правителем сервов, — со вздохом признался он. — Но я хочу быть твоим мужем. — Он опустился перед ней на колено и взял ее за руки, внимательно и с тревогой глядя ей в лицо. — Кьяра, ты согласишься выйти за меня?

Мгновение она сидела неподвижно, с трудом удерживая слезы при мысли о том, что все мечты ее сбылись. А потом она рассмеялась, и взяла его руками за лицо, и расцеловала его в глаза, в щеки и, наконец, в губы. Когда они оторвались друг от друга перевести дух, она зажмурилась.

— Да, Колл, — прошептала она. — О да, я выйду за тебя. — Она открыла глаза и бросила на него почти возмущенный взгляд. — Но только ты должен стать и правителем сервов!

Его лицо разом преобразилось от радости, но все же он еще возражал:

— У меня же ничего нет, ни дома, ни денег — и я не знаю другого ремесла, кроме крестьянского, да еще солдатского!

— Ну да, и еще ремесла вожака бунтовщиков, — напомнила она ему. — Ну что ж, раз уж ты больше ничего не умеешь, придется тебе поучиться еще и актерскому ремеслу — если мастер Андров тебя возьмет, конечно. — Сама она приложит все старания, чтобы мастер согласился.

Колл поговорил с мастером Андровом в тот же вечер — почти не оставив Кьяре времени на уламывание старикана.

— Я ведь совсем не разбираюсь в вашем ремесле, — признался он. — И не уверен, что смогу ему научиться. Но я могу помогать ставить сцену, и я могу продавать билеты и утихомиривать бузотеров в толпе — и еще я могу пригодиться, если на вас нападут в пути.

— Вот уж в этом я не сомневаюсь, — искренне заявил Андров и хлопнул его по плечу. — Ты уже показал себя полезным членом труппы, Колл, и я рад, что ты останешься с нами! И не сомневайся, даже если ты редко будешь выходить на сцену, ты окупишь себя трудом, как ты и предлагал!

Колл даже не ожидал такого быстрого согласия.

— Но вы уверены, что я придусь вам ко двору?

— Ко двору? Да мы не знаем, что бы мы делали без тебя! — Втайне мастер Андров радовался также тому, что он не потеряет Дицею, которая начинала выказывать неплохие зачатки сценического таланта, а к тому же забрала бы с собой Энрико, если бы вздумала последовать за братом. Но еще больше его утешало то, что с ними останется мать, которая выказывала замечательное искусство как в обращении с поварешкой и иглой, так и в непростом деле поднятия духа товарищей.

Вот так и вышло, что за ужином Колл объявил о своей помолвке, и вся труппа поздравила молодую пару и выпила за их здоровье. А потом Андров объявил, что Колл и его семья и дальше будут странствовать с ними, и тут все возрадовались и выпили еще. Один тост плавно перетекал в другой, и не успели они опомниться, как ужин превратился в развеселую пирушку.

Гар, правда, улизнул с нее довольно рано. Он вышел в поле и подождал, пока с неба к его ногам не опустился увесистый сверток. На следующий день он вручил Коллу свой свадебный подарок: стопку пьес, распечатанных за ночь бортовым компьютером, — самых лучших драм, комедий и трагедий,

написанных человечеством с тех пор, как оно научилось писать. Они с Дирком одарили Колла также золотом в количестве, достаточном для того, чтобы округлить и его глаза, и пояс для хранения денег.

Они задержались на планете еще на три недели, чтобы дождаться свадьбы. Кьяра настояла, чтобы они венчались в церкви, а для этого труппе пришлось оставаться в городе, чтобы священник мог читать оглашение три воскресенья подряд, как того требует обычай. Гар понимал, что им не удастся собирать аншлаг столько времени, особенно с учетом того, что в ожидании окончания войны горожанам ничего не оставалось, как пересмотреть весь репертуар труппы. Поэтому он заплатил хозяину постоялого двора за три недели вперед с пропитанием, и вся труппа наслаждалась первыми на их памяти каникулами.

Так продолжалось, впрочем, только до тех пор, пока Колл не дал Андрову экземпляр одной из пьес, что подарил ему Гар, — шекспировской «Любовью за любовь». Тот прочитал ее, не отрываясь, потом вскочил и с криком погнал всех актеров на сцену начинать репетиции. Ко времени, когда Святая Церковь удостоверилась, что никто в городе и его окрестностях не видит причин, по которым Колл и Кьяра не могли бы соединиться, пьеса была готова к показу публике.

Даже тогда священник венчал их не в самой церкви, а у ее входного портика, ибо они были всего лишь актеры. Впрочем, невесту нарядили в лучшее платье из театрального гардероба, а все — и жених, и невеста, и портик, и даже сам священник были убраны цветами. Против этого священник устоять не смог, улыбнулся и благословил молодых.

— Согласен ли ты, Колл, взять эту женщину, Кьяру, в законные жены, дабы делить с ней горе и радости, болезни и здравие, пока смерть не разлучит вас?

— Согласен! — прошептал Дирк за спиной у Колла.

— Согласен! — произнес Колл перехваченным от волнения голосом.

— А ты, Кьяра, согласна взять этого мужчину, Колла, в законные мужья, дабы делить с ним горе и радости, болезни и здравие, пока смерть не разлучит вас?

— Согласна! — объявила Кьяра с сияющим лицом.

— Раз так, объявляю вас мужем и женой. — Священник понизил голос. — Можешь поцеловать свою невесту.

Колл так и сделал, а Дицея бросила застенчивый, но и испытующий взгляд на Энрико, который ответил ей улыбкой. Тем временем остальные члены труппы разразились радостными криками и повели молодых из церкви обратно на постоялый двор — пировать. Все выпили от души и плясали до упаду, а потом с приличествующими случаю шуточками и пожеланиями проводили молодых в лучшую спальню из всех, что мог предложить постоялый двор.

Они вышли во двор, когда по траве уже протянулись длинные утренние тени, и Колл разом протрезвел, увидев лица Дирка и Гара. Не отпуская руки Кьяры, он поспешил к ним.

— Что вас так опечалило, друзья?

— Только то, что нам пора, — ответил ему Гар. — Мы не хотели уходить, не попрощавшись с вами, но наше время на исходе.

Колл вдруг ощутил внутри зияющую пустоту, сменившуюся паникой.

— Но как мы без вас? А вдруг лорды восстанут против нас?

— Ты знаешь, что тогда делать. — Гар положил руку ему на плечо. — Мы научили тебя всему, что тебе нужно знать. Ты только не забывай об осторожности и с подозрением относись к любым поступкам лордов.

Дирк кивнул:

— Ты справишься. Счастья вам обоим. — На мгновение взгляд его задержался на Кьяре, и в глазах появилась странная тоска. А потом он тряхнул головой и хлопнул Колла по плечу. — Тебе повезло, крестьянский сын, — хрипло произнес он. — Тебе здорово повезло, богач! — Он повернулся и зашагал к лесу.

Они посмотрели ему вслед.

— Почему он назвал тебя богачом? — удивленно спросила Кьяра.

— Потому что у меня есть ты. — Колл крепко прижал ее к себе и зарылся щекой в ее волосы. Покой и странное блаженство наполнили его душу, в которой только что царили пустота и страх.

— Ты и правда богат — во всех отношениях, в которых я желал бы этого для себя. — Гар взял Кьяру за руку и галантно поцеловал ее, потом посмотрел ей в глаза. — Что ж, желаю вам здоровых детей и долгой жизни, друзья мои, — и пусть память об этих днях любви пребудет с вами всю жизнь, в радостях и невзгодах.

— Так и будет, — прошептала Кьяра, и глаза ее наполнились слезами. — Прощай же, о друг!

— Прощай, — эхом прошептал Колл.

— Прощайте, друзья, и удачи вам на все дни. — Гар поклонился и поспешил за Дирком.

— Надеюсь, они найдут своих любимых, — сказала Кьяра, крепче прижимаясь к Коллу.

— Я тоже, — шепнул он. — Но еще больше я благодарен Всевышнему за то, что я нашел свою! — И губы их слились в долгом, страстном поцелуе.

Когда стемнело, Дирк с Гаром вышли из-под деревьев на большую лесную поляну и, задрав головы, увидели высоко в небе маленький черный кружок, который рос в размерах, пока не заслонил собой все звезды. Правда, теперь он был уже не кружком, а большим круглым звездолетом. Он мягко опустился на поляну, заполнив ее почти всю — так что между кораблем и деревьями оставалось не больше двадцати футов. Входной пандус выдвинулся из обшивки и опустился на траву, выпустив на поляну луч света.

— Поднимайтесь на борт, джентльмены, — произнес голос из корабля.

— Спасибо, Херкимер. — Гар первым взбежал по пандусу.

Они вошли в ярко освещенный шлюз. Пандус за их спиной бесшумно поднялся, задраив входное отверстие.

— Добро пожаловать домой, Магнус, — произнес тот же голос. — Добро пожаловать домой, Дирк.

— И правда дом! — Дирк плюхнулся в кресло. — Благословенные блага цивилизации! Можешь принять душ первым, Гар. Я, пожалуй, просто посижу, покайфую.

Он прекрасно знал, что на борту имеется целых четыре душевых кабины. Гар взял из автомата стакан и передал его Дирку.

— Возьми, так будет приятнее. — Он направился к душу. — Взлетай, Херкимер, — бросил он на ходу. Стягивая одежду и задвигая акриловую дверь душевой кабины, он не ощутил ни малейшей перегрузки, но знал, что корабль уже взмывает в ночь, все выше и выше в открытый космос.

Когда он вышел из душа, стакан и кресло Дирка были пусты. Магнус переоделся в современный спортивный костюм, взял питья себе, уселся в кресло и принялся смотреть, как уменьшается на экране планета Мальтруа.

Вышел Дирк в футболке и брюках из мягкой, переливающейся синтетической ткани. Он налил себе еще стакан, сел рядом с Гаром и тоже поднял взгляд на экран. Планета уже превратилась из шара в маленький сверкающий диск.

— Непривычно думать о том, что это уже позади.

— Для нас позади, — поправил его Гар. — Для Колла и Кьяры все еще только начинается.

— Как думаешь, мы заглянем как-нибудь проведать их?

— Не думаю, — с сожалением признался Гар. — Галактика велика — даже слишком велика. Но мне кажется, Волшебник может время от времени наведываться сюда.

— Почему бы и нет? — Дирк отхлебнул из стакана и снова посмотрел на экран. — Тебе не кажется, что он так и не догадался, что этим Волшебником был ты?

— Только если он заподозрит, что я умею читать мысли, — ответил Гар. — Но поскольку он вряд ли даже слышал слово «телепатия», я сомневаюсь, что он заподозрит что-то в этом роде.

— И поскольку слово «телекинез» ему тоже неизвестно, он никогда не догадается, что в той истории с окном темницы дело было не только в выветрившемся растворе...

— Конечно, не в нем, — кивнул Гар. — Его всего десять лет как вмуровали, и раствор там был крепок как черт-те что!

— ...или почему полудюжине людей удалось так легко стронуть с места их чертову телегу, или откуда ты знал, где противник нанесет следующий удар, или...

— Ради бога, хватит перечислять, — взмолился Гар. — Не забывай, разве не ты говорил, что я дурак, если не использую имеющиеся у меня преимущества?

— И повторю тебе еще раз, если тебя вдруг угрызения совести начнут мучить. — Дирк снова замолчал, потягивая питье из стакана, глядя на экран и наслаждаясь отпускающим его напряжением. Мальтруа все уменьшалась в размерах, пока не заняла примерно треть экрана. После этого размер планеты не менялся.

— Вышли на орбиту, — доложил Херкимер.

— Ну. — Дирк повертел стакан в руке, потом поднял взгляд на Гара. — Какой мир будем спасать следующим?

Волшебник в мире

ГЛАВА 1

Майлз быстро бежал по лесу — так быстро, как можно бежать в темноте, но все-таки довольно проворно, потому что лес неподалеку от дома знал как свои пять пальцев. Бежать-то он бежал, но страх не отпускал его, и то и дело мелькала мысль — не повернуть ли обратно. Эту мысль Майлз безжалостно отбрасывал, ведь он не просто бежал — он бежал от Салины.

Ну, если совсем честно — то от магистрата. Стоило Майлзу о нем вспомнить, и перед ним, словно воочию, возникала его физиономия: квадратный подбородок, тяжелый взгляд. Магистрат гневно взирал на всех сверху вниз, восседая за высоким столом, стоящим возле обитой деревянными панелями стены зала суда. Ниже за своим столиком сидел писарь, а просители размещались на табуретках. Магистрат провозгласил:

— Салина, дочь Плейнжанна, и Майлз, сын Лайджа, я дал каждому из вас пять с лишним лет для того, чтобы вы подыскали себе супругов, но вы их не подыскали.

— Но мы... мы друг дружке не нравимся, ваша честь, — протестующе проговорил Майлз.

Ему не нравилась Салина? Мягко сказано! Он исподтишка взглянул на нее. Простоватая, ширококостная, тощая как жердь, с вечно прищуренными глазками и длинным острым носом, да еще и языкатая — заметит что, так ни за что не спустит. Всего-то на пять лет старше Майлза, а уже старуха.

— Салина, твое совершеннолетие миновало десять лет назад, — сурово напомнил магистрат. — Майлз, твое — пять лет назад. Если я дам вам еще время на поиски супругов, вы их не найдете никогда.

— Дайте мне срок, ваша честь! — воскликнула Салина и так зыркнула на Майлза, что сразу стало ясно: мысль о браке с ним претит ей точно так же, как и ему — о том, чтобы на ней жениться. Да, Майлз был не подарок: коротышка — на целую голову ниже Салины, сложен так, что еще чуть-чуть — и можно было бы назвать его толстяком, круглолицый, с чересчур тяжелым подбородком и чересчур коротким носом и к тому же — тихоня и молчун, то бишь, на вкус Салины, — мужик никуда не годный. А она ни от кого не скрывала, что обожает перебранки. Майлз же терпеть не мог ругани.

— Дайте мне срок, — повторила Салина, — и позвольте постранствовать по свету. Я всенепременно найду себе супруга до того, как мне исполнится тридцать лет.

— К тридцати годам минует пятнадцать, за время которых ты могла бы рожать детей! За эти годы ты могла бы выносить и родить восьмерых, а ты уже проваландалась десять лет, уклоняясь от деторождения на благо Защитника. Могла бы родить пятерых граждан!

«Граждан, которые подати платят», — с тоской подумал Майлз.

— Но ты-то, Майлз, — укоризненно проговорил магистрат и сдвинул брови, — ты ведь всегда был пай-мальчиком, никаких хлопот с тобой не бывало. За всю жизнь ни разу не нарушил закона, даже в браконьерстве не был замечен!

При мысли о тех публичных наказаниях, которым подвергал шериф всякого, кого ловили лесничие, Майлз содрогнулся. Нет, он и не помыслил бы о браконьерстве! Вспомнив о том, как в последний раз видел порку, он поежился. Крестьянина, что жил в двух деревнях от той, где обитал Майлз, подвесили за руки к позорному столбу и хлестали по спине плетью-кош-

кой. При каждом ударе несчастный вздрагивал всем телом. Сначала ругался, потом стал кричать от боли, а когда его снимали со столба, бредил. Майлз слышал, что вроде бы бедолага выжил, но не мог ходить, выпрямившись во весь рост, еще полгода после порки.

— Так что же ты теперь упрямишься? — требовательно вопросил магистрат. — Ты ведь отлично знаешь, что давным-давно Защитник издал указ, согласно которому всякий, кому исполнилось восемнадцать лет, обязан вступить в брак, дабы мужчины не создавали хлопот магистратам, а женщины зря не будоражили мужчин. Салине негоже сидеть в девках, в то время как она способна родить много здоровых детишек, а тебе нечего гулять в холостяках, когда ты способен заработать денег и обеспечить жену и семейство.

— Но я его не люблю! — рявкнула Салина, с ненавистью глянув на Майлза.

— Любовь! — фыркнул магистрат. — При чем тут любовь? Мы тут говорим о браке и рождении потомства, и поелику вы ничего достойного не сказали в свою защиту и в вашу защиту также никто не высказался, вы либо поженитесь, либо отправитесь на пограничные фермы, чтобы Защитнику была от вас хоть какая-то польза!

С этими словами он стукнул молотком по столу, дав понять, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

А исполнен приговор должен был быть в этот же день, до наступления темноты.

Майлз бежал и гадал: а не стоило ли ему все-таки выбрать отправку на пограничные фермы. Он вспоминал все, что слышал про эти земли, которые Защитник желал видеть возделанными, желал, чтобы крестьяне перебирались туда с насиженных мест, где плодились без счета. Некоторые из этих ферм располагались на севере. Там было прохладно летом, а зимой стояли свирепые морозы. Другие фермы находились на

западе, в пустынях. Там днем солнце пекло немилосердно, а ночью становилось жутко холодно. Обитатели ферм были каторжниками, нарушителями закона — пустой народец, которому самая жизнь на пустошах. Они и занимались тем, что превращали пустыню в цветущий сад, а мерзлые земли — в поля овса на несколько месяцев в году. Гнули спины, чтобы на этих землях смогли жить их дети — если у них были дети, а если не дети, так новопоселенцы, которых Защитник намеревался отправить туда, как только бы эти края стали плодородными. Тогда каторжников должны были гнать дальше, на новые пустоши — туда, где их снова ждал бесконечный непосильный труд, где самая жизнь была сущим наказанием.

Но разве было наказание страшнее, чем то, которому подвергали за уход из деревни без пропуска?

Тут Майлзу вспомнился Ласак — в кандалах, на длинной цепи, другой конец которой был прикован к кольцу, вбитому в стену ратуши. Ласак, одетый в лохмотья, колотил кувалдой или киркой по здоровенным камням и разбивал их на куски, предназначенные для того, чтобы потом из них сложили забор. Он горбатился по четырнадцать часов в день, оборванный, с землисто-серым лицом, и с каждой утренней зарей глаза его все больше тускнели. Эта повинность была ему назначена на целый год, а когда магистрат наконец освободил Ласака, тот делал только то, что ему велели. Стоило кому-то из стражников обронить словечко, и он испуганно оглядывался, а если что-то говорил магистрат, Ласак втягивал голову в плечи и шел, куда приказано, и возвращался точно в срок, и женился на самой жуткой бабе в деревне, и чуть ли не с радостью каждый день рвался с мотыгой на поле — чтобы только уйти подальше от жены. Его дух не просто был сломлен — он был начисто убит.

И вот теперь Майлз дерзнул бежать из деревни без пропуска, как в свое время — Ласак, и как Ласак, играл с огнем. Но в отличие от Ласака Майлз был уверен в том, что ему

удастся удрать. Он решительно выбросил из головы все воспоминания. Лучше подохнуть в муках на виселице, чем жениться на Салине. Быть может, его бегство ее оскорбит, но потом она втайне поблагодарит его за это, кто знает? Вдруг тот супруг, которого изберет для нее магистрат, ей придется больше по вкусу? По крайней мере ее не сошлют на пограничную ферму за неповиновение закону — ведь закон преступила не она, а Майлз.

Майлз проскальзывал между деревьями, рысцой бежал по почти невидимым охотничьим тропинкам. Не важно, что он не числился в браконьерах — лес он знал превосходно. Как и все другие деревенские парни, он охотился здесь каждую осень, когда открывался разрешенный сезон. Майлз не сомневался: ему удастся скрыться, если он убежит достаточно далеко к тому времени, когда магистрат обнаружит его отсутствие и отправит за ним в погоню лесничих.

Что бы ему ни грозило — виселица, ссылка или каторжный труд каменотеса — Майлз бежал из деревни, и Салина будет ему благодарна за это. А он... он либо всю жизнь так и проживет холостяком, либо женится по такой любви, про которую поют в своих песнях менестрели, а за любовь и помереть не жалко.

Двое мужчин сидели в мягких креслах с откидными спинками, способными подлаживаться под форму тела. Между креслами стоял столик, а на столике — высокие стаканы с напитком, сдобренным кубиками льда. Время от времени они делали по глотку, рассматривая сменяющие друг друга кадры на огромном настенном экране. Помещение, в котором расположились эти двое, озарялось приглушенными вспышками ламп, подсвечивающих копии работ великих мастеров и кое-какие еще картины, которых великие мастера никогда в жизни не писали, но выглядели они при этом так, словно и впрямь принадлежали кисти кого-нибудь из стариков. Рассеянный свет ламп отбра-

сывал блики на толстый ковер цвета красного вина и золотистые дубовые панели.

— Ладно, Гар, согласен: видок у них у всех неважнецкий, и все же я не заметил ни одного снимка, по которому мог бы заключить, что народ прямо-таки страдает, — проворчал тот из двоих, что был пониже ростом. — По крайней мере большинство живет-поживает вполне недурственно.

Ростом он действительно был пониже своего товарища, но при этом коротышкой его назвать было никак нельзя. По меркам своей родной планеты он и вообще считался высокорослым. Но товарищ был ростом в семь футов от пят до макушки и к тому же — пропорционально широкоплеч.

На экране появился новый кадр, и Гар отметил:

— Выглядит вполне стандартно, Дирк, — совсем как снимок, сделанный на древней Земле. Они насажали растений, обогатили атмосферу кислородом, внесли в почву удобрения и углерод и расплодили терранскую живность.

Дирк кивнул:

— Стало быть, планета заселена не менее нескольких сотен лет назад.

— Я бы сказал — тысячу, если Геркаймер не врет насчет обнесенных стенами городов посреди леса. Люди обычно так не строятся.

— Знаю, знаю — все начинается с вырубки деревьев и посадки культурных растений. Кроме того, Геркаймер сообщил, что обследование этих построек сонаром показывает, что самая крупная из них воздвигнута на захороненном остове корабля колонистов. Вряд ли они стали бы приземляться на верхушки деревьев. Значит, ты целиком и полностью уверен в том, что эти города необитаемы?

— Не я уверен — Геркаймер, — уточнил Гар. — А корабельные компьютеры такой мощности почти никогда не ошибаются. Время от времени он признается в собственном невежестве, но когда он этого не делает, то готов привести в

свою пользу столько доказательств, что спорить с ним бесполезно.

— Но наверняка могут существовать факты, о которых он понятия не имеет, — кисло возразил Дирк.

— Да. К примеру, он ничегошеньки не ведает о том, какое нынче на этой планете правительство. — На экране возник вид города с высоты птичьего полета. — А мы мало что узнаем, если будем посиживать в корабле.

— Что тебе известно о населении планеты, Геркаймер? — спросил Дирк.

Сверху донесся приятный, мелодичный голос компьютера:

— Ничего, Дирк, кроме того, что их предки были родом с Земли и покинули ее, спасаясь от перенаселения, в поисках свежего воздуха и солнечного света.

— Очень странно, — нахмурился Гар. — Как правило, что-нибудь в базах данных, да имеется.

— Верно, и у нашего Геркаймера самая лучшая база данных на предмет заброшенных колоний, — кивнул Дирк. — И при этом — ни слова о том, что произошло после того, как Земля лишила колонии всякой помощи и поддержки, а?

— Ты отлично понимаешь: мы даже не знаем, выжили люди или нет, — напомнил товарищу Гар.

— А вот уже и выяснили, — хмыкнул Дирк и указал на экран. План картинки увеличился, впечатление возникло такое, будто корабль плавно снижается, и вот перед взглядами Дирка и Гара предстали довольно-таки проворно вышагивающие по улицам люди в темной одежде. На женщинах были платья с корсажами и чепцы, на мужчинах — штаны до колен и куртки или длинные рубахи. На головах у некоторых красовались шляпы с тульей в виде усеченного конуса. — Картинка живая, не так ли?

— Так точно, Дирк, — отозвался компьютер. — На всякий случай я веду запись и сохраню ее в архиве.

Дирк нахмурился.

— Странно как-то... На всех материках — одно и то же, а ведь материки, все, как на подбор, не слишком велики.

— Верно, — кивнул Гар и задумался. — И на каждом из них — множество небольших городков, выстроившихся концентрическими кольцами вокруг нескольких городов покрупнее, и все они связаны между собой сетью дорог и каналов. Ни тебе густых лесов с отдельными деревеньками на вырубках, ни обширных травянистых пустошей, по которым кочуют за тучными стадами крошечные племена, ни разбитых на прямоугольники полей вокруг неолитических поселений...

— Ни средневековых замков на вершинах холмов, царящих над деревнями, вокруг которых кругами лежат возделанные поля, — подхватил Дирк. — Короче, ничего такого, что напоминало бы о колонии, которая пришла в полный упадок после того, как перестала получать с Терры запасные части для оборудования или покупать новые машины.

— Тем не менее современной здешнюю цивилизацию не назовешь, — ответил Гар. — Ни автомобилей, ни электричества. Даже паровых двигателей и асфальтированных дорог — и тех нет.

— Стало быть, колония пережила упадок, но не то чтобы очень сильный, — заключил Дирк. — Попробую угадать — политическая система сохранила некую часть инфраструктуры.

— Если так, то мы тут особо не нужны, — чуть ли не угрюмо резюмировал Гар. — Не нужны, если здешнее правительство обеспечивает народу сносное житье-бытье.

— Вот тут бы я с выводами не торопился, — сказал Дирк и предостерегающе поднял руку. — Здешние жители живы — это да, но это вовсе не значит, что они счастливы. Кроме того, какая бы структура управления ни спасла их, не исключено, что она затем отмерла за ненужностью.

— Точно, — согласился Гар, и взгляд его оживился. — Вообще планета выглядит так, словно тут всем ворочает правительство из тех, что называют «сильной рукой». Пейзаж

кругом один и тот же, стало быть, социальная и политическая структуры единообразны.

— Не исключено. Всего лишь — не исключено, — уклончиво проговорил Дирк.

— Но что это за структура? — продолжал размышлять вслух Гар. — Никогда не видел заброшенной колонии, которая бы с орбиты смотрелась так организованно!

— По крайней мере люди на экране выглядят упитанными и здоровыми, — добавил Дирк.

— А вот счастья на их лицах между тем на написано, — отметил Гар. — И одного этого вполне достаточно, чтобы у меня возникли нехорошие подозрения.

— И у меня тоже. Определенно, надо бы взглянуть поближе.

— Для моих подозрений есть и еще одна причина. Похоже, тут нет ни короля, ни аристократии, хотя цивилизация явно скатилась к стадии позднего Средневековья.

— Или зачатков новой истории — выбирай что хочешь. — Дирк пожал плечами. — А вот меня больше всего изумляет то, что тут, судя по всему, и не пахнет ни церковниками, ни церквями.

— А это крайне нетипично для цивилизации, пребывающей на подобной стадии развития. Короче говоря, у нас есть все причины для того, чтобы взглянуть на эту планетку. — Гар поднялся с кресла и направился к шлюзовой камере. — Садимся, Геркаймер! На ночное полушарие!

Орогору угрюмо плелся домой, забросив мотыгу на плечо. Когда подошли к деревне, Клайд прокричал погромче, чтобы все слышали:

— Три! Сегодня Орогору срубил мотыгой только три побега маиса!

— Всего три? — ехидно перепросила Алтея, оторвавшись от миски с бобами, которые шелушила, сидя возле дома. —

Все лучше и лучше, Орогору! Может, мы все-таки соберем осенью хоть несколько початков для обмолота!

Орогору сдержался и никак не ответил на издевку, но заливший щеки румянец выдал его.

— Ты слышишь, как они смеются над тобой, мальчишка? — проворчал отец, шагавший следом. — Неужто ты так и будешь позорить меня день за днем?

С языка Орогору был готов сорваться дерзкий ответ, но он промолчал. Горький опыт подсказывал ему, что оговорки чреваты только пинками да подзатыльниками. Пусть он стал старше, пусть на его стороне была пылкость юности — он знал, что отец сильнее, проворнее и вообще — в драке выше его на голову.

— Простую мотыгу в руках держать не может! — продолжал злопыхать отец. — Хорошо еще, что мы ни разу не дали тебе плуг или серп!

На самом деле отец и не думал учить Орогору обращению с этими сельскохозяйственными орудиями, но парень и тут не стал спорить — он просто лишний раз напомнил себе: нет ничего удивительного в том, что он — такой неумеха.

То, что он неуклюж, стало ясно еще тогда, когда ему было лет пять. Он старался, как мог, порадовать мать, по́мочь ей по дому. Притащит воды из колодца — получит выговор за то, что половину расплескал по дороге, сходит за хворостом — его отругают за то, что приволок больше гнилушек, чем сушняка, подметет пол — наслушается упреков за оставленные незамеченными соринки. Он только и помнил с детства ругань да попреки.

Как-то раз малыш Орогору, играя, налетел на стол и нечаянно свалил на пол любимую вазу матери. Ваза разбилась.

— Это еще что такое? — вскричала мать и принялась гоняться за сыном. Орогору уворачивался, ему хотелось сжаться в комочек, избежать побоев, но все было тщетно. Мать вопила: — Моя ваза! Неуклюжий, тупой мальчишка! — А потом она стала бить его, и била, и била, и била...

* * *

Отец отвесил Орогору затрещину, и парень от боли и неожиданности присел. В ушах звенело, но он слышал, как вопит отец:

— А на этой грядке ты половину сорняков пропустил!

Орогору, дрожа, простонал:

— Я не знал, что это сорняки, папа!

— Тупица! Все, что не маис, — то сорняки! — И отцовский кулак снова угодил по голове Орогору. — Начинай сначала, да выпалывай сорняки, а маис не трогай!

Орогору старался. Старался изо всех сил — он выполол мотыгой все сорняки до единого... но при этом — и четверть побегов маиса. Его оставили без ужина, а вечером отец вдобавок поколотил его плетью. Лежа на животе, Орогору уснул, заливаясь горючими слезами.

Той осенью он еще не работал мотыгой — той осенью, когда детишки бегали за взрослыми, уставшими после изнурительной страды. От зари до зари — жатва и вязание снопов. Детям тоже приходилось вязать снопы, но в отличие от взрослых у них потом еще оставались силы побегать, поиграть, покричать.

Кто-то сильно стукнул Орогору по спине. Он споткнулся и чуть не упал, но, сделав несколько шагов, согнувшись в три погибели, сумел выпрямиться. Пылая гневом, он оглянулся, чтобы увидеть обидчика...

Это был Клайд. Он был на голову выше и на два года старше Орогору. Клайд ухмылялся, а позади него стояли его дружки и громко хохотали.

— Извиняюсь, Орогору, — притворно вежливо проговорил Клайд. — Я оступился.

Орогору сжал кулаки и отвернулся. Но он знал, что его ждет, и боялся этого...

Следующий удар пришелся ему по ягодицам. Орогору упал на землю ничком.

— Ага, а вот теперь ты оступился! Вставай, Орогору! Чего, не можешь встать, что ли?

Орогору лежал на земле. Он знал правила: лежачего не бьют. Но двое мальчишек подскочили к нему, ухватили под мышки и рывком поставили на ноги, а потом все до одного по паре раз его стукнули.

Потом все убежали. Дождавшись, когда стих вдали их топот, Орогору отважился поднять голову. Рядом с ним стоял отец и с отвращением смотрел на него сверху вниз.

— Да ты и сдачи дать не можешь, как я погляжу? Ладно... Пошли домой. Только трусам обеда не полагается.

Орогору столько раз лишали обеда, что просто удивительно, как это он ухитрился подрасти. А еще более удивительно — как он вырос круглолицым и коренастым. Это было нечестно — он столько не съел, чтобы приобрести такое телосложение!

Словом, Орогору вырос, понимая, что крестьянин из него никудышный. Он понимал это потому, что отец распекал его и за то, что он даже мяч бросить — и то как следует не мог, проигрывал в любой драке, за то, что каждый считал своим долгом дать ему пинка по заднице или подзатыльник, осыпать насмешками. Орогору старался угодить родителям, и чем больше они его честили, тем больше старался, но все без толку. Мать все равно находила, к чему придраться, а отец все силился допытаться, почему это он не может быть таким, как все остальные мальчишки. Это продолжалось до того дня, когда Орогору, выпоротый за то, что случайно скинул со стола на грязный пол каравай хлеба, и лишенный обеда за то, что во время порки кричал, что его наказывают несправедливо, рыдая, улегся в постель. Ему казалось, что его маленькое сердечко того и гляди разорвется... и вдруг он понял все.

Неожиданно его озарило: почему он был так неуклюж в крестьянских забавах, почему он не умел даже толком разговаривать с другими детьми, почему они не могли полюбить его — все

потому, что он был не такой, как они! Не такой! Другой! Он был настолько на них не похож, что эти мужчина и женщина, с которыми он жил под одной крышей, просто не могли быть его настоящими родителями! Они его не любили, стыдились его, день за днем вели себя с ним так, словно он был для них обузой — так разве он мог быть их плотью и кровью? Наверное, его родные отец и мать отдали его этим неотесанным грубиянам по какой-то очень важной и таинственной причине, и в один прекрасный день непременно за ним вернутся!

Той ночью Орогору заснул с надеждой на то, что его настоящие родители скоро приедут за ним, и гадая, каковы они собой. К этим мыслям он возвращался, как только выдавалась минутка для раздумий, и теперь мать то и дело распекала его за эту дурацкую привычку — мечтать, уставившись в одну точку. Но Орогору не обижался — теперь в мечтах он убегал в мир, который был куда лучше того, где жила мать. А грезил он о родителях, которые были мудры и добры.

Вступив в пору созревания, Орогору начал замечать, что некоторые девочки весьма привлекательны, но когда он пытался застенчиво заговорить с ними, они только смеялись, удивляясь его смелости, или позволяли ему разговаривать с ними ровно столько, чтобы найти над чем посмеяться. Мальчишки же стали вызывать его на драку еще чаще, чем прежде, и эти потасовки всегда заканчивались одинаково ужасно: даже если Орогору пытался спастись бегством, короткие ноги уносили его недалеко, и обидчики нагоняли его и все равно поколачивали.

А потом настал праздник весны, и юноши выстроились в ряд, и девушки должны были выбрать себе партнеров для танцев. Юноши ждали, притопывая в такт звукам скрипки. Алтея выбрала красавчика Бэрла с задиристой улыбкой, ее закадычная подружка Нэн — широкоплечего, мускулистого Арна, Сели остановила свой выбор на Гори, который выходил победителем во всех состязаниях... Словом, самые хорошенькие выбирали самых симпатичных, самых сильных, самых ловких.

В конце концов Орогору остался один и поспешно отвел взгляд в сторону. Килета, хихикая, болтала с двумя девушками постарше, но на него поглядывала разве что с жалостью, а Орогору не хотелось, чтобы она пригласила его на танец из жалости. По правде говоря, ему и танцевать-то с ней не очень хотелось, потому что она была так же некрасива, как и сам Орогору, — вот только сложена Килета была получше.

Получше? А кто, собственно, сказал, что Орогору был сложен неправильно? Да, у него было слишком длинное туловище и короткие ноги. А у остальных — все совсем наоборот, ну и что? Орогору добрел до деревенского пруда и встал на берегу, рассматривая свое отражение в воде. Верно — лицо у него было круглое, а у остальных ребят физиономии были продолговатые. У него — нос «картошкой», а у них — прямые и длинные. Глаза... глаза у Орогору были великоваты для мужчины, но маловаты для женщины и к тому же карие, а у прочих парней — голубые, зеленые или серые. Да, да, он был полноват, но ведь и это не означало, что он хуже, чем они!

И тут Орогору посетило новое озарение: нет, это вовсе не означало, что он хуже других! Наоборот — они были хуже его! Он так сильно отличался от сверстников, потому что был намного лучше их! В конце концов, они были всего-навсего крестьянами — все до единого, а он уже давным-давно догадался, что его растят ненастоящие родители! Наверняка он был отпрыском более высокого рода, сыном по крайней мере каких-нибудь помещиков, но все-таки скорее — людей благородных, про которых бабушки детям рассказывают в сказках — конечно, только тем, кому посчастливилось иметь бабушек.

И как только Орогору это понял, все сразу стало на свои места. Естественно, приемные родители сторонились его — ведь они знали, кто он есть на самом деле! Естественно, он не мог быть таким, как его сверстники, — он так сильно от них отличался! И естественно, его бы не выбрала ни одна из кре-

стьянских девушек — он был настолько выше их, что они даже не могли понять, кто же он на самом деле такой!

От пруда Орогору ушел другим человеком. Понимание чуда билось в его сердце, ему мучительно, до боли хотелось с кем-нибудь поделиться своим открытием, — но, конечно, поговорить ему об этом было положительно не с кем.

Сейчас — не с кем. Но потом... Настанет день — и родители вернутся за ним, или он сам выяснит, куда они подевались, и отправится на их поиски, и никакие глупые законы, никакие приказы магистрата его не остановят!

Орогору шел обратно мимо дебоширивших, напивавшихся, распевавших грубые песни крестьян. Сверстники задевали его, толкали. Он потянулся было к последней нетронутой кружке браги, но кто-то успел схватить ее раньше него. Над ним смеялись, издевались, но он только безмятежно улыбался в ответ. Ему было все равно, чем они занимались — эти крестьяне, эти простолюдины. Он-то знал, кто он на самом деле, а в один прекрасный день об этом узнают и они!

ГЛАВА 2

Огромный золотистый диск плавно снижался в темноте. Наружное кольцо вращалось вокруг неподвижной середины, на обшивке которой располагались орудийные башни, спутниковые антенны и люки шлюзовых камер, а внутри — люди. Диск, описывая круги, опустился на лужайку возле леса, в нескольких милях от города, где несколько часов назад погасли все огни. Какое-то время диск был неподвижен — управляющий им компьютер производил исследование взятых за бортом проб воздуха, проверяя, достаточно ли в нем кислорода для дыхания людей и нет ли в составе местной атмосферы каких-нибудь токсичных газов или микробов, к которым у людей не

было иммунитета. Наружный край диска вращался все медленнее и медленнее и наконец, издав шипение, замер. Затем был спущен трап, и по нему на землю сошли двое мужчин в куртках с приподнятыми плечами поверх рубах с рукавами-раструбами и в широких штанах, заправленных в высокие сапоги. В самом худшем случае, то есть — если бы их сейчас увидел какой-нибудь браконьер, промышляющий под покровом ночи, по крайней мере их одежда не вызвала бы у него особых подозрений. Правда, транспортное средство, на котором они прибыли, оставляло богатую почву для размышлений.

— Представители правящего класса на этой планете наверняка одеваются в хламиды, — проворчал Дирк. — Правда, если дойдет до драки, то в хламиде не больно-то подерешься... — Он придирчиво оглядел себя с головы до ног. Мешковатая куртка с квадратными плечами и слишком просторные штаны были на запястьях и лодыжках схвачены тугими манжетами. — Ладно, хоть у военных амуниция более или менее продуманная. Экстравагантная немного, но все же продуманная.

— Не заморачивайся на одежде, Дирк, — успокоил друга Гар. — Не исключено, что нам еще придется раздеться догола, вываляться в грязи по самые уши и притвориться сумасшедшими.

— Что ж — на большинстве планет этот номер проходил, — признал Дирк. — Но я все-таки надеюсь, Гар, что в один прекрасный день мы напоремся-таки на планету, где душевнобольных не содержат в лечебницах, а позволяют им тихо-мирно жить-поживать дома, в приличных квартирках.

— Если бы это было так, нам не было бы нужды сюда наведываться, — отозвался Гар и огляделся по сторонам. — С виду тут вроде тихо, спокойно. С точки зрения удовлетворения физических потребностей, похоже, все в порядке.

— Ага, — вздохнул Дирк. — Но когда люди сыты и имеют крышу над головой, у них, как правило, появляется

время подумать о других потребностях. В общем и целом — мы крайне неблагодарные существа, Гар.

— Да, это точно, — усмехнулся Гар. — Нам вынь да положь такие немыслимые блага, как счастье, любовь, возможность творчески осуществиться...

— Но этих благ не может гарантировать ни одно правительство на свете.

— Не может. Но плохое правительство запросто может своих сограждан этих благ лишить. — Гар крепче сжал пику, на которую опирался, как на посох. — Так давай выясним, с каким правительством мы имеем дело в данном случае. — И он зашагал по трапу вниз. Дирк последовал за ним. Как только оба ступили на землю, металлическая лента бесшумно втянулась в прорезь на обшивке.

Гар вытащил из кармана куртки медальон, поднес его к губам и произнес:

— Взлетай, Геркаймер. Жди нас на орбите.

— Слушаюсь, Гар, — послышался из медальона ответ, и огромный золотистый диск медленно всплыл над лужайкой и, поднявшись в ночное небо, затерялся меж звезд. Однако из медальона послышалось: — Я постараюсь наблюдать за вами, как только будет такая возможность.

— Да. Пожалуйста, непременно наблюдай, — сказал Гар. — В конце концов, кто знает — вдруг я коммуникатор потеряю.

— Ясно, Магнус. Удачи.

— Спасибо, Геркаймер. Отдыхай в меру сил. — С этими словами Гар убрал медальон в карман, не став ругать компьютер за то, что тот, прощаясь с ним, назвал его именем, данным ему при рождении, а не рабочим псевдонимом. Затем он повернулся к лесу.

— Коммуникатор потеряешь? — хмыкнул Дирк. — И какая тебе разница? Ты ведь родился с коммуникатором!

— Это верно, но так муторно транслировать мысли на сверхвысокой частоте, — негромко проговорил Гар. — Как думаешь, Дирк, найдем ли мы дорогу?

— Вон тропинка. Наверное, по ней можно выйти на дорогу, — указал Дирк. — Не думаешь же ты, что нам стоило приземлиться средь бела дня?

— Да нет, не стоило, конечно, если бы только нам дозарезу не захотелось сразу же привлечь к себе внимание народных масс.

— Нет, вот этого не надо. — Дирк театрально вздохнул и спросил друга: — А зачем мы вообще этим занимаемся, Гар? Почему мы только и делаем, что выискиваем планеты, где правители угнетают народ, чтобы потом вмешаться и освободить несчастных от ига? Нам-то какое дело?

— У меня для этого есть вполне веская причина, — несколько самодовольно отозвался Гар. — Я, в конце концов, аристократ, а меланхолия — профессиональная болезнь аристократов. Вот я с ней и воюю. А ты?

— Я? — Дирк поднял голову и задумчиво уставился в небо. — Я в ссылке. Кому об этом знать, как не тебе? Ты явился на мою родную планету и завербовал меня в революционеры!

— Да, но в ссылку ты отправился добровольно, — уточнил Гар.

— От добровольца слышу, — огрызнулся Дирк. — Хотя... ты этого и не отрицаешь. Я родился рабом, это тебе известно, а когда другие беглые рабы помогли мне скрыться, меня пристроили в космическую грузовую компанию, и дальше я жил той же жизнью, что и мои напарники. Мотались по космосу от планеты к планете, освобождали таких же рабов, каким я сам когда-то был. Но потом я получил кое-какое образование, вписался в современный мир и потерял связь с теми людьми, среди которых родился, и связь с родиной тоже потерял. — Он пристально посмотрел на Гара. — Теперь мне надо найти

новую родину. Найти женщину, которая полюбила бы меня, а такую женщину найти нелегко — чтобы она была простолюдинкой, но при этом культурной и образованной.

Гар кивнул и ответил товарищу взглядом, полным сочувствия:

— Но что для тебя важнее, Дирк? Родина или женщина?

— Наверное, в итоге это одно и то же. А для тебя?

— Для меня? — Гар пожал плечами и отвернулся. Он, похоже, занервничал, хотя они ушли от места посадки совсем недалеко. — Дом-то у меня есть, но мне там нечего делать. А тернистый путь моих отношений с женщинами показал мне, что та из них, что полюбит меня, еще не родилась на свет. И потом... я принужден всю жизнь жить в тени отцовской славы.

— Но не думаешь же ты, что найдешь для себя новый дом? — тихо спросил Дирк.

— Не думаю, — покачал головой Гар, обернулся и встретился взглядом с Дирком. — Не думаю, что обрету дом, не надеюсь, что встречу женщину, которая была бы достаточно мягкой для того, чтобы поверить мне, но при этом — достаточно сильной для того, чтобы меня не бояться. Но у человека должна быть какая-то цель в жизни, Дирк, и если я не в состоянии обрести любовь и вырастить собственных детей, я по крайней мере могу употребить отпущенные мне дни на то, чтобы освобождать рабов, на то, чтобы подарить им шанс найти любовь и жить счастливо.

— Вполне достойная цель в жизни, не хуже любой другой, — сказал Дирк. — Пожалуй, о лучшей я и не слыхал. — Он усмехнулся. — В общем, мы с тобой вроде парней, что торчат на углу городской улицы и убивают время в ожидании смазливых девчонок, что пройдут мимо.

— Типа того, — кивнул Гар и против воли улыбнулся. Оптимизм Дирка был заразителен. — Но пока мы помогаем другим людям, время мы не убиваем.

— Только спасибо нам никто не скажет.

— Верно, это мы на своей шкуре познали. Но нам ведь нет дела до благодарности, ни к чему она нам. Верно?

— Совершенно ни к чему, — согласился Дирк. — Наверное, самое главное для нас — это чувствовать, что мы не зря время потратили.

Тяжело дыша, Майлз шагал вдоль реки от брода. Он старался не сходить с каменистого берега. Пусть собаки учуют след, но следов никто не разглядит. Гончим придется долго плестись и вынюхивать, потому что он почти целую милю либо плыл по реке, либо переходил ее вброд.

Но теперь он страшно устал. Все тело ныло от слабости, ноги, казалось, налились свинцом, и Майлз с трудом переставлял их. Голова жутко болела, то и дело кружилась. Он бежал трусцой всю ночь, а потом весь день то плыл, то переходил броды, то шел по каменистому берегу... Между тем погони он не слышал. То ли в деревне его отсутствие осталось незамеченным — быть может, каждый посчитал, что он находится в другой компании, — то ли лесничие проявили неслыханное милосердие и употребили на его поиски гораздо больше времени, чем требовалось. До Майлза доходили слухи, что время от времени лесничие ведут себя именно так, если считают, что дело беглеца правое... а двоюродный брат Салины был лесничим. Однако рано или поздно они все-таки увлекутся погоней и, как бы ни сочувствовали Майлзу, начнут охотиться за ним на совесть.

Не исключено, что уже охотятся.

Но он настолько изнемог, что ему казалось — больше он не в силах ступить ни шага. Измученный разум твердил: ты должен хоть немного поспать, иначе больше не сможешь бежать, упадешь, где стоишь, без чувств, а потом тебя разыщут собаки.

И когда Майлз увидел на высоком берегу стог соломы, он ощутил несказанную радость. Ноги сами вынесли его на поле.

Майлз разрыл колючую солому и залез внутрь стога. Перед тем как забыться спасительным сном, он из последних сил забросал горстями соломы дыру.

Гар и Дирк шагали по широкой дороге, вдоль которой росли толстые старые деревья, отбрасывавшие густую тень. Проезжие попадались редко, но безлюдной дорогу назвать было нельзя. В ту же сторону, куда шагали друзья, направлялись еще трое: в сотне шагов позади них громыхала груженая телега. На ней сидела женщина, а рядом, присматривая за упряжкой волов, шагал мужчина. А в сотне шагов впереди вышагивал одинокий путник с посохом и мешком за спиной. Оба мужчины были одеты примерно одинаково — штаны, сапоги с отворотами и толстовки, подпоясанные ремнями. На женщине была длинная темно-синяя юбка и светло-голубая блузка, поверх которой была наброшена черная шаль.

— Рабочий люд — скорее всего крестьяне, — заключил Дирк.

Попутчики были далеко и услышать его не могли.

— А я бы сказал, что тот, что шагает впереди, — торговец или еще кто-нибудь в этом роде, — предположил Гар. — У него глины на сапогах не видно.

— Глаз у тебя наметанный, — похвалил товарища Дирк и, поскольку в это мгновение их обогнал еще один прохожий, добавил погромче: — Да нет, тучи далеко. До заката вряд ли дождик пойдёт.

— А я думаю — раньше, — так же громко возразил Гар. — Ветер крепчает. Того и гляди пригонит тучи.

Тут приятелей обогнала телега, и ее владелец испуганно взглянул на них, проходя мимо, и нахмурился, но тут же отвернулся и подстегнул волов.

— Ну, с этим все ясно, — приглушенно пробормотал Гар. — Телега, доверху нагруженная бочонками... он наверняка поставщик винодела.

— Или виноторговец, — возразил Дирк. — Бочонки запросто могут быть наполнены элем.

— Не возражаю. По крайней мере мы согласны в том, что он — не купец.

— Ясное дело. Слишком бедно одет. — Дирк приподнял подбородок, указав на телегу, что ехала им навстречу и сейчас находилась на расстоянии в сто футов. — А уж вот этот точно купец.

Гар прищурился. На вознице были облегающие штаны и примерно такого же покроя рубаха, как на том мужчине, что только что обогнал их, но его одежда явно была скроена из более дорогой ткани, да и цвета ее были повеселее: штаны — темно-синие, а рубаха — голубая. Но что первым делом бросалось в глаза — так это что поверх рубахи был наброшен широкий парчовый плащ.

— Да, это явно более влиятельная особа, но тем не менее сам правит телегой. Правда, у него есть и наемные возницы.

За первой телегой ехали еще две, и правили ими мужчины, одетые в унылую домотканую рядню.

— Ого! А вот теперь показалась действительно важная шишка! — воскликнул Дирк.

Из-за поворота дороги выехала небольшая закрытая повозка — черная, приземистая и довольно скромная. Перед ней и позади нее скакали верхом по двое всадников в одинаковых нарядах — темно-красных камзолах и штанах и такого же цвета широкополых шляпах с плоскими тульями. Возле седел болтались копья, к ремням всадников были приторочены мечи и кинжалы, которые они и не думали прятать от посторонних глаз.

— Солдаты, форму которых Геркаймер использовал для изготовления нашего камуфляжа, — заключил Гар и нахмурился. — То, что наши одеяния коричневого цвета, скорее всего означает, что мы служим другому боссу.

— Да, но нашего здесь нет, а их босс сидит в карете, — отметил Дирк. — Думаю, самое время поглядеть, что там за деревьями по ту сторону от дороги.

— Думаю, это будет чересчур откровенно, — ответил Гар. — Лучше бы сразу все прояснить. Надеюсь, они говорят на нашем языке.

Дирк был изумлен не на шутку.

— Господи боже, мы ведь таки явились сюда совершенно неподготовленными!

— А какими мы еще могли явиться, не имея никаких предварительных сведений? — сухо возразил Гар. — Но их предки разговаривали на Терранском Стандарте, и нет причин предполагать, почему бы они не знали этого языка.

— Вот-вот, заодно и выясним, насколько терпима их цивилизация, — улыбнулся Дирк. — Чем хуже окажется акцент, тем цивилизация демократичнее, а чем ближе выговор к Стандарту, тем больше, стало быть, местные власти настаивают на том, чтобы все было по правилам.

— Тем более что нам предоставляется прекрасная возможность познакомиться с этими самыми властями, — добавил Гар, — учитывая, кто сидит в карете.

Они поравнялись с эскортом, и солдаты отдали им честь: выбросили в сторону руки, согнутые в локте, прижав при этом пальцы друг к другу так, что кисть становилась похожей на лезвие клинка. Гар и Дирк ответили им таким же жестом, стараясь не раздвинуть губы в улыбке шире, чем это позволили себе солдаты. Когда карета проезжала мимо, друзьям удалось разглядеть в окошке мужчину лет тридцати в квадратной черной шляпе и плаще точно такого же цвета, как форма сопровождавших его солдат. На носу у мужчины блестели очки, и он проглядывал какие-то бумаги, невзирая на то что карету немилосердно качало и трясло. Дирк и Гар отсалютовали двоим всадникам, замыкавшим процессию, и карета угромыхала дальше по дороге.

— Первое испытание одолели, — облегченно вздохнул Дирк.

— Теперь знаем, как тут военные честь отдают, — резюмировал Гар. — Всего лишь ритуальный взмах рукой, не более того.

— Я бы счел это добрым предзнаменованием, если ты не возражаешь. Ну и какие у тебя соображения насчет представителя местного правящего класса?

— Думаю, это был профессиональный управленец, а не тот, кто занимается этим делом по совместительству, на манер венецианских купцов или членов афинского собрания граждан.

— А я бы предпочел любителей...

— Ну ладно, оставайся при своих сомнениях. Но этот, похоже, обучен своему делу.

— Это точно, и наверняка уже придумал, как передать дело своему сынку, но никак не дочке. Любители по крайней мере не так заинтересованы в насаждении бюрократии.

— Ты несправедлив, — шутливо упрекнул друга Гар. — Одного взгляда на человека вряд ли достаточно, чтобы сразу обвинить его в стольких грехах.

— Почему же? Он ведь в таком возрасте, что вполне может иметь детей. А если он — обученный бумагомарака, то, стало быть, — представитель бюрократии.

— Не слишком ли широко ты трактуешь понятие «бюрократия»?.. Постой, что это еще там такое?

Доносившийся из-за поворота дороги гомон стал настолько громким, что наконец привлек внимание спутников.

— Толпа, — заключил Дирк. — И не смотри на меня так. Кто-то же должен назвать вещи своими именами. Но, похоже, особо опасаться нечего.

— Да нет, гомонят они весело. Я бы даже сказал — празднично. Давай-ка поглядим, что там и как.

Обогнув придорожные деревья, друзья увидели выстроившихся вдоль обочин по обе стороны крестьян. Крестьяне пере-

говаривались, махали руками, улыбались, их глаза возбужденно сверкали. У некоторых имелись заплечные мешки, откуда они вынимали еду и питье и делились друг с другом. В толпе можно было разглядеть и купцов, и возниц, и прочих путников. Все как один весело смеялись и раздавали направо и налево всевозможные дары природы.

— Ты был прав, — усмехнулся Дирк. — Это действительно праздник. И когда же начнется парад?

— Давай затешемся в толпу, — предложил Гар. — Может, подслушаем какие-нибудь разговоры.

Он сошел с дороги, опираясь на посох и озираясь по сторонам с мягкой, полной неподдельного интереса улыбкой. Дирк последовал за ним, ворча:

— Почему мне это сборище кажется подозрительным?

Крестьяне сразу обратили внимание на присоединившихся к ним путников. Какой бы добродушной ни была улыбка Гара, видимо, он все-таки чем-то напугал крестьян. Но вреда от него никакого не воспоследовало. Он тихо переговаривался с Дирком — так тихо, что его слов никто, кроме Дирка, не слышал, — и народ мало-помалу успокоился и вернулся к прерванной болтовне. Дирку показалось, что Гар в буквальном смысле слова навострил уши. Неужели он сделал то же самое? Между тем многое в разговорах местных жителей ему было понятно. Да, акцент, безусловно, присутствовал: гласные здесь произносили более широко, чем на привычном Дирку диалекте, а согласные более мягко, но в общем и целом смысл фраз уловить труда не составляло.

— Я все понимаю, — процедил сквозь зубы Гар.

— Я тоже, — отозвался Дирк. — А это не есть хорошо.

— Совсем нехорошо, — согласился Гар, но настолько небрежно, что у Дирка мурашки по спине побежали. — Это говорит о том, что правительство здесь жесткое, непоколебимо консервативное.

Из этого вывода проистекал целый ряд небезынтересных версий, ни над одной из которых Дирку сейчас задумываться совсем не хотелось. Дабы выбросить неприятные мысли из головы, он сосредоточил свое внимание на том, о чем говорили люди поблизости.

— Защитник собственной персоной! С чего бы это ему понадобилось забираться в такую глушь?

— Врать не стану, но поговаривают, будто бы он время от времени сваливается как снег на голову как раз в те края, где его меньше всего ждут, — проверяет, исполняют ли чиновники его приказы и не дурачат ли его.

— Его они дурачат или еще кого другого? — фыркнула и улыбнулась женщина. — Знаю, знаю — они ж такие честные!

— Но откуда известно, что он тут проедет? — нахмурился один из возниц.

— Да тут глашатай проскакал верхом, вопил, чтоб, значит, дорогу расчистили — сам Защитник, дескать, едет!

— Говорил я тебе — надо было выйти пораньше, — проворчал Дирк. — Услышали бы глашатая собственными ушами.

— Значит, он скачет намного впереди, — удивленно отозвался Гар. — Мы ведь уж целый час, как топаем по дороге.

— Ой, да он же еще с вечера тут проскакал, — сообщила женщина супруге крестьянина — той самой, что сидела на телеге с бочонками. — Защитник такой добрый, что всем нам позволит его увидеть.

— Угу, — буркнул Дирк себе под нос, — и вдобавок заранее мобилизовал общество, дабы на всем пути его следования торчали вопящие от радости подданные.

Издалека послышался звук фанфар. Толпа заохала и заахала, но ура пока никто не кричал.

— Фанфары отзвучали, — констатировал Дирк. — Когда же начнется увертюра?

Тут фанфары взревели вновь, умолкли и снова зазвучали уж ближе. Параллельно нарастал уровень громкости оханья и аханья. А потом появились всадники. Они галопом мчались по дороге и орали, не жалея глоток:

— Дорогу Защитнику! Дорогу тому, кто правит и судит во всем Содружестве!

За всадниками последовали конные гвардейцы в темно-синих мундирах. Они низко опустили копья, дабы в случае чего отогнать крестьян, устремившихся поближе к дороге. За гвардейцами ехал зловещего вида серебристо-черный открытый экипаж. В нем восседали трое: двое в черно-серых одеяниях на переднем сиденье, спиной к кучеру, а лицом к ним — худощавый угрюмый мужчина. Он непрерывно махал рукой выстроившимся вдоль дороги людям, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. Одет он был в черные просторные одежды. На груди его сверкала крупная увесистая серебряная цепь, на голове красовалась плоская широкополая шляпа. В черной бороде поблескивали седые волосы.

Народ завопил от радости. Зеваки просто обезумели: они подбрасывали вверх шапки, отчаянно размахивали руками, бросались к экипажу. В итоге двоим гвардейцам, скакавшим позади, пришлось практически поравняться с задними колесами и выставить в стороны лезвия алебард, дабы отгонять толпу. Дирк и Гар, как и все прочие, вытянули шеи, чтобы получше взглянуть на важную персону — кем бы он ни был, этот человек, на странной отсталой планете, куда их занесла судьба. Тут как раз с ними поравнялись передовые гвардейцы, и Дирк с Гаром отпрянули назад вместе со всеми остальными.

А потом мимо прокатился экипаж, и Защитник, казалось, устремил взгляд прямо на двоих друзей и устало помахал рукой. Затем он повернул голову в другую сторону, а мимо проскакал арьергард. Вот и все. Толпа издала стон разочарования — вот только что послужило его причиной? То ли то, что на Защитника зевакам удалось поглазеть совсем недолго, то ли то, что теперь,

хочешь не хочешь, а надо было возвращаться к прерванным трудам, — этого Дирк с Гаром понять не могли. Ясно было одно — местным жителям во что бы то ни стало хотелось по возможности продлить праздник. Они оборачивались друг к дружке, взволнованно переговариваясь.

— Такой важный, такой надутый! — жаловалась одна женщина другой.

— Это да, но какой у него усталый вид! — возразила ее собеседница. — Бедненький, ведь ему обо всех нас приходится думать!

— Всю жизнь ждал этого дня, — вздохнул мужчина. — И внукам о нем расскажу!

— Правда ведь, стоило на него посмотреть хоть одним глазком? — обратился к Дирку какой-то юноша с горящими глазами.

— Весьма впечатляюще, — уклончиво ответил Дирк. — Стало быть, раньше ты его ни разу не видел?

— Я-то? — Юноша заливисто расхохотался. — Да мне еще и двадцати не стукнуло, господин хороший! Так что мне очень даже повезло, что удалось на него поглазеть.

Стоявший неподалеку мужчина постарше пристально уставился на друзей.

— А вы что же, его раньше видали или как?

— На военной службе чего только не повидаешь, — ответил Дирк. — Нам ведь разное-всякое поручают и посылают много куда.

Ответ был предельно уклончив, тем не менее мужчину он, похоже, удовлетворил. Вероятно, именно уклончивость ответа Дирка и поспособствовала тому, что любой, кто бы его ни услышал, прочел бы в нем для себя именно то, что ему хотелось услышать. Мужчина обернулся к приятелю, но в это мгновение послышался чей-то зычный голос:

— Слушайте! Слушайте все! Слушайте магистрата!

Друзья обернулись. Посреди дороги стоял мужчина в темно-красной мантии, сложив на животе руки так, что его пальцев не было видно под длинными и широкими рукавами. Он был молод — не старше тридцати, но уже успел обзавестись властностью и вел себя так, словно и помыслить не мог о том, что кто-то посмеет ему не повиноваться. Толпа постепенно угомонилась, притихла, и магистрат воззвал к ней:

— Вы всё видели своими глазами, добрые люди! Чудесное утро для всех нас! Редко выпадет такое счастье — повидать Защитника всех наших земель, судью над всеми судьями, магистрата над всеми магистратами! Храните же воспоминания об этом дне, как драгоценное сокровище, поведайте обо всем, что увидели, другим, запечатлейте память о нем в своих сердцах! Однако время смотреть миновало, а время вернуться к трудам настало вновь! Ступайте же по домам, на свои поля, к своим орудиям! Говорите о той радости, которая вас нынче посетила, но ступайте!

Толпа вновь загомонила. Люди начали расходиться. Одни направлялись в придорожные поля, другие — к проселкам, которые, по всей вероятности, вели к деревням, где они обитали.

— Думаю, нам тоже лучше удалиться, — сказал Гар.

— Ага. И чем дальше от этого типа в красной мантии, тем лучше, — кивнул Дирк. — От него попахивает властью, а я предпочел бы не подходить к ему подобным близко, покуда не уточню — не ядовит ли сей аромат.

Они поспешно смешались с толпой. Охранники магистрата успели заметить высоченного солдата в коричневой форме, но только глянули на него — не более. Судя по всему, ничего особенного им при этом в голову не пришло. Они развернулись и перенесли все свое внимание на магистрата, севшего верхом на высокую чалую лошадь. Вскоре они уже ускакали достаточно далеко для того, чтобы Дирк и Гар могли с облегчением вздохнуть. Друзья отошли от толпы крестьян, но заго-

ворили друг с другом только тогда, когда их никто не смог бы подслушать.

— Итак, — сказал Дирк, — можно считать, что нам повезло: мы увидели здешнего главного представителя власти.

— Да, но только ли он представляет власть или сам по себе является правительством? — задумчиво проговорил Гар.

— Его назвали «магистратом над всеми магистратами», — напомнил товарищу Дирк. — Но при этом ни слова не было сказано о том, кто тут осуществляет правоохранительные меры.

— На короля он явно не тянет, — высказал свое мнение Гар, — хотя запросто может играть эту роль.

— Может, — согласился Дирк. — И весьма не исключено, что глашатай упомянул и этот титул наряду с остальными. Скорее всего этот малый в красной мантии — его здешний наместник.

— Похоже на то. Но для должности магистрата он слишком юн, согласись. Я всегда считал, что этот пост занимают либо какие-нибудь местные аристократы средней руки, либо деловые люди, успевшие сколотить приличное состояние, которого хватило бы на постройку большого дома и раздачу пары-тройки взяток нужным людям.

Дирк пожал плечами.

— Может быть, он только-только закончил юридический факультет и попал сюда на практику?

— Вряд ли, — покачал головой Гар. — Но сама идея о том, что он мог пройти соответствующее обучение... словно бы я слышу звон колокольчика.

— Будем надеяться, что это не набатный колокол, — усмехнулся Дирк. — Знаешь, что-то я себя не слишком ловко чувствую в этой военной форме. По-моему, мы слишком сильно бросаемся в глаза.

— У меня такое же ощущение, — кивнул Гар. — Но пока мы не знаем, насколько безопасно тут странствовать в другой одежде. Нам нужна информация, Дирк, нужна отчаянно.

— Да, и я понимаю, что это значит, — вздохнул Дирк.

— Мы должны завязать знакомство с кем-нибудь из местных жителей — желательно с тем, кого власти несправедливо обидели.

— Ясно. Нам нужен такой человек, который готов поступить так, как ему подсказывает совесть, хотя магистрат ему так поступать запрещает. Но если мы такого не изыщем, сможем ли мы объявить эту планету удовлетворительно управляемой и смыться отсюда?

Гар некоторое время помолчал, затем проговорил:

— Похоже, Защитник тут пользуется большой популярностью, но это может быть связано исключительно с тем, что он — глава правительства, и народ его видит редко. Тем не менее если мы здесь найдем только таких нарушителей закона, у которых нет ни стыда, ни совести, или таких, которым наплевать, кому они делают больно, — что ж, думаю, тогда нам вполне хватит доказательств.

Дирк испустил громкий вздох облегчения.

ГЛАВА 3

От дома к дому перебегал мальчишка, стуча в двери и выкрикивая:

— Менестрель! Менестрель! Выходите и послушайте менестреля!

Орогору оторвал взгляд от работы — он плел из лозы сиденье стула. Плел, как потом наверняка скажет мать, из рук вон плохо. Менестрель! Вести из мира за пределами деревни, песни о славных днях старины! Но Орогору не должен был позволить, чтобы его земляки заметили, как он взволнован. Его и так непрерывно дразнили за то, что он толстый, круглолицый, неуклюжий, но больше всего — когда он пытался с

кем-то заговорить. При этом Орогору неизменно попадал пальцем в небо, поэтому сохранить хоть какую-то видимость собственного достоинства он мог, делая вид, что ему до смерти прискучило все в этой деревне. Хотя... сердце его изнывало от тоски по Алтее — самой хорошенькой и умной из девушек, по ее искрящемуся смеху и сверкающим глазам, по тому, как она беззаботно радовалась жизни. Перед ее красотой и жизнерадостностью не устоял бы ни один мужчина, и счастлив был бы тот, кого бы она одарила своей благосклонностью.

Но и она смеялась над Орогору, и она над ним издевалась. Над ним смеялись все его сверстники до единого, да и большинство крестьян постарше и даже многие из детишек! Словом, Орогору как бы неохотно поплелся к площади, откуда уже доносились веселые крики и взрывы смеха — судя по всему, менестрель уже начал рассказывать всевозможные новости, и притом излагал их жутко интересно. Орогору шагал и убеждал себя в том, что его ни в малейшей степени не волнует то, что сегодня происходит в мире. Его интересовали только песни, сказания о славных днях прошлого, о храбрых рыцарях в сверкающих латах, о турнирах и испытаниях, о прекрасных принцессах, томящихся в ожидании своих избавителей. К тому времени, когда Орогору добрел до площади, он уже успел представить себя в роли этого избавителя.

И он поспел вовремя! Менестрель как раз перебросил лютню со спины на грудь и начал перебирать струны. Орогору пристроился за спинами широкоплечих верзил — Клайда и Дейла, но Клайд обернулся, увидел его, скорчил рожу и толкнул Дейла локтем в бок. Тот тоже обернулся, осклабился и шагнул поближе к Клайду. Они встали плечом к плечу и заслонили трубадура. Орогору скрипнул зубами, но не отошел. Он разыграл полнейшее равнодушие и решил, что не подарит Клайду и Дейлу такого удовольствия, не станет пытаться обойти их справа или слева или искать местечко, откуда было бы получше видно, — где бы он ни встал, его бы ждала точно такая же встреча. Из горького опыта

Орогору знал: все до единого сыграют с ним эту злую шутку, разве только Килета или еще кто-нибудь из девушек попроще сжалятся над ним и разрешат встать рядом, а от этого будет только хуже. Кроме того, Орогору отлично понимал, что в этом случае дело было бы не только в жалости. Девушек наподобие Килеты всерьез волновали перспективы замужества, и они полагали, что лучше уж хоть какой-нибудь муж, чем вообще никакого. Но Орогору не желал принимать их дружеского расположения ни по той, ни по другой причине. И то и другое было одинаково унизительно — и жалость, и то, что его бы выбрали только потому, что больше выбирать не из кого.

В общем, он остался стоять там, где встал, делая вид, что ему в высшей степени безразлично, что Клайд и Дейл загородили менестреля. В конце концов, когда слушаешь менестреля, главное — музыка, но еще главнее слова! Орогору стал слушать.

— Принц Артур жил в безвестности и тайне, — начал менестрель, и сердце Орогору взволнованно забилось.

— Сэр Эктор и его добрая супруга растили мальчика с пеленок вместе со своим родным сыном Кеем, и он вырос красивым и рослым юношей. Время от времени чародей Мерлин являлся к Артуру и учил его уму-разуму, и рассказывал о том, что происходило в большом мире под видом сказаний, но откуда Артуру было знать, что тот убитый король, о котором рассказывал Мерлин, — не кто иной, как его отец, и что пропавший принц — это он сам?

И вот наконец однажды чародей явился и принес весть о турнире...

Орогору не видел менестреля, но слушал во все уши про то, как сэр Кей решил поучаствовать в рождественском турнире, а Артур отправился с ним в качестве оруженосца, про то, как они прибыли в Гластонбери и увидели меч, воткнутый в камень, про то, что только тот, кто вынул бы этот меч из камня, доказал бы, что он и есть истинный король Англии. Звонкий голос повество-

вал о том, что сэр Кей забыл свой меч дома, а Артур, спеша вооружить Кея до начала поединка, взял да и выхватил меч из камня... и был провозглашен королем Англии!

Менестрель пел и пел, но Орогору отвернулся. В ушах у него звенело, голова шла кругом — настолько его захватила чудесная легенда.

— Не видать, Орогору? — хихикнул Дейл и прищурился — не выказывает ли Орогору признаков поражения. — Плохо, да?

— А хочешь, мы тебя на плечи посадим, а? — предложил Клайд.

Но Орогору их не слушал — зато хорошо расслышал последние строчки баллады:

Артурово царство! Года над тобою не властны!
Служи всем владыкам и странам примером прекрасным!

Тут Орогору вновь ощутил нечто вроде озарения. Он покачнулся, чуть было не упал, но успел ухватиться за ствол тонкого деревца и удержался на ногах. Он не замечал, что над ним смеются, — теперь он точно знал, кто он такой! Он, как Артур, был принцем, которого растили втайне, среди простолюдинов, до тех пор, покуда он не догадался бы о том, кто он такой на самом деле, покуда бы не осознал, какая ему суждена доля! Сам менестрель только что назвал его имя — он был принцем Приммером!

Орогору медленно брел по берегу пруда, и вот наконец дрожь в коленках унялась, он задышал ровнее, вспышка, затмившая все прочие мысли, померкла, и он стал замечать, что происходит вокруг. Что же за чародей был этот менестрель, этот глашатай судьбы, одаривший его озарением? Орогору вдруг мучительно захотелось вновь услышать его голос.

Он вернулся к крестьянам, по-прежнему стоявшим кругом возле менестреля. Кто-то из мужчин постарше недоверчиво фыркнул:

— Город в чаще леса? Ну ты и заливаешь!

— Я бы тоже не поверил, — отозвался менестрель. — Но тот человек, который мне рассказал об этом, клялся, что видел его своими глазами — каменные стены выше деревьев, а за ними башни — еще выше!

— Но кому бы только взбрело в голову строить город за каменными стенами в лесу? — засомневался другой крестьянин. — Разве сам лес — не защита?

— Вот! — Менестрель глубокомысленно поднял руку с вытянутым указательным пальцем. — А что, если город был построен на открытой равнине так давно, что теперь вокруг него вырос густой лес?

При упоминании о столь древних постройках толпа огласилась благоговейным ропотом, но какой-то старик выкрикнул:

— Чепуха! Неужто эти люди были такими паршивыми хозяевами, что позволили своим полям зарасти лесом?

— Не позволили бы, — уточнил менестрель, — если бы были живы.

Пару минут деревенские жители молчали, переваривая услышанное. А потом по толпе пронесся взволнованный шепоток — так шепчутся, когда тебя пугают, но тебе не страшно, когда речь идет о благоговении перед чем-то сверхъестественным.

— Так ты говоришь, что город необитаем? — спросила какая-то женщина.

— Да не то чтобы совсем необитаем, — отозвался менестрель и добавил потише: — Тот человек, который рассказал мне эту историю, заночевал возле стены, так вот... он клянется, что слышал голоса, смех и даже музыку — правда, все эти звуки были такими тихими, что он гадал — не померещились ли они ему.

Толпа обрадованно загомонила.

— Так ты хочешь сказать, что там обитают привидения? — спросил старик.

— Может, и так. Кто знает? — Менестрель спохватился и решил, видимо, побороть недоверие крестьян. — Он же не

перелез через стену — она была слишком высока. Но слышать голоса — точно слышал. Кто знает? Быть может, те господа и дамы, что обитали в этом городе во времена его юной славы, до сих пор живут там, и они бессмертны!

— Не может такого быть! — буркнул старик.

— Призраки, — заявил кто-то с полной уверенностью, и это слово пробежало по толпе, словно круги по воде от брошенного камня:

— Призраки!

— Призраки!

— Призраки принцев и принцесс, — согласился менестрель. Голос его звучал негромко, волнующе, тонкая рука чертила в воздухе силуэты невидимых царственных особ. — Призраки королей и королев! По ночам они устраивают пиршества за столами, накрытыми призрачными яствами, и внимают звукам колдовской музыки, водят тихие хороводы, и кавалеры ухаживают за дамами с воздушным изяществом.

Шепоток дрогнул, дрогнула и сама толпа.

А Орогору — хоть бы что. Его глаза взволнованно сверкали. Он слушал и слушал рассказ менестреля, впитывал каждое произнесенное слово как губка, и воображение его рисовало картину блестящего двора, прекрасных галантных вельмож. Но когда менестрель умолк и получил положенную за представление плату, и жители деревни, огорченные тем, что все хорошее когда-нибудь кончается, стали расходиться по домам, Орогору отошел от площади, сверкая глазами. В сердце его пела и ликовала надежда.

— Что это ты такой взбудораженный, Орогору?

Орогору вздрогнул и обернулся. Неужели хоть одна из деревенских девушек наконец поняла его превосходство над остальными парнями? Однако его ожидало жестокое разочарование. Это была всего-навсего Килета — некрасивая худышка, единственная девушка, которая относилась к нему сносно, даже, пожалуй, по-дружески. Вот если бы Алтея хоть разок так взглянула на него!

И все же Орогору был благодарен девушке за доброту. В конце концов, Килета была единственным человеком в деревне, с кем Орогору мог поделиться своими мыслями, хотя даже ей он не дерзнул бы сказать о самом сокровенном.

— Но кого бы оставила равнодушным такая история, Килета?

— Никого, но только все остальные сразу успокаиваются, как только рассказ отзвучит, — сказала Килета. — Почему же ты до сих пор весь словно горишь, Орогору? Я тебя таким никогда не видела!

Орогору быстро огляделся по сторонам: нет ли кого, кто бы подслушал их разговор.

— Кто-то другой мог бы подумать, что я спятил... — пробормотал он и обернулся к Килете. — Только тебе я могу сказать правду — если ты поклянешься, что больше никому не скажешь ни слова.

Да даже если бы она и проболталась — какая разница? Все равно на рассвете его уже не будет в этой деревне.

— Клянусь, — проговорила Килета, от изумления широко открыв глаза.

Орогору вдохнул поглубже и объявил:

— Я всегда знал, что я лучше всех здешних олухов, Килета. На самом деле я точно знаю, что мои настоящие родители были знатными людьми!

Килета остолбенела, в страхе уставилась на него.

— Твои настоящие родители? Но... Орогору...

— Ты ведь не думаешь, что эти неотесанные чурбаны — мои родные отец и мать? Нет! — Орогору словно прорвало. — Наверняка моими настоящими родителями были кто-нибудь не ниже магистрата и его жены. Они спрятали меня здесь, потому что боялись каких-то врагов! Но даже эта вредная карга и ее муженек не знают, кто я такой на самом деле!

— Орогору! — ахнула Килета. — Как ты можешь так говорить о своих родителях! — Но тут ею все-таки овладело любопытство. — И кто же ты такой?

— Сегодня, когда я слушал менестреля, я все понял. Я — принц, принужденный жить под покровом тайны, чтобы враги моих родителей не додумались, где меня искать. Разве им взбредет в голову, что я живу среди простых крестьян? Менестрель даже назвал мое истинное имя — принц Приммер!

— Разве? — вытаращила глаза Килета. — Когда это он так сказал?

— В самом начале. Наверное, он — переодетый вестник, которого сюда послали мои родные. Он ведь даже рассказал мне, где их искать — в том городе, что затерян в чаще леса.

— В том городе? — в ужасе прошептала Килета. — Но, Орогору! Он же сказал, что там полным-полно привидений!

— Так могут подумать только те, у кого вместо мозгов солома, — пренебрежительно отозвался Орогору. Он и не пытался скрывать презрения. — Вестник отлично знал, что тот дровосек слышал не голоса привидений, знал, что если бы он взобрался на дерево повыше да заглянул через стену, он бы увидел самых настоящих танцующих господ и дам!

— Но откуда он мог знать об этом? — недоумевающе спросила Килета.

— Какая разница? — раздраженно пожал плечами Орогору. — Он знал или должен был знать — вот и все. В этом я не сомневаюсь, ни капельки не сомневаюсь! Байка про человека, которому померещились голоса призраков, — ха! Меня на мякине не проведешь, как этих остолопов! Никакой не дровосек нашел этот город и слышал голоса вельмож и придворных дам, а сам менестрель, и его впустили в город, а потом послали сюда с вестью для меня! Я слыхал историю, которую он рассказывал раньше. Тогда он говорил о Маленьком Народце, что будто бы обитает в Полых Холмах. И вроде бы тамошние обитатели время от времени захватывают в плен людей, чтобы те полюбовались тем, как Маленький Народец пирует и пляшет, а потом этих людей так напаивают вином, что они засыпают, а потом просыпаются на склоне холма, а уж целых двадцать лет прошло! Но я-то не рыбка, чтобы загло-

тить такую наживку — под ней крючок, на который хотят поймать мою душу! Что я знаю — то знаю!

— Но ведь... истории похожие, — возразила Килета. — Правда, менестрель не сказал, что входил в город и собственными глазами видел при... тех, кто там живет.

— А он и не мог, неужто ты не поняла? Чтобы все догадались, зачем он на самом деле сюда явился? Нет-нет, он пришел затем, чтобы тайно передать мне весточку, и знает, что я все понял, как надо! Я разыщу этот Потерянный Город, Килета, и наконец воссоединюсь с моими сородичами!

— Но разве магистрат отпустит тебя? — изумленно спросила девушка.

— Магистрат? Ха! Какое право он имеет указывать тому, кто родился принцем?

— Орогору! — вырвалось у Килеты. — Не собрался ли ты бежать!

— Я вырвусь из этой темницы! — вскричал Орогору. — Никто не имеет права меня здесь удерживать! Нынче же ночью убегу!

— Но наказание... — испуганно произнесла Килета.

— Наказание? Ха! Что мне до цепей и каторги, когда я это терпел всю жизнь? Нет, им не удастся держать взаперти особу королевской крови или искать принца, когда он этого не желает! Нет, я должен уйти сейчас — именно сейчас, потому что ни магистрату, ни его ищейкам в голову не придет, что я могу улизнуть так скоро!

— Этой ночью? — На миг Килета застыла от изумления. А потом вдруг бросилась к Орогору, ухватила его за рубаху и стала умолять: — О Орогору, возьми меня с собой! Мне бы не хватило духу бежать одной, но с тобой я на все готова! Может быть, ты и прав, может быть, ты и владеешь каким-то колдовством, которое убережет тебя от них!

— Ты пойдешь со мной? — Орогору вытаращил глаза. Он был не на шутку потрясен. — Но... Килета... ведь здесь твой дом, здесь ты была счастлива!

— Моему счастью пришел конец прошлой зимой, когда умер отец!

— Да, бедняга, он не вынес тоски по твоей матери... — пробормотал Орогору. — Он ведь и на год ее не пережил!

Пожалуй, родители Килеты были единственной по-настоящему любящей супружеской парой в деревне.

— Теперь его нет, и магистрат мне сказал, что, если я вскоре не выйду замуж, он сам мне выберет мужа!

— Сам выберет?! — воскликнул Орогору, и перед его мысленным взором предстали физиономии Тана и Борка — самых уродливых парней в деревне. Ни за того, ни за другого по доброй воле, конечно же, не пошла бы ни одна девушка. — Нет, Килета, этому не бывать!

— Магистрат говорит — отцовский дом слишком велик для того, чтобы я там жила одна и что отцовское наследство мне доверить нельзя. Но я-то знаю, что никому из парней я не нравлюсь просто так, сама по себе. Верно, разговаривают со мной учтиво, но только потому, что Алтея и Сара — мои подружки, а от них все парни без ума и надеются, что когда-нибудь завоюют их сердца.

— Но и на тебе женится кто угодно по приказу магистрата, и притом с радостью, потому что твое приданое — дом и деньги отца.

«Вот-вот, — подумал Орогору. — А потом будут обращаться с тобой, как с собакой, которую терпеть не могут, а должны терпеть». Милая, добрая Килета, отданная во власть какого-нибудь хама, который превратит ее жизнь в бесконечную, беспросветную муку!

— Не нужны мне они! — воскликнула Килета. Она бы взвыла от тоски, если бы смела повысить голос. — Не нужен мне такой муж, который не будет меня любить! Пусть забирают и дом, и деньги, но сердце мое пусть оставят мне! — Она снова вцепилась в рубаху Орогору. — О, прошу тебя, Орогору, возьми меня с собой! Всю жизнь я мечтала уйти из этой

деревни! Наверняка где-то есть жизнь лучше! С того самого дня, когда магистрат объявил мне, что я должна выйти замуж за человека, который будет помыкать мной, я только и думала о том, как бежать отсюда! Но я боялась! Даже если бы меня не изловили бейлиф и его лесничие, ведь полным-полно разбойников на дорогах и в лесах, которые не упустят возможности напасть на одинокую слабую женщину. Но если со мной рядом будешь ты, бояться надо будет только разбойников. Одна я бы не осмелилась, но с тобой смогла бы!

Что мог ответить Орогору? Что мог он ответить той единственной в деревне, которая всегда была готова заговорить с ним, стать его другом, которая видела в нем что-то хорошее? Как он мог покинуть ее в беде?

— Что ж, — улыбнулся он, — двоим, глядишь, больше повезет, чем каждому поодиночке.

— О, спасибо тебе, Орогору! — Килета обвила руками его шею и крепко прижалась к его груди. — О, спасибо, спасибо тебе! Ты не пожалеешь!

Орогору обнял ее, искренне надеясь, что действительно не пожалеет ни о чем. Двоим могло и повезти больше, но и не повезти тоже.

Во сне Майлзу снился лай собак. Собаки были громадные, с обвисшими брылями, длинными ушами и печальными глазами. А печальными их глаза были оттого, что их гнали на охоту за лисой, но все же лай их был звонок и весел. Несчастная лиса тяжело дышала и дрожала от усталости, она вот-вот готова была в изнеможении упасть на землю... но у нее была не заостренная лисья мордочка — у нее было лицо Майлза, а когда он оглянулся на собак, то увидел, что у той, что бежала первой, — физиономия магистрата, искаженная злобной гримасой. Губы магистрата были раздвинуты, белели его острые клыки...

Майлз содрогнулся от ужаса и проснулся. С минуту он метался из стороны в сторону, ничего не понимая, но потом

наконец убедился, что он — не в каменном мешке, что вокруг него — только солома. Он обмяк, закрыл лицо согнутой в локте рукой, стараясь избавиться от навязчивого видения — лица магистрата, но лицо не исчезало, и отголоски собачьего лая до сих пор звучали в ушах...

Нет, не только в ушах! Майлз вдруг понял, что лай слышится наяву, хотя и звучит далеко-далеко. Погоня! С часто бьющимся сердцем он осторожно высунулся из стога. О ужас! Оказывается, он проспал всю ночь! На горизонте алело рассветное солнце. Оно только что взошло, но если он как можно скорее не отыщет убежища понадежнее — ему конец! Майлз поспешно выбрался из стога и зашагал по проселку. В ушах у него звенело, он мечтал побыстрее дошагать до большой дороги, где бы запах от его следов потерялся среди тысяч других следов на камнях. Если бы ему повезло, он, быть может, встретил бы какую-нибудь толпу и затерялся бы в ней...

Толпу — не толпу, но с десяток людей он вскоре увидел. Тяжело дыша, Майлз устремился следом за путниками.

А потом он услыхал голос позади.

— Погоди, парень! Куда так спешишь?

Голос звучал так дружелюбно, что Майлз обернулся. Сердце его наполнилось надеждой...

...И тут же ушло в пятки. Дружелюбное лицо принадлежало мужчине в военной форме, а за первым военным шагал второй — высоченного роста, широкоплечий. Майлз развернулся и дал деру.

— Эй! Мы тебе ничего плохого не сделаем!

Да? Не сделают? Но почему тогда их тяжелые сапоги грохотали за спиной — все ближе и ближе, почему крепкая ручища одного из них ухватила Майлза за плечо, крутанула, и...

— Если у тебя нелады с законом, парень, ты как раз тот, кто нам нужен, — пророкотал великан, сострадательно глядя на Майлза сверху вниз. — Мы с приятелем — не совсем те, кем выглядим, а если честно — то мы вовсе не солдаты.

— Если ты бежишь от кого-то, кто тебя несправедливо обидел, мы станем твоими друзьями, — заверил Майлза солдат, что был ростом пониже великана, но при этом на голову выше Майлза. — Зови меня Дирк. Так почему ты бежишь?

— Я не хочу жениться на Салине! — выпалил Майлз. — Пусть лучше меня повесят!

— Тебя хотят заставить жениться на женщине, которую ты не любишь? — переспросил Дирк и уставился на Майлза в упор. — Что ты с ней сделал?

— Ничего! Но она не хочет выходить за меня, а я не желаю жениться на ней!

— А вам, стало быть, все равно велено пожениться? — Великан нахмурил брови. — И кто же отдал такой приказ?

— Да магистрат наш, кто же еще! Если он меня изловит, назначит мне каторжные работы, от которых дух мой будет сломлен, и я соглашусь жениться на Салине!

— Хотя она этого тоже не желает, — мрачно проговорил Дирк и, кивнув, представил Майлзу своего спутника: — Это Гар.

— Меня... меня звать Майлз, господин, — промямлил Майлз.

— Майлз — и все? — уточнил Гар. — Фамилии у тебя нет?

— Конечно, нет, господин, — ошарашенно ответил Майлз, изумленный тем, что ему задали такой вопрос. Все крестьяне носили лишь те имена, которыми их называли, и только у магистратов и членов их семейств имелись какие-то еще имена, и кроме них эти имена знали только другие магистраты.

— Далеко ли отсюда те, кто тебя преследует? — требовательно вопросил Дирк.

— А вы прислушайтесь! Их же отсюда слыхать!

Двое мнимых солдат замерли, склонили головы, уставились в пространство и прислушались.

— Ищейки, — заключил Гар. — Но пока они еще довольно далеко. Значит, у нас есть время. А ты уверен, что гонятся именно за тобой, парень?

— За кем же еще? — в искреннем изумлении проговорил Майлз.

Гар пожал плечами.

— Да за кем угодно еще, кто нарушил закон.

— Неужели еще кто-то угодил в такую же беду, как я?

— Для того чтобы нарушить закон, совершенно не обязательно попадать в беду, — заметил Дирк.

Майлз уставился на него так, словно тот повредился умом. Разве он никогда не видел, как людей подвергают мучительному избиению, хлещут плеткой до крови только за сальную шутку про магистрата?

— Ну ладно, допустим: ты в беде, — нетерпеливо проговорил Дирк. — Но так ли мы близко от твоего дома, чтобы эти собачки узнали тебя? Ну, они — это ладно, главное — узнают ли тебя те, у кого эти собачки на поводках?

— Какая разница? Узнают меня или нет, у меня нет пропуска — разрешения ходить, где мне вздумается. Только за одно это меня можно считать преступником. Меня схватят и разошлют гонцов ко всем магистратам в округе.

— Пропуск, говоришь? — Дирк бросил взгляд на Гара и обернулся к Майлзу. — Стало быть, не дают тебе погулять на воле?

— Погулять? — Майлз сам очень удивился, что еще способен смеяться, пусть даже смех вышел горьким. — Погулять — это для бейлифа и его людей. Но не для меня.

— Да, наверное, они сейчас развлекаются на всю катушку. Ничего себе прогулочка! Ты ведь ухитрился удрать так далеко, что они до сих пор тебя найти не могут. — С этими словами Гар ухватил Майлза за плечи и развернул в сторону стоявшего в сотне футов от дороги амбара. — Пошли, парень.

— Да им же вся деревня пользуется! — запротестовал Майлз. — Нас наверняка заметят!

— Ни одна душа нас не увидит, — заверил его Гар. — Дирк, ты бренди прихватил?

— В мир, пребывающий на заре существования? А как же!

Дирк вытащил из болтавшейся на боку сумки бутылку и, немного отстав от Гара и Майлза, принялся выплескивать на землю ее содержимое.

— Но собаки... — вяло выговорил Майлз.

— Поверь мне, они теперь унюхают только бренди, а никак не твое благоухание, — пообещал бедняге Гар.

Порыв ветерка донес до Майлза запах спиртного, и он понял, что Гар прав. Запах был сладок и крепок — пахло миндалем и летом. Как ни взмок Майлз от пота, теперь он твердо уверился в том, что собаки не учуют ничего, кроме этого дивного аромата. С этой мыслью он гораздо бодрее зашагал к амбару впереди своих нежданных спасителей.

Шагая за Майлзом, друзья вели безмолвный разговор. Дирк мысли читать не умел, но знал, что это по силам Гару. Он выразительно глянул на великана и постучал пальцем по виску, давая тем самым понять другу, что не возражает против того, чтобы тот читал его мысли. Гар едва заметно кивнул, что было равноценно фразе: «*Перехожу на прием*».

Вслух Дирк произнес следующее:

— Солонина надоела до смерти. Как думаешь, удастся поживиться какой-нибудь свежатинкой на обед?

При этом мысль он другу передал такую:

«*Рыбку мы изловили — но можно ли ей доверять?*»

Гар снова коротко кивнул и сказал:

— Думаю, время у нас есть. Правда, мы не знаем, что тут водится в окрестных речушках. А хороша рыба или нет, не скажешь, пока ее не отведаешь.

— *Тот же случай, верно?*

— Я не против полакомиться новой рыбкой, — продолжал развивать свою мысль Гар, — если она придется нам по вкусу. Если она окажется вроде той, что ты ловил раньше, то вполне подойдет. Окуньки — они везде окуньки.

— *Да, мы и прежде налаживали контакты с крестьянами, и они оказывались достоверными источниками ин-*

формации, — мысленно отозвался Дирк. — *Похоже, этот парень обладает нужными нам качествами: у него хватило храбрости бежать по принципиальным соображениям и достало ума спастись от погони. Трудно сказать, получится ли из него достойный лидер. Пока имеет смысл понаблюдать за ним. Но можно ли ему доверять? Этого мы не узнаем, пока не испытаем его. Почти наверняка он то же самое думает о нас.*

Гар улыбнулся и снова кивнул:

— Рыба рыбакам доверять не должна.

— *Сейчас встреча с нами — лучшее, что с ним могло произойти,* — передал свою мысль Дирк. — *В его интересах к нам присмотреться получше.*

— Доверять не должна, это так, но все-таки поддается искушению и хватает наживку, — изрек Гар. — Эгоизм — вещь вполне предсказуемая.

— *Зато крайне трудно предвидеть, что выкинет альтруист, правда? Ну, ты-то это хорошо знаешь. Но тут нам, похоже, повезло. У меня такое чувство, что он — человек хороший, добрый, верный и надежный, а по другую сторону закона оказался исключительно из-за того, что его доняло начальство.*

На сей раз Гар кивнул весьма выразительно.

— *Ты того же мнения, верно? Ну, что ж, я всегда считал себя неплохим знатоком характеров. Если честно, этой науке я обучен — без нее — как без рук, когда подвизаешься на поприще шпионажа.*

— Но когда занимаешься рыбной ловлей, видишь только то, что снаружи, — продолжал размышлять вслух Гар. — Выискиваешь глазами камень, под которым может прятаться рыба, корягу, под которой таится глубокий омут.

— *А когда эта рыба — человек, наблюдаешь за выражением глаз, мимикой, осанкой. Невербальный язык — так это называется, верно? Но ты вдобавок умеешь читать*

мысли. Правда, я всегда считал, что ты не делаешь этого без разрешения, а если и делаешь, то только в случае самой крайней необходимости.

Гар в ответ только улыбнулся.

— *Ответ понял,* — мысленно отозвался Дирк. — *Обзавестись потенциальными союзниками — это и есть та самая крайняя необходимость? Это ясно, но насколько глубоко ты читаешь его мысли?*

— Мне всегда нравилось любоваться игрой света на воде, — ответил другу Гар. — Но не меньше я люблю наблюдать за рыбами, плавающими в глубине. Конечно, вода не всегда бывает такой прозрачной, что видно до самого дна.

— *Значит, ты ныряешь в самую глубину мыслей человека, но при этом не касаешься интимных секретов и потаенных воспоминаний, которые делают людей теми, кто они есть?* — Дирк понимающе кивнул. — *Наверное, такой глубины достаточно для того, чтобы понять, является ли тот или иной человек полицейской ищейкой — если только он не пытается нарочно ввести тебя в заблуждение.*

— Пора прекратить болтовню и наживить крючок, — объявил Гар. — Пожаренная форелька, пожалуй, подойдет. Простенько и со вкусом — это самое лучшее.

— *Ладно, все понял,* — передал свою мысль Дирк. — *Майлэ, похоже, — простой, честный деревенский парень. Но знавал я кое-каких деревенских парней, с виду — честнее и проще не придумаешь, а на самом деле — хитрецы отъявленные.*

Вслух он добавил:

— Единственная честная форелька — это форелька поджаренная.

— Эти рыбки откровенны и честны своей жадностью, — отметил Гар. — Вообще рыбка, заглатывающая наживку, отличается потрясающей честностью.

— *Наживка в данном случае — наша защита, гм? Что ж, пожалуй, можно поджаривать Майлэа медленно —*

несколько дней. Если он что-то скрывает, рано или поздно это станет очевидно. — Дирк, прищурившись, глянул на Гара. — *По крайней мере должно стать очевидно, если слушаешь не только слова, но и мысли.*

Гар ответил приятелю укоризненным взглядом.

— *О,* — мысленно возразил Дирк, — *ты же все время этим занимаешься. И вообще мы все это делаем — как минимум в переносном смысле.*

Гар покачал головой.

— *Что, и в переносном смысле нельзя? А я знаком с массой людей, которые умеют слышать, не слушая.*

Вслух Дирк сказал:

— Ладно, рыбачить так рыбачить. Но на самом ли деле у нас есть время для того, чтобы забросить наживку и ждать?

— Может быть, придется и сеть закинуть, — ответил Гар.

Майлз гадал: почему эти двое так долго решают — отправиться им на рыбалку или нет. С его точки зрения — тут все было просто: если ты голоден и у тебя есть время, ты идешь рыбачить. Ясное дело — сейчас у них времени было в обрез — ну, разве что рыба клюнула бы сразу.

Он не раздумывал о том, стоит ли доверять этим людям, — он знал, что доверять им нельзя. Они ведь были ему совершенно не знакомы — первые встречные, не более того. Но неизвестно почему, они вызвались оказать ему помощь, и он был бы полным идиотом, если бы отказался от их предложения. Кроме того, Майлз догадывался, что и его нежданным помощникам что-то нужно от него. Они явно были иноземцами и нуждались в том, чтобы кто-то ознакомил их с местными обычаями. Однако Майлз не собирался доверять этим людям больше, чем стоило, если бы только ему не пришлось продолжить путь в их компании и он не узнал бы их поближе.

Они вошли в амбар — ну и, конечно, там оказался крестьянин, впрягавший вола в плуг. Майлз попятился, попытался

спрятаться за Гара, но крестьянин даже не обернулся, пока Дирк не шагнул к нему и не сказал:

— Доброе утро тебе, добрый человек.

Крестьянин вздрогнул, обернулся и при этом встал спиной к Гару и Майлзу.

— Утро доброе и вам, стражники, — произнес он с таким почтением, что оно почти граничило со страхом.

На взгляд Майлза, дивиться тут было нечему. Шериф мог отправить стражников куда угодно с каким угодно приказом — даже с приказом арестовывать ни в чем не повинных крестьян только за то, что они в пьяном виде наболтают лишнего.

— Верно ли я иду в Иннисфри? — поинтересовался Дирк.

— В Иннисфри? Сроду не слыхал про такое место! — Крестьянин нахмурился. — Неужто вправду кто-то сказал вам, что дорога туда лежит через эти края?

— Сказал — топайте по дороге на восток, да, видно, мы не там свернули. — Дирк сурово сдвинул брови. — Так ты точно никогда не слыхал про такой город?

— Никогда, — покачал головой крестьянин, вытаращил глаза от страха и, потянув за поводья, развернул вола так, чтобы загородиться им от сурового стражника.

— Ну, так пойди спроси у своих соседей, понял? Узнай, может, кто из них знает туда дорогу. А я буду ждать тебя здесь.

— Слушаюсь, господин! Я мигом! Одна нога там — другая здесь! — Крестьянин отвесил Дирку неуклюжий, торопливый поклон, прикрикнул на вола и тряхнул поводьями. Вол, медленно передвигая ноги, вышел из амбара. Крестьянин с явным облегчением последовал за волом, толкая перед собой плуг.

— Иннисфри? — поинтересовался Гар с сеновала.

— А почему бы и нет? — пожал плечами Дирк и полез вверх по приставной лесенке. — Как-то раз я слыхал горячий спор про то, как туда добраться. Я решил, что это совсем

неплохое местечко — как раз такое, чтобы местные жители как следует поломали голову.

— Похоже, ты не ошибся, — согласился Гар.

— А что мы теперь будем делать, господин? — затравленным полушепотом спросил Майлз.

— Ждать будем, — оповестил его Гар. — Ляжем и будем лежать тихо-тихо.

Дирк забрался на сеновал и улегся рядом с ними. Утро сменилось жарким днем. На сеновал залетела занудно жужжащая муха, но люди не показались ей достойными внимания, и она вскоре улетела. Через некоторое время внизу послышались шаги и дрожащий голос:

— Стражник? — Человек подождал и снова окликнул: — Господин стражник? Слуга шерифа? — Он подождал еще, затем облегченно изрек: — Ушел, видно, не дождался.

— Хвала небесам, — с нескрываемой радостью проговорил тот крестьянин, которого Дирк отправил узнавать дорогу. — Не больно-то мне хотелось говорить ему, что мы не знаем, как добраться до этого его драгоценного Иннисфри.

— И что нам теперь делать? — спросил кто-то помоложе.

— Забыть про него и вернуться на поле, — решительно заявил крестьянин. — Ушла беда — и радуйся жизни. Еще успеешь новую встретить.

— Ой, что это? — вскрикнул тот, что был помоложе.

Оба умолкли, и Майлз услышал лай собак, который теперь слышался гораздо ближе и к тому же быстро приближался.

— Гончие, — заключил крестьянин, и голос его прозвучал с неподдельным страхом. — Мне жаль того беднягу, за которым они гонятся! Пошли-ка, парень, поскорее на поле. И запомни: мы ничего не знаем!

Их шаги стихли вдали. Майлз дрожал как осиновый лист, под ложечкой у него противно сосало. Он не мог больше лежать — пополз по сену к стене и выглянул в щелочку между досками. У него за спиной послышался голос Гара:

— Прости, Дирк. В конце концов я все-таки начал сомневаться относительно здешнего правительства.

— Не стоит извинений, — тяжело вздохнув, отозвался Дирк. — Я тоже.

ГЛАВА 4

Луна светила ярко, и Орогору, крадучись, перебегал от дома к дому, то и дело озираясь по сторонам — нет ли где стражи. На самом деле деревушка была невелика, и вся стража здесь состояла из одного-единственного человека — такого же старика и брюзги, как магистрат, у которого он состоял на службе. Ни тот ни другой в свое время были не в восторге от того, что их отправили в такое захолустье, где и суждено было закончиться их карьере, а потому, изловив какого-нибудь юнца или девицу, решивших бежать в поисках лучшей доли, старый стражник бы наверняка отыгрался на них, сорвал злость, а магистрат — тем более.

Между тем стражник был настолько стар, что вряд ли бы сумел хоть кого-то изловить.

Дважды по дороге к дому Килеты Орогору оступался и падал, но, к счастью, оба раза шума не наделал. Он медленно прошел под окном ее кухни, и она правильно поняла, что это знак — пора выходить. Видимо, Килета ждала Орогору и высматривала в окошко, потому что тут же выскользнула из двери с мешком за плечом. Орогору крепко сжал ее руку и развернулся к лесу.

Сквозь ветви деревьев тут и там пробивался лунный свет, рассеивая ночную тьму. Решив, что теперь можно без опаски заговорить, Орогору сказал:

— Нужно сделать так, чтобы они не пошли по нашим следам.

— И как же мы это сделаем? — испуганно спросила Килета.

— Как? А мы пойдем таким путем, каким пошли бы особы высокородные — выберем высокую дорогу, а понизу пусть топают смерды! — Орогору подошел к дереву, ветви которого низко нависали над землей, и взобрался наверх — неуклюже, тяжело дыша, но все-таки взобрался. — Теперь ты! — распорядился он, наклонился и подал руку Килете.

— Я упаду, — возразила девушка.

— Мы не станем забираться слишком высоко, так что если и упадешь — больно не ударишься, — объяснил Орогору. — И будем очень осторожны. Ну, давай же! Или ты хочешь замуж за Борка?

Килета брезгливо поежилась и протянула Орогору руку.

Они и в самом деле передвигались очень осторожно: крались по нижней ветке до тех пор, покуда не смогли перебраться с нее на соседнее дерево, потом точно так же — на следующее.

— Так мы далеко не уйдем, — покачала головой Килета.

— Верно, но зато так нас не найдут, — сказал Орогору. — Пока мы тут, наверху, ищейки не учуют нашего запаха.

Наконец они добрались до дерева, склонявшегося над ручьем. Орогору отдал Килете свой мешок, а сам спрыгнул в воду. Ручей оказался мелким — по колено. Орогору поднял голову и крикнул:

— Сначала бросай мне мешки, а потом прыгай сама!

Как ни странно, это предложение Килете пришлось по душе. Они вышли на противоположный берег и дальше пошли гораздо быстрее. И шли, покуда Килета не схватила Орогору за руку и не потянула назад, куда-то указывая дрожащей рукой. Посмотрев в ту сторону, юноша заметил горящие угли костра, а возле него — фигуру человека, завернувшегося в одеяло.

Килета прошептала ему на ухо:

— Нужно обойти его стороной!

— Нет, — шепотом отозвался Орогору. — Собак не видно и не слышно, а он разделся и одежду кучей сложил у костра!

— Ну и что? — непонимающе спросила девушка.

— Она же им пахнет! Если мы напялим на себя эту одежду, собаки не будут знать, за кем им гнаться! Жди меня да смотри — сиди тихо, покуда я не стащу его тряпье!

Килета была готова схватить Орогору за руку и удержать, но он уже ускользнул. Сердце девушки часто билось. Орогору, конечно, здорово придумал, она такого от него и не ожидала, но... он ведь был так неуклюж, неловок — вдруг разбудит лесничего, и тогда не миновать беды. Килета бесшумно последовала за спутником и на ходу подобрала суковатую палку. Теперь у нее никого не было на свете, кроме Орогору, и она не собиралась позволить леснику отобрать его у нее.

Но палка ей не потребовалась. Удивительно — но Орогору таки удалось подкрасться к спящему бесшумно. Он тоже вооружился палкой — но длинной и тонкой, — улегся на живот у самого края света, отбрасываемого догоравшим костром, и принялся подцеплять палкой одну за другой одежды лесничего. Затем, зажав одежду под мышкой, он встал и столь же тихо вернулся к ручью. Килета, еще не вполне оправившись от пережитого волнения, присоединилась к нему, но только тогда, когда они ушли вниз вдоль течения ручья ярдов на сто, она отважилась подать голос:

— Какой ты умный, Орогору!

— Ну, спасибо, — отозвался юноша. В темноте девушка не могла увидеть, что он прямо-таки раздулся от гордости. — Неплохо у меня получилось, правда?

— Но не зря ли ты оставил его совсем без одежды? Как же он теперь будет — голый?

— Пусть походит нагишом, — злорадно проговорил Орогору. — Задержись я там, у костра, он бы, глядишь, проснул-

ся, а если бы я оставил ему свою одежду, это было бы все равно как если бы я признался, что его тряпье стащил именно я. А теперь он решит, что его обокрал барсук или медведь, и возблагодарит Защитника за то, что жив остался.

— Это ты хорошо придумал, — задумчиво сказала Килета, — но мне все равно жалко беднягу.

— А он бы тебя пожалел, если бы магистрат велел ему изловить тебя? — спросил Орогору и сам ответил на свой вопрос: — Да, пожалуй, ему было бы тебя очень даже жалко, только он бы все равно гнался за тобой. И потом, мы ведь не побили его, Килета, верно? — Дошагав до прогалины, освещенной луной, Орогору остановился и огляделся по сторонам. — Далеко ушли, — заключил он, — теперь можно и переодеться.

Он подал девушке сапоги лесничего, но те оказались ей велики. Тогда Орогору разорвал пополам рубаху лесничего, и Килета обвязала кусками ткани свои башмаки. Орогору натянул на себя краденые штаны и сапоги, и они с Килетой зашагали дальше охотничьей тропкой, искренне надеясь на то, что запах чужой одежды и обуви заглушит их собственный.

Лай собак слышался все ближе и ближе. Майлз, глядевший в щелку между досками, видел, как они трусят по дороге, а вслед за ними, сжимая в обеих руках по хлысту, бежал егерь, стараясь поспевать за собаками. За ним топали шестеро мужчин в зелено-коричневой форме, а за ними — седьмой, в серой хламиде до бедер, с цепью на груди — символом власти. Это был бейлиф из деревеньки Майлза с лесничими. Майлз окаменел от ужаса, а Дирк прошептал:

— Порядком их там, да?

— Приготовьтесь к решительным мерам, — пробормотал Гар.

Майлз изумленно посмотрел на него. Гар вынул из кармана куртки прямоугольную деревяшку, а потом — еще две, с остро заточенными концами. Майлз отвернулся к щелке, поче-

му-то решив, что его вовсе не интересует, что Гар собирается делать с этими странными предметами. Он слышал постукивание одной деревяшки о другую, звук трения и догадывался, что Дирк занимается тем же что и Гар, чем бы они там ни занимались. Но оглянуться он не мог — взгляд его к себе приковывали собаки. От амбара их отделяла всего сотня футов. Но вот они добежали до тропки, что вела к амбару, и вдруг ни с того ни с сего остановились, стали глазеть по сторонам, лая раздраженно и как бы обиженно. Майлз затаил дыхание. В сердце его зажглась искорка надежды.

Собаки принялись бегать возле амбара кругами, и круги эти становились все шире и шире, и чем дальше они отбегали от амбара, тем более сконфуженно звучал их лай. Лесники окликали друг дружку, они тоже явно пребывали в замешательстве и злились, но собак к амбару не гнали, а те отчаянно принюхивались, убегая при этом все дальше.

— Рано или поздно они учуют наш след, — объявил Гар, поднялся и направился к лесенке. — Пора их немного запутать.

— Сиди тут, — велел Дирк Майлзу. — И не бойся. Нам случалось дурить народец и посмекалистей, чем эти парни.

Майлз, выпучив глаза, проводил их взглядом, а они спустились по лестнице и побежали к дальней двери амбара, но, выйдя из нее, зашагали вразвалочку. Майлз прильнул к щелке и стал ждать. Ему показалось, что миновала целая вечность, пока в поле зрения наконец не возникли Дирк и Гар. Они вышли, обогнув амбар слева от сеновала, сделали круг и вышли из-за деревьев, что росли вдоль ручья, огибавшего пастбище. Дирк крикнул и помахал рукой. Лесничие оглянулись, остановились и, хмуро сдвинув брови, стали ждать незнакомцев. Когда те подошли поближе, участники погони оглядели их с ног до головы и, похоже, немного успокоились. Бейлиф шагнул вперед, упер сжатые в кулаки руки в бока и выставил вперед подбородок. У Майлза дух от волнения перехватило.

Бейлиф самолично возглавил погоню — нечего было дивиться тому, что лесничие не мешкали. Но все равно следовало признать, что они протянули с этим делом, насколько смогли, дали беглецу уйти подальше.

Когда Гар и Дирк подошли поближе, бейлиф вопросил:

— Шерифу какого округа вы служите и зачем явились?

Приятели остановились и переглянулись. Майлз скрипнул зубами. Если бы он знал, что они собираются говорить с бейлифом, он бы их просветил на этот счет и сказал бы, что их господин — магистрат округа Улиторн! Дотуда было так далеко, что в здешних краях никто не имел там знакомых, кроме разве что магистрата, но пока бейлиф успел бы ему донести, Гар и Дирк уже были далеко, а с ними вместе и Майлз — ему хотелось на это надеяться.

А Гар и Дирк посмотрели на бейлифа, и Гар ответил ему:

— А мы сейчас держим путь от одного господина к другому. Нас к Защитнику отправили.

Майлз шумно выдохнул, только теперь поняв, что все это время не дышал. Бейлиф вытянулся по струнке. «Отправили к Защитнику» — это означало, что теперь эти двое будут служить в его войске, а с солдатами войска Защитника никто не желал ссориться.

— Ну, тогда мне не стоит спрашивать у вас пропуска, — проговорил бейлиф с натужной улыбкой.

— Ясное дело, не стоит, — согласился Гар, улыбнувшись в ответ. — Мы жутко устали топать на своих двоих, вот и хотели вас спросить: не подскажете ли, где лошадей тут купить можно поблизости?

— Странно, как это вам лошадей не дали...

— Да не нашлось лошадей лишних, — вступил в разговор Дирк. — Мы ведь окружили шайку разбойников, так пять лошадей потеряли в бою. — Он пожал плечами. — Погибнуть — никто не погиб, но кое-кому из наших напарников придется несколько месяцев полечиться. Словом, у нашего гос-

подина лишних лошадей не осталось, вот он нам и выдал средства, чтобы мы купили их себе при первой возможности.

— Он вам приказ дал, согласно которому вам должны дать лошадей или золото?

— Золото, — ответил Гар. — Но пока мы не нашли никого, кто бы мог нам продать лошадей, а приказывать было бы нехорошо, тем более что спешить-то нам особо нечего — нам не приказано явиться к Защитнику в точно указанный день и час.

— А-а-а, понятно, — усмехнулся бейлиф. — Вы вроде как в отпуску, да? Ну, ладно... Тут неподалеку крестьянин один живет, Лэндри звать. Он разводит лошадей для шерифов. Ферма его будет в семи милях отсюда, вон в той стороне. — И он указал на северо-восток, дальше амбара, где прятался Майлз.

— Спасибо, вы нам очень помогли, — поблагодарил Гар и учтиво склонил голову. — Чем мы можем отплатить вам за вашу доброту?

Бейлиф кисло усмехнулся.

— Разве что подскажете нам, где искать беглого, за которым мы гонимся.

— Беглого? — Дирк и Гар переглянулись, и Дирк спросил:

— А каков он собой?

— Не низкий, не высокий. Круглолицый, темноволосый.

— А-а-а, так вот почему он такой психованный был! — прищурившись, воскликнул Дирк и хлопнул Гара по плечу.

У Майлза сердце ушло в пятки. Разум его подсказывал: «Беги, тупица!», но он как окаменел и не мог сдвинуться с места.

— Вы его видели? Где?

Бейлиф, казалось, был готов в следующее мгновение сорваться с места. Его подручные тоже приняли боевые стойки.

— Да на развилке. Он за собой здоровенную рыбину на веревке волочил. — Гар брезгливо наморщил нос. — Она,

видать, еще на рассвете сдохла, рыбина эта. Он с нами досюда дотопал и сказал, что в ближайшей деревеньке нам могут продать лошадей. — И он указал на рощицу, из которой они с Дирком вышли. — Да только мы прошли с четверть мили и видим: на выпасе — ни единой лошаденки. Вот мы и вернулись, чтобы отколотить этого мерзавца за то, что он нам так нагло наврал, а его уже и след простыл.

— Не переживайте, мы его за вас отколотим, — мрачно пообещал бейлиф. — Стало быть, в какую сторону он ушел, вы не знаете?

— Нет... но нас он послал на восток, так что сам небось на запад отправился. — И Гар указал вдаль, за поля.

— Скорей всего, — кивнул бейлиф и нахмурился — в той стороне темнел густой лес. — Но как только он ухитрился скрыть свой след от наших собачек, ума не приложу...

— А про рыбу забыли? — напомнил ему Гар. — Наверное, так и волочил ее за собой всю дорогу. Она дохлая, сейчас жарко, и воняет она наверняка почище того, за кем вы гонитесь.

— Да, наверное, — проворчал бейлиф. — Хитрая бестия! Ладно, ребята, поворачивайте на запад! — отдал он распоряжение своим подчиненным. — А вам большое спасибо, солдаты, за ценные сведения.

— Да мы с радостью. А вам спасибо, что подсказали, где лошадей купить. — Дирк поднял было руку, чтобы махнуть ею на прощание, но опомнился и отдал честь, чему выучился днем раньше.

Бейлиф торопливо ответил ему тем же жестом и поспешил за лесничими. Гар и Дирк зашагали на северо-восток.

Майлз облегченно вздохнул и, отвернувшись от стены амбара, прижался к ней спиной. Он ни разу в жизни не слышал, чтобы кто-то так ловко завирал.

Но как же теперь Гар и Дирк вернутся за ним?

Ладно, об этом можно было подумать потом. А сейчас надо было отдышаться после пережитого страха... и уговорить себя сидеть, где велели, и с места не трогаться.

Майлзу почти удалось успокоиться, когда в амбаре послышались голоса.

— Это верно, — сказал Гар. — Погони здесь у них — это дело привычное. Но они просто могут быть обучены тому, как это делается, а не то чтобы набрались опыта на практике.

— Ага, а я так здорово лопотал на Стандарте, потому что учил его по учебнику, — хмыкнул Дирк. — Но, конечно, беглость моей речи могла объясняться и тем, что я на Стандарте всю жизнь треплюсь.

— Ладно, мы лучше у Майлза спросим. — И Гар улыбнулся выпучившему глаза крестьянину. — Давай, Майлз, спускайся. Пожалуй, пока тебе не стоит бояться этого начальства.

— Бейлифа? — ошарашенно переспросил Майлз. — Вы что, правда думаете, что он сюда не вернется?

— Нет, мы так не думаем, — покачал головой Дирк. — Через часок вернется, когда убедится в том, что собаки не могут взять след.

— Скорее всего им дадут понюхать дохлую рыбу, — объяснил Гар. — Но когда окажется, что и от этого толку никакого, бейлиф взбесится, возжаждет крови и вернется. Так что нам пора делать ноги.

Майлз спустился с сеновала, и троица зашагала к зарослям деревьев у речушки.

— Куда мы идем? — спросил Майлз.

— Сначала — к конезаводчику Лэндри, — ответил Гар. — Еще по меньшей мере полчаса бейлиф и его люди будут мотаться по ложному следу, а то — и весь час. За это время мы их успеем обставить на три мили.

— То есть нам хватит времени купить лошадей и смыться до того, как нас догонят, — резюмировал Дирк. — Кстати,

Майлз, разреши наш спор. Эти молодцы так поднаторели в искусстве погони потому, что обучены этому делу, или потому, что им слишком часто приходится этим заниматься?

— Чтобы так уж часто, я бы не сказал, господин, — покачал головой Майлз. — Два-три раза в год, не чаще.

Дирк удивленно глянул на крестьянина. Лицо Гара превратилось в непроницаемую маску.

— Значит, тебе доводилось встречаться с другими, кто бежал от бейлифа?

— Только до того, как они решились бежать, господин, — отвечал Майлз. — Или после того, как они были наказаны за побег. Года не проходит, чтобы какой-нибудь парень не дал деру, а в своей округе я всех знаю, кто на это отваживался.

— Стало быть, убежать не удается?

Майлз сокрушенно покачал головой:

— Из моей деревни никому не удалось. Слыхал я байки про разбойников с большой дороги да про лесные шайки, но сам ни одного разбойника в глаза не видел.

— Но когда знаешь, что на тебя могут напасть такие ребята, сто раз подумаешь — бежать или лучше дома остаться, — насмешливо проговорил Дирк. — А уж как про наказания вспомнишь, так еще сто раз подумаешь.

— Это точно, господин, а чтобы еще какие беглые были, кроме разбойников, — таких не знаю. Но даже разбойников люди окружного шерифа рано или поздно хватают.

Гар нахмурился.

— Видно, тебе уж очень не хотелось жениться на Салине, если ты решился на такой риск, зная, что тебя все равно изловят.

— Не просто изловят, но, надеюсь, казнят, господин, — уточнил Майлз и поежился. — Но только лучше смерть, чем жить и мучиться с женщиной, которая меня ненавидит, а она ведь меня еще сильнее будет ненавидеть за то, что несчастна со мной. Я знаю, меня непременно изловят, если только я не

стану драться насмерть. Всех ловят, всех беглых, про кого я знаю. Стражники или лесничие приводят их обратно. — Он снова поежился. — Не позавидуешь тем, кого наказывают поркой и каторжными работами.

— Но и тогда, когда никуда бежать не собираешься, все равно приходится остерегаться? — спросил Дирк.

— Приходится, — вздохнул Майлз.

— И никто никогда не обижается на бейлифов, на Защитника? — поинтересовался Гар.

— Нет! — поспешно воскликнул Майлз. — Всякий дурак, кому взбредет в голову сболтнуть кому-нибудь, что он зол на Защитника или даже на магистрата или бейлифа, тут же куда-то исчезает, и больше его никто не видит. Старина Джори... словом, он очень любил свою жену, а когда она померла, магистрат ему велел снова жениться. Он даже не сказал, на ком жениться-то, но Джори в тот вечер напился и страшно ругался на всех подряд — на магистратов, на бейлифов, на стражников... говорил, что все они сволочи и ворюги и даже сам Защитник, ну а потом он отрубился, уснул, стало быть. А наутро он исчез. И ни слуху ни духу, как и не было его.

— Ужасно, — широко раскрыв глаза, вымолвил Дирк. — А лет ему сколько было, кстати говоря?

— Да не мальчик он был, господин, — под сорок, не моложе.

— Вашему магистрату, видно, незнакомо такое понятие, как обыкновенная порядочность, — проворчал Дирк.

Майлз пожал плечами.

— Да он небось так рассудил, господин: если его самого Защитник столько раз заставлял жениться, то и он вдовцу может велеть жениться снова.

— Столько раз? — изумился Дирк. — *Заставлял* жениться? Это почему же?

— А потому, что Защитник не разрешает магистрату служить в одном городе или деревне дольше пяти лет, господин, —

ответил Майлз, явно удивленный тем, что ему задали такой вопрос. — Жениться и родить сыновей, которые потом тоже станут магистратами, — это вроде как магистрату по должности полагается, но когда его переводят на службу в другое место, прежней женитьбе конец, и на новом месте он должен жениться на другой женщине.

— Ничего не скажешь, практично, — буркнул Дирк и поежился. — И на какие же средства потом существует бывшая жена?

— Ну, Защитник следит за тем, чтобы у нее и у ее детей была приличная крыша над головой, и одежда, и еда хорошая. Если не сам Защитник об этом заботится, то шериф окружной.

— Да, пожалуй, от такой жизни затоскуешь и начнешь других насильно женить да замуж выдавать, — заключил Гар, — особенно если успел полюбить ту жену, с которой вынужден расстаться.

Конезаводчик Лэндри с превеликой радостью продал им лошадей, хотя Гар и Дирк предложили ему золото не в монетах, а в маленьких слитках. Он, как увидел эти слитки, так глаза вытаращил, а Майлз подтолкнул Дирка локтем и едва заметно покачал головой, давая понять, что платит тот чересчур много. Дирк же в ответ только подмигнул ему и заговорщицки улыбнулся. Майлз пожал плечами и отошел в сторонку, неодобрительно наблюдая за тем, как его спутников беззастенчиво обсчитывают. Потом Гар и Дирк сели верхом на лошадей, а Майлз пошел с ними рядом, чувствуя себя совершенно беспомощным.

Но как только они скрылись с глаз Лэндри, оба придержали коней, и Гар сказал:

— Послушай, Майлз, нам ни за что не обогнать бейлифа, если ты будешь и дальше идти пешком. Давай-ка садись верхом! — И он схватил крестьянина за руку и рывком подбросил на круп коня позади себя. Майлз обхватил Гара за пояс,

глянул вниз, и его замутило от высоты. Земля еще никогда не казалась ему такой твердой.

— А теперь — на поиски убежища, — решительно проговорил Гар. — Скажи, Майлз, есть ли тут поблизости какие-нибудь безлюдные места?

— Вы, видно, точно издалека пришли, господа, — покачал головой Майлз, — если не знаете, что до Пустошей отсюда всего четыре дня пути.

— Ну а на лошадках всего полтора выйдет. Держись покрепче, Майлз, — посоветовал Гар и пустил лошадь трусцой. Майлз прижался к спине Гара. Его качало и трясло, но постепенно страх отступил. Прошло полчаса, и он сам удивился — он начал испытывать удовольствие от езды!

Все эти полчаса Гар с Дирком переговаривались, переходя с беседы о таких обыденных вещах, Майлзу начинало казаться, что его спутники не иначе как люди не совсем нормальные, — к обсуждению таких замысловатых вопросов, что Майлз ни слова не понимал в их разговоре.

— Стало быть, здешнее правительство — не что иное, как диктатура, — заявил Гар. — Только здешний диктатор именуется Защитником.

— Призраки Оливера Кромвеля, — задумчиво пробормотал Дирк.

— Здесь его призрак, похоже, жив-здоров и неплохо себя чувствует. Простонародье угнетено до крайности, но в городах не исключены бунты.

— Думаю, горожане запуганы не меньше крестьян, — возразил Дирк. — Ты уж меня прости за скепсис, но эти «исчезновения», про которые нам поведал Майлз, попахивают работой тайной полиции. Может быть, она тут как-то по-другому называется... Майлз, скажи, а как тут у вас зовут стражников, которые работают тайно — так тайно, что никто и не ведает, кто они на самом деле такие?

— Шпионами Защитника их зовут, господин.

— Вот видишь, как все просто и ясно! Готов поклясться: они тут хватают диссидентов еще до того, как тем в голову придет замыслить какой-то там бунт.

— И все же я не уверен, что им всегда сопутствует успех, — заметил Гар. — Если бы стражники и лесничие действительно рано или поздно вылавливали всех до единого бродяг и разбойников, то не ходили бы среди крестьян слухи про бандитов с большой дороги и шайках, промышляющих по лесам.

— Но в лесах на самом деле трудно кого-либо поймать, это во все времена бывало непросто, — вздохнул Дирк. — Но я тебя понял — так же легко затеряться в лабиринте улиц большого города.

— Вот-вот, большого города, — кивнул Гар и оглянулся. — Велика ли ваша столица, Майлз?

— Столица, господин? — непонимающе нахмурил брови крестьянин.

— Город Защитника, — пояснил Дирк.

— А, Мильтон?

Дирк и Гар переглянулись.

— Секретарь Кромвеля, — хмыкнул Дирк.

— Сказал же я — призрак старины Олли жив-таки и здоров. — Гар снова обернулся к Майлзу. — Ну, так велик ли Мильтон?

— О, это очень большой город, господин! Я слыхал — там пятьдесят тысяч человек живет!

— Да, городок немаленький, — вздохнул Гар. — Надеюсь, не все тамошние жители состоят на правительственной службе... Ладно, пока посмотрим, каковы собой Пустоши.

— Наверняка посимпатичнее Мильтона, — хихикнул Дирк.

Майлз ошарашенно глянул на него, ничегошеньки не поняв.

ГЛАВА 5

Килета и Орогору шагали под пологом листвы, дивясь тому, как высоки деревья.

— Они высотой футов в тридцать, если не больше! — восхищенно вымолвил Орогору, задрав голову. — Но почему все ветки так высоко?

— А потому что внизу солнце не светит, — произнес хрипловатый голос, обладателю которого явно стало забавно, что кто-то задается такими вопросами.

Орогору испуганно опустил голову и, спустившись с небес на землю, обнаружил, что перед ним стоит человек с обветренным лицом. Под мышкой незнакомец небрежно зажал заряженный лук. Килета ахнула и крепко сжала руку Орогору, попыталась спрятаться за его спину. За смуглым лучником стояли еще шестеро мужчин, и все похотливо оглядывали Килету с головы до ног и прищелкивали языками. Килета была не на шутку изумлена — до сих пор на нее никто из парней так не смотрел, но когда догадалась, что на уме у незнакомцев, ее зазнобило от страха.

Одеты были эти люди в самые разнообразные лохмотья, но что заставило Орогору похолодеть до мозга костей, так это то, что на двоих из мужчин красовалась форма стражников, еще на двоих — форма гвардейцев шерифа, а на последних — одежды лесничих. Мужчина с обветренным лицом был одет в штаны и короткую куртку, какие носили бейлифы. Правда, цепи на его груди не было. Заметив, как округлились от ужаса глаза юноши и девушки, он осклабился.

— Да вы не бойтесь, форму мы с них сняли, когда они уже померли — эти приспешники Защитника. В общем, мы тут защищаемся от Защитника, пропусков ни у кого не спрашиваем и никому не указываем — жениться... — он окинул Килету оценивающим взглядом, — или не жениться. — Он кивнул одному из своих напарников, и тот шагнул вперед и

протянул руку к девушке. — Женщин мы видим нечасто, — пояснил главарь, — а эта медведица очень даже хорошенькая.

Килета возмущенно вскрикнула. Разбойник попытался схватить ее за руку, и она, всхлипнув, метнулась за спину Орогору, готовая разрыдаться от ужаса.

Ее голос поразил Орогору, словно вспышка молнии. Он совладал с собственным страхом, величественно поднял руку, уставился на главаря шайки в упор и объявил:

— Прекратите! Я запрещаю вам дотрагиваться до нее!

— Да ну? Неужели? — Разбойник помоложе оскалился и помахал кулаком перед носом Орогору. — А кто ты, спрашивается, такой, чтобы мне чего-то там запрещать?

Орогору был сам не свой от страха, но он устоял на месте — только голову чуть-чуть запрокинул и брезгливо поморщился — так, словно от кулака разбойника противно пахло. Напустив на себя самый царственный вид, на какой только был способен, он произнес повелительным тоном:

— Не смей приближаться к моей высокородной особе! Знай же, что я — принц Приммер, и до меня не смеет дотрагиваться такое отребье, как ты!

— Отребье? Это я — отребье? — в негодовании вскричал разбойник. — Я еще как посмею до тебя дотронуться, парень, и дотронусь очень даже крепко!

Его кулак устремился к лицу Орогору. Удар оказался силен, и юноша с гневным криком повалился на спину. Килета в страхе взвизгнула. Упала на колени, обняла голову Орогору, прижала к груди. У молодого разбойника эта любовная сцена вызвала припадок ревности. Он вновь сжал кулаки и был готов кинуться к парочке, но главарь предостерегающе поднял руку.

— Не тронь их, — произнес он с отвращением. — И она пусть катится подальше вместе с ним. Он, видать, один из этих... ну, и она, стало быть, такая же.

Физиономии остальных разбойников выразили нескрываемую брезгливость, но тот, что ударил Орогору, фыркнул:

— Ну и что, даже если так? Тело-то у нее, как у всех прочих, или нет?

— Это, поди, злые чары, — испуганно пробормотал один из разбойников, и тогда обидчик Орогору тоже брезгливо поморщился.

— Ладно, и правда, пусть себе идут, откуда пришли! — пробурчал он и отвернулся.

— И когда только нам нормальная баба попадется? — ворчливо проговорил второй разбойник и тоже отвернулся от Килеты и Орогору.

— Да какая же нормальная баба забредет так далеко в лес? — урезонил своих подручных главарь и, развернувшись, поспешно зашагал в чащу деревьев. Его люди, не мешкая, последовали за ним. Стоило им уйти буквально на пару шагов, и они исчезли — словно их и не было вовсе.

— Ох... — выдохнула Килета. — Спасибо тебе! Но... как же это ты ухитрился их так напугать, Орогору?

Орогору не ответил. Он смотрел в ту сторону, куда удалились разбойники, и дрожал от переполнявшего его гнева.

— Как они смели назвать меня «одним из этих»?! — Он вскочил на ноги, вне себя от ярости. — Меня, принца Приммера? Как они только смели... — Но тут голос его оборвался. Его озарило. Широко раскрыв глаза, он воскликнул: — Они поняли, кто я такой! Они узнали меня!

— Ты... ты о чем? — запинаясь, спросила Килета.

— «Один из этих» — вот как он сказал! — Орогору обернулся к девушке. — Наверняка он имел в виду других вельмож и принцев, которых они не смеют и пальцем тронуть! Они их видели, они знают о них!

Поняв, о чем он говорит, Килета ахнула.

— Значит... мы совсем близко от них!

— Да, значит, благородные господа и дамы где-то рядом, и Затерянный Город тоже! — Орогору схватил девушку за руку и поспешно увлек за собой в чащу леса. — Они где-то

здесь, совсем рядом! До них наверняка всего несколько часов, Килета! Мы их обязательно найдем!

Майлз никак не мог понять, почему во время первого короткого привала Гар достал из мешка бумагу и чернила и вместо того, чтобы отдыхать, почти все время что-то старательно рисовал. Майлз заглянул ему через плечо, но увидел на листе бумаги не картину, а только черточки, сложенные в фигурки разной формы. Майлз знал, что это буквы. Прочесть написанное он не смог, посему только пожал плечами и не стал отрывать своего спутника от этого непонятного развлечения. Но когда полчаса спустя их остановили двое гвардейцев шерифа и приказали спешиться, Майлз был потрясен до глубины души тем, как повел себя Гар.

— Приветствую вас, собратья гвардейцы! — выкрикнул первый стражник. — Куда направляетесь и зачем?

— Приветствую и вас, — с улыбкой отозвался Гар. — Нас послали в город Мильтон, дружище.

Майлз выпучил глаза. Им овладел неподдельный страх.

Это известие повергло людей шерифа в трепет. Стражник, первым заговоривший с Гаром, осторожно проговорил:

— Прошу прощения, но мы на службе. Мы должны проверить ваш пропуск, друзья.

— Это конечно, — кивнул Дирк, вынул одну из бумаг, приготовленных Гаром, и подал ему. Гар также достал бумагу и отдал стражнику обе.

Взяв бумаги, стражник пробежал их глазами и нахмурился.

— Какие-то они не такие, я таких раньше не видал.

— Это верно, — не стал спорить Гар. — Наш шериф жутко злился, что у него отбирают сразу двоих людей, вот и сказал нам, что хватит с нас и приказов — сойдут, дескать, за пропуска.

— Сойдут-то они сойдут, — согласился стражник, — да только и на приказы ваши бумаги как-то не похожи. Тут ведь даже герба Защитника нету.

— Нету, — кивнул Гар. — Там только подпись и титул того, кто эти бумаги составил. Мне и самому это странным показалось, да только кто я такой, чтоб спорить?

— Мне тоже спорить не приходится, — с внезапной решительностью объявил стражник и отдал Гару бумаги, испытав при этом, похоже, недюжинное облегчение. Затем он глянул на Майлза и спросил:

— А это кто такой?

У Майлза даже сердце перестало биться.

— Про него в третьей бумаге прописано, но писарь, что ее составлял, мне ее прочел и сказал, что его имени там не указано. Дескать, полагается нам слуга, вот и все. Ну а шериф, само собой, еще пуще из-за этого злился, сами понимаете.

— Это мы очень даже понимаем, — осклабился второй гвардеец. — И когда вас в Мильтоне ждут?

— Точного дня не сказали, — ответил ему многозначительной ухмылкой Гар. Затем минут десять стражники и Дирк с Гаром вели непринужденную беседу о том о сем. Майлз, обливаясь холодным потом, слушал их разговоры, отмечая, что Гар и Дирк старались отвечать стражникам предельно уклончиво и туманно, ухитряясь при этом сохранять видимость откровенности и дружелюбия. Однако спустя несколько минут вопросы уже задавали большей частью они, а стражники большей частью на эти вопросы отвечали. Вскоре один из стражников с сожалением вздохнул и сказал:

— Ну ладно, нам пора. Только смотрите, не надеритесь в ближайшем кабачке, пока мы в дозоре, ясно?

— Ясно, — улыбнулся Гар. — Счастливого пути!

— Ничего себе пожеланьице! — хохотнул второй стражник. — Но мне оно по душе. И вам счастливого пути!

С тем они и разъехались, а когда стражники ушли довольно далеко, Гар изрек:

— Забавно, что стражники читать не умеют, правда?

Майлз изумленно глянул на него.

— Ясное дело, не умеют. Грамоте только чиновники обучены, да те, что учатся на чиновников.

— Еще забавнее, — заключил Дирк.

— А вы что, не знали про это? Тогда как же догадались?

— Да так, что стражник ничегошеньки не сказал про то, что было в бумагах написано. Его удивило только то, как они странно выглядят, — объяснил Гар. — А ведь это рискованно — назначать на службу неграмотных. Я ведь запросто мог подсунуть ему чей угодно пропуск, а он бы и не узнал, что там вписано чужое имя.

Майлз выпучил глаза.

— Да как же вы бы смогли разжиться чужим пропуском?

— Думаю, у тех, кто вне закона, на этот счет имеется множество возможностей, — сухо отозвался Дирк.

Майлз понял, что тот имел в виду, и у него гадко засосало под ложечкой.

— Но почему солдат не учат грамоте, Майлз? — спросил Гар.

— Учеба дорого стоит, господин, крестьянину не наскрести. У нас в деревне и школы-то нет, а деревня у нас не маленькая — почитай, почти что город.

— Вот как... — задумчиво проговорил Дирк. — Дорого, стало быть. И даже если у тебя есть денежки на учебу, нужно перебраться в город, где есть школа.

Майлз пожал плечами.

— Учителям тоже как-то жить надо, господин.

— А правительство им не платит ни гроша, — заключил Дирк. — Интересно, а, Гар?

— Захватывающе, — поправил друга великан, лицо которого стало непроницаемым, словно гранит.

Озаренные золотистыми лучами предзакатного солнца, словно по волшебству, встали средь леса башни — круглые, чуть сужающиеся кверху, с ровными стенами, поверхность которых

играла радужными бликами, словно они были выточены из перламутра.

На самом верху, под крышами-пирамидками, чернели окна. Почти до половины высоты башни были увиты плющом, да так плотно, что с первого взгляда их можно было принять за стволы давным-давно умерших деревьев.

— О Орогору! — ахнула Килета и сжала руку юноши.

— Да, — кивнул он и накрыл ее руку своей. — Красиво, правда? Вот он, мой истинный дом! Я всегда знал, что он таков! Ни одно жилище на свете так мне не подходило! Пойдем же скорее! Я мечтаю поскорее увидеть их, этих благородных дам и господ, что должны жить здесь!

Идти скорее по лесной чащобе было трудновато: корни деревьев торчали из земли в самых неожиданных местах, колючие кусты, казалось, старались схватить путников за одежду, но все же Килета и Орогору шагали так быстро, как могли. И вот наконец они раздвинули густые ветки кустов и перед ними возникла грандиозная перламутровая стена. Юноша и девушка остолбенели. Затем, совладав с испугом, пошли дальше, изумленно глядя на стену снизу вверх.

До стены от леса было всего футов шесть, но она была неимоверно высока — футов тридцать, не меньше, а башни были еще выше. В обе стороны стена простиралась на сотню ярдов. Опустив глаза, Килета и Орогору увидели под стеной жухлую траву, высохшие плети плюща и упавшие молодые деревца. Все эти растения пытались пустить здесь корни и взобраться вверх по стене, но странный, с перламутровым блеском материал, из которого была выстроена стена, как бы отталкивал от себя всякую растительность, губил ее.

Орогору, как зачарованный, шагнул к стене, протянул руку...

— О нет, Орогору! — вскричала Килета. — Она может... — И голос девушки сорвался.

— Может убить меня, как убила эти маленькие деревца? — Орогору покачал головой. — Нет, стена просто избавилась от

них, чтобы они ей не причинили вреда. Она слишком гладкая, Килета, чтобы плющ смог взобраться по ней, и уходит слишком глубоко в землю, чтобы растения могли запустить под нее свои корни. Она не тронет меня — я нутром это чувствую, я в этом уверен! — Его рука коснулась стены, и он шумно выдохнул. — Она гладкая, — сообщил он подруге, — теплая и, казалось бы, должна быть мягкой... — он нажал на стену — осторожно, потом сильнее, — но она не мягкая.

Орогору в изумлении поднял голову и посмотрел вверх.

— Но откуда же тогда взялись те лианы, что обвили башни? А-а-а! Понятно!

Килета нерешительно шагнула вперед и тоже взглянула ввысь. На два широких шага в обе стороны от того места, где они стояли, вдоль стены росли только низкие тенелюбивые растеньица вроде клевера, образуя зеленую лужайку. А дальше вздымались высокие деревья, протянувшие толстые ветви к стене и над ней. Свисавший с этих ветвей плющ и обвивал плетями башни. Но плющ взбирался не выше деревьев и касался странного перламутрового камня только на уровне ветвей.

— Ни трещинки, ни выбоинки, — прошептал Орогору. Глаза его сверкали от восторга.

Килета опустила взгляд и увидела, что он ведет ладонью по стене. Она шагнула поближе и последовала примеру юноши. Гладкая поверхность — удивительно гладкая!

— Как хитро тут уложены камни, что ни трещинки не видно! — воскликнула она.

— Если это камни, — уточнил Орогору и, отойдя от стены, запрокинул голову.

Килету охватила дрожь.

— Конечно, камни! Из чего бы еще можно было возвести такую стену!

— Может быть, она выплавлена — знаешь, как наливают расплавленное олово в форму? — Орогору пожал плечами. — А может, ее вырастили из чего-то. Как — этого нам не уз-

нать, Килета. Это волшебная постройка, созданная чародеями, которые первыми спустились со звезд.

У Килеты по спине побежали мурашки.

— Но это просто легенда, выдумка, старушечья сказка!

— Я так не думаю. — Орогору оторвал взгляд от стены и улыбнулся Килете, но она вся съежилась, втянула голову в плечи. Было что-то нехорошее в том, как горели его глаза, что-то болезненное в его волнении. — Нам говорили, что это всего-навсего выдумки, Килета, но ведь нам и про этот город рассказывали, и про другие такие города! Ты сама видишь — это чистая правда. Так давай же поскорее пойдем и узнаем остальную правду!

С этими словами он схватил Килету за руку и зашагал по траве вдоль плавного изгиба стены.

Килета спотыкалась, не в силах поспеть за ним, потом побежала — так быстро шагал Орогору.

— Погоди же, Орогору! О какой правде ты говоришь?

— О самом городе, конечно, о чем же еще? Тут должны быть ворота или дверь — какой-то вход! Разве ты не сгораешь от нетерпения, разве тебе не хочется посмотреть, что там внутри, за стеной?

«Призраки и скелеты», — подумала девушка, но только спросила:

— И что ты станешь делать, если найдешь ворота?

— Ну, постучу, конечно, и потребую, чтобы меня впустили! — воскликнул Орогору. — В конце концов, я имею полное право войти туда! — И он поспешил вперед.

Килете было очень страшно, но она все-таки старалась поспевать за Орогору.

Наконец они нашли то, что искали, — ворота высотой в два человеческих роста, а вернее — проем в стене. Сами же створки рассыпались, превратились в кучку древесной пыли.

— Волшебная стена... а ворота тут были из самого обычного дерева! — выдохнул Орогору. Сверкая глазами, он за-

глянул в проем. — Смотри, Килета! Постройки внутри из простого камня! Там видны и трещины между камнями!

Килета, превозмогая страх, тоже заглянула за стену. Верно, там стояли каменные постройки, но камни, слагавшие их, были вытесаны изумительно ровно. Здания были еще выше стен, и каждое из них по размеру равнялось целой деревне. Темнели огромные двери, чернели пустые глазницы окон. Кое-где вдоль фасадов стояли колонны, на которых покоились нависавшие козырьки крыш, другие здания венчали красивые купола, поддерживаемые... силой волшебства?

Килета поежилась от страха и благоговения.

— Я собирался назвать себя и потребовать, чтобы меня впустили, — нерешительно проговорил Орогору. — Но ворот нет, и никто не преградил мне дорогу.

— Значит, ты можешь войти, когда пожелаешь, — прошептала Килета. Она вся дрожала. — О Орогору, я боюсь! Мне страшно идти туда!

Орогору сжал ее руку и нежно, ободряюще погладил.

— Так или иначе мне пришлось бы идти туда одному, Килета. Я из их рода, но не ты. Но прошу тебя, подожди меня. Мне хотелось бы вернуться и рассказать тебе, как там чудесно.

— Конечно, я подожду тебя, — пообещала ему Килета. Она готова была расплакаться, слезы комом стояли в горле. На миг растерявшись, она встала на цыпочки и поцеловала Орогору в щеку. — Иди. Удачи тебе!

У Орогору закружилась голова, но он тут же повернулся к воротам и с часто бьющимся сердцем шагнул в проем.

Один раз остановились перекусить, каждые два часа спешивались, чтобы размять затекшие ноги, — вот так Майлз, Гар и Дирк ехали весь день, и ноги у Майлза чем дальше, тем все нестерпимее ныли. И как только кавалеристы терпят такую муку изо дня в день?

Ближе к вечеру троице встретился очередной патруль. На этот раз гвардеец ни слова не сказал о том, что «пропуск» выписан не по форме. Он только пробежал бумагу глазами и спросил:

— Гар Пайк? Тебя и вправду так звать?

Гар изумленно уставился на стражника, но быстро совладал с собой и ответил:

— Мои родители были большие шутники*.

— А в остальном все в полном порядке, — заключил стражник, — хотя было бы неплохо, если бы этот «Джонатан Эскв, писарь» приписал бы, для кого это писано.

— Ты читать умеешь? — изумился Дирк.

— Уметь-то умею, — с горечью вымолвил стражник. — Наскребли мои родители деньжат, отдали меня в школу. Да толку-то что?

— Наверное, они были люди зажиточные, — предположил Гар.

— Да нет, простые крестьяне, друг, такие же, как ты да я. Но магистрат сказал, что я, дескать, не без способностей, и надо, стало быть, послать меня учиться в школу в главный город округа — и что из этого вышло, спрашивается? Я провалился на испытании! Ну, правда, меня простили, так я думаю.

— Провалился? — непонимающе сдвинул брови Гар. — Странно... если ты, как ты сказал, не без способностей и столько лет проучился в школе. Что же стряслось?

Майлз изумленно глянул на него. Не мог же он не понимать, что задает крайне болезненный вопрос! Как же Гар мог быть настолько груб!

Но оказалось, что стражник совсем не прочь потолковать на эту тему. Правда, губы его скривились в горькой усмешке.

— О, — сказал он, — законы я знал хорошо, и в первый день испытаний получил отличные отметки, но на следующий

* Pike (*англ.*) — пика, копье.

день было письменное испытание. Я неплохо объяснил, зачем нужна государственная служба, почему крестьянам не полагается иметь оружия, но судьям не понравилось, как я объяснил, зачем нам нужен Защитник. Странно... — пожал он плечами. — Я ведь написал все в точности так, как в книжках написано, только одну мысль добавил от себя.

Гар снова нахмурился и покачал головой.

— И правда, странно. Что же это была за мысль такая?

— Ну... — протянул стражник. — Я написал, что Защитник нам нужен для того, чтобы защищать нас от королей и вельмож, которые легко могут поддаться жажде наживы из-за того, что титулы и власть получают по наследству, а не зарабатывают, и потому не знают, каким трудом они достаются.

— Неплохо изложил, — отметил Гар. — Но ни слова не сказал о том, зачем вообще нужен глава государства.

— Да? — Стражник сурово нахмурился. — И зачем же?

— Ну, за тем, что если у государства не будет главы, все управление ляжет на плечи магистратов, но те, что выше их, будут только спорить и языком трепать, да так и не смогут ничего решить, и в конце концов это им так надоест, что они возьмут да прикажут своим войскам выступить друг против друга, а когда их люди начнут гибнуть без счета, придется пополнять армию крестьянами, те тоже будут погибать, пока не останется никого, кто работал бы на полях и собирал урожай. И тогда наступит голод, и считанные уцелевшие крестьяне, обезумев от голода, станут нападать на солдат. И те и другие падут на поле боя — и тогда конец всему.

Стражник поежился.

— Вы рисуете страшную картину, господин, но может быть, вы и правы. Но если я вас правильно понял, выходит, что правительство без главы — это вообще не правительство.

Майлз вздрогнул. Стражник назвал Гара «господином»!

— Ты меня правильно понял, — подтвердил Гар. — Но мне бы не хотелось своими глазами увидеть, что бы из этого получилось.

— Да никому бы такого не захотелось! Но скажите, почему вы и ваш бейлиф нарядились гвардейцами шерифа, а ваш писарь — крестьянином? Вы ведь наверняка магистрат, если столько всякого знаете!

— Пока нет, — заверил его Гар. — Учился кое-чему в свободное время, а испытаний не держал. Собирался, честно говоря, да и хозяин мой меня уговаривал, да вот видишь, как вышло — как раз за неделю до того, как я должен был отправиться на испытания, приказ этот пришел.

Стражник отвернулся, покачал головой, беззвучно зашевелил губами. Майлз понял, что он стесняется громко выругаться и сочувствует Гару. Когда же стражник обернулся, лицо его было мрачно.

— Наверное, вы сильно расстроились, господин.

— Да не то чтобы так уж сильно, — добродушно улыбнулся Гар. — В Мильтоне тоже можно выдержать испытания.

Стражник вытаращил глаза и расхохотался. Отсмеявшись, он кивнул и отер с глаз слезы.

— О да, там полным-полно пунктов по приему испытаний, это верно. Да только... вот будет чудо, если вы выдержите испытания с первого раза! — Неожиданно он посерьезнел. — Не надеетесь же вы, что ваш хозяин сообщил министру о том, как вы старательно занимались и что в Мильтон он вас отправил затем, чтобы вы получили новое назначение сразу же после того, как выдержите испытание?

— А неплохо было бы, — мечтательно проговорил Гар. — Но вряд ли стоит надеяться, что так оно и выйдет. И все же, друг, если бы мне это удалось, то удалось бы и тебе — так я думаю. Надо попытаться еще раз, и еще, пока в конце концов не добьешься успеха.

— И верно — не могут же мне запретить держать испытания! — озарило стражника. — А еще... может ведь явиться переодетый инспектор... переговорит с тем, с другим, потом потребует, чтобы ему показали отчеты об испытаниях, и если

проведает, что был человек, пришедший на испытания, а ему отказали, так он же самому Защитнику про это доложит, а когда Защитник узнает, он просто в ярость придет! Вот спасибо вам, господин! Есть у меня еще надежда, правда?

— Еще какая, — подтвердил Гар. — Так что садись снова за книжки! Учиться, учиться и учиться!

— Непременно! А вы, господин, поезжайте, и удачи вам!

— И тебе, — ответил Гар и щелкнул поводьями.

Как только они отъехали подальше, Майлз вздохнул с искренним облегчением.

— На этот раз обмануть было довольно просто, Майлз, — признался Гар. — Все пошло как по маслу, как только он проболтался насчет испытаний и принял меня за магистрата из-за того, что я такой, по его понятиям, умный и запросто мог бы выдержать испытания.

— Это точно! — воскликнул Майлз. — Так вы, стало быть, наудачу все ему говорили? А получилось, будто бы и вправду все знаете!

— А я действительно почти не врал — разве только насчет моего воображаемого хозяина. Про все остальное было легко догадаться. И потом — я подарил ему надежду.

— От надежды от этой проку мало, не сбыться ей, — печально покачал головой Майлз. — Если только ты не семи пядей во лбу, магистраты ни за какие коврижки не дадут тебе выдержать испытания — ведь тогда кто-то из их сынков лишится тепленького местечка.

Дирк изумленно глянул на Майлза.

— Это правда?

Майлз пожал плечами.

— Это все знают, господин.

— Но ведь это могут быть всего лишь слухи, которые распускают те немногие, кому не удалось выдержать испытаний.

— Либо слухи, либо все на самом деле так и есть, — возразил Дирк. — Кумовство налицо. Разве это первый слу-

чай в истории, когда государственные служащие пекутся о том, чтобы на ответственных постах их сменили сыночки?

— В разумных пределах желание людей проявлять заботу о собственных отпрысках похвально, — заспорил с другом Гар. — Беда в том, что эта забота очень легко выходит за эти самые пределы. — Он обернулся к Майлзу. — Итак, вами правит Защитник, который издает все законы и приказывает своим министрам следить за их исполнением. Каждый министр затем отдает приказы шерифам, а каждый из них, в свою очередь, командует сотней магистратов.

— Все правильно, господин.

Но зачем Гару понадобилось повторять прописные истины?

— А у каждого магистрата — отряд солдат, только он их зовет «стражниками» и «лесничими», и командует ими бейлиф.

— Да пожалуй, что можно их и солдатами назвать, — медленно проговорил Майлз. — Хотя мы-то солдатами только гвардейцев шерифа считаем, ну и еще тех, кто в войске Защитника служит, само собой.

— Значит, у него есть свое войско? А ни у кого из министров нет?

— Нет, господин, хотя каждый из них может созвать в случае чего своих шерифов и ихних стражников.

— Но созови он их, войско Защитника их бы разбило наголову, — понимающе кивнул Гар. — А чем они обычно занимаются, эти солдаты Защитника?

— Он их отправляет истреблять воров и разбойников, господин, если их где-то разведется так много, что шерифу самому не справиться.

— Вполне достаточно для того, чтобы они более или менее сохраняли боевую форму, а также для того, чтобы они не слишком долго отсутствовали, — сделал вывод Дирк. — Ясное дело, никто из министров не дерзнет сказать хоть слово поперек.

Майлз от этих слов выпучил глаза. Это же надо было до такого додуматься — предположить, что кому-то взбредет в голову тягаться с Защитником!

— Стало быть, служба на государственном поприще начинается с должности магистрата...

Майлз прервал Дирка:

— С вашего позволения, господин, после первого испытания становятся писарями. Многие так никогда выше этой должности и не поднимаются. Всю жизнь мотаются за магистратами из города в город.

— Привыкают, да? — Дирк прищурился. — И жен менять им не приходится. Готов об заклад побиться: большинство из них и не пытаются выдержать нового испытания.

— Но если кто-то его выдержит, то станет магистратом? — спросил Гар.

— Да, господин, а после третьего испытания — шерифом, но сначала надо хорошенько потрудиться простым магистратом — только тогда тебе предложат держать третье испытание.

— Система разработана так, что оперирует исключительно оценкой знаний и достоинств, — задумчиво проговорил Гар. — И с виду возможности равны для всех, кто выдержит испытания... но сынки чиновников всегда обучены лучше, и потому наверняка получают высшие оценки.

— И что гораздо важнее, — добавил Дирк, — экзаменаторы этих сынков почти наверняка хорошо знают или знакомы с приятелями их папаш. Вот этих и пропускают, а тех, у кого блата нет, заваливают.

— Ты судишь по земной истории, — возразил Гар. — Но вынужден согласиться: методология коррупции большей частью действительно была разработана на Древней Земле. На практике это выглядит так: система допускает приток новой крови только тогда, когда часть старой иссякает.

— Позволю себе предположить, что отыщется горстка крестьян, которые были бы готовы поспособствовать тому, чтобы она иссякла.

Майлз в который раз был потрясен до глубины души. Неужели эти двое так и будут все время вести подстрекательские речи?

Но не только потрясение владело Майлзом. Разговоры Гара и Дирка заставили его задуматься...

ГЛАВА 6

Орогору, крадучись, продвигался по заросшим травой проходам между домами, то и дело оглядывался и восхищался тем, как сверкали в лучах закатного солнца камни, из которых были сложены стены построек — одни белые, другие — голубоватые, некоторые — розовые, но большей частью — серые. Там, где крыши были невысоки, на них выросли трава и деревца, причем местами так густо, что наверняка растения облюбовали эти крыши лет сто назад, если не раньше. Время от времени Орогору приходилось обходить обломки рухнувших зданий, лежавшие поперек дороги — широкой, настоящей дороги посреди города! Но обрушившихся зданий было немного. В основном они сохранились, стояли гордые, неприкосновенные.

Было здесь что-то необычное, неземное, дикое и волшебное. Ведь этот город наверняка строили сотни людей, а теперь не было ни души. Пока Орогору не встретилось ни единого живого существа крупнее лисицы. Время от времени он кричал:

— Эй! Я Орогору, принц Приммер! Неужели никто не выйдет поприветствовать меня?

Он знал, что примерно так должны были бы требовать к себе внимания особы королевской крови, но, увы, никто ему не отвечал.

Миновало несколько часов, и Орогору стало не по себе. Сгущались сумерки, и на душе у юноши стало тоскливо. Он насобирал щепок покрупнее и решил было сложить костер прямо

рядом со стеной, но потом подумал, что дым закоптит камни. Он собрал щепки и, обойдя вокруг дома, нашел место, где стена загораживала его от ветра. Там он сложил щепки на землю в нескольких футах от стены, достал кремень и огниво и разжег огонь. Глядя на пламя, Орогору немного приободрился, тем более что оно приятно согревало его — с приближением ночи становилось все холоднее. Орогору уселся, подвернув ноги под себя, и уставился на огонь. На душе у него было печально и одиноко. Значит, здесь не было никаких блестящих дам и кавалеров! Но если их не было здесь, то где же они? Он ведь знал, что он — один из них! И откуда тогда исходили те звуки, что слышал дровосек?

Призраки...

Орогору зябко поежился и огляделся по сторонам, ощущая, как надвигается страх. Он уговаривал себя, старался внушить себе, что призраки, которые смеются и играют на музыкальных инструментах, не могут причинить никому зла, но внушение действовало слабо.

И вдруг из темноты возникла маленькая серая фигурка и потянулась к нему. У Орогору чуть сердце из груди не выскочило. Призраки...

Но вот фигурку озарил свет костра. Она пробежала мимо, и Орогору проводил ее взглядом. Всего-навсего кролик! При виде зверька юноша ощутил, как сильно проголодался. Пальцы его сомкнулись, сжав первый попавшийся камень... но он никогда в жизни не убивал зверей и с отвращением отбросил камень в сторону. Чтобы принц охотился на кроликов? Поедал слабых и беззащитных? Никогда! Убить медведя — может быть, волка — определенно, но такого маленького, безвредного зверька — ни за что. Орогору следил взглядом за удаляющимся в ночную тьму кроликом, а собственный желудок распекал его на все лады. Орогору понимал: какой-то еды ему все равно нужно раздобыть. Он с тяжким вздохом поднялся и отправился на поиски пропитания. Пошарив по углам, куда за годы

ветром нанесло земли, он нащупал листья знакомых растений, разрыл землю, выкопал коренья и клубни. Набрав пару пригоршней, отнес коренья к костру, нанизал на тонкую щепку и положил на угли, а те, что можно было есть сырыми, отобрал. Хрустя дикой морковью, Орогору с тоской думал о том, что вряд ли принцу гоже вот так ковыряться в земле в поисках пищи, но что он мог поделать? Ведь даже принцы должны есть. Орогору помнил древнее сказание о короле, который прятался от врагов в крестьянской хижине из-за того, что только что проиграл сражение. Воображение юноши тут же нарисовало захватывающую развязку этой истории: король откинул капюшон, сбросил плащ лесничего и предстал во всей красе и величии — в парчовой мантии, отделанной горностаем...

И снова что-то шевельнулось во тьме...

Орогору дернулся, обернулся, выронил морковку. Сердце его отчаянно колотилось.

Они появились из арки между кучами обрушившихся камней — высокие и стройные, грациозные и статные, в одеждах из дорогих тканей — парчи и муара, шелка и батиста. Темно-синие, серебристые, изумрудные платья были украшены рубинами, аметистами и золотом, на головах прекрасных незнакомцев и незнакомок сверкали короны и тиары. Между тем одежды отличались изяществом покроя, в них не было ничего лишнего — так и подобает одеваться особам благородного происхождения. Впереди десятка дам и господ шествовал высокий мужчина с гордой осанкой в герцогской короне. Орогору не верил своим глазам, он не мог представить, что этому наконец суждено было случиться, что он слышит долгожданные слова:

— Добро пожаловать, высокородный юноша. Добро пожаловать, благородный господин. Я — герцог Дарамбэй. Не будешь ли ты любезен назвать нам свое имя и титул?

— Ну, теперь видите? Вот как полезно иметь длинные волосы! — Дирк пригладил фальшивые усы Майлза и отсту-

пил, чтобы полюбоваться делом своих рук. — Не будь у тебя таких патл, мы бы ни за что не смогли снабдить тебя такими роскошными усищами!

— Искусно сработано, — кивнул Гар. — Теперь с такими усами тебя вряд ли кто признает, особенно если учесть, что раньше ты гулял с волосами до плеч. Даже если ваш магистрат разошлет гонцов по всем близлежащим деревням с описанием твоей внешности, на тебя никто и внимания не обратит.

— А одежка? — возразил Майлз.

Гар кашлянул в кулак, а Дирк тактично объяснил:

— Не хотелось бы напоминать тебе об этом, Майлз, но вынужден заметить: твоя рубаха и штаны не представляют собой уникальных образцов.

Майлз непонимающе нахмурился и спросил у Гара:

— Это он о чем?

— Это он о том, что все мужчины твоего возраста одеваются примерно одинаково, — ответил Гар. — Боюсь, в тебе и правда нет ничего такого особенного, Майлз.

— А-а-а... — Майлз оглядел себя с головы до ног, искренне изумленный тем, что прежде такая мысль ему в голову не приходила. — Ну, так это же здорово, правда?

— Еще бы! — усмехнулся Дирк и сел верхом на свою лошадь. — Давай, Майлз, садись позади меня. Теперь можно и в город въезжать.

Майлз ухватился за протянутую руку Дирка и вспрыгнул на круп лошади. Он все еще немного побаивался ездить верхом. Не то чтобы он боялся лошадей — нет, ему приходилось кормить и чистить рабочих лошадей почти всю жизнь. Он даже порой ездил на них верхом — тайком, когда магистрат не видел. Но кавалерийские лошади были совсем другими — они были гораздо выше тех, что в деревнях впрягали в плуг. Дирк прищелкнул языком, и Майлз крепко обхватил его за пояс.

— Лучше бы нам объехать город стороной, — дрожащим голосом проговорил он.

— Лучше-то оно, может, и лучше, да только если мы так сделали, это было бы все равно что взять в руки флаг, на котором черным по белому было бы написано: «Нам есть, что скрывать!» — отметил Дирк. — А как раз это нам и надо скрыть.

Городок больше был похож на деревню: с полдесятка улиц по обе стороны от проезжей дороги, невысокая ратуша, полдюжины лавчонок, гостиница. Заслышав стук копыт, люди оборачивались, но тут же отводили взгляд.

Дирк нахмурился.

— Чего они боятся?

— Нас, — ответил Майлз. — Вернее — вас.

Ему в очередной раз пришлось побороть удивление — как эти двое неглупых людей ничегошеньки не соображают в самых обыденных вещах?

— Это из-за того, что на нас — солдатская форма? Ага... глядите-ка — начальство. Осторожно.

Из ворот здания суда вышел мужчина в балахоне до бедер и поднял вверх трость. Майлз понадеялся, что это был знак приветствия. Жители деревеньки, завидев его, поспешно расходились, пугливо уступая дорогу.

— Бейлиф... — прошептал Майлз.

— Привет вам, гвардейцы! — воскликнул бейлиф. Маленькие глазки, круглая физиономия. Вот только круглой она явно стала на почве стараний ее обладателя. Правда, на взгляд Дирка, здешний бейлиф был не то чтобы толстяком, а скорее — здоровяком.

— Привет и тебе, бейлиф, — отозвался Дирк и опустил поводья. — Надеюсь, тут у вас все тихо-мирно?

— Так и есть, гвардейцы. — И бейлиф протянул руку. — Однако вам известны законы Защитника. Я должен взглянуть на ваши пропуска.

— Ясное дело, — кивнул Дирк и подал бейлифу бумагу. Гар последовал его примеру.

Бейлиф нахмурился и перевел взгляд с одного на другого.

— Не по форме, — заметил он недовольно.

— Не наше дело интересоваться — по форме или нет, — ответил Дирк, а Гар только изобразил довольно-таки зловещую полуулыбку.

— Я тебе по секрету скажу: наверное, наш шериф жутко злился из-за того, что теряет сразу двоих людей.

— Это понятно, и думаю, все будет в порядке, — кивнул бейлиф, но когда оторвал свои маленькие глазки от бумаг, они неприятно сверкнули. — Только я все-таки отнесу ваши пропуска нашему магистрату. — И он махнул рукой в сторону двухэтажного здания, стоявшего в сотне ярдов от ратуши. — А вы пока перекусите в нашем кабачке, господа. Попотчуют вас там за счет Защитника. Пока вы кушать будете, магистрат как раз ваши бумаги поглядеть успеет. А быстрее не получится — он сейчас над книгами сидит, какой-то заковыристый закон разбирает.

— Да уж, не повезло так не повезло, — сочувственно проговорил Гар.

Бейлиф резко глянул на него. Юмора он явно не понял — видимо, и помыслить не мог, что на такую тему вообще можно шутить.

— Нет-нет, кабачок у нас очень даже приличный, господа, и гостиница хорошая. Отдохните пока. — Бейлиф развернулся и зашагал к ратуше, но вдруг его внимание привлекли две женщины, стоявшие посреди улицы и болтавшие друг с дружкой. Бейлиф остановился, угрюмо сдвинул брови и, изменив направление, тронулся к деревенским сплетницам.

— Это что еще такое? Вы что же это делаете? Солнце еще высоко, а они тут языками молотят! А ну-ка, живо по домам, да принимайтесь за работу!

Женщины, не мешкая, поспешили прочь, пугливо опустив головы.

Гар нахмурился.

— А пожалуй, пообедать в кабачке будет очень даже недурно, что скажешь? — спросил Дирк не без намека.

— Несомненно, — кивнул Гар и, ударив лошадь каблуками в бока, направил к гостинице. Однако он не спускал глаз с бейлифа, торопливо шагавшего к ратуше.

Вскоре они нагнали одну из женщин, получивших от бейлифа выговор за болтовню. К ней подошел мужчина и злобно выкрикнул:

— Говорил я тебе: не сплетничай средь бела дня там, где тебя бейлиф может увидеть!

— А он в это время с приезжими разбирался, — огрызнулась женщина. — Будь ты муж как муж, так ты бы подошел к нему, да спросил бы о чем-нибудь, мы бы тогда хоть распрощаться успели!

— Вот как? А если бы ты была хорошей женой, то не стала бы меня позорить, навлекая на себя гнев бейлифа!

Гар с каменным лицом проехал мимо.

— А чего ты мне только не сулил, когда я за тебя выходила! — разорялась другая женщина, вышедшая из лавчонки вместе с дородным мужчиной. — Собирался грамоте выучиться! В бейлифы метил, не меньше! А то — и в магистраты!

— Да когда мне было грамоте учиться? — рявкнул мужчина. — С тех пор как я на тебе женился, я только и делал, что плясал возле тебя, как только ты в очередной раз брюхатела!

— Так я теперь и в том виновата, что родила тебе детей, да?!

— И что же, все ваши семейные пары вот так базарят? — поинтересовался Дирк, когда они проехали мимо скандалящих супругов.

Майлз пожал плечами.

— Большинство, господин.

— А чего тут еще ждать, если жениться приходится на той женщине, на которую судья пальцем укажет? — хмыкнул Гар.

Дирк это замечание друга пропустил мимо ушей и спросил Майлза:

— А как насчет супружеской неверности? Небось полным-полно случаев, когда кто-то приударит за чужой женой или чужого мужа соблазнит?

— О нет, нет, господин! — в ужасе воскликнул Майлз.

— Удивительно, — покачал головой Гар.

— Так ведь за это как наказывают-то, господин!

— И как же?

— Отрубают кое-что.

— Что именно? — спросил Гар, но тут же поспешно поднял руку. — Нет-нет, не отвечай. Пожалуй, мне это не интересно. То же самое, как я догадываюсь, ожидает и неженатых?

— Нет — если только они потом поженятся, — успокоил Гара Майлз.

— Восхитительно, — кисло буркнул Дирк. — Получается, что девице только и нужно — заманить мужика в постель, и он обязан будет на ней жениться, а потом они всю оставшуюся жизнь будут друг дружку ненавидеть и колотить. Ну, или наоборот: хочет, скажем, какой-нибудь малый жениться на приглянувшейся девушке — так тоже все просто: поит ее допьяна и затаскивает в кровать. Тогда им всенепременно придется пожениться, и они тоже будут потом друг дружку всю жизнь мучить. Вот система — просто восторг!

— Не знаю, не знаю... — сокрушенно покачал головой Гар. — Не исключено, что столь же часто бранятся и те, кто избирает себе супругов по любви.

Майлз в искреннем изумлении глянул на него. Чтобы люди могли сами себе избирать супругов? Да еще по любви? Да, изредка так случалось, что магистрат велел пожениться возлюбленной паре, но только изредка.

— Да, говорят ведь, что, когда женишься или замуж выходишь, покупаешь вроде как поросенка в мешке, — провор-

чал Дирк. — А кого купил — тощего доходягу или чемпиона породы, узнаешь только тогда, когда домой придешь да мешок развяжешь.

— И я слыхал такие разговоры, — задумчиво проговорил Гар. — Слышал, как некоторые делились опытом — дескать, на ком женился, понимаешь только после свадьбы, когда супругам уже не надо друг перед другом выпендриваться, производить хорошее впечатление, притворяться. Думаю, наверняка это происходит сразу же после медового месяца.

— А я слыхал, что такое может произойти и прямо в первую брачную ночь, — сказал Дирк и покачал головой. — Да-а... Если такова семейная жизнь, лучше уж я всю жизнь проживу холостым!

Майлз пристально посмотрел на Дирка — ошарашенный, зачарованный. Вот это мысль так мысль — вообще не жениться!

Они привязали лошадей и вошли в кабачок. Тут было темновато после освещенной ярким солнцем улицы. Гар и Дирк немного постояли, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Майлза обволокли приятные ароматы, он вожделенно принюхивался. Пахло соломой, вощеным деревом, элем и... о божественный запах жареной свинины! Неплохо они жили, эти гвардейцы, если каждый день ели мясо! Бывал Майлз и раньше в кабачках, но только тогда, когда дела приводили его в окружной город, а было такое всего четыре раза в жизни. И обо всех этих посещениях Майлз потом вспоминал, как о сказочных чудесах.

— Чего изволите, господа гвардейцы?

Майлз вздрогнул. Кабатчик оказался ростом выше Дирка, с едва наметившимся животиком. Его большую лысину окружал венчик соломенно-желтых волос. Он вытирал руки фартуком.

— Эля и мяса, почтенный, — распорядился Дирк, — и столик у окошка.

Кабатчик кивнул:

— Сейчас-сейчас, я вам мигом принесу по кружечке, господа стражники! — И он махнул рукой в сторону зала. — Выбирайте себе стол, какой вам больше понравится. — Затем он повернулся к кухне и крикнул: — У нас гости, дорогуша! Приготовь мяса господам гвардейцам и их слуге!

— Сию минутку, любимый! — проворковал из кухни женский голосок. — Вот-вот подрумянится!

— Рот закрой, — посоветовал другу Гар.

— Что-что? Ой! — Дирк смутился, покраснел и отвернулся. — Извини. Просто... Уж как-то непривычно было услышать такие словечки, как «дорогуша» и «любимый», после тех скандалов на улице.

Занятыми оказались только два столика. Выбирать было из чего, но почему Гар и Дирк выбрали самый дальний столик от двери? Верно, он стоял у окна, но почему они уселись не лицом к стене? Мало того: усевшись, они продолжали разговаривать как ни в чем не бывало — вроде бы и не задумывались над тем, что делают. Вот уж поистине странно!

Вскоре появился кабатчик с подносом, на котором стояли три кружки.

— Ваш эль, господа стражники! Прошу прощения, сварен давненько, но окружной магистрат не прислал мне пока свежего ячменя и хмеля. Урожай, оно конечно, в прошлом году был плоховатый, но писарь магистратов говорит, что, того и гляди, подошлют и ячменя и хмеля, прямо на днях. А насчет мяса — это женушка моя сию минуточку...

— Ваше мясо, господа стражники! Посторонись, муженек!

Кабатчик поспешно отошел в сторону, взял с подноса, который держала жена, тарелки, и расставил их на столе. Обернувшись, он чмокнул супругу в щеку, развернулся и поспешил к двери — в кабачок вошли еще двое посетителей.

Дирк изумленно вытаращил глаза, а Гар сказал:

— Вы, похоже, счастливы в супружестве, почтенная?

— Это верно, господин, — слегка зардевшись, отвечала пухлая кабатчица, весьма недурная собой, невзирая на возраст — ей явно было за сорок. — Мы уж двадцать семь годков как женаты, и все это время он был мне хорошим мужем, спасибо судьбе, что так распорядилась.

— Наверное, вы просто хорошая пара. Вы, видно, его тоже любите.

— А как же мне его не любить, когда он такой нежный и пылкий? — смущенно потупилась кабатчица.

— Не много мне встречалось супружеских пар, чтобы были так счастливы, как вы, — заметил Дирк. — А если совсем честно — ни одной.

— Странно... — покачала головой кабатчица. — Мы ведь люди простые совсем. Правда, как послушаю, как другие маются, понимаю, как нам повезло.

— И как же это у вас вышло? — полюбопытствовал Гар.

Жена кабатчика пожала плечами.

— Да просто старались мы во всем друг дружке угождать, добрый господин, только это было и нетрудно вовсе. Мне повезло: я полюбила мужчину, которого для меня выбрал шериф, да еще и в том повезло, что и он меня полюбил.

— А может, и шериф знал про это, и потому сделал такой правильный выбор? — предположил Дирк.

— Нет, такого быть не могло. Мы нашего шерифа не так-то уж и часто видим, только по праздникам. Он нас осматривает в семь лет, а потом — в четырнадцать, чтобы удостовериться, значит, что мы здоровы, что не голодаем, а писарь шерифов все в своих книгах помечает. А тот шериф, что нам повелел жениться, уж четвертый по счету был на нашей памяти.

Дирк поежился. «Чему он дивится? — подумал Майлз. — Неужели он не знает про эти обряды?» Таков был закон.

— Но все равно знает все-все про всякого, кто у него в округе живет, — продолжала кабатчица. — И нас он друг за

друга правильно выдал, спасибо ему, а уж нам-то как повезло! А вот я вам еще хлебца принесла, господа стражники. Кушайте на здоровье.

— Спасибо, — поблагодарил женщину Гар и взял из ее рук каравай черного хлеба.

— О, я ведь так люблю смотреть, когда кому нравится моя стряпня! — призналась кабатчица. — Если что еще надо будет — позовите.

Она развернулась и ушла в кухню.

— Вот два очень удачливых человека, — задумчиво проговорил Гар, провожая женщину взглядом.

— И ты считаешь, что тут дело всего-навсего в удаче? — прищурился Дирк. — Но наверняка дело может быть и в прозорливости шерифа, и в дотошном ведении записей.

— Но почему же тогда столь многие несчастны в супружестве? — Гар устремил взгляд на стол и пожал плечами. — Сеть вероятности порой приносит со дна затонувшее сокровище. И если некоторые браки совершенно несчастны, на их долю приходится ровно столько же заключенных на небесах.

— Но большая часть браков представляет собой различной концентрации смеси плохого с хорошим? Да, пожалуй, что так, — согласился Дирк. — Надеюсь, мне повезет, и я заполучу ту смесь, в которой хорошего будет побольше. — Его лицо неожиданно помрачнело. — По-другому я жениться не собираюсь.

— А ведь это ты сказал, что мы можем только гадать на этот счет! — печально улыбнувшись, проговорил Гар.

Дирк пожал плечами.

— Знаешь, когда двое по уши влюблены, начинается всегда волшебно, но только тогда, когда и он и она честны друг с другом до конца.

— И даже тогда это рискованная игра, — возразил Гар.

— Знаю, но по крайней мере козырей больше. Нет, ни на что иное, кроме как взаимная влюбленность по уши, я не согласен.

Майлз во все уши слушал их разговор и решил, что Дирк никогда в жизни не женится, но мысль о том, что кто-то способен рассуждать о том, что может сам выбрать себе супругу, пугала Майлза. Неужели он странствует с парочкой умалишенных?

— Итак, их счастливый брак — всего-навсего везение, — подытожил Гар.

— Ты не совсем прав. Тут не обошлось без обоюдных стараний, — поправил друга Дирк. — Ты же слышал ее рассказ: они оба изо всех сил старались угодить друг дружке.

— Они — добрые люди, — смущенно пробормотал Майлз, сам напугавшись того, что дерзнул вмешаться в беседу.

Дирк кивнул:

— Да. Бывает, это помогает. И все же больше тут удачи — или милости провидения.

Гар нахмурился. Взгляд его неожиданно стал острым.

— Послушай, а ведь о провидении ни он, ни она и словом не обмолвились, верно? Ни о святых, ни о Боге...

Майлз гадал — что значат эти незнакомые ему слова.

— Нет... — задумчиво протянул Дирк. — Вот ты сказал об этом, и я вспомнил, что мы здесь пока не видели ничего, хотя бы отдаленно напоминающего церковь. — Он обернулся к Майлзу. — Не видели, верно?

Майлз, не мигая, уставился на него.

— А что такое «церковь»? — растерянно спросил он.

ГЛАВА 7

— Так я и думал, — кивнул Дирк и знаком подозвал кабатчика. У того на каждом пальце висело по кружке с элем, но он ухитрился заметить, что его зовут, и, как только разнес эль, вернулся к «стражникам».

— Чего изволите, господа стражники? — поинтересовался он, вытирая руки о фартук.

— Сердца наши нуждаются в утешении, хозяин, — сообщил Дирк. — Где и когда мы могли бы попасть на службу?

Кабатчик неподдельно удивился, но ответил:

— Вот тут вам повезло, господин! Завтра вечером магистрат читает лекцию по философии. Он напомнит всем, в чем их обязанности перед государством, и государства — перед народом. Эта лекция продлится полчаса, а потом для тех, кто захочет остаться, магистрат изложит более мудрые мысли.

— Какая жалость! — сокрушенно воскликнул Гар. — Так бы хотелось послушать, но нам придется тронуться в путь сегодня до темноты либо завтра утром, но не позже.

Майлзу очень хотелось надеяться, что городок они покинут гораздо раньше.

— Беда с этими мотаниями с места на место, — посетовал Дирк. — Не походишь на лекции так часто, как хотелось бы.

— Верно, — подтвердил Гар. — Месяц назад последний раз на лекции были, и все. — Он обернулся к Дирку. — По-моему, тогда речь шла о лживости религии, если не ошибаюсь? А мне так хотелось узнать об этом побольше.

Кабатчик, похоже, заинтересовался.

— А что такое «религия»? На наших службах нам такого слова никогда не говорили.

— Честно говоря, я и сам не очень понял, — признался Гар. — Магистрат как-то не слишком внятно объяснял.

— Нечего дивиться тому, что вам хотелось бы еще послушать! Когда слушаешь одно и то же несколько лет подряд, так хочется каких-нибудь новых идей! Просто-таки жаждешь узнать о чем-то еще... но я, конечно, понимаю: это не лишнее, чтобы нам постоянно напоминали о нуждах государства, о том, зачем народу нужен Защитник. А нужен он затем, чтобы оберегать людей от самых худших проявлений человеческой природы.

— Точно сказано, — подтвердил Гар. — И именно поэтому Защитнику приходится применять оружие в борьбе с людьми порочными, чтобы те не причинили зла добропорядочным гражданам.

— Чем вы, господа стражники, и занимаетесь, — закончил за Гара мысль кабатчик. — А потому нам, простым людям, не полагается мечей и пик — чтобы всяческие разбойники не смогли соблазнить простой народ взбунтоваться против Защитника.

— Вот-вот, а потому злодеев с каждым днем будет все меньше и меньше, — подхватил Дирк, — и всякий будет стремиться к тому, чтобы жить праведно.

— Как я погляжу, вы на службах не скучали, — уважительно проговорил кабатчик. — Честно признаться, господа стражники, я сильно удивился, услышав, что вы не прочь посетить лекцию, и искренне рад вашей тяге к знаниям. Вам бы в магистраты пойти, а то — и повыше.

— Ну, спасибочки, — улыбнулся Дирк. — Ты, как я погляжу, и сам не промах — вон как учиться любишь.

— Дорогой! — послышался из глубины зала голос жены кабатчика. — Ты опять в философские разговоры ударился? У нас посетителей полно!

— Сию минуточку, дорогуша! — отозвался кабатчик. — Надеюсь, вы извините меня, господа стражники...

— Само собой! Это ты нас прости, мы тебя от дела отвлекли.

Кабатчик поспешил на зов супруги, а Гар приобрел крайне задумчивый вид.

— Итак, магистраты тут проповедуют политические идеи, подменяя тем самым священников, проповедующих мораль. «Религия государства» — вот как это можно было бы назвать.

— Почти то же самое, что государственная религия, — саркастически усмехнулся Дирк. — Притом почти наверняка к этим

проповедям примешивается некая порция настоящей философии, чтобы народ окончательно не заскучал и не отчаялся.

— Но под «государством» на деле подразумевается «Защитник», — отметил Гар. — Так что фактически у Защитника в плане лояльности народа соперников нет.

— Естественно, конкуренции он бы не выдержал, — кивнул Дирк и, нахмурившись, посмотрел на Майлза. — Если хочешь, можешь уйти — ты не раб, по крайней мере для нас. Но на самом деле мы вовсе не такие безумцы, какими, быть может, тебе кажемся.

— А я... я и не думал про вас такого, — промямлил Майлз. Он, бедняга, словно приклеился к стулу, лоб его покрылся капельками испарины. — Но я вас заклинаю, господа, говорите потише! Если вас услышит бейлиф или его стражники, нас закуют в кандалы и мигом бросят в темницу!

— Постараемся не орать, — пообещал Дирк.

К столику торопливой походкой вернулся кабатчик.

— У меня в зале народу битком набилось, — извиняющимся тоном проговорил он. — Не будете ли против, господа стражники, если к вам за столик подсядут еще несколько человек?

— Нисколько! — заверил хозяина Дирк.

Майлзу захотелось провалиться сквозь землю.

Между Гаром и Дирком по одну сторону стола уселись двое крестьян в перепачканных рубахах, а по другую сторону слева и справа от Майлза — еще двое. Усаживаясь, все они опасливо поглядывали на стражников. Явно им хотелось бы оказаться за другим столом, но только тут и остались свободные места.

— Добрый вам день, стражники! — поздоровался с Гаром и Дирком один из крестьян с напускной жизнерадостностью. — Что новенького-хорошенького слышно?

— Да ничего такого особенного, — проворчал Гар. — Защитник по-прежнему отбирает у вас половину урожая, указы-

вает вам, кого взять в жены. И не позволяет вам обзаводиться мечами для самозащиты. Что уж тут хорошенького?

Крестьяне в испуге вытаращили глаза. Точно так же отреагировал на заявление Гара и Майлз, но Дирк предостерегающе зыркнул на него.

— А нам лучше, что ли? — продолжал бурчать Гар. — Магистраты нам указывают, когда ложиться, когда вставать, когда жрать!

Крестьяне в ужасе отодвинулись от него.

— От трех баб мне удалось удрать, — сыпал откровениями Гар. — Спасибо Защитнику — вовремя перебрасывал меня от одного шерифа к другому. Но баба-то мужику нужна все-таки! Нет, я ничего не говорю, я очень даже рад, что мне не подсунули абы кого, но не могли бы шерифы поторопиться слегка и найти мне подходящую? Что же, у них глаз нету и сердца?

Майлзу казалось, что он тает подобно воску и оплывает со стула на пол — по крайней мере ему искренне хотелось, чтобы это было именно так.

— А жаркий сегодня будет вечерок, а, Корин! — подчеркнуто громко произнес один из крестьян.

— А еще образованными зовутся! — не унимался Гар.

— Ага, Меркин, но, как я посмотрю, на западе, похоже, тучки собираются! — гаркнул в ответ Корин. — Вот бы дождичек зарядил к ночи!

— Да они ж о народе не больше любого пахаря знают! — подлил масла в огонь Гар.

— А дождичек — это очень бы даже славно было! — гнул свое Корин. — И для посевов хорошо, да и я бы не отказался!

Дирк наклонился к столу, чтобы глянуть на Гара.

— Ой, я вам мешаю! — обрадовался крестьянин. — Прощеньица просим, я мигом пересяду куда-нибудь!

— И я!

— И я!

— И я!

В мгновение ока за столом остались только Гар, Дирк и Майлз.

— Похоже, на наживку никто не клюнул, — поджав губы, проговорил Дирк.

— Г-г-господин Гар, — выдохнул Майлз, — ежели вы хотели, чтобы никто за стол не подсаживался, почему вы прямо так и не сказали?

— Мы не этого хотели, — сказал Дирк и поднялся. — Но пожалуй, будет лучше, если мы уйдем, а они останутся.

С этими словами он направился к выходу. Гар, на физиономии которого было написано глубочайшее отвращение, резко поднялся и последовал за приятелем. За ним поспешил Майлз, на ходу бросая по сторонам затравленные взгляды. Может, и вправду ему стоило подыскать себе других попутчиков...

— Счет отдай магистрату, — сказал Дирк кабатчику. Тот кивнул, не совсем сумев скрыть облегчение при виде того, как троица покидает его заведение.

Оказавшись за порогом, Майлз облегченно вздохнул.

— Я думал, нам конец, ну, или темница точно обеспечена!

— Стоит прислушаться к мудрому совету, — сказал Дирк Гару. — Понимаю, переночевать нам где-то надо, но не в тюрьме же.

— Ладно... — проворчал Гар. — Затея была славная, но не сработала. Может быть, просто люди побаиваются выражать свое недовольство открыто, но если бы мы заночевали тут, готов поспорить: непременно нашелся бы один-другой, кто явился бы ко мне и поинтересовался: настолько ли я обозлен, чтобы не просто языком трепать, а что-то сделать.

Майлза бросило в дрожь. Дирк, заметив это, полюбопытствовал:

— А ты как думаешь, Майлз: пришел ли бы к нам хоть один человек с таким вопросом?

— Нет, господин! — пылко отозвался Майлз. — Все слишком сильно боятся наказаний, которые назначает Защитник, и чересчур дорожат своей шкурой! И потом... они бы побоялись. Вдруг вы шпион Защитника и пытаетесь обманом подбить их на измену!

— Агент-провокатор? — Гар медленно, тяжело кивнул. — Не удивлюсь, если тут существует такая служба.

И он посмотрел в сторону здания суда.

Майлз ахнул и попятился.

— Не вздумаете же вы туда тащиться! Это после того, чего вы в кабачке наболтали?!

— А почему бы и нет? — пожал плечами Гар. — Дотуда слухи еще вряд ли дошли, а если и дошли, я так и скажу, что я — шпион Защитника. Пошли, Майлз, нам же надо забрать наши пропуска.

Когда через час они выезжали из города, Гар довольно кивнул.

— Порой от человека, который настаивает на том, чтобы все было сделано, как положено, бывает прок.

— Вот уж не думал не гадал, что он будет так любезен с нами, да еще и выпишет новые пропуска! — растерянно покачал головой Майлз. Он до сих не верил в случившееся.

— Умница, он ведь нам и старые бумаги вернул, — заметил Дирк. — Так что теперь мы можем их со спокойной душой сжечь, и никакие неприятности при встрече с патрульными нам впредь не грозят.

— Да, от бюрократии в полицейском государстве польза-таки есть, — признал Гар.

— В полицейском государстве — ты сказал? — с неподдельным интересом переспросил Дирк. — Так ты что же, считаешь, что это неплохо, а?

Гар пожал плечами.

— Тут имеется изощренная система для поимки беглых, для наказания тех, кто преступил закон, и даже тех, кто отказался

повиноваться властям. Наказания производятся быстро, сурово, публично и служат назиданием для потенциальных преступников. Безусловно, налицо главные признаки полицейского государства. И потом... разве ты сомневаешься в этом после того, как видел своими глазами реакцию крестьян на мои жалобы?

— Да нет, не очень-то я сомневаюсь, — вздохнул Дирк. — Словом, мы имеем дело с диктатурой, с полицейским государством, возглавляемым Защитником, который командует легионом шерифов. Те, в свою очередь, распоряжаются городскими и деревенскими магистратами, а те отдают приказания бейлифам, под началом у которых имеются небольшие отряды лесничих и стражников. Кроме того, и сам Защитник имеет персональное войско, да и к каждому из шерифов приставлен отряд гвардейцев. Я пока не прикидывал в уме, какова может быть численность людей, поставленных под ружье, но подозреваю, что если мобилизовать всех этих полицейских и солдат, получится громадная армия, противостоять которой просто невозможно.

— Наверняка численности этой армии за глаза хватит для того, чтобы подавить любой вспыхнувший бунт, — согласился Гар. — Да и самая возможность возникновения бунта практически исключена, когда повсюду кишат тайные лазутчики. Но вот что в этой системе положительно, так это то, что пост Защитника, похоже, не передается по наследству. И не только этот, высший пост, но и все официальные посты.

— Не передаются, но запросто могли бы передаваться. Действительно, здешняя система в принципе открыта для любого сообразительного и способного соискателя, но на деле единственными, кто выдерживает испытания, оказываются чиновничьи сынки. Здесь нет бесплатных государственных школ, так что большинство народа не может позволить себе такую роскошь, как обучение грамоте, а безграмотными подданными Защитнику куда как легче управлять. Ну а те, кому удается-таки наскрести деньжат на учебу, затем мистическим образом проваливаются на испытаниях.

— Быть может, полученное ими образование значительно уступает тому, которое получают сынки чиновников, — заметил Гар.

— Вот-вот — «сынки», — кивнул Гар и кисло усмехнулся. — Значит, и ты обратил внимание на то, что женщин тут к власти не подпускают? Согласен, сыновья магистратов вполне могут получать образование классом повыше, чем юноши из простых семей, потому что образование-то обеспечивается Защитником. Но дело может объясняться и гораздо проще: окружные власти знают в своих краях всех наперечет, а тем более — отпрысков себе подобных, невзирая на то что каждые пять лет происходит ротация местных властей. Видимо, заступая на пост, новый магистрат полагает, что его долг — проявить заботу о детях своего предшественника, а потому и наводит справки о таковых в округе, отданном на его попечение. А когда подходит срок испытаний, магистрат непременно позаботится о том, чтобы их не выдержал никто, кроме этих самых детишек.

Майлзу наконец удалось вынырнуть из пучины страха.

— Бывает, — сказал он, — что несколько крестьянских сыновей и выдержат испытания — но их всегда по пальцам сосчитать можно.

— Естественно, — понимающе кивнул Гар. — Это те, что обладают настолько блестящими способностями, что принимающие испытания сильно рискнули бы, дав им ускользнуть из своих сетей. В конце концов, есть же и инспекторы, разгуливающие по стране переодетыми. Вряд ли экзаменаторам захочется, чтобы один из таких инспекторов пошушукался с горожанами, а потом заглянул в их бумаги и обнаружил явные признаки пристрастности.

— Да, тут есть над чем призадуматься, — согласился Дирк. — Ну, хорошо, никто из сыновей напрямую не наследует пост отца, но тем не менее все равно попадает во власть и продолжает идти на повышение.

— Многие так и не становятся шерифами, — робко возразил Майлз.

— Это понятно. Если твой папаша дослужился только до магистрата, он и тебя выше не посадит. На более высокие должности заберутся только те, чьи отцы и сами их занимают.

— Итак, протекция здесь и в самом деле достигается заслугами, — заключил Гар. — По крайней мере — заслугами в области закулисной политики и налаживания связей.

— Верно, а это говорит о кое-какой способности манипулировать людьми, что является неотъемлемой составной частью управления полицейским государством, — подхватил Дирк. Удивленно покачав головой, он спросил: — Как ты думаешь, как только здешнее население додумалось до такой системы?

— Я ничего не думаю, — отозвался Гар. — Я подозреваю, что первый Защитник унаследовал пост высшего гражданского лица еще во времена существования здесь колонии. Бюрократия — она ведь как живое существо. Старается выжить во что бы то ни стало. Когда Терра открестилась от дальних колонизированных планет, когда они перестали получать от нее современную технику и финансирование, бюрократия почувствовала, что ей грозит вымирание, поскольку в ее распоряжении не осталось терранских законов и прокламаций.

— Вот и избрала себе нового босса, — закончил за Гара его мысль Дирк и с горечью кивнул. — Да, похоже на правду. Период хаоса, когда гражданские власти отчаянно пытаются сохранить порядок на фоне неожиданного жуткого кризиса, когда высококлассные специалисты вынуждены переквалифицироваться в крестьян и заново изобретать плуг, поскольку нет горючего для сельскохозяйственной техники... да, вот в такое время как раз и появляется сильный человек, завоевывает город за городом, пока в остальных городах не понимают, что лучше присоединиться к нему добровольно. А потом он маршем входит в столицу, где бюрократы встречают его радостными воплями, потому что пришел хоть кто-то, кто будет давать им распоряжения, и теперь они не останутся без работы.

— Ну и, естественно, все страшно обрадовались, что хаосу конец и что появилось хоть какое-то правительство, пусть даже самое суровое, — развил далее мысль друга Гар. — Но отдадим этой системе должное: она обеспечивает существование весьма порядочного общества. Тут, судя по всему, никто не умирает с голоду.

— Да, все физиологическое потребности удовлетворяются, — согласился Дирк. — Еда, дрова, кров, безопасность. А вот с потребностями эмоциональными дело обстоит совсем наоборот. Людей просто наизнанку выворачивает из-за того, что им приходится выполнять требования, которых до смерти не хочется выполнять.

— Ни любви, ни дружеской поддержки, ни возможности сделать карьеру, — кивнул Гар. — Но этим не обеспечит никакая система, Дирк.

Майлз гадал, почему это вдруг лицо Гара стало таким тоскливым, почему в глазах появилось отчаяние.

— Это верно, но хотя бы охотничьи лицензии могли бы выдавать, — отозвался Дирк. — Бывают же государственные системы, при которых имеешь право на счастье — по крайней мере тебя оставляют в покое и позволяют жить холостяцкой жизнью, если не желаешь жениться. Но для этого нужна минимальная степень свободы, а здесь личной свободы такой мизер, что счастливы лишь те, кому несказанно подфартило.

— Верно, причем — подфартило случайно, — кивнул Гар, — в то время как люди должны бы иметь выбор и сами стремиться к счастью. — Он тяжело вздохнул. — Полагаю, хотя бы этим мы их должны одарить, правда?

— Нет, — покачал головой Дирк. — Не должны. Но все равно одарим.

— Добро пожаловать к нам, — сказал герцог и протянул Орогору руку. Манеры его были царственны и изящны.

Орогору сжал его руку и, трепеща, встал.

— Б-благодарю вас, ваша милость, — запинаясь, проговорил он, — но как вы признали меня?

— Вы излучаете благородство, — ответила красивая пожилая женщина, подошедшая и вставшая рядом с герцогом. — Как же мы могли бы ошибиться?

— И все же нам нужны были кое-какие доказательства, — пояснил герцог.

— И вы дали их нам.

Орогору обернулся в ту сторону, откуда послышался голос, — и остолбенел. Юная, грациозная, самая красивая женщина, какую ему когда-либо случалось видеть, — и она отнеслась к нему с почтением!

— Вы с уважением отнеслись к городу — вы даже побоялись запятнать его камни копотью от вашего костра, вы проявили милосердие к кролику, который мог бы стать вашим ужином, вы проявили благородство духа!

— Пойдемте же, разделите с нами наше празднество, — позвал юношу герцог, и Орогору окружили дамы и господа в прекрасных одеждах. — Музыка, звучи! — воскликнул герцог, и тут же дивно зазвучали флейты, волынки, гобои и скрипки. Орогору бросал торопливые взгляды по сторонам, но никак не мог увидеть музыкантов. По спине у него побежали мурашки, ему стало зябко от страха перед сверхъестественным, но потом он успокоил себя мыслью о том, что эти господа и дамы так благородны, что и сами духи рады услаждать их. Страх отступил, и Орогору в восторге шагал посреди блестящей толпы, и сердце его радостно билось, а обитатели Затерянного Города пели ему приветственную песнь. Взгляд юноши упал на красивую девушку. Она одарила его кокетливой улыбкой, но тут же отвернулась и вздернула подбородок, сделав вид, что не замечает его.

Орогору усмехнулся, поняв правила игры. Впервые в жизни он испытал подобную радость.

Вскоре они оказались в центре города, где Орогору встретили юноши и девушки. Они пустились в веселый пляс, раду-

ясь тому, что их ряды пополнились. Вышла из-за туч луна, и дома засеребрились на фоне темно-синих полуночных небес. Танцуя, веселая толпа шла по сверкающей под луной мостовой, между стен, украшенных барельефами и мозаикой, к просторной круглой площади, куда стекались все улицы. В самой середине площади возвышался величественный холм. По его склону вверх вела широкая дорога, а на вершине холма стояло высокое круглое белокаменное здание. Его купол сверкал и переливался в темноте, широкие двери были распахнуты настежь, из них лились свет и музыка. Радостная толпа хлынула в двери. Войдя в чудесное здание, Орогору испытал изумление и восторг. Стены внутри были выложены драгоценными камнями, а своды купола были расписаны сценами из историй, которые Орогору слышал в детстве. Тогда он слушал их как сказки, но всегда чувствовал, что в них есть нечто большее, чем просто вымысел. Вот это — Венера и Адонис, а вот Купидон, крадущийся к спящей Психее, а вот — Нарцисс, любующийся собственным отражением!

Орогору повели к нише, устроенной в плавном изгибе высокой стены, украшенной мозаикой из драгоценных камней, которую обрамляли золотые завитки. Мозаика не изображала ни людей, ни животных — на ней пересекались прямые и изогнутые линии, и все же она была настолько прекрасна, что от этой красоты захватывало дух.

И вдруг прямо из мозаики донесся гулкий голос:

— Добрый вечер, милорды и миледи. Кто этот гость, что пожаловал ко мне?

Орогору выпучил глаза и остолбенел. Волосы у него встали дыбом.

Красивая девушка, видимо, поняла, как испугался Орогору. Она взяла его за руку и прошептала:

— Наш Хранитель при первой встрече кажется устрашающим, но он — наша опора и утешение, наш опекун и кормилец.

Орогору не мог понять, что за дух разговаривал с ним и мог жить внутри стены, но понимал, что стыдно выказывать страх рядом с такой красавицей. Он расправил плечи и изобразил некое подобие благородной, уверенной улыбки с примесью благодарности, а также и весьма недвусмысленного намека на то, что он оценил красоту девушки. Видимо, до некоторой степени намек ему удался, поскольку девушка зарделась и отвернулась.

— Наш гость явился, чтобы впредь жить среди нас, Хранитель, — отвечал между тем герцог. — Он утверждает, что он — принц Приммер, но мы должны просить тебя о том, чтобы ты наделил его платьем, подобающим его титулу.

— Непременно, — отозвался Хранитель.

— Войдите в кабинку, — шепнула Орогору прекрасная незнакомка. — Вы ничего не почувствуете, но дух снимет с вас мерку и даст вам новые одежды взамен этих обносков, в которые вы нарядились, чтобы скрыть свое истинное происхождение.

— Я готов сделать все, о чем вы просите, — сказал Орогору, заглянув девушке в глаза, — если вы скажете, как ваше имя.

И откуда только у него взялись эти слова, эта учтивая речь? Орогору всегда был так косноязычен, когда обращался к девушкам!

А ведь сейчас перед ним была не простолюдинка — эта девушка была рождена благородной, быть может, она была принцессой! А Орогору не чувствовал никакого стеснения, он откуда-то знал, как обращаться к благородной даме. Он чувствовал на себе ее восхищенные и кокетливые взгляды — может быть, поэтому его язык так развязался?

Девушка еще сильнее покраснела и потупила взор, но ответила:

— Я — графиня Гильда д'Алекси, принц. Могу ли я узнать, как ваше имя?

— Меня зовут Орогору, — просто ответил юноша и храбро шагнул в кабинку — по крайней мере сделал вид, что храбро, а на самом деле сердце его бешено колотилось от страха.

Он не почувствовал прикосновения, не услышал ни звука, но уже через мгновение голос Хранителя произнес:

— Ваш дневной наряд ждет вас в гардеробной в ваших апартаментах, о принц, — в Лазурных Покоях в восточном крыле. Ступайте же и переоденьтесь.

Орогору повиновался, хотя ему казалось, что он что-то упустил. Он вышел из кабинки, сопровождаемый голосом Хранителя:

— Вы верно догадались, милорд герцог. Он действительно вашего племени и должен жить вместе с вами в этом городе.

Глаза юной графини вспыхнули, герцог радостно воскликнул, господа и дамы подхватили его восклицание, а потом все они окружили Орогору и повели в восточное крыло, радостно распевая на ходу.

ГЛАВА 8

— Вот теперь уж точно — добро пожаловать к нам! — вскричал герцог. — И в подтверждение этому вот ваши комнаты — Лазурные Покои! Коснитесь рукой двери, ибо теперь, кроме вас, никто не сумеет открыть ее.

Орогору в изумлении приложил к двери ладонь. Дверь распахнулась, а за ней оказалась просторная комната со стенами бежевого цвета, темно-синим ковром и занавесями. Даже изображенные на висевших по стенам картинах люди были в синих одеждах — господа и дамы, боги и богини, которых сопровождали слуги, и это в лишний раз напомнило Орогору о том, что сам он — знатного рода.

— Входите же, ваше высочество, входите! — поторопил Орогору герцог.

— Да-да, входите, — эхом повторила графиня, сверкая глазами. Орогору посмотрел на нее, и у него пересохло горло от волнения. Он кашлянул и переступил порог.

Толпа последовала за ним. Все наперебой показывали ему всевозможные диковинки.

— Вот это — ваша гостиная. Здесь вы можете купаться в роскоши, подобающей вашему титулу!

— А вот — очаг! — Пожилая дама указала на небольшой камин в углу. — Но он служит всего лишь для украшения — в этих покоях тепло всю зиму, а летом прохладно!

— Если пожелаете поесть, — сообщил высокий молодой человек в алых одеждах, — вот ваш стол. — Он прикоснулся к продольной полосе на стене, и она выехала из стены и, выпустив ножки, превратилась в самый настоящий стол. — Затем произнесите вслух, чего бы вам хотелось отведать, и эти блюда тут же появятся на столе!

— Взгляните сюда! — воскликнула молодая красотка, — здесь все женщины были дивной красоты, и Орогору знал, что так и должно быть, и все же никто, на его взгляд, не мог сравниться с графиней Гильдой. — Какая прелестная рама для картины, правда? — И она указала на висевшую на стене резную раму. — Но произнесите несколько слов, и она наполнится движущимися фигурами, и вы увидите целую историю! Картина! Покажи мне «Романс о Розе!».

Картина тут же ожила. Внутри рамы появились мужчины и женщины в чудесных нарядах, статные и изящные — воплощенное благородство. Орогору постарался запомнить название картины. Пока он чувствовал себя неуклюжим и неловким среди этих блестящих господ и надеялся благодаря этой картине выучиться правильной осанке и походке.

— Тут еще есть книги! — Молодой принц указал на высокий, от пола до потолка, шкаф, набитый книгами в кожаных переплетах.

— Восхитительно! — воскликнул Орогору, но у него мерзко засосало под ложечкой. Как он мог признаться этим образованным людям в том, что не умел читать?

— А вот эта книга самая чудесная! — вскричала герцогиня и взяла с полки тонкую книжку. Открыв ее, она поднесла ее Орогору. — Поглядите! Она говорящая!

Орогору уставился на изображенную на странице фигуру, представлявшую собой две соединенные под углом линии с перекладинкой посередине. Из книги послышался голос:

— Это буква «эй», иногда ее произносят как «а».

— Настоящее сокровище, — с чувством вымолвил Орогору. Он был всем сердцем благодарен графине. Как это было мило, как тактично с ее стороны — показать ему, что он может быстро научиться читать! Насколько же она оказалась прозорлива: сразу угадала, что он в этом нуждается!

Гильда захлопнула книгу и поставила ее на полку, а потом повернулась к двери и сказала:

— А тут другие чудеса.

Эта дверь открылась в ответ на прикосновение графини, и заполнившие покои дамы и господа подтолкнули Орогору вперед, в новую комнату. Она оказалась размером вполовину меньше гостиной, на полу здесь лежал лазурный ковер с рисунком в виде листьев и цветов, а у стены стояла широкая кровать с четырьмя столбиками. При виде такой роскоши у Орогору дух перехватило — ведь прежде ему доводилось спать лишь на матрасе, набитом соломой. Он почувствовал, как кто-то коснулся его руки. Повернув голову, Орогору увидел, что ему кокетливо улыбается графиня Гильда. Орогору замер, сердце его взволнованно забилось, но она только рассмеялась и поспешила к другой двери.

— Ваша туалетная комната!

Толпа вельмож втолкнула Орогору в новую комнату. Здесь, перебивая друг дружку, обитатели дворца стали показывать Орогору бесчисленные чудеса. А в комнате стоял шкаф, который умел счищать пыль с одежды, из стены торчала труба, из которой сама по себе текла теплая благоуханная вода (Орогору заверили в том, что она совершенно безвредна и что течет она

из неиссякаемых источников). Кроме того, в комнате стоял еще один шкаф, полный чистой одежды, а старую стоило только бросить на пол, и утром она исчезала. Для бритья имелся чудесный крем — его стоило только нанести на кожу, а потом стереть — и щетины как не бывало, и она потом не отрастала целый месяц!

— Освежитесь, — предложил Орогору герцог, — а потом приходите к нам в большой зал. Только скажите, куда желаете пойти, — и на стене появится лазурное пятнышко. Оно будет двигаться впереди вас и приведет к нам.

— Не заставляйте нас ждать долго, — шепнула Гильда, коснулась руки Орогору на прощание и ускользнула за дверь.

Следом за ней удалились и все остальные, смеясь и перебрасываясь шутками, радуясь тому, что среди них появился еще один соплеменник, особа королевской крови! Сердце Орогору наполнилось благодарностью ко всем, кто жил здесь, за то, что они без промедления и сомнений приняли его в свой круг. О, конечно, он не заставит их ждать! Но нужно поскорее избавиться от этого мерзкого крестьянского тряпья, этих лохмотьев, которые столько лет помогали ему хранить его тайну! Орогору закрыл дверь туалетной комнаты, скинул тяжелые башмаки и рубаху и шагнул в чистящий шкаф.

Выйдя из него, он поразился тому, насколько освеженным и обновленным почувствовал себя, а ведь его кожи не коснулось ни капельки воды! Затем с помощью чудесного крема он избавился от отросшей щетины, а потом открыл гардероб и обнаружил там дублет и рейтузы такой красоты, что у него просто дух захватило. Одежды были сшиты из серебристой ткани, украшены лазурной вышивкой. Кроме дублета и рейтуз в шкафу висел короткий лазурный плащ и стояли лазурные сапожки. Поверх платья висел еще один странный предмет одежды, сшитый из простого полотна. Покрой его показался Орогору странным, но, повертев его так и сяк, он наконец сообразил, для чего предназначена эта одежка, и натянул ее на

бедра, причем она прилегла к телу так плотно, словно была живой. Ощущение было непривычное и не самое приятное для человека, который никогда не носил такой обтягивающей одежды, но Орогору решил, что должен к этому привыкнуть, раз уж тут принято носить такое. Затем он нарядился в прекрасный дублет и рейтузы и, встав перед зеркалом, поразился произошедшей с ним перемене. В зеркале отражался не грязный уродец-крестьянин, а высокий, стройный аристократ с блестящими волосами и суровым, красивым, благородным лицом. Орогору смотрел и сам себя не узнавал.

Он поспешил к двери, готовый занять подобающее ему место в блестящем обществе.

Солнце вот-вот должно было спрятаться за горизонтом, когда Гар свернул с дороги к небольшой рощице.

— Пора подумать о ночлеге, друзья мои, — сказал он.

— Похоже, лучшего места для ночлега нам не отыскать, — вздохнул Дирк. — Хотя... в следующей деревне наверняка есть гостиница...

Майлз передернул плечами.

— С вашего позволения, господа, я бы лучше гостиницу стороной обходил. Понимаю, это глупо, но у меня такое предчувствие: если я заночую где-нибудь поблизости от стражи, меня как пить дать сцапают.

Сказав это, он в очередной раз изумился тому, что отважился подать голос до того, как к нему обратились господа.

Но ни Гар, ни Дирк на его дерзость никакого внимания не обратили.

— Это я очень даже хорошо понимаю, — кивнул Дирк. — И должен заметить — ты предусмотрителен. Безусловно, заночевать в роще гораздо безопаснее. Вряд ли там кто бродит по ночам, в том числе — и лесничие.

— А особенно — те лесничие, что преследуют нас, — согласился Гар.

Ярдах в пятидесяти от дороги подлесок оборвался. Широкие участки пустой земли простирались под тридцатифутовыми елями. С нижних ветвей елей хвоя осыпалась. Гар натянул поводья своего коня.

— Вполне сойдет для стоянки. Майлз, будь добр, собери хвороста для костра, а мы с Дирком пока палатку поставим.

— Эт-то я запросто, господин Гар, — с готовностью откликнулся Майлз, потрясенный тем, что Гар не приказал ему отправиться на поиски хвороста, а вежливо попросил.

Между тем путешествовать с этими странными людьми ему теперь было настолько же боязно, насколько и в одиночку. Из-за того, какие речи вел господин Гар, шпионы Защитника уже через неделю, а то и раньше начнут за ним охотиться и стражников настропалят. А наказание за изменнические речи было столь же суровым, как за отказ жениться. После пыток жизнь наказуемого можно было считать конченой — остаток ее осужденные проводили на рудниках Защитника. Майлз начал собирать хворост. Набрав немного, добавил еще и еще и мало-помалу стал уходить все дальше и дальше от лагеря. Но охапку держал крепко — мало ли, вдруг Гар или Дирк пойдут его искать? На этот случай и не бросил хворост — решил, что скажет, будто не сообразил, сколько нужно дров собрать. Тогда они не догадаются, что он решил бежать от них.

Конечно, никто его не удерживал, так почему же не бежать? Они ведь сами говорили — и не раз — что он им не раб и не пленник и может уйти куда и когда пожелает. Наверное, они и гнаться бы за ним не стали, но Майлзу не хотелось рисковать.

— Эй! — послышался резкий оклик, и чья-то рука цепко сжала плечо Майлза. Майлз вскрикнул, обернулся, с языка его уже готовы были сорваться слова оправдания, но увидел он перед собой никак не Дирка, а незнакомца в зеленой шляпе лесничего с красным пером, что означало, это — старший лесничий. Кто-то схватил Майлза сзади под мышки, вывернул руки, и собранный хворост рассыпался по земле.

— Огня! — распорядился лесничий, и кто-то из его подчиненных отбросил тряпицу, которой был прикрыт зажженный фонарь. К Майлзу шагнули еще несколько человек, и сердце у бедняги ушло в пятки. О, как он жалел, что не остался рядом с Гаром и Дирком!

Гар и Дирк... Майлз вспомнил, как они дурачили всех, кто встречался им на пути. Может быть, и он сумел бы наболтать с три короба, сказать, к примеру, что он — странник, чей пропуск украли, что он заблудился и голоден как собака...

Но вот в свете фонаря возникла фигура человека в балахоне до бедер, с серебряной цепью на груди. Пламя и ночные тени изменили его лицо, но Майлз все же узнал бейлифа из своей деревни. Майлза замутило от страха. Теперь отпираться было бесполезно.

— Не тот ли, кого вы разыскиваете? — спросил старший лесничий.

Бейлиф покачал головой:

— Мой был гладко выбрит и темноволос. Постричь свои патлы, он, спору нет, мог, конечно, но чтобы успел отрастить такие густые... А ну-ка, ну-ка, постойте-ка! — Он прищурился, протянул руку и дернул Майлза за усы. Усы, естественно, оторвались.

Майлз вскрикнул от боли.

— Клянусь Защитником, это ты! — воскликнул бейлиф. — Ну, ты малый головастый. Додумался ведь — ишь ты! Волосы состриг и усы смастерил!

— Не совсем так, — прозвучал из темноты мягкий гортанный голос. — Это он не сам придумал. Это я.

Бейлиф вздрогнул от испуга, резко обернулся и оказался лицом к лицу с Гаром. Он невольно попятился в изумлении, и Майлз не упустил такой замечательной возможности: пнул бейлифа ногой под зад, и тот повалился наземь ничком. Лесничие раскричались, а тот, что держал Майлза за руки, ослабил хватку. Майлз вырвался, развернулся и снова нанес самый сильный удар

ногой, на какой только был способен. Лесничий взвыл и упал на спину. Бейлиф приподнял голову, успел заметить, что Майлз исчезает во тьме, и гневно возопил. Но долго вопить ему не дали: Гар ухватил его за ворот и поднял одной рукой.

Все как один лесничие бросились к Гару. Тут за дело взялся Дирк: резкий удар — и вот один из лесничих сбит с ног. Гар швырнул обмякшего бейлифа под ноги еще двоим, но еще трое обнажили мечи и с криком кинулись к нему.

Майлз, обретя безопасность в темноте, одумался и развернулся. Эти люди уже однажды спасли ему жизнь и только что сделали это снова. Он не мог убежать и позволить, чтобы они дрались из-за него. Он поднял с земли самую толстую хворостину и побежал обратно. Как раз в это время Гар меткими кулачными ударами уложил еще двоих лесничих. Бейлиф пытался подняться на ноги. Рука его уже сжала рукоять меча, но Майлз заехал ему по макушке дубинкой, и бейлиф повалился на бок без чувств. На миг Майлза охватила жалость — ведь он знал бейлифа с детства, и тот часто бывал добр к нему. А потом жалость сменилась ужасом: он ударил государственного служащего! Поймают — повесят!

О нет, лучше бы не поймали! Майлз обернулся и увидел, что к Гару кинулся последний лесничий. В руке он сжимал нож размером с короткий меч. Майлз вскрикнул, лесничий в испуге оглянулся, и Майлз огрел его дубинкой. Лесничий упал, но в это время на ноги ухитрились встать еще трое. Эти устремились к Дирку, считая его, видимо, более уязвимым, поскольку он уступал Гару ростом.

Двоих Гар поверг наземь, врезав им ребром ладони по шее, третьему Дирк преградил дорогу мечом и прямым ударом уложил на спину.

— Ну, что с вами прикажете делать? — поинтересовался Гар, подняв двоих лесничих с земли за ворот так, что их испуганные физиономии оказались напротив его лица. — Я понимаю: вы обязаны доложить обо всем, что вы только что видели,

но если я вас отпущу, обещаете ли вы мне отправиться по домам и больше никуда не заглядывать?

Беспомощно болтавшиеся в его ручищах лесничие бросили взгляды на валявшихся на земле бейлифа и своего начальника и решили, что те уже испустили дух.

— Можете сказать, что вас отколотили так, что вы охромели, — сочувственно подсказал Дирк. — Это мы запросто можем изобразить.

— Нет! Нет! Мы уж как-нибудь без этого... похромаем, — прохрипел один из лесничих. — Вы нас только отпустите!

Гар бережно поставил их на землю. Оба оттянули ворот рубах и судорожно, глубоко вдохнули.

— Мечи мы у вас, само собой, отберем, — сообщил Дирк.

Лесничие безрадостно переглянулись, но послушно протянули мечи рукоятками вперед.

Дирк взял оба меча и один подал Майлзу.

— А теперь ступайте, — распорядился он.

Двое лесничих побрели во тьму, поддерживая друг дружку. Надо сказать, прихрамывали они весьма убедительно.

— Они все расскажут, — предупредил друзей Майлз.

— И другие тоже, когда очухаются, — отозвался Дирк.

— Но мы не станем убивать людей, которые всего-навсего стараются выполнять свою работу и хранить верность правителю. — Гар потер затекшее плечо. — Ох! Доложу я вам... Этот устрашающий прием — держать врага за шкирку — он, спору нет, впечатляет, но ведь и больно же!

— Вы... вы снова спасли меня... — пробормотал Майлз.

Дирк пожал плечами.

— А для чего еще существуют друзья?

Майлзу показалось, что он сейчас захлебнется в волнах вины. Он хотел убежать от них, а они сражались за него!

— Что ж, теперь мы тоже преступники, — сказал Дирк. — Правда, мы и прежде были вне закона, но бейлифы об этом не ведали.

— А вы отпустили лесничих, и они натравят на нас гвардейцев окружного магистрата!

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Гар. — Теперь придется скрываться, как и полагается преступникам, но боюсь, до Пустошей, про которые ты говорил, нам уже не успеть добраться. Где тут поблизости самое удобное место для укрытия?

— Да вот оно, — развел руками Майлз. — Рощи, ельники, дубравы — все они, словно реки в озеро, впадают в густые леса. Нужно только держаться за деревьями, и тогда скоро углубимся в чащу. Конечно, лесники нас и там могут разыскать...

— Но еще скорее разыщут, прежде чем мы затеряемся в лесной чащобе, — хмуро уточнил Дирк. — Так что давайте-ка поскорее вернемся туда, где оставили лошадей, да отыщем оленью тропку. Если по ней олени могут пройти, то и лошади тоже.

Через полчаса Майлз уже вел своих спутников по ельнику в сторону густого леса. В этом ельнике ему довелось побывать всего раз в жизни — тут он как-то однажды заночевал по пути в окружной город, но окрестности запомнил хорошо и знал, как отсюда поскорее добраться до глухой чащобы. Шагая впереди друзей, он гадал, как это Гар и Дирк ухитрились оказаться поблизости именно в тот миг, когда ему отчаянно понадобилась их помощь.

Наверняка это произошло потому, что они пошли следом за ним, чтобы посмотреть, не схватили ли его. Заметили, что его нет слишком долго, заволновались и решили узнать, не попал ли он в беду! Майлзу снова стало ужасно стыдно.

Орогору вошел в просторный зал, где стояли накрытые столы. Его собратья аристократы смеялись и болтали друг с другом. Юноша заметил, что кокетство здесь — весьма излюбленная игра.

— Добро пожаловать, принц Приммер! — воскликнул высокий пожилой мужчина с короной на голове.

Орогору остановился и изумленно уставился на него.

— О, как вам к лицу новый наряд! — К юноше устремился герцог Дарамбэй, взял его под руку и подвел к коронованному мужчине. — Ваше величество, позвольте представить вам Орогору, принца Приммера! Орогору, преклоните колена перед своим владыкой, королем Лонгаром!

В священном трепете Орогору опустился на колени перед высоким стариком с благородным лбом и носом с горбинкой. Он просто-таки излучал царственность.

— Вашё величество! Я... я благодарю вас за ваше гостеприимство!

— Я рад приветствовать тебя, — раскатистым баритоном отвечал король. — Добро пожаловать в наш круг, принц Приммер! Сегодня у нас великое торжество, мы празднуем прибытие нового собрата! Милорды и миледи, прошу всех к пиршественному столу!

Все расселись и принялись пировать, смеясь и весело болтая, и при этом орудовали серебряными столовыми приборами так ловко, что казалось, сами их не замечали. Орогору, как мог, старался во всем подражать обитателям Затерянного Города, но не раз ему случилось краснеть: он тянулся за одной вилкой, а его сосед брал другую, брал нож в левую руку, а все — в правую. Правда, этих досадных оплошностей вроде бы никто не замечал, но если и замечали, то только улыбались, как если бы что-то вспоминали. Орогору понял: сейчас он столкнулся с тем, что каждый из сидящих за столом пережил, когда наконец вернулся в общество себе подобных после многих лет вынужденной ссылки. Странно, но похоже, никто из обитателей города не родился в его стенах...

Кругом кипели беседы, полные намеков на истории и науки, о которых Орогору не слыхивал. Он твердо решил, что непременно прочтет все книги из шкафа в своих покоях, и притом — в самое ближайшее время.

— Пожалуй, мои придворные проводят слишком много времени в усладах, — проворчал король Лонгар. — Нужно,

чтобы Хранитель обучил нас наконец всему, чему мы хотели бы научиться!

— Да, но учение — это тоже наслаждение, ваше величество, — возразил юный принц (о том, что он — принц, Орогору догадался по размеру короны — она была побольше, чем герцогская).

— Такие наслаждения я только приветствую, — заметил король, — хотя не возражаю и против тех, которые вы дарите друг другу.

Орогору окинул взглядом сидевших за столом, чтобы понять, о чем сказал король, и заметил, что многие кавалеры целуют дамам руки или любовно пересчитывают их пальчики, как трепещут полуопущенные ресницы дам, как они, обмахиваясь веерами, заигрывающе поглядывают на мужчин, сидящих напротив.

Наконец трапеза закончилась, и герцог представил Орогору четырем молодым дамам. Все они были хороши собой, но не так, как графиня Гильда. Леди Эмбер — высокая и стройная — спросила:

— Не станцуете ли со мной гавот, мой принц?

— Почел бы за счастье, — смущенно проговорил Орогору, — но я не знаю этого танца.

— О, так я научу вас ему! Берите меня за руку!

Пол в большом зале был натерт до блеска. Танцоры заняли свои места, зазвучала музыка. Леди Эмбер принялась обучать Орогору па гавота, старательно скрадывая его неловкость веселыми шутками. Затем юная герцогиня Дорент дала Орогору возможность попрактиковаться в выученном танце, во время которого шутливо ругала юношу за то, что он за годы, прожитые вдали от родного дома, забыл, как танцевать гавот. Леди Луэтт научила Орогору менуэту, а потом он станцевал этот танец с маркизой Коробэр, но вальсу — вальсу его выучила графиня Гильда.

Подтрунивая над Орогору, она добивалась от него изящества и грации в движениях, заставляла запоминать шаги, и к

тому времени, когда мелодия вальса вот-вот была готова умолкнуть, Орогору уже кружился в танце с графиней, крепко прижав ее к себе, отчаянно краснея и хохоча в ответ на ее шутки, тяжело дыша от изнеможения и страсти.

— Признаться, я устала, — сказала Гильда. — Пойдемте, выпьем чего-нибудь.

— Как пожелает моя госпожа, — ответил Орогору и последовал за графиней к одной из нескольких глубоких ниш, вырезанных в дальней стене.

— Шабли, — произнесла Гильда, приоткрыла небольшую дверцу, взяла из-за нее запотевший бокал, в котором искрился и пенился светлый напиток. — Пунш сегодня очень хорош, — как бы по секрету сообщила она Орогору. Тот понял намек и проговорил:

— Пунш, — гадая, что же это за напиток.

Затем Орогору приоткрыл дверцу и вынул из-за нее небольшую круглую чашу с ручкой, в которую можно было просунуть только один палец. Оглянувшись на резвящуюся толпу придворных, он чуть было не опрокинул чашу: многие из проносившихся мимо пар слились в поцелуях!

— Не поверю, что вас оскорбляет поведение благородных особ, — урезонила Орогору графиня Гильда. Он обернулся, чтобы заверить ее в обратном, но увидел, как страстно блестят ее глаза. — Пойдем, — шепнула она и увлекла его за высокий гобелен, закрывавший вход в нишу. Там, в полумраке, она обвила рукой его шею и притянула к себе его голову. Орогору помешкал лишь один краткий миг, а потом его губы встретились с ее губами, и он узнал, как сладки поцелуи.

Отстранившись, Гильда рассмеялась:

— Ну вот! Я научила тебя двум наукам, и вальс был первой из них!

Орогору открыл было рот, чтобы заверить графиню в том, что он и раньше целовал женщин, но солгать не успел — Гильда взяла его за руку и снова вывела в зал. Как раз закон-

чился очередной танец, и некоторые пары расходились. Гильда шагнула на самую середину зала, подняла руки и воскликнула:

— Идите ко мне, мой принц! Быть может, вам удастся испробовать себя и в той, и в другой науке сразу!

Мгновение Орогору стоял, широко раскрыв глаза. Сердце его часто забилось, он поспешил в круг и крепко прижал к себе смеющуюся графиню. Он видел, как некоторые пары покидают зал рука об руку, но у него не было времени ни удивиться, ни устыдиться, потому что вновь зазвучала музыка, и они с Гильдой закружились в безумном, пьянящем вихре танца, и тела и губы их слились.

Орогору настолько захватило чудное волнение, что он и не заметил, что в зале нет ни единого слуги — только волшебные духи прислуживали здесь. Не заметил он и того, что все, кто обитает в Затерянном Городе, — поголовно аристократы. Ему казалось, что так и должно быть. Войди сейчас в город крестьянин или крестьянка — Орогору счел бы, что им тут не место.

Не подумал он и о том, что произошло бы, если бы ему не удалось пройти испытание на право находиться среди горожан, если бы Хранитель не удостоверил, что он — один из них. Он только радовался тому, что все сложилось так удачно, что наконец он оказался там, где ему положено было быть.

ГЛАВА 9

Для Килеты ночь выдалась долгая и холодная. Хорошо еще, что она не забыла захватить из дому кремень и огниво. Насобирав хвороста, девушка разожгла небольшой костерок. Побольше развести побоялась из страха, что огонь заметят лесничие. Килета уселась поближе к костру, пытаясь согреться, но грел маленький огонек плохо. Она сидела и слышала,

как урчит пустой желудок — давным-давно она съела несколько найденных в лесу ягод. Наконец ее сморила дремота. Она поняла, что видела сон, когда очнулась в слезах. А приснилось ей, что из леса вышел Орогору и сказал: «Ты была мне доброй спутницей, Килета, но теперь ты должна идти своей дорогой, а я пойду своей». С этими словами он повернулся и исчез в ночной тьме. Девушка в страхе огляделась по сторонам, но, похоже, никого поблизости не было. Затем, проснувшись окончательно, она вспомнила, что Орогору ушел за ворота города еще вечером. Ей удалось снова заснуть, но вскоре она проснулась от холода и в тоске уставилась в сторону ворот. Она не сомневалась в том, что Орогору нашел там свою судьбу. Тоска охватила Килету — тоска и страх из-за того, что теперь ей придется идти дальше одной.

Но вот на фоне белесых камней что-то промелькнуло.

Килета напрягла глаза. Может быть, это Орогору?

К первой фигуре присоединились другие, вспыхнули огни факелов, их свет озарил толпу людей в сверкающих одеждах. О ужас! Килета глядела на них, не в силах поверить глазам. Пожалуй, она никогда прежде не видела столько собравшихся вместе уродливых коротышек и горбунов, но и таких великолепных одежд она тоже ни разу в жизни не видела! Платья и камзолы всевозможного покроя — и все вычурные, чересчур яркие. О да, каждый наряд сам по себе был дивно хорош, сшит из дорогой, роскошной ткани, и ткани эти сверкали и переливались в свете факелов, но от блеска множества нарядов до боли слепило глаза, они сливались воедино.

А потом из толпы вышел Орогору.

Килета растерянно смотрела на него. Он был одет в синий дублет и такого же цвета облегающие штаны, расшитые серебром, на плечах его лежал синий плащ. Его волосы на лбу были завиты, а глаза сверкали восторгом. Рыдания сдавили грудь Килеты, и она бросилась ему навстречу:

— О Орогору!

Он подбежал к ней, схватил за руки, улыбаясь от уха до уха.

— Килета! О, как же здесь чудесно! Как жаль, что тебе туда нельзя!

Слово «жаль» охладило пыл девушки. Она посмотрела через плечо Орогору на сборище жалких уродцев, еще более жутко выглядящих в роскошных нарядах. Они одаривали друг дружку радостными улыбками, передвигались короткими шажками на манер магистратов и шерифов, но получалось это у них смешно, карикатурно. Вздернув подбородки, уродцы царственно взирали друг на друга, а поглядывая на Килету, морщились и хихикали. И тут девушка поняла: она не смогла бы разделить с Орогору такую жизнь, потому что никогда бы такой жизни не пожелала.

— Я... я рада, что тебе удалось найти то, что ты хотел, Орогору, — тихо сказала она.

— Здесь есть все, о чем я только мечтал! Господа и дамы, красивые и благородные люди, утонченные, образованные! Взгляни на них, Килета! Разве они не прекрасны?

Она взглянула и поежилась.

Орогору нахмурился.

— Что-то не так?

— Ночь была холодная, — уклончиво ответила Килета, гадая, как это Орогору разглядел в этих жалких шутах и шутихах благородство. Но она не имела права пробудить его ото сна, который он видел наяву, и потому вымученно улыбнулась и сказала: — Таких, как они, во всем свете не сыщешь, Орогору. Как тебе повезло!

— Несказанно повезло! Так что ты за меня не бойся, Килета. Теперь я там, куда всегда мечтал попасть! О, я надеюсь, что и твоя мечта исполнится — точно так же, как исполнилась моя!

К Орогору шагнула высокая костлявая девица, играя зазывной улыбочкой, которая совершенно не шла к ее длинной физиономии с лошадиной нижней челюстью.

— Спасибо тебе, Орогору, — онемевшими губами проговорила Килета. — Я так рада за тебя, мой старый друг! Посмотри, я плачу от радости!

— Как это мило с твоей стороны, Килета! Как благородно!

Орогору поймал пальцем слезинку Килеты и поцеловал палец.

Этот галантный жест настолько не вязался с простоватой внешностью Орогору, что Килета против воли улыбнулась.

— Прощай, Орогору. Желаю тебе счастья!

— Прощай, милая подруга.

Слово «милая» стало последней каплей в чаше отчаяния. Килета отвернулась и побрела в темноту, сдерживая слезы. Она оглянулась через плечо, но Орогору уже ушел, присоединился к своим странным спутникам. Смеясь и пританцовывая, они спешили к воротам, хотя, судя по их внешности, должны были бы горбиться и прихрамывать.

Килета шла вперед, не разбирая дороги. Когда смех Орогору и его новых друзей стих вдали, она дала волю слезам. Девушка брела по темному лесу, пока не наткнулась на дерево. Обняв могучий ствол, она рыдала так горько, что удивительно, как у нее сердце не разорвалось. Наконец она смогла признаться себе в том, что влюблена в этого неуклюжего, но славного дурачка. А он... он ее, конечно, не любил. Да, она была далеко не красавица, а Орогору... Орогору, если приглядеться к нему получше, был очень даже симпатичен, по крайней мере лицо у него было красивое — вернее, было бы красивым, не будь таким пухлым. Нет, конечно, он никогда не видел в ней женщину. И никогда не увидит. Неудивительно, что только теперь, когда Орогору был для Килеты потерян навсегда, она смогла признаться себе в том, что любит его.

Только удалившись на пару миль от того места, где бросили побитых лесничих, Дирк, Гар и Майлз устроили привал на скорую руку — нарезали соснового лапника и соорудили из

него постели. Пока двое спали, третий стоял в дозоре, но не было слышно ни звуков погони, ни шагов обходящего свой участок лесничего, а ветер не доносил даже отдаленного лая гончих псов.

Поднялись с рассветом и поспешили дальше, пустив лошадей быстрым шагом. Быстрее между деревьями лошади бежать не могли, но все же так было лучше — шагая пешком, люди устали бы намного скорее. Следы запутывали всевозможными способами, так что если бы собаки и учуяли в конце концов их след, им пришлось бы для начала изрядно попотеть.

К вечеру добрались до высоченных дубов и вязов, кроны которых были настолько пышными, что солнце к земле почти не проникало, и потому подлесок здесь был низеньким и чахлым. Майлз с облегчением сполз на землю с крупа коня Гара, вздохнул и застонал от боли в мышцах.

— Мы добрались до густых лесов. Здесь нам не так грозит опасность, как вблизи от дороги, но и это ненадолго.

— Что означает: гарантии ноль. — Гар огляделся по сторонам. — И тебе не приходит на ум, как можно было затаиться в чаще леса, Майлз?

Крестьянин покачал головой.

— Ходят россказни про тайные пещеры, где хранятся богатые клады, про лесные деревни, где обитают отверженные, про затерянные города, заросшие лесом, но я, господа, в такое не больно-то верю.

— Понятно, ведь таковы сюжеты большей части сказок.

Гар нахмурился и оглянулся по сторонам.

Треснул сучок, зашелестел подлесок... К друзьям приближались шаги. Гар и Дирк развернули коней в ту сторону, откуда мог появиться кто угодно. Живо повернулся и Майлз, вмиг забыв о боли в ногах.

Из редкого подлеска, прихрамывая, выбежала женщина. Она всхлипывала и в страхе оглядывалась через плечо. Майлз, окаменев от изумления, уставился на нее. Впервые в жизни он

видел существо, в движениях которого была такая совершенная, законченная женственность. Он был настолько ошарашен появлением незнакомки, что даже не додумался поднять с земли посох, и потому женщина, налетев на Майлза, ударилась о его грудь. Майлз развел руки в стороны, но незнакомка в страхе отшатнулась и дико глянула на него.

В чертах ее лица не было ничего особенного. Они были довольно правильными, но рот немного широковат, на щеках и переносице — веснушки. Волосы цвета лесного ореха были растрепаны, но Майлз не мог отвести глаз от нее, он был просто зачарован.

Губы женщины разжались, она была готова закричать, и Майлзу пришлось обнять ее — не крепко, так, чтобы не напугать.

— Девушка, не бойся! — умоляющим голосом проговорил Майлз. — Мы не причиним тебе зла, мы защитим тебя от любого...

Затрещали кусты, и из-за них показались те самые «любые»: шесть мужчин невысокого роста, но с крепкими мышцами, в грязных, оборванных рубахах и штанах. Щеки четверых украшала недельного возраста щетина, у двоих физиономии заросли клочковатыми бородами. При виде двоих конных стражников и крестьянина они остановились. Майлз завел девушку за спину и поднял с земли посох.

— А теперь идите своей дорогой, — негромко, спокойно проговорил Гар. — Тогда и нам и вам ни о чем не придется сожалеть.

Самый рослый разбойник зловеще оскалился, хрипло расхохотался и крикнул:

— Братцы, а они нас боятся!

— Но это же стражники! — возразил другой, самый молодой.

— Если нас изловят, так и так повесят! Так что прикончим мы стражников или нет — какая разница? Взять их!

С этими словами он выхватил ржавый меч и с воем понесся к Гару. Его приспешники ожили и поспешили следом за своим предводителем, изрыгая грязные ругательства.

Гар даже меч из ножен не вытащил. Он развернул коня, наклонился в седле и, когда вожак разбойников, промахнувшись, пролетал мимо, врезал ему кулаком по виску. Вожак покачнулся и упал на колени.

На Майлза бросились сразу двое, криками требуя отдать им женщину. Первый из них потрясал суковатой дубинкой, а второй — мечом, настолько зазубренным, что его уже запросто можно было использовать в качестве пилы. Майлз заслонился посохом от первого разбойника, потом резко поднял свое оружие вверх и обрушил на лезвие меча. Лезвие треснуло, и обалдевший разбойник, уставившись на свой меч, обнаружил, что от клинка осталось всего шесть дюймов.

Третий разбойник выхватил из-за спины лук и натянул тетиву, а еще один, оглушительно вопя, бросился на Дирка с копьем. Наконечник целил прямехонько в сердце, но Дирк вовремя уклонился в сторону, ухватил копье за древко и рванул его на себя. Разбойник налетел на бок лошади и ополз наземь. Дирк перебросил копье наконечником вперед и, крикнув:

— Эй, лучник! — с силой метнул копье.

Последний из разбойников поднял свой куотерстаф на манер пики и, подвывая, побежал к Гару. Великан поймал оружие врага за лезвие, упер концом в колено, и рукоятка врезалась в живот владельца куотерстафа. Тот, тяжело дыша, опустился на землю. Гар отдернул клинок.

Второй из тех злодеев, что накинулись на Майлза, злобно взревел и размахнулся дубинкой. Майлз не преминул воспользоваться его ошибкой, и вогнал свою дубинку в живот соперника. Тот согнулся пополам от боли и шлепнулся на задницу. А Майлз тем временем отпрыгнул назад, заслонился посохом и быстро огляделся по сторонам — нет ли еще желающих напасть на него.

Лучник заряжал лук, когда его слуха достиг окрик Дирка. Он вздрогнул, отвел взгляд от своего оружия и, увидев, что за опасность ему грозит, в страхе вытаращил глаза, взвизгнул и отскочил в сторону. Копье промазало всего на пару дюймов.

Гар громко вскричал, завертел отобранным у разбойника куотерстафом над головой, став похожим на ветряную мельницу, и развернул своего коня к вожаку. Тот завопил от страха, встал на четвереньки, выпрямился и со всех ног припустил к кустам.

Дирк улюлюкнул, пришпорил лошадь и погнал ее на лучника. Бедняга взвыл от испуга и опрометью бросился за деревья. В двух шагах от зарослей Дирк натянул поводья и развернул лошадь как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как спасаются бегством еще двое злодеев-неудачников. А еще двое валялись на земле без чувств.

Майлз осмотрелся, не заметил врагов, способных передвигаться, бросил дубинку на землю и раскинул руки в стороны, глядя на беглянку.

— Ну вот, девушка, все позади. Мы им не дадим тебя и пальцем тронуть.

Мгновение незнакомка стояла, не шевелясь. Она разжала губы, не зная от чего вскричать — от страха или от радости. А потом припала к груди Майлза, и все ее тело сотрясли громкие рыдания. У Майлза голова закружилась от волнения, он обнял незнакомку, изумившись тому, как это чудесно. Впервые в жизни он держал в объятиях девушку. Он беспомощно оглянулся, но увидел, что Гар одобрительно кивает ему. Майлз набрался смелости и принялся бормотать слова утешения — примерно такие, какими успокаивала его в детстве мать:

— Ну-ну, теперь все будет хорошо, мы тебя им не отдадим. Тише, тише, не надо плакать, тут все — твои друзья.

Наконец девушка всхлипнула, немного отстранилась и, прижавшись щекой к рукаву Майлза, отерла слезы. Робко улыбнувшись, она заглянула ему в глаза.

— Спасибо тебе, добрый человек! Никогда не сумею отблагодарить тебя, как подобает.

— Только что отблагодарила. — Интересно, откуда у него взялась эта учтивая фраза? — Но не только я дрался ради твоего спасения, девушка. Эти добрые господа постарались побольше моего.

— На сей раз — нет, — усмехнулся Дирк. — Ты уложил столько же злодеев, сколько каждый из нас, Майлз.

— Так тебя зовут Майлз? — спросила девушка, широко раскрыв глаза. — А меня — Килета.

— Приятно познакомиться, — ответил Майлз. Слова слетали с его языка с неведомой прежде легкостью. — Теперь я рад, что бежал от бейлифа.

— Бежал? — Килета попятилась. — Но из-за чего?

— Из-за того, что отказался жениться на женщине, которую для меня избрал магистрат, да и ей не хотелось выходить за меня, — объяснил Майлз. — Правда, я не пошел к магистрату и не сказал ему о том, что отказываюсь, я просто бежал, и все. А ты как оказалась в лесу, бедняжка?

Килета потупилась.

— Я шла с другом. А он искал Затерянный Город. Он нашел его и решил остаться там.

— Затерянный Город? — Гар подвел своего коня поближе и пристально, заинтересованно посмотрел на Килету. — А ведь там было бы неплохо укрыться от ищеек и лесников. Ты смогла бы отвести нас туда?

— Ой... Не знаю, господин. — Килета в замешательстве огляделась по сторонам. — Я долго металась по лесу, пока бежала от этих мерзавцев... — На самом деле ей совсем не хотелось возвращаться к тем странным, уродливым, кричаще разодетым людям... но лес казался еще более опасным, чем руины города, а теперь у нее еще появились друзья, способные защитить...

Почему-то Килета не сомневалась в том, что Майлз готов биться за нее до последней капли крови. Понимание этого согрело

ее сердце. Почему — об этом она и гадать не хотела, но чувствовала, что рядом с ним она — в безопасности. Быть может, и его друзья тоже были достойны доверия, но ради чего они дрались? Ради того, чтобы спасти ее, или ради того, чтобы завладеть ею? Но нет, они не могли бы обмануть Майлза.

— Вспомни, — посоветовал девушке Гар. — Где было солнце? За городом или у тебя за спиной?

— За городом, — не раздумывая, отвечала Килета. — Но не солнце, а луна, господин. Я шла несколько дней — наверное, четыре. Но как тут увидишь луну, когда деревья растут так густо?

— Он найдет, не беспокойся, — заверил Килету Дирк.

— Килета, это мои господа, Дирк и Гар, — представил девушке своих спутников Майлз.

— Друзья, — поспешно поправил крестьянина Дирк. — Друзья, и никак иначе, сударыня. Он нам не принадлежит. Рад знакомству.

— И я. — Гар почтительно склонил голову.

— На самом деле они — не стражники, — пояснил Майлз. — Просто переодеты стражниками. Они из дальних земель, и многое в наших обычаях им незнакомо.

— А в других округах все по-другому? — спросила Килета, широко раскрытыми глазами глядя на всадников.

— Боюсь, мы живем гораздо дальше, чем другие округа, — уклончиво ответил Дирк.

— Давайте по пути поговорим, — предложил Гар. — Если луна стояла за городом, значит, нам — сюда.

— Ну, хорошо, так получится на восток против запада, — сказал Дирк, догнав Гара. — Но как быть с севером и югом?

— О, не волнуйся, найдем какой-нибудь ориентир, — небрежно отозвался Гар.

Дирк, прищурившись, глянул на друга.

— Ты-то найдешь, это точно. — Он обернулся к Майлзу и Килете. — Ну, вы идете, или как? Майлз может сесть к Гару, а Килета — ко мне.

— Я лучше пешком пойду, — торопливо ответила Килета, ну и Майлз, конечно, тоже заявил:

— И я пешком.

— Ну, как пожелаете, — усмехнулся Дирк. — По большому счету лошади по темному лесу шагают не быстрее пеших.

С этими словами он тронул своего коня с места, а Майлз с Килетой зашагали следом.

— А что это был за парень такой, который увел тебя в лес? — осторожно поинтересовался Майлз. — Каков он был собой?

— Он... не выше тебя ростом, — отвечала Килета. — Толстяк — так, пожалуй, можно было бы сказать. Но у него большие-пребольшие глаза самого красивого коричневого цвета, какой только можно вообразить, маленький курносый нос, широкие скулы и пухлые губы. И еще он, Орогору, так благороден... но только ему не давали этого показать...

Она говорила о своем друге так тепло, что Майлз понял: девушка влюблена, и его охватила ревность такой силы, что он сам удивился. Килета не была красавицей, но в чертах ее лица было что-то дивно очаровательное — в форме носа, разрезе глаз, длинных ресницах. Сердце Майлза часто, взволнованно билось. Он гадал — уж не влюбился ли он?

Треснул сучок. Килета похолодела от испуга и замерла. Остановились и всадники. Через мгновение Гар сообщил:

— Всего-навсего барсук.

Он прищелкнул языком, и его лошадь зашагала вперед.

Продолжили путь и все остальные, но Килета испугалась не на шутку. Широко открыв глаза, она попросила Майлза:

— Прошу тебя, давай помолчим. Разбойники могут услышать. Вернутся и приведут с собой всю шайку.

Майлз улыбнулся.

— Топот копыт они все равно услышат. Правда, топать могут и олени. А в общем — как хочешь.

И они пошли дальше следом за Гаром и Дирком в молчании.

Майлз ничего не мог поделать — время от времени, когда они проходили по озаренным луной прогалинам, он искоса поглядывал на Килету. Пусть девушка была оборванна и чумаза, но в ней было нечто волшебное, неуловимое, от чего Майлз чувствовал неизъяснимый восторг. Килета, видимо, чувствовала себя неловко от такого пристального внимания.

— Осторожнее, — предупредил ее Майлз. — Впереди корень торчит.

Девушка улыбнулась.

— Вижу. Не бойся за меня. Я семь лет охотилась в лесу.

— Ты? — изумился Майлз.

Женщины редко занимались охотой.

— Да, я. Отец мой все эти годы болел, а я знала, что ему нужно мясо. — Килета помрачнела. — Но не думай, я не бросила его, это он покинул меня, ушел за врата смерти.

Майлз испугался этих слов.

— Не вини его за это, девушка. Он не сам выбрал этот путь.

— О, я знаю, знаю, — вздохнула Килета. — Но он ушел, и некому стало защитить меня от магистрата и от деревенских парней, которые были не прочь заполучить отцовский дом.

— А-а-а. Тогда понятно, почему ты в обиде на него, — кивнул Майлз. — Но я думаю, что и твой отец в обиде на смерть за то, что она отняла его у тебя.

— Что ты такое говоришь! — выпучила глаза Килета. — Послушать тебя — так выходит, будто он, лежа в могиле, до сих пор жив!

— Нет, конечно, но я слыхал — кое-кто поговаривает, будто бы дух живет и после того, как умирает тело, — медленно проговорил Майлз. — И дух пытается странствовать по миру, если не завершил земные дела.

— Ты про призраков? — ахнула Килета.

— Да, про призраков из детских сказок. Никто ведь не спрашивает, что бывает с духами тех, кто при жизни закончил все дела, — задумчиво произнес Майлз. — Быть может, есть

какое-то место, где они обретают покой — что-то вроде Дома Духов?

— Есть, наверное, — не слишком уверенно проговорила Килета. — И наверное, это счастливое место, правда? Ведь там все живут, радуясь тому, что хорошо справились со своей работой.

Гар ехал вперед, прислушиваясь к беседе двоих молодых людей, которые фактически изобретали религию. Он добродушно улыбнулся. Дирк встретился с ним взглядом и понимающе подмигнул.

А потом далеко-далеко и так тихо, что этот звук можно было бы приписать игре воображения, послышался лай собак. Майлз остановился, страх сковал его по рукам и ногам, хотя лай сразу же утих. Гар усмехнулся.

— Они пошли по ложному следу.

— Это задержит их на несколько часов, — согласился Дирк, — но к утру они нас все равно нагонят. Не мог бы ты поскорее разыскать этот город?

— Мы движемся к нему прямой наводкой, — успокоил товарища Гар. — И до него уже недалеко. Скорее всего Килета, уйдя оттуда, бродила кругами, а уж после того, как за ней погнались разбойники, — точно.

Килета изумленно посмотрела на Гара, но Майлз коснулся ее руки и ободряюще улыбнулся.

— Так бывает в незнакомом лесу, — сказал он, развернулся к тропинке, и... о ужас! Прямо к ним, изредка озаряемый лунным светом, шагал скелет!

ГЛАВА 10

Майлз задал бы стрекача от страха, но Килета громко закричала, и он, не раздумывая, заслонил ее собой от скелета. Гар и Дирк, не мигая, смотрели на приближающийся кошмар, и Дирк тихо-тихо произнес:

— Нет, это надо же!

— Попробую угадать, — сказал Гар. — Я бы сказал, что Затерянный Город остался от первых колонистов.

— Значит, он покинут пятьсот лет назад! Удивительно, что он еще функционирует!

Майлз стоял, выпучив глаза. Килета вскрикнула:

— Что за чушь они несут?

Гар обернулся и успокаивающе улыбнулся.

— Нет причин бояться, братцы. Это всего-навсего машина.

— Машина?! Машины — это такие огромные неуклюжие штуки вроде мельниц! А это... это ходячий скелет, дух покойника!

— Вовсе нет, — заверил крестьян Гар. — Это робот. Скажем так... движущаяся статуя.

— Но откуда взяться источнику питания, который позволил этому красавцу так долго работать? — изумился Дирк. — И как они вообще заставили его работать?

— Мы подзаряжаемся каждый день, сэр, — отвечал скелет. — А автоматическое оборудование производит запасные части в соответствии со схемами, внесенными в файлы памяти.

Килета взвизгнула. Майлз чуть было и сам не завопил от страха.

— Как же вы говорите — не дух, когда он разговаривает?! — в ужасе воскликнула девушка.

Безликий череп развернулся к ней, и скелет проговорил:

— Это устройство оборудовано вокодером и компьютером, и запрограммировано отвечать на вопросы людей.

— Чушь! — прошептала Килета. — Это призрак, который несет чушь!

— Чем-то это можно объяснить, — стараясь говорить уверенно, сказал Майлз. — Если Гар и Дирк говорят, что тут есть какой-то смысл, значит, есть... какой-то.

— А что ты станешь делать, если люди вместо того, чтобы задавать тебе вопросы, нападут на тебя? — поинтересовался Дирк.

— Мы парализуем их, сэр.

— «Мы»... — Гар нахмурился. — И много вас тут?

— Триста, сэр. Половина дежурит днем, половина ночью.

— Дозор несете? — напрягся Дирк. — И кого же высматриваете?

— Крупных зверей, сэр, и разбойников, а также всех прочих, кому вздумается войти в город и напасть на его обитателей или пожить в безделье. Такова была наша первоначальная программа.

Гар сдвинул брови.

— Нас ты, видимо, за разбойников не принял.

— Нет, сэр. Вы не производили угрожающих движений, и, хотя вы имеете оружие, вы явно не намереваетесь атаковать. К тому же группа ваша невелика, чтобы представлять собой угрозу.

— А ведь это не совсем скелет, — шепнул Майлз Килете. — Посмотри — у него нет ни глазниц, ни дырки на месте носа.

— Нет, — широко раскрыв глаза от изумления, — прошептала в ответ девушка. — И ребер у него нет. Он похож на приплюснутое яйцо. И... Майлз, он блестит, как отполированная сталь!

— Верно, — кивнул Майлз. — Наверно, так и должно быть. А я думал, что древние предания — всего лишь детские сказочки!

— Ты верно угадал, — сказал Гар роботу. — Мы не разбойники. На самом деле мы беглецы, ищущие приюта. Можешь ли ты отвести нас в город на ночлег?

— Уверен, вам окажут гостеприимство, сэр. Прошу вас следовать за мной.

Робот развернулся и зашагал во тьму. Гар и Дирк тронули с места коней и последовали за ним, дав знак Майлзу и Килете не отставать. Пару минут те боялись тронуться места, но потом бросились вдогонку бегом. Перейдя на шаг, Килета спросила:

— Что же они за люди, эти твои друзья, если не испугались этой... этой твари?

— Люди они очень странные, — ответил Майлз. — Правда, они уже дважды спасли меня от людей бейлифа и все время были добры ко мне. И я должен помогать им, потому что про нашу жизнь они почти что ничего не знают.

— Похоже, они сведущи в колдовстве, — заключила Килета, бросив опасливый взгляд на скелет.

— Они были бы первыми, кто бы сказал мне, что это не так.

— А ты бы им поверил? — спросила она, прищурившись.

— Нет, — признался Майлз. — Не поверил бы, честно говоря.

Несколько часов — так по крайней мере показалось Майлзу — они следовали за скелетом, и вот наконец лес начал редеть, и вскоре между стволами стали видны озаренные луной высокие башни.

Спутники невольно остановились. От удивительного зрелища у них перехватило дух. Камни серебрились в свете луны. Город казался сказочным, волшебным царством. Пусть башни были увиты цветущими лианами, пусть всюду, где только можно было уцепиться корнями, на них проросли кустики и маленькие деревца, но все же впечатление волшебства не пропадало.

Робот остановился, повернул голову.

— Почему вы не идете дальше? — поинтересовался он.

— Любуемся красотой, — объяснил ему Дирк.

Серебристый череп чуть наклонился вперед.

— Ясно. Это человеческое понятие. Честно говоря, для меня это слово — бессмысленное сочетание звуков, однако, похоже, это понятие овладевает представителями вашего вида в самое неподходящее время.

— А сейчас время самое что ни на есть неподходящее, — согласился Гар. — Хотелось бы взглянуть на эту красоту с более близкого расстояния, дозорный.

— Конечно, сэр. Сюда.

Робот ухитрился найти тропинку там, где каждый из спутников ее бы наверняка не заметил. Они медленно последовали за ним, не в силах отвести взгляд от величественных башен.

— Ты уже видела этот город, — сказал Майлз.

— Да, но он снова зачаровал меня, — призналась Килета и улыбнулась, глядя на сверкающие башни. Глаза ее сверкали — уж не от слез ли? — Быть может, теперь я не побоюсь войти туда, когда со мной рядом друзья.

— О, мы, конечно же, твои друзья, — поспешил заверить девушку Майлз и удержался, не сказал, что хотел бы стать для нее больше, чем другом. Удивительно — откуда у него взялось такое чувство к женщине, с которой он был едва знаком. — Но чего там было бояться?

Килета поежилась и была готова ответить на вопрос Майлза, но тут деревья окончательно расступились, исчез и подлесок, и спутники оказались прямо напротив широкого проема в высокой блестящей стене.

— Это ворота, — пояснил робот. — Добро пожаловать в город Фиништаун.

— Финиш. Конец пути — для корабля, набитого колонистами. — Гар, прищурившись, провел взглядом по линии холма за стенами. — Видишь, как дома взбираются ярус за ярусом до самых высоких башен?

Дирк кивнул:

— Корабль до сих пор здесь, просто он захоронен под постройками. Считаешь, так и было задумано?

— Почти наверняка, — отозвался Гар. — В конце концов, у них же не было достаточного количества топлива, чтобы снова взлететь. Так почему было не превратить корабль, служивший колонистам домом столько лет, в часть пейзажа? Вот он и остался их домом навсегда.

Майлз и Килета слушали их разговор с широко открытыми глазами.

— Это правда, дозорный? — спросил Дирк.

— Вы верно угадали, сэр, — ответил робот. — Желаете войти?

— Трудно сказать, — медленно проговорил Дирк.

Порыв ночного ветра донес еле слышный лай собак.

— А если подумать, так, пожалуй что, очень желаю. Веди нас в город, дозорный.

Робот первым вошел в ворота.

— Дозорный, — окликнул его Гар. — За нами могут явиться люди с собаками. Отпугни их, ладно?

— Конечно, сэр. Я нанесу на ваши следы слабый раствор производного бензина, но думаю, опасаться вам не стоит. Эти люди не религиозны, но среди них весьма распространены предрассудки.

— А это нам на руку, — пробормотал Дирк.

— Определенные примитивные позывы всегда выражаются в той или иной форме, — негромко отозвался Гар.

— О чем они разговаривают? — ошеломленно прошептала Килета.

Майлз в недоумении покачал головой:

— Понятия не имею.

Гар вдруг резко натянул поводья своего коня. Дирк, ехавший чуть позади, спросил:

— Что, призраки?

— Их не так много, — ответил Гар. — К тому же они незлые.

Будь Майлз один, он бы немедленно удрал. Но с ним рядом была Килета, и потому бежать он не осмелился.

А она, широко открыв глаза, смотрела по сторонам.

— О чем это он? Я никого не вижу, даже тех уродцев!

Майлз всмотрелся в длинную, широкую безмолвную улицу, окинул взглядом один дом за другим.

— Если бы тут были призраки, они бы, наверное, сбежались сюда, — медленно проговорил он. — Но я ничегошеньки не вижу.

— А если бы мы их и увидели, какая разница? — дрожащим голосом сказала Килета. — Где бы еще мы могли спрятаться, когда за нами гонятся собаки?

Она крепче сжала руку Майлза, и, честно говоря, Майлз от этого почувствовал себя куда более уверенно, чем она.

Дирк указал на развалины здания, похожего на древнегреческий храм, на вершине высокого холма.

— Самое возвышенное место, — отметил он, — и наверняка оттуда есть потайные ходы.

— Хорошо придумано, — согласился Гар. — Дозорный, можешь отвести нас туда?

— Конечно, сэр, — ответил робот и зашагал впереди людей по улице. Гар и Дирк пошли за ним, а Майлзу и Килете ничего не оставалось, как идти следом, хотя с каждым шагом у Майлза душа уходила в пятки.

Дорога вывела спутников на широкую круглую площадь, от которой в разные стороны расходилось с десяток улиц. Без тени растерянности робот выбрал ту из них, что вела вверх по холму к «храму».

— Странно — зачем бы взбираться пешком на такую верхотуру? — удивился Дирк.

— Да, сэр, вы правы, но в этом был смысл. Дети любили кататься со склона. Когда выпадал снег.

Килета почти беззвучно рассмеялась.

— Ну, разве можно бояться места, где когда-то детишки катались с горки?

— Да и мне не страшно, — усмехнулся Майлз. — Особенно — если их призраки счастливы.

— Счастливы, не сомневайтесь, — донесся до них голос Гара, шагавшего впереди.

Майлз нахмурился, а Килета спросила:

— Но как это можно узнать, счастлив призрак или нет?

— Он шутит, — объяснил ей Майлз. — Никаких тут нет призраков.

Он искренне надеялся, что это так и есть.

Улица вела прямо вверх по склону холма.

— Захоронили корабль, а потом возвели насыпь с плавным уклоном, — предположил Дирк.

Гар кивнул:

— Они же строили санную горку, а не американские горы.

— Опять они заговорили на своем тайном языке, — вздохнула Килета.

Майлз взглянул на нее и усмехнулся. Она была либо на редкость уживчива, либо удивительно смела. А может быть — и то и другое.

Они взбирались все выше и выше, шагая между озаренных луной зданий, стены которых были окрашены в розовый, голубой и серый цвета. Дома смотрели на них пустыми глазницами окон, но почему-то казалось, будто бы они улыбаются. Да, скорее здесь все-таки жили счастливые, а не несчастные люди. А позади все громче и громче слышался лай собак. Между тем Майлз отчего-то чувствовал себя здесь словно под чьей-то защитой.

Наконец подъем закончился, и они оказались на просторной круглой площадке перед величественным, похожим на храм, зданием. Длинная-предлинная лестница вела к дверям, украшенным выпуклой резьбой. Правда, ступени лестницы были невысоки, да и подъем плавен, так что Майлз решил, что подняться по ней труда не составит.

— Лошадей придется оставить здесь, — предупредил робот.

— Разумно, — согласился Дирк и привязал лошадь к ближайшему мраморному столбику. — Пошли.

Гар тоже спешился, и все спутники пошли вверх по лестнице к храму. Подъем действительно был нетруден, но долог, и в конце концов ноги у Майлза разболелись. Он сочувственно поглядывал на Килету, но та, похоже, страдала меньше, чем он, — только дышала тяжело.

Но вот ступени закончились, и перед спутниками встали колонны храма. Вблизи они оказались гораздо выше, чем выглядели снизу, от подножия холма. Майлз в восхищении поднял взгляд.

И тут где-то совсем близко дико, остервенело залаяли собаки.

— Животные вышли из леса и наткнулись на ваши следы, — сообщил робот.

У Майлза под ложечкой засосало от страха. Он обернулся и увидел, как из башен вырвались зигзаги молний.

— Я не хотел, чтобы из-за меня погибли люди! — в ужасе вскричал Майлз.

— Никто не погиб, — заверил его робот с такой непоколебимой убежденностью, что у Майлза волосы на затылке встали торчком. — Энергетический разряд ударил в землю на большом расстоянии от людей, но этого было вполне достаточно, чтобы они остановились. Можете послушать, о чем они говорят.

Робот не пошевелился, но неожиданно зазвучали голоса — они словно взлетели над ступенями лестницы. Лаяли и выли в страхе собаки. Мужской голос произнес:

— Собаки теперь дальше не пойдут, бейлиф.

— Я их наказывать за это не стану. Ладно, лесничий, пойдемте отсюда, если уж они скрылись здесь, считай, что сами себя в темнице заперли.

— Это точно. — Первый голос прозвучал приглушенно — словно говоривший отвернулся. — Всякий, кто сюда придет по своей воле, — такой же, как все остальные.

— Верно, — подтвердил еще один. — Раз уж выбрали это местечко, какая разница? Здесь или в приюте для умалишенных — все одно.

А потом и лай собак, и оклики людей стали тише и вскоре совсем умолкли.

— Направленный звук, — предположил Дирк. — Автоматически сфокусированный в определенной точке.

Гар кивнул:

— Параболические антенны, встроенные в стены. Ну а разряды их здорово напугали.

— Да и меня бы напугали, — признался Дирк и обернулся к роботу. — А откуда город узнал, что этих людей нужно отогнать, дозорный?

— Как — откуда, сэр? Вы же сообщили данному устройству, что вас преследуют.

— Ага! — Дирк заинтересованно поглядел на Гара. — Значит, если мы что-то сообщаем частице города, можно считать, что оповещаем весь город целиком. Где-то установлен центральный компьютер?

— Похоже на то, — согласился Гар и обернулся к Майлзу. — Но почему наш приход сюда означает попадание в тюрьму или сумасшедший дом?

Майлз только растерянно развел руками. Килета столь же недоуменно покачала головой.

— А почему бы не спросить об этом у тех, кто здесь живет? — негромко спросил Дирк.

Спутники повернулись к храму. Оттуда полился приглушенный свет. У открытых дверей сгрудилась толпа коротышек в роскошных нарядах.

Орогору к появлению незнакомцев отнесся с подозрением, как и прочие его собратья-аристократы, но когда Хранитель сообщил им, что за прибывшими гонятся бейлиф и лесничие, Орогору стало жаль их. А потом, когда живая картина на стене большого зала показала, что погоня уходит, когда все услышали, как лесничие сказали, что беженцам самое место в городе, король Лонгар вскричал:

— Им вполне можно доверять! По меньшей мере дадим им переночевать здесь!

— Так или иначе, — заключил один престарелый герцог, — Хранитель скажет нам, вправду ли они ровня нам или нет.

— Итак, предоставим им кров на эту ночь, — объявил свою волю король Лонгар. — Орогору, принц Приммер, ты, как вновь прибывший, обязан поприветствовать наших гостей.

Орогору так обрадовался поручению короля, что сразу забыл о том, что весть о прибытии незнакомцев вызвала у него смятение.

— Благодарю вас, ваше величество, — поклонился он королю и вместе с остальными придворными вышел вслед за Лонгаром на вершину парадной лестницы.

Там все они встали в ожидании, когда же нежданные гости удосужатся обратить на них внимание. Ожидание затянулось, и король с придворными уже начали гневаться: гостей, похоже, гораздо больше интересовало озаренное луной здание дворца, нежели они сами. Но вот наконец незнакомцы соизволили обернуться к дверям и застыли. Орогору улыбнулся. Гости явно испытывали благоговейный трепет при виде столь блестящей толпы, и потому к нему вернулась уверенность.

— Орогору, успокой их, прогони их страх, — повелел король Лонгар.

— Всенепременно, ваше величество. — Орогору шагнул вперед и поднял руку в приветствии. — Добро пожаловать в город Фиништаун.

Самый молодой из незнакомцев заслонил собой женщину, но самый высокий поднял руку и громко ответил:

— Благодарю вас за гостеприимство.

— Я Орогору, принц Приммер, — сообщил Орогору, постаравшись улыбнуться как можно более успокаивающе.

Женщина выглянула из-за плеча того мужчины, что заслонил ее собой, глянула на Орогору широко распахнутыми глазами, и тут он наконец ясно рассмотрел ее лицо.

— Килета! — вскричал он и, забыв о подобающем принцу достоинстве, бросился к ней бегом между колонн и радостно обнял ее. — Килета, ты все-таки вернулась!

— О Орогору! — воскликнула Килета, голос ее сорвался, она расплакалась и прижалась к юноше.

Мужчина, стоявший рядом с ней, помрачнел и отвернулся, а тот, что был выше всех ростом, обнял его за плечо.

Орогору, гладя волосы старой подруги, обратился к ее спутникам, вспомнив о поручении короля.

— Кто вы такие, ищущие спасения в нашем городе?

— Я — Магнус, кузен графа д'Арманда и наследник великого чародея лорда Грамэри, — ответствовал Гар.

Орогору вытаращил глаза. Позади послышался восхищенный, взволнованный шепот придворных. А чему удивляться? Ведь в конце концов, случайные гости оказались-таки особами высокого рода.

— Представьте ваших спутников, прошу вас, — пробормотал Орогору.

— Прошу прощения, — Гар склонил голову и указал на Дирка и Майлза, — за то, что промедлил с представлениями. Мои спутники — герцог Дюлейн и маркиз Майлз. Благодарим ваше высочество за гостеприимство.

Маркиз? Гар, похоже, свихнулся! Всякому ведь было ясно, что Майлз — самый простой крестьянин! Майлз оглянулся на Дирка в поисках поддержки, но тот только медленно согласно кивнул. У Майлза пересохло во рту. Что же — и Дирк свихнулся, что ли?

Нет. Конечно же, нет. Эти люди были опытными странниками и знали, где как себя вести. Майлз попытался успокоиться, но не переставал гадать, с какой стати Гару понадобилось выставлять его маркизом.

Они заняли места за пиршественным столом: гости сели по обе стороны от короля во главе стола согласно своим высоким титулам. Рядом с ними сел Орогору, поскольку он приветствовал гостей. Майлз строго-настрого запретил себе ревновать: пока Килета никаких чувств, кроме дружеских, к Орогору не выказала.

Подали блюдо с креветками, и Гар взял коктейльную вилку. Он делал вид, что не замечает того, что некоторые из

«аристократов» испытывают явные трудности с выбором предметов сервировки, а затем старательно подражают сидящим поблизости более опытным собратьям. Гар обратился к Орогору, который выбрал нужную вилку, подсмотрев за королем:

— Килета утверждает, что вы в городе совсем недавно, принц.

— Это так и есть, — отвечал Орогору. — Как многие из собравшихся здесь аристократов, я был взращен втайне, под видом крестьянина. — Он с извиняющейся улыбкой обвел рукой стол. — Мы неловки, нам предстоит научиться многому такому, чему нас не могли обучить наши приемные родители крестьяне, но учимся мы быстро. — Его улыбка стала более уверенной. — Я уже значительно улучшил свою стать и поступь.

— О чем это он? — тихо спросил Майлз, не желая, чтобы его услышала Килета.

— Об осанке и походке, — пояснил Дирк.

— И странно же они слова переиначивают... — покачал головой Майлз.

— Вот как? — В голосе Гара выразилось восхищение. — И как же вам удалось так быстро выучиться?

— О, путем наблюдения за другими господами и дамами, конечно же, — ответил Орогору. — А также с помощью волшебной картины, что висит в моих покоях.

— Волшебной? — заинтересовался Дирк. — Она показывает движущиеся изображения?

— Истинно так, — подтвердил Орогору. — Я повелел ей показать мне, как подобает двигаться господам и дамам, и она представила мне историю под названием «Король Ричард II». — Лицо его стало печальным. — История эта трагична и благородна, она повествует о том, как истинный король был смещен с престола низким изменником, и о том, как его казнили в темнице.

— Ну а господа и дамы там двигались с непередаваемым изяществом, — заключил Гар. — Но насколько я помню эту пьесу, в ней и крестьяне участвуют.

— О да, о да, милорд! — усмехнулся Орогору. — Они неуклюжи, неловки в движениях и в этом очень похожи на меня — такого, каким я явился сюда. Хранитель показал мне, каким я был в тот день, когда меня впервые привели во дворец. Теперь мне это кажется таким смешным!

— Понимаю, — улыбнулся Гар и многозначительно глянул на Дирка. — Так вы видели записанные изображения прошедших событий, вот как? А кто такой Хранитель?

— Все встречались с ним, но никто с ним не знаком, — загадочно отвечал Орогору. — Он — дух, что обитает внутри дивно изукрашенной стены. И вы побеседуете с ним нынче же ночью.

Майлз обратил внимание на то, что Орогору объявил об их предстоящей встрече с Хранителем таким уверенным тоном, словно иного выбора у гостей попросту не было. Он глянул на Килету, и сердце его болезненно сжалось. Он заметил, что она страдает, и это было понятно: Орогору с мгновения встречи не уделял ей совершенно никакого внимания и при этом строил глазки высокой костлявой дамочке с длинной физиономией. Та отвечала ему игривыми взглядами, совершенно не шедшими женщине такой внешности.

Гар вновь обратился к Орогору:

— Но скажите, принц, почему в вашем городе не видно детей? Насколько я могу судить по ухаживаниям, имеющим место за этим столом, придворные кавалеры и дамы не оставляют друг друга без внимания. Неужели у них никогда не родятся сыновья и дочери?

Орогору вытаращил глаза. Он явно не знал, что ответить. Заметив это, на помощь ему пришел король Лонгар.

— Любовные игры непрестанны, граф, часты и любовные связи — они помогают избавиться от меланхолии, которой так подвержены аристократы.

— Следовательно, браки здесь у вас заключаются нечасто — в противном случае неизбежно возникали бы дуэли.

— Мои придворные действительно редко вступают в брак, — подтвердил король. — А от их связей почему-то не родятся дети. Тех же немногих детей, что родятся от браков, увы, неизменно похищают эльфы.

— Эльфы? — с неподдельным интересом переспросил Гар. — Вы уверены?

Король раздраженно пожал плечами.

— Кто может сказать наверняка, когда имеешь дело с эльфами? Но младенцев укладывают в колыбели, и их стерегут несколько придворных — уверяю вас, они в этих делах проявляют большую взаимовыручку. Но утром, невзирая на то что бдительные стражи всю ночь не смыкают глаз, младенец исчезает. Чем же еще это можно объяснить, как не проделками эльфов?

Гар и Дирк переглянулись. Гар сказал королю:

— Благодарю вас за то, что просветили меня, ваше величество, — и склонил голову. Этот толстячок-коротышка, больше похожий на деревенского пивовара, чем на короля, и в самом деле просто-таки излучал царственность.

— Рад был удовлетворить ваше любопытство, — улыбнулся король со снисходительностью, которая выглядела ужасно смешной со стороны такого потешного создания. Он вступил в разговоры со своими придворными, держа при этом спину подчеркнуто прямо и приподняв подбородок, но напускное благородство так не вязалось с его внешностью, что Майлз с трудом удерживался от смеха.

— Скажите, милорд, — обратился к Гару Орогору, — чему посвятил свою жизнь ваш отец, великий чародей, что заслужил такой высокий титул?

Гар ответил на этот вопрос витиевато и мудрено в высшей степени — так, что из его ответа понять было невозможно ровным счетом ничего, а затем принялся сам сыпать вопросами и вовлек в беседу практически всех сидевших за столом. Придворные с сияющими глазами, волнуясь, рассказывали об ис-

тории, литературе и политике. Когда трапеза закончилась, разговоры продолжились. «Лорды» и «леди» разделились на небольшие группы и вели взволнованные беседы, хотя музыка звала их танцевать.

Высокая костлявая особа с длинной физиономией все же откликнулась на призывные звуки музыки и взглянула на Орогору. А поскольку тот и сам то и дело посматривал на нее, то мгновенно отреагировал на ее взгляд и, подойдя к ней, отвесил изящный поклон.

— Графиня Гильда! Не могли бы мы послушать, какого вы мнения о Гуситских Войнах?

— Быть может, позже, принц, — отвечала графиня. — А сейчас я просто не в силах устоять на месте. Музыка зовет меня в пляс.

— Вот как? Что ж, тогда подарите мне этот танец! — И Орогору обнял графиню и закружился с ней по блестящему паркету.

Майлз и Килета, всеми брошенные, остались вдвоем за стоявшим на возвышении столом.

— Он всегда знал этот танец? — спросил Майлз.

— Нет, что ты! Он вообще не умел танцевать! Этому он выучился за последние несколько дней, и кланяться научился, и голову держать запрокинутой, и прямо держаться, и двигаться так легко! — В глазах девушки стояли слезы. — А это что за кобылица такая, которую он зовет графиней? Кто она такая, что разыгрывает из себя сказочную фею? Да как она смела забрать его!

Майлз, выпучив глаза, уставился на Килету, а потом к нему вернулась надежда. Да, она, наверное, влюблена в Орогору, но он к ней относится чисто по-дружески, не более того. Скорее всего он влюблен в свою «графиню». Майлзу стало стыдно из-за того, что он радуется тому, что приносит боль Килете, но зачем было скрывать это от себя самого? Гильда одарила его возможностью поухаживать за Килетой, поискать

путь к ее сердцу, а он уже открыто признавался себе в том, что полюбил ее. Это было странное, волнующее чувство, потому что раньше Майлз ни разу не влюблялся. Он обернулся и стал следить взглядом за танцующей парой — их до сих пор было легко различить среди других танцоров, которые присоединились к ним. Майлз видел, как сияют глаза Гильды, как ответно сверкают глаза Орогору, он слышал, как она радостно смеется, как гортанно хохочет он.

Наблюдала за их любовной игрой и Килета. Она всхлипнула, поднялась из-за стола и, отвернувшись от Майлза, выбежала из зала.

Майлз, потрясенный до глубины души, проводил ее взглядом. И тут сердце его наполнилось жалостью к девушке, и он бросился за ней.

ГЛАВА 11

Торопливо шагая в ту сторону, куда удалялись шаги Килеты, Майлз шел по тускло освещенным коридорам. Дважды повернув за угол, он нашел ее. Она стояла, прислонившись к стене, и горько рыдала. Что же еще было делать Майлзу? Он взволнованно бросился к девушке. Она обернулась, увидела его, мгновение смотрела на него в испуге, а потом, рыдая, упала в его объятия. Казалось, сердце ее готово разорваться на части.

Но вот наконец рыдания ее стихли, и она простонала:

— Лучше бы я тоже сошла с ума! Может быть, тогда Орогору полюбил бы меня?

Майлз стоял, окаменев, уставившись в стену поверх головы Килеты. Конечно! Она была права, так права! Они жили, словно в сказке — выучились кланяться, строить глазки, танцевать замысловатые танцы... ясное дело, они все тут были безумцами! Кто бы еще стал так жить? И с какой бы еще стати

людям, которые явно были самыми простыми крестьянами, разыгрывать из себя королей и герцогинь?

Но если безумие позволяло им купаться в роскоши, при этом пальцем о палец не ударяя, кто бы отказался от такого безумия?

Страх закрался в сердце Майлза от мысли о том, что Килета может стать одной из этих размалеванных, кривляющихся, искусственных дамочек.

— Купидон пускает свои стрелы куда захочет, Килета, — негромко сказал он. — Бывает, что люди, предназначенные друг другу судьбой, влюбляются в кого-нибудь другого.

Килета немного успокоилась, но все же до сих пор дрожала.

— Значит, ты думаешь, что она ему не годится?

Майлз ответил осторожно:

— А что у них общего, кроме безумия? Видал я у себя в деревне, как парни влюблялись... только редко они влюблялись в хороших девушек, которые бы им годились в жены! Так нет же, все ветреность одна! — Он нахмурился. Мысль, которая пришла ему в голову, ему не понравилась. — Может, и вправду лучше, что за нас шерифы выбирают, на ком жениться.

— Нет! — Килета отстранилась и глянула ему в глаза. — Чтобы я стала женой человека, который мне противен? Никогда! Если кто и будет придумывать, как мне жить, так это я сама!

— Придумывать — это тут ни при чем, — добродушно усмехнулся Майлз.

— Зато красота очень даже при чем, — вздохнула Килета. Они немного помолчали, и каждый думал об Орогору и Гильде. — А может, и нет, — пожала плечами девушка.

— Не сомневаюсь, она ему кажется красоткой, — сказал Майлз. — Ну и он ей, само собой, красавцем писаным.

— А он и вправду хорош собой, — тихонько пробормотала Килета.

— Может, и так, — не стал спорить Майлз, — но я не думаю, что ты и Гильда видите в нем одну и ту же красоту.

Килета нахмурилась.

— Ты хочешь сказать, что на самом деле они видят друг у дружки другие лица, другие тела — не такие, какие видим мы? А что? Может быть.

— Может, — согласился Майлз. — Но я, когда маленький был, картину одну видел — это было в тот день, когда меня родители к шерифу привели, и я эту картину очень хорошо запомнил. Она была очень красивая, яркая, а нарисованы на ней были рыцарь и дракон, и висела она на стене дома. Я ее на всю жизнь запомнил, и когда у меня выдавались трудные деньки, я перед сном вспоминал эту картину... Ну и вроде как успокаивался. Только представлял я все иначе: рыцарь стоял, выпрямившись во весь рост, а на картине он стоял на коленях. Он держал в руке копье, — а на картине меч. И дракон мне казался маленьким, и он не обвивал рыцаря кольцами, он вообще кольцами не сворачивался. И еще у него были крылья, хотя на картине их не было. А потом, когда мне исполнилось четырнадцать лет, я узнал, что это был за дом — это был городской кабачок, а картина была всего-навсего вывеской над дверью.

Килета на миг застыла, глядя в глаза Майлза, а потом рассмеялась и коснулась ладонью его щеки.

— Бедняга Майлз! Ох и расстроился же ты небось!

— Когда видишь все, как оно есть на самом деле, всегда расстраиваешься, — согласился Майлз. — Но все равно в памяти моей картина осталась такой, какой я ее придумал, и я всегда могу взглянуть на нее.

Килета сдвинула брови.

— Я поняла, к чему ты клонишь, — сказала она. — Та женщина, которую видит Орогору, во многом похожа на ту графиню Гильду, которую видим мы, но она гораздо красивее и грациознее.

— Да нет, она и так грациозна, — возразил Майлз. — Они тут все не неуклюжи. Ходят на манер магистратов, нос

задрав, но только им это не идет. Не то чтобы грациозные они, нет... скорей осанистые.

— И уж никак не привлекательные, — убежденно кивнула Килета. — Но я не сомневаюсь, Орогору она кажется привлекательной.

— Да-да, а он ей наверняка представляется стройным, высоким, с длинным прямым носом с горбинкой...

Килета улыбнулась и даже негромко хихикнула.

— Да, наверное. Теперь я понимаю, как ты прав, Майлз.

А Майлз подумал, что испытанная им радость от этих ее слов куда больше той, какую он должен был бы испытать. Однако он заставил себя улыбнуться и сказал:

— Прав я или нет, но лучше бы нам поскорее вернуться. Как думаешь, найдем ли мы выход? Хотелось бы выбраться на свежий воздух. Вряд ли в этих развалинах так уж страшно ночью.

— Не страшно... только если нам снова не встретится один из этих скелетов, — ответила Килета. Похоже, она и вправду была не прочь прогуляться. — Только давай не будем уходить далеко от дворца.

Вскоре они разыскали выход. Площадка перед дворцом была так просторна, что можно было уйти по ней довольно далеко, оставаясь при этом сравнительно близко от здания. Роботов Майлз с Килетой не встретили, но увидели множество звезд и заговорили о том, как далеко до неба. Майлз пересказал Килете те глупости, которые слыхал от Гара и Дирка, утверждавших, что каждая из этих крошечных светящихся точек — настоящее солнце, и что вокруг некоторых из них даже вращаются планеты, и что для того, чтобы добраться от одного солнца до другого, самым быстрым гонцам Защитника потребовались бы тысячи лет. Майлз смеялся и Килета тоже. Ее позабавило в первую очередь воображаемое зрелище того, как скачет меж звездами лошадь, а потом уже то, что каждая звездочка — это огромное солнце. Но потом девушка примолкла

и призналась Майлзу, что похожую сказку слышала в детстве — про звезды, вокруг которых вертятся планеты, и про то, что их предки прилетели с одной из таких планет — очень-очень далекой.

А потом они стали гадать, как же на самом деле далеко от звезды до звезды, если эта сказка — не вымысел, а потом задумались о вечности, о том, сколько лет просуществует мир после того, как их самих не станет, а уж потом поразмышляли и о том, будут ли жить их призраки после того, как умрут тела.

Они провели наедине час или два, разговаривая на те величественные темы, что всегда, во все времена волнуют молодых людей, а когда наконец они вернулись во дворец, оба улыбались, но немного сожалели о том, что часы, проведенные наедине, закончились.

Графиня Гильда решила внести некоторое разнообразие в свои развлечения и приняла приглашение на танец от другого придворного, хотя, танцуя, то и дело поглядывала на Орогору: видимо, надеялась заметить, что тот ревнует, но, увы, ей не дано было насладиться этим зрелищем — Гар и Дирк увлекли Орогору к столику с прохладительными напитками.

— Вы, похоже, один из самых молодых придворных, — заметил Гар. — Как вышло, что вы попали сюда?

— Как и все остальные, я был взращен в чужом семействе из страха перед врагами моего отца, — ответил Орогору. Он не собирался рассказывать о себе долго, но Гар и Дирк засыпали его вопросами и выказывали столь неподдельный интерес к его персоне, что в итоге Орогору рассказал им всю историю своей жизни, вплоть до мельчайших подробностей. Его рассказ близился к концу, когда к столику, шурша многочисленными нижними юбками, стремительно подошла графиня Гильда.

— Так, значит, вы по мне совсем не скучали, милорд? — упрекнула она Орогору.

— Я с ума сходил в разлуке с вами, — поспешно отозвался Орогору. — И только беседа с этими господами развеяла мою тоску.

— Я вам не верю! Вы предпочли разговоры с ними танцам со мной! — И Гильда возмущенно крутанулась на каблуках, намереваясь умчаться прочь.

Орогору схватил ее за руку и запечатлел на ее пальцах быстрый поцелуй — он видел, так делали другие придворные.

— О нет, рассвет моей души, не покидайте меня во тьме разлуки!

— Что ж, я готова немного смирить гнев, — объявила Гильда, обернувшись и сияя улыбкой. — В таком случае можете со мной потанцевать.

— Вы так добры и щедры! — воскликнул Орогору и повел ее на середину зала.

— Как я и думал, — кивнул Гар, провожая их взглядом. — Самая натуральная мания величия.

— Да, — согласился Дирк. — Однако милосерднее не лишать его иллюзий. В конце концов, тут он никого этим не задевает, а что за жизнь его ждет за стенами города?

— Это верно. То, что он обрел здесь приют, — это проявление доброты. Величайшей доброты, в особенности если учесть, что все остальные здешние обитатели страдают от точно такого же синдрома.

Дирк кивнул:

— А потом они отправятся по городам и весям, начнут сыпать приказами и ждать, что к ним будут относиться как к особам королевской крови.

— Вот-вот, и набьют себе шишек. Кто знает, чем это может закончиться? — задумчиво проговорил Гар.

— Вопрос, надеюсь, риторический? — усмехнулся Дирк. — Остракизм или ссылка, ранняя смерть.

— Да, — с тяжелым сердцем ответил Гар. — Так почему же не собрать их здесь, где центральный компьютер обеспечи-

вает их всем необходимым? Конечно, они могут быть счастливы, но... не могут иметь детей.

— Позолоченный приют для умалишенных, — кивнул Дирк. — А как насчет тех считанных детишек, которые все-таки здесь родятся и которых затем крадут эльфы?

— Тем, что дежурят у колыбели, дается снотворное, а младенцев уносят роботы, — не задумываясь, ответил Гар. — Надеюсь, затем подбрасывают их крестьянам, желающим иметь детей.

— Вероятно. Всегда отыщутся какие-нибудь дровосеки, что живут в лесах одни-одинешеньки. А если бы дети выросли здесь, они бы никогда не смогли отсюда уйти.

— Конечно. Ведь тогда они бы не получили нормального воспитания, не научились самозащите, — согласился Гар. — Если задуматься, получается, что и это — проявление величайшего милосердия.

— Кроме того, это вполне согласуется с логикой компьютера, покинутого цивилизацией, которая его создала, — отметил Дирк.

— Попал в точку, — кивнул Гар. — И видимо, в самом скором времени нам предстоит знакомство с этим самым компьютером.

Он посмотрел на возвращавшихся Майлза и Килету. Те рассеянно улыбались и старательно не смотрели друг на дружку, но руки их встретились.

— Час уже поздний, милорды, — сообщил подошедший к Гару и Дирку молодой вельможа. — Вы наверняка устали после долгих странствий. Позволите ли проводить вас в отведенные вам покои?

Дирк сдержал удивление от того, что аристократ вызвался исполнить работу дворецкого. Здесь ведь не было слуг — все поголовно «аристократы». Ну а Гар совершенно серьезно ответил:

— О, конечно, благодарю вас. Это очень любезно с вашей стороны.

* * *

Естественно, каждому отвели отдельные комнаты. Помывшись, вычистив одежду под чистящим «душем» и переодевшись, Дирк и Гар встретились в гостиной в апартаментах Гара. Через несколько минут в дверь постучал Майлз. Гар, улыбаясь, впустил его.

— Похоже, ты недурно провел вечер.

— Да, — искренне улыбнулся в ответ Майлз. — Килета — чудесная девушка, господа. — Но тут его брови уныло опустились. — Как жаль, что она влюблена в этого балбеса Орогору!

— Жаль, очень жаль, — понимающе отозвался Дирк. — Надо тебе что-то с этим делать.

Майлз ошарашенно посмотрел на него, но, видимо, намек понял, потому что снова заулыбался.

— «Балбес», говоришь? — перепросил Гар. — Странно слышать такое о лорде!

— Нету на свете никаких лордов и леди, — без тени сомнения выпалил Майлз. — То есть они есть, но только в детских сказочках. Этот Орогору — не благороднее меня и таких, как он, я видал в своей деревне. Руки у таких, извиняюсь, не из того места растут, вот они и начинают придуриваться, будто бы они лучше других. Либо придуриваются, либо смиряются и тянут свою лямку да помирают молодыми. — Он опечалился. — От них, спору нет, чокнуться можно, да только ежели по мне, так лучше бы они и не пробовали править нормальными людьми. Тогда бы им ой как досталось за такие шуточки! Нет, право слово, такой жизни я бы и собаке не пожелал.

— Так или иначе — все равно такая жизнь доброго слова не стоит, — возразил Дирк. — Так что пусть уж лучше Орогору живет здесь, где от него никому нет вреда.

— Вот уж нет! — вдруг распалился Майлз. — Какое это, спрашивается, право он имеет жить в роскоши, когда даже не может так пахать, как я, до седьмого пота? И какое он имеет право на любовь такой девушки, как Килета?

— И он и она жили отщепенцами в родной деревне, готов поспорить, — сказал Гар. — Выросли вместе и стали друг для друга единственными друзьями.

— Это Килета — отщепенка? — выпучил глаза Майлз.

— Мужчинам не всегда видна истинная ценность женщины, — с сардонической усмешкой ответил Гар. — На самом деле я подозреваю, что эти несчастные самообманщики вообще не видят окружающего мира таким, каков он есть на самом деле.

— Тем не менее, — сказал Дирк, — она обязательно разочаруется в Орогору, насмотревшись на то, как он тут выкаблучивается и ухлестывает за этой бедняжкой с лошадиной физиономией — Гильдой. Жди, надейся, терпи, и рано или поздно она обратит на тебя внимание.

— Не знаю... хотелось ли бы мне, чтобы она меня выбрала вот так, — нахмурился Майлз. — Как же я смог бы жениться на ней и жить с нею всю жизнь, зная, что будь на то ее воля, она бы выбрала Орогору?

— А я тебе еще раз повторяю: погоди, пока она узнает о нем достаточно для того, чтобы его не выбрать, — настойчиво проговорил Дирк.

В дверь постучали. Гар пошел открывать.

— Орогору! Входите. А мы как раз вас вспоминали.

— О? Как это приятно! — Орогору вошел в гостиную маленькими шажками. — Но я пришел для того, чтобы поинтересоваться: отдохнули ли вы и готовы ли до того, как предадитесь сну, встретиться с Хранителем?

— Почтем за честь, — ответил Гар. Он смотрел на Орогору в упор, а тот натужно улыбнулся, чтобы скрыть смущение.

— Он счастливее такой, какой есть, — буркнул Дирк.

— Верно, — кивнул Гар, не спуская глаз с Орогору. — Но он нам нужен.

Дирк нахмурился.

— Ты до конца отдаешь себе отчет в том, что делаешь? Человеческий разум — вещь крайне деликатная.

— Отчет я себе отдаю, не беспокойся, — ответил Дирк и прищурился. — Сейчас посмотрим, ждет ли нас здесь какая-либо опасность.

Орогору показалось, что взгляд великана проникает в его разум. Потом он в ужасе почувствовал, будто что-то у него в голове колется и шевелится. Он закричал — дико, хрипло закричал, опустился на колени и еле расслышал, как Гар сказал:

— Все будет просто и сравнительно безопасно. Нет, правда, не предвижу никаких осложнений. Классический случай, нужно только...

Но тут в гостиную вбежали другие «лорды», крича:

— Кто обидел вас?!

— Они! — воскликнул Орогору, тыча пальцем в Гара и Дирка. — Хватайте их!

Мнимые аристократы бросились на Гара и Дирка. Первых двоих Дирк сбил с ног ловкими быстрыми ударами и отбросил в сторону, но в комнату вбегали все новые и новые обитатели дворца, и если не умением, то числом точно превосходили друзей. Майлз отбивался изо всех сил, но горожане либо уклонялись от его ударов, либо парировали их, а потом ухитрились схватить его за руки и прижать к стене. Теперь Майлзу оставалось только стоять и смотреть на то, как безумцы одолевают его товарищей. Как же это было глупо, как странно! Ведь он своими глазами видел, как они побивали вооруженных лесничих, а сейчас и тот и другой сопротивлялись вполсилы. Наверное, решил Майлз, они боятся сделать больно несчастным умалишенным. Гар устрашающе ревел, Дирк выл, но «лорды» взяли-таки над ними верх, дружно навалившись всем скопом.

— Славно, славно, — отметил король Лонгар, входя в комнату. Его луноликая физиономия сияла улыбкой. — А теперь ведите их к Хранителю.

Безумцы рывками подняли троих пленников на ноги и потащили к дверям. Когда их волокли мимо двери Килеты, она выбежала из комнаты, крича:

— Что случилось?

— Он сделал мне больно, — тяжело дыша, ответил Орогору и подошел к девушке. — Тот, высокий. Я почувствовал, как он ковыряется у меня в голове. Мы ведем их к Хранителю, и он будет судить их.

Килета, не мигая, смотрела на него, и Майлз вдруг увидел в ее глазах озарение. Он понял: в этот миг она осознала, что Орогору еще более безумен, нежели она думала. Не его кривлянье и притворство сорвали с него пелену ее веры, а убежденность в том, что Гар вторгся в его разум.

А потом умалишенные «аристократы» поволокли Майлза дальше по коридору, а Килета побежала следом, причитая:

— Он не мог такого сделать! Он никому не мог причинить зла! Он добрый человек, он дважды спас жизнь Майлзу, он и тебя мог бы спасти!

— Меня не надо спасать, — огрызнулся Орогору. — Я не желаю, чтобы меня спасали.

Килета остановилась, вытаращила глаза. Смысл сказанного Орогору достиг ее разума. А потом она снова бросилась следом за толпой, рыдая на бегу. Они не должны были сделать ничего дурного Майлзу! Уж он-то точно ни в чем не провинился!

Толпа ввалилась в большой зал, промчалась по нему и, дойдя до углубления в стене, остановилась. Остановилась и Килета, в изумлении глядя на обрамленные драгоценными камнями витые и ломаные линии на поверхности стены.

— Великий Хранитель! — вскричал король Лонгар. — Вот трое людей, которые желали присоединиться к нашему кругу, но причинили боль одному из придворных! Рассуди нас, молим тебя! Рассуди, истинные ли они аристократы! Рассуди, нашего ли они круга!

Тут зазвучал голос — зазвучал сразу отовсюду, и Килета вздрогнула от страха. Однако дух, похоже, никому не угрожал.

— Кому из вас была причинена боль?

— Мне, — шагнул вперед Орогору. Он по-прежнему горделиво держал голову, и Килете снова стало жаль его.

— И как была причинена боль?

— Он ковырялся у меня в голове!

Похоже, ни у кого из мнимых аристократов эта фраза не вызвала смущения. Переводя взгляд с одного лица на другое, Килета в изумлении замечала полную и безоговорочную веру в заявление Орогору.

Похоже, и невидимый Хранитель не испытывал никаких сомнений.

— Сейчас я проверю, каковы их намерения, — объявил он.

Ни звука, ни движения... но внезапно Килета почувствовала, будто ее обволокло чем-то теплым, упругим, и это нечто проникло в самый ее мозг, но почему-то девушка не испытала ни малейшего страха — Хранитель, кем бы он ни был, не желал ей зла, он только хотел помочь.

А потом ощущение пропало, и Хранитель объявил:

— Они не вашего круга — ни мужчины, ни женщина.

Орогору встревоженно вскричал:

— Но женщина и не пыталась никому навредить! Она никого не обидела!

Килета ощутила благодарность к своему старому другу, но это чувство тут же сменилось страхом за Майлза.

— Мы благодарны тебе, о Хранитель, — возвестил король Лонгар и повернулся к своей челяди. — Выведите их прочь из дворца.

Толпа взревела и, вывалившись из дверей зала, поспешила к выходу из дворца, оттуда — на площадку, а потом — вниз по бесконечно длинной лестнице. Там придворные остановились и повернули пленников лицом к королю Лонгару. Лицо того было мрачно и сурово.

— Вы опорочили законы гостеприимства. И вы — люди не нашего круга. Мы не можем позволить, чтобы простолюдины узнали о нашем дворе и хлынули сюда толпами, чтобы одолеть нас.

Майлз вздрогнул. По лестнице сбегали новые придворные. Дирк вытянул шею и выпучил глаза.

— Лазерные ружья! — воскликнул он.

Гар все это время не спускал глаз с короля Лонгара.

— Так вы и в самом деле научились пользоваться кое-какой здешней техникой, — заключил он.

— Техникой? — нахмурился король. — У нас есть волшебное оружие, а некоторые мои придворные узнали, к каким частицам творений Хранителя прикасаться, дабы это оружие оживало.

— Мы же поняли, что ядерные генераторы работают. В противном случае отключились бы роботы, — сказал Дирк Гару. — Ну а какой-то безумный гений научился нажимать на нужные кнопки.

Все до единого «аристократы» вытянулись по струнке, физиономии их изуродовали гримасы ненависти, а голос короля Лонгара наполнился злобой.

— Безумный? Ты сказал — «безумный»?! Ты хочешь сказать, что мы безумцы?!!!

Вместо ответа Гар обернулся к нему и спросил:

— А молнии со стен мечет тоже Хранитель, или вы и это научились делать сами?

Напряжение нарастало с каждым мигом. Оно стало подобно до предела натянутой веревке, и Майлзу стало страшно, что веревка вот-вот лопнет и ударит по нему. Лонгар взорвался:

— Не могу поверить в дерзость этого человека! На него нацелены три волшебных орудия, а он, вместо того чтобы устрашиться, задает вопросы! Неужто ты лишен здравомыслия, бродяга, неужто не ведаешь страха?

Гар вопросительно глянул на Дирка. Дирк пожал плечами. А потом они оба посмотрели на Лонгара и покачали головами, а Дирк сказал:

— Не ведаем, честное слово.

«Аристократы» в искреннем изумлении выпучили глаза. Король Лонгар выпалил:

— Как же это? Как вы можете не бояться?

В ответ Гар неожиданно резко лягнул того «лорда», что держал его за ноги, изогнувшись, приземлился, затем стряхнул тех двоих, что держали его за руки, и швырнул их вперед, вследствие чего сбил с ног еще с полдесятка их собратьев.

В это же мгновение Дирк сложился пополам, притянул державших его горожан друг к дружке и резко отвел локти назад, одновременно изо всех сил дернув ногами. Те двое, что держали его за ноги, отпустили их и схватились за животы, хватая воздух ртом, словно рыбы. А те, что держали Дирка за руки, вцепились в них и не отпускали, но когда ноги его ударились о землю, он снова свел и рывком развел локти. Неудачливые «аристократы» отцепились и повалились на спины, а Дирк развернулся и задал жару тем, что держали за ноги Майлза. Они, подвывая, попадали. А Майлз с победным воплем вскочил на ноги и рванулся вперед. Те, что сжимали его руки, закричали и потянули его назад. Тогда Майлз отпрыгнул назад, насколько сумел, и резко свел руки. «Лорды» пребольно стукнулись лбами. Обретя свободу, Майлз развернулся к ближайшему горожанину и как следует заехал ему под ложечку. Тот опрокинулся и упал под ноги еще двоим. Те споткнулись, упали.

И тут на троих друзей кинулись разом все придворные.

Внезапно молния разорвала ночную тьму. Все замерли, увидев, что Дирк и Гар держат два ружья, а третье лежит у ног Гара.

— Майлз, хватай его! — крикнул Дирк.

Майлз стрелой метнулся к друзьям и схватил оружие. Как им пользоваться, он понятия не имел, да и не надо было, — а надо было только не дать безумцам завладеть им.

— Мы сейчас уйдем, — негромко проговорил Гар. — Пожалуйста, не пытайтесь преследовать нас. Уверяю вас, мы знаем, как пользоваться этим оружием, знаем, как поцарапать эти стены, и даже как прожечь их насквозь. Но нам бы не хотелось увидеть, как это произойдет.

Он не высказал еще одной угрозы: эти лучи могли и людей прожигать насквозь.

— Но мы... мы аристократы! — вскричал король Лонгар. — Почему же вы ухитрились нас так легко одолеть?

— Потому что мы — обученные воины, ваше величество, — ответил Дирк негромко, мягко — пожалуй, даже сочувственно. — Килета? — обернулся он к девушке. — Ты можешь уйти с нами, но если хочешь, можешь остаться здесь.

Безумцы, как по команде, развернулись к девушке. Лица их были уродливы и страшны.

— Нет! — прокричал Орогору. — Она добрая, она хорошая, она совсем не виновата в том, что натворили эти люди!

Но сумасшедшие «дворяне» смотрели на Килету мрачно и злобно, и она содрогнулась, вдруг поняв, насколько они могут быть непредсказуемы. Она повернулась и в мгновение ока оказалась рядом с Майлзом.

— Не ходите за нами, — предупредил Дирк. — Майлз, Килета, не бойтесь. Поворачивайтесь и идите.

Майлз протянул Килете руку. Она сжала ее. Сердце ее часто билось. Они медленно пошли по широкой улице к воротам. Гар и Дирк прикрывали их сзади, нацелив ружья поверх голов замерших в неподвижности безумцев, несуразно вычурные одежды которых сверкали, озаренные луной.

ГЛАВА 12

Гар и Дирк сдержали слово — они ушли через проем в стене и углубились в лес больше чем на сто ярдов. Потом Гар поднял руку и остановился. Остановились и все остальные. Немного постояли, прислушиваясь. Со стороны города доносились крики.

Этой паузы Килете хватило для того, чтобы присутствие духа покинуло ее. Она отошла от мужчин в тень и горько расплакалась. Но чьи-то крепкие руки обняли ее, щеки коснулась мускулистая грудь. Она прижалась к груди Майлза, зная, что ему можно доверять, что он никогда не подумает о ней плохо.

— Ну, не плачь, успокойся, — уговаривал ее Майлз. — Мы целы и невредимы. Они ни за что не найдут нас здесь. Мы ушли от них.

— А я навсегда потеряла его! — прорыдала Килета. — Теперь Орогору никогда не полюбит меня!

Руки Майлза окаменели. Килета задержала дыхание, неожиданно поняв, что Майлза она тоже не хочет потерять. Но вот его рука вновь принялась гладить ее по спине. Килета облегченно вздохнула и снова заплакала, но на этот раз — слезами радости.

— Думаешь, они разыскали еще несколько таких же портативных пушек? — спросил Дирк.

— Наверняка — в противном случае они бы не осмелились нас преследовать.

Крики теперь слышались гораздо ближе.

— Аристократы! — фыркнул Дирк. — Ничего не скажешь — истинные аристократы: прут по лесу толпой напролом, как крестьяне — ведь они и есть крестьяне!

— Будь справедлив — видал я аристократов, которые тоже собирались в толпы, — возразил Гар и оглянулся на Майлза и Килету, вышедших из тени на пятачок, освещенный луной. — Ну, вы снова в строю? Это славно, поскольку нам придется устроить засаду.

— Засаду? — вытаращила глаза Килета. — А разве мы не хотим убежать от них?

— Да это ненадолго, — ответил Гар. — Сейчас мне нужен один из них — целый и невредимый, предпочтительно — Орогору.

— Орогору? — Килета не на шутку испугалась за друга. — Почему он?

Видимо, Гар услышал в ее голосе испуг, поэтому ответил:

— Не бойся, девушка, мы не сделаем ему ничего плохого — скорее наоборот. Твой друг болен сердцем и разумом. И я хочу исцелить его.

Килете стало еще страшнее — ее догадка подтверждалась!

— Он не сумасшедший!

— Орогору душевнобольной, — сказал ей Гар. — Они все больны. Они все страдают болезнью, называемой «манией величия». Здесь, в этом городе, они вольны купаться в своих заблуждениях без помех, потому что Хранитель заботится о них и защищает их. В некотором роде это можно считать проявлением доброты и милосердия, но еще милосерднее излечить их и подарить им возможность жить полноценной жизнью в настоящем мире.

— Ты в этом уверен? — грустно спросил Дирк.

— Пусть они сами решат, когда обретут такую возможность, — ответил Гар.

— Но почему вас это заботит? — удивленно вопросил Майлз.

— Потому что я уже несколько недель занимаюсь тем, что ищу подпольщиков — общество людей, имеющее тайную организацию, целью которой является свержение Защитника и уничтожение его войска.

— Так вот почему вы вели такие дурацкие разговоры тогда, в кабачке?

— Тебе они показались дурацкими? — усмехнулся Дирк. — Тебе бы послушать, какие разговоры он вел в других... скажем так... странах. С тех пор он стал намного сдержаннее.

— И как же вы до сих пор разгуливаете на воле? — с округлившимися от изумления глазами спросил Майлз.

— А мы скорые на подъем, — ухмыльнулся Дирк.

— Мы совершили гораздо меньше ошибок благодаря тому, что ты рассказывал нам о местных обычаях, — сказал Гар Майлзу. — В конце концов я решил, что здесь у вас никакого

подполья нет, но мне все равно хочется избавить вас от железной десницы Защитника, дать вашему народу право избрать правительство по своему усмотрению — такое, чтобы люди могли сами выбирать род занятий, путешествовать куда и когда пожелают, вступать в брак по любви, а не по указке.

Килета ахнула от восторга и ужаса, зачарованная дерзостью заявления великана.

— Но при чем же здесь этот город, населенный толпой полоумных? — недоуменно спросил Майлз.

— Они могут стать моим подпольем — если я сначала излечу их от мании.

— Милосерднее было бы оставить им манию, — пробормотал Дирк.

— Может быть. Но страна нуждается в них. Задумайтесь, друзья мои! В своих стараниях стать аристократами они уже освоили речь и манеры магистратов! Им кое-что известно о литературе, науках, искусстве. За время ужина я заводил разговоры на самые разные темы и убедился в том, что обитателям города известны азы всех главных областей знаний человечества! Они даже кое-что соображают в законах Защитника, но, безусловно, им еще очень многому предстоит научиться.

— А ведь их компьютер Хранитель почти наверняка не откажется снабдить их учебными материалами, — задумчиво проговорил Дирк. Невзирая на его природную осторожность, замысел друга захватил его.

— Вот именно! — подхватил Гар. — Но нам непременно придется обучить их приемам рукопашного боя, а также стратегии и тактике ведения боевых действий. Ведь здешние магистраты — маленькие полководцы, как ни крути. Но когда наши бывшие безумцы обучатся всему этому, мы сможем каждого из них посадить на место настоящего магистрата, который должен по сроку сменить прежнего.

— Верно! — воскликнул Дирк. — А некоторым из них, быть может, даже удастся пробиться наверх по служебной лестнице!

— А как же быть с теми магистратами, которые честно заработали продвижение по службе? — возразил Майлз. Замысел Гара пока казался ему слишком дерзким и далеко идущим.

— Настоящих магистратов можно брать в плен и какое-то время держать в Фиништауне, — ответил Гар. — Думаю, я сумею убедить их в том, что более человечное правление — и в их интересах тоже. В особенности потому, что оно даст им возможность вернуться к любимым женам и жить с ними до конца дней, и, кроме того, они смогут навещать покинутых ими детей.

— Неужели магистраты на самом деле станут так заботиться о своих женах и детях? — изумилась Килета.

— Когда им будет позволено постоянно жить с ними? Конечно! — воскликнул Дирк. — Не нужно недооценивать родительских чувств.

— Но если эти ваши фальшивые магистраты придут к власти, они ведь станут командовать бейлифами и стражниками! — вскричал Майлз. — А если станут шерифами — то целыми войсками!

— Верно, — кивнул Гар. — И как только они возьмут командование в свои руки, они смогут набирать и обучать лазутчиков, которые сумеют заставить солдат поверить в права человека!

— А что такое «права»? — спросила Килета, раздираемая на части волнением и непониманием.

— Это такое понятие, означающее, что все люди равны в своих деяниях и помыслах только потому, что рождены людьми, — объяснил Гар. — Каждый имеет право на жизнь, на обустройство своей жизни по своему усмотрению, если только не пытается посягать на такое же право других людей, то есть — не совершает убийства, изнасилования, грабеж ценностей, накопленных честным трудом, и так далее.

— И даже право выбирать себе супруга? — с всколыхнувшейся внезапно надеждой спросила Килета.

— Безусловно! В вашей стране на этот счет должен быть издан отдельный закон!

— Полегче на поворотах, космический рейнджер, — посоветовал другу Дирк, вдруг снова обретший осторожность и сдержанность. — Защитник меняет магистратов только раз в пять лет. Ты что, и вправду собрался проторчать ближайшие шестьдесят месяцев на этой планетке? Только прежде чем дать ответ, вспомни, что и на других планетах живут люди, изнывают под чьим-то игом и ждут не дождутся тебя.

— Никто меня не ждет, — буркнул Гар и неожиданно стал печален, но только на миг, а потом отмел возражения товарища, резко взмахнув рукой. — Если местные жители разовьют агентурную сеть, они сами научатся тому, как ее правильно забрасывать и вытягивать! И запросто справятся с повседневной рутиной сами. А мы вернемся сюда через пять лет и поприсутствуем при свержении Защитника!

— Свержении! — ахнула Килета. — Неужели и правда нужно свергнуть Защитника?

Гар на удивление резко сменил настроение и обернулся к Килете с мягкой, доброй улыбкой.

— Это совершенно необходимо, милая девушка. Защитник — тиран, правящий закрепившимися на своих постах чиновниками-бюрократами, и ни он, ни они ни за что не поступятся ни единой частицей власти. Мало того — они будут драться за власть до последней капли крови.

— Но они обеспечили нас защитой, мы не голодаем, у нас есть крыша над головой!

— Вот-вот, — подхватил Майлз, согласившись с Килетой. — Наверняка ведь можно сберечь то хорошее, что было при этой власти.

— Конечно, можно, — кивнул Гар и посмотрел на своего проводника с уважением. — Нужно сменить господ — Защитника и шерифов, быть может, — магистратов и инспекторов тоже, но сохранить при этом главные устои управления

страной — то, что мы называем «бюрократией». Она настолько прочно укоренилась, что избавиться от нее насовсем вам вряд ли удастся. Мэр деревни будет спрашивать разрешения у мэра города, мэр города — у окружного губернатора и так далее.

— Так почему бы тогда не оставить им прежние названия — «магистраты» и «шерифы»? — пожал плечами Дирк. — Не это главное — а главное, что вы сами сможете их избирать. Каждый скажет, кого бы он желал видеть на том или ином посту, и тот, кто наберет больше голосов, займет означенный пост.

— Точно так же можно избирать и Защитника, — добавил Гар. — Хотя, пожалуй, «Защитником» его именовать не стоит — вдруг его опять потянет к неограниченной власти. Лучше назовите его «президентом», или «премьером», или «премьер-министром», или «Первым Гражданином», или еще как-нибудь, но пусть он обладает властью, ограниченной исполнением решений шерифов, которые они будут принимать сообща.

Дирк кивнул:

— А когда они будут возвращаться по домам со своих общих собраний, каждый шериф будет обязан отчитаться перед всеми подчиненными ему магистратами, а каждый магистрат будет обязан выслушать людей, живущих в городе или деревне, которыми он управляет, а они скажут ему, чего от него хотят.

— Неужели такое возможно? — изумленно покачала головой Килета.

— Возможно! Я уже предчувствую! Возможно! — с жаром воскликнул Майлз и сжал ее руку.

— Но почему вы все время говорите: «он», «ему»? — сердито сдвинула брови Килета. — Почему женщины не могут стать магистратами?

Майлз уставился на нее широко раскрытыми глазами. Дерзость этой мысли поразила его.

— Никаких препятствий для этого нет, — поторопился внести ясность Дирк. — Просто народом здесь так долго правили мужчины, что еще одно-два поколения должны родиться на свет для того, чтобы люди успели привыкнуть к такой возможности. Но когда тебе исполнится пятьдесят, ты уже сможешь попытать счастья на поприще государственной службы. Быть может, тебя и не изберут, а вот твою дочь — вполне вероятно.

Килета грустно улыбнулась.

— Если у меня когда-нибудь будет дочь.

— Обязательно будет! — без тени сомнения заявил Майлз и крепко сжал руку девушки. Но вдруг он помрачнел. — Но это будет опасно. Если шпионы Защитника изловят нас раньше, чем мы успеем свергнуть его, нас будут пытать и казнят.

— Да, работенка не для слабонервных, — согласился Дирк. — Стоит ли рисковать жизнью?

Килета и Майлз переглянулись, стоя рука об руку, и, не сговариваясь, в унисон воскликнули:

— Да!

Таким образом историческое решение было принято. Затем друзья отыскали тропку и пошли по ней до места, где среди кустов и деревьев лежал здоровенный валун, поросший лишайником и плющом. Заметив, что края камня ровно стесаны, Майлз решил, что этот камень скорее всего оставили в лесу строители города. Дирк указал Майлзу место за камнем, а сам взобрался на ветку, нависшую над тропинкой. Гар шагнул в кусты по другую сторону от тропы и исчез.

— Вы же не станете бить его? — дрожащим голосом прошептала Килета.

Майлз ощутил прилив ревности, однако заверил ее:

— Нет, Килета, хотя бы ради тебя я его и пальцем не трону. А Гару и Дирку он зачем-то нужен целым и невредимым — они сами так сказали.

— Неужели он и вправду мог бы стать первым поддельным магистратом? — покачала головой Килета.

— Ш-ш-ш, — Майлз накрыл ее руку своей, сжал и всмотрелся в даль, в ту сторону, куда уводила тропа.

Крики вдруг резко оборвались, когда толпа горожан добралась до опушки леса, но они настолько громко переговаривались друг с другом и то и дело наступали на сучки, что не заметить их было невозможно. Вот они вышли на пятачок, освещенный луной, — несуразные коротышки, толстяки и долговязые — кожа да кости, такие нелепые в роскошных одеяниях. Они прошествовали мимо валуна, громко шикая друг на дружку и оглушительно треща сухими сучьями и кустами. Посреди толпы шел Орогору. Вдруг он остановился и, нахмурившись, стал озираться по сторонам.

— Идемте, принц! — прошипел граф Марч.

— Идите дальше. — Орогору, прищурившись, всматривался в заросли кустов. — Я пойду в конце.

— Как пожелаете, — проворчал граф и зашагал вперед, дав знак шедшим позади следовать за ним.

Но Орогору дальше не пошел. Он все таращился на кусты. Килета гадала, что он там разглядел. Но вот юноша как бы очнулся и понял, что толпа горожан ушла вперед по тропе. Он развернулся, явно намереваясь идти дальше, но тут из подлеска вышел Гар, ловко обхватил Орогору одной рукой, другой заломил его руку за спину и зажал рот куском ткани. Дирк спрыгнул с ветки, схватил Орогору за другую руку и прижал к его запястью какой-то крошечный предмет. Орогору попытался крикнуть, но неожиданно обмяк и повис на руках у Гара и Дирка.

Килета выбежала из-за камня.

— Он... он?..

— Уснул, — ответил Гар и взвалил бесчувственного Орогору на плечо. — Всего лишь уснул. Он, конечно, напугался, но больно ему не было ни капельки. Однако заниматься его излечением здесь, куда вот-вот могут вернуться горожане, нельзя. Нужно разыскать что-нибудь вроде пещеры или берлоги.

Подходящее место было найдено на полдороге от городской стены — там, где упавшая засохшая сосна привалилась к еще одному брошенному строительному камню. Дирк срубил мечом наружные сухие ветки. А потом срезал с другого дерева свежие лапы, чтобы соорудить лежанку. Гар уложил Орогору на мягкий лапник. Килета склонилась к нему и убедилась в том, что щеки у него здорового розового цвета, а грудь ровно вздымается и опадает. Девушка облегченно вздохнула. Вид у Орогору был такой, словно он и вправду просто спал.

— Если хотите, наблюдайте, но помалкивайте, — распорядился Гар, сел, скрестив ноги, рядом с Орогору и закрыл глаза.

— Насчет того, чтобы помалкивать — это он не пошутил, — объяснил Дирк. — Ему предстоит очень тяжелый труд, он требует высочайшей сосредоточенности. И если вы не хотите, чтобы он по случайности навредил Орогору, сохраняйте полную тишину — ну а если чувствуете, что не сумеете, лучше пойдите прогуляйтесь, пока Гар работает.

— Я буду тише воды, ниже травы, — пообещала Килета.

Она не спускала глаз с Орогору, и Майлз вновь ощутил прилив ревности. Постаравшись не шуметь, он выбрался из укрытия и зашагал куда глаза глядят в ночной тьме, стараясь унять часто бившееся сердце и обрести душевный покой. Но он не смог не оглянуться. Дирк стоял возле камня на страже — на тот случай, если появится толпа горожан. Это показалось Майлзу хорошей мыслью и неплохим оправданием того, почему он ушел от Килеты и Орогору, и он принялся обходить укрытие по кругу, сам себя назначив дозорным.

Малыш Орогору споткнулся и налетел на стол. Единственная ваза его матери с громким стуком упала на пол и разлетелась на кусочки.

— Что случилось? — вскричала мать и вбежала в комнату. Орогору попятился от нее, стараясь сжаться в комочек, понимая, что сейчас последует наказание.

Но она только сказала:

— О моя ваза! — и как бы ослабела, словно из нее вышел весь воздух. Она тяжело опустилась на скамью, закрыла лицо фартуком и заплакала.

Орогору смотрел на нее, не в силах поверить в то, что судьба так милостива к нему сегодня. Все происходило не так, как он запомнил (но как он мог помнить о том, что еще не произошло?). Значит, мать уж точно поколотит его, когда отплачется! Но она все плакала и плакала — горько, навзрыд. Орогору осмелился подойти к ней, коснулся ее плеча и пробормотал:

— Мамочка, прости.

Она протянула руку. Орогору вжал голову в плечи, но рука матери легко легла на его макушку.

— Ничего, ничего, Орогору, — произнесла она сквозь слезы. — Это просто... просто так вышло. Это бывает... Вазы разбиваются.

И мать снова разрыдалась пуще прежнего. Фартук ее вымок от слез.

Орогору невмочь было видеть, как страдает мать. Он сжал ее руку обеими ручонками и сказал:

— Не плачь, мамочка. Я слеплю тебе новую вазу.

Он сдержал слово: набрал глины на речном откосе, размял ее, слепил вазу и высушил на солнце. Что-то подсказывало ему, что изделие его рук неказисто на вид, однако он преподнес его матери, гордясь проделанным трудом, и мать очень обрадовалась.

— О, какой хороший мальчик! — всплеснула она руками. — Вот спасибо! Какая она красивая!

Наверное, мать порадовала забота Орогору, а не сама ваза. Когда Орогору был маленький, он все гадал: почему мать ни разу не поставила в подаренную им вазу ни цветочка. Только потом, когда он вырос, понял, что налей мать в эту вазу воды, она развалилась бы, потому что не была обожжена. Но к

этому времени он скопил несколько пенни на случайных заработках, добавил к ним деньги, заработанные на продаже шкурок после охотничьего сезона, и купил матери в подарок настоящую новую вазу. Но старую она все равно хранила как память.

— Ты отлично выполол капустную грядку, Орогору.

Семилетний Орогору поднял мотыгу и оглянулся назад, чувствуя, как гордость распирает ему грудь.

— Спасибо, папа.

— А вот на этой грядке половина сорняков еще осталась.

Орогору смущенно потупился.

— Какие же тут сорняки, папа?

— Вот они, Орогору. — Рука отца отодвинула широкие листья от узеньких. — Те, у которых листочки пошире, — это сорняки, а те, у которых поуже, — это пшеница. Сорнякам надо перебить мотыгой стебли.

— Хорошо, папа! — И Орогору с пылом принялся за работу — рубил и рубил противные сорняки, лишь бы только угодить отцу. Странно... вроде бы он помнил, что отец кричал на него, пока лицо его не становилось багровым, а потом бил и бил по голове, и в ушах звенело. И из глаз сыпались искры... но нет, наверное, то был дурной сон. Отец всегда всему учил Орогору спокойно и терпеливо.

Той осенью Орогору не работал мотыгой — той осенью, когда детишки бегали за взрослыми, уставшими после изнурительной страды. С утра до вечера — жатва и вязание снопов. Детям тоже приходилось вязать снопы, но в отличие от взрослых у них потом еще оставались силы побегать, поиграть, покричать.

Кто-то сильно ударил Орогору по спине. Он споткнулся и чуть не упал, но, сделав несколько шагов, согнувшись в три погибели, сумел выпрямиться. Пылая гневом, он обернулся, чтобы увидеть обидчика.

Это был Клайд. Он был на голову выше и на два года старше Орогору. Клайд ухмылялся, а позади него стояли его дружки и громко хохотали.

— Извиняюсь, Орогору, — притворно вежливо проговорил Клайд. — Я оступился.

Оступился? Конечно, он нарочно толкнул Орогору, и все это прекрасно понимали, но Орогору сдержал злость и ответил так, как его учила мать:

— Да ничего, Клайд. Я, бывает, тоже оступаюсь.

— Вот так вот оступаешься? — осклабился Клайд и вогнал кулак в грудь Орогору. Орогору закачался и попятился. Остальные мальчишки взревели. Взревел и Орогору, восстановив равновесие и бросившись на Клайда. Он сжал кулаки, как его учил отец. Но вот его гнев немного утих, и он заметил, что остальные мальчишки встали кругом возле них с Клайдом. Они подзуживали соперников громкими криками. У Орогору засосало под ложечкой. Он понимал, что ему грозит жестокое избиение: Клайд дрался лучше всех мальчишек в деревне. Но разговорами теперь чего-либо добиться и думать было нечего, а взрослые уже оборачивались и смотрели на мальчишек. Орогору решил: уж лучше пусть его сто раз поколотят, чем отцу будет стыдно за него.

Клайд замахнулся. Орогору закрылся от удара, но Клайд был так силен, что его кулак все-таки пробился к подбородку Орогору. Орогору откачнулся назад, продолжая закрываться согнутыми в локтях руками. Ему удалось отразить еще два удара. За это время прошло головокружение. А потом Орогору нанес Клайду отчаянный удар по голове с правой. Удар был настолько резок и неожидаем, что Клайд закачался и попятился, а его дружки злобно завопили. Орогору закрепил достигнутый успех тремя быстрыми ударами подряд, но Клайд взвыл и нацелил кулак Орогору в живот. Тот закрылся, но кулак все равно достиг цели, поскольку Клайд был намного сильнее. И все же главная сила удара пришлась на руки. Орогору задержал дыхание... и получил еще два тычка в живот.

Так продолжалось минут пять. И только потом Орогору упал и не смог встать — он задыхался. Он корчился на земле, а его соперник насмехался над ним, но вдруг, совершенно неожиданно, Клайд умолк, а чьи-то большие сильные руки подняли Орогору и поставили на ноги.

— Ты хорошо дрался, мальчик мой, — сказал отец. — Я горжусь тобой.

— Гордишься? — изумленно взглянул Орогору на любящее улыбающееся лицо. Нет, все было не так! Клайд избил его немилосердно. А отец отвел его домой, распекая на чем свет стоит за то, что он такой слабак, и требуя, чтобы он объяснил, почему не мог драться получше.

И все же все было так, как было: отец с гордостью улыбался и говорил:

— Проиграть — это не стыдно, Орогору, особенно когда противник сильнее и старше тебя. А с каждой дракой будешь набираться опыта. Пойдем-ка домой да выпьем пива, парень, — ты его честно заслужил.

В тот день Орогору впервые в жизни попробовал пива. А на следующий день ровесники при встрече улыбались ему и потом относиться к нему стали с большим уважением, чем раньше. Друзьями они так и не стали, но и врагами быть перестали.

Вот так все и происходило. Орогору заново переживал все неприятные, болезненные эпизоды из прошлого, заново проживал огромное количество мелких, повседневных сцен в родительском доме. Другие ребята принимали его как равного, хотя он ничего особенного собой не представлял. Если он вел себя плохо, родители ругали его, но все же чаще хвалили и неустанно повторяли, как он им дорог.

Всякий раз эпизод, пережитый заново, приносил еле слышные воспоминания об унижениях и отверженности, но Орогору быстро воспринимал новые, чудесные варианты своего прошлого. А когда он покинул родную деревню, он ушел из нее затем, чтобы стать лесничим в соседнем округе, и его прощание с ро-

дителями было и печальным, и радостным одновременно. Они и гордились им, и плакали перед предстоящей разлукой.

Как-то раз, обходя лес с дозором, Орогору наткнулся на Фиништаун. Обитавшие там вельможи оказали ему гостеприимство, нарекли его принцем Приммером, и дамы кокетничали с ним, но ему чего-то не хватало, чем-то он был недоволен.

В первую ночь в городе он уснул, и вдруг во мраке его сна завертелось что-то маленькое, белесое. Пятнышко разбухало на глазах и приближалось. Стало понятно, что развевается длинная белесая борода и волосы, тоже длинные... Волосы раскачивались, словно водоросли на волне прилива, но они росли не на подводном камне, не на столбике пристани, они обрамляли лицо — старое, морщинистое, с тонкими губами и носом, острым, словно бритва; высоким лбом и глазами, которые, казалось, видели Орогору насквозь, до самой души.

— Кто ты? — в страхе вскричал Орогору.

В голове у него зазвучал голос старца, хотя губы его не шевельнулись:

— *Я — Волшебник Покоя, я пришел, чтобы поведать тебе правду о тебе самом.*

Страх сковал Орогору по рукам и ногам — страх беспричинный, исходящий неведомо откуда. Он нарастал и нарастал, сменился ужасом, и наконец Орогору понял, что громко кричит:

— Нет! Нет! Никогда!

ГЛАВА 13

Но старик безжалостно продолжал:

— *Ты — не принц Приммер, ты всего лишь Орогору, сын пахаря. Ты — истинное дитя этого жалкого крестьянина и его жены!*

— Не смей называть их жалкими! — вскричал Орогору. — Они были хорошие, добрые, они были мудры и терпеливы!

— *Если так, то ты должен гордиться тем, что ты — их сын.*

Орогору вытаращил глаза. Два желания разрывали его на части: на самом деле быть сыном этих милых, чудесных людей или быть принцем Приммером, чьи ненастоящие родители смеялись над ним и избивали его.

— *Да, ты хочешь быть сыном этих двоих достойных людей,* — сказал Волшебник. — *И теперь ты видишь ту доброту, что была скрыта в них, которая могла бы проявиться, будь их брак счастливым, а не насильным. Но, кроме того, ты видишь доброту и в самом Орогору — ту доброту, которую могли бы пробудить любовь и дружба.*

Орогору спал, он лежал неподвижно, растворенный между надеждой и горечью.

— *Имей же мужество стать тем, кто ты есть на самом деле,* — взывал к нему Волшебник. — *Имей еще большее мужество: постарайся стать тем, кем мечтаешь.*

— В стране Защитника нет благородных господ и дам, — проговорил Орогору, еле ворочая пересохшим языком.

— *Верно, нет, но есть магистраты, их жены и дети. Тебе не хуже моего известно, что шерифы и министры живут столь же утонченно, сколь и аристократы из детских сказок, и что их сыновья почти наверняка всегда так же становятся шерифами и министрами, а дочери — женами шерифов и министров.*

— Ты хочешь сказать, что шерифы и министры — это аристократы в нашей стране? — по-прежнему с трудом двигая губами и языком, спросил Орогору.

— *Они равны аристократам.*

Орогору все еще не шевелился, мысли его метались.

— *Будь тем, кто ты есть на самом деле,* — сказал Волшебник, и взгляд его глаз цвета голубоватого льда вновь проник в разум Орогору.

И тут произошло чудо. Орогору стал тем, кем был на самом деле. Просто Орогору и только Орогору, сыном кресть-

янина, но это его нисколько не огорчало. Но в душе его пылало желание стать в жизни тем, кем он только притворялся, — одним из аристократов своей страны. Теперь его мечта стала твердой и прочной, словно гранит. Он научится читать и писать, он выучит законы Защитника, он станет магистратом!

А потом настал черед удивления. Оно наполнило Орогору до краев. Как же он мог не понимать, что принц Приммер — это всего лишь притворство, игра, и как чудесно было увидеть правду своей истинной судьбы, истинного предназначения.

— *Да, ты сможешь вновь обрести жизнь, полную роскоши,* — заверил его Волшебник. — *Однако noblesse oblige, как говорится, — благородство обязывает. Свое положение ты обязан завоевать честным трудом на благо сограждан. Тогда ты и в самом деле станешь магистратом или шерифом — самым настоящим, а не выдуманным принцем.*

Орогору застонал, вспомнив о фальшивой позолоте той жизни, которую он уже начал вести, о красивых женщинах и благородных мужчинах, которые, как он теперь не сомневался, окажутся самыми обычными людьми.

— Нет, лучше обман!

— *Что ж, ты можешь получить и обман,* — объявил Волшебник. — *Если только сначала поможешь своим собратьям крестьянам, завоевать свободу. Помоги им свергнуть Защитника, стань одним из новых магистратов, которые будут служить народу, а не тому, кто выше их по званию, узри своими глазами, как утвердится новое правление, — и я верну тебя к твоим иллюзиям. Но сначала заработай их.*

Орогору выпучил глаза.

— Что это еще такое? Какое свержение? Какие такие новые магистраты?

Но Волшебник вдруг начал уменьшаться в размерах. И Орогору понял, что он вот-вот уйдет, исчезнет.

— Не уходи! — воскликнул Орогору. — Сначала ответь мне!

— *Спроси у великана,* — посоветовал Волшебник и в следующий миг превратился в маленький белый шарик и ускакал от Орогору. Вот от него осталась крошечная белая точка, а потом и она исчезла.

Орогору остался в кромешной темноте, но в нем расцветала надежда. Если и вправду была возможность свергнуть Защитника и злобных магистратов, что служили ему, тогда ведь и Орогору действительно мог стать магистратом! Но как это все можно было сделать? Волшебник сказал: «Спроси у великана», но у какого великана? Где? И как Орогору найти его?

— Где? — прокричал он, заметавшись. — Где он?

Его рука ударилась о что-то твердое. Он повернул голову в эту сторону и увидел обтянутые коричневыми штанами колени, а на коленях лежали большие сильные руки. Орогору скользнул взглядом выше и увидел склонившегося над ним Гара, показавшегося ему в темноте таким громадным... и понял: он и есть тот самый великан!

А потом Орогору понял, что не спит.

Он разжал губы, готовясь потребовать у Гара, чтобы тот сказал ему, как свергнуть Защитника, но, приглядевшись к великану получше, увидел, что тот сидит с закрытыми глазами, покачиваясь из стороны в сторону, а по щекам его струится пот. Но вот его веки разжались, он взглянул на Орогору с безмерной усталостью и сказал:

— Прости, но сейчас я не смогу ответить на твой вопрос. Прошу тебя, встань с постели. Я должен прилечь и отдохнуть.

Орогору таращил глаза, ничего не понимая, он ведь даже не знал, что лежит на постели.

А потом к Гару подошел Дирк и склонился к Орогору.

— Вставай, дружище, — сказал он. — Он вылечил тебя и заслужил отдых.

Мало что понял Орогору, но ухватился за протянутую руку Дирка и поднялся на ноги. Гар сильно покачнулся и без сил, с закрытыми глазами повалился на ложе из соснового лапника.

Орогору изумленно уставился на него.

— Почему он так устал?

— Потому что только что справился с очень трудной работой, — объяснил Дирк. — Но, выполняя ее, он волновался за твое здоровье — ведь тебя ударили по голове.

Орогору ощупал голову, но шишки не обнаружил.

— Вот не припомню, чтобы меня кто-то бил.

— Били-били, — заверил его Дирк. — По самому больному месту. Теперь ты понимаешь, что ты должен делать?

— Вокруг да около, — вздохнул Орогору. — Но я все сделаю за ту награду, которую он мне пообещал. С чего я должен начать?

— Начни с малого, — посоветовал ему Дирк. — Возвращайся в город и продолжай притворяться принцем Приммером, но как только кто-то из горожан очнется от иллюзий, говори с ними, утешай их, вселяй в них надежду. Как только все вы будете излечены, мы расскажем вам о том, как свергнуть Защитника и продажных магистратов. А потом приступим к вашему обучению.

Обучению? Орогору гадал, что же это может быть за обучение.

Сквозь хвою сухой сосны доносились еле слышные крики. Дирк поднял голову.

— Твои друзья заметили, что ты исчез, и возвращаются за тобой. Если честно, то они ищут и тебя, и нас всю ночь. Скажи им, что упал и ударился головой и только что очнулся. Пойдем.

Он первым вышел из укрытия. Орогору изумленно оглянулся. Он и не ведал, что провел ночь здесь. Не понимал и сколько времени прошло, но сейчас занимался рассвет. А потом Орогору обернулся и увидел Килету, стоявшую рядом с крепким парнем — насколько он помнил, тот был слугой Гара и Дирка. Но кем он был на самом деле?

— Орогору! — вскричала Килета, почти плача, и бросилась к нему. Орогору обнял ее и испытал величайшее изумле-

ние. Чувство новизны охватило его, он словно только что родился. «Так вот что это такое — видеть все таким, какое оно есть на самом деле». А вслух он проговорил:

— Не бойся, Килета. Со мной все хорошо. Лучше мне еще в жизни не бывало.

Она отстранилась, пристально посмотрела на него. Лицо ее было залито слезами.

— Ты... Ты все еще...

— Принц Приммер? — Орогору улыбнулся и покачал головой. — Нет. Меня излечили от этого.

Но почему этот крепыш — Майлз, вот как его звали! — почему он так застыл, почему так мрачен?

Крики звучали все ближе.

— Я должен идти, — сказал Орогору и отошел от Килеты, на прощание коснувшись ее плеча.

— Сюда, — сказал Дирк и провел Орогору между высоким старым вязом и зарослями орешника, а потом развернулся и исчез. Орогору увидел еле заметную тропинку и шагнул на нее как раз в то мгновение, когда из-за деревьев показались «аристократы».

Орогору был потрясен до глубины души. О да, их роскошные одежды изорвались, были увешаны репьями, к ним прилипли мокрые от росы листья, но цвета нарядов были так кричащи! А люди? Как они были просты, как несуразны! Широколицые или тощие, недорослики и толстяки или долговязые и худые как жерди... куда подевались их стать и изящество?

Так вот как они выглядели на самом деле?!

От этой догадки Орогору чуть было снова не лишился рассудка, но к нему бросился коротышка толстячок в королевской короне и знакомым голосом спросил:

— Принц Приммер! Где ты пропадал?

Орогору вытаращил глаза. Неужели этот жирный простолюдин — король Лонгар? Но где же его царственная осанка, где властная речь?

Орогору совладал с собой и вымученно улыбнулся.

— Наверное, я ушиб голову о сук, когда разыскивал вас, ваше величество. Я только что очнулся, и голова у меня немилосердно болит.

В этом он ничуть не погрешил против правды.

— О, так возрадуемся же тому, что ты вновь с нами! — Король Лонгар привстал на цыпочки и ударил Орогору по плечу.

На цыпочки? Вот это да! А в обманной жизни он был выше ростом, чем Орогору.

— Назад! Назад! Вернемся в город! — призвал король своих придворных. — Это великая победа, мы изгнали захватчиков и спасли одного из наших собратьев!

Горожане дружно вскричали и повернули к городу. Орогору шагал среди них, заставлял себя улыбаться, кивать и шутить о том, как чудесно они потрудились этой ночью. Он понимал, что скоро рассказ об этом маленьком приключении вырастет, словно снежный ком, и место Гара, Дирка и Майлза займет целое вражеское войско, а его, Орогору, вырвут из хищных когтей, а потом аристократы обратят врагов в бегство. Орогору поглядывал по сторонам и видел, что многие уже искренне верят в это, хотя еще никто не удосужился облечь эту выдумку в слова.

Чувство понимания происходящего пугало Орогору, — но ведь Хранитель был прав: он был одним из них.

Если Хранитель существовал.

Существовал он или нет, но Орогору решил удержаться за одну частичку былого самообмана — он хотел по-прежнему воображать себя высоким и стройным, изящным и обученным хорошим манерам, с благородной осанкой и мудрым лицом. Когда он переставал думать об этом, он видел, что он — всего-навсего приземистый, полноватый, самый что ни на есть обычный человек, но старался не вспоминать об этом без необходимости. Именно так, продолжая рисовать себя красивым,

он мог стать магистратом, а потом — шерифом, и он знал, что это возможно!

Станет возможно, когда будет свергнут Защитник.

Но когда они вернулись в город, Орогору ожидало новое потрясение. С чего он взял, что женщины останутся для него такими же, как были, в то время как мужчины так переменились — он не смог бы ответить, но увидел, что переменились и женщины. Длинные и худые, маленькие и толстые, неказистые и простоватые, луноликие и с лицами, похожими на лошадиные морды, с морщинками и бородавками, они радостно встречали вернувшихся во дворец мужчин. Некоторые из них бежали к своим возлюбленным и бросались им на шею. Орогору в полном изумлении наблюдал за этим зрелищем до того мгновения, как костлявая высоченная особа не поспешила к нему, крича голосом графини Гильды:

— С возвращением! О, я так боялась за вас, за вашу жизнь, мой принц!

Она обвила руками его шею, прижалась к его груди, но Орогору застыл на месте, словно каменный, стараясь примирить между собой два образа — образ красавицы графини из иллюзорного мира с образом этой длиннолицей женщины с квадратным подбородком.

Гильда резко отстранилась и в тревоге взглянула на него:

— Почему ты так холоден со мной, любовь моя?

С горечью и болью Орогору почувствовал, как ускользает от него образ красавицы, но он заглянул в глаза Гильды — огромные, влажные, прекрасные темно-синие глаза и понял, что хотя бы эта черта ее лица по-прежнему хороша.

Прекрасными остались и ее голос, и ее речь, ее ум и находчивость. От этой мысли сердце Орогору забилось чаще, и все же он не мог пока с истинным чувством обнять эту долговязую несуразную женщину. Он мысленно возблагодарил судьбу за то, что между ними не было интимной близости, и тем более за то, что он не успел вступить с Гильдой в брак!

* * *

Рано утром на следующий день Орогору ходил по коридорам дворца, останавливался у каждой двери и прислушивался. На всякий случай у него было готово объяснение: проснулся, дескать, среди ночи и не смог заснуть, вот и решил прогуляться в надежде, что затем сон сморит его вновь. В некотором смысле так оно и было.

Остановившись у двери графини Гильды, он услышал приглушенные рыдания.

Орогору охватило чувство сострадания. Испытываемое им отвращение к Гильде, переставшей быть красавицей, сразу как рукой сняло. Он постучал в дверь. Рыдания утихли.

— Это я, Орогору, — негромко проговорил он.

Из-за двери донеслось всхлипывание.

— Просто Орогору, — уточнил он. — Не принц Примммер. Теперь я для тебя — только Орогору.

Прозвучали торопливые шаги, дверь отворилась настежь. И перед Орогору предстала заплаканная Гильда. Она смерила его изумленным взглядом с головы до ног.

— Ты? Орогору? Но... но как же...

— Таков я на самом деле, — бережно, нежно проговорил Орогору. — Присмотрись внимательнее: неужели ты не видишь во мне ничего от того Орогору, что был тебе знаком?

— Что... что-то есть, — промямлила Гильда.

— Вчера утром я тоже очнулся в слезах, — признался ей Орогору. — Позволишь ли ты мне войти?

— О да! Скорее! Пока никто не увидел! — Гильда схватила его за руку, втащила в комнату и поспешно заперла дверь. Обернувшись, она прижалась к ней спиной. Грудь ее тяжело и часто вздымалась. Орогору лишний раз убедился, что кое-что в самообмане было правдой.

— И как же... как ты...

— Мне снились самые неприятные моменты моей жизни, и все они были исправлены, — ответил Орогору. — Мне

приснился старик, назвавшийся «Волшебником Покоя». Он заставил меня увидеть себя таким, какой я есть на самом деле, — увидеть, что я Орогору и больше никто, крестьянский сын. Из-за этого я чуть было снова не впал в безумие, но он показал, что во мне столько доброго и хорошего, что пребывание в здравом рассудке мне приглянулось гораздо больше.

— Мне тоже! — вырвалось у Гильды. — Мне снилось, что другие мальчики и девочки добры ко мне, принимают меня в свои игры, а когда я стала старше, юноши стали приглашать меня потанцевать с ними! И я вдруг осмелилась увидеть себя такой, какая я есть, и от этого я не испытала ужаса и отвращения!

Орогору кивнул:

— А потом Волшебник сказал мне, что я смог бы стать самым настоящим аристократом, если бы помог простым людям избавиться от тирана, который сжимает всех нас в своей железной деснице, — от Защитника.

— И... мне тоже, — неуверенно проговорила Гильда.

Орогору посмотрел в ее большие прекрасные глаза и понял, что перед ним вовсе не простушка, пусть ее лицо было некрасивым, пусть глаза покраснели от слез.

— Мужайся, — сказал он. — Все остальные на вид не таковы, какими ты их видела раньше. Король Лонгар — толстяк и коротышка.

— А я... какой выглядела я?

— Ниже ростом, удивительно привлекательной и дивно красивой. — Орогору знал, что лгать бесполезно. Он шагнул ближе к Гильде, сдвинул брови. — Но теперь, когда я вижу тебя по-новому, когда смотрю в твои глаза, я понимаю, что не все в твоей красоте мне только мнилось.

Лицо Гильды озарилось благодарностью, но она тут же горько усмехнулась.

— Я знаю, какая я, Орогору. Я смотрелась в зеркало. Не лги мне, потому что зеркало мне не солгало.

О да, ее тонкость и красноречие остались при ней. И конечно...

— Ты так же умна, как та Гильда, которую я запомнил.

— Неужели? Но кто из мужчин когда-либо находил женщину привлекательной из-за ее ума?

— Я, — откровенно признался Орогору. — И большинство здешних мужчин — так я думаю.

Она пристально смотрела на него, и во взгляде ее появилась надежда.

— Красноречие и ум здесь ценят все, — добавил Орогору. — И мужчины, и женщины.

— Значит, в этой иллюзии была-таки доля правды, — прошептала Гильда.

— Была, — подтвердил Орогору. — Знаешь, когда миновал испуг при виде остальных горожан, я стал наблюдать за тем, как они ходят, сидят, танцуют. Их изящество — не обман зрения, так же как их осанка и манеры. Глядя на волшебные картины, все они выучились манерам аристократов, и обретенная грация никуда не делась. Она не врожденная, но все же она есть.

— Так, значит, Волшебник сказал правду? Мы сможем стать настоящими господами и дамами?

— По крайней мере сможем стать теми, кто им равен в нашей стране, — ответил Орогору. — Шерифами и их женами.

Неожиданно Гильде стало дурно. У нее подкосились ноги, и она чуть не упала, но Орогору поддержал ее.

— Лучше бы ко мне вернулось мое помешательство! — рыдая на его груди, призналась она.

— Его нам придется заслужить, — печально проговорил Орогору. — А для этого мы должны стать теми, кого мы только играли.

Гильда выпрямилась, слезы перестали течь из ее глаз. Она посмотрела на Орогору.

— Тогда мы сделаем это, — заявила она с той же железной решимостью, какую Орогору чувствовал в себе. — Красавицей мне никогда не быть, но я стану самой настоящей леди!

— А ты уже — самая настоящая леди, — прошептал Орогору.

Ближе к вечеру лорд Сондерс, прилегший вздремнуть, проснулся в слезах. Орогору прогуливался по коридорам и наткнулся на него вскоре после этого. Они переговорили и порешили на том, что со свержением Защитника надо поторопиться, чтобы заработать себе право вернуться в мир иллюзий.

На следующее утро проснулась в рыданиях леди Риджора. Ее успокоила Гильда. После полудня в слезах очнулся король Лонгар. Труды по его утешению взяли на себя Орогору и Сондерс. Вот так, один за другим, человек по десять за день, страдавшие манией величия безумцы возвращались в здравый рассудок и начинали мечтать о возвращении в свой выдуманный мир.

К концу месяца всем до единого жителям Фиништауна успел присниться Волшебник и каждого заверил, что о том, как свергнуть Защитника, им расскажет великан. Не без смятения духа горожане снова пригласили во дворец Гара и его спутников. Покуда Гар отлеживался после тяжкого труда исцеления, горожане провели беспокойный вечер в попытках наладить общение на старый лад. Правда, каждый из них наверняка испытывал непередаваемые муки, глядя на несуразных, неказистых собратьев, открывшихся им воочию. Ближе к ночи Майлз разыскал Дирка и начал:

— Господин Дирк... — Дирк предостерегающе глянул на него. Майлз вздохнул. Дирк был прав. — Дирк, нужно что-то делать, и поскорее! Им так отвратительно смотреть друг на дружку, что они прямо у нас на глазах запросто снова могут свихнуться!

— Да, риск велик. А не хотелось бы, — согласился Дирк. — В конце концов, желание выздороветь — чуть ли не самый главный залог выздоровления. Ладно, не будем мешкать. Я поговорю с ними прямо сейчас, пока они не разошлись спать.

Он шагнул на середину зала и возгласил:

— Музыка, умолкни!

Он, конечно, мог бы дождаться окончания танца, но компьютер послушно прервал мелодию, и наступившая тишина гораздо больше поспособствовала завоеванию внимания горожан, чем могли бы любые призывы. Танцоры с плохо скрываемым облегчением отступили от своих партнеров и партнерш и повернулись к другу великана.

— Я знаю: всем вам не терпится поскорее узнать, как свергнуть Защитника, — громко проговорил Дирк. — Что ж... Гар еще не вполне пришел в себя, но начать можно и без него.

По залу прокатилась волна ропота, в котором смешались недовольство с волнением. Дирк дождался тишины и продолжал:

— Первая часть замысла состоит в том, чтобы вы выучились жить той жизнью, какой живут магистраты, а вторая — в том, чтобы научиться образцово драться, дабы вы сумели указывать своим бейлифам, как командовать стражниками — или чтобы вы смогли сами командовать подчиненными вам войсками, если станете шерифами. Итак: завтра подъем в девять утра, а затем с каждым днем будете вставать все раньше и раньше, пока не приучитесь пробуждаться с рассветом.

Изнеженные аристократы хором застонали.

— Не спорю — трудновато придется на первых порах, но это необходимо, — пояснил Дирк. — Много ли вам встречалось магистратов, что валяются в кроватях до полудня? Словом, завтра поднимаетесь в девять часов. День начнем с легкого завтрака. А потом — несколько уроков азов рукопашного боя.

— Но что в это время будут делать дамы? — непонимающе воскликнула Риджора.

— Как — «что делать?» — пожал плечами Дирк. — Упражняться с куотерстафами, что же еще?

Поднялся жуткий гам. Дирк выждал немного и поднял руки, прося тишины.

— Хочу, чтобы все поняли: вы отправляетесь на воскресную прогулку на лоно природы. Всякому, кто вступает в игру, запросто в один прекрасный день может грозить нападение, и уж лучше загодя обучиться приемам самозащиты. В некотором роде дамам это даже нужнее! Повторяю: завтра в девять, и сие означает, что баиньки надо лечь пораньше!

Он не стал добавлять «и не в чужую постель» — ведь теперь и закоренелые любовники стеснялись друг друга. Бывшие придворные поспешно разошлись по своим комнатам, и Дирк, прихватив Майлза и Килету, отправился навестить Гара.

Покои Гара были столь же великолепны, как все остальные, и целиком управлялись компьютером. Дирк остановился в гостиной и сказал:

— Подождите здесь. Я позову вас, если он в состоянии разговаривать.

Майлз и Килета кивнули, и Дирк, подойдя к двери, ведущей в спальню, негромко постучал.

— Входите, — отозвался Гар. Дирк вошел, а Гар проговорил: — Свет, включись. — Загорелся приглушенный свет, озаривший кровать с балдахином. — Ну, как дела, Дирк? — спросил Гар, перевернувшись на бок и подперев голову согнутой в локте рукой.

— Тяжко, — признался Дирк. Он собрался было сесть на стул возле кровати, где в последнее время сидел часто, но вдруг растерялся. — Ты хоть ел сегодня?

— Вроде бы да, — кивнул Дирк и потер глаза. — Доковылял до устройства выдачи пищи и пожевал овсянки в последний раз, когда просыпался. Но тогда солнце светило...

— Ясно. Стало быть, нынче утром. Как думаешь, сумеешь одолеть куриный бульончик, пока не уснул опять?

Гар кивнул, и Дирк поспешил к устройству выдачи пищи. Назад он вернулся с подносом. Гар пил из чашки бульон, а Дирк рассказывал ему новости.

— Нервной энергии у них сейчас — хоть отбавляй, вот я и решил направить ее в полезное русло, пока они снова не ударились в добровольное полоумие.

— Мудро, — одобрил Гар. — И что же ты придумал?

— Для начала объявил на завтра побудку в девять утра. Потом немного гимнастики и главные приемы самозащиты — поучу их падениям и откатам, блокам и грамотным ударам, в общем, в таком разрезе. Может быть, успеем и куотерстафами помахать.

— Для поднятия духа вполне недурственно. Майлз готов тебе помочь?

— В часы досуга я давал уроки ему и Килете. Чего-чего, а досуга у меня в последнее время — просто завались. Они оба уже тянут на зеленые пояса. А Майлз на диво ловко орудует куотерстафом, так что мне не придется потеть одному.

— Славненько, — кивнул Гар. — Ну а от Хранителя чего-нибудь удалось добиться?

— Ну... он не сказал «нет».

Дирк полчаса проторчал у изукрашенной стены, стараясь получить положительный ответ у компьютера.

— Заявил, что желает переговорить с тобой лично, как только ты будешь к этому готов.

— Стало быть, из города он нас не гонит?

— И не думает. По некоторым отрывочным замечаниям у меня возникло такое подозрение, что наше появление здесь он считает самым счастливым событием в жизни этих людей с тех самых пор, как они начали приходить сюда. Однако он жаждет убедиться, что наши цели совпадают, а потому настаивает на переговорах.

— А пожалуй, их можно устроить прямо здесь и сейчас. — Гар уставился в потолок и произнес:

— Слышишь ли ты нас, о Хранитель?

— Да, — немедленно откликнулся голос, заполнивший комнату.

Дирк от неожиданности подпрыгнул на полфута, выделив при этом изрядную порцию адреналина.

ГЛАВА 14

— Вы не требовали конфиденциальности, — пояснил голос.

— Значит, если я попрошу тебя отключить звукоулавливающее устройство, ты его отключишь?

— Непременно, — пообещал компьютер.

— Сомневаюсь, чтобы до этого додумались многие из здешних обитателей, — пробормотал Дирк. — Наверное, это устройство уловило массу преинтересных звуков.

— Вряд ли можно шокировать машину, — утешил друга Гар и произнес погромче: — Можем ли мы переговорить сейчас?

— Тембр вашего голоса и время, проведенное в состоянии сна, указывают на то, что вы пока не пребываете в состоянии, адекватном для подобных переговоров.

Гар кивнул:

— Верно подмечено. Но скажи мне: ты мог бы обеспечить обучающими материалами всех, кто здесь живет?

— Да. Они будут передаваться на мониторы, установленные в комнатах.

— Да позволено мне будет выразить восхищение по поводу уровня художественного оформления мониторов.

— Благодарю вас, но заслуга в этом принадлежит не мне, а людям-дизайнерам. Какие темы вы желаете запросить?

— Историю — как земную, так и местную, классическую литературу, военную стратегию и тактику, местные законы и бюрократические процедуры...

— На последнюю тему мои данные устарели — на несколько веков.

— Понимаю, но ты бы мог преподать горожанам азы знаний, на основе которых сформировались современные науки. А для того чтобы осовременить твои базы данных, надо будет перекопать имеющиеся ресурсы.

«В буквальном смысле слова перекопать», — подумал Дирк.

— О, это же целая гора тем... — охнул Гар и вдруг устало опустил голову на подушку. Дирк хотел было броситься к нему и пощупать пульс, но сдержался.

— Насколько я понимаю, вы слишком устали для того, чтобы продолжать беседу, — заключил компьютер. — Свяжитесь со мной, когда возникнет такая необходимость. А сейчас — спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — вяло отозвался Гар.

— Ты поспи немножко, — медленно проговорил Дирк. — Но пока ты еще не уснул, я хотел тебя спросить...

— Да? О чем?

— Собственно, твоя дикая усталость и есть часть ответа на этот вопрос, но только часть.

— Отрадно слышать. Так что за вопрос?

— Если ты способен настолько легко излечивать психические заболевания... — начал Дирк, запнулся и сказал: — Нет, не так: если ты способен излечивать психические заболевания так быстро, почему ты не занимаешься этим почаще?

— Во-первых, — вздохнул Гар, — не могу. Большинство случаев психических заболеваний гораздо сложнее, чем те, с которыми мы имеем дело здесь. Как правило, несколько отклонений от нормы соединяются в комплекс. Во-вторых, даже если бы я мог этим заниматься, я не имею на это права. Ты же понимаешь, тут речь идет о проникновении в чужой разум. Болен человек или здоров — я не имею никакого права вторгаться в его внутренний мир без разрешения.

— Не имеешь... — задумчиво проговорил Дирк. — Ну а на этот раз откуда у тебя такое право взялось?

— Необходимость вынудила, — вздохнул Гар. — А это означает, что на самом деле никакого права я на лечение не

имел. Но либо я поступил бы так, как поступил, либо надо было бы плюнуть на этих людей, на их право обрести свободу. А на это я тоже никакого права не имел.

К концу недели все горожане освоили технику безболезненных падений, различные удары и их блокирование. Те немногие, кто не умел читать, делали неплохие успехи на этом поприще под руководством Хранителя, а Дирк приступил к чтению лекций по истории их родной планеты.

На первой же лекции учащиеся стали сыпать вопросами о том, откуда появились их предки, и были потрясены до глубины души, узнав, что слышанные ими в детстве сказки про другие планеты — чистая правда. Развернулась оживленная дискуссия на предмет того, какие из сказок — правда, а какие — вымысел. Дирк помог разрешить этот спор, обозначив те сказки, которые пришли со средневековой Земли, и уточнил, из каких именно стран. Так что к концу первой недели занятий новообращенные студенты уже в общих чертах ознакомились с историей и географией Земли и получили краткий очерк космической колонизации.

А Дирк выяснил, что многие из «студентов» просто-таки талантливы, а все остальные — не без способностей. Это настолько удивило его, что он обратился с вопросом к Хранителю.

— Почему у всех твоих подопечных такой высокий IQ? — спросил он, глядя на декорированный дисплей.

— Потому, — ответил компьютер, — что те, чьи способности были бы ниже, чувствовали бы себя неполноценными, и это усугубляло бы степень их мании.

У Дирка похолодело в груди.

— И как же ты поступал с такими?

— Я отправлял их в город Перворанг. Там о них точно так же заботится компьютер.

— Вот как? — Дирк навострил уши. — Верно ли я понимаю, что Перворанг тоже затерян в лесах?

— Совершенно верно.

— И сколько же всего таких затерянных городов?

— Пять, — отвечал компьютер. — Перворанг и Второранг предназначены для людей со средним уровнем интеллекта. Третьеранг — для тех, чей уровень низок, но в Четвероранге также содержатся психические больные с высоким уровнем интеллекта. Думаю, что неразумно содержать в одном городе более трех сотен людей одновременно.

— Значит, получается, что мы имеем более тысячи человек, которых можно привести в состояние психической нормы, исключая Третьеранг, — произвел подсчет Дирк. — А в этой стране всего-то десяток крупных городов, да еще сотни четыре поменьше.

— Вам потребуется потенциальная рабочая сила в количестве, равном половине местной бюрократии, если я правильно понял ваш замысел?

Дирк медленно кивнул:

— Да, если у Гара здоровья хватит. Половины должно хватить для революции.

— Вполне адекватный расчет, — согласился компьютер.

К концу третьей недели Гар восстановил силы и вступил в переговоры с компьютером. Хранитель был ужасно опечален тем, что обслуживаемая им в свое время бюрократическая машина стала инструментом диктатуры, и горячо высказался за свержение Защитника при условии, что это произойдет без массового кровопролития. Гар изложил Хранителю свой план, и тот его одобрил.

По утрам бывшие безумцы продолжали обучение боевым искусствам, а потом возвращались в свои комнаты и принимались за литературу, историю, психологию, математику, музыку, стратегию и тактику, политические науки, а чуть позже приступили к изучению основного свода законов, послужившего базисом для создания кодекса Защитника. Компьютер смог

также обеспечить учащихся описанием бюрократических процедур, лежавших, по всей вероятности, в основе нынешней системы управления страной. Учащиеся подтверждали, что эти процедуры во многом схожи с теми, которые осуществляют магистраты и шерифы.

Довольно скоро начали формироваться группы, в которых завязывались горячие диспуты на изучаемые темы, вызывавшие массу вопросов и противоречий. Дирк объяснил горожанам, что они имеют возможность разговаривать с компьютером с любого места во дворце, и впоследствии был немало изумлен тем, что машина оказалась способна излагать с десяток объяснений на совершенно различные темы десятку разных групп одновременно. В процессе этих диспутов Хранитель поведал студентам-горожанам, что первоначально Защитник избирался путем голосования и что каждому жителю планеты от рождения давалось и избирательное право, и прочие права человека. Это чужеродное понятие излеченные безумцы восприняли с жаром, так как оно вполне согласовывалось с идеями, которые им старательно прививали Дирк и Гар.

Как только была запущена программа образования, Гар и Дирк отправились в Перворанг. Хранитель объяснил, что название трансформировалось из сочетания слов «первый рынок», вследствие чего Дирк наделил первопоселенцев высоким рангом за организационную деятельность, но поставил низший балл за изобретательность.

Майлза назначили ответственным за Фиништаун, что потрясло его до глубины души. Но еще больше его потрясло то, что горожане начали приходить к нему с вопросами и просьбами разрешить их споры. Но сильнее всего Майлза изумляло то, что он ухитрялся находить ответы на эти вопросы и справедливо разрешать споры. По всей видимости, Гар и Дирк успели научить его большему, чем он думал.

ГЛАВА 15

Миновало два года. Гар и Дирк в город наведывались ненадолго и снова отправлялись в путь. Теперь они наблюдали за тем, как шло обучение сразу в четырех городах. Прогресс уже был достигнут немалый. Фиништаунцы, например, предложили свою собственную идею новой системы управления страной. Бейлифов, по их мнению, должны были назначать магистраты, как и раньше, но для того чтобы стать магистратами, мужчины и женщины должны были выдержать испытания, затем — получить назначение от Защитника, однако каждый год жители деревни должны были голосованием подтверждать свое желание видеть магистрата и далее на этом посту. Шерифов, на взгляд фиништаунцев, магистратам следовало выбирать из их числа, но и шерифам нужно было ежегодно получать вотум доверия от жителей округа, которым они управляли. Все чиновники начиная с шерифов должны были избирать Совет Шерифов, а из членов Совета должны были избираться министры, а уж из министров народ должен был выбирать Защитника.

Следовательно, для того чтобы быть избранными шерифами, для начала следовало выдержать испытания. Для того чтобы заслужить избрание на пост шерифа или министра, человек был обязан годы служить на своем прежнем посту верой и правдой, а Защитник должен был еще дольше доказывать свою годность на этот самый высокий пост в стране, служа министром.

Как только все уяснили, каким именно образом хотят реорганизовать правительство и почему, Гар начал распределять должности в подполье, дабы каждый из подпольщиков прошел продвинутый курс обучения. Те, у кого отмечались выдающиеся способности к музыке, назначались менестрелями. Они выучивали песенки несколько провокационного характера и получали подготовку секретных агентов, задачей которых являлось поддерживание связи между подсадными магистратами. Женщин,

из тех соображений, что пока о постах магистратов им мечтать не приходилось, обучали весьма специфической науке воздействия на людей — агитации и осторожной пропаганде. Мужчины, уже готовые к работе в должности магистратов, теперь знакомились с искусством деятельности тайных агентов — изучали всевозможные шифры, тактику внедрения.

Тем временем Дирк разослал по округе менестрелей с поддельными пропусками. Им было дано задание больше слушать, нежели петь, и выведывать новости о новых назначениях на посты магистратов. И когда первый из этих лазутчиков вернулся в Фиништаун, сгорая от волнения, и сообщил о времени и месте смены магистрата, первая «подсадная утка» была уже готова к полету. Это был Орогору.

Едва рассвело, Орогору вышел из города, одетый в мантию магистрата. Его уже поджидали поддельный бейлиф и мужчины в форме стражников.

— Прощай! О, прощай! — вскричала Гильда и обвила руками шею Орогору. — Я была среди первых, кто приветствовал тебя, когда ты пришел сюда, — так пусть же я буду среди последних, кто скажет тебе «до свидания».

— До свидания. До встречи.

Орогору обнял ее, дивясь тому, как приятно обнимать такую субтильную женщину. Но еще более он изумился, когда она запрокинула голову, а потом крепко поцеловала его в губы. Поцелуй был полон ласки и страсти, и, на миг закрыв глаза, Орогору вновь представил Гильду красавицей графиней. Он с неохотой отстранился и любовно улыбнулся подруге. За эти два года они так много говорили о добре и зле, о судьбе страны, что Орогору успел полюбить новую Гильду почти так же, как прежде был влюблен в красотку графиню.

— До свидания, — повторил он. — До новой встречи. И пусть у тебя все будет хорошо.

— Пошли весточку, как только у тебя все будет в порядке!

— Обязательно! — пообещал Орогору и, поспешно отвернувшись, схватил поводья своего коня, борясь с искушением забрать Гильду с собой. Собравшись вспрыгнуть в седло, он обернулся и изумился, увидев в воротах Килету. Она махала ему рукой, и глаза ее были полны слез. Орогору улыбнулся ей — ему хотелось верить, что улыбка получилась ободряющей, — и отвернулся.

Ему и в голову не пришло задуматься о том, почему Килета вышла проводить его, почему она плачет. В конце концов, они ведь были старыми друзьями.

Беспокоило Орогору другое: он не знал, стоит ли доверять свою жизнь этому угрюмому парню, Майлзу. И что он на него всегда так неласково смотрит? Правда, Дирк тоже отправлялся вместе с ними, а город оставался на попечении Гара и Килеты. Килета во главе города! Вот ведь удивительно!

Орогору вспрыгнул в седло и пустил коня по лесной тропе. Отряд выехал для того, чтобы устроить засаду и взять в плен получившего новое назначение магистрата.

Отряд остановился в том месте, где пыльный проселок соединялся с дорогой, ведущей в городок Гринторп. Выехав из леса и обозрев развилку, над которой нависали ветви могучих деревьев, Орогору нахмурился.

— Не слишком удачное место для засады, господин Майлз.

— Лучшего не будет, — пробурчал крестьянин.

Орогору глянул на Дирка, но тот только кивнул и многозначительно посмотрел на Майлза.

Майлз вздохнул и пояснил:

— Деревья тут достаточно густы для того, чтобы за ними спрятались наши налетчики, — хватает и пушистых веток, и толстых стволов. Правда, есть надежда, что налетчики нам не понадобятся.

— Это я знаю. По обычаю увольняемый магистрат высылает стражников, чтобы они встретили нового на полдо-

роге, — сказал Орогору. — Насколько я понимаю, это и есть то самое место.

— Не совсем. До этого места отсюда лига. А это все-таки довольно близко, так что новый магистрат не удивится, увидев нас, но при этом и достаточно далеко — досюда вряд ли доедут стражники из Гринторпа. Между тем Натан будет следить за дорогой на полмили в сторону города. И если стражники появятся, он нас об этом известит.

Натан по-военному отсалютовал и легкой трусцой побежал на юг. Орогору проводил его взглядом, поражаясь тому, что два года назад этот человек считал себя лордом Сондерсом.

— Стало быть, — заключил Орогору, — это будет не засада, а обманный маневр.

Майлз кивнул:

— Нападение оставим на случай крайней необходимости.

Райан, в прошлом лорд Финн, отправился вдоль дороги на север, в сторону Аттерборо, откуда должен был появиться новый магистрат. Остальные уселись на траву, перекусили и устроились на отдых. Двое задремали, двое бодрствовали. Но вот назад вернулся запыхавшийся Райан.

— Едут! — сообщил он. — Они в миле отсюда. Я их с верхушки дерева заметил!

— Быстро по местам, — распорядился Майлз.

Эндрю (бывший граф Парло) и Дуглас (бывший герцог Ривер) взобрались на деревья и исчезли среди ветвей. Орогору притаился за толстым стволом. Он слышал шелест стрел, которыми заряжали луки, и старался тешить себя надеждой, что настоящий магистрат и сопровождавшие его люди поверят в обман и останутся целы и невредимы.

Рядом расхаживал из стороны в сторону Райан. Он нервничал и не в силах был скрыть волнения. Одет он был в простую крестьянскую одежду, какая вполне подошла бы кучеру. Майлз и Дирк были в форме стражников. Они преспокойненько сидели, прислонившись спинами к стволу дерева,

болтали и позевывали. Орогору не верил своим ушам: вот-вот могли появиться их жертвы, а они занимались тем, что обсуждали проблемы управления страной!

Издалека, со стороны дороги, послышался оклик.

Майлз поднялся, за ним встал Дирк. Размахивая руками, они вышли навстречу приближавшейся карете, которую сопровождали двое всадников с запасной лошадью в поводу, и, улыбаясь, ждали, пока кучер не остановил карету рядом с ними. Магистрат, крепкий мужчина лет сорока, улыбнулся им, а седовласый кучер крикнул:

— Вы не из Гринторпа ли будете?

— Гринторпский эскорт приветствует вас, — с лучезарной улыбкой соврал Майлз. Врать он терпеть не мог, ему это было глубоко противно, но Дирк изо всех сил постарался убедить Майлза в том, как это важно. И как бы то ни было, они действительно собирались позаботиться о том, чтобы магистрат попал в Гринторп — только не этот магистрат.

— Что ж, мы с радостью уступим вам право сопровождать нашего господина. — С этими словами кучер спустился с облучка, подошел к карете и сказал: — Вы были нам хорошим господином, магистрат Флаунд, и я завидую жителям Гринторпа. Прощайте и пусть будет вам удача на новом месте.

— Прощай, и тебе я желаю удачи, — с печальной улыбкой отозвался Флаунд. — Надеюсь, и вам повезет с новым господином. Дайте ему возможность показать себя. Он еще молод, и на первых порах может наломать дров.

— Это со всяким бывает! — Холстин протянул магистрату руку ладонью вверх. Флаунд на миг коснулся ее своей рукой, а потом Холстин отошел в сторону, чтобы дать возможность всадникам попрощаться с магистратом и коснуться его руки.

Это было так похоже на благословение, что Дирк вздрогнул. Он задумался: не единственное ли это прикосновение, которое позволял данный ритуал магистрату и его подданным?

Когда прощание закончилось, Майлз взобрался на облучок и взял в руки вожжи. Он прищелкнул языком и пустил лошадей шагом. Флаунд только раз оглянулся назад с ласковой улыбкой и решительно устремил взгляд вперед, в ожидавшее его будущее, но Дирк, ехавший рядом с каретой, заметил в его глазах слезы.

Райан и Дирк сопровождали карету с пол-лиги, до развилки, где прятался Орогору. Доехав до этого места, Майлз крикнул:

— Тпру! — и натянул вожжи.

Флаунд высунулся из кареты и нахмурился.

— Почему ты остановил лошадей?

— Потому, что дальше вы не поедете, ваша честь, — ответил Дирк. — Прошу вас, выходите.

Флаунд вытаращил глаза.

— Вы — разбойники!

— Боюсь, что так, — сочувственно улыбнулся Дирк. — Но мы не собираемся...

Флаунд бросился на него.

Он налетел на Дирка, столкнул его с лошади, но удержаться за седло не сумел и сам упал сверху. Вскочив на ноги, магистрат выхватил из-под мантии короткую дубинку. Дирк тоже уже поднялся и влепил Флаунду внушительный апперкот. Флаунд закрылся дубинкой и тут же с криком размахнулся ей.

Удар был быстр и резок, но Дирк пригнулся и вознамерился въехать магистрату кулаком в нижнюю челюсть, но тот заслонился левой рукой и вновь замахнулся. Дирк отпрыгнул назад, но дубинка таки настигла его и угодила по левому плечу. Дирк скрипнул зубами от боли и схватил дубинку за противоположный конец правой рукой.

Райан наклонился в седле и хотел обхватить Флаунда согнутой рукой за шею, но магистрат отскочил в сторону и отчаянно ударил дубинкой. Дирк ухитрился ухватить его за руку и отвести ее в сторону, а Майлз спрыгнул с облучка и обхватил магистрата обеими руками сзади. Флаунд лягнул его, и Майлз взвыл от боли

в паху. Воспользовавшись достигнутым преимуществом, Флаунд вывернулся и нацелился дубинкой Майлзу в висок.

Орогору вскрикнул, схватил Флаунда за руку и дернул на себя. Этого хватило, чтобы дубинка не достигла цели. Магистрат рванулся изо всех сил, но Орогору, крепко сжав его запястье, вывернул руку ладонью вверх и отбросил с запястья обшлаг рукава мантии. Флаунд наконец получил возможность увидеть Орогору вблизи. Выпучив глаза, словно его ударила молния, он уставился на человека в мантии магистрата.

И в тот миг, когда он остолбенел, Дирк приложил к его запястью маленький пузырек.

От этого прикосновения Флаунд вздрогнул и, закричав, врезал Орогору под ложечку. Тот успел закрыться, но добился лишь того, что немного смягчил удар, и согнулся пополам от боли. Флаунд вырвал руку и развернулся к Дирку, тяжело дыша и описывая дубинкой круги над головой.

А потом глаза его вдруг закатились, и он мешком рухнул на землю.

— А я уже думал, что лекарство его вообще не возьмет, — выдохнул Дирк, наклонился и взял дубинку из онемевших, разжавшихся пальцев магистрата.

— Мы не знали! — выпучив глаза, пролепетал Майлз. — Клянусь, госп... Дирк, я правда не знал, что магистраты носят под мантиями дубинки.

— Я тоже не знал, — подтвердил Орогору. Райан эхом подхватил эти слова, а Орогору добавил: — И того, что они обучены драться, я тоже не знал!

— Значит, славно, что мы обучили этому искусству тебя, — заключил Дирк и вручил ему дубинку. — Присовокупи ее к ножу и впредь, если придется чем-то размахивать, в первую очередь маши дубинкой — этим ты, как мы только что убедились, никого не удивишь.

— Ладно, — кивнул Орогору. — Какая удача, что вы выучили меня драться на палках!

— Удача, не спорю, — согласился Дирк. — Но на удачу полагаться нельзя. С этих пор мы такой удачи настоящим магистратам дарить не станем. Мы же не станем забивать никого насмерть, верно?

— Если до крайностей не дойдет — нет, — отозвался Орогору, потрясенный до глубины души этой мыслью. — В конце концов, сейчас не война.

— Пока, — с тяжелым сердцем уточнил Райан.

— Так. А теперь по коням, — распорядился Дирк. — Садись в карету, Орогору. Тебе еще предстоит встреча с настоящим эскортом.

— Да-да! — опомнился Орогору. — Спасибо вам за помощь, Дирк. И тебе спасибо, Майлз, — обернувшись к крестьянину, поблагодарил он.

— Это мне надо тебя благодарить, — ответил Майлз и впервые искренне улыбнулся Орогору. — Если бы ты не помешал ему, он бы мне башку проломил.

— Не мог же я допустить, чтобы подготовленного во всех отношениях секретного агента одолел пожилой и немощный магистрат? — улыбнулся Орогору.

— Не мог, не мог, никто не спорит, — вмешался Дирк. — Медлить нельзя, Орогору. Скорее в карету.

Как только Орогору забрался в карету, со стороны Гринторпа примчался запыхавшийся Натан.

— Лошади! — воскликнул он. — Гринторпский эскорт, наверное, устал ждать.

— Или они верстовые столбы считать не умеют, — сердито проворчал Дирк. — Поезжай с эскортом, Натан. А я лучше постерегу здесь его бесчувствие, пока вы, ребята, вернетесь. — Удачи! — пожелал он Орогору и пожал его руку.

— Спасибо, — пылко откликнулся Орогору и откинулся на спинку сиденья. Сердце его учащенно билось. Майлз ударил лошадей вожжами.

С троицей стражников из Гринторпа карета встретилась буквально через несколько сотен ярдов. Гринторпцы натянули

поводья своих коней, Майлз остановил упряжку. Орогору, у которого на самом деле сердце ушло в пятки, одарил встречающих улыбкой, которая, как он искренне надеялся, выражала нужную степень достоинства и снисходительности.

— Вы из Гринторпа? — поинтересовался он.

— Да, ваша честь, — ответил один из стражников и отсалютовал.

— Я магистрат Флаунд. Сопроводите ли вы меня к месту нового назначения?

— С радостью, ваша честь!

Райан спустился с облучка и подошел к карете сбоку.

— Прощайте, магистрат. Вы были мне хорошим господином...

И они разыграли сцену, свидетелями которой только что стали, после чего поворотили коней. Майлз сел верхом на запасную лошадь, и все трое ускакали.

— В путь, добрые люди, — проговорил новоявленный магистрат с добродушной улыбкой и откинулся назад, а его новый кучер погнал упряжку лошадей навстречу самому большому приключению в жизни Орогору.

Карета остановилась перед ратушей. Кучер спрыгнул с облучка и, поспешив к дверям, распахнул их настежь. Орогору вышел из кареты, благодарно улыбаясь, и последовал за кучером к дверям, где его ожидал дородный мужчина в коротком балахоне — одеянии бейлифа.

— Бейлиф Тундро, позвольте представить: магистрат Флаунд.

— Приветствую вас, ваша честь. — Бейлиф отвесил магистрату поклон. — Добро пожаловать в Гринторп.

Что-то шевельнулось в груди Орогору в ответ на это приветствие.

— Приветствую и тебя, бейлиф, и благодарю за гостеприимство. Пожалуйста, представь меня остальным.

Тундро, похоже, несколько удивился слову «пожалуйста», однако провел Орогору в ратушу и познакомил со слугами. Они уговорили нового магистрата принять ванну и поужинать.

Вымывшись и поев, Орогору, не на шутку боясь всего, что ему предстояло, заперся в библиотеке и принялся лихорадочно листать первый том кодекса законов.

ГЛАВА 16

Вот Орогору стал первым подсадным магистратом. Днем он трудился на своем посту, а ночами бешеными темпами штудировал книги по юриспруденции, дабы ознакомиться с ее прогрессом за последние несколько сотен лет. Начитавшись о судопроизводстве, он приступил к работе и начал мало-помалу ближе знакомиться с жителями городка. Он знал, что у него — всего шесть месяцев на то, чтобы подыскать себе пару и жениться. Между тем народ относился к нему сносно. Правда, писарь время от времени во время судебных заседаний бывало в изумлении поводил бровями и довольно часто исправлял допущенные им промахи, но в целом подчиненные, похоже, считали его человеком недюжинного ума, и когда миновали несколько первых тревожных недель, Орогору стал чувствовать себя увереннее. Но все же по ночам его мучила тоска по Фиништауну, по другим излечившимся от мании величия собратьям, которые стали его друзьями наяву, а не только в иллюзорной жизни.

В конце первого месяца труда на новом поприще Орогору ожидал весьма приятный сюрприз. Завершилось судебное заседание, и бейлиф сообщил магистрату:

— В Гринторп прибыли двое гостей, ваша честь, — купец и его сестра. Они желают затеять тяжбу против соседа. Их отец умер месяц назад, а сосед требует у них половину товаров из их лавки за отцовские долги.

Орогору вздохнул. В таких делах он пока имел мало опыта и решил, что придется положиться на здравый смысл. Кроме того, он уже успел убедиться в том, что, когда задаешь доста-

точно много вопросов, люди частенько, отвечая тебе, отвечают фактически и самим себе.

— Хорошо, — кивнул Орогору. — Я приму их в кабинете. Пожалуйста, попроси Варджис принести нам чаю.

— Слушаюсь, ваша честь.

Орогору отправился в библиотеку, тяжело опустился на обитый кожей стул и вздохнул. Он и не представлял, что у магистратов столько дел. А потом отворились двери, он поднял голову... и увидел на пороге Жюля — некогда короля Лонгара, а с ним рядом... Гильду!

Он ничего не мог поделать с собой — сидел как каменный и таращил глаза. Бейлиф Тундро, заметив это, поспешил представить просителей:

— Купец Руле и его сестра Гильда.

Орогору встряхнулся и не без труда улыбнулся.

— Прошу садиться. Благодарю, Тундро.

— Ваша честь, — поклонился магистрату бейлиф, вышел и закрыл за собой дверь.

Орогору не сомневался: от зорких глаз Тундро ничего не укрылось, но сейчас ему было все равно. Он вскочил со стула и крепко обнял Гильду.

— Вот спасибо, вот спасибо вам, друзья мои! Так приятно видеть вас! — Отпустив Гильду, он пожал руку Жюля. — Спасибо вам тысячу раз!

— Мы не могли позволить тебе долее томиться в одиночестве, — объяснила Гильда. — Вот и придумали повод навестить тебя.

— Ну садитесь, садитесь же! — И Орогору подкрепил свои слова жестом, указав на стулья. — Устраивайтесь поудобнее и расскажите, что новенького дома! — Сказав это, Орогору широко раскрыл глаза от удивления — он, не задумываясь, назвал Фиништаун «домом»! Но если разобраться, он и был ему домом — в гораздо большей степени, нежели деревня, в которой он вырос.

— Все хорошо, — ответил Жюль, — но дел по горло. Менестрели присылают в город сведения о том, какие магистраты должны выехать к местам нового назначения и когда именно. Гар уже свел Майлза с ума тем, что заставляет его вести записи о каждом из них, а потом ему приходится выбирать, кого высылать на подмену. Каждую неделю мы отправляем по два человека, а то и больше, да еще по три-четыре женщины, которые выходят замуж за достойных магистратов или получают должность сестер милосердия, что дает им возможность агитировать солдат. — Он усмехнулся. — Еще та работенка, доложу я тебе.

— Ну а что с теми магистратами, которых берут в плен, — с настоящими? — немного виновато поинтересовался Орогору.

— Они в ярости, но во всем остальном у них все в полном порядке, — заверила его Гильда. — Гар всех их поселил в том большом длинном здании, где только жилые помещения, и назначил там главным Бейда — ну, ты должен его помнить, бывшего герцога Деспре.

— Конечно, помню. — Орогору взволнованно кивнул. — Но из Бейда должен получиться весьма суровый главный тюремщик — он ведь терпеть не может представителей власти!

— У него больше причин недолюбливать их, чем у остальных, — согласился Жюль, — если вспомнить, что сделали с его семейством. Но Хранитель не позволит ему тиранить пленных, даже если Бейду этого захочется. Ну а ненависть к ним поможет ему смотреть за ними в оба и следить, чтобы никто не убежал.

Открылась дверь, вошла горничная и вкатила чайный столик.

— Не думаю, чтобы у этого человека были веские причины вас ненавидеть, — сказал Орогору. — Разве он не может понять, что здоровая конкуренция между торговцами неизбежна и необходима?

«Просители» непонимающе глянули на Орогору, но тут же поняли, что он сменил тему беседы и заговорил о том, ради чего они прибыли к нему согласно «легенде».

— Похоже, он из тех, кто готов одержать победу любой ценой, — признался Жюль. — И всякую конкуренцию считает личным оскорблением.

— Спасибо, больше ничего не нужно, — поблагодарил Орогору горничную. Та поклонилась и вышла, закрыв за собой дверь.

Гильда ахнула:

— Как у тебя прекрасно получается! Совсем как у настоящего магистрата!

— Но я и есть настоящий магистрат, — возразил Орогору. — По крайней мере я обязан считать себя таковым, иначе я провалюсь по всем статьям.

Жюль озабоченно нахмурился.

— Будь осторожен, Орогору.

— Не опасайтесь, я не поддамся новым иллюзиям, — заверил друзей Орогору, огляделся по сторонам и поморщился. — Поверьте, если бы я и собрался удариться в безумие, я бы не выбрал этого антуража.

— Лордом быть было намного приятнее, — улыбнулась Гильда и подала ему чашку чая.

Орогору изумленно уставился на нее.

— Прости! Это я должен был налить чай!

— Совершенно не обязательно, — покачала головой Гильда и подала чашку Жюлю, а затем налила чаю себе, поставила чайник на поднос и глянула в окно. — О, какой чудесный сад!

— Правда, он хорош? — обернулся к окну и Орогору. — Одно из утешений в награду за тяжкий труд. Так приятно пройтись по саду в конце дня после напряженной работы. Порой там лучше думается о каком-нибудь трудном, запутанном деле. — Он обернулся к Гильде. — Не желаешь ли прогуляться?

— С удовольствием, — ответила Гильда и опустила чашку на поднос.

— А ты, Жюль?

Бывший король махнул рукой.

— Я уже сегодня находился, спасибо. Вы пойдите, прогуляйтесь, а мне компанию составят пирожные и чай.

— Как пожелаешь. — Орогору встал и протянул Гильде руку. — Миледи, прошу вас!

Гильда взяла его под руку и рассмеялась.

— Как же странно теперь звучат эти аристократические фразы!

— Но на ум приходят вполне естественно, — признался Орогору, и они вышли в сад через застекленные двери.

Когда они зашагали по садовой дорожке, Гильда отметила:

— Тут действительно очень красиво.

— Не так красиво, как мне показалось в Фиништауне, когда я впервые попал туда, — вздохнул Орогору. — Там было действительно волшебно.

— Вернее даже было бы сказать — фантастически волшебно, — улыбнувшись, уточнила Гильда.

Орогору рассмеялся.

— О да, и вправду тогда многое было следствием фантазий! — Он повернул голову и посмотрел ей в глаза. — И ты была фантастически хороша — красива и желанна. Ты была самой прекрасной женщиной, какую я когда-либо видел.

— А ты был такой высокий, — сказала она, — стройный и красивый.

— Не может быть! Неужели? — рассмеялся Орогору.

— Правда-правда! Неуклюжий, но очень красивый!

— Ну а теперь, — печально проговорил он, — я обрел хорошие манеры и изящную походку, но стал неказист внешне.

— Ну уж нет! — пылко возразила Гильда и сжала его мускулистое предплечье. — Уроки Дирка не прошли даром — вон какие у тебя крепкие мышцы!

Орогору улыбнулся.

— И для тебя тоже эти уроки оказались полезны — фигура у тебя стала почти такая же дивная, как тогда, когда я пребывал в плену иллюзий.

Он поразился вспышке былой страсти.

— А когда я жила в плену иллюзий, ты вызывал у меня страсть, — призналась Гильда и теснее прижалась к нему. — И теперь, когда ты стал магистратом, эта страсть заискрилась вновь.

Из искры возгорелось пламя.

— И моя страсть тоже, — шепотом отозвался Орогору и обнял Гильду. Губы их соприкоснулись — поначалу легко, робко, но и от этих прикосновений их обоих бросило в дрожь, а потом поцелуй стал глубже и длился долго-долго.

А когда они, тяжело дыша, отпустили друг друга, Орогору вновь обнял Гильду. Он дрожал от страсти и радовался тому, что его возлюбленная тоже трепещет.

— Пойди сюда, сядь! — умоляюще проговорил Орогору и подвел Гильду к садовой скамейке. Она села, а он опустился перед ней на колени и сказал: — Будь моей женой, Гильда! Прошу тебя, будь моей женой!

Она не сводила с него глаз, изумленная, хотя прозвучали именно те слова, которых она так ждала, о которых мечтала.

— Но... но я некрасива и слишком высока ростом! — возразила она.

— Для меня ты всегда останешься красавицей, потому что я видел тебя глазами принца Приммера. Я по-прежнему вижу в тебе очарование, изящество и тонкий ум графини Гильды — и я вновь в тебя влюблен.

— О Орогору! — Она склонилась и взяла его за руки. — Но продлится ли это чувство?

— О да, — ответил он и заглянул ей в глаза. Заметив, что она все еще колеблется, он сказал: — Ну, полно, любовь моя! Ты ведь знаешь, что вскоре я должен буду жениться на ком-нибудь, чтобы не вызывать подозрений. Так неужели же ты бросишь меня в неуклюжие объятия какой-нибудь безграмотной деревенской девицы?

— Нет, никогда! — воскликнула Гильда и улыбнулась. — Уж лучше пусть рядом с тобой будет та, кому ты доверяешь.

— И та, которую я люблю, — прошептал Орогору, поднялся и вновь поцеловал Гильду. Отдышавшись, он сказал: — Но если тебя до сих пор мучают сомнения, я обещаю впредь не прикасаться к тебе.

— Ах вот как? — с притворным возмущением вскричала Гильда. — Неужели я настолько уродлива, что тебе и прикасаться ко мне не хочется?

— О том, что это не так, ты бы могла судить по моему поцелую, — возразил Орогору. — Поверь, мне очень хочется к тебе прикасаться. Хочется ужасно!

— Очень надеюсь, что ничего ужасного в этом не будет! — вскричала Гильда.

Орогору раскинул руки и рассмеялся:

— Так давай попробуем. Будет ужасно — ты рассердишься!

— Не рассержусь, если не будет, — прошептала Гильда и с призывной улыбкой потянулась к нему. — Если на самом деле хочешь этого, докажи.

И он доказал, и она не рассердилась.

А когда они отпустили друг друга, Орогору простонал:

— Выйди за меня, любимая, или знай во веки веков, как жесток был твой отказ! Ты выйдешь за меня, милая?

— Да, — прошептала она.

На этот раз их поцелуй длился бесконечно долго, и в конце концов Жюль заволновался — почему они так упорно молчат. И подошел к окну. Но зрелище целующихся влюбленных заставило его улыбнуться. Тревожиться за них было совершенно незачем.

Майлз, не покладая рук, трудился в дворцовом кабинете — гостиной своих покоев, но отчеты все прибывали и прибывали, и об отдыхе не приходилось и думать. Но вдруг тишину нарушил зычный голос:

— Восславьте героя-победителя!

Оторвав взгляд от бумаг, Майлз увидел на пороге Жюля, крайне гордого собой.

Майлз улыбнулся, вскочил из-за стола и поспешил навстречу другу.

— Славлю тебя, герой! Но что за подвиг ты совершил?

— Сопроводил Гильду на свидание с Орогору. Поверь, он был очень рад видеть нас. Он там изголодался по вестям из Фиништауна.

— Но у него все хорошо?

— Хорошо? Да он просто весь исстрадался! Но теперь ему гораздо лучше!

— Это что же, новости из дома ему так помогли? — усмехнувшись, спросил Майлз.

— И новости из дома, и Гильда. Ты спроси меня, где она сейчас, Майлз.

Майлз перестал улыбаться.

— Где она?

— Осталась у Орогору! Они заговорили о былых временах и снова влюбились друг в дружку по уши! Через месяц собираются сыграть свадьбу! — Жюль нахмурился. — Что это у тебя с лицом, парень? Ты что, не понял? Они помолвлены!

— Да нет, я все понял! — Странная смесь чувств владела Майлзом. Он радовался тому, что Орогору ему больше не соперник, но его ужасно пугала мысль о том, как эта новость подействует на Килету.

— Ни за что на свете ничего не говори ей! — воскликнул он.

— Ей? Кому — «ей»? Гильде? Подозреваю, она в курсе.

— Да нет! Килете!

— Не говорить Килете? Но почему?

— Да-да, почему не говорить Килете?

В гостиную вошла женщина — стройная и такая легкая, воздушная, будто ее принес ветерок.

— Этот остолоп считает, что я не должен рассказывать тебе о помолвке Орогору и Гильды, — объявил Жюль, обернув-

шись к ней. Он недовольно нахмурился. Надо же — его чудесная новость почему-то вызвала драматическую реакцию.

Нет, хуже того: Килета, похоже, вообще осталась к этой новости равнодушна.

— Правда? — произнесла она с вежливой улыбкой. — Ну, вот и славно! — Она подошла к столу Майлза и положила несколько листков бумаги поверх тех, которыми был завален стол. — Отчеты из Четвероранга, Майлз. Дирк сказал, что они тебе нужны.

Жюль проворчал:

— Похоже, любовь здесь уже никого не интересует. Ладно. Прошу прощения, я устал с дороги и взмок. Пойду к себе. Хотя бы кран с горячей водой ко мне будет благосклоннее.

— Большое тебе спасибо за новости, Жюль, — поспешно проговорил Майлз. — Ты просто не представляешь, насколько они важны.

— Я-то представляю и очень рад, что это наконец дошло и до тебя.

С этими словами бывший король развернулся и вышел из комнаты, уязвленный до глубины души.

Майлз обернулся к Килете и взволнованно посмотрел на нее.

— Со мной все хорошо, Майлз, — заверила она его. — Всякий, кто знал эту пару, должен был понимать, что рано или поздно это случится.

— Но... но это... не огорчает тебя?

— Огорчает? Нет. — Она изумленно посмотрела на него. — Как же только можно быть таким слепым? Я разлюбила Орогору два года назад!

Она впервые призналась, что любила его.

— Значит, тебе действительно все равно?

— Ну, почему же «все равно»? Я рада за старого друга. Надеюсь, они будут счастливы.

Но вдруг ее глаза подернулись слезами.

Майлз в один миг оказался рядом с ней и заключил ее в объятия. Она прижалась к его груди и проговорила сквозь всхлипывания:

— Сама на знаю... почему... я плачу... мне все равно... Он меня больше... не интересует... — Она подняла заплаканные глаза, глянула на Майлза. — Наверное, я оплакиваю прошлое и то хорошее, что в нем было.

Мгновение Майлз печально смотрел на нее, а потом отбросил раздумья и прильнул к ее губам.

Поцелуй поначалу был легок и короток, но потом стал глубже и длился удивительно долго. Оторвавшись в конце концов от губ Майлза, потрясенная и обрадованная, Килета облегченно вздохнула и прошептала:

— А я думала, что ты никогда этого не сделаешь!

— До сегодняшнего дня я не мог осмелиться, — отозвался Майлз. Он гладил ее волосы, устремив взгляд поверх ее головы и чувствуя, как им овладевает сладчайшее из чувств. — Я бы предложил тебе сердце, но ты и так уже владеешь им.

— И ты моим, давным-давно, глупышка! Неужели ты не видел, что я разлюбила Орогору и полюбила тебя?

— Я слепой, — прошептал он.

— Ну, тогда попробуй понять, что это правда, на ощупь, — проговорила Килета и подставила губы для нового поцелуя.

Дверь запереть они забыли. Чуть позже мимо проходил Жюль, вымывшийся и переодевшийся. Он остановился у двери, посмотрел на влюбленных, покачал головой и пробормотал что-то невнятное на предмет того, что, видимо, что-то такое носится в воздухе.

— Вы хотите, чтобы я занялся... чем? — вытаращил глаза Майлз.

— Руководством работы подполья, — спокойно повторил Гар. — Ты должен следить за всем, что происходит, за тем, кто чем занимается, а если кто-то совершает ошибку, ты должен посылать к нему кого-то, кто эту ошибку исправит.

— Мы просим тебя стать главным мятежником, Майлз, — с улыбкой уточнил Дирк. — Мы просим тебя возглавить революцию.

Майлз плюхнулся на стул, изумленно глядя на двоих друзей. Хорошо еще, что стул поблизости оказался. Наверное, Гар и Дирк не зря пришли в его кабинет и заговорили с ним неподалеку от письменного стола.

Майлз обвел кабинет невидящим взглядом, не замечая ни бархатных штор, ни ковра, ни позолоченных ручек, ни камина, ни изящной, обитой шелком мебели.

— Главным мятежником? — онемевшими губами переспросил он.

— Да, — подтвердил Гар. — А ты как думаешь, ради чего мы усадили тебя за бумаги? Ради чего ты читаешь отчеты, рассылаешь людей по разным местам, а потом, когда они возвращаются, опрашиваешь их?

— Вы меня научили этой работе!

— И научили успешно, — отметил Дирк. — Ты готов к этой работе, Майлз, а мы готовы отправиться на поиски других правителей-тиранов, которых надо бы свергнуть. А здесь ты и сам управишься за ближайшие четыре года.

— Ты только в обморок не падай, — успокоил Майлза Гар. — Когда дойдет до дела — до настоящей революции — мы вернемся.

Майлз задумался, задержал взгляд на одной из бумаг.

— Не удивительное ли это совпадение? Тот простой крестьянин, которого вы выбрали себе в проводники, стал тем человеком, которого вы хотите поставить во главе революции?

— Никаких совпадений, — фыркнул Дирк. — А ты-то сам как думаешь, почему из всех беглых крестьян на этой планете мы выбрали именно тебя? Как ты думаешь, почему мы тебя не бросили и всюду таскали за собой?

— Ты обладаешь умом, необходимым для такой работы, и силой воли, которая поможет тебе удержаться на своем посту, —

добавил Гар. — Кроме того, ты достаточно сообразителен для того, чтобы в случае чего принять срочное решение.

— Мы научили тебя всему, чему могли, — сказал Дирк. — Ты можешь справиться с работой — и ты действительно единственный человек на этой планете, кто на такое способен.

— Я? Безграмотный крестьянин? Чтобы я выступил против Защитника и целого войска?

— Ты, — не отступал Дирк, — и еще тысяча подсадных магистратов, не говоря о тех солдатах, которых наши агенты агитируют по двадцать человек в день. Пусть им неведомо слово «революция», пусть они не знают, что мы намереваемся свергнуть Защитника, но они не станут сражаться против тебя.

— Только помни о том, что настоящих магистратов надо держать взаперти до победного окончания революции, — предупредил Майлза Гар. — Они большие льстецы и лицемеры, они сумеют убедить тебя в том, что верны вашему делу, но как только очутятся на свободе, тут же предадут вас, вернутся с целым войском и растопчут вас.

— И тот магистрат, кому это удастся, на следующий день проснется министром, — добавил Дирк.

Майлз кивнул:

— Я об этом не забуду. — Тряхнув головой, он воскликнул: — Погодите! Но я ведь даже не сказал еще, что согласен!

— Ну, и? — вопросил Дирк, держа руки на бедрах.

— Так согласен или нет? — поторопил Майлза Гар.

Взгляд Майлза растерянно блуждал.

— Сначала мне нужно поговорить с Килетой.

Он ругал себя за откровенность, но наверняка Гар и Дирк знали гораздо больше, чем он думал (да и когда бывало иначе?), потому что Дирк только кивнул, а Гар сказал:

— Безусловно, обязательно переговори с ней.

Килету он встретил, когда она прогуливалась в парке. Неутомимые будущие чиновники, засучив рукава, потрудились на

расчистке территории около дворца от лиан и колючих кустов, а затем за дело принялись роботы-садовники, так что теперь возле дворца раскинулся образцово ухоженный парк. Теперь Майлз с Килетой встречались здесь каждый вечер, хотя по целым дням просиживали рядом за письменными столами, — для того чтобы подышать чистым, прохладным воздухом, полюбоваться прудами и клумбами.

— Ты что-то тих сегодня, мой милый, — отметила Килета.

— Да... У меня... очень важные новости, Килета, — отозвался Майлз.

Он умолк. Килета еле слышно вздохнула и сказала:

— Продолжай.

— Меня хотят сделать главным мятежником. Они хотят, чтобы я возглавил революцию.

— Главным мятежником! О, как это чудесно, Майлз!

Килета радостно расцеловала его. Майлз в изумлении обнял ее, поддавшись чувству.

Внезапно Килета прервала поцелуй и отстранилась, широко распахнув глаза.

— Майлз! Это ведь так опасно! Если тебя поймают, тебя станут пытать, чтобы вытрясти из тебя имена всех остальных! А когда ты проговоришься, тебя четвертуют!

При мысли о жутких медленных пытках Майлз содрогнулся, но тут же решительно запретил себе думать об этом.

— Я все понимаю, Килета. Я не могу пойти на такой риск, не посоветовавшись с тобой. Понимаешь, я настолько глуп, что думаю: ты беспокоишься за мою жизнь, наши жизни отныне связаны.

— Глуп! О нет, дурачок, нет! Ты теперь и есть моя жизнь! — Испуг словно испарился, и улыбка ее стала подобна утренней заре. — Ну, успокойся. Мы с тобой знали, что рискуем жизнью. Не только мы — все остальные тоже. Если нас схватят шпионы Защитника, нас всех будут пытать и повесят, но назад дороги нет.

Майлз нахмурился, впервые задумавшись об этом.

— Нет. Это точно. Даже если бы я вернулся в родную деревню и сказал магистрату, что ты — моя невеста, он бы все равно назначил мне жестокую порку и каторжные работы и не дал бы нам пожениться, дабы показать, что никто не имеет права противиться воле Защитника. — Майлз поежился. — Нет, уж лучше настоящая смерть, чем смерть при жизни.

— И для меня тоже, — тихо проговорила Килета. — А убить нас можно только однажды.

— Вот это верно! — И Майлз улыбнулся любимой, в который раз убедившись в том, какая она неповторимая, единственная. — Но гораздо больше, чем за себя, я боюсь за тебя, Килета. В конце концов, ведь это я тебя втянул в эту заварушку.

— Я сама в эту заварушку втянулась, — уверенно возразила Килета. — Или вернее было бы сказать — наткнулась на нее, когда той жуткой ночью встретилась с тобой, Гаром и Дирком. Но я предпочла остаться. И теперь тоже предпочитаю остаться.

— Что ж, я рад, — сказал Майлз. — Но ведь ты бы не сделала этого, если бы не было меня.

— А я думала, ты этого никогда не поймешь, — прошептала она и еще крепче прижалась к нему. Майлз мгновение не мог сообразить, в чем дело, но потом смысл последних слов Килеты стал ему ясен, и он обнял ее и поцеловал.

Когда они оторвались друг от друга, чтобы отдышаться, он прошептал:

— Я люблю тебя, Килета.

— Ты мне это уже говорил, — отозвалась она. — Но теперь ты наконец веришь, что я тоже люблю тебя?

Майлз улыбнулся. Радость охватила его.

— Я мог только надеяться на это, — сказал он, — но никогда не верил.

— Так поверь же! — воскликнула она, прильнула к его груди и закрыла глаза. — Как же мне заставить тебя поверить в это?

Майлз вновь поцеловал ее и, улыбаясь, оторвался от ее губ.

— Выходи за меня замуж, и тогда я поверю, что ты любишь меня.

Килета притворно тяжко вздохнула.

— Как же далеко я должна зайти, чтобы ты увидел то, что у тебя перед глазами! Что ж, если я должна выйти за тебя для того, чтобы ты мне поверил, я согласна.

Майлз радостно вскрикнул и снова поцеловал Килету. Отстранившись, он проговорил:

— Но я не попросил твоей руки, как полагается. — Опустившись на одно колено, он спросил: — Ты согласна стать моей женой, Килета?

Она шутливо потрепала его за ухо.

— Да, дурачок! — И добавила нежно: — Да, мой прекрасный, самый красивый мужчина на свете, я согласна стать твоей женой.

И они снова слились в поцелуе, но вдруг Килета оттолкнула Майлза, неожиданно став серьезной.

— Но не раньше того дня, когда мы либо выиграем, либо проиграем, Майлз. Было бы ужасно родить детей, чтобы потом увидеть, как их пережевывают железные клыки власти Защитника. — Она нахмурилась и озабоченно спросила: — Ты ведь не против того, чтобы у нас были дети?

— Совсем не против, — выдохнул Майлз. На этот раз их поцелуй был еще дольше.

Но когда Майлз поднял голову, тень тревоги легла на его лицо.

— Я не сказал Дирку и Гару о том, что я — не единственный, кому известно местонахождение всех мятежников и их имена. Я очень боюсь за тебя, любовь моя.

— Что ж. — Килета обняла его и положила голову ему на плечо. — Если так, то тебе придется изо всех сил заботиться обо мне.

— О, конечно, — улыбнулся Майлз и приподнял пальцем ее подбородок. — Я с тебя глаз не спущу, любимая.

— Согласна, — сказала она. — По крайней мере — по ночам не спускай с меня глаз.

Неделю спустя Килета стояла рядом с Майлзом на вершине холма в предрассветных сумерках, гадая, чего ждут Дирк и Гар. Однако вежливость не позволяла ей спросить у них об этом.

— Как вы ведете записи? — еще раз поинтересовался Гар.

— Чернилами, которые исчезают, если их смочить водой, — терпеливо ответила Килета. — На всякий случай мы держим поблизости чан с водой, чтобы побросать туда все бумаги, если наши дозорные донесут нам, что приближается вражеское войско.

— Постарайтесь внедриться и в ряды тайной полиции, если получится, — в десятый раз напомнил Дирк.

— Постараемся, если мы найдем этих шпионов, — пообещал Майлз, с трудом сдерживая волнение. — Вы просто не представляете себе, как мне жаль прощаться с вами и как я буду рад, когда вы вернетесь!

— Спасибо, — тепло улыбнулся Гар. — Но если честно, мы вам больше не нужны. Теперь революция пойдет как бы сама по себе. Это похоже на камень, который столкнули с вершины горы. Если его никто не остановит, то он разрушит замок, стоящий у подножия.

— Да, камень, катящийся так быстро, остановить будет ой как трудно, — подхватил Дирк. — Особенно если учесть, что на пути к подножию он вырастает.

— Прощайте. — Гар склонился и обнял Майлза, потом — Килету. Когда он выпрямился, глаза его были чуть-чуть печальны.

— До свидания, — поправила его Килета. — До встречи, до того дня, когда вы к нам вернетесь!

— Будем живы — вернемся, — пообещал Дирк. — А мы помирать не собираемся. А теперь ступайте, а мы подождем нашу... повозку.

— Ступайте, — эхом повторил Гар и улыбнулся.

Майлз взял Килету за руку. Они повернулись и пошли вниз по склону холма. Они ничего не видели и не слышали, но когда спустились к подножию, что-то заставило их обернуться.

И они увидели громадный золотой диск, парящий над вершиной холма. Дирк и Гар поднялись к нему по наклонному помосту и вскоре исчезли внутри. Помост втянулся в прорезь на краю диска, диск взлетел.

Майлз и Килета провожали его взглядами, пока он не скрылся из глаз.

— Теперь я верю, что наши предки прилетели с другой звезды, — прошептал Майлз.

Килета поежилась и отвернулась.

— Пойдем, любимый. Нам нужно свергнуть Защитника.

ГЛАВА 17

Она помнила, что была леди Риджорой, и во снах до сих пор была ею, но при свете дня становилась простушкой Бесс.

Самой настоящей простушкой! Вместо красоты, которую ей показывало зеркало леди Риджоры — дивный овал лица, большие голубые глаза, длинные ресницы, белая кожа, грива золотистых кудрей, — теперь она видела круглую мордашку, близко посаженные карие глазки, прыщавые щеки, прямые жидкие каштановые волосы. Жирок, правда, сошел после занятий по рукопашному бою под руководством Дирка и вследствие диеты, назначенной Хранителем. Бесс сохранила горделивую осанку и легкую походку. Она по-прежнему владела речью благородной дамы, руки не забыли изящных жестов, которыми следовало сопровождать беседы, помнила она и как пользоваться всевозможными столовыми приборами во время пиршественных торжеств. Более того: она помнила и как стро-

ить глазки, как смотреть искоса, как склонять голову и изображать трепет ресниц — помнила настолько хорошо, что ей даже не приходилось обо всем этом задумываться.

Однако существовали вещи и менее явные, которые следовало скрывать, — знания из области литературы, почерпнутые от Хранителя во времена после выздоровления, уроки Гара и Дирка — история, юриспруденция, социология, психология. Эти знания следовало таить, однако ими можно было изредка пользоваться, чтобы время от времени задавать вопросы, оживлявшие беседу, и Бесс узнавала гораздо больше и быстрее именно благодаря таким вопросам.

Женщины-горожанки поглядывали на нее подозрительно, когда она вышагивала по главной улице с корзинкой в руке. Она не раз слышала шепоток:

— Кем она, интересно знать, себя возомнила, что так нос задирает?

Ответ был готов сорваться с ее губ: «Я — леди Риджора, презренная крестьянка! Ты забываешься!» Однако она вовремя прикусывала язык, только еще выше запрокидывала голову в ответ и получала новую порцию сварливого шептания вслед.

«По крайней мере я привлекаю внимание», — думала она, но сердце ее при этом уходило в пятки. О да, она стремилась привлечь к себе внимание, но что же она станет делать, когда это произойдет?

Мужчина в военной форме с жезлом стражника остановился рядом с ней, лицо его хранило нарочитое равнодушие.

— Добрый день, девушка.

— Добрый день, стражник, — отвечала она, и сердце ее забилось так часто, что казалось, сейчас выскочит из груди.

— Покажи-ка мне свой пропуск.

Стражник протянул руку.

— Сейчас-сейчас. — Она сунула руку в корзинку и вынула бумагу. Сердце ее бешено колотилось, хотя она изо всех сил старалась спокойно улыбаться. Первое испытание — выдер-

жат ли проверку ее фальшивые документы. Правда, их изготовил сам Хранитель и выдал через прорезь в стене. Он заверил Бесс, что бумаги списаны с самых настоящих, взятых у одного странника пять лет назад, но ведь за пять лет многое могло измениться! Да и сама она тоже!

Но бумаги, похоже, выдержали проверку. Стражник с минуту читал их и удовлетворенно кивал.

— Стало быть, ты — Бесс из деревни Милорга и пришла навестить своих родственников. — Оторвав взгляд от бумаг, он нахмурился. — Но твой магистрат не пишет, зачем ты их ищешь. Ты хочешь жить вместе с ними?

От Бесс не укрылся опасный блеск глаз стражника. Ведь в его обязанности входило выслеживать холостых мужчин и незамужних женщин, которым по возрасту полагалось вступить в брак. А она и сама имела те же самые намерения, вот только в качестве будущего спутника жизни представляла совсем не того человека, о котором, похоже, думал стражник.

— Нет, господин стражник. Просто моя бабушка только в этом месяце узнала, что ее сын жив и, быть может, женился после того, как отслужил в войске Защитника.

Стражник напрягся. Солдаты войска Защитника, даже демобилизованные, пользовались большим почтением.

— Бабуся стара и немощна, — продолжала Бесс, — и мечтает повидать внучат, если они у нее есть. Мамочка осталась ухаживать за старушкой, а меня послали разыскивать родню.

— Доброе дело, — с уважением проговорил стражник. — Но зачем ты отправилась сюда, к нам, в Гристер?

— Моя бабушка помнила, что этот городок был последним местом службы моего дяди, — пояснила Бесс. — И она надеется, что его семейство и сейчас живет здесь. Но если я тут никого не найду, может, хоть спрошу у кого-нибудь, куда они переехали.

— Так ты говоришь, он служил здесь... — Стражник выпятил нижнюю губу и задумался. — Стало быть, он был приписан к гвардии шерифа?

— Да, господин, но его шериф послал его командовать стражей магистрата этого городка.

— А-а-а, такое часто бывает, когда магистрат новенький и только-только приступил к службе на новом посту, — кивнул стражник. — Вот и сейчас нами командует как раз такой офицер, посланный шерифом, потому как наш новый магистрат — молодой совсем, недавно к нам прибыл.

Как он ни старался, в голосе его прозвучала снисходительность.

Сердце у Бесс екнуло. Она очень хорошо знала, что магистрат здешний самый что ни на есть новоиспеченный, что он очень молод — ему лет двадцать пять. На самом деле именно поэтому Майлз и послал ее сюда.

— А как звать твоего двоюродного деда? — поинтересовался стражник.

К этому вопросу Бесс была готова — она была готова к любому вопросу относительно ее семейства.

— Реймонд, господин. Из Милорги.

Стражник покачал головой и сдвинул брови.

— Это имя мне незнакомо, а я тут всю жизнь прожил. Можно поспрашивать, но сильно сомневаюсь, чтобы его тут помнили. Думаю, девушка, лучше тебе пойти в суд. Может, молодой магистрат Керрен согласится порыться в книгах, да, глядишь, найдет какую запись.

— Спасибо вам, господин, — сказала Бесс и вздохнула. — Если честно, я и не ждала, что найду здесь свою родню. Но, быть может, все-таки узнаю, где они теперь.

— Наверное, искать тебе придется долго, много деревень обойдешь, — с сочувствием проговорил стражник. — Пойдем, девушка. Я отведу тебя к магистрату.

Бесс охотно пошла с ним — на самом деле очень охотно. Она не была обязана выходить замуж за молодого магистрата — Майлз ясно сказал, что этого не вправе требовать ни от кого из женщин. Но если у него не слишком отталкивающая внешность, если она

сможет заставить себя выйти замуж без любви, она могла бы многим помочь общему делу. Майлз не забыл напомнить Бесс и о том, что ее брак должен длиться ровно столько, сколько положено браку магистрата, а Хранитель и Дирк преподали всем женщинам уроки того, как не забеременеть, если этого не хочешь.

Если не хочешь.

Но Бесс очень хотела. Чего ей еще было ждать от жизни теперь, когда Волшебник пробудил ее от сладчайшего сна? Только миг она гневалась на него за то, что он вырвал ее из объятий прекрасного безумия, но гнев унялся. Бесс поняла, что если будет злиться, пестовать собственную обиду, этим добьется только того, что разрушит себя. Она вернулась к реальной жизни и должна была постараться сделать эту жизнь как можно лучше. К тому же не она первая выходила замуж не по любви. Она не была девственницей — романы и любовные игры среди мнимых придворных были самыми настоящими, и она охотно пускалась в приключения.

Между тем мысль о предстоящем замужестве волновала ее, но и пугала. Помимо всего прочего магистрат был молод. Она должна была стать его первой женой, а если революция победит — быть может, и единственной.

Если он ей понравится.

Вновь пришла весна. Деревья вокруг ратуши в Гринторпе буйно цвели, а в открытые ворота толпами валили празднично наряженные жители городка, затем выстраиваясь по обе стороны от дверей. Играли музыканты, звучали виолы, гамбы и лютни. Флейта, гобой и фагот придавали мелодии более глубокое звучание.

Бейлиф и самые богатые купцы в дорогих нарядах стояли по левую руку от дверей ратуши. По правую руку разместились главы гильдий ремесленников. Одеты они были более скромно, однако из-за того, что на груди их сверкали цепи — символы высокого положения, выглядели они ничуть не менее величественно, чем купцы.

Оркестр ненадолго смолк, а потом заиграл громче. Зазвучал торжественный марш, и в дверях появился Орогору в праздничной бархатной мантии. Сверкавшая на его груди цепь власти затмевала своим блеском все остальные. Толпа взволнованно загомонила. Марш становился все более ритмичным, а его мелодия — все более веселой и живой. Толпа у ворот расступилась, и на дорожке появились шестеро девушек-горожанок в легких светлых платьях. В волосы их были вплетены цветы. За ними шла Гильда в белом подвенечном платье и фате с цветочным венком.

Подружки невесты расступились. Гильда пошла между ними. Если и звучал то тут, то там приглушенный завистливый шепоток, жительниц городка можно было простить. В конце концов, любая женщина в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет втайне мечтала выйти замуж за нового магистрата, а вышло так, что его заполучила явившаяся невесть откуда незнакомка. Естественно, Гильде завидовали.

Орогору шагнул ей навстречу, протянул руку, и Гильда шагнула на ступень широкого крыльца и встала рядом с ним.

Прозвучал торжественный финальный аккорд. Вперед вышел бейлиф, прокашлялся и стукнул жезлом о камень, требуя тишины.

— Друзья и соседи! — возгласил он. — Смотрите и слушайте! Совершение обряда бракосочетания — это дело магистрата, но когда в брак вступает сам магистрат, честь проведения церемонии принадлежит бейлифу — и я беру на себя эту честь!

Он повернулся к Орогору и Гильде и принялся задавать им бесчисленные вопросы, целью которых было выяснить, действительно ли брачующаяся пара понимает, что ждет ее впереди, и что новобрачные готовы к самому худшему, надеясь при этом на лучшее. Никто не ведал, будет ли брак счастливым, никто не мог этого обещать, ничто не мешало новобрачным просто-напросто зазубрить правильные ответы на вопросы и

отвечать, не задумываясь об их смысле, и все же эти вопросы могли заставить призадуматься даже самые горячие головы.

Конечно, те церемонии, которые в подобных случаях возглавлял сам магистрат, были намного короче.

Наконец все вопросы отзвучали, и бейлиф провозгласил:

— Отныне объявляю вас мужем и женой!

Орогору приподнял фату Гильды и поцеловал ее. Толпа радостно взревела. Пусть среди горожан затесался какой-то нищий бродяга с лютней, заброшенной за спину, — что ж, одним радостным воплем стало больше, и тем счастливее должен был стать новоиспеченный брачный союз.

Оркестр грянул торжественный свадебный марш. Магистрат и его супруга повернулись к толпе горожан, помахали руками и пошли по дорожке к воротам, а оттуда — к расставленным под открытым небом столам, ломившимся от всевозможных угощений и кувшинов с вином и пивом. Всем гостям новобрачные пожимали руки, а стало быть, руки пожать им пришлось всем горожанам до единого, да еще и семействам зажиточных крестьян, обитавших в окрестностях Гринторпа.

Когда очередь дошла до бродяги, кто-то из горожан, наиболее зоркий и внимательный, наверное, заметил, что Гильда торопливо чмокнула его в щеку, а магистрат, пожимая ему руку, наклонился и прошептал ему на ухо:

— Спасибо, что пришел, Майлз! Как я рад тебя видеть!

— Я пришел, чтобы пожелать тебе счастья, Орогору, — отозвался тайный предводитель мятежников. — Что и делаю — от всего сердца!

Он крепче пожал руку Орогору и отошел в сторонку. Магистрат, глядя ему вслед, улыбнулся.

— Что случилось, муж мой? — негромко спросила Гильда и покраснела.

— Думаю, Килета теперь стала намного ближе нашему другу Майлзу, чем мы полагали, — прошептал в ответ Орого-

ру и повернулся, чтобы пожать руку очередному гостю, а Гильда с нескрываемой теплотой проводила взглядом удаляющегося Майлза.

Маленький оркестрик заиграл танцевальные мелодии. А когда музыканты выдохлись, за дело принялся волынщик. Пиршество продолжалось до заката, и никто не жалел для пришлого бродяги глотка вина или кусочка угощения, тем более что когда устал и волынщик, бродяга заиграл на лютне. А когда музыканты отдохнули и снова принялись играть, бродяга плясал с городскими девушками, а на то, что в круг вышла какая-то незнакомая женщина и тоже сплясала с бродягой, и вообще никто внимания не обратил. Похоже, это удивило только самого бродягу.

Вот так Орогору и Гильда поженились, а Майлз с Килетой танцевали на их свадьбе. Революции предстояло пройти еще долгий путь, но и той и другой парочке, похоже, предстояло приятное и радостное ожидание окончания этого пути.

Попрощавшись с последним из тех, кто жаждал пожелать молодым счастья, Орогору закрыл дверь спальни, обнял Гильду и поцеловал. А потом, отступив на шаг, он сказал:

— Помни, мы не обязаны предаваться плотским утехам, если ты не хочешь этого.

— Конечно, хочу, — сказала она. — Только потому, что ты — это ты. Но если тебе нужна и еще какая-то причина, не забудь о том, что, не имея от тебя детей, я не буду иметь права на протекцию Защитника после того, как тебя переведут на другое место службы. Хуже того — меня сочтут бесплодной и отправят на пограничные фермы. Хотя, правду говоря, я уже была готова к безбрачию — до того, как приехала в Гринторп.

Орогору смущенно проговорил:

— Но ведь мы намереваемся сломать всю эту систему и тогда сможем остаться неразлучными всю жизнь!

«Или погибнуть в борьбе за это», — подумал он, но вслух этого не сказал.

Гильда радостно улыбнулась ему.

— Я знаю, — сказала она.

Орогору смотрел на нее, пока не понял, что она просто-напросто играет свою роль до конца, а когда понял, то снова улыбнулся.

А Гильда рассмеялась и проговорила:

— Ну вот, похоже, ты понял правила игры. А теперь поцелуй меня, прекрасный принц.

Орогору собирался потратить еще несколько недель на то, чтобы соблазнить ее, но у Гильды планы были гораздо более срочные.

Магистрат, с которым познакомилась Дилана, был старше, намного старше, — но и сама Дилана была далеко не девочкой. Из величественной герцогини иллюзорного мирка она превратилась в солидную, хотя и худощавую и угловатую вдову крестьянина, погибшего от рук разбойников вместе с двумя сыновьями — по крайней мере таковой историю Диланы знал магистрат.

Они сидели в его кабинете. За окнами пышно зеленел сад и радовал глаз цветами всевозможных оттенков. На фоне окна прекрасно смотрелся богатый письменный стол и деревянные панели. Казалось, бархатная обивка стульев и шторы были изготовлены из этих самых цветов. На миг Дилана задумалась о том, как это удивительно, что в каждой ратуше по всей стране комнаты обставлены одинаково до мелочей. Зачем так делалось, было понятно: это делалось для того, чтобы магистраты повсюду чувствовали себя как дома, переезжая из города в город. И все же знакомая обстановка только приглушала тоску по дому, никогда не позволяя избавиться от нее окончательно.

Магистрат просматривал ее бумаги, то кивая, то хмурясь. Дилану ожидала новая жизнь, далекая от перенесенных утрат и от воспоминаний о былых радостях. Он отложил бумаги и вздохнул.

— О да, почтенная Дилана. Добро пожаловать к нам. Уверен, тут найдется много людей, которые будут рады воспользоваться твоими познаниями в лечении травами.

Дилана прекрасно понимала, что негоже опускать ресницы и искоса поглядывать на магистрата — подобные проявления кокетства совершенно не шли женщине ее возраста. Она опустила голову и уставилась на свои руки, сложенные на коленях.

— Магистрат Проксум был очень добр, если написал такое про меня.

— Думаю, он воздал тебе по заслугам, — возразил магистрат Горлин. — Я с этим Проксумом лично не знаком, но любой магистрат знает, что хорошо, что дурно.

О ком это он, интересно, говорил? О мифическом Проксуме или о себе самом? Дилана понадеялась на лучшее и пролепетала:

— Магистрат Проксум еще совсем молодой, господин.

— А, так, значит, он еще не способен судить верно до конца? — усмехнулся Горлин. — И все же исцеленные люди — это исцеленные люди, досточтимая Дилана. Тут и двадцатилетний не ошибется.

— Мое искусство не помогло исцелить моего мужа, — грустно вздохнула Дилана. — И моих сыновей тоже.

— Но ты же не смогла поспеть к ним вовремя, — возразил магистрат, склонился и сочувственно коснулся ее руки. — Потери рано или поздно настигают всех нас, досточтимая. Мне, правда, не довелось пережить смерти супруги и детей, однако трое жен и шестеро детишек покинули мою жизнь, ушли из нее столь же неотвратимо, как если бы их забрала могила. Ты ведь знаешь, что нам, магистратам, не позволено даже писать писем бывшим женам?

— Знаю, господин, — тихонько пробормотала Дилана и сама удивилась тому, что на глаза набежали слезы. — Быть может, есть слабое утешение в том, чтобы знать, что они живы и здоровы, но я вижу, что утешение это воистину слабое.

Говоря, она старалась вложить в слова все сострадание, на которое только была способна.

— И вправду, слабое. — Горлин вздохнул и откинулся на спинку стула. — Но мы обязаны жить, почтенная, мы должны трудиться. Слишком многие нуждаются в помощи, которую мы им можем оказать, слишком многим мы можем сделать жизнь лучше, и потому негоже нам страдать в одиночестве, предаваясь тоске по утраченному.

— Да, мы должны жить дальше. — Дилана осмелилась поднять глаза. У нее на самом деле сердце заныло от жалости к несчастному магистрату, так страдавшему из-за потери близких. Она дерзнула робко протянуть руку и коснуться его руки. — Вам ли не знать, что жизнь должна продолжаться, когда вы прошли через такое уже трижды?

— Я знаю и продолжаю жить, — сказал Горлин, мягко улыбнулся и сжал руку Диланы. — Когда я покинул мою первую супругу, я погрузился в такую тоску, что весь мир вокруг меня помрачнел. Но я предался трудам на новом месте, утешаясь одной лишь верой в то, что людям нужен магистрат.

— Конечно, нужен, — негромко проговорила Дилана, трепеща от его прикосновения, от нежности, звучавшей в его голосе. — Ведь есть люди, которых вы защитили от разбойников, есть слабые, которых вы не дали в обиду более сильным и жестоким.

Горлин тяжело вздохнул.

— Как отрадно поговорить по душам с человеком, который пережил то же, что и ты, и знает об этом по собственному опыту.

Дилана зарделась, вновь потупилась и отняла руку.

— Есть добродетели, которыми можно обзавестись только на жизненном опыте, магистрат Горлин.

— О да, такие добродетели, как понимание и сострадание, — кивнул Горлин и снова взял ее за руку. — Я очень рад тому, что теперь вы будете жить в нашей деревне, почтенная Дилана.

— Вы льстите мне, магистрат Горлин.

— Что ж, это правда. — Печаль магистрата уступила место улыбке. — Именно этого я и хотел. Зовите меня Вильямом, почтенная Дилана.

— О, благодарю вас, магис... Вильям, — пролепетала Дилана и изумленно посмотрела на магистрата. На сей раз ресницы ее затрепетали. — Но я не могу назвать вам другого имени. Я просто Дилана.

— В таком случае я и буду звать вас просто Диланой, — решил Горлин и погладил ее руку.

Ратуша выглядела в точности как та, что стояла в родной деревне Бесс, и это придало ей уверенности и нисколько не удивило. Всякий знал, как должна выглядеть ратуша: большое, квадратное здание, выстроенное из желтого кирпича, с четырехскатной черепичной крышей, а не с соломенной, с настоящими стеклами в больших прямоугольных окнах. Бесс не знала другого: по всей стране в каждом городке, в любой деревушке стояли точно такие же ратуши, и из-за этого казалось, что сила власти присутствует повсюду, что она неуязвима.

Стражник провел Бесс в большие двустворчатые двери, и они оказались в просторной прихожей размером пятнадцать на десять футов. Затем стражник повернул направо и вывел девушку через двери поменьше прямо в зал суда. Магистрат восседал за столом на возвышении. Он действительно казался чересчур молодым для работы на таком важном посту. Наверное, атмосфера зала могла бы принизить его, если бы он не хмурил так сурово брови, глядя на каждого из просителей. У Бесс екнуло сердце, но она поняла, что магистрат просто напускает на себя суровость, дабы не показать, как робеет.

Стражник указал Бесс на скамью у стены и шепнул:

— Боюсь, девушка, тебе придется подождать. Сначала он должен выслушать других просителей.

— О, конечно, — прошептала в ответ Бесс и уселась на скамью с уверенным видом. Пусть она теперь просто Бесс, однако она так долго пробыла в обличье благородной дамы, что уверенность в себе не покидала ее, невзирая на то что на ней были блузка, лиф и юбка из домотканого холста, а не аристократический наряд.

Стражник вытянулся по струнке и отсалютовал магистрату. Бесс была немного близорука, щуриться ей не хотелось, поэтому она не могла хорошо разглядеть черты лица магистрата, но он показался ей не таким уж уродливым. С третьей попытки стражнику удалось привлечь к себе взгляд магистрата. Тот едва заметно кивнул, но не прервал просителя, излагавшего свое дело, — бородатого мужчину средних лет, который умолял отсрочить ему выплату податей, с которой он задолжал. Похоже, дело было в том, что лето выдалось тяжелое, урожай оказался хуже, чем ожидалось, и мужчина рассказывал об этом, пускаясь во все более мелкие подробности. Бесс вздохнула и решила набраться терпения. Своей очереди ожидали еще несколько просителей. Всего в зале находилось восемь человек, но, заметив, как они переглядываются друг с дружкой, Бесс поняла, что дел всего пять. Но если предстояли споры, ожидание могло затянуться.

Бородатый мужчина говорил довольно долго. Наконец он умолк, чтобы отдышаться, и молодой магистрат устало проговорил:

— Да, фермер, лето и вправду было тяжелое. Твоя дань будет снижена до двенадцати бушелей пшеницы и одного бычка.

Фермер, не веря своим ушам, в изумлении уставился на магистрата, но через пару мгновений заулыбался от радости.

— Но на следующий год, если погода будет благоприятствовать сбору хорошего урожая, тебе придется покрыть недостачу или по крайней мере часть ее, а остальную часть — на будущий год.

Улыбка покинула лицо фермера.

— Писарь, запиши то, что я сказал, — распорядился магистрат.

Писарь, который был вдвое старше магистрата и наверняка помогавший ему освоиться с работой в течение первых лет, кивнул и принялся быстро водить пером по бумаге.

Фермер кашлянул и поклонился.

— Спасибо вам, ваша честь, — сказал он и отошел к столу писаря, на ходу напялив шляпу.

Ожидавшие просители поспешно пересели поближе к столу магистрата. Магистрат сдвинул брови и сказал:

— Стражник Гоуд желает сказать мне о молодой девице, которую он привел. Следующей я выслушаю ее, дабы стражник мог продолжить свой обход.

Просители недовольно зароптали, а Бесс перебралась поближе к возвышению, удивленная и взволнованная.

— Ну, иди же, девушка, он тебя не укусит, — добродушно пошутил стражник, весело сверкнув глазами. — Давай подойдем к нему поближе, ну?

И он проводил Бесс к столу магистрата, не отступая от нее ни на шаг — по крайней мере ей казалось, что он идет за ней по пятам, хотя она и не оборачивалась.

Они остановились на положенном расстоянии от стола магистрата — в четырех футах, и Бесс в изумлении подумала: «О, да он красив! Или... почти красив».

А магистрат и вправду был довольно хорош собой: темные волосы выбивались из-под судейской шапочки, нос у него был прямой, подбородок сильный, волевой, глаза большие — ну, то есть большие для мужчины. Пожалуй, он был на год или на два моложе Бесс. Она же была несколько старше того возраста, когда по закону полагалось вступать в брак, но Бесс надеялась, что магистрат этого не заметит, хотя все остальное, похоже, он очень даже хорошо замечал. Он смерил ее взглядом с ног до головы, более внимательно рассмотрел лицо, затем изучил глазами ее руки и корзинку. Похоже, что-то его едва заметно удивило.

— Добрый тебе день, девица.

— День добрый, ваша честь, — отвечала Бесс. Под ложечкой у нее засосало от волнения.

— Зачем она явилась, стражник?

— Она только что пришла в наш город, ваша честь, — объяснил стражник Гоуд. — Говорит, что ищет родственников, которые, как она совсем недавно узнала, могут жить здесь.

— Совсем недавно? — Молодой магистрат в упор уставился на Бесс, и она поразилась тому, насколько пытлив его взгляд. С нелегким сердцем Бесс вынуждена была признаться себе в том, что магистрат — далеко не дурак и что обмануть его будет гораздо труднее, чем она рассчитывала.

Магистрат задумался и поджал губы.

— И как же это вышло, что ты только что узнала о месте проживания своих родственников, девица?

Хороший вопрос — в стране, где каждый был обязан получать пропуска. Бесс приступила к объяснениям.

— Я Элизабет из деревни Милорга, ваша честь, но родные зовут меня просто Бесс.

— «Просто»? А я бы так не сказал, — глубокомысленно изрек магистрат, и сердце Бесс часто забилось.

— У моей бабушки были сын и дочь, ваша честь, — продолжала она. — Дочь осталась в Милорге и вышла замуж за моего отца, а сын поступил на службу в войско шерифа, и вскоре его послали в город Защитника. Несколько лет он присылал домой письма, но потом они стали приходить все реже, а потом он и вовсе перестал писать. Бабушка боялась, что он умер, но мои мать с отцом уверяли ее, что, случись такая беда, шериф бы ей про это написал. Словом, много лет мы жили, не зная, жив он или нет, но этой зимой, в день солнцестояния, к нам в деревню пришел разносчик, и когда мы спросили его про дядю Реймонда, как всегда спрашиваем, он сказал, что Реймонд из Милорги арестовал его несколько лет назад здесь, в Гристере.

— Арестовал? — нахмурился магистрат. — И за что же?

— Одна женщина обвинила этого разносчика в том, что он продал ей три ярда красной ленты, ваша честь, вместо пяти, и таки оказалось три ярда, когда писарь магистрата измерил, но дядя Реймонд заметил, что ее старая шляпка украшена красными бантами, и сказал про это магистрату.

— Вот как? — Магистрат удивленно улыбнулся. Эта история его явно позабавила. — Ну, и что же магистрат? Развязал банты и измерил, сколько ленты на них ушло?

— Да это не понадобилось — так сказал разносчик. Всякому было ясно, что в этих бантах не меньше шести футов ленты, если не все восемь.

— Уж это, наверное, были банты так банты!

— Ой, я же помню этот случай! — вдруг воскликнул стражник Гоуд. — Почтенная Пру... Ну, точно! Так оно и было! Эта женщина потом еще несколько недель возмущалась. Так что твоему дядюшке, пожалуй что, повезло, девица, что шериф отправил его обратно в войско на следующей неделе. Словом, тут, у нас, он всего-то с пару недель и пробыл.

— Правда? — заинтересовался магистрат. — И почему же его так срочно отозвали?

— Не могу знать, ваша честь. Мы про такое никогда не спрашиваем. Приказ Защитника — это приказ Защитника, и все тут.

Магистрат еле заметно кивнул.

— Да, это понятно. — Он обернулся к Бесс. — Так ты полагаешь, что это был твой дядя?

— Только по его имени и месту, откуда он родом, ваша честь, но ведь, сами посудите, много ли может быть на свете мужчин такого возраста родом из Милорги. Деревня, спору нет, не маленькая, но все равно там у нас все друг дружку знают.

— Стало быть, на ту пору он был единственным Реймондом, которому исполнилось сорок пять лет?

— Нет, ваша честь, таких было трое, но двое по сей день живут в Милорге и никуда оттуда не уезжали, — ответила Бесс. Ей трудно было смотреть в глаза магистрата — зоркие, теплые карие глаза. В их взгляде было столько сочувствия, доброты, что девушка ощутила невольный трепет. И все же она встретилась взглядом с магистратом, расправила плечи и спину и подняла голову. — Стражник Гоуд был так добр... он сказал мне, что вы могли бы заглянуть в ваши книги и узнать, куда перевели моего дядю.

— Это можно было бы устроить, — медленно проговорил магистрат. — Но я не могу прервать заседание ради тебя. Сегодня у меня свободного времени мало, но если ты не против того, чтобы я поговорил с тобой за ужином, я, пожалуй, смог бы выкроить несколько минут.

Сердце Бесс забилось еще чаще, а другие просители недовольно зашушукались — мол, магистрат пригласил поужинать с ним простую крестьянку, такую же, как они, да притом еще какую-то выскочку, явившуюся невесть откуда! Правда, никаких оскорблений по своему адресу Бесс не услышала — вот какие преимущества таило пребывание в обличье простой крестьянки-дурнушки.

— О, спасибо! — воскликнула она. — Вы так добры, ваша честь!

Магистрат быстро, но ослепительно улыбнулся ей.

— Жду тебя на закате в моих покоях. — С этими словами он обернулся к писарю и распорядился: — Эбен Кларк, будь так добр, принеси книгу записей за тот год, когда в городе служил Реймонд из Милорги.

— Слушаюсь, ваша честь, — отвечал писарь. Взгляд магистрата он встретил прямо и открыто, но хотя лицо его осталось бесстрастным, в глазах сверкнули искорки понимания.

Бесс с часто бьющимся сердцем отвернулась от стола. Судьба дарила ей удачу, на которую она так надеялась, и притом гораздо скорее и легче, чем она рассчитывала, и Бесс

твердо решила, что своего не упустит. Простушка или нет, по любви или нет, но она выйдет замуж за магистрата Керрена!

Однако она надеялась если не на любовь, то хотя бы на дружбу.

Бесс вернулась в ратушу на закате. Сердце ее бешено колотилось. Она несколько раз подряд глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. В отчаянии она напоминала себе, что брак не должен длиться больше пяти лет. Конечно, в течение этих пяти лет она должна была стать настолько верной спутницей жизни, настолько бесценной и незаменимой, чтобы магистрат Керрен начал доверять ей, отнесся к ее взглядам всерьез и в конце концов сменил собственные воззрения на то, какой надлежало быть власти в стране. Его воззрения должны были совпасть с убеждениями Бесс. Такое много раз случалось в истории, — напоминала себе Бесс, — даже в Библии, той книге, о которой повествовал Хранитель и которая объясняла множество загадок в терранской литературе, — так вот, даже в Библии упоминалось о том, что мужчины частенько перенимали убеждения тех женщин, которых любили. Это ее роль в революции: привить идеалы свободы и справедливости, прав человека народу своей страны, прав для всех и каждого, даже для женщин. Это то, что в ее силах, то, что она должна сделать ради того, чтобы мир стал лучше.

А потом наконец Волшебник вернет ее в чудесный мир мечты, в мир благородства и роскоши...

Стражник постучал в дверь. Отворил дворецкий и коротко кивнул девушке.

— Девица Бесс. Тебя ждут. Иди за мной.

Он развернулся, а она послушно пошла за ним, стараясь скрыть обиду на его холодность и даже грубость — ни единого «пожалуйста» или «прошу».

Широкий коридор был отделан натертыми до блеска деревянными панелями, потолок поддерживали деревянные стро-

пила. С потолка свисала люстра. Плафоны из резного стекла отбрасывали блики пламени свеч на стены и пол. Бесс широко раскрытыми глазами смотрела по сторонам, не скрывая восхищения. Ей и не нужно было его скрывать — разве могла простая деревенская девушка не восхищаться таким великолепием? Мало кому удавалось побывать в покоях магистрата.

Двустворчатые двери в конце коридора были распахнуты, и Бесс увидела стол — длинный-предлинный, за которым свободно могли бы разместиться человек двадцать. Сердце Бесс разочарованно заныло. Неужели ей придется ужинать с магистратом в этой громадной пещере?

Но нет. Дворецкий провел ее по парадной столовой, после чего вошел в небольшую дверь в боковой стене. Бесс последовала за ним и оказалась в комнате гораздо более скромных размеров, площадью всего в двенадцать футов. Здесь стоял стол, за которым могли бы усесться только четыре человека. Широкие окна справа выходили на образцово ухоженный сад, золотившийся в лучах закатного солнца. На других стенах висели большие живописные пейзажи в золоченых рамах, прекрасно рифмовавшиеся с видом на сад. После грандиозной столовой тут было уютнее, но все равно слишком просторно.

Магистрат Керрен сидел за столом лицом к окнам и покачивал в пальцах бокал с вином. Услышав шаги, он оторвал взгляд от окна и приподнялся со стула. Дворецкий возгласил:

— Девица Элизабет из Милорги, ваша честь.

ГЛАВА 18

— Спасибо, Грэхем. — Магистрат улыбнулся и обратился к Бесс: — Не выпьешь ли со мной вина, девушка?

— Выпью с удовольствием, ваша честь, — отвечала Бесс, с трудом удерживаясь от улыбки: мать предупреждала ее о

том, как опасно пить вино с незнакомыми мужчинами. Мать не ошибалась, но разве могла она предположить, что ее дочь будет охмурять магистрата?

— Бургундского, будь добр, Грэхем, — распорядился магистрат и указал Бесс на стул, стоявший напротив того, на котором сидел он: — Садись, девушка, пожалуйста.

— Спасибо, ваша честь. — Бесс села, думая о том, что господин гораздо учтивее слуги. Наверное, Грэхем прочел в ее глазах немой укор, поскольку бокал вина оказался на столе перед Бесс в то же мгновение, как только она опустилась на стул. — Спасибо, — поблагодарила она, потупившись, и по тому, как тепло прозвучал голос магистрата, поняла, что не ошиблась.

— Спасибо, Грэхем. Теперь оставь нас, — сказал магистрат.

Дворецкий поклонился и вышел. Бесс выпрямилась, подняла бокал, вдохнула чудесный аромат вина. Она позволила себе радостный вздох — в ее жизни за последние два года случаев выпить вина было так мало. Благоухание вина так чудесно сочеталось с красотой сада за окнами, что Бесс, как ни трудна была стоящая перед ней задача, помимо воли немного расслабилась. Она пригубила вино, покачала на языке и сглотнула, наслаждаясь вкусом минувшего солнечного лета. Встретившись взглядом с магистратом, она увидела, что тот пристально смотрит на нее. Бесс побледнела, смущенно опустила глаза. Как она сердилась на себя за то, что потеряла контроль над собой!

Но оказалось, что забывчивость ей только на руку. Магистрат отметил:

— Ты пробовала вино и прежде, девушка, и знаешь, как смаковать его.

— О да, ваша честь, — ответила Бесс и поспешно сымпровизировала: — Мой отец был виноделом, и он учил меня тому, что пить вино залпом — это чуть ли не преступление.

Магистрат быстрым взглядом смерил ее с головы до ног и сказал:

— Это возможно, но твоя осанка и манера держаться говорят о хорошем воспитании. Как тебе удалось освоить манеры поведения дамы из богатой семьи?

«Я смотрела видеозаписи, в которых были показаны аристократки», — подумала Бесс, но сказать об этом она, естественно, не могла, потому снова сымпровизировала:

— Когда я вступила в пору совершеннолетия, ваша честь, никто не сделал мне предложения, и я отправилась с еще несколькими девушками в большой город, где нашла работу служанки в семье богатого купца. Я стала во всем подражать его жене и дочерям, а сам хозяин учил меня правильным манерам, чтобы я могла прислуживать за столом, когда у него собирались важные гости. Я так хорошо выучилась всему этому, что, когда как-то раз у купца гостили шериф с супругой и я прислуживала им, на следующий день они велели мне переехать к ним.

Магистрат слушал рассказ Бесс со все возрастающим участием. Он склонился к столу и заботливо спросил:

— Они хорошо с тобой обходились?

— О... да, ваша честь, — запнувшись, проговорила Бесс. Она вдруг поняла, что так встревожило магистрата: он испугался, не соблазнил ли девушку кто-то из хозяев, не вынуждена ли она была делить ложе с купцом или шерифом. — И жена купца, и супруга шерифа были обходительны и заботливы. Мужей их я видела редко, а их дети были... дети — как дети.

— То разбойники, то ангелы, — заключил магистрат и, кивнув, откинулся на спинку стула. — Отрадно слышать, что жизнь обошлась с тобой столь милосердно. Но ты не нашла для себя супруга и потому вернулась в родную деревню?

— Да, ваша честь, когда моя мать занемогла и нужно было кому-то за ней ухаживать. Я — ее единственное дитя, поэтому ухаживать за ней пришлось мне. Но потом она почти поправилась.

— Не сомневаюсь, причиной ее хвори было только лишь одиночество, — пробормотал магистрат Керрен и нахмурился. — Но как же она будет теперь, когда ты вновь покинула ее?

— Думаю, с ней все будет хорошо, потому что я скоро к ней вернусь. Если удастся отыскать дядю Реймонда, я смогу отправиться домой и сказать маме, куда ему написать. Удалось ли вам разыскать какие-нибудь его следы, ваша честь?

— Да, Эбен Кларк нашел запись в книге, — кивнул магистрат, взял со стола лист бумаги и подал девушке. — Его снова вызвали в город Защитника, и нисколько не сомневаюсь, там он сразу же получил новое назначение. — Не дав Бесс задать вопрос, магистрат продолжал: — Эбен Кларк уже отправил письмо офицеру, в котором просит ответить, куда затем отправили твоего дядю. Письмо уйдет с завтрашней утренней почтой, однако тебе нужно запастись терпением, девица. Ответа придется ждать недели три, а то — и два месяца.

— Я не ждала, что получится скорее, — отозвалась Бесс и чуть-чуть наклонилась к столу. — О, как я вам благодарна, ваша честь! Как благодарна! Вы так стараетесь ради меня, бедной крестьянки!

— Я очень рад, что сумел тебе помочь, — отвечал Керрен с теплой улыбкой, но тут же погрустнел. — Ты была бы изумлена, узнав, как редко нам выпадает случай помочь кому-либо из граждан с таким прошением.

Бесс все больше нравился магистрат. Этот человек действительно заботился о людях, его явно интересовала не только власть.

— Прошу вас, скажите мне, как бы я могла вас отблагодарить?

— Что ж, могла бы, — снова заулыбался Керрен, и их взгляды встретились. — Поужинай со мной, поведай мне о своих радостях и печалях и скрась хоть ненадолго мое одиночество.

— О... с радостью, ваша честь. — Бесс смущенно потупилась. — Но только... жизнь у меня самая обычная, и я не знаю, будет ли вам интересно.

— Я уже успел убедиться в том, что в жизни любого человека бывают случаи, которые способны заинтересовать

любого, — возразил Керрен, взял со стола маленький серебряный колокольчик и позвонил в него.

Вошел дворецкий.

— Ваша честь?

— Можешь подавать ужин, — сказал магистрат.

— Слушаюсь, ваша честь.

Дворецкий поклонился, вышел и, вернувшись с подносом, поставил перед магистратом и девушкой тарелки с супом. Взяв ложку, Керрен попросил:

— Начни со своего семейства. О матери ты уже говорила. Счастливым ли было твое детство?

— О, очень счастливым, ваша честь! — воскликнула Бесс и мысленно возблагодарила фиништаунскую разведку, а именно лорда Кореля — в миру Корина. Корин составил подробнейшее описание населения Милорги, не забыл и о Реймонде, который ушел на службу в войско Защитника, и о его овдовевшей матери, о больной сестре. Гар заслал человека в Милоргу, дабы тот проведал, что там изменилось с тех пор, как Корин стал жить в Затерянном Городе. Кто бы ни был этот человек, это был не сам Корин, а вопросы он задавал такие, на какие мог ответить любой житель деревни: «Живет ли вдова по-прежнему в своей хибарке?», «Вернулся ли Реймонд домой?» Вернувшись в Фиништаун, лазутчик (или лазутчица) доставили следующие сведения: вдова все так же жила в Милорге, а ее внучка недавно ушла из дому. Куда — никто не знал, но поговаривали, что ушла она поздно ночью в лес, вот и все.

Судьба Реймонда была неизвестна, однако другой агент каким-то образом разузнал, что его в числе других воинов отправили для подавления мятежа, зачинщиком которого стал какой-то пастух, объявивший, что жизнью людей правят сверхъестественные существа. Пастуху, на удивление, удалось убедить в этом множество людей, которые решили, что этим объясняется их жалкое существование. Кроме того, убеждения пастуха предполагали, что жизнь может стать лучше. Когда

магистрат предпринял попытку схватить пастуха-мятежника, его приверженцы оказали яростное сопротивление и убили посланных стражников. Магистрат обратился за помощью к шерифу, но мятежники отбили посланных им солдат, и тогда магистрат запросил помощи у Защитника. Защитник выслал на подмогу всех людей, каких только можно было собрать на сто миль в округе. Одним из этих солдат был Реймонд из Милорги. Он погиб на поле боя, но поскольку командиры плохо знали своих подчиненных, собранных в спешке, никто из них не написал письма с выражением соболезнований матери погибшего в Милоргу.

Бесс прочла этот рассказ и поплакала, жалея несчастную мать и все ее семейство. Она могла понять, каково им было — одиноким, покинутым. Теперь она со спокойной совестью пересказывала эту историю магистрату, понимая, что если он и пошлет кого-то в Милоргу, дабы проверить, все ли так на самом деле, как она ему рассказывает, то в этой деревне действительно найдут бедную старушку-вдову и выслушают рассказ о ее пропавшей без вести внучке. А если у местного магистрата не обнаружится записи на сей счет — что ж, и в этом не было бы ничего удивительного: забывчивый писарь не удосужился занести запись об этом происшествии в книгу, а по горло занятый магистрат просто-напросто упустил такую мелочь. В любом случае ему бы не захотелось признаваться в том, что кто-то из жителей деревни ушел без пропуска и не был пойман. Что же до Реймонда, то если бы Керрен узнал, какова была на самом деле его судьба, то это ни в коей мере не разошлось бы с рассказом Бесс.

Бесс продолжала рассказывать. Она поведала Керрену о своем детстве, пересыпая повествование упоминаниями о забавных эпизодах, причем некоторые из них действительно имели место. Девушка старалась, как могла, употребить все красноречие и юмор, которыми всегда искрились беседы за пиршественным столом в Затерянном Городе. Керрен смеялся, задавал

вопросы, высказывал свои суждения, и Бесс видела, как напряженность с каждой минутой покидает его.

За супом последовало блюдо из рыбы, а за ним — мясное блюдо. Мало-помалу настала очередь Бесс задавать вопросы, и Керрен чем дальше, тем более пространно отвечал на них. Бесс время от времени позволяла себе вставить словечко типа:

— Но ведь не может быть, чтобы у Защитника было бессчетное число магистратов, ваша честь?

— Нет, нас всего тысяча пятьдесят три, — ответил Керрен, удивившись вопросу — большинство крестьян искренне верило в то, что слуг Защитника не счесть. — Но существует еще двести двенадцать шерифов, перед которыми отвечают магистраты.

Беседа затрагивала то политику, то историю, то литературу. Время от времени они касались даже искусства. Каждый новый ответ Бесс, казалось, все более и более изумлял Керрена.

— Но где ты выучилась грамоте, девица?

— О, это писарь магистрата был так добр ко мне и выучил меня чтению и письму, ваша честь, чтобы я могла читать моей бабушке, когда она стала совсем плоха. За несколько лет я прочитала ей все книги, какие только нашлись у писаря, — кроме, конечно, книжек про законы.

— Понятно, — задумчиво проговорил магистрат и покачал головой. Он был рад, но все же изумлен.

Отужинав, Керрен и Бесс выпили еще немного вина и повели более отвлеченный разговор о том, каким следовало бы быть миру, о том, откуда взялись люди, о том, есть ли зерно истины в древних преданиях, утверждающих, что предки явились с далеких звезд.

А когда за окнами стемнело, и они оба устали от беседы, вошел дворецкий и сообщил:

— Комната для девицы готова, ваша честь.

— Комната для меня? — воскликнула Бесс и встревоженно широко раскрыла глаза, хотя втайне порадовалась. — Ваша

честь, я не имею права злоупотреблять вашим гостеприимством!

— Но где же еще ты могла бы остановиться, сама посуди? — урезонил ее Керрен. — Родни у тебя здесь нет, а пробыть тут тебе придется два месяца, так что на гостиницу денег не хватит.

— Я могла бы подыскать работу...

— Этого я тебе не стану запрещать, однако не думаю, что сейчас у тебя это получится. Как бы то ни было, в здании суда имеются комнаты для гостей, и ты можешь считать себя моей гостьей.

— О... если я вас правда не стесню и не введу в расходы...

— На такие случаи деньги выделяет Защитник.

— Но я должна что-то делать, дабы отработать мое пребывание здесь...

— Ну, что ж. — Молодой магистрат улыбнулся и взял Бесс за руку. — Ты будешь ужинать со мной каждый вечер.

Бесс робко улыбнулась и, зардевшись, потупила взор.

— Почту за честь, господин магистрат.

— А мне будет очень приятно твое общество, — сказал магистрат Керрен и отпустил ее руку. — Правда, разговоры могут нам наскучить... Как ты думаешь, не наскучим мы друг другу за два месяца?

Два месяца? Этого было более чем достаточно для осуществления замысла Бесс.

Дилана с огромным вниманием слушала рассказ магистрата Горлина о деле, которое ему пришлось разбирать нынче утром. Рассказывая, Горлин смотрел не на нее, а в окно, нахмурив брови. Дилана сочувствовала ему всем сердцем — такая боль звучала в его голосе. Время от времени она сострадательно вздыхала и не могла не признаться себе в том, как мил стал ей профиль Горлина за последние несколько месяцев.

Он определенно не был красив, хотя в молодости, наверное, был хорош собой. А сейчас... лицо его пополнело, обрюзгло, под-

бородок из-за этого казался слишком маленьким, а нос — слишком крупным, губы — слишком пухлыми. Но они были чувственными — его губы, они отражали малейшее проявление боли, ощущаемой Горлином. Дилана следила за их движениями и в ее душе просыпались знакомые чувства, и она радовалась тому, что еще способна их испытывать.

Из разговоров — а разговаривали они почти ежедневно — Дилана узнала о том, как глубока забота магистрата о людях, которыми ему поручено было управлять, как он делил с ними и большие беды, и маленькие радости. Он был одинок и, похоже, решил хранить одиночество из боязни перед расставанием, которое, как он знал, грозит ему через несколько лет. Пока он не заключил нового брака, однако шесть месяцев, отпущенные ему на поиски супруги, неумолимо приближались к концу, и по их истечении он обязан был жениться на ком-нибудь — на ком угодно.

Дилана уже знала ответ на вопрос о том, почему магистрату Горлину не был предложен пост шерифа, знала и о том, что он лишь однажды подавал соответствующее прошение. Быть может, из боязни перед отказом он не предпринимал новых попыток, однако Дилане более вероятным представлялось другое: скорее магистрату больше по душе было трудиться на благо народа в небольшом городке, чем распоряжаться еще пятьюдесятью магистратами и видеть перед собой страждущих людей только тогда, когда они бы обратились к нему с прошением.

Горлин нравился Дилане все больше и больше. Почему же он этого не замечал?

— Так вот... Эти две сестрицы были готовы друг дружку на куски разорвать из-за единственной коровы, которую им оставил в наследство отец — той единственной вещи, которую он по завещанию не передал ни той ни другой из дочерей! — Магистрат сокрушенно покачал головой, будучи близок к тоске. — Поэтому я рад тому, что магистраты не являются едино-

личными владельцами домов или мебели, да и вообще ничего, кроме своей одежды и заработанных денег.

— Думаю, их отец такого не хотел, — согласилась Дилана. — Конечно, быть может, он был из тех жестоких людей, которые наслаждаются, подстрекая других к склокам, из тех немногих, кто уходит из жизни, довольно усмехаясь и предвкушая, как родня будет драться за их имущество.

Горлин покачал головой:

— Судя по тому, что я слышал о нем, он был человеком мягкосердечным, гордившимся тем, что неплохо обеспечивал жену и детей. И как они могли так ополчиться друг против друга?

— Я поняла, — медленно и печально проговорила Дилана, — что, когда ссоры достигают такой высоты, их корни следует искать глубоко в прошлом.

Горлин изумленно взглянул на нее.

— Какая мудрость! Но что же это могут быть за корни?

— Ревность, — отвечала Дилана, — и зависть. — Она вспомнила о своем детстве и поежилась. — Быть может, он выделял одну дочь, а другую это обижало, поэтому первая выросла заносчивой и ревностно оберегала отцовскую приязнь, не желала ею делиться ни с кем, а сердце другой дочери все сильнее грыз червь зависти.

Про себя она знала, что этот червь вызвал у нее убежденность в том, что она — не дочь своего отца, а подкидыш, которого родителям подбросил какой-то принц из дальней страны.

Горлин кивнул, глаза его сверкнули.

— О, конечно, этим может объясняться их злобность! Первая старается зацапать все оставшееся после отца, что только может, считая это имущество знаком отцовской любви, а другая отчаянно пытается ухватить хоть что-нибудь из того, что осталось!

Дилана добавила:

— Если при его жизни она не могла получить его любви, то теперь, когда он мертв, она старается заполучить хотя бы его вещи.

— Да, если на то пошло, он действительно завещал большую часть нажитого младшей дочери, а старшей — совсем малость! — подхватил магистрат. — Какой же я глупец! Я-то думал: все из-за того, что муж старшей сестры богаче мужа младшей! — воскликнул он, но тут же нахмурился. — Да, но все равно — как же мне их рассудить? Не могу же я разделить одну корову между двумя женщинами? Я уже предложил им продать корову и поделить пополам вырученные деньги, но они только пуще раскричались.

— Конечно, раскричались, — негромко проговорила Дилана, — ведь деньги для них — не главное.

— Да, несомненно, — согласился Горлин, усмехнулся и довольно ударил по подлокотнику кресла. — Мы сделаем так, что они обе получат что-то от отца! Младшей он оставил быка, так я велю случить его с коровой, а когда она отелится, пусть старшая сестра забирает себе корову, а младшая — теленка, вот и получится, что у каждой останется по корове!

— Ни одна ни другая не будут довольны, — предупредила магистрата Дилана. — Каждая всю жизнь хотела, чтобы отец принадлежал только ей, а если его уже нет — чтобы только ей принадлежало его имущество.

— В таком случае я объявлю, что теленок принадлежит отцу, так как родился от его коровы и быка, и сестры либо согласятся с моим вердиктом, либо пускай отправляются с прошением к шерифу! — Горлин довольно крякнул. — Не удивлюсь, если они обе станут требовать теленка и каждая будет кричать: пусть корову или быка забирает другая.

— Точно так и выйдет! — изумленно вскричала Дилана. — И тогда ни одна из них не сможет обидеться, если вы отдадите корову другой!

— Верно, они не смогут пожаловаться! — воскликнул магистрат и, повернувшись к Дилане, устремил на нее взор, полный восхищения.

— Ты — истинное сокровище! Как тебе удалось так легко заглянуть в их сердца?

Дилана покраснела и опустила глаза.

— Просто я помню о том, что случалось видеть в жизни, ваша честь.

— В таком случае я должен постоянно прибегать к твоей памяти, иначе я вновь и вновь буду выносить ошибочные вердикты!

Горлин встал с кресла, подошел к Дилане, наклонился и протянул ей руку.

Дилана подняла глаза к нему и с готовностью дала взять себя за руку. Сердце ее часто билось.

Горлин опустился на одно колено и произнес хрипловатым от волнения голосом:

— Я знал, что мне придется вновь просить об этом, но никогда не думал, что мне так этого захочется — и все же мне хочется этого, хочется больше, чем когда-либо! О, прекрасная госпожа, согласны ли вы стать моей женой?

— О да, ваша честь, — отвечала Дилана тихо, а потом, когда его губы приблизились к ее губам, добавила еле слышно: — Да, Вильям, да...

Одного за другим настоящих магистратов выкрадывали и увозили в Затерянный Город, где они попадали на попечение Бейда, Хранителя и его гвардии железных «скелетов». Первый следил за тем, чтобы они не могли удрать из заключения, а остальные помогали ему в этом и разъясняли чиновникам, почему так необходимо подержать их какое-то время в плену. Между тем узники имели право свободно передвигаться внутри стен города, пусть это и создавало определенные сложности, и многие из них в принципе нисколько не возражали против длительного отпуска. Жаловаться им было особенно не на что: они были окружены невиданной роскошью, питались деликатесами, пили тонкие вина, и потому испытываемое ими на первых порах возмущение быстро проходило. За все время имели место только пара-тройка попыток к бегству.

Некоторые проявляли неподдельный интерес к новой системе управления страной, которую задумали мятежники, и размышляли о том, как можно было бы ею воспользоваться в собственных целях.

А занявшие их места подсадные магистраты, засучив рукава, со всем тщанием изучали юриспруденцию и приступали к исполнению обязанностей на новом для них поприще управления. Мало-помалу они прививали приставленным к ним стражникам идеалы равноправия и свободы личности. Год за годом все большее число магистратов и шерифов составляли излеченные безумцы.

Конечно, их не хватало для того, чтобы занять все посты в государстве, поэтому вылечившиеся женщины тоже не теряли время даром и увлекали своими чарами настоящих магистратов — как Бесс и Дилана. В Фиништауне они научились у Хранителя искусству ведения бесед и манерам женщин из высшего общества, освоили речь благовоспитанных особ, приобрели горделивую осанку и изящную поступь. А после исцеления они с помощью Хранителя изучали историю, политику, литературу, искусство и прочие науки. Пусть они родились в простых семьях, но обладали огромными преимуществами перед деревенскими девушками и женщинами в плане привлечения внимания образованных мужчин.

Большая часть этих женщин становилась женами магистратов и шерифов, только что переведенных на новое место. Другие поступали служанками к женатым чиновникам и получали возможность близко познакомиться со своими хозяевами. Получив новое назначение, магистрат не мог увезти с собой жену и детей, однако по закону имел право взять женщину из прислуги, которая хорошо себя зарекомендовала. А оказавшись один на новом месте, магистрат чаще всего останавливал свой выбор на той женщине, которая уже была ему хорошо знакома, чье общество его радовало, и делал ей предложение.

Труднее обстояло дело с инспекторами — по вполне очевидной причине: их никто не знал. И все же догадаться было можно.

По стране рыскали отряды мятежников — следили за путешествующими, присоединялись к купеческим караванам, и инспекторы один за другим, пусть и не в таком количестве, как магистраты, отправлялись в Затерянный Город. Бейд и Хранитель обнаружили, что инспекторы — крепкие орешки и мириться с тем, что их держат в плену, не желают, а также и что им вовсе не по нраву идеалы и идеи Нового Порядка. В конце концов, они многое отдали ради того, чтобы заслужить свое положение при Старом Порядке, и положение это было очень высокое: каждый из инспекторов вполне реально метил на пост Защитника или, на худой конец, — министра. Эти люди всю жизнь трудились ради того, чтобы стать теми, кем стали, и потому вовсе не желали свергать Защитника и созданную им систему, при которой они обладали такой значительной властью.

Майлз посоветовался с Хранителем, и в конце концов инспекторов перевели в отдельный разрушенный город, который еще строже охранялся компьютером и роботами. Их заключение было самым настоящим — пусть роскошным, но все же настоящим. Правда, к ним допускались женщины — не красавицы, но умевшие пользоваться косметикой так, чтобы скрыть природные недостатки, обладавшие грациозной походкой и грамотной речью, знакомые с искусством и науками, способные говорить с узниками инспекторами об истории и политике. Мало-помалу даже эти закоренелые приверженцы Старого Порядка стали приходить к выводу о том, что в Новом Порядке что-то есть.

— Ваша честь, пойдемте скорее! — На пороге появился запыхавшийся и напуганный дворецкий. — Едет магистрат Плюрибл! Он выслал вперед скорохода! Он всего в миле от нас!

Магистрат Ателлен — бывший лорд Левеллин — оторвал глаза от разложенных на столе бумаг и мертвенно побледнел. Как правило, магистраты, собиравшиеся навестить своих коллег, загодя извещали оных о предстоящем визите, и тогда было время подготовиться, но приезд Плюрибла застал его врасплох

и не на шутку испугал. В отчаянии он решил прибегнуть к приему, которым уже пользовался раньше.

— Вели бейлифу Гаррику и стражнику Порри прийти ко мне в кабинет, да поскорее! Попроси госпожу Пейзен быстренько приготовить чай! А я поспешу переодеться в мантию!

— Но я должен помочь вам, ваша честь!

— Времени нет! Ступай! Займись приготовлениями! — И Ателлен вскочил и выбежал из-за письменного стола.

В складках парадной мантии были припрятаны нож и дубинка. Ателлена успокаивала мысль о том, что на всякий случай оружие у него под рукой. Он быстро побрился, поспешно вернулся в пустой кабинет, выставил на стол чайные чашки и выбежал из ратуши за пять минут до того, как из-за поворота показалась карета.

Лошади остановились, кучер спрыгнул с облучка и, подбежав к дверце, распахнул ее. Магистрат Плюрибл вышел из кареты и зашагал к Ателлену, раскинув руки, с приветственной улыбкой, которая, правда, сначала как бы заледенела, а потом и вовсе исчезла, когда он увидел, кто ожидает его на крыльце.

Сбылись самые худшие опасения Ателлена, но он помнил наставления Майлза на тот случай, если произойдет нечто подобное. В конце концов, рано или поздно некоторым из подсадных магистратов грозила встреча с людьми, которые были знакомы с теми, кого они подменили. Просто Ателлену не повезло, и с ним это несчастье приключилось довольно скоро.

Он шагнул навстречу гостю, широко, сердечно улыбаясь.

— Магистрат Плюрибл! Вы оказали мне высокую честь своим приездом! — А затем, подойдя поближе, чтобы гость расслышал его шепот, Ателлен еле слышно проговорил: — Да-да, я понимаю, я — не тот, кого вы ожидали увидеть, но для этого есть вполне объяснимая причина, однако об этом никто не должен знать! — А вслух Ателлен громко добавил: — Прошу вас ко мне в кабинет, отдохнуть и перекусить с дороги!

Лицо Плюрибла отразило неподдельную тревогу и испуг, но он быстро справился с собой и изобразил показное спокойствие.

— Как прикажете, инспектор.

Ателлен развернулся, взял Плюрибла под руку, всеми силами стараясь скрыть радость удачи. Заезжий магистрат принял его за инспектора, играющего роль магистрата, и какова бы ни была причина для такой подмены, она должна была быть ужасна.

И ее следовало хранить в тайне.

Они вошли в кабинет.

— Прошу садиться, ваша честь!

Ателлен знаком указал гостю на стул, а сам обошел письменный стол и уселся напротив.

— Позвольте представить вам моего верного бейлифа Гаррика и стражника Порри!

Бейлиф и стражник поклонились. Плюрибл ответил им кивком и возвратился взглядом к Ателлену.

— Что все это значит, инспектор? Я понимаю, что всего вы мне не расскажете, но... намекните хотя бы. Неужели с моим старым другом Ателленом случилась беда?

— Мне бы не хотелось это так называть, — уклончиво отвечал Ателлен и позвонил в маленький колокольчик. Открылась боковая дверь, и дворецкий впустил горничную, которая внесла и поставила на стол поднос с чайником.

— Подождем с объяснениями, а пока выпейте чаю! — предложил Ателлен. — Вы наверняка ехали все утро, надо же подкрепиться!

— Я не против, — не слишком охотно проговорил Плюрибл. Безусловно, ему больше хотелось сначала узнать новости, но он не дерзнул настаивать на этом. Взяв чашку, он отпил немного чаю.

— Итак, господин?

— Да, итак... — Ателлен отпил глоток побольше, дабы потянуть время, затем откинулся на спинку стула и задумчиво

изрек: — Не то чтобы попал в беду... Нет. Но вашему старому другу Ателлену, увы, потребовался... отдых.

Плюрибл в тревоге вытянулся, как по струнке.

— Удар?

— Скорее я бы назвал это истощением, — уточнил подсадной Ателлен. — Но если бы об этом узнали местные жители, это могло бы дурно сказаться на их морали, поэтому, когда пришла пора сменить Ателлена и перевести в другое место, мы отправили его в уединенное убежище, а его место занял я.

— Хвала небесам за то, что удалось все так ловко обстрянать! — вздохнул Плюрибл. — Надеюсь, он поправляется?

— Я также на это надеюсь, но не имею никаких вестей.

— Ну да, ну да, конечно, это понятно, — пробормотал Плюрибл и снова прихлебнул чаю.

Ателлен на взгляд оценил настроение гостя. По всей вероятности, Плюрибл размышлял о том, как это вышло, что инспектор занял место чиновника средней руки. Инспекторы имели в своем распоряжении записи о каждом человеке в стране, надзирали за работой всех шерифов до единого. Эти люди были всегда готовы свалиться как снег на голову любому чиновнику и причинить массу неприятностей. Никто не знал наверняка, существуют ли они на самом деле, и тем не менее никто не сомневался в их существовании. Плюрибл в глубокой задумчивости отпил еще глоток чая и поинтересовался:

— Но что же вы скажете местным жителям, когда он поправится?

— О, мы устроим что-нибудь вроде временной замены, объясним народу, что где-нибудь в другом городке или деревушке внезапно умер магистрат, — заверил гостя Ателлен. — Безусловно, не исключено, что доктора будут настаивать на том, чтобы бедняга Ателлен пролечился все пять лет. Я слыхал — и такое бывает.

— Да... Будет... писать... в-в-воспо-о-оминания о лю-юдях... ко-о-оторыми у-управлял... — Плюрибл выпил еще немного чаю и недоуменно захлопал слипавшимися глазами.

— О, похоже, вас совсем разморило с дороги, — с искренним сочувствием заметил Ателлен. — Пожалуй, вам стоит прилечь и поспать до обеда.

— Да-а-а не-ет! — зевнул во весь рот Плюрибл. — Спа-а-ть днем? Нико-о-о... Ник-о-о-г...

Но тут глаза его закрылись, он покачнулся и чуть не сполз со стула на пол.

Порри успел подхватить его и выхватить из его пальцев чашку.

— Сколько порошка вы ему подсыпали, ваша честь?

— Достаточно, — ответил Ателлен и встал. — Уложите его в постель и проследите за ним. А потом, Порри, отправляйся в лес и...

— Потом я должен крикнуть совой, мне ответит лесничий, а ему скажу, что нам нужна подмена, — кивнул Порри. — Все помню, ваша честь, все исполню в лучшем виде.

— Прекрасно, — похвалил его Ателлен, проводил взглядом двоих помощников, которые унесли крепко уснувшего Плюрибла из кабинета, и снова позвонил. Вошел дворецкий.

— Ваша честь?

— Удобно ли мои стражники устроили людей магистрата Плюрибла?

— Очень даже удобно, ваша честь, куда удобнее, — отвечал дворецкий и брезгливо скривился: — Они уже пьяны в стельку.

Ателлен довольно кивнул:

— Скажи стражникам, пусть продолжают в том же духе, а людям Плюрибла скажи, что их господину вдруг стало дурно и что его уложили в постель в гостевой комнате. У них весь день до вечера на отдых, но ни в коем случае нельзя давать им отлучаться от здания суда. Скорее всего они тут и заночуют, так что передай бейлифу: пусть и для них приготовят постели.

— Слушаюсь, ваша честь, — покорно отвечал Саттер. По его тону чувствовалось, как он относится к происходящему, но он все же поклонился и отправился исполнять приказ.

Ателлен со вздохом опустился на стул. Кризис миновал — вернее говоря, первый его этап. Тем не менее он не сомневался, что те люди, которых вышлет Хранитель, без лишнего шума увезут Плюрибла и его изрядно подвыпивших стражников, а на их месте оставят подсадного Плюрибла с подсадной свитой. И еще Ателлен всем сердцем надеялся, что ему больше не суждены встречи с теми, кто знал настоящего Ателлена.

ГЛАВА 19

Дилана оторвала взгляд от рукоделия и украдкой глянула на мужа. Была зима, но он сидел у окна и задумчиво смотрел на занесенный снегом сад. Сад и теперь был красив — вернее, был бы красив в солнечный день, но сегодня погода стояла пасмурная, хмурым было и лицо Вильяма. Учитывая, какое дело он обдумывал, это было неудивительно. Дилана отложила вышитую салфетку и сказала:

— А разве это было бы так уж скверно, если бы юный Чариг стал столяром?

Вильям вздрогнул и обернулся, улыбнулся, коснулся руки жены.

— А как ты догадалась, что я об этом думаю?

Она ответила ему улыбкой и сжала его руку.

— Вчера за обедом ты говорил о том, как тебя это тревожит, и с тех пор не находишь себе места. Догадаться нетрудно. Ну же, супруг мой, подумай: что дурного случится, если мальчик станет подмастерьем старика Виззигруфа? Ведь он так мечтает об этом!

— Дурно то, что это огорчило бы его отца.

— Но только на время. В конце концов, он ведь боится только того, что его сын как бы сделает шаг назад. Но когда

Тоби Чариг станет главой гильдии, думаю, отец станет гордиться им.

— Если он станет главой гильдии, — уточнил Вильям.

Дилана пожала плечами.

— У юноши талант, как мы смогли убедиться. Какой красивой резьбой он покрыл деревяшки, какие чудные безделушки выточил для матери! А люлька, которую он вырезал для старшей сестры в подарок на свадьбу — это же просто произведение искусства! Но даже если он не станет главой гильдии, разве мальчик не имеет права на счастье?

— Нет, если это принесет горе его отцу.

— Но если старик Чариг на самом деле любит сына, счастье мальчика и его должно сделать счастливым, — не отступалась Дилана. — А если мальчику не по душе карьера купца, это опечалит и его отца, это будет его злить. Они станут ссориться, дело и до драки может дойти. Нет-нет, безусловно, мальчик имеет право стать счастливым.

— Счастье — это не то, о чем можно говорить, что кто-то имеет на него право, — проворчал Вильям. — Счастье — не хорошо и не дурно. Это просто удача.

— Если так, то мне и в самом деле очень повезло, — улыбнулась Дилана и, сжав руку супруга, отпустила ее.

А он заглянул ей в глаза и улыбнулся.

— Мне тоже, — сказал он тихо. — Я понимаю, о чем ты говоришь, и это великое благо.

— Если так, то каждый из нас имеет право на счастье.

— Имеет право? — нахмурился Вильям. — Странно звучит.

Дилана напряглась. Разговор принимал опасный оборот, а она и не заметила, как это произошло. Она повернула голову к окну, вгляделась в заснеженный сад и сказала, старательно подбирая слова и искусно меняя их значение:

— Если рассуждать о том, что право, что не право, то наш союз, конечно же, дело правое, супруг. А если рассуждать о правах... то некоторые из них принадлежат нам только потому,

что мы рождены на свет. К примеру, каждый имеет право на жизнь, право защищаться от воров и убийц.

— Да, это верно, с этим я спорить не стану, — медленно, осторожно проговорил Вильям. — Но жизнь — это нечто такое, что происходит с нами независимо от того, хотим мы этого или нет, любимая, хотя, вероятно, у наших родителей в этом смысле имеется некоторый выбор.

Его рука вновь легла на ее руку, ее взгляд встретился с его теплым взглядом, она ответила ему сияющей улыбкой.

— Но вот счастьем люди не наделяются с первым вдохом, — продолжал развивать свою мысль Вильям. — Счастье либо приходит, либо нет. Даже те, кто сам избирает для себя супругов, частенько совершают ошибки. Можно из кожи вон лезть ради счастья, а потом обнаружить, что тебя гложет тоска. Ведь это не назовешь правом.

— Нет, не назовешь, — медленно проговорила Дилана, не отводя глаз от мужа. — Но можно попытаться быть счастливым. Хотя бы это можно назвать правом.

Взгляд Вильяма стал задумчивым.

— Да, пожалуй, — сказал он негромко и отвернулся к окну. — Пожалуй...

Следя за выражением лица супруга, Дилана неслышно облегченно вздохнула. Миновал крайне напряженный момент, но, похоже, она неплохо справилась. Да, Вильям снова погрузился в раздумья, но хотя бы ей удалось отвлечь его от раздумий более тяжких.

Однако при этом она ухитрилась отвлечь супруга от разговора на более интимную тему, из которого могла бы проистечь ночь, полная любви. Дилана вновь вздохнула и напомнила себе о том, что все они обязаны идти на жертвы ради общего дела.

Однако ночь опровергла ее ожидания, а на следующий день... На следующий день Вильям вынес вердикт: юного Чарига следовало отдать в подмастерья к деревенскому столяру. После судебного заседания магистрат позвал старика Чарига к

себе в кабинет, где долго разговаривал с ним. Из кабинета купец вышел хмурым, но не злым, а главное — задумчивым.

Позднее, весной, Дилана удивила и Вильяма и себя тем, что забеременела. Ей уже было под сорок, однако она сравнительно легко родила своего первенца, и Вильям на диво обрадовался появлению ребенка, хотя родилась девочка, а не мальчик. Миновало три года, и магистрат подолгу «разговаривал» с дочуркой — усаживал ее на колени и слушал ее лепетанье. Время от времени Дилана касалась в беседах того, какие права малышка Луиза приобрела, появившись на свет в результате решения супругов иметь ребенка. Вильям заверял жену в том, что он целиком и полностью осознает свою ответственность перед дочерью, а затем, мало-помалу, начал соглашаться с тем, что права женщины следует столь же настойчиво охранять, как и права мужчины.

Вот примерно так те небезнадежные магистраты, которые остались на своих постах, говорили о правах человека со своими новыми женами. Медленно, постепенно они начинали задумываться о необходимости кое-каких перемен в системе правления — перемен, проистекавших из идеи о правах человека. И Майлз начал понимать, что ему нет нужды подменять всех магистратов до единого подсадными и мучиться из-за того, что подсадных не хватает.

— Не думаешь же ты, что вы сможете удержать нас здесь, если мы на самом деле пожелаем уйти? — с сердитой усмешкой вопросил магистрат Флаунд.

— О да, — отвечал Бейд голосом мягким, словно бархат. — Да, я думаю, что мы удержим вас здесь, невзирая на то, как отчаянно вам хотелось бы бежать.

— Вы? Но вас всего пятеро! — ухмыльнулся Флаунд. — А нас пять сотен.

— Нас пятеро, а еще Хранитель и тысяча роботов. — На самом деле роботов было всего сто, но они сновали повсюду с

такой скоростью, что Бейд не сомневался: никому из магистратов было бы не под силу сосчитать их. — Они могли бы надежно держать вас здесь даже без нас, пятерых тюремщиков. На самом деле мы здесь присутствуем только для того, чтобы следить за тем, чтобы не упустить досадных мелочей, которые могут ускользнуть от пристального внимания Хранителя.

Сомневаться не приходилось — главный компьютер прежде никогда не выступал в роли тюремного надзирателя. Безумцам и в голову не приходило бежать из Фиништауна. Все они до единого хотели навсегда остаться здесь.

Хотел остаться здесь и Бейд, но не ради того, чтобы, как прежде, купаться в волнах иллюзий. Ненависть распаляла его добела, он с радостью оставался в Фиништауне и был бы рад своими глазами увидеть, как кто-то из плененных магистратов взбунтуется. Он никогда не смог бы забыть о том, как гневно кричал его отец на Ладо — магистрата их деревушки — за то, что тот отобрал у отца деньги, а Бейда выгнал из школы за плохие успехи в учебе. (Но то, что он выучил, он выучил крепко-накрепко!) Он никогда не забудет жуткого зрелища: отец в колодках, а соседи швыряют в него гнилые овощи и потешаются над ним, и по щекам отца стекает зловонная жижа. Он никогда не забудет слез матери, их ссор с отцом, когда мать кричала на отца и говорила, чтобы он перестал мучать мальчика.

Но отец не мучил Бейда. Он только пытался дать ему возможность учиться — ведь Бейд так любил учение. Здесь, в Затерянном Городе, он обрел эту возможность. Каждый день он проводил по нескольку часов в учебной кабинке, где Хранитель показывал ему на экране картинки и слова, и всякий раз, когда Бейд чего-нибудь не понимал, Хранитель прерывал показ и объяснял, объяснял... Бейд и здесь учился медленно, с натугой, но все же не так медленно, как в деревне, где учитель кричал на учеников и нещадно колотил за неправильные ответы. Теперь же Хранитель говорил Бейду о том, что он знает столько, сколько положено знать магистрату, вот

только, увы, в делах этой страны Хранитель отстал от жизни на несколько сотен лет.

Но теперь положение изменилось: Орогору и другие магистраты-самозванцы присылали в Фиништаун книги по юриспруденции, писали о своих личных впечатлениях, делились накопленным опытом. Мало-помалу Бейд нагонял своих товарищей.

Он ответил Флаунду усмешкой на усмешку и сказал:

— Пожелать вырваться из этого города сильнее, чем вы уже желаете, вам не под силу. Среди вас нет ни одного, кто бы не пылал жаждой мести, кто бы не грезил о перспективах, которые откроются перед ним, когда он поведает первому попавшемуся шерифу о мятежниках, когда позволит шпионам Защитника выведать все о наших агентах по всей стране.

Флаунд перестал улыбаться и устремил на Бейда взгляд, полный ненависти.

Мстительное чувство Бейда было удовлетворено — немного, совсем немного. Он откинулся на спинку стула, забросил ногу на ногу.

— Да-да, Флаунд, Хранитель слышит все ваши разговорчики, слово в слово.

Глаза магистрата сверкали от ярости. Как он ненавидел этого зазнавшегося простолюдина, который имел дерзость обращаться к нему, не упоминая его титул!

— Слово в слово, — негромко повторил Бейд. — И вы не сумеете замыслить побег без того, чтобы Хранитель об этом не узнал. А как только об этом узнает Хранитель, узнаю и я.

Тут он, конечно, погрешил против истины. Звукоулавливающие устройства действительно были установлены во всех жилых комнатах, немало их было и за пределами зданий, но стояли они уж никак не повсюду. Запросто можно было отыскать потаенную нишу, закуток в аллее, где компьютер не смог бы засечь беседу заговорщиков, но уж лучше пусть Флаунд и

его собратья свято верят в то, что машина видит, слышит и знает абсолютно все.

— Как, интересно, на ваш взгляд, Хранитель узнал о том, что на прошлой неделе вы пытались под покровом ночи перелезть через стену, и послал робота, чтобы тот отогнал вас? — язвительно поинтересовался Бейд.

Флаунд взглядом метал молнии, а Бейд только усмехался в ответ. Он понимал, что у магистрата мерзко сосет под ложечкой при мысли о том, что компьютер и в самом деле подслушал его заговорщицкие беседы с десятком соратников. На самом деле робот, отогнавший Флаунда от стены, всего-навсего совершал патрульный обход по заданному маршруту, — но Флаунда просвещать на сей счет было вовсе не обязательно. Из кабинета Бейда пленный магистрат ушел, злобно скалясь и ворча, а Бейд проводил его взглядом, полным триумфа победителя.

Здание стояло не дальше и не ближе от стены, чем любое другое. Вдоль наружного края стены по всему ее периметру тянулась пустая мостовая шириной в тридцать футов. Тридцать футов — это почти устраивало Флаунда. Конечно, здание было выстроено из камня, как и все остальные, сохранившиеся в полуразрушенном городе, — из очень странного, рыжеватого, теплого на ощупь, но все же камня — ведь чем еще быть этому материалу, как не камнем, когда он был настолько прочен? Этим же камнем были выложены и полы, плоские, цельные, и Флаунд поражался тому, каким образом древние строители могли высекать такие громадные куски камня. Может быть, древние предания не лгали, может быть, древние строители действительно владели некими секретами зодчества, волшебными инструментами, ныне утраченными приемами?

Дом имел внутренний двор, а внутренний двор был вымощен булыжником. Сначала Флаунд видел только густую траву, но когда раскопал корни и расчистил небольшой участок от

дерна, обнаружил булыжники — самые настоящие, хотя они были вырезаны в форме различных красивых фигур и подогнаны друг к дружке, как кусочки головоломки, и все же это были отдельные камни и между ними проросла трава. А раз так, значит, под булыжниками — земля!

Никто не возражал против того, чтобы он перебрался сюда и завладел этим домом, — ни Бейд, ни Хранитель, ни один из его «роботов», как называл их Бейд, — этих странных гладких страшноватых скелетов с головами, похожими на яйца, и глазами, напоминавшими драгоценные камни. Флаунд знал, что эти глаза способны метать световые копья, и эти копья жгли и кололи не хуже мечей. Он заверял себя в том, что не боится этих страшилищ, но был очень рад, когда они не стали противиться тому, чтобы он стал единоличным владельцем дома, и тому, чтобы к нему ежедневно заглядывало с десяток друзей, с которыми он выпивал и вел пространные беседы.

Вернее говоря — выпивали и разговаривали шестеро, а другие шестеро в это время вели подкоп под мостовой, прокладывали подземный ход под двором к стене. Потом шестеро землекопов возвращались и отмывались под удивительными струями воды, которые стекали из неиссякаемых источников за стенами в большую ванну, стоило только прикоснуться к стене. Тогда к подкопу приступали другие шестеро заговорщиков. Копали по очереди. Пока один копал, другие передавали из рук в руки корзины, наполненные землей. У стены, окружавшей внутренний двор, вырастала гора земли, но кто мог заметить ее, кроме Флаунда и его друзей? Магистрат мысленно нахваливал себя за находчивость. Подкоп продолжался.

— Наверняка Флаунд и его друзья понимают, что всякий город, окруженный стеной, предусматривает наблюдение за возможными попытками подкопа! — возразил Хранитель.

— Не исключено, что они об этом подумали, — согласился Бейд. — Но они себе представляют единственную разно-

видность наблюдения: людей с длинными палками, которые ходят вдоль стены и тыкают ими в землю. А поскольку они не видят, чтобы твои роботы разгуливали вдоль стены с палками, они и думают, что ты за ними не наблюдаешь.

— Я все время забываю о том, что такие образованные люди ничего не знают о сонаре, — вздохнул Хранитель. — Ты уверен, что мне нельзя ознакомить их с принципом действия этого прибора, Бейд?

— Нельзя, до тех пор, пока революция не завершится нашей победой, — иронично отозвался Бейд. — Пока численное преимущество — на их стороне. Так что давай не будем дарить им никаких преимуществ.

— Ну, если надо, значит надо, — не слишком довольно согласился компьютер. — Но это противоречит двенадцатой установке моей базовой программы, Бейд.

— Противоречит, о учитель, полагающийся на интуицию наравне с опытом. — Тут Бейд улыбнулся искренне, без издевки. — Мне-то точно жаловаться не на что, ведь я столько знаний почерпнул под твоим руководством. Однако у тебя есть установки более приоритетные, Хранитель, и одна из них заключается в том, чтобы держать этих людей в плену ради блага движения за восстановление свободы, которую ты запрограммирован защищать и охранять.

— По всей вероятности, в один прекрасный день кто-то слишком вольно и широко истолковал понятие порядка в обществе, когда люди потеряли контакт со мной, — пожаловался компьютер. — И все же ты прав, Бейд. Их надо держать в плену. Тем не менее мы могли бы просветить их на тот счет, что выкопанный ими ход будет перекрыт до того, как они сумеют им воспользоваться.

— Нет-нет, пусть думают, что им сопутствует удача, — жестоко усмехнулся Бейд. — Тем горше будет потом их разочарование, тем меньше вероятность того, что они дерзнут пытать судьбу еще раз. Мы должны убедить их в том, что ты

неуязвим, Хранитель. Если они прекратят попытки спастись бегством, можно считать, что мы одержали победу.

— Вынужден признаться, что недостаточно хорошо понимаю ход мыслей людей для того, чтобы выразить несогласие с тобой, Бейд, — проговорил компьютер. — Однако из того немногого, что мне об этом известно, я должен сделать вывод: ход твоих мыслей довольно жесток.

— Ты не ошибаешься, — кивнул Бейд. — Но те страдания, которые наши узники причинили бы другим людям, удайся их побег, были бы гораздо более жестоки.

Это было неплохое оправдание, но всего-навсего оправдание, не более этого, — это Бейд прекрасно понимал. А истина состояла в том, что ему доставило бы глубочайшее наслаждение увидеть обиду и разочарование, которые ожидали пленных магистратов, когда те обнаружат, что все их труды пошли прахом. Спору нет, отомстить одному магистрату было приятно, но куда приятнее — всем сразу.

Подкоп пришлось углубить: наверняка стена глубоко уходила в землю. Оставался последний, решающий этап: подрыться под стену шириной в шесть футов и вывести ход наверх. Дождались безлунной ночи, а весь день провели в доме — смеялись, шутили, чокались бокалами. Словом, елико возможно, старались создать впечатление развеселой пирушки. А когда стемнело, зажгли свет, еще с час продолжали вечеринку, а потом мало-помалу стали затихать, начали гасить одну лампу за другой, и в конце концов все как бы уснули, напившись и наевшись до отвала и не имея сил вернуться и разойтись по домам, что в общем-то было правдой: ведь своих домов тут ни у кого из них не было.

А потом, ближе к полуночи, отправились заканчивать подкоп.

Флаунд самолично прокопал последние несколько футов до поверхности. Он работал с радостью, злорадно ухмыляясь, и наполнял корзину за корзиной вырытой землей. Его товари-

щи передавали наполненные корзины друг другу, а последний в цепочке вываливал землю во двор. И вот наконец лопата прошла насквозь, не встретив сопротивления. Флаунд издал победный вопль, расширил дыру, утрамбовал ее края, примял траву черенком лопаты...

...и замер: от края дыры вверх уходили две длинные, тонкие, блестящие ноги. В ужасе Флаунд поднял взгляд выше, увидел перекрестье — бедра, плоский цилиндр — туловище, тоненькие ручки, кисти, как у скелета, и напоследок — красноглазое яйцо — голову.

— Сожалею, но сюда вам нельзя, магистрат Флаунд, — проговорил робот.

Флаунд от изумления и страха не мог вымолвить ни слова. Друзья сгрудились позади, спрашивая:

— В чем дело? Почему ты остановился?

А потом двое, просунув головы к дыре, увидели то же самое, что повергло Флаунда в отчаяние, и застонали.

— Отку... откуда ты узнал?

— А мы слышали, как вы копали, Флаунд, — ответил Бейд, выйдя из-за спины робота.

— Прозвучало чрезвычайно упрощенное описание принципа действия сонара, — констатировал робот.

Флаунд был готов взглядом испепелить Бейда.

А тюремщик ответил ему едва заметной улыбкой. Но на самом деле его просто распирало от злорадного восторга.

Несколько часов спустя, когда город засеребрился в предрассветных сумерках, Бейд взобрался на стену. Он думал о том, что Флаунд не сможет смириться с поражением. Он наверняка предпримет новую попытку побега. Теперь это будет не просто попытка. Теперь это будет состязание между Флаундом и Бейдом. Гордыня заставит Флаунда придумать нечто более изощренное. А если нет — ну, значит, Бейд плохо знал своих узников. Все они были неглупы, а большинство из них отличалось агрессивно-

стью и инициативностью. Острый ум в них сочетался с беспокойством и горечью поражения. Они никогда не смирятся с пленом — ведь они не какие-нибудь трусливые безмозглые овцы. Следующая попытка побега будет массовой и яростной, и кое-кто из магистратов может при этом погибнуть.

Какая-то частичка Бейда предвкушала этот вариант развития событий с мрачной радостью, но другая часть испытывала стыд из-за того, что он плохо справлялся с порученной ему работой. Ведь его назначили надзирателем, а не палачом. Гар усиленно настаивал на том, чтобы магистратов ни в коем случае не мучили. Он говорил о том, что для успеха революции крайне необходимо, чтобы мятежники не выглядели злодеями — наоборот, они должны были производить впечатление спасителей, а потому все узники должны были выйти на свободу живыми, целыми и невредимыми. Бейд обязан был найти какой-то способ, сделать так, чтобы плененные магистраты стали довольны своим заключением.

Но как этого добиться? Бейд ломал голову над этой задачей, размышляя по обыкновению медленно, но методично. Ближе к вечеру он ушел из кабинета, не дождавшись робота, который должен был принести ему ужин. Он не был голоден — раздумья отвлекли его от мыслей о еде. Ему отчаянно хотелось поскорее разобраться в головоломке. Конечно, он мог бы обратиться с этим вопросом к Хранителю, но он начал догадываться, что и у этой умной машины есть пределы. Одним из таких пределов была способность заглянуть в сердце человека и понять, что он чувствует.

Бейд расхаживал по стене до темноты. Вышла луна. Бейд спрашивал себя: а он почему счастлив здесь, почему рад тому, что его работа — охранять непокорных, враждебно настроенных людей? Да, конечно, он им в некотором роде мстил, но мести самой по себе было бы мало. Нет, тут было что-то еще, что-то большее, и если быть честным с самим собой до конца, то следовало признаться...

Бейда озарило. Он резко остановился, уставился в темноту и поздравил себя с тем, что нашел ответ. Ему доставило такое наслаждение разгадывание этой головоломки, — но ведь подобные раздумья ему всегда приносили радость! Он не просто хотел — он жаждал остаться здесь и стать надзирателем, потому что получал неописуемое удовольствие от непрерывного состязания умов, от постоянной необходимости быть на шаг впереди ненавистных магистратов.

Но если его удерживала здесь радость состязания, может быть, она же удержит и магистратов?

Конечно, в нынешних обстоятельствах вызов, брошенный магистратам Бейдом, вынуждал их сидеть взаперти. Какой же еще вызов он мог бросить им — такой, чтобы им расхотелось вырваться из плена?

Учебу. Учиться они все любили — или по крайней мере им приходилось увеличивать багаж собственных знаний ради того, чтобы добиться поставленной цели. А Бейд мог впустить их в настоящий необъятный девственный лес знаний и выдать каждому охотничью лицензию.

Но сначала он должен был одарить их достаточно веской причиной, руководствуясь которой они бы отправились на охоту, показать им добычу, за которой они бы бросились в погоню.

А чего могла страстно пожелать эта орда бюрократов, что заставило бы их, засучив рукава, с головой уйти в изучение фактов, дотоле неведомых?

Ответ полыхнул в сознании Бейда словно загоревшийся в непроглядном мраке светильник.

Купец сидел рядом с возницей, потемнев от злости. Фургон въехал в город. Возница помалкивал и опасливо поглядывал на купца.

— Останови здесь, — буркнул купец, и возница придержал лошадей прямо перед ратушей. Горожане, спешившие куда-то по своим делам, останавливались и глазели на фургон. Выбежал стражник, закричал:

— Эй, вы! Проезжайте! Посреди дороги встали — это не положено!

— Встанешь там, где он тебе скажет, — распорядился купец, спрыгнул с облучка и размашисто зашагал к ратуше. Каждый шаг его был полон гнева. Стражник, перед которым предстали одновременно два нарушения закона, на минуту растерялся. Взгляд его метался между купцом и возницей. Возница сочувственно смотрел на него. Стражник возмущенно запрокинул голову.

— Жди здесь! — выкрикнул он и, развернувшись, бросился следом за купцом. Но, увы, он опоздал: тот уже вошел в двери, а к тому времени, когда стражник догнал его, купец уже успел рявкнуть бейлифу:

— Скажи магистрату, что я желаю его видеть!

— Да что вы говорите? — Бейлиф театрально кивнул и знаком отослал стражника. — И как же мне доложить магистрату Ловелу? Что за важная особа требует приема у него без предварительного уговору?

— Брэнсток, торговец одеждой и тканями! Да поторопись, а не то опоздаешь, а их и след простынет!

Бейлиф резко посерьезнел.

— Чей след?

— Тех разбойников, что меня ограбили, вот чей! Если бы их так не позабавила моя злость, они бы меня убили и возницу моего тоже! Ты над такими делами смеяться намерен?

— Нет-нет, господин, какой уж тут смех! Эй, Бривис! — Бейлиф махнул рукой, и из зала суда торопливой походкой вышел мужчина с заляпанными чернилами пальцами. — Это Бривис Кларк, писарь магистрата Ловела, — объяснил бейлиф купцу. — Кларк, это торговец Брэнсток, у него вести для его чести, которые не терпят отлагательства. Будь добр, отведи господина к магистрату. — А Брэнстоку бейлиф сказал: — Прошу прощения, торговец. Но я должен поспешить — пущу моих людей по следу этих негодяев. Пока вы будете с маги-

стратом беседовать, я переговорю с вашим возницей. До свидания! — С этими словами бейлиф отвесил торговцу торопливый поклон и быстро вышел на улицу.

— Ну, хоть так, и то дело, — проворчал Брэнсток. Видно было, что оперативность бейлифа пришлась ему по сердцу.

— Уверяю вас, господин, мы тут к разбою строги, — поспешил заверить торговца писарь. — Прошу вас, следуйте за мной. — И он повел Брэнстока к кабинету магистрата. — Подождите, — попросил он, постучал в дверь, приоткрыл ее и возвестил: — Ваша честь, к вам торговец с жалобой. Его ограбили в окрестностях нашего города. Бейлиф Якоби занялся погоней, но Брэнсток все-таки желает с вами поговорить.

— Да-да, конечно, проходите скорее, — сказал магистрат и поднялся из-за стола.

Писарь отступил и пропустил Брэнстока в кабинет.

— Ну, спасибо, что приняли меня, ваша честь, — сказал торговец, и Бривис нахмурился — ему не понравился ни тон обращения Брэнстока, ни его слова. К магистрату следовало обращаться намного более почтительно. А вот магистрата Ловела манеры просителя, похоже, нисколько не смутили. Вернее, не так: если и смутили, то послужили неким знаком. При взгляде на торговца он помрачнел и распорядился:

— Закрой дверь, будь так добр, Бривис Кларк.

Кларк повиновался, но раздумья не покинули его. Ничего особенного, конечно, в том, что магистрат решил провести беседу с просителем за закрытыми дверями, не было — ведь проситель был мужского пола. Но вот так сразу, при первой встрече... Если только...

У Кларка засосало под ложечкой. Неужто этот с виду самый что ни на есть обычный торговец — инспектор?

Тогда становилось ясно, почему его тон не оскорбил магистрата, почему он не отчитал неучтивого просителя, но все-таки что позволило Ловелу сразу признать инспектора? Какой знак?

Наверняка такой, какие ведомы только магистратам. Как бы то ни было, одно Бривис Кларк понимал наверняка: в точности ли все так, как он решил, или нет — этого ему не узнать никогда.

Магистрат дождался, когда за писарем закроется дверь, и порывисто обнял торговца.

— Майлз! Хвала небесам! Наконец хоть кто-то, с кем можно словом перебросится!

Майлз чувствовал, как дрожат руки у Ловела, и в который раз убеждался в том, в каком напряжении живут все его агенты.

— Бедняга, герой, как же тебе тяжко вдали от родственных душ! Но твоя жена, Ловел, — скажи, хотя бы она служит тебе утешением?

Ловел отпустил Майлза, отступил на шаг.

— О, еще каким утешением! Но и с ней я не могу поделиться правдой о моей работе. К тому же ее начинает беспокоить то, почему она не беременеет.

— Пусть гадает, — посоветовал другу Майлз. — Если ты по-настоящему полюбишь ее, наши враги получат возможность держать тебя в руках, но если она родит от тебя ребенка, они смогут вертеть тобой, как пожелают, угрожая твоему отпрыску.

Ловел кивнул:

— А если нас постигнет неудача, она всегда сможет сказать, что ее обманули, и это будет чистой правдой, и тогда найдет себе нового супруга. Но если у нее будет ребенок от изменника, самозванца, ей гораздо труднее будет снова выйти замуж.

— А государственные власти, естественно, не станут помогать отпрыску самозванца, — закончил мысль Майлз.

Ловел указал на стул.

— Ну садись, садись же, а я распоряжусь насчет чая!

— Это было бы славно, — признался Майлз и опустился на стул. — Но пока ты не позвонил, будет лучше, если я

расскажу тебе подробности про тех вымышленных разбойников, по следу которых ты отправишь своего бейлифа.

— Да-да, конечно! Что он обнаружит, когда доберется до места, где на тебя якобы напали? И где это место, кстати говоря?

— В миле от города, на большой дороге. Там они найдут следы десятка лошадей — нам пришлось выпрячь наших лошадок и гонять их по дороге туда и обратно, а потом еще до леса — шесть раз. По кустам мы разбросали несколько кусков полотна — для достоверности. Следы обрываются на берегу речки. Когда ты не сумеешь найти разбойников своими силами, можешь обратиться к соседям-магистратам. Трое расскажут ту же самую историю.

— Япет, Орогору и Минелло, — усмехнулся Ловел, усаживаясь за письменный стол. — Мы должны поддерживать друг дружку, верно?

— Непременно должны, — улыбнулся Майлз. — Ну, вот и все, пожалуй. Теперь позвони и попроси, чтобы принесли чай.

— Сейчас, — кивнул Ловел и потянул за шнурок. Дверь открылась, заглянул стражник, и магистрат распорядился: — Чаю, да покрепче! Скажи горничной, чтобы поторопилась!

Стражник поклонился и, хмуро глянув на Майлза, закрыл дверь. Между тем от Майлза не укрылось, что стражник явно не на шутку напуган.

— Ну а как там у остальных дела? — нетерпеливо спросил Ловел. — Расскажи мне обо всех новостях!

Майлз вкратце поведал другу о всех агентах, которых повидал за последний месяц.

— Бейлиф и стражники Этуана уже вовсю вместе с ним развивают агитацию о правах крестьянства, у Лючии в октябре родился первенец. Ее муж начинает понимать, что женщины тоже...

Дверь распахнулась, вошла горничная с подносом.

— ...должны проезжать по окрестностям вашего города, не волнуясь о том, что на них могут напасть, — без запинки продолжал Майлз. — Ну, хорошо, разбойников вы за решетку, допустим, засадите, но можете ли вы гарантировать, что городская молодежь будет вести себя как подобает?

— Гарантировать этого, конечно, нельзя. Разве кто-то когда-то мог такое гарантировать? — отозвался Ловел. Горничная, в страхе вытаращив глаза, поставила на стол поднос. — И все же, за то время, пока я тружусь на своем посту, мы только дважды сталкивались с подобными выступлениями, и оба эти юнца были подвергнуты суровому наказанию и выставлены к позорному столбу, так что я сильно сомневаюсь, чтобы кому-то еще захотелось последовать их пагубному примеру.

Майлз кивнул и вернулся в образ Брэнстока:

— Будем уповать на это. И все же то, что разбойники грабят мирных торговцев чуть ли не рядом с вашим городом, — это никак не может порадовать.

Горничная разлила чай по чашкам.

Ловел широким взмахом руки отмел возражения Брэнстока и заодно повелел горничной удалиться.

— Не сомневаюсь: бейлиф и его люди...

Дверь за горничной закрылась.

— ...очень скоро схватят злодеев и закуют в кандалы, — закончил начатую фразу Ловел и сложился пополам, давясь от хохота. Майлз тоже прыснул.

Отхохотавшись, Майлз вытер с глаз слезы и, покачав головой, проговорил:

— Ну, мы с тобой и шарлатаны!

— Не только мы с тобой, Майлз, — простонал Ловел. — Надеюсь, нас гораздо больше.

Когда ближе к вечеру Брэнсток покинул ратушу, помрачневший Ловел вышел из кабинета и сказал стражникам:

— Как только бейлиф вернется, пусть сразу явится ко мне.

А когда бейлиф вернулся и доложил о том, что поиски злодеев оказались безрезультатными и следы их таинственным образом оборвались, Ловел с тоской в голосе произнес:

— Мы ухитрились упустить кое-какие важные дела, бейлиф, — после чего добросовестно отчитал подчиненного.

Бейлиф, естественно, тут же устроил нагоняй стражникам. В результате к полудню на следующий день в городке уже никто не сомневался, что «торговец Брэнсток» на самом деле никакой не торговец, а самый натуральный инспектор собственной персоной.

Разносчик брел по большой дороге. Горшки и сковородки позвякивали в такт его шагам и песенке, которую он напевал на ходу:

Куда ты, красотка, спешишь?
Куда так, красотка, спешишь?
Постой и послушай,
А вдруг прогадаешь
И мимо любви пробежишь?

Этот куплет он твердил уже целую милю, не меньше, и, признаться, порядком подустал, и вдруг из леса на дорогу выбежали несколько оборванцев и окружили разносчика.

— Было ваше — станет наше! — возопил один из разбойников. — Давай-ка сюда свои горшки и сковородки!

— О, пощадите бедного разносчика, господин! — вскричал бедняга, попятился и налетел на другого разбойника. Тот громко хохотнул прямо ему в ухо и цепко схватил за руку.

— Ладно, так и быть, и тебя прихватим! — крикнул первый разбойник. Злодеи сомкнули круг и повлекли несчастного разносчика к лесу. Тот жалобно ныл, просил отпустить его.

Но когда они отошли от дороги на несколько сотен ярдов, разбойники отпустили разносчика, а их атаман склонил голову в приветствии.

— Приятная встреча, Майлз!

— Спору нет, приятная! — облегченно вздохнул Майлз. — Клянусь. Я уже охрип от этой треклятой песенки! Я-то думал, вы стережете эту дорогу на каждой миле.

— Все верно, на каждой миле, — подтвердил другой разбойник. — Но тебе надо было протопать с полмили до того, как ты прошел мимо меня. Песенку я распознал и понял, что тебе срочно надо с нами переговорить.

— Точно, — снова вздохнул Майлз и сбросил мешок на землю. — Ох, какое облегчение! — воскликнул он и растер затекшее плечо.

— Так что ты хотел нам сказать?

— Передайте в Фиништаун вести: в следующем месяце меняют шерифа Плампкина в городе Дор. Сменить его должен магистрат Гоул, он поедет из деревни Белоу.

— Стало быть, проследует по южной дороге. — Глаза атамана разбойников сверкнули — не так часто выпадала возможность подменить шерифа одним из выздоровевших безумцев. — Встретим, как надо, и подержим, пока из Фиништауна не пришлют подсадного шерифа. А куда отправят Плампкина?

— На север, в Мильтон. Ходят слухи — ему обещано местечко инспектора.

— Вот это да! Дельце предстоит нешуточное! — вырвалось у одного из разбойников.

— Да, это крутой удар по Старому Порядку во имя Нового, — согласился Майлз. — Так что передайте в Фиништаун, чтобы выслали сразу двоих. — Но тут глаза его потускнели. — И еще передайте, чтобы сказали Килете: пусть встречает меня в миле от Грэнтнора.

Кое-кто из разбойников встретил последние слова Майлза непристойными ухмылками, но атаман только сочувственно посмотрел на главаря повстанцев.

— Конечно, Майлз. Не сомневаюсь, у нее для тебя куча новостей.

При этом он мрачно глянул на разбойника, открывшего было рот, чтобы что-то сказать. Тот закрыл рот и перестал ухмыляться.

Ледора потратила немало усилий для того, чтобы подцепить магистрата, но его увела одна из местных девиц — не такая умная, зато более хорошенькая. В итоге Ледоре пришлось довольствоваться местом поварихи на кухне для гвардейцев шерифа. Гвардейцы шерифа представляли собой небольшое войско в тысячу человек. Раскладывая еду по тарелкам, Ледора слышала их разговоры о приболевших товарищах. В свободное время она разыскивала больных и ухаживала за ними, и довольно скоро была назначена сестрой милосердия. Это дало ей возможность оставаться наедине с мужчинами, которые были слишком слабы для того, чтобы приставать к ней с глупостями, но вполне вменяемы для того, чтобы, ухаживая за ними, она могла обронить словечко-другое о том, что они — всего лишь игрушки в руках Защитника, его шерифов и магистратов. Выздоравливая, солдаты задумывались об этих словах. То и дело Ледора слышала, как за едой они обсуждают высказанные ею мысли. Она просто раздувалась от гордости за то, что так успешно выполняет свою работу на благо Нового Порядка, и неустанно радовалась тому, что ей удается справляться с этой работой тайно, без шума — радовалась, пока в один прекрасный день на ее плечо не легла чья-то тяжелая рука.

ГЛАВА 20

Жуткая боль пронзила пальцы под ногтями. Графиня Фогель закричала и очнулась. Она в отчаянии озиралась по сторонам. Каменные стены, дымящие факелы, страшноватые устройства в коричневых запекшихся пятнах и... мужчины в черных колпаках, раздетые по пояс.

Кроме них — высокий худощавый человек с горящими глазами, тоже в черном — черная мантия, круглая черная шляпа, даже камень в перстне — и тот черный. Черный человек наклонился к ней и требовательно проговорил:

— Отвечай, что ты знаешь?

— Я ничего не знаю! — вскричала она. — Как я сюда попала? Злодеи, вы похитили меня!

Черный человек кивнул кому-то, кто стоял за ее головой, — она поняла, что лежит на спине и что ее поднятые руки связаны. И вновь эта страшная боль под ногтями. Она закричала. Черный человек кивнул — боль стихла. Она лежала, задыхаясь от боли и страха.

Человек заметил это и довольно кивнул.

— Скажи мне обо всем, что помнишь, сестра Ледора.

— Сестра? Какая сестра? Чья сестра? Я графиня Фо...

Человек в черном скривился и снова кивнул. Не договорив, женщина дико закричала. На этот раз боль длилась больше, и когда черный мучитель кивком велел мастеру пыток отпустить несчастную, когда стихли ее крики, он посоветовал:

— Погляди по сторонам, и ты убедишься, что бывает боль и посильнее. — Он указал на одно из орудий пытки и пояснил: — Это дыба. Если мы подвесим тебя на ней, ты будешь висеть до тех пор, пока твои кости не станут отрываться одна от другой. А вот это — железный сапог. В нем твоя нога будет томиться много дней, пока ты не начнешь выть от нестерпимой боли. А вот это — железная дева, а это тиски, а это...

Он рассказал ей обо всех страшных орудиях, и от одного их вида она содрогнулась, но все же продолжала протестовать:

— Я — графиня Фогель, я ничего не умею — только танцевать и кокетничать!

— А я — инквизитор Ренунцио, — представился человек в черном и снова кивнул мастеру пыток, и снова нестерпимая боль пронзила ее пальцы. Перекричав несчастную женщину, инквизитор произнес:

— Отвечай, что ты помнишь, сестра!

Сестра...

Ледора обернулась и увидела перед собой суровое лицо бейлифа, которого она прежде никогда не видела. Губы его зашевелились, и она услышала: «Сестра Ледора, я арестую тебя за подстрекательство к измене Защитнику и государству!»

— Я помню сердитого человека, который арестовал меня! — вскричала она.

— Раньше! — проговорил тот самый сердитый человек.

— Раньше... Раньше...

— Ты была сестрой милосердия! — прогремел голос инквизитора.

Да, Ледора была сестрой милосердия, она разговаривала с ранеными солдатами о правах человека и том, что люди должны принадлежать только сами себе, но откуда об этом знать графине Фогель? Наверное, это был сон.

Даже если это был страшный сон.

— Подстрекала ли ты людей к измене? — рявкнул Ренунцио.

— Ледора делала это! — крикнула графиня. — Это Ледора виновата!

— Ты и есть Ледора! Ты изменница! И ты должна понести наказание и муки!

— Я не Ледора! Я графиня...

Ренунцио хлестнул ее по губам тыльной стороной ладони.

— Ты — сестра милосердия Ледора, и ложь тебе не поможет! — Он развернулся и приказал одному из мастеров пытки: — Снять с нее туфли!

Она почувствовала, как с нее грубо стащили туфли, и в страхе закричала. Ренунцио щелкнул пальцами, по ее ступням ударил тонкий прут. Ледора взвизгнула от боли. Она и не знала, что бывает такая боль!

— Что ты говорила солдатам?

Ледора нежно гладила лоб солдата и говорила ему: «Все люди имеют право жить, не боясь, что по приказу Защитника они могут бесследно исчезнуть среди ночи! Все люди имеют право быть свободными: решать, какая работа им по душе, на ком жениться, защищаться, если нападут на них, на их жен и детей! Все люди имеют право на выбор и могут хотя бы попытаться стать счастливыми!»

— Права! — крикнула графиня. — Я говорила им о том, что все люди рождаются, наделенные правами, и что никакое правительство не может отнять у них этих прав!

Один из палачей вздрогнул, глянул на свою жертву, взгляд его глаз под маской стал задумчивым.

— Подстрекательство! — завизжал Ренунцио. — Измена! Кто научил тебя этим мерзостям?

Он вновь щелкнул пальцами.

Прут снова стегнул по босым ступням Ледоры, иголки еще глубже вонзились под ее пальцы, и несчастная графиня Фогель, измученная и напуганная, прокричала первое, что пришло ей в голову...

Она сидела в комнате вместе с множеством других мужчин и женщин — благородными господами и дамами (а кем же еще они могли быть?), а перед ними стоял молодой человек в крестьянской одежде и говорил: «Один за другим мужчины будут уходить отсюда и занимать места магистратов и шерифов. А женщины будут стараться выйти замуж за магистратов и шерифов и исподволь прививать им идеи Нового Порядка. Те же, кому это не удастся, станут сестрами милосердия для солдат шерифов и будут осторожно рассказывать им о правах человека и самоуправлении».

— А чем будешь заниматься ты, Майлз? — спросила одна из женщин.

— Я притворюсь инспектором, — ответил молодой человек. — Буду ходить от магистрата к магистрату, рас-

сказывать вам о наших успехах, помогать там, где в этом будет нужда, или звать подмогу из города.

— Кто подучил тебя? — прогрохотал голос Ренунцио. И снова дикая боль в ступнях и пальцах рук. Графиня прокричала:

— Майлз! Майлз подучил нас!

— Нас? — ухватился за ее последнее слово инквизитор. — Кого еще, кроме тебя? Кого еще?

— Всех господ, всех дам! Графа Лорифа, принца Парслана, великую княгиню Коленкову и...

— Она повредилась умом, бредит... — пробормотал один из палачей.

— Молчать, тупица! — прошипел Ренунцио. — Мне судить, когда она бредит, а когда — нет! Женщина, отвечай! Где этот Майлз, про которого ты говорила?

— Везде! Где угодно! — крикнула она в ответ. — Он — инспектор! Он волен быть, где пожелает!

— Инспектор?! — Ренунцио выпучил глаза, глаза его нехорошо заблестели. — Настоящий инспектор или самозванец?

— Самозванец! Мы все должны были стать самозванцами, каждый господин, каждая дама! Но это был сон, только сон!

Палач замахнулся прутом, готовясь снова ударить Ледору, но Ренунцио поднял руку и предотвратил удар.

— Еще один удар — и от нее не будет никакого толку. Оттащите ее обратно в темницу. Передохнет пару дней, отлежится, и, быть может, мы выжмем из нее еще что-нибудь.

По рядам мятежников прокатилась весть о том, что Ледору схватили. На следующую ночь куда-то непостижимым образом исчезли сразу все сестры милосердия, но солдаты в войсках Защитника говорили исключительно о воинском долге и родном доме. Майлз нарядился нищим и отправился лесом к Фиништауну. Ночью он сидел у костерка и смотрел на пламя, стараясь не думать о страхе, который как бы подбирался к нему со всех сторон из лесной тьмы, не вздрагивать при каж-

дом треске и шорохе, не пугаться уханья совы, возни барсука в подлеске...

Удар! Майлз резко обернулся, машинально выставил руку, чтобы закрыться, и увидел двоих лесничих. Видел он их всего долю секунды, а потом страшная боль взрывом пронзила голову, и он погрузился в теплый, спасительный мрак.

Майлз очнулся с дикой головной болью. Опытный подпольщик, он лежал, не шевелясь, глаза приоткрыл самую малость — смотрел сквозь ресницы. Камень, только серый камень кругом, тусклый свет откуда-то сверху... Толстенная дверь с медными петлями, крошечный глазок на уровне роста человека...

В тюрьме Майлзу до сих пор сидеть не доводилось, но он понял, что он — в тюрьме.

Он продолжал осматривать темницу и вскоре пожалел об этом, поскольку взгляд его упал на долговязого мужчину в черном со злыми глазами, который сидел рядом с ним на низком табурете.

— Ну, ладно, ладно, я вижу, ты очнулся, — проговорил мужчина довольно-таки дружелюбно. — Открывай глаза и приступим.

Майлз лежал, не шевелясь, надеясь, что мужчина блефует.

— Я все слышу: ты дышишь по-другому, — не отставал мужчина в черном. — А я вдоволь насиделся возле изменников, так что разницу как-нибудь замечу, не сомневайся. Давай-давай, ты попусту тратишь время — мое и свое, а... — голос его звучал по-прежнему мягко, даже, пожалуй, обыденно, — ...а времени у тебя осталось, быть может, не так-то и много. Так что давай по-хорошему, открой глаза, а?

Майлз неохотно открыл глаза и порадовался, не заметив поблизости никаких орудий пытки и мерзких злодеев в черных масках.

— Голова болит ужасно, — пробормотал он.

— Болит? Ну, что ж, сочти это уроком, ибо другие части твоего тела заболят куда хуже, если ты откажешься честно отве-

чать на мои вопросы. — Все так же дружелюбно звучал его голос, но от страха у Майлза по коже побежали мурашки. — Меня зовут Ренунцио, — представился мужчина в черном. — И я должен либо объявить тебя изменником, либо даровать тебе жизнь. Увы, выбирать тебе. Меня же гораздо больше устроят правдивые ответы, чем твой изуродованный труп.

Майлз понимал, что отрицать очевидное бесполезно, бесполезно утверждать, что он и не думал ни о какой измене.

— Воды... — прохрипел он.

— Согласен, получишь несколько капель, поскольку если ты не сможешь говорить — какой мне от тебя прок? — сказал Ренунцио, наклонился, поднял с пола оловянную кружку, просунул руку под плечи Майлза и приподнял его с силой, удивительной для субтильного телосложения. Боль волнами прокатилась по голове Майлза, его замутило, перед глазами поплыло. Он бы не поверил, что пьет воду, если бы краешек кружки не впился в его губы. Если бы кружка не наклонилась. Вода полилась в глотку, Майлз закашлялся, чуть не захлебнулся и оттолкнул кружку. Прокашлявшись хрипя, он понял, что Ренунцио был честен с ним: в глотку попало всего несколько капель, а остальная вода выплеснулась на рубаху.

— Это — моя работа, — оповестил его Ренунцио. — Я — опытный шпион, и начал догадываться о существовании заговора, когда стал получать известия о разговорчиках в войсках Защитника. Я нарядился в военную форму и походил среди солдат, послушал эти разговорчики своими ушами и что же я обнаружил? А обнаружил я вот что... оказалось, что солдаты, которые в жизни не сказали дурного слова о Защитнике, прихворнув, попадали в лазарет, а выходя оттуда, взахлеб произносили подстрекательские речи. Изумляться мне, пожалуй что, не следовало. Я всегда полагал, что изменнические настроения — это как болезнь, как зараза, которую подхватить может каждый. Тем не менее я был изумлен и потому притворился хворым, а когда я валялся в лазарете, со мной заговорила сестра милосердия по имени Ледора —

заговорила о странном понятии под названием «права человека». Тебе что-нибудь об этом известно?

Майлз был готов ответить отрицательно, но вспомнил о предостережениях инквизитора и ответил уклончиво:

— Я слыхал, как про это говорили.

— Слыхал, конечно, и сам об этом говорил, и притом громко и долго, не сомневаюсь, но об этом мы поговорим попозже. А сейчас тебе стоит знать единственное: мы арестовали эту женщину и устроили ей допрос. Она, конечно же, все отрицала, хотя я пытался убедить ее в том, что я все слышал собственными ушами из ее уст. Мы воткнули ей под ногти иголки, и тогда произошло нечто удивительное...

В голосе инквизитора появилось оживление, и Майлз поразился тому, с какой готовностью и легкостью тот рассказывает о пытках. Однако он видел: Ренунцио ждет его реакции, и решил, что имеет возможность хотя бы чуточку подшутить над своим мучителем.

— Что именно? — прохрипел Майлз.

— Она сбрендила. Какое-то время мне казалось, что она нас дурачит, но иголочки и прут, которым ее хлестали по босым ступням, — это дело нешуточное, а она все не желала сознаться в том, что она — Ледора. Она упорно твердила, что она — какая-то там графиня, хотя дураку было понятно: она — самая простая крестьянка, хотя... должен признаться, манеры у нее сейчас вполне изысканные.

Сейчас! Значит — жива! Сердце Майлза забилось веселее, но он постарался сохранить на лице выражение тревоги и страха. Собственно, тревожиться и бояться было чего.

— Я мог бы подумать, что она лжет, — продолжал Ренунцио, — мог бы, если бы она не отвечала на каждый из вопросов, которые я ей задавал, хотя уже не было ни иголочек, ни прута. Вопросы я, правда, задавал с предельной осмотрительностью. Спрашивать ее о том, чем она занималась, было бесполезно. Разгадке помогли вопросы о том, что она помнила.

Показной страх Майлза сменился выражением полнейшей обреченности.

Ренунцио наклонился к нему и прошипел:

— Пять лет! Она сказала, что эта гниль разрастается уже целых пять лет! Удивительно, как это еще не все войско прогнило насквозь, — а кто знает, может быть, и прогнило... Понять, насколько глубоко пустила корни эта зараза, было невозможно, поскольку Ледора не успела оправиться к следующему допросу и впала в некое подобие мозговой горячки. Я бы снова мог подумать, что она притворяется, но та же самая хворь напала на всех узников, заточенных в этом крыле тюрьмы, — явно тут какая-то эпидемия. Остался один-единственный повар-храбрец, который согласен носить еду этим полоумным.

Майлз испытал невыразимое облегчение, но он изо всех сил постарался не выказать его. Этот «повар-храбрец» наверняка был приверженцем Нового Порядка и, по всей вероятности, сдабривал тюремную баланду какой-то травкой, из-за которой узники впадали в бредовое состояние, на время теряли рассудок.

Ну, то есть Майлзу хотелось верить, что их помешательство было временным.

Ренунцио склонился еще ближе и проговорил:

— Что ж... если я не могу допрашивать ее — я допрошу *тебя*.

Видимо, Ледора все-таки рассказала Ренунцио что-то еще. Допрашивая Майлза, он время от времени как бы проговаривался, ронял словечко-другое, и из-за этих словечек Майлз обливался холодным потом. Инквизитор был хитер и изворотлив, и Майлз никак не мог понять, сколько же на самом деле ему известно правды. В одном сомневаться не приходилось: сестра милосердия не назвала Ренунцио настоящих имен чиновников-самозванцев: ведь пока самого Майлза не арестовали, до него не дошло вестей ни об одном аресте, а когда он шел по тюремному коридору рядом

с инквизитором, из темниц, где стонали узники, до него не донеслось ни одного знакомого голоса.

Но зачем Ренунцио вывел его из темницы? Позади них шагали двое стражников, Майлз шел рядом с Ренунцио. Сил сопротивляться у него было немного, и с каждым шагом страх сковывал его все сильнее.

— Она рассказала нам и о тебе, само собой, — в десятый раз повторил Ренунцио. — Рассказала, что возглавляет мятежников некто Майлз, выставляющий себя инспектором. Искать нам пришлось довольно долго, как ты, конечно, понимаешь, ибо инспекторы наряжаются кем угодно. Мы схватили сотню бродяг, и представь себе, трое из них оказались самыми что ни на есть настоящими инспекторами, но в конце концов мы разыскали тебя. — Инквизитор ехидно улыбнулся. — Или ты собираешься морочить мне голову и утверждать, что ты не являешься вожаком этой вонючей своры изменников?

Майлз ответил, осторожно подбирая слова:

— Пожалуй, мне не стоит говорить тебе ни слова, Ренунцио, потому что ты не поверишь ничему, кроме того, что тебе хотелось бы услышать.

— О, ты мне все расскажешь, — утробно проурчал инквизитор-стервятник. — А насчет того, что я не поверю, — тут ты жестоко ошибаешься. Сейчас сам убедишься!

Он цепко схватил Майлза за руку костлявыми пальцами и втащил в дверь в самом конце коридора. Стражники вошли следом за ними.

Они попали в страшный сон.

Темница была мрачная и сырая. Мерзко пахло, полыхали оранжевым пламенем несколько очагов, где раскалялись щипцы, железные прутья и прочие инструменты пытки, о назначении которых Майлзу гадать вовсе не хотелось. На столе, в конце которого было прикреплено колесо, лежал человек. Руки его были крепко связаны за головой, он стонал от муки. На нем не было ничего, кроме куска ткани на бедрах.

Ренунцио подошел к мученику и, улыбнувшись, произнес:

— Немножко больно выходит, когда вот так пролежишь всю ночь, правда? Но я обещаю тебе: боль станет еще сильнее, дружок, если ты не скажешь нам того, о чем мы хотим узнать.

Глаза несчастного скосились в сторону очага. Он простонал:

— Скажу все, что вы хотите!

— Ага, стало быть, ты стал покладистее! И все-таки давай удостоверимся в том, что ты будешь говорить правду. Палач, приготовь пыточные тиски!

— Я во всем сознаюсь! Сознаюсь! — вскричал несчастный.

— Сознаешься в том, что ты устроил засаду на Защитника и пытался ударить его мечом?

— Да, да! Я не так глуп, чтобы отрицать это!

— Еще бы ты отрицал, когда это видела целая дюжина стражников, которые потом забили тебя до бесчувствия и приволокли сюда! Но я уж точно не так глуп, чтобы поверить, что ты сам, один-одинешенек прокрался в те кусты, что ты сам выковал себе меч. Кто тебе помогал?

— Никто! — вскричал убийца-неудачник.

Ренунцио щелкнул пальцами. Палач повернул рукоятку тисков, мученик взвыл от боли. Ренунцио махнул рукой. Палач отвернул рукоятку, ослабил давление.

— Кто твои сообщники? Назови их имена, — потребовал инквизитор.

— Я... я не помню, — выдохнул бедняга.

— Сейчас вспомнишь, — мстительно проговорил Ренунцио и злорадно усмехнулся. — Давайте-ка сюда каленое железо, освежим его воспоминания.

Несчастный завопил еще до того, как раскаленное железо прикоснулось к нему, но еще сильнее и ужаснее стал его крик, когда оно коснулось его кожи. Палач отвел железный прут в сторону, а Ренунцио спросил:

— Быть может, Окин Гермейн?

Майлз вытаращил глаза. Окин Гермейн? Это же министр Защитника!

— Кто? — вырвалось у мученика.

Ренунцио снова дал знак палачу.

Откричавшись, несчастный мятежник выпалил:

— Да! Да, это был Окин Гермейн!

— Наглая ложь! — скривился Ренунцио. — Окин Гермейн — самый верный и преданный из министров Защитника! Он бы никогда не дерзнул выступить против своего господина! А теперь говори правду!

Он вновь махнул рукой палачу, тот шагнул к своей жертве.

Пытка и допрос продолжались. Ренунцио играл с беспомощным мятежником в жестокую «угадайку» — то есть это несчастному, распятому на пыточном ложе, приходилось угадывать, соглашаться со своим мучителем или нет. Майлзу становилось все страшнее и мучительнее смотреть на происходящее. В конце концов он начал догадываться о том, что злобный инквизитор нарочно продлевает пытку, чтобы показать ему, насколько она может быть ужасна. Чувство вины переполняло Майлза, но он ничего не мог поделать, чтобы помочь бедняге, облегчить его страдания.

Но может быть, все же мог?

— Хватит! Хватит! — воскликнул Майлз. — Дайте ему умереть! Я скажу вам все, что знаю!

— Не сомневаюсь, скажешь, — осклабился Ренунцио, — но пока — не твоя очередь. — И он вновь дал знак палачу.

Страшнее пыток, сильнее воплей мученика пугало Майлза другое: та радость, которую зрелище страданий жертвы приносила Ренунцио. Но ему ничего не оставалось, кроме как наблюдать за пытками, и он мучился и изнемогал вместе с несчастным. Его вопли выворачивали Майлза наизнанку.

Наконец Ренунцио, видимо, испытал окончательное удовлетворение. Измученный мятежник прохрипел очередной ответ, и инквизитор кивнул.

— Так я и думал, — пробормотал он. — Так я и думал. — Обернувшись к главному палачу, он распорядился: — Подними-

те его с дыбы и подготовьте к казни. — Он поднялся с табурета, вздохнул, потянулся, подошел к Майлзу, цепко ухватил его за плечо и вытолкнул из камеры пыток. Майлз едва держался на ногах. — Пустая трата времени и сил, — признался инквизитор. — Все это его «признание» — скорее всего выдумки, гроша ломаного не стоит его «признание» — так, трепал языком, чтобы избавиться от боли, говорил то, что, как он знал, мне хотелось услышать.

«Знал», потому что Ренунцио заставлял его говорить то, что ему хотелось услышать, — вот что понял Майлз. Инквизитор перечислял имена высокопоставленных чиновников — верховного бейлифа гвардии Защитника, армейского генерала, троих министров, еще кого-то — этого имени Майлз прежде не слышал, но не сомневался, что речь идет о человеке, занимавшем высокий пост. Правда то была или нет, но теперь Ренунцио получил показания, которые мог использовать против них. Наверняка он не станет торопиться с их обнародованием, заявит, что требуются еще более веские доказательства их вины, которые он надеется получить от других узников, но на самом деле будет выжидать, пока ему не представится возможность использовать этим самые «показания» как орудие в непрестанных интригах в высших эшелонах власти, дабы затем самому выхлопотать себе тепленькое местечко. Майлз понял, что Ренунцио метит в министры, но не желает утруждать себя годами рачительного служения и чередой испытаний.

Инквизитор пытливо всмотрелся в глаза Майлза. Глава повстанцев старался сохранять бесстрастное выражение лица, но все же Ренунцио, похоже, что-то заметил, поскольку его глазки весело сверкнули.

— Накопленный опыт доказывает, что подобные злодеи, как правило, затевают покушения в одиночку, — признался он. — Приводят их к такому поступку тоска, горечь, обида или еще какая-то иная причина. Я бы предпочел, чтобы ты во всем сознался добровольно, тогда у меня будет больше оснований поверить тебе.

Однако блеск его глаз, взгляд которых был устремлен к Майлзу, выдавал совсем другие чувства.

— Но зачем же тогда вы так долго терзали его? — внутренне содрогаясь, спросил Майлз.

— Как — «зачем»? Затем, чтобы дать страже время собрать горожан на казнь, естественно! А также для того, чтобы тело его было так изуродовано, чтобы наши добропорядочные граждане ужаснулись, и впредь никто из них не осмелился бы покуситься на жизнь нашего возлюбленного Защитника и вообще не помыслил о нем дурного. Пойдем, ты тоже должен это увидеть!

И Майлз пошел, потому что деваться ему было некуда: стражники тащились за ним и Ренунцио по пятам. Железная дверь, часовые, три пролета лестницы с осклизлыми каменными ступенями, еще дверь толщиной в шесть дюймов, обитая медью, за ней — еще один часовой, темный коридор, новая дверь с маленьким зарешеченным окошком, за ней — двое часовых, а потом — просторный внутренний двор, а дальше — городские кварталы. Три дороги сходились к широкой площади. Площадь была запружена народом. Здесь толпились купцы в мешковатых холщовых рубахах — наверное, их согнали сюда прямо со складов, где хранились их товары, торговцы в заляпанных фартуках, домохозяйки — в фартучках поаккуратнее. Некоторые держали в руках кто поварешку, кто ухват. Самые простые, самые обычные люди... Майлз видел только первые шеренги солдат, выстроившихся позади толпы вдоль ближнего края площади, но он знал, что солдаты повсюду, что это они согнали народ на площадь из домов и лавок.

Горожане либо затравленно молчали, либо приглушенно переговаривались. Ренунцио дал знак стражнику, стоявшему на высоком балконе с железным поручнем, а тот дал знак толпе. То тут, то там начали раздаваться выкрики:

— Изменник! Изменник!

Остальные горожане, понимая, в чем спасение для них самих от ареста, стали подхватывать эти выкрики, и вскоре кричала уже

вся площадь. Крик нарастал, начал жить как бы сам по себе, и даже те люди, которым было ненавистно устроенное сборище (а таких было большинство), сами не заметили, как начали вопить вместе с остальными — со злостью и даже — о ужас! — с радостью:

— Изменник! Изменник! На виселицу изменника!

Ренунцио ухватил Майлза за шею и заставил поднять голову.

— Смотри! — прошипел инквизитор, и Майлз не мог не повиноваться. Взгляд его так и так был прикован к вершине крепостной стены.

Там из стены торчал железный брус, а с его конца к парапету свисала веревка с петлей. Стражники подтолкнули к краю стены еле державшегося на ногах человека, набросили петлю ему на шею. Один стражник ударил его в живот, несчастный согнулся пополам от боли и хотел этого или нет, но увидел разверзшуюся под ним пропасть глубиной в пятьдесят футов. Это был убийца-неудачник. Он страшно закричал от страха, но крик его стал поистине душераздирающим, когда тяжелый сапог другого стражника толкнул его с такой силой, что он перелетел через парапет и повис на веревке, затянувшейся на его шее. Крик его сразу затих.

В последнее мгновение Майлз дернулся, стараясь отвести взгляд, но Ренунцио держал его крепко.

— Вот она — твоя судьба, — прошипел он с присвистом, — если только ты не скажешь мне того, что я желаю узнать.

Майлз смотрел на болтавшееся на веревке тело несчастного мятежника, на его кровоточащие раны и ожоги — следы пытки каленым железом.

— Да, — прошептал он, ненавидя себя лютой ненавистью. — Да, я скажу вам. Я скажу вам все.

— Вот и славно, вот и умница, — оскалился Ренунцио и ласково потрепал Майлза по спине, после чего развернул его обратно, к тюрьме. Главарь повстанцев испытывал жуткое, ни с чем не сравнимое чувство вины: он подозревал, что Ренун-

цио не стал бы так долго и изощренно мучить несчастного, не старайся он заставить Майлза сдаться.

Но это ему, конечно же, не удалось. Майлз столь же старательно разыгрывал собственное представление, сколь Ренунцио — свое. Он вовсе не ожидал, что инквизитор будет долго догадываться о том, что исповедь Майлза — всего-навсего вымысел, нечто наподобие баллады, какую бы смог спеть менестрель, но чем дольше бы Майлзу удалось протянуть время, тем меньше его соратников было бы схвачено властями.

Он понимал, что революция проиграна, что ей конец. Они проиграли, не успев нанести ни одного удара Защитнику. Его последний приказ гласил: всем бежать в леса и горы. И чем больше он будет играть с Ренунцио в его игру, тем больше мятежников спасется.

Майлз вскрикнул — его груди коснулся раскаленный докрасна железный прут. Эта боль оказалась куда страшнее той, от которой он страдал целые сутки — целые сутки он был растянут на дыбе по приказу Ренунцио.

Страшное жжение немного утихло. Майлз увидел, как палач отводит в сторону раскаленный прут. О ужас! Он и не ведал, что бывает такая боль!

— Не верю ни единому слову, — хмыкнул Ренунцио и, сверкая глазами, уставился на Майлза. — Город в лесу, набитый умалишенными? Чушь! Бред собачий! Неужели ты думаешь, что я дурак набитый, чтобы поверить в такие россказни?

— Но это правда! — вскричал Майлз. — Рыцари исцелили их от безумия, научили, как стать магистратами и шерифами, и послали, чтобы они подменили настоящих магистратов и шерифов!

Губы Ренунцио в отвращении скривились. Он махнул рукой палачу, и дикая боль пронзила ступни Майлза. Он не видел и не понимал, каким орудием пытки воспользовался палач, но от боли чуть было не лишился чувств. Инквизитор заметил это и дал палачу знак. Тот плеснул в лицо Майлза ледяной водой. Это

было настолько неожиданно, что вместо того чтобы прийти в себя, Майлз чуть было снова не потерял сознание, но заставил себя держаться, о чем жестоко пожалел.

— Чем дальше, тем хуже, — сердито прошипел Ренунцио. — Сначала — город, населенный полоумными идиотами, а теперь еще — двое рыцарей, которые ухитрились волшебством избавить этих придурков от безумия. Мало того — ты еще болтаешь про какой-то дух, который обитает в стене и за считанные месяцы обучает идиотов тому, на что настоящие чиновники тратят лет по двадцать! Повразумительнее ничего не можешь придумать, дорогой мой Майлз?

Вот это «дорогой мой» было противнее и страшнее всего: муки Майлза превращали его в истинное сокровище в глазах Ренунцио, испытывавшего истинное наслаждение от зрелища его страданий. Между ними как бы устанавливалась некая связь.

— Я... Я... попробую, — прохрипел Майлз. За страхом боли он прятал волнение. Он так и рассчитывал: для начала говорить правду в уверенности, что Ренунцио ему ни капельки не поверит. Честно говоря, не переживи Майлз всего этого сам, он бы тоже решил, что ему морочат голову детскими сказками.

Он взвизгнул от боли в руке — боль была резкой, но краткой, но тут же стиснул зубы. Эта боль оказалась пустячной по сравнению с тем, что он уже перетерпел.

— Это так, мелочь, чтобы привлечь твое внимание, — пояснил Ренунцио. — Ну, так давай вернемся к этим двоим рыцарям. Как их звали?

— Сэр Дирк Дюлейн, — выпалил Майлз. — И сэр Гар Пайк.

Ренунцио нахмурился. Майлз напрягся, приготовился к новой пытке, но инквизитор только задумчиво изрек:

— «Гар Пайк» — это ты, пожалуй, врешь, но «Дирк Дюлейн»... в этом имени что-то есть. Ну и где же они теперь, эти двое главных изменников?

— Вернулись туда, откуда появились, — ответил Майлз.

Глазки Ренунцио полыхнули мстительным огнем.

— Это куда же? — мурлыкнул он.

Майлз вдохнул и выдохнул. Его ответ инквизитору явно не должен был прийтись по сердцу.

— К звездам. На летучем корабле.

Физиономия Ренунцио окаменела, глаза метали молнии. Он поднял руку, готовясь дать знак палачу...

И тут кто-то оглушительно громко забарабанил в дверь камеры пыток.

Ренунцио раздраженно обернулся, опустил руку, кивнул стражнику, и тот отпер дверь.

На пороге стояли двое стражников. Один — такого высокого роста, что ему пришлось пригнуться, когда он переступал порог, а второй — стражник как стражник. Майлз заставил себя изобразить гримасу ужаса, но на самом деле сердце его забилось чаще от радости и надежды на спасение.

— С какой стати вы дерзнули оторвать меня от работы? — сердито проворчал Ренунцио. — Какое такое у вас ко мне важное дело?

— А дело такое, что у нас приказ имеется: вы должны доставить узника к самому Защитнику, — отвечал тот стражник, что был пониже ростом. — И притом — безотлагательно!

Майлз облегченно вздохнул.

ГЛАВА 21

Гвардеец-великан протиснулся в дверь и встал позади своего товарища.

— Еще чуть-чуть, и этот мерзавец рассказал бы мне все, что я... что хотел бы узнать Защитник! — гневно вскричал Ренунцио. — Зачем он ему понадобился именно сейчас? Поразительно неудачное выбрал время!

Майлзу показалось, что выбор времени как раз был на редкость удачен.

— Я вопросов задавать не привык, — пояснил гвардеец ростом пониже. — Поднимите узника, пожалуйста.

Уязвленный палач начал было развязывать веревки, которыми был опутан Майлз.

Но Ренунцио предостерегающе взметнул руку.

— Подождите! Я не обязан исполнять приказ, пока не увижу его собственными глазами! Покажите мне приказ в письменном виде, стражники!

— Да пожалуйста, если вам невтерпеж... — хмыкнул невысокий гвардеец и, вытащив из-за пояса свиток, шагнул к дыбе и подал бумагу Ренунцио. Тот, ворча, развернул свиток.

Но тут гвардеец стукнул его по голове каким-то небольшим предметом. При ударе послышался чавкающий звук. Глаза Ренунцио выкатились из орбит, и он, свалившись с табурета, упал. Бумага, покачавшись в воздухе, легла на пол рядом с ним. Майлз успел прочитать на ней одно-единственное слово: «Сюрприз!»

Происходящее стало сюрпризом и для главного мастера пыток, но он быстро пришел в себя и с гневным криком бросился к нежданным пришельцам.

Но драки не получилось. Мастера пыток были мужчинами крепкими — на диво крепкими и жестокими, — но они привыкли избивать людей, связанных по рукам и ногам, которые при всем желании не могли дать им сдачи. А вот гвардейцы, наоборот, были опытными воинами. Им-то как раз было не привыкать драться с теми, кто умеет отбиваться, — словом, палачам пришлось столкнуться с закаленными бойцами.

Гвардеец, что был пониже ростом, блокировал замах главного палача и изо всех сил заехал ему кулаком в солнечное сплетение, из-за чего тот громко охнул и сложился в три погибели. Тогда к гвардейцу рванулись с воплями двое подмастерьев главного палача, но на помощь товарищу подоспел его

спутник-великан. Ловко обхватив шею первого мастера пыток рукой, он швырнул его на пол. Его друг развернулся к другому, который шел на него с раскаленными добела щипцами, шарахнул по щипцам алебардой, быстро перехватил ее и треснул палача по макушке рукояткой.

Великан стащил колпак со своей упиравшейся жертвы и отвесил палачу с десяток затрещин ручищей размером с суповую тарелку. Голова палача запрокинулась, глаза закатились.

А тот гвардеец, что был ростом пониже, уже развязывал Майлза.

— Вне всякого сомнения, — проговорился великан, — всякие намеки на то, что Дирк имеет какое-то отношение к отречению от престола старого короля, — это наглая ложь.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — вырвалось у Майлза, — но вы не представляете, как я рад вас видеть!

— Ну, почему же? Представить нетрудно, — кивнул Гар, задумчиво уставился в пол, постоял недолго и вытащил из сумки на боку маленький флакончик. — Это немного ослабит боль.

От его прикосновения боль всколыхнулась с новой силой. Майлз, скрипнув зубами, сдержал стон. Дирк сосредоточенно раскручивал какое-то пыточное устройство над головой у Майлза. Покончив с этим, он осторожно взял несчастного за руки и бережно опустил их. Майлз облегченно застонал.

— Прости, — сказал Гар. — Но снадобье сработает лучше меня.

— Нет, нет! Я застонал оттого, что руки мои снова при мне, — заверил друга Майлз и понял, как смешно это прозвучало. Но не успел он пояснить, что имел в виду, как Гар выпрямился, закрутил пробку на горлышке флакончика и убрал его в сумку. Жгучая боль в ступнях у Майлза мгновенно утихла. — Какое блаженство! — воскликнул он.

— Несколько дней ходить тебе будет нельзя, — проговорил Гар с плохо скрываемым возмущением. — Ну, давай, поднимайся. Эта постелька нам понадобится для другого паци-

ента! — Он подхватил Майлза на руки и перенес на табурет, где прежде сидел Ренунцио. — Ноги приподними.

Дирк поддержал Майлза, а Гар поднял с пола инквизитора — совсем не так бережно, как старого товарища, — и уложил на пыточное ложе. Майлз прикусил язык и не стал говорить ни слова поперек: он знал, что сейчас произойдет.

И, естественно, Гар связал руки и ноги Ренунцио и стал поворачивать колесо. Он вертел его до тех пор, пока бесчувственное тело не дернулось от боли. Гар отступил от дыбы, оценивающе глянул на дело своих рук и заключил:

— Маловато будет, пожалуй.

— Гар, — дрожащим голосом проговорил Дирк. — Ты не можешь поступать так низко.

— Ну, еще капельку, и будет в самый раз, — решил Гар. Он повернул колесо еще на две отметки и удовлетворенно кивнул. — Кости целы, ему не больно — пока. Но когда он очнется — не возрадуется. Заткни-ка ему рот, Дирк.

Он отвернулся, и Майлз понял: Гар не хочет сам затыкать рот Ренунцио кляпом из боязни придушить инквизитора со злости. Дирк оторвал от полы хламиды Ренунцио полосу ткани и завязал ею рот мерзавца. Отошел в сторону, прикинул на глаз и предложил:

— Может быть, стоит все-таки кляп скатать да поглубже засунуть, в глотку?

Откуда-то у Майлза взялись силы возразить другу:

— Не надо. Пусть его найдут стражники. Твое милосердие подействует на них лучше, чем моя месть.

— Здравая мысль, — согласился Дирк и вытащил из своей сумки банку с мазью и свернутый бинт. — Пожалуй, о твоих руках тоже стоит позаботиться.

Пока Дирк перевязывал руки Майлза, Гар привязал главного палача к стулу, прибитому к полу под ведром с дырочкой в днище. Из этой дырочки каждые две секунды на макушку падало по капле воды. Майлз оглянулся и увидел, что двое

подмастерьев заплечных дел мастера уже привязаны к другим орудиям, с которыми прежде управлялись сами. Гар отошел в сторону и полюбовался своим произведением.

— По-моему, очень даже аккуратненько и со вкусом. Рты им завяжи тоже, ладно, Дирк?

Дирк занялся этим, а Гар вернулся к Ренунцио и, встав рядом с дыбой, пристально уставился на инквизитора. Тот застонал и заворочался — вернее, попытался заворочаться. Поняв, что связан, он окаменел, глаза его выпучились. Он с первого взгляда понял, что произошло, и уставился на возвышавшегося над ним великана, рука которого покоилась на ободе пыточного колеса. Ренунцио замер в страхе.

Гар заметил это и довольно кивнул.

— Ладно, этого наказания с него пока вполне достаточно. Оставим его здесь, и ты будешь судить его, Майлз, как только мы установим Новый Порядок.

Взгляд Ренунцио метнулся к Майлзу, встретился с его взглядом — спокойным, взвешенным — и глаза его наполнились ужасом.

— Хватит с него, — заключил Гар и решительно отвернулся. — Никто не стал бы нас винить, если бы мы его колесовали или четвертовали, но за то, что ты оставишь его на милость правосудия, уважать тебя будут больше. А теперь — вперед, пока на дворе ночь! Пора вытащить тебя из этой мерзкой дыры!

Дирк достал из мешка форму гвардейца, и они с Гаром помогли Майлзу переодеться в нее, что доставило ему немало боли. Затем Гар заботливо поднял главаря мятежников, уложил себе на плечо, Дирк отворил дверь камеры пыток, а Гар в последний раз обернулся и бросил взгляд на Ренунцио.

— Радуйся тому, что судить тебя будет Майлз, мерзавец, а не я. Ему хотя бы ведомо, что такое жалость.

С этими словами он развернулся и шагнул в коридор. Дирк закрыл дверь камеры пыток и фыркнул:

— Показуха!

— Я предпочитаю производить неблагоприятное впечатление, именно производить, — подчеркнул Гар. — И, руку на сердце положа, скажу: если бы мне пришлось решать его судьбу, злость могла бы вынудить меня к невиданной жестокости.

— Могла бы, — уточнил Дирк.

— Ничего невозможного нет, — напомнил другу Гар, — включая и здешнюю революцию... но об этом поговорим позже, когда окажемся под покровом леса.

Пройдя первый лестничный пролет, они наткнулись на часового. Тот сурово сдвинул брови и поинтересовался:

— А чего это он своими ногами не идет?

— Да поработали над его ногами, — коротко и двусмысленно отозвался Дирк.

— Ну ладно, мне-то что? Спина твоя, не моя, — пожал плечами часовой и отпер дверь. — Давайте, проходите.

Они вышли, и Майлз в полном изумлении оглянулся на часового, но тут понял, что Гар всем часовым поведал ту же самую «легенду», что и охранникам у пыточной камеры. Но часовые, охранявшие наружные двери, — это ведь совсем другое дело: если Гар должен был доставить узника к Защитнику, ему следовало всего-навсего подняться вверх по лестнице. Почему же часовые расступились, не говоря ни слова? Если на то пошло, то почему они пристроились сзади и пошли следом за Дирком и Гаром? Майлз выгнул шею изо всех сил, стараясь заглянуть в глаза часовых, и вдруг чуть было не закричал от удивления и радости — он узнал своих соратников из Фиништауна! Томлин подмигнул Майлзу, и тот, набравшись храбрости, подмигнул ему в ответ.

При каждом шаге Гара желудок Майлза был готов вывернуться наизнанку, поэтому он несказанно обрадовался, когда великан усадил его на лошадь.

— Ты просто обхвати бока коня коленями, — посоветовал Майлзу Гар. — Стремян ступнями не касайся — они у тебе не раньше чем через несколько дней подживут.

Гар развернулся, отошел и легко взлетел на высокого, могучего серого жеребца. Дирк и часовые последовали его примеру. Последним к ним присоединился мужчина, который все это время держал коней под уздцы.

— Как вы ухитрились так быстро собрать ударный отряд? — удивленно спросил Майлз, когда они тронулись с места.

— Не так быстро вышло, как нам хотелось, — угрюмо буркнул в ответ Дирк. — Мы приземлились несколько дней назад, но почти весь первый день пробирались по лесам до города, а потом разыскивали магистрата — нашего агента. Когда разыскали, быстро собрались, попросили лошадей, а тут как раз пришли вести о том, что ты арестован. В одном только мы сомневались — продержишься ли ты под пытками достаточно долго для того, чтобы твои агенты успели сделать ноги.

— Мы заверили магистрата, что ты продержишься, — продолжил рассказ Гар, голос которого тоже звучал хмуро, — прихватили его с собой и поскакали к столице. По дороге, устроив засаду, захватили несколько солдат Защитника, собрали еще кое-кого из магистратов — а они уже как раз вещички укладывали — и прямо перед тем, как въехать в крепость, сменили одежонку. Нас никто не остановил, а часовых у дверей тюрьмы мы быстренько выключили. На все про все ушло два дня.

— И все-таки у вас очень быстро получилось, да и поспели вы вовремя, — восхитился Майлз. — Поверьте, я просто не знаю, как вас отблагодарить!

— Да не сказал бы я, что мы вовремя поспели, — буркнул Дирк.

Майлз решил не уговаривать друга, не говорить, что они с Гаром ни в чем не виноваты. Что он мог поделать, чтобы развеять тоску Дирка?

— Значит, революции конец?

— Вовсе нет, — торопливо возразил Гар. — Все наши подсадные магистраты покинули свои посты, это верно, но на

время своего отсутствия они передали свои полномочия писарям. Те агентши, которые играли роли жен магистратов, неожиданно узнали печальные вести о болезни своих тетушек или бабушек, за которыми некому поухаживать, и под этим благовидным предлогом тоже снялись с насестов. Сестры милосердия бежали в леса, как только стало известно об аресте Ледоры, и, насколько мы знаем, только с десяток наших людей угодили в лапы шпионов Защитника.

Майлз шумно облегченно вздохнул.

— Ну, стало быть, я все-таки продержался достаточно долго.

— Это точно, и зубы врагам заговаривал превосходно, так что тебя не успели слишком сильно изуродовать, — отметил Гар, не скрывая восхищения.

— Я тут ни при чем, — возразил Майлз. — Скорее всего Ренунцио просто жутко хотелось переиграть меня, — признался он. — Итак, значит, большинство наших агентов по-прежнему в строю и готовы выступить по первому нашему зову... но что мы теперь можем поделать?

— Прежде всего надо понять, какими силами мы располагаем, — отозвался Гар. — Сколько магистратов и шерифов вы успели подменить?

— Почти половину, а большинство оставшихся женились на наших агентах, — ответил Майлз.

— Превосходно! Сколько же это приблизительно получится наших на сотню?

— Семьдесят восемь, — отозвался Майлз, не задумываясь. — Из оставшихся двадцати двух у двенадцати на службе состоят стражники и гвардейцы, которые готовы встать на нашу сторону вместо своих господ.

— Ну, сестрицы милосердия, ну, умницы, вот так постарались! — воскликнул Дирк с неподдельным восхищением.

— Тут дело, наверное, и в том, что в целительстве они соображают получше лекарей Защитника, — усмехнулся Майлз. —

Ну, в общем, эти ребята тоже за нас — и даже половина солдат из войска Защитника будет сражаться за нас, а не за него.

Дирк восторженно присвистнул, а Гар изумленно проговорил:

— Да у вас поистине фантастические успехи, Майлз!

Майлз просто расплылся в улыбке от такой похвалы.

— Да я что? Я только приглядывал, чтобы все делали так, как вы велели, дорогие мои учителя. Но что мне теперь сказать моим людям?

— Что сказать? Так ведь при таком количестве агентов, стражников и гвардейцев, состоящих у них на службе, у вас, можно считать, настоящее войско, пусть и небольшое! Пошли весточку, и пусть все выступают в поход на Мильтон!

— Вы только не забывайте, что о подобных передвижениях шпионы Защитника непременно известят своего повелителя, — напомнил друзьям Дирк. — Да и солдаты, верные ему, у него все-таки еще остались. Они будут следить за дорогами.

— Значит, надо сказать, чтобы передвигались под покровом ночи, — мрачно проговорил Гар, — а вперед высылали лесничих. Наткнутся на солдат — пусть хватают их и переодеваются в их форму.

— Стало быть, солдат придется убивать? — спросил Майлз, вытаращив глаза.

Гар не ответил ему.

— Так или иначе, все это продлится всего несколько дней, — постарался утешить Майлза Дирк.

У Майлза по спине побежали мурашки. Они все равно могли проиграть, и цена проигрыша могла оказаться страшной!

Но Гар неожиданно кивнул:

— Убивать не обязательно. Связать и оставить под охраной. Руки-ноги у них, естественно, затекут, но не более того. Живы останутся. Берите пленных, Майлз, но помните: захватывать их вам придется в бою, и будут жертвы с обеих сторон!

— Но пусть этих жертв будет как можно меньше, — вздохнул Майлз. — Как можно заверять людей в том, что

несешь им свободу, если их попутно убиваешь? Я скажу своим людям, чтобы раненым оставляли жизнь.

— Что ж, пожалуй, ты прав, — пожал плечами Дирк. Они оставили позади последний дом, и он обернулся. — Вот одно из преимуществ централизованной власти: ни один из городов не обнесен стеной. Мы покинули город и уже едем, так сказать, по сельской местности, господа.

— В таком случае самое время разослать гонцов по округе, — заключил Майлз и повернулся к «часовым», ехавшим позади. — Вы все слышали и все поняли?

— Да, предводитель, — кивнул один из «часовых». — Всем агентам выступить на Мильтон. Передвигаться по ночам, вперед, на разведку, высылать лесничих. Быть начеку насчет патрулей Защитника, по возможности снимать их, пленных связывать, возле них оставлять охрану. Наверное, стоит их кормить и поить, — добавил он под конец.

Майлз кивнул.

— Верно излагаешь, — похвалил он. — Вперед, передайте эту весть всем, кому сумеете!

— Слушаемся, предводитель! — отозвались все пятеро и погнали своих лошадей галопом во тьму.

Майлз натянул поводья своего коня и застыл в седле. Луна освещала его неподвижную фигуру.

— Что случилось? — осторожно негромко спросил Дирк.

— Началось, — отозвался Майлз, не веря себе самому. — Ведь правда — началось!

— Началось-началось, — проворчал Гар. — И теперь вас никому не остановить.

— Но можно остановить! — воскликнул Майлз. — Я еще мог бы разослать другие вести, мог бы велеть прекратить наступление, вернуться в Затерянные Города!

— Мог бы, — медленно проговорил Гар. — И что тогда?

— Ну... городками и деревушками продолжали бы управлять писари, а Защитник бы узнал о том, что половина его

магистратов и шерифов исчезли. Тогда он назначил бы новых и выслал своих шпионов, чтобы они... — Голос его сорвался.

— Нашли ваших агентов и стали их пытать, пока те не сознаются, куда подевались остальные их сообщники, а когда всех изловят, всех и казнят, — завершил за Майлза его мысль Дирк. — А потом в Затерянных Городах расквартируют гарнизоны, установят круглосуточное патрулирование в лесах и на Пустошах, и тогда уж точно надо будет навсегда расстаться даже с мыслью о возможности революции, не говоря уже о победе.

— Да я... я и не думал о том, чтобы все бросить, — смущенно пробормотал Майлз. — Я это просто так сказал — ну, приятно думать, что можно было бы все повернуть вспять.

— В жизни настает момент, когда нужно либо решиться, — сказал Гар, — либо захлебнуться в сожалениях. — Он легонько похлопал Майлза по плечу. — Ну, выше нос! Сомневаться не стоит — победа будет за нами, и притом — малой кровью! Тот чародей, что говорил с безумцами и исцелил их, — носитель мира и покоя, по крайней мере он старается быть именно таким! А теперь тебе решать — победить или погибнуть, так что уж лучше ты постарайся победить, я тебя очень прошу!

Орогору и Гильда ехали рядом по ночной дороге. То, что магистрат решил ехать верхом, а не в карете, заставило его подчиненных удивленно вздернуть брови, но никто не посмел и словом возразить ему. И все же детские предрассудки брали свое, и Орогору с Гильдой ехали так близко друг к другу, как могли, и держались за руки, при этом испуганно поглядывая по сторонам.

— Нам следует быть начеку — в любой миг мы можем наткнуться на людей Защитника, — пробормотал Орогору. Гильда поняла намек и кивнула.

И вскоре они разглядели на фоне придорожных теней темные фигуры. Орогору прошептал проклятие и натянул поводья лошади

Гильды. Незнакомцы повернули головы, испуганно вскричали и обнажили мечи. Орогору придержал своего коня, выхватил меч. Страх сковывал его, но все же он храбро сжимал меч.

Гильда, стараясь успокоить его, легонько коснулась его руки.

— Кто вы такие? — негромко обратилась она к незнакомцам.

— Мы — магистраты Лофту и Граммикс, — откликнулся кто-то из незнакомцев, опасливо выговаривая каждый слог. — А вы кто?

Орогору торопливо убрал меч в ножны и радостно, почти истерически, расхохотался.

— А мы — Орогору и Гильда, глупенькие! А вы думали, мы кто? Принц Приммер и графиня д'Алекси?

Двое вылечившихся безумцев облегченно рассмеялись и, пришпорив коней, поспешили навстречу друзьям. Когда они радостно обнялись и расцеловались, Лофту спросил:

— Но разве вы не получили приказ Майлза? Женщинам велено возвращаться в Фиништаун и держать оборону — на тот случай, если нам придется отступать.

— Приказ я получила, — отвечала Гильда с железной решимостью. — Но я не смогу ни есть, ни пить, ни жить, гадая, жив Орогору или погиб.

— Мы тоже, — прозвучал голос за спиной у мужчин, и к ним подъехали Лала и Энни.

Гильда весело рассмеялась и обняла подруг.

— Пожалуй, пора трогаться, — сказал Лофту.

— Верно, а новостями обменяемся по пути. — Сказав это, Орогору недвусмысленно глянул на женщин. Если бы у них была возможность задержаться, они бы проболтали всю ночь напролет. Он повернул своего коня на север и спросил: — Так ты сумел жениться на Лале?

— Нет, но она вышла замуж за магистрата в соседней деревне — его зовут Дюмарк, и он человек в высшей степени

порядочный. Как только мы получили известие о выступлении, Лала решила, что будет лучше, если она отправится навестить захворавшую тетушку.

Орогору мрачно кивнул.

— Ей было бы лучше и в том случае, если бы мы проиграли.

— Но мы не проиграем, — заявил Лофту с непоколебимой уверенностью. — Нас не меньше, чем настоящих чиновников, и среди стражников, и в гвардии наших людей хватает.

Но Орогору понимал, что стражники и гвардейцы шерифов не станут воевать с солдатами войска Защитника — они с детства бывали на «службах», которые проводили магистраты и во время которых всем и каждому старательно прививалась мысль о том, что в стране существует справедливая власть и что все добропорядочные граждане обязаны этой власти повиноваться.

— Ходят слухи, будто бы почти половина войска Защитника — на нашей стороне, — добавил второй мнимый магистрат.

Душой — да, но будут ли они телом с повстанцами, когда дойдет до драки? Даже если солдаты верили, что дело повстанцев — правое, дерзнули ли бы они пойти против своих сослуживцев, когда в спины бы им уткнулись острия мечей офицеров? Об этом Орогору мог только гадать и радоваться тому, что он — не один из тех солдат, кому в тяжкий миг придется решать, на чьей стороне воевать.

Но если бы действительно дошло до драки, можно было утешить себя хотя бы тем, что все мятежники освоили азы боевых искусств под руководством Гара и Дирка. Числом они превзойдут солдат, но оружия у них не было. Как ни крути, исход восстания был неясен. Могли пролиться реки крови, и Орогору всем сердцем желал, чтобы его возлюбленная Гильда была подальше от кровопролития, за стенами Фиништауна.

Они ехали по темному ночному лесу и негромко переговаривались, пока на развилке не заметили всадников.

— Кто идет? — послышался оклик.

— Магистраты Майлза, — откликнулся Орогору, опередив товарищей.

Всадники облегченно рассмеялись и, подъехав к соратникам, одарили мужчин увесистыми хлопками по спине.

Вот так они и продвигались вперед под покровом ночи, и отряд их с каждой развилкой, с каждым скрещением дорог вырастал. В это же время по всей стране точно так же по ночным дорогам ехали и шли пешком подсадные чиновники, собираясь в отряды, а затем — в полки. Как только занималась заря, войска повстанцев прятались по лесам и оврагам. Пока одни спали, другие стояли в дозоре, надежно спрятавшись.

Гильда трясла его за плечо.

— Орогору!

Орогору мгновенно проснулся, вытаращил глаза на мгновение и встретился взглядом с женой, надеясь, что прочтет в ее глазах спокойствие. А сердце его от волнения готово было выскочить из груди.

— Что?!

— Приближается целый эскадрон всадников, и все они в форме войска Защитника!

— Не буди пока остальных, — машинально проговорил Орогору, решив, что спящих труднее заметить. Сам же он перекатился на живот и выполз из низины, где они остановились на ночевку. Раздвинув высокую, густую придорожную траву, он увидел кавалеристов.

Их было с десяток — все, как на подбор, высоченного роста и бородатые. Правда, ехавший во главе эскадрона командир ростом явно не вышел, да и комплекцией тоже. Форма на нем сидела так, словно была с чужого плеча.

— Шпион Защитника, — прошептал Орогору Гильде. — Возглавляет патруль, потому что он-то знает, кого искать.

— Они могут искать нас? — еле слышно вымолвила Гильда.

— Не исключено. Вообще шпионы с патрулями разъезжают редко.

— Что же нам делать?

— Проследим, куда они проедут, — шепнул Орогору, — и посмотрим, вернутся или нет.

Они лежали тихо, как мышки. Патрульный эскадрон проехал мимо и вскоре исчез вдали. Гильда облегченно вздохнула, а Орогору вдруг зазнобило. Чтобы скрыть это, он глянул на солнце и сказал:

— Скоро полдень. Мне пора в дозор, а тебе надо лечь поспать, милая.

Гильда отползла в низину, но вид у нее был неуверенный.

Орогору положил руку ей на плечо и нежно проговорил:

— Поспи, отдохни, любимая. Пока мы не доберемся до Мильтона, опасность нам не грозит. Ты сама это прекрасно понимаешь.

Хотел бы он это понимать...

Как бы то ни было, Гильда, похоже, решила внять его увещеваниям. Она вздохнула, улеглась на траву калачиком и, зевнув, прикрыла рот ладонью. Орогору смотрел на спящую жену и ощущал прилив величайшей нежности, гадая, почему это чувство охватило его именно сейчас.

Но потом он вспомнил, что ему следует следить за дорогой.

В этот день в дозоре стояло немало других мужчин и женщин. Они замечали проезжавшие по дорогам патрульные отряды Защитника, следили за тем, куда те направляются, и сообщали об этом своим товарищам, когда с наступлением темноты те собирались вместе, чтобы продолжить путь. Разогревали еду, ели, пили, а потом снова уходили во тьму по потаенным тропкам, не забывая приглядываться и прислушиваться — не нагрянут ли солдаты Защитника.

На первый патруль отряд Орогору наткнулся вскоре после того, как взошла луна. Солдаты стали лагерем у реки. Догора-

ли походные костры, усталые лошади, устало опустив головы, дремали. Вокруг большого костра стояли небольшие шатры, в дозоре стоял один-единственный часовой. Он медленно вышагивал по кругу.

Орогору знаком приказал своим людям остановиться и шепотом проговорил:

— Нас двадцать, а их десятеро. Сделаем так: к каждому шатру подойдут по двое, выдернут шесты, а потом завернут солдат в полотно.

Все согласно кивнули. Кое-кто был мрачен, другие злорадно ухмылялись, а Лофту спросил:

— Может быть, мне снять часового?

Орогору хотел было ответить, но его опередила Гильда:

— Ты сделаешь это, но подождите, пока я сыграю свою роль.

С этими словами она отвернулась. Лофту непонимающе посмотрел на нее. Не понял замысла супруги и Орогору, но сейчас было не время и не место спорить. Мятежники привязали лошадей и осторожно пошли вперед. Остановились, когда каждому стал хорошо виден лагерь. Разбившись на две половины, разошлись, огибая шатры с разных сторон полукругом.

Часовой ходил, не торопясь, и Гильда вышла из-за деревьев на залитый лунным светом пятачок прямо перед ним. Часовой остолбенел от изумления и испуга, а Гильда зашагала к нему, кокетливо виляя бедрами.

— Здравствуй, солдатик, — проговорила она негромко, гортанно, с хрипотцой.

Часовой совладал с собой и ответил так же тихо:

— Здравствуй, красотка. Что это ты бродишь по лесу среди ночи?

— Да лошадь у меня охромела, вот и крадусь по лесам. Боюсь разбойников, только все-таки надеюсь...

И тут за спиной у часового возник силуэт Лофту. Ловкий удар ножом — солдат дернулся, в изумлении вытаращил глаза, но они тут же закатились, и он повалился наземь ничком.

Орогору был потрясен находчивостью жены. Пару мгновений он стоял, не в силах пошевелиться, но потом изумление сменилось гордостью. Он должен был не посрамить Гильду, доказать, что достоин ее. Орогору махнул рукой товарищам и медленно пошел первым в сторону шатров.

Разбившись по двое, мятежники встали у шатров в ожидании сигнала Орогору. Он поднял руку, резко опустил и выдернул шест, поддерживающий шатер с одного края, из земли. Его спутник сделал то же самое с противоположным шестом, и полотно шатра легло на землю, накрыв собой спящего солдата. Мятежники опустились на колени и быстро подоткнули края полотна под спину спящего. Тот проснулся и завопил от испуга. Ему вторило с десяток голосов по всей поляне, за криками испуга последовали ругательства, но все без толку: мятежники ловко поворачивали беспомощных солдат с боку на бок и в итоге закутывали их в полотно, словно в коконы.

— Стой! — прозвучал чей-то злобный окрик.

Орогору окаменел, но нашел в себе силы обернуться.

Какой-то худощавый мужчина в темной форме обхватил Гильду за талию одной рукой, а во второй он сжимал нож, и острие этого ножа упиралось в шею любимой Орогору. У Орогору екнуло сердце: это был не кто иной, как шпион Защитника. Он спал в стороне от солдат, услышал крики и прибежал! Гильда вырывалась, ругалась, но шпион держал ее так крепко, словно руки у него были железные, и кричал:

— Отойдите прочь от этих шатров и поднимите руки вверх, иначе она умрет!

ГЛАВА 22

Орогору вскочил и в одно мгновение отошел от шатра. Он поднял руки вверх. Ему было так муторно, так жутко, но пусть речь шла о жизни и смерти — он не мог рисковать и

поступить так, чтобы из-за этого пострадала Гильда. Немного погодя его примеру последовали и другие мнимые магистраты, а солдаты, пометавшись, выпутались из своих «коконов», повскакивали на ноги. Некоторые из них тут же схватились за алебарды и с криками ярости замахнулись на мятежников, но один из солдат развернулся и нацелил острие своей алебарды между глаз шпиона.

— Отпустите ее, капитан! — прокричал он.

Шпион вытаращился, не веря своим глазам и ушам, и к Орогору вернулась надежда.

— Взять их! — крикнул он, и подсадные магистраты яростно бросились на солдат. Одни боролись с ними, стараясь отобрать у них алебарды, а другие мигом оказывались за спинами у солдат с ножами наготове. Дружный удар — и солдаты повалились на землю. Мятежники снова принялись закатывать их в полотно. Солдаты брыкались, размахивали кулаками и ухитрились-таки повалить кое-кого из мятежников, но остальные оказались более удачливы. Через несколько минут на поляне воцарилась тишина, нарушаемая только приглушенными стонами.

Но шпион по-прежнему стоял, готовый вонзить нож в горло Гильды, и в упор смотрел на дерзкого солдата.

— Ты... изменник, Мулл?

— Я не согласен жениться ни на ком, кроме моей Мод, капитан, а ее хотят выдать за другого, — упрямо заявил солдат. — Лучше пусть меня вздернут на виселице за измену, чем я стану всю жизнь томиться в темнице или мучиться в рабстве за то, что отказался жениться на нелюбимой.

Брызгая слюной, шпион прошипел:

— Будь ты проклят, раз так!

С этими словами он запрокинул голову. Его нож взлетел, перевернулся в воздухе и устремился к солдату. Тот вскрикнул и отскочил в сторону, а Гильда пригнулась и резко выпрямилась. Шпион, взвыв от неожиданности, перелетел через ее голову и шмякнулся наземь. Орогору в мгновение ока оказался

рядом с ним и нанес удар ножом. Шпион дернулся и обмяк. Орогору поспешно повернулся к Гильде.

Но она уже стояла на коленях возле солдата.

— Лежи смирно, дружок! Это всего лишь царапина, но все-таки ее стоит перевязать!

— Спасибо вам, добрая женщина, — с широко раскрытыми глазами проговорил Мулл.

— Спасибо тебе — ты спас мне жизнь и нашу надежду на лучшее! — улыбнулась Гильда и разорвала рукав формы солдата в том месте, куда угодил нож. — Да, всего лишь небольшой порез. Орогору, дай-ка спирта! — Она взяла поданную Орогору бутылочку и предупредила раненого: — Пощиплет немного, но зато уж рана точно не загноится. Отвлеки его, Орогору!

Отвлечь? У нее бы это гораздо лучше получилось! Но все-таки Орогору предпринял мужественную попытку:

— Ты на нашей стороне, солдат. Почему?

— Да все потому, все так... как я сказал. Я слыхал, будто вы хотите объявить, что каждый имеет право быть... о-о-о-ой! — счастливым, ну и... само собой, имеет право... на все, что значит «счастье», так что... — Мулл запнулся, с дрожью выдохнул: Гильда начала перевязывать его рану. — Так что я не мог позволить капитану помешать вам.

— Ты стойкий и храбрый воин! — воскликнул Орогору и пожал здоровую руку солдата. — Мы будем всегда благодарны тебе, а если мы одержим победу, твое имя останется среди имен героев!

— Да какой я герой? — отмахнулся Мулл. — Врать не стану... честно говоря, я бы лучше всю ночь до утра в шатре проспал, да и на виселицу мне совсем даже неохота. Но мне невмоготу было бы увидеть, как вместе с вами погибнет моя надежда на счастье.

— Ну вот! — Гильда закончила перевязку и помогла Муллу сесть. — Будешь показывать шрам своим внучатам, Мулл, и хвастаться!

— Внуки у меня, добрая женщина, родятся, только если я женюсь на своей возлюбленной, — вздохнул солдат и залюбовался тем, как Орогору обнял Гильду, которая только теперь, после того как была на волосок от гибели, дала волю слезам. Орогору прижал ее к себе, гладил по голове, шептал слова утешения. — Да, — кивнул Мулл, — если мне так же повезет, как вам, будут у меня и детишки, и внуки. Спасибо, что поухаживали за мной, добрая женщина.

— Пока это самое малое, чем мы могли тебе помочь, — сказал Орогору. — Хотелось бы помочь больше.

— Ну, так...

Орогору отстранился от жены, выпрямился.

— Говори!

— Так и так я — покойник, господин, если вы не победите, так что... нельзя ли мне пойти с вами?

Вот так шли они, по проселкам и тропам, — люди, родившиеся в крестьянских семьях, но выросшие в уверенности о том, что они — аристократы. А потом, излеченные от болезненных иллюзий, ставшие мнимыми магистратами. Они устраивали засады и хватали патрульных, призванных схватить их самих, спасали друг друга, когда патрульных оказывалось слишком много для одного небольшого отряда мятежников. Уже пятьдесят три человека из числа магистратов и их соратников погибли во время столкновений с патрулями Защитника, но с каждым днем повстанцы были все ближе и ближе к столице, и число их возрастало за счет стражников, бейлифов и гвардейцев шерифов, прослышавших про мятеж и тайком пробиравшихся к отрядам подпольщиков. Через неделю Мильтон окружило войско в три тысячи человек и еще семь тысяч были на подходе.

Майлз нервно расхаживал из угла в угол по полутемному складу неподалеку от городских ворот.

— Для нас уже наверняка заготовлено не меньше тысячи западней! Шпионы донесли Защитнику о мятеже!

— Вряд ли, — заверил товарища Дирк. — Ты же велел нашему агенту — повару с кухни Защитника кормить и поить инквизитора и палачей и всех заверять в том, что им попался на редкость крепкий орешек, а потому их нельзя беспокоить и отвлекать от работы — и потом, кто станет совать нос в дела тайной полиции?

— Все равно — Ренунцио наверняка уже докладывал Защитнику о мятеже!

Дирк усмехнулся.

— Прости. Я забыл рассказать тебе о том последнем проклятии, которым Ренунцио одарил меня до того, как я завязал ему рот.

Майлз обернулся, вытаращил глаза.

— Проклятие? Какое проклятие?

— Он пожелал мне провести остаток жизни в страшных снах, без крошки хлеба и глотка воды, — ухмыльнулся Дирк, — за то, что мы явились до того, как он донес на нас Защитнику.

Майлз, утратив дар речи, не мигая смотрел на Дирка, а Гар кивнул и сказал:

— Такие уж они люди, эти бюрократы. Порой подолгу копят «хорошие» новости, собирают побольше, вместо того чтобы рассказывать о них своим начальникам понемножку. С докладом являются только тогда, когда положение дел способны обрисовать во всех подробностях, когда оно у них в руках. Тогда они в состоянии продемонстрировать свою власть и компетентность. Как правило, они надеются за счет таких великих подвигов на трудовой ниве получить повышение по службе, и порой это им удается.

— Так вы что же, хотите сказать, что Защитник пока и слыхом не слыхивал про наш мятеж?

— Ну... мы не можем быть целиком и полностью уверены в том, что Ренунцио не проговорился об этом в разговоре с кем-нибудь еще, — предупредил Майлза Дирк. — Очень может быть, что все же не удержался и похвастался своими достижения-

ми, но я так не думаю. Он из тех людишек, которые с крайней неохотой делятся своими успехами с начальством, поскольку боятся, что тогда вся слава начальству достанется.

— Безусловно, — отметил Гар, — не исключено, что кто-нибудь уже успел освободить Ренунцио, вытащил его из камеры пыток, но не думаю, чтобы он сумел сообщить что-то вразумительное.

— Хочешь сказать, что мы до сих пор действуем тайно?

— Я в этом совершенно уверен.

— Еще бы, — осклабился Дирк.

Майлз с трудом верил собственным ушам. Но вдруг тяжкая ноша как бы спала с его плеч, исчез камень с острыми краями, который, как ему казалось, перекатывался у него в животе. Он вздохнул полной грудью и решил, что полутемный склад — совершенно очаровательное местечко. Сквозь маленькие оконца в башенках на крыше пробивались солнечные лучи, рассеянный свет придавал волшебные очертания грудам мешков и горам бочонков. Воздух полнился ароматами десятков всевозможных специй. Майлза вдруг охватило чувство невыразимого восхищения, и он искренне пожалел о том, что сейчас рядом с ним нет Килеты.

— Но чем дольше мы будем выжидать, тем больше вероятность того, что из провинций придут вести о том, что поразительно большое число магистратов решило одновременно уйти в отпуск, — изрек Гар, встав с рулона бархата, на котором сидел. — Твои гонцы докладывают, что вокруг города сейчас разместились три тысячи человек, а наши лазутчики в войске Защитника сообщают о том, что численность солдат диктатора — две с половиной тысячи человек плюс сотня городских стражников. Полагаю, пора начать наступление.

Майлз уставился на великана. Дивное чувство тут же вытекло из него, как вино из проколотого бурдюка.

— Еще семь тысяч человек на подходе, — напомнил Гару Дирк. — Если мы выждем еще день, нас станет намного больше, и это будет нам очень даже на руку.

— У замка Защитника — высокие стены, а его гвардейцы вооружены алебардами, пиками и арбалетами, — парировал возражение друга Гар. — Внезапное нападение даст нам больше преимуществ, чем численное превосходство, да и крови прольется меньше.

Последнее замечание пришлось по сердцу Майлзу.

— Если так погибнет меньше народу, стоит рискнуть, — решительно проговорил он. — Ты прав, Гар. Надо атаковать.

Глаза Гара сверкнули. Он явно гордился этим человеком, которого они превратили в вождя повстанцев.

— На том и порешили, значит, — кивнул он. — Скажи гонцам, чтобы передали магистратам: пусть будут готовы войти в город в полночь.

Майлз нахмурился.

— Но ведь их схватит стража!

— Да ну? — прищурился Гар. — А может, наоборот?

Первые двадцать магистратов прибыли днем, переодетые крестьянами. Как только свечерело, они попрятались в проулках между домами, а когда стемнело окончательно, вышли на охоту.

Появился патруль, поравнялся с выходом из проулка. Стражники уныло переговаривались на ходу:

— «Повышенная боевая готовность» — шериф сказал, — буркнул один из них. А все из-за чего? Только из-за того, что с юга, видите ли, топают тысячи людей!

«Магистраты», притаившиеся среди ночных теней в проулке, понимающе переглянулись.

— Вот-вот, а нам-то какое дело до того, что где-то в ста милях от города какая-то толпа? — проворчал второй стражник.

— Толпа? — хихикнул третий. — Это ж магистраты! Нашли толпу! Чтобы эти индюки загордившиеся толпой собрались? И вроде говорят, будто идут потолковать с Защит-

ником из-за того, что им чего-то там не по нраву насчет женитьбы.

— Магистратам-то чего из-за женитьбы переживать? — пробурчал четвертый стражник. — Уж они-то почаще женятся, чем остальные, если на то пошло!

— Да болтают, что вроде как не нравится им жениться так, как они женятся. Получше хотят, — вступил в разговор пятый стражник. — Как бы то ни было, но тысячу солдат на юг отправляют.

— Вот-вот, — подхватил шестой. — Бейлиф говорит, это для того, чтобы сопроводить...

Засевшие в проулке лазутчики не сумели дослушать эту фразу до конца — большей частью из-за того, что как раз в это мгновение они вышли из проулка и точными, ловкими ударами ребром ладони по шее уложили на мостовую четверых стражников. Оставшиеся двое обернулись, раззявили рты от изумления и испуга, а магистраты подскочили к ним и ткнули их под ребра сложенными и вытянутыми пальцами. Стражники, не в силах проронить ни звука, сложились пополам, а «магистраты» добавили и им рубящих ударов по затылкам, после чего почти бесшумно втащили стражников в проулок и принялись их связывать.

— Значит, шпионы все-таки отправились на вылазку среди ночи и обнаружили остальных наших, — пробормотал один из мятежников.

— Да, но, похоже, они изобрели достаточно вескую причину для визита в столицу, и это поможет на какое-то время запутать дело, — возразил второй.

— И самого Защитника запутать, — добавил третий. — Не захочет же он одним махом казнить всех своих чиновников, если от них особой беды не ожидает.

— По крайней мере об истинной нашей мощи они пока не догадываются, — заключил первый. — Иначе бы не решили, что тысячи человек хватит, чтобы нас усмирить.

— Тысячи? — хмыкнул четвертый мятежник. — Почему — хватило бы, если бы им предстояло столкнуться с настоящими магистратами. Эти бы были вооружены одними дубинками, да и в драке соображают похуже любого солдата. Тогда бы эти солдаты объявили, что являют собой почетный караул, но всем было бы ясно, что на самом деле они следят за каждым шагом магистратов.

— Ну, стало быть, на нашу долю завтра выпадет на тысячу солдат меньше, — заключил первый. — Так, ладно, мы со своим патрулем управились, пошли теперь, пора выбираться на главную улицу.

Подобные сцены происходили по всему городу. Порой стражникам удавалось позвать на помощь, и тогда «магистратам»-налетчикам приходилось отступать назад, во тьму проулков, но только после того, как они оставляли на мостовой поверженных гвардейцев в качестве приманки для очередного патруля. Время от времени мятежникам попадались стражники половчее, и хотя в итоге победа все равно доставалась налетчикам, они тоже несли потери. Двум патрульным отрядам вообще удалось одолеть мятежников, после чего стражники опрометью бросились к замку Защитника, крича:

— Тревога! Тревога!

Однако добежать до замка им не было суждено. Дюжина отрядов налетчиков их утихомирила. Когда все было кончено, потери врагов составили двоих убитыми и с полдюжины ранеными, но все остальные были живы, хотя на поправку здоровья у них должно было уйти по нескольку дней.

Тем временем налетчики уже подбирались к скучавшим на своих постах дозорным, охранявшим подходы к главной улице и выходы из города. Столица стеной обнесена не была, поэтому между домами и складами с окраин в город могло прокрасться сколько угодно народу. Защитнику не было нужды переживать из-за этого — ведь главная улица надежно охранялась, да и по остальным всю ночь ходили патрули. А заста-

вы на главной улице существовали исключительно для того, чтобы брать пошлину с прибывающих в город купцов и проверять пропуска у всех добропорядочных странников. Заставами перегораживали подходы к главной улице на закате. Если кто-то прибывал в столицу позже, ему приходилось коротать ночь в какой-нибудь гостинице на окраине, а по своим делам отправляться с утра.

Заставы, естественно, охранялись часовыми, и хотя три тысячи мятежников могли бы подобраться к замку и по боковым улочкам и проулкам, по главной улице они могли дойти дотуда гораздо легче и быстрее, посему налетчики бесшумно подкрадывались к часовым и ловкими ударами сбивали их с ног. Пара-тройка часовых ухитрилась-таки обернуться в неподходящий момент и ранить своими алебардами еще двоих-троих мятежников, при этом успев крикнуть. Но с других сторон на них набросились подоспевшие налетчики и уложили и этих часовых.

Когда взошло солнце, все стражники до единого лежали связанные и стонали в кладовых и на складах, но за каждым из них заботливо ухаживал кто-нибудь из мятежников — мужчина или женщина: перевязывали раны, поили и заверяли в том, что, хотя им придется денек поголодать, на следующее утро их отпустят, если, конечно, все пойдет хорошо. Ну а если нет, то пленным пришлось бы ждать свободы немного дольше.

С рассветом проснулся и Защитник. Человек он был заносчивый и высокомерный, но он имел на это некоторое право: да, он был сыном Защитника и внуком Защитника, но гордился тем, что сорок лет добивался того, чтобы завоевать этот пост трудом, а не только по наследству: карьеру свою он начал магистратом небольшого городка. Его братьям не удалось подняться так высоко, и они по-прежнему жили в том самом городке, но по крайней мере состояли в постоянных браках и находились на одном месте, так что у Защитника была возможность приглядывать за ними. Но то, чего он добился в

жизни, стоило ему немалых трудов: он вставал вместе с солнцем и до полуночи сидел за письменным столом или не покидал зала для аудиенций. Он следил за всем, что происходило в его государстве, и непрерывно издавал указы по поводу всевозможных то и дело возникающих проблем.

Так вот: рано утром, когда камердинер Защитника раздвинул шторы в спальне своего господина, он застыл у окна в полном изумлении. Лучи солнца упали на Защитника, в этот миг вставшего с постели.

— Что там такое, Валард? — сдвинув брови, спросил он.

— Да площадь, Защитник! Там полным-полно народу!

— Дай-ка я взгляну!

Защитник оттолкнул Валарда и поспешно подошел к окну, чтобы посмотреть на площадь под окнами своего дворца. Он увидел целое море голов, увенчанных остроконечными шляпами магистратов, лица которых были обращены к дворцу и взгляды которых выражали ожидание.

Защитник молча, не шевелясь, смотрел на них. Затем он, пылая царственным гневом, отвернулся от окна.

— Проклятие! Как это им удалось проскользнуть мимо моих часовых! И что им тут, если на то пошло, понадобилось? Нет-нет, Валард, я понимаю, что ты об этом ничего не знаешь... но помоги же мне поскорее одеться! Я должен немедленно выйти к ним и выяснить, чего они хотят!

Таков был характер Защитника: первым его порывом было — лицом к лицу столкнуться с опасностью, что его ожидала. Только затем, немного подумав, он распорядился:

— Скажи начальнику гвардии, чтобы он выставил своих солдат вокруг площади, у библиотеки, казны и канцелярии, отправил отряды по прилегающим улицам: пусть окружат площадь со всех сторон. Да и на дворцовой стене пусть караул выставит.

Он почти выбежал из гардеробной в самой своей нарядной мантии. На груди его ослепительно сверкала цепь власти. За

ним еле поспевал начальник гвардии, на ходу дослушивавший последнее из потока распоряжений:

— ...и пусть ждут меня в зале для аудиенций! — закончил свой приказ Защитник. Начальник гвардии поклонился, развернулся и поспешил исполнять приказы, а Защитник на ходу спросил у первого попавшегося чиновника: — Как обстановка в провинциях?

— Мы только что получили известие, Защитник, — скороговоркой протараторил тот. — Мятежные магистраты повели толпы народа на замки шерифов в Аутэне, Грабеле и Белоргиуме...

— Это же три четверти государства!

— Да, Защитник, но шерифы со своими гвардейцами отбили их. Недовольных там была всего горстка, и горожане сами дали им отпор.

Защитник торопливо кивнул:

— Это хорошо. Вот если бы и жители этого города додумались дать отпор этим бунтовщикам... Открыть двери!

Камердинер распахнул застекленные двери, и Защитник вышел на балкон. Как только он ступил за порог, ему показалось, будто бы он наткнулся на прочную звуковую стену. «Свобода! Равноправие!» — скандировала толпа. «Свобода! Равноправие!» Защитник попятился. У него закружилась голова, он тяжело дышал. Камердинер поскорее закрыл двери, а Защитник ошеломленно пробормотал:

— О чем это они, проклятие, орут? Какое равноправие? Существует одно-единственное право! Как может быть больше? И что это еще за чушь — «свобода»? Свобода для каждого — это хаос и прямая дорога к страданиям! — Совладав с собой, он рявкнул: — Кто научил их всей этой чепухе?

Ответа не воспоследовало. Мгновение в покоях Защитника царила непроницаемая тишина. А потом вошел лакей и растерянно произнес:

— Защитник... в зале для аудиенций вас ожидают трое... и один из них — в мантии магистрата... Желают поговорить с вами об «общих заботах» — так они сказали.

— «Заботах»? — выпучил глаза Защитник, сдвинул брови и прокричал: — Да уж, им есть, о чем позаботиться! Как они проникли в зал для аудиенций?

— Ни... никто не знает как, господин, — промямлил лакей. — Их там обнаружили те, кого вы послали, чтобы они вас ждали там.

Защитник, остолбенев, гневно взирал на лакея. Впервые он ощутил, как к нему подкрадывается самый настоящий страх. Он прогнал это ощущение, развернулся на каблуках и со злорадной ухмылкой поспешил в зал для аудиенций.

Размашисто шагая, он вошел в зал, а за ним следом вбежали лакеи и стражники. Войдя, Защитник резко остановился. Взгляд его был полон праведного гнева. В просторном зале с высоким, в пятнадцать футов, потолком на возвышении стоял похожий на трон стул Защитника. Вдоль одной стены тянулась длинная скамья, вдоль противоположной — ряды стульев. Возле стульев стояли трое. Двое из них казались карликами в сравнении с третьим — настоящим великаном. Росту в нем было, пожалуй, все семь футов. Одет он был по-военному — в дублет и обтягивающие лосины, но солдатского мундира на нем не было — только рыжевато-коричневая куртка. Один из мужчин пониже ростом был одет примерно так же, только куртка у него была зеленая, а на третьем была мантия магистрата.

Напротив незваных гостей шеренгой стояли министры, наряженные еще более пышно, чем одевались шерифы и магистраты. Их важный вид вселил в сердце Защитника надежду и уверенность. Он знаком велел лакеям и стражникам удалиться, подозревая, что все, что сейчас будет сказано, не должно обратиться в слухи.

Сержант, командир гвардейцев, помедлил.

— Господин... но как же ваша безопасность...

— Меня защитят министры! Уходи!

Физиономия сержанта яснее всяких слов показывала, с какой неохотой он покидает зал, но он таки вышел. Защитник сделал в уме заметку: вот человек верный и дисциплинированный.

Как только за сержантом закрылась дверь, Защитник развернулся к пришельцам.

— Как вы сюда попали? — гневно вопросил он.

— Мы вошли сюда ночью, — ответил тот, что был одет как магистрат.

— Вошли ночью? В замок Защитника? Но как вы ухитрились пройти мимо моих часовых?

— Очень осторожно, — пояснил тот, что был в зеленой куртке.

Защитник прищурился. Все его чувства словно льдом сковало. В такие игры ему не раз доводилось играть, а эти наглецы в сыновья ему годились. Вряд ли они сумеют превзойти его в искусстве ведения дипломатических переговоров.

— Кто вы такие? — требовательно вопросил Защитник.

— Меня зовут Майлз, — отвечал мужчина в мантии магистрата. — А это мои спутники, Гар и Дирк.

— Что у вас общего с этим сбродом на площади?

— Это не сброд, Защитник. Это люди, которые верой и правдой служили вам на постах магистратов и шерифов целых пять лет.

Так, значит, и шерифы тоже взбунтовались! Это не на шутку потрясло Защитника, но он ничем не выдал себя.

— Зачем вы явились сюда?

— Затем, чтобы переговорить с вами, Защитник, об управлении страной, которое нас очень заботит.

— Тонко сказано, — поджав губы, отметил Защитник. — Но когда я слышу требования, я понимаю, что это именно требования, а не что-нибудь еще. А толпа ваших сторонников на площади мне сообщила, что это за требования — это «свобода»,

из-за которой государство неминуемо будет разорвано в клочья, и «равноправие», что бы это ни означало!

— Это означает, что мы полагаем, что людям следует гарантировать их безопасность в форме письменного документа, Защитник, в виде основных законов государства. В этом документе должны быть оговорены права людей на то, что они могут решать сами за себя, на то, к чему их не вправе принудить никакое правительство.

Это заявление заставило Защитника содрогнуться. Он не сдержался и ахнул от изумления.

— Вы же хотите лишить всякой опоры Закон Государства!

— Нам кажется, что это необходимо, — чуть ли не извиняющимся тоном проговорил Майлз.

— В таком случае я велю выстроить для вас самые замечательные виселицы на свете, ибо по земле еще не ступала нога более страшных изменников! Вы должны понимать, что я никогда не соглашусь на такие перемены! Скорее я умру!

Наконец подал голос великан.

— Надеемся, что последнее не понадобится, господин.

Защитник развернулся к нему. Глаза его метали молнии.

— Да! Советую вам думать, что это не понадобится, но ваша жизнь и ваша смерть — это совсем иное дело!

Тут в переговоры вступил второй спутник магистрата.

— Если бы вы послушали, о каких правах мы ведем речь, Защитник, вы, быть может, сменили бы гнев на милость. Требования, по сути, довольно умеренные и скромные.

— Если эти ваши «права» выбивают почву из-под ног у государственной власти, их никак не назовешь «скромными»! — рявкнул Защитник и снова прищурился. — Но я выслушаю вас. Что там у вас за требования?

— Во-первых, мы требуем, чтобы все люди имели право на счастье.

Защитник задумался, нахмурился, поискал в этом требовании злой умысел, хитрую уловку.

— По-моему, это вполне безвредное требование, — ворчливо проговорил он. — Что еще?

— Чтобы каждый имел право выбирать себе супругу или супруга, чтобы правительство не могло никого заставлять вступать в брак против воли.

— Но ведь при таком законе сразу станет много таких, кто вообще не пожелает жениться и выходить замуж!

— Верно, Защитник, — спокойно кивнул Майлз. — Появится много людей, которые сочтут, что одиночество менее мучительно, чем брак без любви.

— Но тогда в государстве станет рождаться меньше детей! А это значит, что упадут урожаи, в казну станет поступать меньше податей!

— Да, людей станет меньше, но это будут счастливые люди, — сказал тот, кого звали... кажется, Дирк. — А у счастливых людей дети рождаются, пожалуй, чаще.

В этих словах звучал соблазн. Защитник нахмурился и решил подумать над высказыванием Дирка на досуге.

— Над этим можно подумать. — «А мятеж из-за этого затевать вовсе не стоило». — Что еще?

В глазах Майлза загорелся огонек надежды.

— Чтобы всякий был волен молиться, кому захочет, и исповедовать любую религию, по своему усмотрению.

Защитник мгновенно насторожился.

— Что такое «религия»?

— Вера в единого бога или в нескольких божеств. А молитва — это мысленное обращение к богу.

— Выдумки, фантазия, — скривился Защитник и упер руки в бока. — Но и здесь я особого вреда не вижу, покуда люди не станут верить в то, что эти самые «боги» существуют на самом деле. Что еще?

— Следующее требование проистекает из предыдущего. Если люди обретут право исповедовать любые религии, они обретут и право говорить об этом с другими людьми. Так что

каждый человек должен иметь право говорить обо всем на свете, лишь бы это не вредило другим людям.

— Людям? — уцепился за последнее слово Защитник. — А власть — это люди?

— Нет, — честно признался Майлз.

— Стало быть, вы хотите наделить всех и каждого правом осуждать власть в стране — и самого Защитника?!

— Исключительно в качестве официального лица, представителя власти, — поспешно уточнил Дирк. — Никто не будет иметь права вмешиваться в личную жизнь Защитника.

— Чушь, чепуха! Личная жизнь Защитника — это то, насколько хорошо или дурно он правит страной; то же самое относится к министрам, шерифам и магистратам!

Министры ожили, начали приглушенно переговариваться.

Защитник усмехнулся. Недовольство министров его порадовало.

— Нет, молодые люди, последний пункт ваших требований меня не устраивает! Что еще вы можете мне предложить?

— Требование о том, чтобы каждый имел право на жизнь и безопасность и чтобы правительство не могло отнять у человека ни то ни другое без суда и вердикта сограждан.

— «Сограждан»? — воскликнул Защитник. — Это что еще за бредни? Вердикт выносит магистрат!

— Магистрат и будет выносить вердикт — в рамках закона, разумеется, — ответил Майлз. — Но решать, виновен обвиняемый в совершении преступления или нет, будут присяжные, простые граждане.

— Ах вот как? И с какой же стати орда пахарей разберется в том, виновен обвиняемый или невиновен, лучше, чем подкованный в законах магистрат?

— Суд присяжных — гарантия того, что никто не будет обвинен по воле одного-единственного человека, он послужит обеспечением защиты граждан от произвола власти.

— Да ну? А произвола сограждан вы не опасаетесь? Самосуд вас не пугает? Только не пытайтесь убедить меня в том,

что таких случаев не было! Я их знаю предостаточно — когда толпа была готова казнить невинных, а спасали их от неминуемой гибели именно магистраты! Нет, на это требование я согласиться не могу, увольте, но буду рад поговорить об этом более подробно в другой раз.

— Быть может, ваши горячие возражения продиктованы тем, что данный закон, ограничивая власть магистратов, ограничит и власть Защитника? — поинтересовался Дирк.

Защитник побагровел.

— Интересы государства я принимаю близко к сердцу, молодой человек, и мне дорог каждый гражданин! Если все ваши остальные требования о так называемых «правах» столь же глупы, можете собирать какие угодно толпы, но ответ мой будет — «нет»!

— Вы не выслушали нашего последнего требования, — попытался урезонить Защитника Дирк. — Позволите ли вы нам изложить его?

— Да, — сердито бросил Защитник.

— Это требование о том, чтобы никто не имел права никого пытать. Ни по какой причине, ни под каким видом.

— Отменить пытки? И как же мы тогда заставим преступников говорить правду? — вскричал Защитник.

— Пытками правды не добиться, — заверил его Майлз. — За счет пыток добиваются единственного: люди говорят то, что от них желают услышать их истязатели.

— То есть пытками мы добиваемся чистосердечного признания вины, о чем и так уже знаем! Нет, на это я тоже не могу согласиться! — Защитник рубанул рукой по воздуху, чем, видимо, желал показать, что аудиенция закончена. — Довольно! Теперь я вижу, что большая часть ваших «прав» — это орудия, способные нанести огромный вред государству, способные, быть может, даже разрушить его! Нет, я не соглашусь выполнить ни одно из ваших требований, не согласятся и министры! Переговоры окончены! Велите вашей толпе расходиться! Пусть все отправляются по домам!

— Боюсь, не получится, господин, — не моргнув глазом, отозвался Майлз.

— Неужели? — ледяным тоном произнес Защитник. — И что же вы намерены предпринять?

— Если придется, господин Защитник, мы арестуем и вас и ваших людей, а ваш замок займут представители новой власти.

ГЛАВА 23

Защитник запрокинул голову и расхохотался — грубо, хрипло.

— Ну, вот, наконец-то мы докопались до истины. Вовсе не благо народа заботит вас! Вам нужна моя власть и мой замок! Но править страной — это не так легко, как вам кажется, молодой выскочка!

— Я знаю, — сдержанно отвечал Майлз. — Я пять лет служил инспектором. А каждый из тех, что собрались на площади, не меньше года проработал на посту магистрата или шерифа. Многие и по пять лет служили.

Инспектор в искреннем изумлении вытаращил глаза.

— Ты? Служил инспектором? В твоем-то возрасте?

— Да, господин.

— Чушь несусветная, мальчишка! Кто же назначил тебя инспектором?

— Я сам и назначил, господин. Мы похитили настоящего инспектора. И я занял его место.

Защитник не сводил глаз с Майлза. Он побледнел и проговорил еле слышно:

— А те... на площади?

— Они также участвовали в похищениях магистратов и шерифов, господин, и также занимали их места.

— Невероятно! Нельзя стать магистратом, не потратив несколько лет на учебу!

— А нам хватило нескольких месяцев, — улыбнулся Майлз. — Я учился тайно, но очень усердно, и мои товарищи тоже.

— Немыслимо! Кто же тебя обучал?

— Хранитель Затерянного Города Фиништауна. А также присутствующие здесь Гар и Дирк.

Взгляд Защитника метнулся к Гару, его глаза стали подобны окнам, сквозь которые глядела сама смерть.

— Вот как! Так, значит, это ты — распространитель скверны, поразившей мое государство!

— Да, эта честь принадлежит мне, — ответствовал Гар с легким поклоном. — Брошенное семя быстро укоренилось, поскольку почва тут у вас отличается завидной плодородностью.

— Хочешь сказать, что народ был готов поверить тому, что вы ему внушали, — но невежественные люди всегда с готовностью верят в ложь! Я прикажу повесить вас на крепостной стене, а потом велю изрубить ваши тела на куски, чтобы каждому магистрату досталось по косточке в виде амулета!

— Боюсь, это у вас не получится, Защитник.

— Неужто? Почему же не получится? — прорычал Защитник. — Надеюсь, вы не рассчитываете на то, что этот сброд, эти самоучки, что торчат под окнами замка, выстоят против моих солдат?

— Примерно на это я и рассчитываю, — с безмятежной улыбкой отозвался Гар.

— Ну, так полюбуйся на собственное поражение, глупец! — вскричал Защитник, шагнул к застекленным дверям и распахнул их настежь. В открытую дверь тут же ворвались возгласы толпы: «Свобода! Равноправие!» Но Защитник, не обращая внимания на крики, вышел на балкон и выхватил из широкого рукава мантии ярко-желтый шарф. Он махнул им, и людское море по краям площади вскипело: из боковых улиц выбежали солдаты. Распах-

нулись ворота замка, оттуда выскочили отряды гвардейцев и принялись прокладывать себе дорогу пиками и алебардами. Толпа ответила испуганными криками, втянулась в глубь площади. Солдаты напирали со всех сторон.

— Твои выкормыши могли притворяться чиновниками, — язвительно проговорил Защитник, — но притвориться бойцами они не смогут.

— Притвориться не смогут, — согласился Гар. — Им придется драться не понарошку.

И как только он произнес эти слова, повстанцы пошли в контрнаступление. Они начали отбирать у солдат алебарды, а многие из солдат неожиданно развернулись и стали сражаться против своих соратников!

Орогору стоял в первых рядах, потрясал поднятым кулаком и кричал громче остальных, когда распахнулись тяжелые дубовые двери, и оттуда прямо на него, выставив перед собой алебарды, бросились гвардейцы. Орогору вскрикнул от изумления и гнева и отскочил назад, но мятежники тоже отступили. Орогору налетел на кого-то, но удержался на ногах, памятуя о том, что они предвидели подобное нападение и знали, как действовать.

— Берегись! В стороны! — крикнул он и увернулся, исполняя собственный приказ. Лезвие алебарды промелькнуло мимо него, а он ухватился за древко обеими руками и рванул его на себя. Гвардеец покачнулся, потерял равновесие, а другой мятежник сильно ударил его по рукам. Гвардеец взвыл от боли. Орогору резко крутанул древко алебарды и, завладев оружием, развернулся. В это время другой повстанец сорвал с гвардейца шлем, а третий ударил его ножом.

Но на Орогору уже была нацелена новая алебарда. Он закрылся, отразил удар и выбил алебарду из рук гвардейца, а его соратник ловко воткнул ее лезвие между булыжниками мостовой. Рукоятка древка угодила гвардейцу в живот. Тот со стоном повис на ней, а мятежник пустил в ход нож.

А потом к Орогору бросились сразу трое солдат. Он бешено размахивал алебардой, орудуя ею так, как орудовал бы куотерстафом. Не сказать, чтобы он был неуязвим: лезвия алебард гвардейцев разорвали его одежду, больно оцарапали бок и бедро, но он продолжал защищаться. Тем временем его товарищи делали свое дело: отбирали у солдат оружие и приканчивали их ножами. Наконец пал очередной из воинов Защитника, вломившихся в толпу, и Орогору, задыхаясь от изнеможения и боли, опустил алебарду.

— Берегись! — раздался чей-то крик. К Орогору метнулась новая алебарда. Орогору еле успел заслониться собственным оружием, сумел подбросить древко вражеской алебарды вверх, и ее лезвие задело его щеку. От испуга за собственную жизнь Орогору размахнулся сильнее, чем собирался, и древко его алебарды с треском опустилось на голову гвардейца. Орогору успел заметить, как из раны полилась кровь, и гвардеец рухнул как подкошенный. Орогору хотелось надеяться на то, что раненого не затопчут его же товарищи. А перед Орогору уже стоял новый враг. Гвардейцы не могли пробиться в глубь толпы, сражаться им приходилось только по краю, но гвардейцев было много, и каждый желал попытать счастья, как только падал товарищ, заслонявший ему дорогу к мятежникам.

Подходила очередная шеренга — мятежники расступались, а потом как бы засасывали гвардейцев внутрь толпы, голыми руками отбирали у них алебарды, после чего ловко работали ножами и дубинками. Получив ранения или просто устав драться, кто-то из повстанцев отступал, а его место тут же занимал другой, выходивший на бой со свежими силами. Между тем Орогору гадал: как долго им удастся продержаться, кто выдохнется раньше — мятежники или гвардейцы Защитника?

Позади него послышались крики. Он развернулся и ахнул от изумления. Солдаты дрались с солдатами! Орогору издал радостный клич и повел мятежников на подмогу восставшим гвардейцам.

— Смерть изменникам! — вскричал один солдат, и на него навалились мятежники.

— Да здравствует Защитник! — воскликнул другой, и тут же упал, получив подножку.

Орогору решил набраться терпения и был вознагражден: в следующее мгновение послышалось восклицание:

— Долой Защитника!

Это кричал один из гвардейцев, а тот, с кем он дрался, вскричал:

— Долой мятежников!

— Как же нам отличить их друг от друга, Орогору? — ошеломленно вопросил один из повстанцев.

— Отключите обоих на всякий случай, — распорядился Орогору. — Извинимся потом.

Так и сделали.

Защитник широко открытыми глазами, не мигая, наблюдал за тем, что творилось на площади. Наконец, не выдержав, он обернулся к Гару и рявкнул:

— Измена! Ты и мое войско повернул против меня!

— Только половину, — уточнил Гар. — Но, как вы имели возможность убедиться, доморощенных магистратов я обучил боевым искусствам. По моим скромным подсчетам, через пятнадцать минут ваши доблестные воины будут связаны по рукам и ногам.

В этот миг Защитник снова ощутил самый настоящий страх. Постаравшись скрыть это чувство, он вопросил:

— И как же вы собираетесь править страной, если уничтожите мою власть?

— Да точно так же, как мы это делали в последние пять лет, — ответил Майлз. — Я же сказал вам, что мы все заняли посты настоящих магистратов.

— И... сколько же вас? — прошептал Защитник.

— Здесь — три тысячи, и еще пять — на подходе к столице. А если прибавить присоединившихся к нам стражников и гвардейцев, всего получится семь тысяч.

— Пять тысяч магистратов и шерифов! Это же половина чиновников в моем государстве!

— Так и есть, Защитник. Этого количества нам хватит для того, чтобы управлять страной.

— Но что вы сделали с настоящими?

— Они гостят у нас, в Затерянном Городе Фиништаун, — отвечал Майлз. — Мы обращались с ними милосердно, но они проявляют большое беспокойство.

— И вы думаете, что они будут служить вам столь же охотно, как служили мне? — прошептал Защитник. На его лицо легла тень, но не тень сомнений, а тень осознания правды: он знал, что такое людские амбиции, и понимал, что пленные магистраты поступят именно так. Он снова повернулся к окну и увидел, что мятежники близки к победе.

— Такое сейчас творится по всей стране, — сообщил ему Гар. — Солдат, хранящих верность вам, вдвое превосходят числом те, кого мы убедили в справедливости и преимуществах Нового Порядка.

— Не думаю, что это так, — злорадно усмехнулся Защитник. — В провинциях народ верен мне, там победа за моими сторонниками! Мне сообщили о донесениях гонцов, полученных за последний час!

— Вам сообщили только то, что вам хотелось услышать, — разочаровал Защитника Гар. — Просто ваши министры боялись сказать вам правду из страха, что останутся без повышения по службе, вот и все!

— Ты лжешь! — вскричал Защитник и крикнул министрам: — Взять их!

Министры сбросили мантии и в мгновение ока из седовласых почтенных государственных мужей превратились в закаленных бойцов. Обнажив мечи, они кинулись к Гару, Дирку и Майлзу.

Гар опустился на колени, закрыл руками голову, и на него с победными воплями набросились сразу четверо врагов. Дирк крутанулся на месте, встал спиной к спине с Майлзом. Просвистела в воздухе его рапира, а Майлз выхватил из складок мантии меч и дубинку. Их окружили восьмеро министров, но старший из них скомандовал:

— Бросьте оружие, поднимите руки вверх, и тогда мы сохраним вам жизнь!

— Ну, ясное дело, — ради того, чтобы потом пытками выжать из нас то, что вам и так уже известно, — съязвил Дирк. — Не выйдет, голубчики! — И он бросился вперед, размахивая рапирой. Честно говоря, такая тактика сейчас особого успеха не имела, поскольку министры-воины сжимали кольцо.

Сжимали, сжимали и вдруг остановились, напуганные жуткими воплями своих товарищей. Министры в ужасе обернулись и увидели зрелище, потрясшее их до глубины души. Гар, резко поднявшись во весь рост, расшвырял набросившихся на него министров в стороны. Двое впечатались в стену, двое шмякнулись на пол. А Гар уже успел выхватить рапиру. Не дав врагам опомниться, великан выбил у двоих из рук мечи, после чего развернулся к третьему, пытавшемуся встать на ноги. Четвертый лежал на полу без чувств.

Воспользовавшись замешательством министров, окруживших их, Дирк и Майлз не преминули пустить в ход оружие. Дубинка Майлза проломила голову одному из них, меч пронзил грудь другого. Он застонал, зажал руками смертельную рану, выронил меч. Но на Майлза уже наступали еще двое. Майлз отступил и снова оказался спиной к спине с Дирком, на которого также наступали двое врагов, а еще двое уже истекали кровью на полу.

Гар подбросил вверх лезвие меча первого из тех, кто бросился к нему, после чего врезал ему кулаком под ложечку, от чего тот отлетел под ноги к своему товарищу. Оба с грохотом рухнули на пол. Гар подскочил к ним, пинком отбросил в сторону их мечи. Великан развернулся и бросился на помощь Дирку.

А Дирк и сам неплохо управлялся. Ему удалось обхватить одного из нападавших левой рукой за шею и превратить его в живой щит, а правой рукой он яростно отбивал атаки врагов. Вот отступил еще один министр, зажав раненую руку. Меч вывалился из его онемевших пальцев. Гар подставил двоим врагам подножки, после чего швырнул их поверх поверженных товарищей, которые как раз начали подниматься. В результате все четверо кучей повалились на пол.

А у Майлза дела шли гораздо хуже. Три полученные им раны кровоточили, враги сбили его с ног. Закрывшись мечом, он отчаянно пытался оттолкнуть от себя два нацеленных в его грудь клинка. Гар и этим врагам подставил подножки, и их отправил в вырастающую на глазах кучу «отходов производства». Еще двое, пошатываясь, поднялись на ноги, но мечи в руках пока держали крепко. Дирк вскрикнул, и враги развернулись к нему. Несколько минут Дирк отчаянно фехтовал, и этого Майлзу хватило, чтобы встать и криком обернуть одного из врагов, осаждавших Дирка, против себя. Министр замахнулся для удара, но Майлз парировал его. Враг замахнулся вновь, а Майлз пригнулся, поднырнул под лезвие вражеского меча и ранил противника в плечо. Тот взвыл от боли и выронил меч. Майлз заехал ему по макушке дубинкой. Министр повалился на пол. Через пару мгновений пал и противник Дирка.

— Помогите мне тут маленько, — позвал Гар товарищей. Стоя возле лежавших на полу врагов, он занимался тем, что подхватывал их, как только кто-то из них пытался подняться, и швырял его обратно. Майлз и Дирк подбежали к другу, и как только с пола поднялись двое врагов, они чуть было не напоролись на острия мечей, наставленных на них. Министры остолбенели от ужаса, а Гар ухватил их за волосы и хорошенько стукнул головами друг о дружку. Оба, лишившись чувств, опустились на пол. Без чувств лежали и еще двое. Этим сильно не повезло: падая, они ударились затылками об пол. Те враги, что еще держались на ногах, здорово растерялись.

— Сдавайтесь, — спокойно посоветовал им Гар. — К слову сказать, зря вы это все затеяли.

Медленно, затравленно министры бросили оружие и подняли руки вверх.

— Всем лечь на живот. Руки за спину, — распорядился Дирк. — Майлз, свяжи их.

Майлз сорвал с пленных ремни и принялся связывать им руки и ноги. Дирк стал помогать ему, но вдруг поднял голову и озабоченно спросил:

— А где Защитник-то?

Гар обвел взглядом опустевший зал.

— Дирк, ты тут заканчивай, — бросил он через плечо. — Майлз, пошли со мной.

Майлз, охваченный тревогой, поспешил за Гаром. Он смутно понимал, что ранен, но понимал и другое: это не должно остановить его.

Они торопливо шагали по коридорам, разгоняя и расшвыривая на своем пути лакеев и дворецких, визжавших от изумления и страха. Друзья бегом спустились по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Выбежали из распахнутых настежь дверей и... угодили в сущую сумятицу: на площади гвардейцы дрались с гвардейцами.

— Пробиваемся! — крикнул Гар. — В бой не вступаем!

И они принялись, уворачиваясь и пригибаясь, пробивать себе дорогу среди дерущихся, с трудом ухитряясь уклоняться от остро заточенных мечей. Наконец друзья оказались в толпе единомышленников, со всех сторон окруженные...

Людьми в мантиях.

Майлз и Гар в ужасе вертели головами.

— Как же мы найдем его? — вскричал Майлз. — Все до одного — в парадных мантиях!

— Его мантия побогаче, чем у остальных! — прокричал в ответ Гар. — К тому же она у него лиловая, а не красная и не синяя!

— Да как же тут отыщешь лиловую посреди целого моря красных и синих? — в отчаянии крикнул Майлз.

— Другие мятежники узнают его — ведь он им незнаком!

— Узнают? Как же они его узнают? Тут магистраты и шерифы из стольких городов, они и друг дружку не знают!

Чистая правда. Майлз в своей подпольной деятельности перестарался. Если только кому-то из мятежников не пришло бы в голову в пылу сражения задуматься о том, что означает лиловый цвет мантии, Защитник мог надежно затеряться в толпе. Разве сейчас, когда все были поглощены единственной мыслью: выстоять в бою с врагами, кто-то задумался бы всерьез о цвете мантии соседа?

— Посторонись! Посторонись! — кричал Гар, пробиваясь через толпу, стреляя глазами во все стороны. Краски метались перед ним, он видел только красные и синие пятна. В отчаянии великан замахал руками над головой, обращаясь к тем, кто находился в самой гуще толпы: — Защитник! Защитник! Ищите человека в лиловой мантии!

Гвардейцы обернулись и в страхе замерли, потрясенные видом великана, возвышавшегося над толпой. Совладав с собой, они продолжили бой, а Гар продолжал выкрикивать:

— Защитник! Ищите Защитника! Лиловая мантия!

Мятежники, никогда прежде не видевшие Гара, узнавали его по рассказам — человека, который был прародителем их восстания. Они расступались, давали ему дорогу. Но он нигде не видел лиловой мантии.

А потом... послышался одинокий крик, который тут же подхватил десяток голосов, а потом — десятков пять. Гар резко развернулся и пошел в ту сторону, откуда доносились крики. Мятежники, расступившись, открыли перед ним путь к цели. Защитник пытался вырваться из рук седого сержанта.

Гар подхватил его на руки и поднял над толпой, вскричав:

— Вот он, ваш Защитник! Бросайте оружие, или он умрет!

По всей площади солдаты, потрясенные этим заявлением, оборачивались и видели своего повелителя, беспомощно бив-

шего по воздуху руками и ногами. Воспользовавшись всеобщим замешательством, мятежники сбивали с ног зазевавшихся гвардейцев, но, опомнившись и сообразив, что надо бы дать солдатам возможность сдаться, повстанцы отступили. Гвардейцы увидели Защитника в руках Гара и застонали от отчаяния. Со звоном начали падать на мостовую пики и алебарды, раздались выкрики:

— Сдаюсь!

— Сдаемся!

Гар опустил Защитника на мостовую.

— На несколько дней вы станете нашим почетным гостем, Защитник, — сообщил он.

— Да, пока вы наберетесь храбрости повесить меня! — сквозь стиснутые зубы произнес Защитник и обернулся к тому гвардейцу, что схватил его. — А ты, сержант Эйлсворт! Ты ведь был моим личным телохранителем целых четырнадцать лет! Почему же ты теперь ополчился против меня?

Сержант смотрел на Защитника в упор. Лицо его словно окаменело.

— Помните ли вы, как я любил мою жену, Защитник? Помните ли, что она умерла?

Защитник побледнел.

— Да. Я помню.

— А помните ли вы, что через три месяца после ее смерти вы заставили меня снова жениться?

— Это было сделано ради твоего блага! И ради блага государства!

Эйлсворт покачал головой:

— Мы принесли друг другу только горе, Защитник, а свое горе и отчаяние моя новая жена обратила против моих детей. Или вы этого не знали? Не знали, и дела вам до этого не было.

— Так ты из-за этого? Только из-за этого вы погубили государство?

— Нет, Защитник, — ответил сержант. — Не погубили. Мы его вылечили.

Два дня спустя на этой же самой площади произошла церемония. Двух дней вполне хватило для того, чтобы расчистить площадь после сражения. Ожидая у дверей выхода Защитника с «почетным караулом», Дирк обозрел мостовую, на которой лишь кое-где виднелись пятна запекшейся крови.

— Всего шестьдесят три погибших и сто двадцать семь тяжело раненных, помещенных в лазарет, — резюмировал он. — Самая бескровная революция в твоей практике, Гар.

— Да, но шестьдесят три человека все-таки погибли, — печально вздохнул Гар. — И если это — лучшее, на что я способен, то мне пора на пенсию.

Дирк пожал плечами.

— Прости, но шестьдесят три человека погибли из-за того, что ты затеял революцию, а если бы ты ее не затеял, погибла бы тысяча — из-за произвола тайной полиции и самоубийств на почве горя и отчаяния. Да нет, что там — тысяча, гораздо больше, учитывая, сколько лет еще могла бы здесь продержаться диктатура.

— Может быть, — хмуро проговорил Гар. — Может быть.

— По крайней мере те, кто погиб, погибли сразу. Только один мятежник был повешен после пыток. Ну, еще Майлзу довелось натерпеться, но ты его вылечил экспресс-методом.

— Да, — кивнул Гар и нахмурился. — Он так и не спросил у меня, как это вышло, что его ступни так быстро зажили, — ему было недосуг, он переживал за остальных подпольщиков. А это говорит либо о его преданности общему делу, либо о том, что он мне безоглядно верит.

— Что ж, люди, которые в тебя верят, становятся способными на безоглядные поступки... Нет, нет, я не то хотел сказать, прости! Ага, вот и он!

Друзья отвесили Защитнику легкие поклоны. Бывшего диктатора сопровождали стражники, шагавшие по обе стороны

от него, но ни один из них уже не был верен своему былому повелителю. Защитник ответил на поклоны Дирка и Гара и, насмешливо поджав губы, поинтересовался:

— Меня ведут, чтобы я подписал свой собственный смертный приговор?

— Нет, Защитник, — покачал головой Гар. — Вас ведут туда, где вы подпишете документы о передаче власти переходному правительству.

— Разве это не одно и то же?

— О нет. В данный момент у нас нет ни малейших намерений вас казнить.

Гар заявил об этом настолько небрежно и обыденно, что даже Дирк поежился.

— В данный момент, — сухо повторил Защитник. — А если я откажусь подписать эти бумаги?

— Тогда мы препроводим вас в вашу постоянную гостевую резиденцию.

— Куда вы так или иначе отправили бы меня.

— А, так вы все поняли! — просиял Гар. — Вы догадались, что мы не собираемся убивать вас.

— В таком случае вы глупцы, — откровенно признался Защитник. — Нет страшнее угрозы для правительства, чем смещенный правитель. Я могу сбежать, собрать людей, которые присягнут мне на верность, — а таких много, вы уж мне поверьте! — и тогда я возглавлю контрреволюцию.

— Это вы, пожалуй, смогли бы, — согласно кивнул Гар, — если бы вам удалось бежать. Но у нас есть все основания верить в наших надзирателей.

— В таком случае — вы вдвойне глупцы, ибо нет такой тюрьмы, построенной руками человека, из которой другой человек не смог бы найти выхода.

— В таком случае мы рады тому, что мы — глупцы, — усмехнулся Гар. — Поскольку если бы мы нарушили ваше право на жизнь, мы бы предали собственные идеалы и смер-

тельно ослабили бы устои нашего Нового Порядка еще до того, как он встал на ноги.

— В таком случае вы точно глупцы, — фыркнул Защитник. — И я был бы еще худшим глупцом, если бы не воспользовался вашей глупостью. Пойдемте! Покажите мне ваши документы, и я подпишу их! А потом везите меня в вашу тюрьму, да поскорее, чтобы я немедленно принялся строить планы побега.

— Как пожелаете, Защитник, — с поклоном ответствовал Гар.

Стражники повели Защитника вперед, Гар и Дирк пристроились сзади.

— А ведь он прав, знаешь ли, — негромко проговорил Дирк. — Подобное милосердие отдает глупостью.

— Наверное, — так же негромко отозвался Гар. — Но дело в том, что он пока не видел ни Хранителя, ни роботов, а также нашего главного надзирателя.

Оркестр играл торжественный марш. Защитник подошел к стоящему посреди площади столу, где его поджидал Майлз. Вдоль стен выстроились горожане, любопытные высунулись из каждого окна. Толпу на всякий случай сдерживали солдаты, однако волноваться было не о чем — народ вел себя на редкость сдержанно. За происходящим в этот день наблюдало не меньше двух тысяч человек. Никто не кричал, слышался только всеобщий приглушенный ропот. Люди переговаривались друг с другом о том невероятном событии, свидетелями которого им довелось стать.

Майлз поклонился подошедшему к столу Защитнику и подал ему перо. Громко, звенящим от волнения голосом он произнес:

— Защитник, вы ознакомились с этими документами лично, в своих покоях. Согласны ли вы подписать их?

— Похоже, выбирать мне не приходится, не так ли? — язвительно проговорил Защитник.

— Почему же? Выбирайте на здоровье! — возгласил Майлз. — Если вы не пожелаете подписать эти документы,

относиться к вам впредь будут точно с таким же уважением, как если бы вы их подписали!

— Или наоборот, — хмыкнул Защитник. — Ну а если я все же их не подпишу, как вы тогда поступите?

— Мы объявим, что ваше правление свергнуто по воле народа. Затем продолжим осуществление нашего замысла — объявим выборы. Каждый гражданин страны опустит так называемый «бюллетень» — листок бумаги с именем того, кого он выбирает, в щель в запертом ящике. Затем будет произведен подсчет голосов и будет определена воля народа.

Защитник выхватил перо из руки Майлза.

— Довольно! Я подпишу! Можешь разглагольствовать перед кем угодно, только не передо мной!

Он склонился к столу, поставил подпись с замысловатым росчерком, выпрямился и отдал перо Майлзу. Толпа восторженно взревела.

Радостный, дружный крик горожан эхом отлетал от мраморных фасадов зданий, окружавших площадь. Защитник, оглушенный, потрясенный этим зрелищем всеобщего ликования, вдруг на какой-то краткий миг утратил всегдашнюю самоуверенность. Но только на миг. Он тут же развернулся к Майлзу с насмешливой ухмылкой, дождался, пока стихнут радостные крики, и возгласил еще громче, чем Майлз:

— Ну! Ведите же меня в мою тюрьму!

Как же он был потрясен, когда в ответ на его слова толпа снова ликующе взревела!

Защитник остановился и в полном изумлении воззрился на сверкающие стены, возвышавшиеся над деревьями.

— Что это за город?

— Это Затерянный Город, — объяснил ему Орогору. — Его выстроили наши предки, когда впервые прибыли на эту планету.

— Но это же сказка, выдумки — то, что наши предки прилетели со звезд!

— Это чистая правда, и самый большой из тех кораблей, на которых они прилетели, лежит под этим городом, — но обо всем этом вы узнаете от Хранителя — если пожелаете, конечно.

— Только глупцы отказываются от знаний!

— В таком случае у вас для получения знаний есть все возможности, — заверил свергнутого диктатора Орогору. — Пойдемте, я представлю вас хозяину.

— Хочешь сказать — тюремщику, который будет держать меня в плену до конца моих дней?

— Это как пожелаете, так его и называйте. — Орогору зашагал вперед и указал на невысокого мужчину, ожидавшего у ворот: — Защитник, это надзиратель Бейд.

Бейд протянул Защитнику руку, но тот скривился.

— Ну, будет вам! Неужели вы ждете, что я пожму руку своему надзирателю?

— Как я посмотрю, у вас хватает мужества смотреть неминуемой правде в глаза, — усмехнулся Бейд и убрал протянутую руку.

— Разве не все на это способны?

— Вовсе нет, именно поэтому жестокость вашего правления заставила некоторых из нас искать спасения в самообмане. Мы пришли сюда, чтобы жить мнимой жизнью, убедив себя в том, что на самом деле мы принцы и лорды.

— Вот это уж точно сказка! И кто же спас вас от этих заблуждений?

— Великан, — ответил Бейд. — Но как ему это удалось — мы не знаем.

На миг в глазах Защитника вспыхнул и тут же погас огонек ненависти.

— Пожалуй, я обязан ему очень многим — намного большим, чем я думал.

— Да вы не переживайте так уж сильно. Он не станет требовать, чтобы вы отплатили ему. Не откажетесь ли под-

няться со мной на городскую стену, Защитник? Мне бы хотелось показать вам нечто такое, что вас может заинтересовать.

— Мою темницу?

— Нет, вашей темницей станет дворец. Единственное лишение будет состоять в том, что жить вы там будете в полном одиночестве.

— Тогда покажите мне его скорее, чтобы я сразу же начал думать о побеге!

— Позвольте мне для начала сопроводить вас к последним из тех, кто произнес слово «побег», — предложил Бейд и повел Защитника на вершину одной из башен.

Выйдя из нее, Защитник остолбенел, увидев перед собой сверкающий скелет. Он в ужасе уставился на страшилище и онемевшими губами произнес:

— Вы что же... их даже... не хороните?

— Их? Кого — «их»? — оглянулся Бейд. — А-а-а, но это не скелеты, Защитник, это всего-навсего роботы. Не волнуйтесь, минует несколько дней, и вы их перестанете замечать.

О ужас! Скелет двигался, но когда он повернулся к Защитнику лицом, оказалось, что никакого лица у него нет, — а только гладкий череп, похожий на яйцо, со сверкающими, словно рубины, глазами. Защитник от страха попятился, но, заметив, как беззаботно шагает вперед Бейд, пристроился к надзирателю, только изредка опасливо оглядывался назад, тем более что робот пошел следом за ними.

Они вышли на парапет, и Бейд сказал:

— Вот они.

Защитник посмотрел вниз и увидел сотни людей в красных мантиях, между которыми кое-где мелькали люди в синих. Попались ему на глаза и несколько мужчин в домотканой одежде, в которых он признал инспекторов. Сердце у Защитника заныло от тоски: он понял, что перед ним — похищенные магистраты и шерифы.

ГЛАВА 24

Перед толпой магистратов стоял Бейд в черной мантии, отороченной серебряным кантом. Он торжественно поднял правую руку, и стоявшие перед ним чиновники повторили его жест.

— Клянетесь ли вы в верности Совету Шерифов? — вопросил Бейд.

— Клянусь! — ответили магистраты — все как один.

— Клянетесь ли вы исполнять декларации Совета и проводить в жизнь издаваемые им законы?

— Клянусь!

— Клянетесь ли вы защищать и исполнять Хартию Прав Человека?

— Клянусь!

— Поздравляю вас, собратья, служащие Нового Порядка, — сказал Бейд. — Теперь вы вольны покинуть этот город и приступить к исполнению своих обязанностей под руководством верховного шерифа. Майлз, новый главный магистрат, вскоре пришлет к вам ваших истинных жен — тех, с кем вас связывали настоящие, а не навязанные свыше узы брака. Те из вас, кто пока не нашел для себя спутницы жизни, не обязаны вступать в брак, но имеют полное право остаться на постах магистратов. Те из ваших бывших жен, которые не вернутся к вам, будут, как было обещано, получать вспоможение от государства.

Магистраты радостно вскричали и потянулись к воротам, в которые незадолго до этого вошел Защитник. Он провожал их взглядом, и лицо его стало пепельно-серым.

— Все эти люди находились здесь в заключении не меньше года, — сообщил Защитнику Бейд. — А некоторые прожили в Фиништауне по пять лет. Они имели возможность беспрепятственно передвигаться по всему городу, так что не могли пожаловаться на то, что их держат взаперти. Тем не менее время от времени они предпринимали попытки к бегству, даже после того

как я объявил им, что всякий из них, кто сумеет своими познаниями превзойти Хранителя, обретет свободу. Это, естественно, не удалось никому из них, но они все-таки пытались удрать, а тут как раз подоспело известие от Майлза о том, что им даруется свобода, и они вольны вернуться на свои посты, если того желают. Так что вам придется проявить поистине чудовищную изобретательность, Защитник, дабы разработать такой план побега, до которого не додумался ни один из них.

Защитник догадывался, что надзиратель прав, и на сердце у него стало тоскливо.

— А теперь пойдемте, — поманил его Бейд. — Позвольте, я представлю вас Хранителю.

Так Защитник познакомился с бестелесным разумом — странным созданием, которое учтиво беседовало с ним и отвечало на любой поставленный вопрос. Когда Защитник покинул главный зал дворца, на сердце у него стало еще тоскливее.

В это время за городской стеной Орогору бросился навстречу Гильде, которую сопровождал Гар. Великан тактично отошел в сторонку, когда супруги обнялись.

— Ну, вот и все, — горько, устало вздохнул бывший безумец.

— Не надо так переживать, муж мой, — проговорила Гильда, положив голову ему на плечо. — Ты же понимаешь, что для него это лучше, чем смерть, и что иного выбора у нас не было.

— Или ты полагаешь, что жить в Городе — это так уж неприятно? — спросил Гар.

Орогору посмотрел на великана, задумавшись о смысле вопроса.

— Да нет, жизнь тут была замечательная, — медленно проговорил он. — Но тогда мы были не в своем уме!

— И я пообещал вам, что могу вернуть вас в это состояние, — без тени насмешки сказал Гар, — как только вы испол-

ните поставленную перед вами задачу. Дело сделано, Орогору и Гильда. Желаете получить обещанное вознаграждение?

Супруги ошеломленно переглянулись.

— Ты предлагаешь нам... вернуться в мир иллюзий? — спросил Орогору. — Снова утратить рассудок? Чтобы я опять стал принцем Приммером, а Гильда — графиней д'Алекси?

— Я сделаю это, если вам этого хочется.

На миг в глазах Гильды загорелся жадный огонек, — но она посмотрела на Орогору в новой синей мании, с цепью власти на груди и медленно проговорила:

— Что же выбрать? Стать мнимой графиней или остаться женой шерифа и министра наяву? Пожалуй, пребывание в здравом рассудке для меня стало милее безумия, Гар. — Она сжала руки Орогору. — Но только до тех пор, покуда ты со мной. Если ты предпочтешь вернуться в безумие, Орогору, я отправлюсь туда вместе с тобой.

— Но пока у меня есть ты, — тихо сказал Орогору, — мне не нужны никакие иллюзии, потому что ты превратила горечь моей жизни в сладость. — Он долго смотрел в глаза жены, лучисто улыбаясь, а потом рассмеялся, запрокинув голову. — И потом... быть одним из самых высокопоставленных особ в настоящем государстве почти так же замечательно, как быть мнимым принцем Приммером! Работы, конечно, будет побольше, но ведь она принесет гораздо больше радости! Останешься ли ты со мной в настоящей жизни, любовь моя?

— Останусь, — ответила Гильда. — До самой смерти.

С этими словами она крепко обняла мужа.

Гар залюбовался влюбленной парочкой и почувствовал, что искренне завидует им. Утешил он себя тем, что задумался: уж не отыскали ли эти двое для себя просто-напросто более приятную иллюзию, нежели безумие.

С точно таким же предложением Гар обратился к бывшим безумцам, когда вернулся в Мильтон. Все они наотрез отказа-

лись от такой перспективы. Пусть им предстояла не такая блестящая карьера, как Орогору, все равно настоящая жизнь представлялась им более привлекательной, чем возврат в иллюзорный мир.

— Я почти не сомневался, что они сделают именно такой выбор, — признался Гар Дирку. — И все-таки доля сомнений была.

— Похоже, их искренне радует то, что они стали участниками новой властной структуры, — отметил Дирк. — Кроме того, они, похоже, не намерены мстить тем, кто отравил им детство.

— А такая возможность всегда есть, когда к власти приходят подпольщики, — кивнул Гар. — Думаю, нам имеет смысл задержаться здесь еще на месяц-другой и посмотреть, как пойдут дела у нашего протеже Майлза.

К концу месяца они сидели на балконе бывшего замка Защитника. Застекленные двери балкона и дверь из гостиной в коридор были надежно заперты. Только самый изощренный шпион мог бы сейчас подслушать их разговор.

— Неплохое начало, — отметил Гар, — и намерения недурные, но наш друг Майлз слишком многое взваливает на свои плечи.

— Но в системе приема испытаний он навел образцовый порядок, — сказал Дирк, пригубив вино. — Правда, мер по поддержанию этого порядка пока не придумал.

— Не сомневаюсь, придумает со временем, — благодушно улыбнулся Гар. — Если ничего получше не изобретет, оставит в действии институт инспекторов, только инспекторов будет подбирать верных делу. И потом, не забывай, любые меры, направленные против коррупции, всегда носят временный характер.

— Это я понимаю, — не без горечи отозвался Дирк. — Люди изобретательны и всегда разыщут дырочку в любом заборе. А ты думаешь, панацеи от этой пакости не существует?

— Панацея состоит в том, чтобы общество постоянно было начеку и отвечало на проявления коррупции неизменным возмущением, — вздохнул Гар. — Дело это не слишком приятное, но все-таки немного помогает. Помогает и периодическая, назовем это так, генеральная уборка. А Майлз хотя бы в этом преуспел. Еще лет сто система сохранит честность и неподкупность, а потом останется относительно чистенькой еще на такой же срок.

Однако первое же заседание Совета Шерифов заставило друзей усомниться в справедливости сделанных ими выводов. После церемонии открытия Совета Майлз занялся тем, что принялся представлять билль за биллем, прося Совет одобрить уже запущенные им реформы и предлагая новые. На следующий день три различные группировки шерифов поддержали некоторые из нововведений Майлза, но не все, причем каждой группировке больше пришлись по душе разные нововведения. Затем каждая группировка представила Совету собственные предложения по грядущим реформам. А на третий день группировки оформились в политические движения и присвоили себе названия.

Вечерело. Дирк поднял бокал и взглянул сквозь розовое вино на закатное небо.

— Как ни нравится мне деятельность, которую столь бурно развивает наш друг Майлз, — заметил он, — активность шерифов мне еще больше по сердцу.

— Трехпартийная система, — живо отозвался Гар и яростно кивнул. — Да, это то, что доктор прописал. Обе партии, находящиеся в оппозиции, всегда будут критиковать партию власти и зорко, словно ястребы, следить за любыми промахами с ее стороны.

— Да, при такой системе политическая жизнь в стране потечет более оживленно, — согласился Дирк. — Но действительно ли мы добились зримых улучшений? Что изменилось? Помимо того, что теперь всякий имеет право гулять холостым, если ему так больше нравится, и выбирать супругу по своему усмотрению?

— Думаю, кое-что все же изменилось, — задумчиво возразил Гар. — Совет Шерифов собирается декларировать Хартию Прав Человека. Пыточные камеры уничтожены, судебная система больше не может использоваться в качестве инструмента насилия над личностью. Ты слышал — Майлз предложил даже, чтобы каждый приговор отправлялся на изучение к Хранителю?

— Слышал? Так ведь это я ему подкинул эту идею! И кроме того, обсуждается вопрос об ответственности президента перед выборщиками, которых будет избирать народ — и изберет, как только пройдут первые выборы.

Гар кивнул:

— Словом, как бы то ни было, мы имеем право заключить, что добились улучшения существующей системы управления страной, если не введения в корне новой системы. Можно с уверенностью заявить, что при нынешнем положении народ на этой планете станет счастливее.

— Так почему же ты так печален, позволь поинтересоваться?

— Да потому, что в этой системе нет ничего нового, — вздохнул Гар. — И потому, что это я попросил Хранителя посвятить здешних граждан в азы истории человечества, а не только в анналы этой планеты. Я надеялся, что они изобретут собственную систему правления, принципиально новую.

Дирк пожал плечами.

— Ясно. А они вместо этого взяли и выбрали всевозможные кусочки и обрывки, которые пришлись им по душе, и, собрав их воедино, сотворили нечто новое для себя, но покуда им это нравится, кому какое дело?

— Мне, — простонал Гар.

Несколько минут Дирк изучающе смотрел на приятеля, сдвинув брови, а потом сказал:

— Нет ничего дурного в том, что ты идешь по стопам отца, Гар, — особенно если учесть, что занимаешься ты этим только время от времени.

* * *

Выборы состоялись вовремя. Все избирательные бюллетени и отчеты были отправлены Хранителю для сверки и утверждения. Компьютер объявил выборы легитимными, и вся страна дружно вскричала «ура!». Правда, к всеобщему ликованию примешалось недовольство десятка-другого шерифов, которых не переизбрали на новый срок, зато как радовались те, кто занял их посты! Выигравшие и проигравшие поменялись местами. Победившие в выборах отправились в столицу, а проигравшие заняли посты в провинциях и немедленно развили бурную подготовку к следующей избирательной кампании. А Майлз наконец вздохнул с облегчением и посвятил ночь тому, что отпраздновал радостное событие с Килетой — ведь он остался на посту председательствующего в Совете.

А через несколько недель состоялась первая инаугурация. Зрелище было волнующее и торжественное, хотя и отдавало определенной импровизацией. Гар и Дирк наблюдали за происходящим, довольно улыбаясь.

А потом осталось только подождать, когда новоизбранный Совет Шерифов утвердит Хартию Правления. С этой процедурой управились быстро, поскольку детали исподволь отрабатывали целых пять лет. Документ включал все поправки и ограничения, присоветованные Майлзу Гаром. Гара также несказанно порадовал тот факт, что шерифы совершенно независимо, но не без давления со стороны дам, излеченных им от мании величия, создали Совет Женщин, призванный ратифицировать все документы, утвержденные Советом Шерифов. Кроме того, Совет Женщин мог и сам отправлять билли на утверждение оных шерифами. Словом, Гар был просто в восторге от этой затеи, пока не осознал, что с появлением Совета Женщин в стране утвердился двухпалатный парламент.

Наконец, когда была принята Хартия и новое правительство окончательно закрепило свои права на пребывание у власти, Майлз покинул торжество победителей. Выйдя вместе с

Килетой на площадь, озаренную звездами, он взял ее за руки и сказал:

— Сражениям и распрям конец, Килета. Новое правительство заняло свое место, а мы все еще живы, целы и невредимы.

— Да, дорогой мой, это так, — прошептала Килета.

Не отрывая глаз от любимой, Майлз опустился на колени и спросил:

— Ты станешь моей женой?

— Да, любовь моя, — ответила она. Губы ее дрогнули, она склонилась к возлюбленному и подарила ему долгий-долгий поцелуй.

День выдался чудесный. Яркое солнце прогнало утреннюю осеннюю прохладу, озарило разноцветную листву деревьев. Хор распевал победную песнь, подозрительно смахивающую на гимн. Жених и невеста взошли на возвышение и предстали перед главой Совета Шерифов, чтобы произнести клятву супружеской верности. А потом, когда толпа, заполнившая городскую площадь, радостно взревела, Майлз повел свою новобрачную к широким дверям замка, поднял на руки и перенес через порог.

Двери закрылись за ними, но Майлз не опустил возлюбленную — ему было не до того: он целовал ее. Наконец она оторвалась от его губ и нежно прошептала:

— Ты весь дрожишь, любимый.

— Это дрожь желания, — возразил Майлз.

— И все-таки, пожалуйста, опусти меня, — попросила Килета. — Нам ведь надо попрощаться с нашими гостями.

С превеликой неохотой (хотя руки у него и в самом деле устали) Майлз опустил жену на пол и обернулся к самым дорогим гостям. Он пожал руку Гара, потом — Дирка и сказал:

— Я так благодарен вам, друзья мои. Мы с Килетой ни за что бы не поженились, не повстречайся вы на нашем пути.

— Ясное дело. Только ты забыл приплюсовать к этой счастливой случайности такие милые пустяковины, как свержение диктатуры и завоевание свободы, — с усмешкой заметил Дирк, — не говоря уже о том, что в процессе свержения и завоевания оных вы остались живы. Но что значат такие мелочи в сравнении с тем, что вы обрели друг друга, верно?

— Верно! — воскликнули новобрачные в унисон.

— Мы были только рады оказать вам посильную помощь, — сказал Гар. — И конечно, еще больше нас радует то, что все закончилось как нельзя лучше. Желаю вам жить долго и счастливо.

— И пусть все ваши печали будут маленькими, а радости большими, — присоединился к пожеланиям друга Дирк.

Майлз на миг погрустнел.

— Увидимся ли мы еще?

— Может быть, и нет, — покачал головой Дирк.

— Только если завтра вы проснетесь ни свет ни заря, — поправил его Гар. — Да это не так уж важно. Теперь вы тут и без нас управитесь. Мы вам больше не нужны.

— Но мы всегда будем рады встрече с вами, — сказала Килета и протянула друзьям руку на прощание.

— Как знать? Быть может, судьба и сведет нас вместе вновь, — пожал плечами Гар. На миг его глаза затуманились тоской, но только на миг.

В предрассветных сумерках друзья взобрались на вершину холма в окрестностях Мильтона и остановились, глядя в вышину. Дирк задумчиво проговорил:

— Наверное, они и в самом деле поднялись рано, а теперь смотрят в окно, чтобы проводить нас взглядом.

— Скорее всего они вовсе не спали, — возразил Гар. — Но если тебя это не слишком заденет, то я бы предположил, что сейчас у них есть дела поважнее, чем проводы двоих отбывающих друзей.

— Хочешь сказать, что они слишком заняты друг дружкой? Не стану спорить. — Дирк искоса глянул на друга-великана, заметил, как печален его взгляд, и, почувствовав, как и к нему самому подкрадывается печаль, решительно прогнал ее. Чтобы отвлечь Гара от тоскливых раздумий, Дирк сказал:

— А знаешь, для человека, преданного самоопределению, ты оставляешь после себя просто кошмарное количество новорожденных демократических режимов.

Гар безмятежно улыбнулся.

— Боюсь, что так, Дюлейн. Когда-нибудь я разберусь в том, почему это происходит.

— Только не сейчас, ладно? — И Дирк ткнул пальцем в небо. — Вот и наша... колесница!

Гар запрокинул голову и радостно улыбнулся. Над холмом, плавно снижаясь, парил золотистый диск.

Содержание

Волшебник на войне 5
Волшебник в мире 235

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Сташеф Кристофер

Волшебник на войне
Волшебник в мире

Цикл «Волшебник-бродяга»

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Сын легендарного «чародея поневоле» Магнус — это, что называется, оригинальное слово в искусстве Высокой магии!

Есть, знаете, масса чародеев, бродящих из мира в мир во исполнение своей высокой миссии… а вот как насчет волшебника, что бродяжничает В ПОИСКАХ этой самой миссии — а найти ее ну никак не может?..

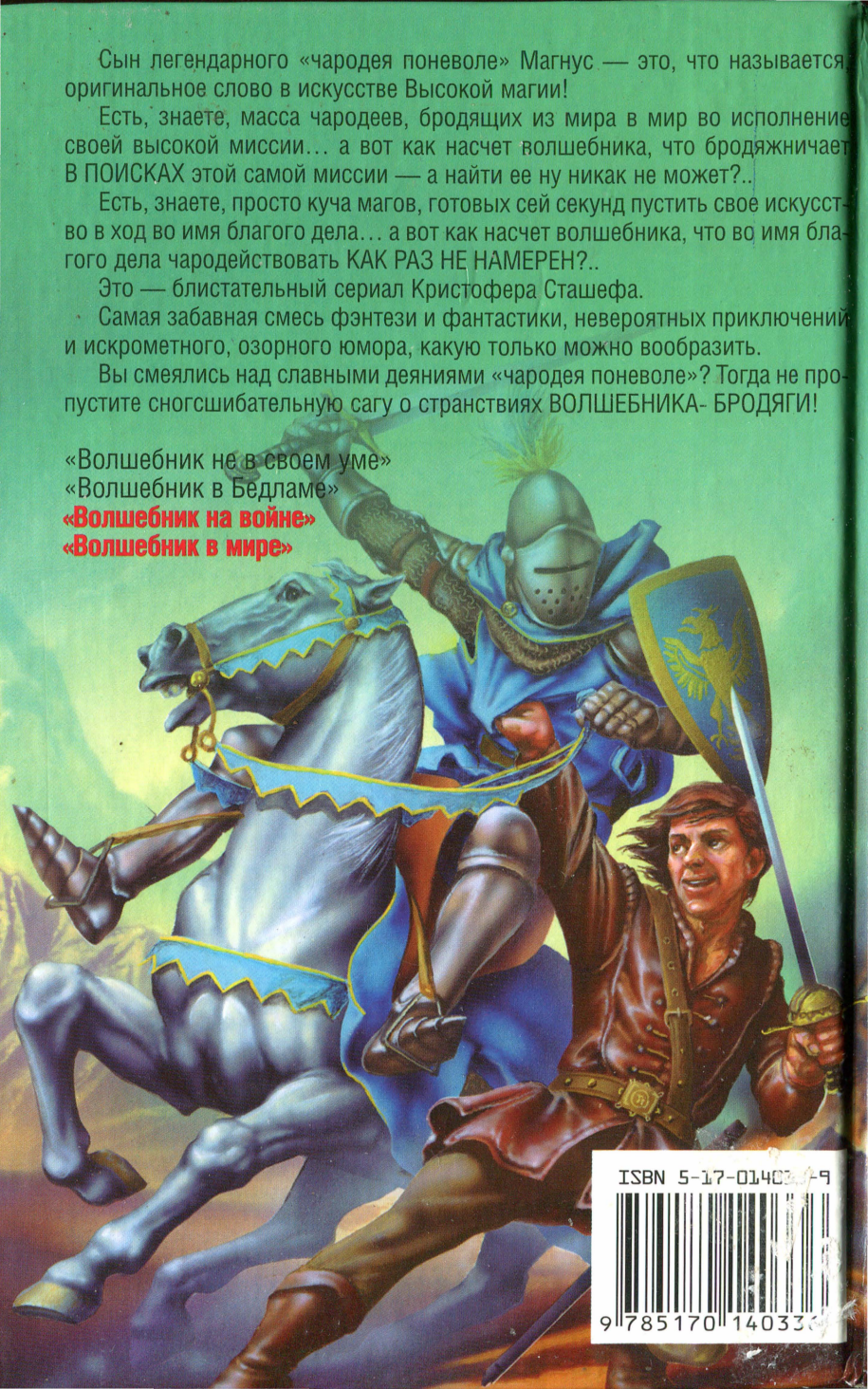
Есть, знаете, просто куча магов, готовых сей секунд пустить свое искусство в ход во имя благого дела… а вот как насчет волшебника, что во имя благого дела чародействовать КАК РАЗ НЕ НАМЕРЕН?..

Это — блистательный сериал Кристофера Сташефа.

Самая забавная смесь фэнтези и фантастики, невероятных приключений и искрометного, озорного юмора, какую только можно вообразить.

Вы смеялись над славными деяниями «чародея поневоле»? Тогда не пропустите сногсшибательную сагу о странствиях ВОЛШЕБНИКА- БРОДЯГИ!

«Волшебник не в своем уме»
«Волшебник в Бедламе»
«Волшебник на войне»
«Волшебник в мире»

ISBN 5-17-01403[illegible]-9
9 785170 140336